Казаки за Камнем

Историко-информационный краеведческий журнал

№ 3 (50) 2025 года

КАЗАКИ ЗА КАМНЕМ
№ 3 (50) сентябрь 2025 года

Историко-информационный краеведческий журнал

Издание группы казаков Урала, Зауралья, Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока

Редакторы:
Александр Толкачёв,
Владимир Крюков,
Почётный атаман Амурского Казачьего войска

Редколлегия:
Сергей Косяченко
и казаки России
Электронный адрес
KazzaK1949@mail.ru

В номере

1.Слово редактора…….....3
Современные писатели и поэты ……4
2. Константин Флоров-Крымский..……5
3. Дмитрий Писарев……14
4. ПЕШЕХОД……..14
5. Позывной ЛЕДАЩЕВ……....33
6. Алекандр Мурашов……46
7. Надежда Бокова……..47
8. Владимир Шкаликов……..59
9. Валерий Сердюк……75
10. Светлана Борзунова……81
11. Николай Курочкин……83
12. Александр Рубан……101
13. Елена Кривошеева (Жеревчук)……..134
14. Вера Попова……167
15. Сергей Лушников……205
16. Елена Клименко……..214
17. Александр Таразанов……..220
18. Ирина Киселёва (Сердюк)……227
19. Александр Толкачёв……...233
20. Алекандр Марфунин……...259
21. Николай Конинин……...262
22. Татьяна Прокопьева……263
22. Ольга Комарова……...267
23. Владимир Шулдяков……..273
24. Отчёт кадетов о летнем лагере……..280
25. Мужи в забвении, а мужики в забытьи…….287
26.Каким видится атаман в Союзе Казаков……291
27. Александр Колобанов, Диплом Лауреата….293
28. Надо перестать врать……..294
27. Юмор……298

Журнал выходит на средства членов редколлегии

Мнения авторов не всегда совпадают с мнением редакции

На первой странице: Фото из Интернета.
На последней странице - плакаты из Интернета.

Слово редактора

Работая над подборкой стихотворений и прозой наших современников, живых и уже ушедших от нас друзей и знакомых, просто авторов, случайно появившихся на почте журнала из Интернета, заметил, что наиболее обжигающие сердце стихи и проза написаны людьми, скрывшимися за якобы псевдонимами, напоминающими красивые клички-обзывалки, но никак не созвучные литературным псевдонимам писателей прошлого.

Отчего это и почему? Ведь раньше, в эпохи отсутствия массовых коммуникаций, где не было телефонов и Интернета, стихи А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова и прочих поэтов, живших и до них, знала вся «лапотная» Россия. Да что Россия? Лучших наших поэтов знал весь просвещённый мир под их настоящими именами. Нашу поэзию любили.

А на пике сталинской цензуры в советской России (СССР) запрещённые стихи, написанные на листках школьных тетрадей или просто на клочках чистой бумаги, гуляли по стране, переходя из рук в руки. Правда, для многих это кончалось лагерями и даже «вышкой», но… фамилии их авторов и тогда были известны многим, не только чекистам. Сейчас же не то и не так, времена стали иными, однако...

Попробуйте найти настоящее имя автора в Интернете с вышеназванными псевдонимами, вряд ли найдёте.

Что же происходит? Почему творцы не хотят или боятся объявляться всему миру вместе со своими произведениями? Назвать их трусами не могу, многие из них являются участниками военных конфликтов, имеющими самые высокие награды Родины. Но это не спасает их от безвестности. Их почти не знают в стране. Только в региональных литературных объединениях их читают, обсуждают, иногда даже издают мизерными тиражами… За счёт самого автора. Зато хорошо живут и процветают чиновники от литературы, имеющие выходы к издательствам, литературным грантам и премиям.

Недавно в своём телевизионном интервью один из них, только что получивший какую-то Госпремию, сообщил, что в России таких, как он, **всего около двадцати человек**, имеющих возможность прожить на свой литературный заработок безбедно.

Такое же происходило и при поздней советской власти, когда кучка распиаренных партийных писак, не без помощи «литературных рабов», имела десятки книг и миллионные тиражи, а сотни талантливых писателей и поэтов работали «в стол», который по истечении срока давности (актуальности), уже никогда не откроют литературные археологи. Русская культура потеряла целый пласт «кухонной» литературы, написанной талантливыми одиночками для будущего и оказавшейся в нём невостребованной.

Подобное происходит и в театре. Современная драматургия опасна для режиссёров своей непредсказуемой реакцией верхов на постановку, и они десятки раз в разных театрах ставят одни и те же проверенные временем пьесы (например, А. Н. Островского и В. Шекспира) при этом каждый раз с оглядкой на личные взгляды региональных руководителей. И не единожды уродливо переделывают классиков на свой лад, «получая» за Островского или Шекспира приличные гонорары как «соавторы». Современных авторов не ставят.

Не поэтому ли слышатся жалобы от драматургов на безденежье? Один из них пишет: «У меня в трёх театрах идут пьесы, а я иногда на пачку сигарет сшибаю у друзей».

Поневоле вспомнишь «царский прижим», когда средней руки автор (писатель, драматург, журналист) мог позволить себе не только нормальную жизнь в России, но и поездки с семьёй «на воды» за границу Империи без подработки на двух-трёх работах.

И всё же непонятно, почему вместо фамилии или же псевдонима автору нужна кличка? Понимаю, если автор имеет «позывной», полученный на фронте. Это – почётно. И всё же…

Кто вы, талантливые, но безвестные авторы? И почему не хотите назвать себя?

Выход нашего Литературного Приложения к журналу «Казаки за Камнем» – это попытка вытащить на свет Божий тех, кто не может найти в литературных лабиринтах дорогу к читателям и остаётся в тени нашей литературной жизни.

Жаль, что мы не делали этого раньше

Современные писатели и поэты

Почему?

Константин Фролов- Крымский

Все вопросы мои примитивно просты.
И хотелось бы слышать ответ –
Почему ещё в Киеве целы мосты?!
Почему ещё жив интернет?!

Почему эта жалкая шайка ворья
Смеет в принципе что-то решать?!
Почему это подлое царство зверья
Продолжает свободно дышать?

Почему эти факты, проевшие плешь,
Не тревожат ответственных лиц?
Почему до сих пор не работает «Смерш»
И не «мочит в сортире» убийц?!

Мы воюем с Европой - нам ясно давно!
По идее так было всегда,
Почему безнаказанно «гансам» дано
Жечь мосты и бомбить города?!

Почему диверсанты вершат произвол:
Заполярье, Поволжье, Урал?!
Почему до сих пор не посажен на кол
Самый главный хохол-генерал?!

Если мы в состоянии жаркой войны,
До сих пор не понятно уму,
Почему мы с лица не стираем слюны?!
Почему?! Почему?! Почему?!

Фролов Константин Юрьевич

Фролов Константин Юрьевич родился 04.01.1956 г. в г. Урджар, Семипалатинской области, Казахстан.

В 1957 году семья вернулась на родину отца в г. Новохоперск Воронежской обл., где в 1971 г. окончил музыкальную школу по классу фортепиано.

В 1978 г. окончил исторический факультет Воронежского государственного педагогического университета и 5 лет работал директором восьмилетней школы в Воронежской области.

В 1983 году переехал в Крым, работал художественным руководителем ДК, в Крымской госфилармонии (в группе народного артиста СССР Ю. И. Богатикова).

В 1998 г. основал дуэтный театр «Улыбка Пьеро», является его художественным руководителем, режиссером и сценаристом.

Писал песни и романсы и снимался в художественных фильмах «Мужская компания», «Моя граница», «Одна любовь души моей», «Сармат», «Залив Страстей» и др.

Увлечения: лётчик-спортсмен, парапланерист, радиолюбитель, яхтсмен, путешественник, видео-оператор, музыкант.

Кавалер ордена «За верность Долгу», Республика Крым, 2017.
Член союза писателей России, 2013, Член союза театральных деятелей России, 2015, Заслуженный артист Автономной Республики Крым, 2008, Лауреат государственной премии Крыма, 2000 года.

Не будите русского медведя

Милые заморские соседи,
Сытые, вальяжные, как боги,
Не будите русского медведя.
Пусть он мирно спит в своей берлоге.
Не мешайте царствовать и править,
Есть и пить, покуда сердце бьётся.
Вы себе не можете представить,
Чем для вас всё это обернётся!
Вы уже не раз его пинали,
Унижали, посыпали пылью,
На Голгофе русской распинали,
Жгли огнём и в проруби топили.
И когда уверенность в победе
Доводила вас до сладкой дрожи,
Рык утробный русского медведя
Раздавался вдруг у вас в прихожей.
Что ж вам, братцы, дома не сидится?
Так и тянет, прилетев на запах,
Щедрую российскую землицу
Взять и отобрать у косолапых!
Сколько лет мыслишкою лукавой
Ваши переполнены газеты,
Мол, «какое мы имеем право
На одну шестую часть планеты!?»
Мы сюда пришли по божьей воле,
Честь свою ничем не замарали.
И не вам судить о нашей доле!
Мы своё богатство не украли.
Наши нерушимые основы –
Паруса да звонкие подковы,
Беринги Хабаровы, Дежнёвы,
Ермаки, Поярковы, Зайковы.
Дамы, господа, синьоры, леди,
За черту ступая ненароком,
Не дразните русского медведя:
Ваше баловство вам выйдет боком.
Вы его обманете стократно,
В кабаке обчистите до нитки,
Ведь у вас любая милость – платна,
Ваши боги – золотые слитки.
Ваше кредо – разделяй и властвуй,
Ваша правда – это правда Силы.
Вы привыкли восседать над паствой,
Неугодных одарив могилой.
А вот русский в каждом видит брата,
Не приемля скаредность и лживость.
Для него всего важнее – Правда,
А всего дороже – Справедливость.
Потому со дна любого пекла,
Где никто другой не сможет выжить,
Русский вдруг поднимется из пепла,
Из трясины и болотной жижи.
Выветрит угар кровавой битвы,
В чистом роднике омоет очи,
Пред иконою прочтёт молитвы…
И придёт к вам в дом однажды ночью.
Весь пропахший порохом и кровью,
Поведя вокруг усталым взором,
Он замрёт у вас над изголовьем
И в глаза посмотрит вам с укором.
И пока вы свет не погасили,
Спросит он, былое подытожив:
-Ты зачем пришёл ко мне в Россию?
Или я тебе чего-то должен?
Вы поймёте, что пришла расплата.
Но платить, как оказалось, нечем.
Русский бы простил, наверно, брата.
Только ж вы не брат ему, а нечисть.
И душонку, сжавшуюся в плоти,
Теребя под хмурым взглядом гостя,
Вы тысячекратно проклянёте
Глупую идею «Дранг нах Остен».
Жаждущие новых территорий
Для бейсбола, регби или гольфа,
Почитайте парочку историй
Про Наполеона и Адольфа.

Поумерьте пыл парадной меди!
Отвечать за глупости - придётся!
Не будите русского медведя.
Может быть, тогда и обойдётся.
25.10.2014

МЫ РУССКИЕ!

Один чудак с лицом фальшиво-грустным,
Ютясь в салоне своего «порше»,
Сказал: «- Мне стыдно называться русским.
Мы – нация бездарных алкашей.»
Солидный вид, манера поведенья –
Всё дьяволом продумано хитро.
Но беспощадный вирус вырожденья
Сточил бесславно всё его нутро.
Его душа не стоит и полушки
Как жёлтый лист с обломанных ветвей.
А вот потомок эфиопов Пушкин
Не тяготился русскостью своей.
Себя считали русскими по праву
И поднимали родину с колен
Творцы российской мореходной славы
И Беллинсгаузен, и Крузенштерн.
И не мирясь с мировоззреньем узким,
Стараясь заглянуть за горизонт,
За честь считали называться русским
Шотландцы – Грейг, де Толли и Лермонт.
Любой из них достоин восхищенья,
Ведь Родину воспеть – для них закон!
Так жизнь свою отдал без сожаленья
За Русь грузинский князь Багратион.
Язык наш – многогранный, точный верный –
То душу лечит, то разит, как сталь.
Способны ль мы ценить его безмерно
И знать его, как знал датчанин Даль?
Да что там Даль! А в наше время много ль
Владеющих Великим языком,
Как, например, хохол Мыкола Гоголь,
Что был когда-то с Пушкиным знаком?
Не стоит биться головой о стенку
И в бешенстве слюною брызгать зря!
«Мы – русские!» - так говорил Шевченко.
Внимательней читайте кобзаря.
В душе любовь сыновнюю лелея,
Всю жизнь трудились до семи потов
Суворов, Ушаков и Менделеев,
Кулибин, Ломоносов и Попов.
Их имена остались на скрижалях
Как подлинной истории азы!
И среди них как столп – старик Державин,
В чьих жилах – кровь татарского мурзы.
Они идут – то слуги, то мессии,
Свой крест неся согбенно на плечах,
Как нёс его во имя всей России
Потомок турка адмирал Колчак.
Они любовь привили и взрастили
От вековых истоков и корней.
Тот – русский, чья душа живёт в России!
Чьи помыслы – о матушке, о ней!
Патриотизм не продают в нагрузку
К беретам, сапогам или пальто.
И коль вам стыдно называться русским,
Вы, батенька, не русский. Вы – никто.
18.11.2012

НЕ ЗОВИТЕ МЕНЯ В БУНДЕСТАГ!

Мне не жалко погибших немецких солдат,
Что хотели с землёю сравнять Сталинград,
Этих Гансов и Фрицев, лежащих в могиле,
Потому что они мою землю бомбили.
Мне не жалко лоснящихся, наглых и потных,
Опьяневших от крови безмозглых животных.
И за хворост, что брошен был в пламя пожара,
Их настигла вполне справедливая кара.
Предо мной на столе - желтизна фотографий,
Где смеются довольные асы Люфтваффе.
Это те, кто, нарушив святые законы,
Санитарные подло бомбил эшелоны.
Наши школы, больницы, дома, магазины
С их нелёгкой руки превратились в руины,
А на то, что дышало, любило, мечтало,
Были сброшены адские тонны металла.
Мне румын, итальянцев и венгров не жалко!
И плевать – было холодно им или жарко!
Все они в мою горькую землю зарыты,
Потому что убийцы должны быть убиты.
Я нарочно взвалил эту память на плечи,
Чтоб вовек не дымили в Освенциме печи.
Чтоб никто не познал, что такое – блокада,
Голод, холод и лютая ночь Ленинграда.
Кто-то будет доказывать мне со слезами:
- Мы – солдаты Германии! Нам приказали!
Вот и фото детишек, и крестик на теле.
Мы в России нечаянно! Мы не хотели!
Пусть они будут клясться, больны и плешивы.
Только я им не верю! Их слёзы фальшивы!
Их потомки забудут войны «ароматы»,
И с готовностью в руки возьмут автоматы.
Нам, увы, не вернуть наших жертв миллионы
Перед нами незримо проходят колонны.
От начала войны до девятого Мая
В наши души стучит эта бездна немая.
Не осталось живого, поистине, места
От МурмАнска до Крыма, от Волги до Бреста.
На полях, где гуляли незваные гости,
До сих пор мы находим солдатские кости.
Между нами и Западом пропасть бездонна.
Но Россия не мстит никогда побеждённым.
Не тревожьте вы Имя Господнее всуе!
С мертвецами наш гордый народ не воюет.
Мне не жалко погибших немецких солдат.

Их порочные души отправились в ад.
Не зовите меня в Бундестаг! Не поеду!
И не буду прощенья просить за Победу!

29.11.2017

* * *

Мы однажды вернёмся, Россия,
Под твои вековые крыла,
От свободы своей обессилев,
Что обчистила нас догола.
От бредовых своих вожделений,
Под кликушеский западный вой,
Мы придём и уткнёмся в колени
Непокрытой своей головой.
Побеждая в боях эпохальных,
Об униженных братьях скорбя,
Ты жалела и ближних, и дальних,
Никогда не жалея себя.
Ты несёшь это бремя отроду,
Как венец из терновых ветвей,
Положив за чужую свободу
Миллионы своих сыновей.
Сколько стоили эти победы
Крови, пота, отваги, труда,
Если с запада – немцы да шведы,
Золотая – с востока – Орда!
Быть бы нам бессловесной прислугой,
С очерствелою коркой в горсти,
Если б ты не надела кольчугу
И не встала у них на пути.
Натерпевшись от «жизни красивой»
По наивной своей простоте,
Мы однажды вернёмся, Россия.
Так бывает у взрослых детей.
В знак раскаянья и очищенья,
Признавая порочность и блуд,
Мы открыто попросим прощенья
За своих бесноватых иуд.
Заигрались народные слуги,
В одиночку деля пироги!
Сколько лет наши дети и внуки
Раздавать будут наши долги!
Мы укажем своим демократам
Дальний путь в долговую тюрьму.
Лучше быть на Руси «младшим братом»,
Чем холопом в чужом терему.
Мы столы вкусной снедью накроем,
В кубки вина златые нальём,
По былому поминки устроим,
Наши лучшие песни споём.
Нас отрезали и не спросили,
Нужно ль нас от тебя защищать?
И когда мы вернёмся, Россия,
Ты простишь. Ты умеешь прощать.

29.01.2011

КРЕПОСТЬ ОСОВЕЦ

(Атака мертвецов)

В то утро, сырое и мглистое,
Средь польских болот и лесов
Нам было приказано выстоять
Всего сорок восемь часов.
Пред нами – безумные арии
Снарядами рвут горизонт.
За нами – Российская армия
Пытается выровнять фронт.
Мы верим, как пращуры верили,
Молитву вложив нам в уста,
В корону Российской империи
И крест православный Христа.
В годину лишений обильную
Нам выпал счастливый билет –
Своею породой двужильною
Опять удивить Белый Свет.
Мы перетерпели, мы сдюжили –
Никто не покинул рядов! –
Когда нас германцы утюжили
Снарядами в сорок пудов!
Но вдруг, без пароля и отклика,
На саван предутренних рос
Зелёное хлорное облако
Нам западный ветер принёс.
Увы! Удушение газами –
Для нас - как на голову снег.
Спасибо немецкому кайзеру!
Добрейшей души человек!
Когда-то тевтонские рыцари
Сходились один на один.
Теперь их султаны повыцвели,
А в ножнах – иприт и зарин.
Зловещее хлорное облако
Прошло, как Всемирный Потоп,
Лишив человечьего облика
Того, кто забился в окоп.
Растерянность, ужас, безволие!..
Из тысячи русских стрелков
Едва уцелело не более
Какой-нибудь сотни штыков.
Плодами германского «гения»
Живое стирая с Земли,
Семь тысяч ландскнехтов Вильгельмовых
Брать «мёртвую» крепость пошли.
Шутили, смеялись и топали…
Как вдруг – холодок по спине:
В смертельном дыму над окопами
Возникла шеренга теней.
В своём окровавленном рубище,
В зелёной от хлора пыли
Они – между прошлым и будущим –
Восстали, как из-под земли.
Они приближались с винтовками,
Приклады прижав у бедра,

И, харкая кровью и лёгкими,
Хрипели сквозь зубы «ура!»
От этого хрипа утробного,
От блеска в незрячих глазах
Германское воинство дрогнуло…
И вдруг повернуло назад!
Как будто спасаясь от бедствия,
С отчаяньем дикой орды
Неслись белокурые бестии,
Сминая свои же ряды!

Пусть помнит в веках человечество
Ту жертвенность наших отцов,
Что в тяжкие годы Отечества
В атаку вела мертвецов.
Полгода рукой мускулистою
Мы били зарвавшихся псов!..
А нам было велено выстоять
Всего сорок восемь часов.

17.12.12

А. Михайлову

Загадочная русская душа…
Давайте-ка помыслим, не спеша.
Найдём внутри упрятанную суть
И разберёмся вместе как-нибудь.
Вселенную, в мерцании огней,
Творец создал всего лишь за семь дней.
Был замысел Его весьма непрост –
От инфузорий до гигантских звёзд.
Вот свет и тьма, вода и твердь земли,
Вот облака, парящие вдали,
Родник, сквозь лес крадущийся тайком,
Угрюмый шмель, звенящий над цветком,
Моллюск, след оставляющий на дне,
И птичьи стаи в синей вышине.
А чтобы ночь была не так грустна –
Вот вам на небе звёзды и луна!
Упорно, без помощников и слуг,
Трудился Бог, не покладая рук.
И день настал, когда Господь изрек:
«Ну, что ж, пора! Да будет Человек!»
Поразмышляв над глиняным куском,
Смешав его с водою и песком,
Бог сотворил прообразы всех рас
По цвету кожи и разрезу глаз.
Когда же русских создавал Господь,
Он бросил в глину Совести щепоть.
Чтоб, как маяк, зовущий впереди,
Твердила: «Не убей! Не укради!
Гордыню на смирение смени!
Поверивших в тебя не обмани!
Последнее голодным отдавай!
Не гневайся! Не трусь! Не предавай!
Не верь низкопоклонникам-льстецам!
Не потакай невежам и глупцам!
Не омрачай обидою чело -
Лишь слабый бесконечно помнит зло!
Соблазном сладким душу не губя,
Люби Отчизну больше, чем себя!
Свой тяжкий путь слезою окропи,
Но целый век терпи! Терпи! Терпи!»
Так сотни лет из потаённых мест
Мы, русские, несём свой вечный крест,
Чтоб будущим потомкам завещать
Уменье видеть, слышать… и прощать.

За сотни вёрст, в беспамятстве, в бреду
Уменье сердцем чувствовать беду,
И даже к тем, кто трижды предал нас,
Спешить на помощь в их нелёгкий час.
Мы пережили не одну войну
И две попытки развалить страну.
Но, как ни выла подлая орда,
Мы выжили! И будет так всегда!
Нам не пристало с пеною у рта
Доказывать, в чём наша правота.
Пусть помнят те, кто нашей смерти ждёт -
«Собака лает – караван идёт».

1.11.2010, Москва

НАПОЛЕОН В МОСКВЕ

(200-летию Отечественной войны 1812 г.)

Пылала Русская земля,
Гудел набатный звон.
В палатах каменных Кремля
Не спал Наполеон.
Неразговорчив и угрюм,
Сидел он за столом,
И вихри невесёлых дум
Кружили над челом.
Хоть Небо посылало знак,
Но им он пренебрег.
И сразу всё пошло не так,
Как замышлял стратег.
Мираж растаял, словно воск,
И пала пелена:
Пред ним - упорство русских войск,
И "скифская война".
Уж нет в лесах чужой земли
Былого куража.
Две русских армии прошли
По лезвию ножа!
К назначенному рандеву
Пробились на штыках,
Лихого маршала Даву
Оставив в дураках.
На лабиринт походных карт,
Сжимая кулаки,
Взирал угрюмо Бонапарт,
Ходили желваки.
И как бы ни был утомлён,
И сколь ни пил вина,
Он вспоминал, как страшный сон,
Кошмар Бородина:
Отборных войск могучий вал,
Как многорукий спрут,
До поздней ночи штурмовал
Всего один редут!
И что услышал он взамен
Блистательных побед,
Спросив, а сколько взято в плен?
- Мон сир, а пленных нет.

Покуда чувствует нога
Земли родную твердь,
Солдаты милости врага
Предпочитают смерть!
Их генерал Багратион
Стоял подобно льву!
И не один наш батальон
Остался там, во рву.
Сияло солнце высоко,
Сменив ночную тьму.
Уже тогда бы глубоко
Задуматься ему!
Вот роковая та черта!
За ней - лишь мрак да тишь!
Не лучше ль бросить всё к чертям!
И ну - домой, в Париж!
Но верой, что победы ждут,
Как брагой опьянён,
Урокам битвы за редут
Не внял Наполеон.
И чёрный ангел пролетел,
Зашторив неба синь...
Лишь ночь да груды мёртвых тел.
Всё кончено. Аминь.
В Европе путь всегда один
В любые времена -
Взял, скажем, Вену иль Берлин -
И кончена война!
Народ, понятно, в стороне.
За всех решает знать.
А в этой варварской стране
Как можно воевать?!
Ну, где ещё встречали вы,
Чтоб, яростью ведом,
Обычный мещанин Москвы
Сам подпалил свой дом!
Чтоб развернуть в обратный путь
Непрошеную рать,
Не дать ни охнуть, ни вздохнуть,
Ни перезимовать.
Винить Всевышнего грешно -
Он всем за всё воздал.
Наполеон смотрел в окно
И всё чего-то ждал.
Впервые, на исходе дня,
Необъяснимый страх
Зловещим отблеском огня
Дрожал в его глазах.
Когда под ложечкой сосёт -
Внутри вскипает злость.
Он вдруг почувствовал, что всё
Лишь только началось:
Казачий посвист, волчий вой,
Коварный русский лес,
За Малоярославец бой,
За Вязьму, за Смоленск.

А уцелевшие в огне
И те обречены -
Они останутся на дне
Реки Березины.
Цель, что, казалось, так близка -
Лишь грёзы да обман.
И станут призраком войска
Двунадесяти стран.
Они прочувствуют всерьёз
Сквозь тонкую шинель
И обжигающий мороз,
И вьюгу, и метель.
И глада тощая рука
Терзать им будет плоть.
И отвернётся на века
От грешников Господь.
Камина пламенный азарт
Грел спину горячо.
Вдруг как-то зябко Бонапарт
Повёл своим плечом.
И процедил сквозь узкий рот,
Не повернув главы:
- Седлать коней! Трубить "поход"!
Уходим из Москвы.

10.01.2012

НАДПИСЬ НА СТЕНЕ

Война. Сорок первый. Разбитый снарядами дом.
Неровные строчки на стенке. Как видно – штыком.
«Остался один. Из оружия только наган.
Умру, но не сдамся!» И краткая подпись – «Иван».
Как часто встречали мы надписи наших солдат!
Орёл, Севастополь, Одесса, Ростов, Сталинград…
Сквозь пламя пожаров и едкий, удушливый дым
Они были твёрдо уверены – Мы победим!
И вот – сорок пятый! Победный, пророческий год!
К Германским границам мы шли безоглядно вперёд!
И наши ребята, как витязи древних былин,
На крыльях Победы вошли в побеждённый Берлин!
Наш русский геройский солдат, не сбавляя свой шаг,
Победное знамя в бою водрузил на Рейхстаг!
…Вот только на стенах Рейхстага, в дыму и в пыли,
Мы клятвы немецких солдат отыскать не смогли.

06.06.2017

ПОБЕДИТЕЛЕЙ НЕ БУДЕТ

Вы вновь пришли на наши рубежи,
Привычно ощетинившись штыками,
По горло утонувшие во лжи
И зависти, накопленной веками.
Вы беззаботно вышли из-за парт,
Всё презирая, кроме ассигнаций.
Забыты и Адольф, и Бонапарт,
И шведский Карл под номером Двенадцать.
Вы, как и раньше, объединены
В когорты против Русского Медведя.

Убогие! Вы жаждете войны,
В который раз мечтая о победе?
Вы к нам крадётесь, словно тать в ночи,
Промямлив: – «Победителей не судят!»
Я должен вас немного огорчить,
Поскольку победителей… не будет.
И если вдруг (не приведи Господь!)
Отдаст приказ какой-нибудь безумец,
Чтоб в пепел превратить живую плоть
В руинах бывших площадей и улиц,
Взметнётся тотчас тысяча ракет,
Затянет небо мрачной пеленою,
И в ужасе померкнет белый свет,
Сметаемый чудовищной волною.
Не спрятаться за каменной стеной,
Не уползти в подземное жилище…
Да, мы умрём. Но целый Шар Земной
Мгновенно превратится в пепелище.
А мы, надев парадный свой мундир,
Вопрос последний зададим Мессии:
- Скажи, зачем нам нужен этот мир,
Коль в нём не будет места для России?

12.03.2018

КРЫМСКИЙ МОСТ

Он был, Этот Мост, в те нелёгкие годы,
Когда мы мечтали напиться Свободы.
Когда Небеса мы о Чуде просили –
Израненным сердцем прижаться к России.
Он был, этот сказочный мост-невидимка.
И каждый из нас его видел сквозь дымку.
Такой же ажурный, такой же красивый,
Как наши сердца, он тянулся к России.
И время пришло – мы устали бояться.
И мост-невидимка вдруг стал проявляться!
От Крыма к Тамани, от края до края
Вонзились в планету могучие сваи.
По ним поползли тяжеленные блоки –
Основа основ первоклассной дороги.
И, как к Рождеству дорогие подарки,
Наш Мост увенчали ажурные арки.
Он был, Этот Мост, в наших мыслях мятежных,
Как символ последней, сакральной надежды.
Он выстрадан и на скрижалях прочерчен.
Спросите об этом у жителей Керчи!
Казалось, сто лет ожидание длилось.
Но пусть торжествует в веках Справедливость!
Мы связаны крепко судьбой неделимой.
Порукою – Мост меж Россией и Крымом!

25.11.2017

* * *

Посмотрите на карту, но вдумчиво и непредвзято.
Никакого подвоха и тайнописи между строк.
Лишь понятия путать не надо – Европа и Запад.
Мы ведь тоже Европа, но та, что глядит на Восток.
И бессмысленны просьбы, угрозы, призывы, советы.

Между нами лежат неприступной стеною гробы.
Ибо Запад с Востоком – два мира, две разных планеты,
Два житейских уклада и две непохожих судьбы.
Сострадание к ближнему нам от рожденья знакомо.
Наши души рыдают, когда кто-то гибнет в огне.
Сколько раз мы к соседям своим приходили на помощь,
А в ответ получали ничем не оправданный гнев.
Ну, а немцу, австрийцу, поляку, французу и шведу
Мой ответ недвусмысленный должен быть ясен вполне:
Почему же Европа так быстро забыла Победу?
Потому, что она проиграла в той страшной войне.
У России своя, неподвластная миру, харизма,
Свой незримый Олимп и своя в поднебесье звезда.
В сорок пятом году мы Европу спасли от фашизма.
И такого позора она не простит никогда.

04.12.2017

* * *

Нас никто никогда не любил (И полюбит едва ли) -
Ни воинственный Запад, ни Юг и ни Дальний Восток.
Все, кто нам признавался в любви, нас всегда предавали.
Их обеты пусты и наивны, как детский свисток.

А за что нас любить? За широкую русскую Душу?
За уверенность в том, что главенствует в мире Добро?
В том, что данное Слово ты в жизни не смеешь нарушить,
Даже если кинжал тебе кто-то суёт под ребро?

Ну, за что нас любить? За бескрайние наши просторы,
Где легко уместился бы весь Европейский вертеп,
Где озёра и реки, леса, океаны и горы;
Где пекут самый вкусный, душой приготовленный хлеб?

Нас не будут любить даже милые наши соседи!
Даже те, что столетьями наш обивали порог.
Те, что жалобно клянчили горсть серебра или меди,
Но мечтали на равных делить наш российский пирог.

Нам пора осознать, что закончилось время подачек,
Что нельзя с этой жадною сворой играть в поддавки.
Надо силы беречь! Надо крепко сплотиться! Иначе,
Если будем тонуть, нам никто не протянет руки!

Нас уже разрывают на жалкие, мелкие клочья.
И бесценною русскою кровью сочатся рубцы.
Всё к тому, что покоя не будет ни днём и ни ночью.
Сомневаются в этом, пожалуй, одни лишь глупцы.

Позабыта война. Снова лозунгов дерзких бравада,
Да от факельных шествий нацистов угарная вонь.
Даже те, кого деды спасли из кромешного ада,
Оскверняют святые могилы и Вечный Огонь.

Ну, и Бог им судья! Мы всего на веку повидали.
Наша Память пронизана болью, как Спас На Крови.
С нами нужно дружить. Мы ещё никого не предали.
Нас не надо любить. Обойдёмся без вашей любви.

17.02.2019

Дмитрий Писарев

Родина беспечная моя,
Тихой сапой, без войны и шума,
Всё вернулось на круги своя:
Государь, полиция и дума...

Всё опять как век тому назад!
Словно потрудился декоратор...
Вновь стал Петербургом Ленинград.
Снова в своём кресле губернатор.
Тысяча какой, сегодня, год?
Или прав был в чём-то Фукуяма?
Вновь процентщик деньги с нас дерёт,
Загоняя в долговую яму.

Снова, ловко распродав товар,
Подведя итог в своей тетради,
Мчит буржуй на "мерседесе" в "Яр",
Нищий снова просит «Бога ради...»

И встают, сквозь призрачную хмарь,
Будто бы воскресшие вампиры,
Снова те же лица, что и встарь,-
Торгаши, чиновники, банкиры.

Значит, всё что было, было зря?
Снова те же беды и напасти?
Не было и вовсе Октября,
Веры в идеал, Советской власти?

Мы вернулись в те же времена,
Что ушли казалось без возврата.
Снова, как и встарь, поделена
Вся страна на нищих и богатых.

Круто вправо повернув штурвал,
Наш корабль ведёт буржуазия...
Но за это ль дед мой воевал,
Точно так же как и все другие?

Неужели, с криками "Ура",
Шли они и в снег валились талый,
Лишь затем, чтобы пришла пора
Наживать барыгам капиталы?

ПЕШЕХОД

На Красной площади салют

На Красной площади салют –
Салют Победы…
Век двадцатый…
Но от Москвы до Колымы
Изгоями родной страны
Шли миллионы по этапу:
Шли?..
Нет, ещё идут…

Ты слышишь?..

Это имена
Вмерзают в летопись ГУЛАГА:
Под хищный лай собачьих свор
Винтовки щёлкает затвор,
Засовы оглушают лязгом…
Нет!
Не закончилась война!

Чьих серых, обречённых лиц
Не согревает солнце мая?..

Их ждёт сибирская пурга,
Баланда, пайка…
И цинга –
Так смотрит «пятьдесят восьмая»
На мир с подследственных страниц…

Их пальцы помнят рудники,
Занозами лесоповала
Саднит кандальная судьба –
И вдавлены клеймом раба
Их кости намертво в каналы.

Норильск…
Печора…
Соловки…

Послушай наше эхо, воля:
Чем жить пришлось нам тяжелее,
Тем легче будет умирать…
Земля, прими наш скорбный прах!
Кровь стынет и сердца немеют…
За что, скажи, такая доля?..

Последний побег

Я не умел красиво говорить:
сидел в углу, внимал чужим восторгам...
и зря ребята, выйдя покурить,
меня решили выдвинуть комсоргом.

Я - упирался, сроду не привык
лезть в первый ряд - увольте, ради бога...
но Пал Петрович, старый большевик,
махнул рукой (хоть и хотел другого).
А через месяц, обрывая сон,
нас воронок увёз в ночи колючей:
Петровича - за "не за тот уклон",
и заодно меня - на всякий случай.

И тройка - справедлива, но строга,
приговорила именем народа:
Петровича - к расстрелу, как врага,
а мне - на 10 лет прощай свобода...
Писала биографию страна
к анкетам не привыкшими руками...
Давали новостройкам имена
ребята с комсомольскими значками,
а рядом с ними, как из-под земли,
на общих картах не оставив знаков,
за проволокой ржавою росли
угрюмо тени лагерных бараков.

... Полярный день - без сна и выходных,
гнус - злей конвоя на лесоповале...
Всё в не зачёт...; и нет моей вины,
что вышла жизнь, которую не звали.

И новые этапы осознав,
хлебнув густой чифир в железной
кружке,
мне кореш-зэк наколет новый знак
под лай собак и перестук теплушки...

... побег последний. Будь что будь
потом...
свободы вкус - наркотик очумелый...
глотаю жадно снег беззубым ртом -
он почему-то алый, а не белый...

Люся-санитарка

В бараке коммунальном ссоры, как цигарка,
то вспыхнут от обид, то тлеют без причин,
есть угол три на два, в нём Люся-санитарка,
"понятная" соседкам и "тайна" - для мужчин.

И тряпка у двери - чтоб в комнате - почище,
и вата из щелей - от вечных сквозняков...
найдутся бинт и йод - для ссадины мальчишьей
и спирт из пузырька - в похмелье мужиков.

Готовая весь мир согреть последней блузкой,
привычно сторонясь соседских склочных дел,
и звали стар и млад - "каретой скорой", Люською,
не званною - в пиру, привычною - в беде.

... а ночью - лазарет, уколы и таблетки,
и кашель злой, и мат прокуренных палат...
но чуть прикрыть глаза на шаткой табуретке -
приснится в сотый раз израненный комбат...

... тянула по земле... откуда взялись силы? ...
... а снайпер из засады целил вновь... и вновь...
а капитан стонал... и звал в бреду ЛЮДМилой...
и руки целовал изодранные в кровь...

Пока я не готов к Свиданью с Богом

Я не готов пока к Свиданью с Богом:
не знаю – как мне жить, как умереть ...
и виноват, наверное, во многом,
и не сумею быть безгрешным впредь.
... к пустому храму заросла дорога
и грешникам распутья не дают
дойти до Бога, убежать от бога,
в наш странный век распятий и Иуд.
И я хочу назад, в тот давний час,
став на тысячелетия старее,
где люди были чище и добрее,
в отличие от большинства из нас ...
... но Время – в одну сторону забег,
в попытке вечной жизни - Испытанье,
и кратно лишь мгновенью расстоянье,
и хрупкий плот - конечно, не ковчег.
Спешу, чтоб не застал меня врасплох
призыв держать ответы за обман ...
но если дашь ещё попытку, Бог,
не избавляй от прежних мук и ран.

Убогий скрипач

Спешат на вечернюю службу
в часовенку, в сельской глуши
старушки и лавочник ушлый,
успевший за день нагрешить.
И молят о малом участье
за то, не оплатив и гроша,
о благах... и просто о счастье,
что жаждет, тоскуя, душа...
А возле церковной калитки,
не ради житейских удач,
на старенькой треснувшей скрипке
играет убогий скрипач.

Для тех неумелых мелодий
и в дождь, и в мороз, и в жару
мальчишка-поводырь приводит
его каждым день поутру...
а после молитв прихожане
спешат, сторонясь дурачка...
и, видно, лишь бог обожает
печальные всхлипы смычка...

А сумерках, после захода,
усталым, с пустою сумой,
за малую плату поводырь,
сведёт музыканта домой.

И бога, что щедр к неимущим,
за милость отблагодарят:
за хлеб, что дарует насущный,
за день, что был прожит не зря,

за Русь с её вечной загадкой,
за эти двух струн волшебство...
и Бог поцелует украдкой
в немытый затылок его

Куда летит Земля

... крест ржавый на погосте под горою –
привал последний у пути наверх...
примета, что пришествие второе
здесь ожидает божий человек,

но всё зазря - в прощении молитв
поймешь однажды – путь тот бесконечен:
бессмертие у бога взял в кредит
всего на миг, а расплатиться нечем...

... Куда летит Земля через парсеки,
законам мирозданья вопреки?
ведь мы лишь – пассажиры-человеки -
и пленники её, и должники...

Мы смертны и бессмертны с нею вместе...
Но в божие анналы заглянув,
спешит Земля – подальше от созвездий,
что предрекли ненастья и войну,

туда, где неизвестным измереньем
манит своею тайной смежный мир,

туда, где беспощадным тяготеньем
ждут пасть и подземелье чёрных дыр...

... куда бежит Земля? Прочь от разлада,
к чужим мирам безжизненных планет,
где нет людских ненавистей и ада,
но счастья и покоя тоже нет...

... Привал последний на краю Вселенной...
... пора Всевышним Новый мир творить...
прости Земля – нам не хватило генов
остановить тебя... и сохранить.

Для чего...

Надеждами исполнена святыми,
иконе помолясь в углу избы,
мать выберет единственное имя,
как неизбежность будущей судьбы…

... копя бездумно радость и печали
на перепутьях выпавших дорог,
мы просто жили. И ещё не знали
зачем призвал на этот свет нас Бог...

... Когда-нибудь, молитве той внимая
очнёмся, с ощущением вины,
и, маминой надеждой прозревая,
поймём вдруг, для чего мы рождены.

Обрывки из записной книжки 13

Мы ради пустых забав
влезаем в чужие сани,
украдкою, словно вор,
целуем чужих невест...
... А друг – это как судьба,
в награду ли, в наказанье?
Всевышнего приговор,
не чаянный дар небес.

А с другом – хоть на войну -
назло пораженьям, плену,
готовым в пустыне дел
последний отдать глоток,
прощающим нам вину,
карающим за измену,
спасающим нас в беде...
... когда не спасёт никто

Уеду в детство – как в страну чудес...
всё изменилось – дворики и лужи -
как будто становиться хуже
жизнь программирует прогресс..... и храмы
жадно золота дождались,
раздав ворам прощение взамен...
... а мы с тобою – прежними остались
в несовпаденье перемен

Презревши будни, сны и выходные
льет бесконечный дождь в ненастный час
как будто Бог за все грехи земные
виновными назначил только нас,

как будто совесть малым и большим
дана Всевышним... всем... авансом, что ли?

и боль... как состояние души...
но кто бы были мы без этой боли?

... садимся, как в такси, в машину времени...
по адресу?... а он всегда один...
и память вновь вернёт свои сомнения
минувшему – без сроков и седин...

вновь подсмотреть любовь в чужой избе
из скважины замочной закулисья... ...
ах, память... не отправленные письма,
написанные самому себе

Вновь декабрь... крах надежд... и бед...
только жаль его отпускать...
вдруг отыщется на послед
то, что в будущем не сыскать,
ведь недаром часы спешат,
догоняет закат восход:
скоро время пойдёт назад,
завершая свой оборот

Маленький аэропорт

Маленький аэропорт,
гномик наш ледяной...
выстрадан твой комфорт -
лавки да дух печной.

Здесь про себя и вслух
матом клянут прогресс:
через полярный круг
раз в две недели рейс...

Значит, наверняка,
в дупель хмельной народ
будет на рюкзаках
сутками ждать погод...

... а на стене плакат –
пальмы и корабли...
мы ж от материка
дальше, чем край Земли,

нас впрессовал во льды
случай ли, волшебство?...
кто пил полярный дым -
вечный должник его...

... счёт по иному тут
совести и деньгам:
вечную мерзлоту
не растопить Югам...

тайный магнит сих мест -
не донести словам...
... ну, ... наконец, с небес
ангел земной – АН-2...

Подсуетись, не спи,
или - прощай курорт...

«Аннушка, потерпи,
всех забери на борт!»

и эскимос-сосед,
ставший как побратим,
крестится на послед:
может, даст Бог, взлетим!

... Солнца бессонный диск
вдребезги – за торос...
полуживой радист
Богу морзянит – SOS.

Только эфира вздох
да всхлип шумов в ответ:
видно, бессилен бог,
если спасенья нет

Обрывки из записной книжки 12

Если любовь безнадёжно обманута в ссоре,
доктор, сочтя захворавшим, спешит по утрам...
может разлука - и вправду, лекарство от хвори,
только, дай бог, не поверить таким докторам...

Я прилечу, прибегу, приползу – только свистни -
в старый наш дом, меж разбросанных грёз и камней,
вновь попытаться сложить пазлы будущей жизни
нам из осколков немногих оставшихся дней

Он слышал небес мелодии,
неведомые людьми...
дразнили его юродивым,
а он был иным, чем мы...

на паперти, с неугодными,
лишь тронет смычок струну –
его из трёх нот мелодии
согреют зимой весну...

... за храмовою оградкой,
за струн этих волшебство,
целует сам Бог украдкой
немытую плешь его...
... в чудачестве и беспечности
никто ему не указ:
тот нищий – посланник вечности,
что краем коснулась нас

исчезло время – годы и годины...
а в предвкушенье будущей поры

в безгрешных душах слились воедино
на миг земной и неземной миры...
а небо – бесконечно, ночь – бездонна,
забрасывает звёздным конфетти...
и Ты – опять со мной, моя мадонна...
не знаю - только сон... или почти?

Скопив в копилке жизни груз, как «двушки»,
дурных поступков и обид лихих,
мы, может, позавидуем старушке,
пришедшей в церковь замолить грехи...

ведь горькая за прошлое расплата –
не сгинет в никуда... не отболит:
мы с возрастом всё больше виноваты
от осознанья давнишних обид...

и, вот, когда отыщется дорога
к познанью, на исходе дней и сил -
прощение попросим не у Бога,
а у земных – нас Бог давно простил

сорван последний листок у озябших акаций:
ветер на нём подписал приговор октября...
он – окончателен! ... стряпчий, не надо кассаций -
ласки у бабьего лета прождали мы зря...

Дождь, не скупясь, разливает хмельную беду
в стопки дырявых кроссовок - печаль и простуду...
всё это было и раньше... и в прошлом году...
но отчего вновь неймётся промокшему люду?

Вбросив дрова – разожжём торопливо камин...
в кресле под пледом – иллюзия вечного лета,
и телевизор – обманщик наш номер один –
жаркие страны послушно подаст без билета

Подлунный наш мир – и жесток, и случаен,
но редко осудит по нашим делам:
уходит любимая – не замечаем,
уйдет нелюбимая – мир пополам...

В отместку воздаст наваждением странным,
всю жизнь обрекая его повторять:
мы тех, кто нас любит, терзаем и раним,
а тех, кто не любит – боимся терять

Обрывки из записной книжки 11

На распутье - к удаче, к беде -
честь храню, пусть голодным и босым...
чтоб на праведном божьем суде
быть свидетелем, а не с доносом

Разлука двоих – как две грани случайной монеты...
в ней чаще один выбирает судьбу за двоих,
отнюдь, не постигнув житейских сюжетов секреты,
а просто решив, что поставленной цели достиг...

И Вронский умчится куда-то в купейном вагоне,
дымя сигаретой и глядя беспечно в окно...
а Анна останется грустной стоять на перроне,
не зная, что здесь за неё уже всё решено

Я в отчий дом - как в прошлое вхожу,
как дворянин, вернувшийся в крестьянство...
переступив порог, как за межу
иного измерения пространства,

ведь городские знания и чин
в деревне будут штукой бесполезной...
мне б вспомнить, как колоть дрова учил
сосед по детству, на ноге протезной

К зиме построен пленными барак -
хоть фрицами, но бесконечно русский...
он памяти достался просто так,
житью послевоенною нагрузкой...

гуляли коридором сквозняки
и малышня сопливая слонялась,
а в домино стучали старики,
как пушки на войне... так нам казалось...
на кухне – доставался детворе
голодный рыск по чьим-то сковородкам,
а туалет был общим во дворе –
конфузный путь девчонкам-одногодкам

Всё проходит... и время счастливое...
непогоде не видно конца,

и, наивный, порою дождливою
чуда жду на ступеньках крыльца...

и любви проклиная порочности,
я молю припозднившихся дам:
подберите моё одиночество –
я почти его даром отдам

Обрывки из записной книжки 10

Удел безумцев - тщиться в бесконечность
к иным мирам и разумам иным,
постигнувшим и осознавшим нечто,
доселе недоступное земным...

Покажется нелепою цена
разумным, равнодушным и невеждам...
но, чёрт возьми, ведь жизнь не так длинна,
чтобы безумным изменять надеждам

я – заблудил и растерял дорогу...
не знаю, где видение, где суть...
а ты – ушла одна, наверно к Богу,
чтоб к прошлому наверх продолжить путь...

смешно искать страну былой мечты
где грубые слова не произносят,
где просто так, без повода приносят
вслед за рассветом первые цветы...

Где без тебя – страдают и не спят,
где до молчанья проще достучаться...
где мы - вдвоём... и призрачное счастье
не воровали у самих себя.

... видать, удачи кончился запас,
отпущенный на поиски авансом...
и эти строчки... сколько не старайся –
они уже не будут лучше нас...

везде – туман... и нет пути иного -
идти туда, где громче сердца стук,
и осознать, что для всесилья Бога
иных рук нету, кроме наших рук...
и тем печальней видится итог
когда не то отыщется, что ищешь:
когда бессильны мы – бессилен бог
и ничего, в бессилье, не попишешь

Если б строки сумели отмыться от липкой косметики:
от ненужных метафор и пыли припудренных слов...
не ищите в стихах равнодушный расчёт арифметики –
в них – смятение чувств, а не логика мер и весов

Скамья из сгоревшего кинотеатра

Как артефакт забытого житья,
в ковре окурков сигаретных «Ватра»,
у летнего сгоревшего театра
стояла почерневшая скамья

и, воскрешая памятные дни,
как будто обещая продолженье,
к себе влекла неясным притяженьем
как странный человеческий магнит.

И чтоб непонимание продлить
ментам и женам ненавистной силы,
сюда пенсионеры и бомбилы
шли покурить и душу исцелить.

... здесь понимали лучше, чем в семье...
беззлобно в споре посылали на ***...
а на помины друга на скамье
как в храм, наденут чистую рубаху...

... здесь исповедь – честнее и больней,
здесь знали цену ранам и наградам,
а если вспоминать о той войне -
был Сталинград навечно Сталинградом.

... и каждый - и стратег, и правдолюб,
был всем понятным в спорах оппонентом,
и нос разбитый, и последний зуб
порою шли последним аргументом...
и время длило свой неспешный круг -
не торопя, не напугав ценою...
и незнакомый бомж, как бывший друг,
пивным глотком поделится со мною.

... не различая званий и оков,
но чуждая предательства и ****ства,
была скамья как фронтовой окоп
для нас, вновь обретавших узы братства,

где мы молились всем своим богам
за жизнь ребят, украденных войною...
а хмурый, окровавленный Афган
считали справедливою страною...

Сурова, как расстрельная статья...
Но, в час несправедливости и фальши,
мужскою солидарностью скамья
нам жить по чести помогала дальше...

... где вы теперь, случайные друзья,
что разлучило, не впустив нас в завтра?
с кем в лучшие миры ушла скамья
из летнего сгоревшего театра?...

... где вы теперь, случайные друзья?!

В ожидании

... У каждого - своя звезда над хатой,
и свой сюжет, чтоб жизнью оправдать...
Виной судьба - она не виновата,
что выпало страдать и ожидать...

... а годы - равнодушно жизнь листали,
чуть скрасив будни ожиданьем встреч...
но праздники, увы, не наступали,
как будто не умела их сберечь,

и память вновь бессонной ночью будет,
мерцая, словно фотоаппарат,
блуждать по шпалам опустевших буден
в напрасном отысканье красных дат...

По-разному случалось... Но ведь было!
в надеждах, безнадёжных как петля,
её любили - и она любила...
бросали... и она бросалась для...

чтоб болью пережитого восторга
напиться вновь, хмельною, как абсент...
... а сердце – для любви затратный орган,
страданьем превращённый в рудимент...

Пришли... ушли... А вот она осталась.
снаружи ж - той... а в сердце - новый шов:
ведь каждый раз там часть её терялась,
того, что иногда зовут душой...
но в дни, когда разбитой и упитой
невмоготу был одиночья перст,
её спасали вера и молитва,
что ожиданье - не напрасный крест...

и верилось, что есть среди скитальцев
назначенный Всевышним на Земле -
её найти... и целовать ей пальцы...
и полюбить в единственном числе...

... У каждого - своя звезда над хатой,
и свой сюжет, чтоб жизнью оправдать...

Обрывки из записной книжки 9

Я перед многими в долгу –
иных уж нет, а те - далече...
но при случайной в небе встрече -
не покраснею, не сбегу.

И той надеждою живу,
что будем квиты перед Богом:
и я долги простил немногим,
и повинился наяву.

... в отчаянье порой необходимо
чтоб рядом кто-то просто помолчал...
Я вас прошу: не проходите мимо
чужой беды, поникшего плеча.

Вы здесь нужней! Всё остальное – после!
Другие люди - могут не поспеть...
На мокрую скамью присяду возле
и буду там до сумерек сидеть.

И женщина, затихнув и не плача,
но что-то для себя уже решив,
посмотрит мне в глаза, уже не пряча,
морщины и царапины души.

Цокают по мостовой подковки,
джинсы – в меру модны и тесны...
Я – такой удачливый и ловкий –
заблудился у одной сосны.

Заглядеться вслед - закон природы,
чтоб красу и юность оценить.
Валидол в кармане... только годы
не пускают прошлое забыть.

Порой нежданный случай - грустный факт -
пропашет судьбы беспощадным
плугом...
Так мы с Тобой, как травка и асфальт,
сошлись, но жаль – не проросли друг в
друга.

как возмездье провинности старой
горизонты накроются хмарой,
гром грозит нам небесною карой,
и в грозе – не сносить головы...

Словно сплетни в подоле у клуши,
в шторах спрячется сполох потухший,
и заложим мы грешные души
за мгновенье безгрешной любви....

... с огорченьем побитого пса
уползёт, обессилев, гроза.
Вдохновенье, как шарик из детства,
снова душу зовёт в небеса.

жизнь – дорогое открытие,
скупо своё отдаёт...
кто-то торопит события,
кто-то вдогонку ползёт.

кто-то, устав от бессмертия,
вымолит жизнь, но сперва,

в пыль перемелют столетия
вечности жернова...

кто-то, устав от бессилия,
тянется к ложу ружья,
вырваться из непосильного
бремени бытия

«Скажи, мудрец, - ты нищ, а я богат,
могу купить любой табун и вещи,
и потому дороже во сто крат
моя цена у девушек и женщин».

И лишь на миг задумался мудрец,
черпая в прошлой памяти ответы:
порой венец у жизни, как свинец,
когда бессильны слава и монеты.

«Легко носить тяжелую мошну
и закрома просторные – не лишни...
но покажи друзей мне и жену,
и я скажу, чего ты стоишь в жизни».

Песнь про грустного гармониста

Как судьбу не дразни, не проси –
всё назначено впрок на ладони...
а родная душа на Руси
обреталась созвучьем гармони.

Хоть собой инструмент неказист -
был смелей и находчивей друга:
что таил на душе гармонист
узнавала ночами округа.

И про сердца пробитую бронь
объясниться пытались аккорды:
безнадежно вздыхала гармонь
по приезжей учительше гордой.

Ни частушка, ни полька, ни твист
были в этой любви неуместны,
вместе с богом творил гармонист
задушевные грустные песни...

... Снимет парень гармошку с плеча
и, мехам непослушная тесным,
поплывёт неземная печаль
по притихшим околицам местным.

и в душе моих односельчан,
в чьей то - музыкой, в чьей то – помехой,
отзовётся земная печаль
многократно умноженным эхом,
и, коснувшись девчонки лица,
отразится несмелой любовью,
а у вдов переполнит сердца
затаённой надеждою вдовьей...

... эх, рванул бы меха веселей,
да не в дружбе он с песней шальною:
гармониста считали в селе
чудаком и с душою больною.

Не умел ни пахать, ни продать...
По повестке казённой, непрухе,
на чужбину ушёл воевать,
не обидевший раньше и мухи...

И в селе с той поры, как ярмо
с плеч долой... ври наушник, хоть тресни!
навсегда замолчала гармонь –
видно, кончились русские песни...

... Он на площади молча стоит,
небосвод подпирая плечами,
и бессилен запрятать гранит
на лице его тени печали,

и, исполнен таинственных сил,
лик всевидящий, как на иконе...
и, видать, оттого на Руси
так печальны бывают гармони

Неизвестные могилы

Черты из комсомольского билета
ищу Твои на каменном лице,
и тихо, будто вправду жду ответа,
прошу их рассказать мне об отце...

Надеждой многотысячно умножен
на судьбы Неизвестных рядовых,
ты - Памятник! ... и, значит, помнить должен
всё, что забылось памятью живых....

с боями к Дону отступала рота,
и парень, двадцати неполных лет,
как клятву возвращенья, вместо фото,
оставил комсомольский свой билет.
И мать моя, до самой до могилы,
от злой поры военных холодов,
почти полвека тот билет хранила -
как веру... как надежду... как любовь...

... но не послала нам судьба презента...
я рос дичком, со славой сорванца,
и, несмотря на прочерк документа,
носил, как орден, отчество отца.

Мы жили, как могли... в нужде кромешной,
пусть хуже остальных, в конце концов...
но сверстникам завидовал всё меньше,
спивающихся видя их отцов.

... И был сосед. Его уже не ждали –
с конца войны прошло почти семь лет:
он был в плену... и на лесоповале...
вернулся, без медалей и побед.

Его на сборы к школьникам не звали.
Но, вот, однажды, на разрыве вен,
мне рассказал, как к Волге отступали,
как ранен был и как сдавались в плен...

Он мне надежды сладкий грошик выдал,
когда, взглянувши на билет отцов,
в раздумии сказал: "А, может, видел?
Мы все там были на одно лицо...".

... А отступавших – наспех хоронили,
поставив столбик к холмику земли...
но к юбилею - все к одной могиле
останки из степных могил свезли.

И не всегда пытались разобраться
чей сын и муж, чьей веры и племён...
и нарекли могилу эту Братской
из навсегда утраченных имён...

А позже, к новым юбилейным датам,
забор подкрасив, вымыв постамент,
могилой Неизвестного солдата
назвали тот бетонный монумент.

... а я с поры той дальней в каждом мае
ищу черты билетного лица,
и памятник бетонный называю
могилой Неизвестного Отца.

И я не верю в немоту-разлуку...
И на исходе дней своих и лет
я передам, как вечность клятвы, внуку
на память комсомольский тот билет.

Женщина ушла

... пуста постель - что горше для мужчины,
когда в бессонной ночи - ты один?
а Ты ушла... не объяснив причины...
хотя, наверно, много есть причин...

и мир, нас обманувший, в одночасье
стал пуст и тесен, как приют сирот...
и на диван, как бывший символ счастья,
ложусь, как восхожу на эшафот...

а боль - не обмануть, не заглушить,
пытаясь по следам былых прогулок
Тебя прогнать в окраины души,
без адреса, в последний переулок...

... за что стихам печаль и неуют,
и доля - боль принять и всё стерпеть...
они не предадут и не уйдут,
хотя в них каждой строчкой - о Тебе

Обрывки из записной книжки 8

Накатят на тихую заводь шторма перемен,
ломая привычки, уклад и устои людские.
Сбивая одних, а других поднимая с колен,
страшат непонятностью странною годы лихие.

В лета испытаний - стихия и нелюдь лютей,
но высший закон сбережёт человечьего сына:
великие беды рожают великих людей,
как будто несчастия будят счастливую силу

Перебираю старые одежды:
зачем храню? – тесны, не подсобят...
и вглядываюсь в зеркало с надеждой
найти частицу прежнего себя.

А где найти то зеркало в скрижали,
что вечное сомненье разрешит
и скажет – где нашли, что растеряли,
морщины и царапины души?

Для обычного люда придуманы нормы и правила:
есть мораль, а ещё – прейскуранты для кар и наград...
А для избранных – что им досталось от бога и дьявола, -
судит время - и вечность, как срок для суда маловат.

Нас в утратах былых запоздалая память рассудит,
как на зряшный маршрут променяли счастливый билет:
ты любила меня, как никто никогда не полюбит.
И смолчала тогда... я узнал лишь спустя много лет.

Кто воскресит угасшую лампаду
дрожащим светом изгонявшей страх...
гадаем – кто бессоннице в награду
был послан ночью – друг нам или враг?

... заешь глоток вина засохшей пиццей
и, царапнувший душу, колкий слог
вдруг выскользнет не пойманною птицей
из смятых простыней случайных строк.

Когда нам чуждый бог свой суд вершил,
засадой расчищая в ад дорогу,
мы в камни о спасении души,
вжимаясь, своему молились Богу.

И Бог наш выручал нас из беды:
светлело небо в смрадном полумраке,
и павшие смыкали вновь ряды,
прикрыв собою нас, живых, в атаке.

Женщина грустит

Осенняя пора - внезапностью жестока:
на пустырях аллей – ни солнца, ни людей...
лишь женщина грустит, как осень одинока,
и мокрое лицо – от слёз или дождей?

Весенние мечты - разбиты-позабыты,
метёт листву октябрь, как дворник бестолков...
и женщина грустит – от горя ли, обиды?
и некому найти для утешенья слов.

Сквозь тучи редкий луч прожжёт листву лучиной,
найдёт нежданный слог для кончика пера...
а женщина грустна неведомой причиной,
поскольку осень жизни – грустная пора.

Я пинал пьедестал

Я пинал пьедестал,
видя неба порочность...
я устал, как металл
в вечной пытке на прочность.

Кардиолог узрел
за бессонницей боли
раны-шрамы от стрел
неудавшейся доли...

... Это значит – я жил
в стрессах нервной системы,
воевал и дружил
не за тех и не с теми,

... не примеривал роль
(ни седым, ни безусым)
как удобно порой
быть бессильным и трусом,

и обиды прощал,
(а долги – и подавно),
и друзей защищал
в драке злой и неравной,

... клеветой не марал
лист казённой бумаги,
и стране не соврал
ни в беде, ни в присяге,

... был грозой-шурави
перевалов и трещин
... и стонал от любви
самой лучшей из женщин,

... медный крестик хранил
под рубахою серой:
он незримо роднил
с материнскою верой...

... Я давно примечал
(и, видать, не напрасно)
доверяться врачам –
для здоровья опасно:

мерить бытом шаги -
это всё несерьёзно,
быть покорно другим -
не по мне, да и поздно...

Просто жить я не смог
ни разумно, ни чинно,

если мир наш, как бог,
болен неизлечимо...

Значит, шрамы-версты
жизнь в остатке умножит...
а родная простит
и поймёт... если сможет

Обрывки из записной книжки 7

Любимой в день рождения

Ты прекрасна, как сон, подаривший несбывшийся праздник,
боготворю твой лик, чудотворной иконою чту...
Это - страсть моих предков, что встречи искали напрасно,
завещала мне в гены исполнить былую мечту.

Я искал тебя всюду, всю жизнь, а, найдя, вот не знаю
как тебя мне постигнуть... и приворожить, как шаман...
ты – чужая жена ... и до горькой слезинки родная,
и надежда, и тайна, и правда моя, и обман.

Я желаю тебе быть любимой людьми и богами,
на Земле и Вселенной быть самой прекрасною Мисс...
Пусть от бед и ненастья хранит в небесах тебя ангел.
Ну, а я на земле – чтоб любой твой исполнить каприз.

... а когда отзвенят поздравленья, бокалы и тосты,
ты вернёшься, усталая, сбросив остатки одежд,
в не построенный замок, на необитаемый остров,
где грустят на ветру приведения наших надежд

_____

Вот какие дела – баба с воза ушла,
лёгкий воз – покатил под откос...
Не поверил сперва - сам теперь голова -
без скандалов, обид и угроз.

По мужскому уму - хорошо одному:
раз в полгода стираю бельё,
и живу не спеша... Только ноет душа,
(или что там заместо неё?)

я не смог увернуться от встречного
джипа,
что летел по моей полосе напролом...,
... а гаишник, пропахший сивухой и
«Шипром»,
записал, что погибший уснул за рулём

_____

Есть два негласных закона обителей,
что не написаны перьями:
дети должны быть счастливей родителей,
их не покинуть первыми.... для продолженья
здорового семени
выстрадал мудрость народ:
старшим – заботу и уважение,
младшим – любовь и полёт

Только память порой непослушна –
что с неё, непутёвую, взять?
вдруг напомнит седая старушка
в ожиданье застывшую мать...

Любовь – нелёгкий крест. А нет – вдвойне.
Порою не по силам испытанье,
и топятся сомнения в вине
и кажется изменою молчанье.

И зряшные слагаются вирши,
а ветер рвёт листки, как жизнь, - на клочья...

погода – состояние души...
и женщина уйдёт в ненастье ночи,

и всё перевернётся в одночасье:
земля и небо – всё наоборот,
и на диван, как бывший символ счастья
ложусь, как восхожу на эшафот

_____

Если в ногу удачи спешат -
мы живём с представлением вредным:
жизнь всегда и для всех хороша,
в ней нет места несчастным и бедным.

И когда под холодным дождём
зрим просящую, нищенку то есть,-
равнодушные, мимо пройдем,
разменяв на двугривенный совесть.

И тогда, в наважденье минутном,
чтобы сбросить душевный балласт,
отдадим ей всю мелочь... Как будто,
ей никто, кроме нас, не подаст

_____

Как хочется, не зная укоризн,
найти свою, нескользкую дорогу,
где станет ясной и понятной жизнь,
и быть угодным матери и богу.

... по шпалам испытаний и тревог
проляжет жизнь, как трасса скоростная...
друзей и жён нам выбирает бог,
они нас предадут – того не зная.

... как хочется дожить до седины,
построить дом, порадоваться внукам;
поймать в ладони зайчика весны,
назло болезням и январским вьюгам.

... жаль, что поэты столько не живут,
за них живут, нет - доживают строки,
которые всё больше – одиноки,
которые прочтут... и не поймут

Странное сновидение

Занозою застряло сновиденье,
в котором я, случайный отпускник,
набрёл, блуждая в чаще, на селенье,
безлюдное, как высохший родник.

Голодный, исцарапанный, усталый,
а на ногах - до крови волдыри,
напрасно я стучал в чужие ставни –
никто не отвечал, не отворил,

но чувствовал нутром, спиною мокрой:
не руку жать, не «против» и не «за» -
за мной вослед, из всех дырявых окон,
следили равнодушные глаза.

и в сумерках, таинственных и серых,
ни свечки, ни лампады не зажгли,
видать туда, вне времени, без веры,
не люди жить, а призраки пришли.

... я понял - не найти назад дорогу,
никто попить не вынесет воды:
здесь каждый на других доносит богу,
и каждый одинок в петле беды.

И я остался там, в избе без крыши,
с пустым ведром и коркой на столе,
не нужный никому, но и не лишний,
(как все, кто заблудился в том селе)...

Встреча в трамвае

Трамвай усталый на ночлег спешит,
пустые пропуская остановки...
на задней лавке дремлют полдуши,
обутые в дырявые кроссовки,

а в грязной сумке – дом и гардероб,
в котором отогреешься едва ли:
ведь ежели скамью замёл сугроб,
заночевать приходится в подвале...

Мой некий спутник сам, без приглашенья,
подсел напротив, редкозуб и сед:
«А у меня сегодня день рожденья,
да вот беда, не помню сколько лет...

... видать, носить в карманах оптимизмы
бродяге - недоступная цена,
но, если вспомнить, были в прошлой жизни
призванье... мастерская... и жена,

любовь дарила радости в избытке,
друзья обман прощали и долги...
не верилось, что жизнь бывает пыткой
когда вокруг – ни други, ни враги,

когда сырой подвал – и кров, и кровля,
и рубль в подкладке – божье волшебство,
когда желаешь сам себе здоровья
на дни рожденья или Рождество...

... Вас попрошу о малом одолженьи:
недорого, за несколько монет,
я на стекле, в морозном отраженьи,
позвольте, нарисую Ваш портрет».

... и в уголке, свободном от рекламы,
я проступаю, словно на холсте,
ожившим под короткими штрихами,
но, как Христос, распятым на кресте,

как будто в беспощадную эпоху,
под зёвы равнодушных и глухих,
горбясь, взошёл я на свою Голгофу
за прошлые и новые грехи,

как будто Амадео Модильяни
забрать меня в века пришёл в вагон...
... и, странною догадкой поражён,
отдал всю мелочь, что была в кармане....

Его позвал к себе в тот поздний час.
Он отказал: «Какие чай и кофе?
Пойду в пивную – там мой Монпарнас,
мой «Мулен Руж» и крест мой на Голгофе».

... Придя в ночлег, случайно, между делом,
нашёл в одной из брошенных газет,
что - так и есть - сегодня Амадео
исполнилось сто двадцать с лишним лет.

... я много дней, без отдыха и лени,
искал трамвай, увёзший мой портрет.
Сказали мне – в трамвайном управленьи -
уже давно таких трамваев нет...

Встреча с одноклассницей

Жизнь давних дней стирает разницы...
И, всё равно, спасибо ей -
случайной встрече с одноклассницей,
любовью первою моей.

... Как гром, с надеждой невесомою,
услышать тихое: «Ведь ты?!»,
и узнавать сквозь незнакомое
полузабытые черты,
и, повинуясь прежней радости,
неловко прятать, торопясь,
и седину, и тени старости,
что притаились возле глаз,

и молча клясть часы вокзальные,
что так отчаянно спешат…
«Ты поседел, глаза печальные...»,
«А ты всё также хороша...».... Среди орущих
еле слышные,
мешая путникам спешить,
нам все слова казались лишними –
ведь ничего не изменить,

не зачеркнуть им врозь прожитое –
я трижды дед, ты – дважды мать...
смешно твердить слова забытые,
но невозможно их предать...

... а после, в тамбуре, усталые,
прощаясь, может навсегда,
мы знали, что не станем старыми,
коль возвратили те года,

и жизнь опять несла в бескрайности –
непостижима и полна
нам сладкой болью с горькой радостью...
как в те... былые времена...

из памяти потомков время спишет
оставшихся в ковчеге без ветрил...
безумные ж карабкаются выше
по узкой, скользкой тропке без перил.

Ведь каждому - своё. И спорить нечего
о правильности цели и мерил...
суть истины - как время - бесконечная,
... а время - оно тоже без перил

***

С житейскими итогами - нет спора,
кто жизнь пережил, тот меня поймёт:
фортуна легкомысленна и скора
как на измену, так и разворот...

... Чужая вышла жизнь – скандалы, драки,
в хмелю – веселье, а в похмелье – бред...
В скитаньях по судьбе – сплошные знаки –
туда нельзя, сюда проезда нет.

Обиду приумножив микроскопом
и по щекам размазывая тушь,
бродили мы по параллельным тропам,
не сталкиваясь на пространстве душ

и у гадалки капельку надежды
пытались закупить за три цены...
Но если предсказанья - неизбежны,
то, значит, мы с тобой обречены.

... как тяжело доходит обречённость,
терзая непомерною ценой...
когда-нибудь, потом, придёт влюблённость,
не скоро, но, наверное, весной.

И женщина чужая, вынув ключик,
согреет дом, печали растопя,
и будет в чём-то хуже, в чём-то лучше,
но, всё равно, похожей на Тебя.

Обрывки из записной книжки 5

Удача – капризна. Везенья в копилке немного,
чтоб всем недовольным хватить на достаток и чин...
Случайность – увы, оправданье поспешности бога,
когда обделённые фартом не знают причин.

Немногим дано, вопреки лотерейным итогам,
себя обрести на тропе от зачатий до тризн,
решившим, что правила вовсе не писаны богом
в азартной игре, иногда называемой «жизнь» ...

Счёт не закрыт. Он уже - на крупинки.
Что там осталось в песочных часах?
Вдовы всё чаще зовут на поминки,
значит, итоги всё реже в плюсах.

Яма утрат – не наполнится встречами,
знать, что на них не бывает ответ
хвори без сна – не излечит рассвет...
и, задаваясь вопросами вечными,

жизнь – на разрыв испытанье,
непредсказуемый путь...
пытка разлукой, исканьем...
чуть приоткрытая суть -

в смеси надежды и блуда,
слёз, покаянья, стыда...
из непонятно откуда
до неизвестно куда

... я в прошлое по памяти плыву
по старому сверяясь циферблату:
я снова в общежитии живу
на треть короче месяца зарплату.

Нас пятерых (будь славен оргнабор!)
поднимет утром гимн, как из могилы,
и до пяти бетон или раствор,
казалось, грамма не оставят силы...

Но в сутках помещалась куча дел:
свидания, зачёт по сопромату,
и на концерт Высоцкого летел
в ботинках «Цебо», купленных по блату...

И, как на праздник, шли на стадион,
кто - всей семьёй, кто - прошмыгнуть украдкой,
сто тысяч замирали в унисон,
когда Стрельцов коронный делал пяткой.

... всё дальше время в прошлое течёт,
в свои стремнины и свои отмели,
как будто память лишний шанс даёт
поспеть туда, где раньше не сумели.

Уже отцы, пришедшие с войны,
в жестяных банках спрятали награды.
А инвалиды, стоя у стены,
просили мелочь, молча, как пощады...

тогда судьба клеймила, как хотела –
без спроса, без пощады и стыда:
забрав у слабых часть души и тела,
а сильных – забивала навсегда...

И возвращались бывшие в плену,
познавшие гулаги и европы...
... а мы не отпускали ту войну
и штурмовали дзоты и окопы...

... Жаль, в эти времени вы не успели,
всё спрятано в почти забытой сказке:
когда Москва несла цветы Фиделю,
и били по своим в Новочеркасске...

когда Гагариных с полётов ждали...
и в Братском море мыли сапоги...
и в отпуск звал не Кипр или Анталья,
а дым костра и запахи тайги

из памяти потомков время спишет
оставшихся в ковчеге без ветрил...
безумные ж карабкаются выше
по узкой, скользкой тропке без перил.

Ведь каждому - своё. И спорить нечего
о правильности цели и мерил...
суть истины - как время - бесконечная,
... а время - оно тоже без перил

С житейскими итогами - нет спора,
кто жизнь пережил, тот меня поймёт:
фортуна легкомысленна и скора
как на измену, так и разворот...

... Чужая вышла жизнь – скандалы, драки,
в хмелю – веселье, а в похмелье – бред...
В скитаньях по судьбе – сплошные знаки –
туда нельзя, сюда проезда нет.

Обиду приумножив микроскопом
и по щекам размазывая тушь,
бродили мы по параллельным тропам,
не сталкиваясь на пространстве душ

и у гадалки капельку надежды
пытались закупить за три цены...
Но если предсказанья - неизбежны,
то, значит, мы с тобой обречены....

как тяжело доходит обречённость,
терзая непомерною ценой...
когда-нибудь, потом, придёт влюблённость,
не скоро, но, наверное, весной.

И женщина чужая, вынув ключик,
согреет дом, печали растопя,
и будет в чем-то хуже, в чем-то лучше,
но, всё равно, похожей на Тебя.

Поезд - воспоминание

ночь... колёса даль чеканят...
мой сосед храпит, как бог...
а меня разбудит память.
Без причины. И врасплох...

... редкий поезд к Ярославлю...
растревоженный перрон...
то ли сон приснился явью,
то ли явь сбылась, как сон?

как скитальцам незнакомым,
разной веры и племён,
стал на сутки «общим» домом
переполненный вагон.

Что взамен надежд дорога
загадает за билет?
поневоле вспомнишь бога,
даже если веры нет:

кто спешит, гоним бедою,
кто – на Севере продрог...
кто, бродяга, счёл судьбою
притяжение дорог...

... Тощий чай, пиджак с медалью,
дух портков и сигарет...
под морозною вуалью
грязных окон тусклый свет.

... кипяток на остановках,
а проход расшевелит
то агент по спецвербовках,
то с гармонью инвалид....

у соседа - ларь бездонный:
не подавится, не даст...
а цыганские мадонны
кормят грудью, не стыдясь...

на чужую самобранку
не раскатывай губу...
и не спрашивай цыганку
про коварную судьбу...

... Я на дальнем полустанке
на ходу решусь сойти:
оргнаборы и цыганки
перепутали пути.

... Так случилось, так совпало,
так вошло в судьбу мою -
развернули круто шпалы
прежней жизни колею.....

... Ночь... Колёса путь чеканят...
Крепкий чай давно остыл...
Недопитые стаканы
растрезвонят про мосты...

Скорый поезд, словно жилы,
разорвет узду разлук,
и нахальные бомбилы
будут сумку рвать из рук.

... Я приехал по-английски -
ни к кому не тороплюсь,
а на градусника риске
то ли минус, то ли плюс,
и боюсь себе признаться,
за надеждами вослед:
мне в душе опять семнадцать,
то ли вёсен, то ли лет.

На узлах путей нездешних
не обманута мечта,
не растеряны надежды,
не растрачены лета...

Опрокинутое время -
по родительским часам...
отчий дом, и всю деревню,
разносили по частям,

чтобы память не питалась
прежним братством земляков...
чтобы родина осталась
под крестами стариков...

И заросшею тропою,
постигаю, сам не рад:
то, что названо судьбою,
начиналось с бывших хат.

Мне б с судьбою разминуться,
снова выбрать прежний путь...
и хотя б во сне вернуться,
если годы не вернуть,

и в "болонье" заграничной,
что как парус на ветру,
вновь Тебя в толпе девичьей
вдруг увидеть поутру.....

Баллада о Витькиной гранате

Село у заболоченной реки –
солдатских вдов – надежда и обиды:
в чужой земле остались мужики,
а здесь – лишь пацаны да инвалиды …

И души здесь пусты, как закрома,
в землянках – из горелых брёвен нары,
здесь церковь разоряли коммунары,
а немцы, отступая, жгли дома.

И выжила в остатке горьких лет
лишь хата раскулаченного Фрола, -
там нынче фельдшер, почта, сельсовет,
а в дальней зале – поместилась школа.

В ней – первый класс, где душ под
двадцать пять,
училка Эльза Карловна учила
из бузины чернилами писать
в конспектах старых, что не докурила.

И в ожиданьи «правильных» наук
на задней лавке, кличенной «Москвой»,
дремал директор, бывший политрук,
за глаз стеклянный с прозвищем «кривой»...

зимой с трудом учащийся народ
коварство арифметики сносил,
зато с весны поля и огород
не оставляли времени и сил

и в классе оставалась малышня
годами от семи и до ... пяти,
которая до "палки" трудодня
мечтала поскорее дорасти.

... А этой разгулявшейся весне
все радовались – люди и скотина,
и верилось, что скор конец войне:
бои велись в окрестностях Берлина.

В тот день хромая Вера – почтальон,
владелица мечты - велосипеда,
поведала, что позвонил район:
правительством объявлена победа....

когда надежда столько зим и лет
тревожным ожиданием распята,
покажется - перевернулся свет,
когда она исполнится как дата.

... На общий стол – харчи и самогонка,
(последнее, чего уж занимать) ...
... и, так некстати эта похоронка,
узрев, навзрыд зашлась у Витьки мать.

... была примета – взрослый знал и школьный, -
военной почты оценить труды:
к удаче, если листик - треугольный,
а если он в конверте – жди беды.

Отца живого помнил он едва ли,
по фоткам лишь, что в горнице висят.
Его ещё на финскую призвали –
видать, был нужный Родине солдат ...

... и кто утешит этот рёв со стоном?
кому за все потери отомстить?
как горький вкус победы самогоном
из бурака немного подсластить?

и, если подсчитать по бывшим хатам
села у заболоченной реки,
кого призвали в армию солдатом,
кого угнали немцы в батраки,

кто вопреки прощальному обету
окопами войны ушёл навек...
... их всех помянут, выпив за Победу,
солдатки, старики да пять калек.

Хлебнул и Витька мутного маненько,
из недопитых стопок на столе...
и стало ясно - есть же Эльза – немка,
ей отвечать за беды в том селе...

(не знал по малолетию мальчишка
что, присланная к нам издалека,
по роду Эльза Карловна – латышка,
дочь ссыльная казнённого стрелка).

... узнавшим лихолетия утраты,
привычен и, почти, неведом страх:
как свой салют снаряды и гранаты
мальчишки подрывали на кострах.

А вот у Витьки - спрятана граната,
на всякий случай... мало ли, что вдруг...
Её у беспризорного собрата
он обменял за жмыхи от макух.

... Лихое время, будь ты трижды клято,
когда судьёй - сопливые мальки:
под ноги покатилась вдруг граната
среди урока Эльзе у доски.

Но сброшенный на пол рефлексом боя,
нажитым кровью на передовой,
гранату политрук накрыл собою,
метнувшись с лавки, прозванной «Москвой».
……...
Повязанный приказом и присягой,
вдали от сельских мазанок и хат,
спустя немало лет погиб под Прагой
наш Витька... там, где пал отец-солдат.

... в забытых сроках - не вините даты...
... в моём селе, заботой стариков,
чтут памятник советскому солдату
с табличкою погибших земляков,

там имена незнаемых и близких,
познавших и сражения, и плен ...
и, напоследок, в этом скорбном списке
там рядом – политрук и Виктор Н.

... былое время, знамо, виновато
за прежний от мальчишки приговор ...
но не рванула отчего граната –
я этого не знаю до сих пор ....

В попытке реинкарнации...

Всё дальше надежды шальные
метёт в никуда листопад,
всё чаще тропинки земные
срываются пропастью в ад.

Не зря предрекали с амвона
бессрочные муки в смоле,
поскольку сильнее Закона
соблазны на грешной земле.

И тащимся от иномарок,
чужим согреваем постель,
и жизнь, как бесценный подарок,
меняем на ссоры и хмель...

... в конце, на исходе земного,
откроются двери Суда,
и грешных велением Бога
загонят толпою сюда.

Вот там и откроются истины,
обидные в неправоте,
что грех наш, быть может, единственный, -
по жизни мы были - не те.

Что вольно или бессознательно
в начале, к исходу ли лет,
нарушили волю Создателя
и Замысел свёлся на нет.

... и Судьи – евреи по нации,
суровый вердикт огласят:
без права на реинкарнации –
в кибуц, а по-нашему, в ад.

... в аду нас обыщут смотрящие,
нальют напоследок в стакан
вина - не чета настоящему,
по вкусу – прокисший нарзан,

испросят о грешных событиях,
не веря раскаянью слов,
пропишут толпу в общежитии -
на дно безразмерных котлов.

Учтут пожелания скромные,
касаясь дровишек котла:
в особом почёте бездомные –
они-то заждались тепла.

... земные используя знания,
чтоб лишний сберечь киловатт,
в котле сколотилась компания -
и Чёрт – экономии рад.

Используя связи нечистые
искупим - кто блуд, кто разбой,
чтоб, если случится амнистия,
стать в будущей жизни собой.

Отбросив мечты посторонние,
вбирая костра благодать,
творим вместо попсы симфонии,
чтоб Замысел вновь воссоздать.

И выстирав белые тапочки,
по самоотлучкам в аду,
воруем чертихам мы яблочки
в пустеющем райском саду.

... Не каждый пройдёт испытание
свой вечный корпя приговор,
но шанс на перевоспитание –
он есть – будь ты мент или вор,

и в будущем, верят все местные,
окончится вечный момент -
вновь мы обретём, бестелесные,
на тело и блажь документ,

и образы сменят безгрешные
и нищие, и короли ...
... чтоб бредить ночами, как прежние,
соблазнами грешной земли.

Семь ополченцев

Семь ополченцев - пост вблизи Кашир, -
ещё вчера - студенты Подмосковья,
и «дед» - полковник бывший, «дезертир»,
бесчестье плена искупавший кровью.

Поведал накануне вестовой:
«Вы в стороне от основной дороги.
Почти в тылу. Но, в случае чего,
держитесь. Ниоткуда ждать подмоги».

... и ни в штабах, ни в небе рядовых
не жалуют ни маршалы, ни боги ...
Так вышло, что важнее основных
на нас сошлись неглавные дороги.

... и танки на Москву пошли в обход…
... и гаркнул «дед», срывая перепонку:
«Беги на ГРЭС, сынок, буди народ!»,
и матюгнул для скорости вдогонку.

... «сынкам», не годным к службе строевой,
не знавшим бед, страшнее сопромата,
полковник бывший, ныне рядовой,
раздал по пять патронов и гранату.

... «дед» обнял нас: «На небе подождут,
раз час нам постигать науку боем.
На перекур и письма - пять минут.
И полчаса, дай бог, - на остальное».

... тех полчаса – святым не отобрать.
Но, если б небеса не торопились,
мы б, может быть, не только умирать,
и жить чуть-чуть подольше б научились ...

... потом узнаем – танки не прошли -
от прилетевших позже однолетков,
что, как и мы, безвестно полегли,
принявши честь от Родины и предков.

... тела схоронят бабки пожилые
в могилах безымянных под Москвой ...
... а в сводках - ни убиты, ни живые,
мальчишки и полковник-рядовой ...

... когда в дни юбилеев на поклон
несут венки под всхлип оркестров медных,
покайтесь, что потерянных имен
в войне гораздо больше, чем победных

г. Кашира (Каширский р-н) - немецкие войска 25 ноября 1941 г. неожиданно вышли к юж-ной окраине Каширы. Наших войск здесь ещё не было. Возникла угроза прорыва немцев через р. Оку к Москве, захвата Каширской ГРЭС. Пост вступил в бой самым первым. Основной удар приняли на себя зенитчики и Каширский истребительный батальон. На рубеже р. Мутенки они задержали немецкие танки. За это время из-под Серпухова совершил марш 1 гв. кавалерийский корпус и 27 ноября перешёл в контрнаступление. Угроза захвата Каширы была ликвидирована.

Молитва

Прости нас, Всевышний, за то, что
не вовремя, в час перемен, родились,
за то, что в истории мы заблудились
вне срока поднявшись с колен.

Что лес потеснили бетонною чащей,
всё сущее в нём потравив,
что выпить хотели бездонную чашу,
хмелея от вкуса крови.

Что мы поклонялись то Будде, то Кришне,
а Бога пытались забыть ...
И только за то не прощай нас, Всевышний,
что мы разучились любить.

Узнавание родины

Дом родной – по соседству с пивной.
За сараем – цыплята под курицей.
Отопление – уголь курной,
остальные удобства - на улице.

У подъезда соперницы вдовые
манят взгляды хмельных мужиков,
и сверяется время бедовое
с пересменами шахтных гудков.

... Эту улицу из лагерей
немцы строили военнопленные
(чтоб потом их забыть поскорей,
сроют кладбище послевоенное) ...

По вербовке в дома с полстраны
завезут, нумеруя их блоками ...
В них росли, как сорняк, пацаны
что в разборках считались жестокими.

... Шахта – мера надежд и страстей -
и кормила, и мстила бедою:
выносили отца из забоя
коногоны, чернее чертей ...

... в дни зарплат, если жён коллектив
запоздает с дежурством под кассами, -
у пивной, где вино на разлив,
пропивались получки с авансами.

... и мальцы той не сытной поры
все рождались со вшами и тощими;
нас крестили нужда и дворы -
и отцовские, и безотцовщины.

Под горой, где одни "куркули",
драли вишни - десерты сезона,
и взбирались на верх террикона,
заглянуть за пределы земли.

В праздник гордо мы ноты несли
оркестрантам из шахтной колонны,
и портреты вождей, что в пыли,
были строгими, словно иконы....

всё прошло. Разделилась стезя.
Мы, не веря в прощанье, простились:
я уехал служить, а друзья
за отцами в забои спустились.

... Как на уголь края не щедры,
но сильнее безвластья законы:
на утиль поразрежут копры,
и угаром дохнут терриконы.

Не сбылись, посулив много лет,
пожелания в праздничных тостах:
затерялся друзей моих след
на печальных шахтёрских погостах.

Двухэтажный посёлок давно
стал другому приютом под солнцем,
но на память о детстве шальном
неизвестным зайду к незнакомцам.

... старый дом - с потемневшей стеной.
... за сараем – цыплята под курицей.
... отопление – уголь курной,
остальные удобства - на улице.

... у подъезда – соперницы-сплетницы
делят страсти вдовцов-старичков,
и слетает по клавишам лестницы
колокольчиком звон каблучков.

... на венке – угольки, словно метки,
знак прощанья с шахтёрской судьбой ...
... и снесут табуретки соседки
для поминок под старой вербой.

И меня, незнакомца-прохожего,
тянут на поминальный обед ...
и щемящее чувство похожего
растворит во мне разницу лет.

И сосед, по-приятельски вроде бы,
после третьей окликнет на «ты» ...
... и больней узнавание родины
после капли чужой теплоты.

Углем вбитая в бронхи и веки,
всем, кто вдосталь хлебнул то житьё,
память спряталась в доме навеки,
чтоб никто не обидел её.

И поверилось в час неугодный,
на поминках в шахтёрском селе,
что в подземной моей преисподней
больше праведных, чем на земле.

На окраине, в старом саду

На окраине, в старом саду,
как забытое воспоминанье,
мы поймали в ладони звезду
и вдвоём загадали желанье.

И презрев притяженье земли
нас кружило листвой, невесомых,
и расстаться никак не могли,
задыхаясь от слов незнакомых...

...мы с тобой не сжигали мосты,
у костров не грустили потухших,
но тепло незабытой звезды
согревало озябшие души.
И в заброшенном райском саду,
пережив в тыщу лет расставанье,
целовались у звёзд на виду,
исполняя былое желанье.

Нам давно по пути с сатаной

Нам давно по пути с сатаной ...
И не зря, как наказ очищенья,
зачастили на рай наш больной
и потопы, и землетрясенья.
Мы спасаем в беде телеса,
бросив души под шины и пули,
и на помощь зовём небеса,
где на нас, безнадёжных, махнули
и забвение ищем в вине,
исцеляя иллюзией беды,
и не знаем, что в этой вине
проклянут нас потомки и деды.

ПоZывной ЛЕДАЩЕВ ©

Стихи о войне. И не только

Биография

Родился и вырос в Томске. Здесь же получил высшее образование. Больше 20 лет на госслужбе.

*"**ЛЕДАЩЕВ**" - не фамилия, а мой позывной в эфире, ставший после начала СВО литературным псевдонимом. Военно-патриотические произведения (стихи и рисунки) получили известность благодаря в первую очередь социальным сетям и авторскому телеграмм-каналу «ПоZывной ЛЕДАЩЕВ». Благодаря волонтёрам стал печататься в тематических сборниках стихов («Солнцепёк», «Тёркин жив» от издательства «Красные линии»; «В огне рождалась истина» издательства «Букиведи»), тысячные тиражи которых разлетелись по стране, но прежде всего были направлены в прифронтовые госпитали и зону проведения специальной военной операции.*

Здесь представлены мои произведения военно-патриотической тематики (ZOV).

Да, все иллюстрации тоже моего авторства. Буду благодарен за любые отзывы/рецензии.

Попадающиеся орфоэпические ошибки и «гарцующую» размерность мне простят участники описываемых событий… уже простили…

https://rutube.ru/video/63464a591628ac41b8bdbedda6e8997b/

2024-2025

Вернулся

(ПТСРное)

Всё позади.
И грохоты разрывов
Уже не потревожат по ночам.
Но лишь в груди
Печально и надрывно
Терзает грусть по разным мелочам.
Она свербит:
«Расслабься, ты же дома
Живи как раньше, все проблемы в голове».
А я - солдат,
Блиндаж штурмую снова,
В который раз беру его во сне.
Сквозь кровь и боль,
Тех дней разлуки числа
Я отсчитал на проклятой войне.
На алкоголь
Надеяться нет смысла.
Что повидал, не утопить в вине.
Абсурдна суть:
Вот цел, в душе - калека.
Забота близких, вечером спортзал.
Прошёл свой путь,
Остался человеком,
И выжил, значит всем всё доказал.

За ПВ! с днём пограничника

За «погранцов», кто в боевом расчёте,
На сутки заступал в двадцать ноль-ноль.
На палубе, броне и в самолёте
Границы обеспечивал контроль.

Надену я зелёную фуражку,
И «За ПВ!» синеет на руке.
Себе позволю полную рюмашку:
За нас, и за «Границу на замке»!

Парфюм

Там, в прошлой жизни, где носил костюмы,
И где по барам шлялся до зари,
Питал я слабость к запаху парфюма:
Диор, Армани, Гуччи, Труссарди.

Там, в прошлой жизни, время прожигая,
Где море, солнце, пальмы и пески.
Я думал на Земле кусочком рая:
Дубай, Анталия, Сейшелы и Бали.
Там, в прошлом, где «вэ восемь» под капотом
Карбон и алькантара, биксенон.
Я скорость не снижал на поворотах,
Дрифтуя, за ночь истирал баллон.

Сейчас «вэ восемь» старым бэтээром
Не в рай везёт, а в головной дозор.
И камуфляж, пошитый не Карденом,
А мой парфюм - отдельный разговор:

Я пахну гарью, тленом, кровью, потом.
Безумный взгляд, решимости оскал.
Война и смерть теперь моя работа.
Душа трепещет, нервы как металл,

Струной натянуты, звучат без фальши,
Реву навзрыд, над мёртвыми скорбя.
Но сделал то, чего не делал раньше:
Познал себя, и победил себя.

Тепло уютных блиндажей

Тепло уютных блиндажей,
Надёжно сбитых в три наката.
Степная лента рубежей,
Да байки старого солдата.

Снаружи бахает арта,
По небу рыщет смерть снаружи.
А здесь у печки суета,
Бойцы готовят скромный ужин.

Беззлобно шутят пацаны,
Смеются, травят анекдоты.
И кажется, что нет войны,
Что только мирные заботы:

Друзья из города в село
Вот-вот завалятся на дачу.
Там банька, сухо и тепло,
Да к ужину сто грамм в придачу.

По-братски вечер захмелел,
Гитара у костра играет.
А та, которой песни пел,
В моих объятьях засыпает.

Но нет, пока что - не судьба.
Мы между адом или раем.
В землянке души и тела
Теплом блиндажным согреваем.

Полста вёрст до Рейхстага

Как полынная горечь, досадой
И обидой застрял в горле ком.
Неполученною наградой,
Недопитого спирта глотком.

Был готов умереть смертью храбрых
И, победы познать не сумев,
На бескрайних российских ухабах
Пасть за Курск, Сталинград или Ржев.

Но судьба, прорываясь с боями,
Сквозь цветущий немецкий апрель,
Кровью, потом, огнём и слезами
Окропить сапоги да шинель.

Наша доблесть и наша отвага
Личным мужеством освящены.
Не дойдя полста вёрст до Рейхстага,
Растворился в объятьях весны.

На двоих

специалистам по радио-электронной борьбе

На двоих по’ два цинка патронов,
Пулеметная лента-река.
Два десятка расстрелянных дронов,
Два заклинивших дробовика.

На двоих семь часов под обстрелом,
Рваных бро’ников тоже по два.
Два сечённых осколками тела,
И одна фронтовая судьба.

Танк устроил двоим молотилку,
Выбивая удобную цель.
Перегрузкой спалило глушилку,
Генератор пробила шрапнель.

Нет задачи у них бескорыстней,
Эту доблесть не каждый поймёт -
По’ два взвода укрывшихся жизней,
Не попавших под вражий налёт.

А такую не сложную фразу,
Можно только на фронте понять:
"Воином быть - устоять по приказу,
И чуть дольше приказа стоять".

В блиндаже, разомлев от обеда,
Курят двое. Обстрел поутих.
И мечтают, что скоро Победа,
Будет тоже - одна на двоих.

Медведица W

Сидел курил, смотря в ночное небо,
Как в песне Цоя, что про пачку сигарет.
«А ты четвёртый месяц дома не был», -
Ночной прохладою напомнил лунный свет.

Я здесь присяге и Отчизне верен,
Хоть в край далёкий не доедешь, не дойдёшь..
Вдруг понял, что созвездие на север -
Большой Медведицы родной, знакомый ковш.

Но перевернутый, и вправо ручка.
Вот не признал тебя, походу, не серчай.
На горизонте маленькая тучка,
Туда полярная звезда легла на край.

Полярная. Мне не нужны секстанты -
Она дорогу к дому сможет указать.
Здесь в Африке, простые «музыканты»,
Как в песне Цоя, не желают пропадать.

Солнце и отпуск

В отпуск под солнце вернуться -
Грёзы оставшихся там.
Змейкой траншейной завьются
И побегут по полям,
Бывших посадками хлеба.
Путь добровольцев тернист,
Сыплет на головы небо
Нервы терзающий свист.
Так говорят миномёты,
Так начитается бой.
Молча считаем прилёты,
С мыслью: «Не дай, Боже - мой!»
Взрывы эфир заглушают.
Редко выходим на свет.
Сырость. В окопах с мышами

Делим остатки галет.
Холодно, мокро и грязно.
Сверху гоняется смерть.
Липкими страхами вязнет,
Тает отважная твердь.
Здесь растворяется в землю
Кровь, напитав чернозём.
Между обстрелами дремлем,
Солнца и отпуска ждём.
…
Отпуск. Развеяв похмелье,
Кинув за плечи рюкзак.
Пьяное брошу безделье,
И возвращаюсь назад.
Там на троих сигареты,
Там от озноба дрожа,
Делим с мышами галеты,
Сырость и мрак блиндажа.

Падают, падают

Там, где поля,
испещренные градами.
Там, где, кружась,
Мягко стелется снег.
Там пацаны
Молча падают, падают.
В землю ложась,
Засыпают навек.

За горизонт
Пулеметною лентою
Тянется путь,
Убегая в закат.
Наш гарнизон
Скоро станет легендою.
Смертная жуть -
Всюду парни лежат.
И зашагав,
Неуверенной поступью.
В снежную муть
Я бреду до зари.
Чтобы упав
На домашние простыни,
Сладко заснуть
Дня на два или три.

До «пэ-пэ-дэ»
Доползаем усталые.
Тяжестью век,
Опустившихся вниз.
Спим в блиндаже.
А снежинками падая,
Плавится снег.
Тает медленно жизнь.

Очередь в поликлинике

Я постою, какие мои годы.
Конечно, тётя, только не кричи.
Не надо, про морального урода,
Диагноз пусть поставят мне врачи.

Идите, девушка, костюмчик модный.
Мне не удобно улыбаться, нет зубов,
Но, если что, я вечером свободный,
Как юный пионер - «всегда готов!»
Чего ты там ворчишь, «старлей с Афгана»,
Какая дэ-шэ-бэ и «Шиндагар».
Ты без стакана не встаешь с дивана,
Мы все почуяли вчерашний перегар.

Малыш, ты про «значок» спросил у дяди?
«За мужество». Дают, поверь, не всем.
Такой же хочешь? Будь готов не глядя
Махнуть его на ногу, без проблем.

Бабуля, не ругайся, в самом деле.
Да, был. Участник. Знали на что шли.
Протез ноги, осколок ноет в теле.
А часть друзей вернуться не смогли.

Там, на войне, Россию защищая,
Стирались в пыль, въедаясь в чернозём…
Я в очереди место уступаю,
И счастлив тем, что в мире мы живём.

Читая 90-й псалом

Под сенью всемогущего Отца.
Я возношу Ему свою молитву:
«От язвы избавИ и от ловца,
Пусть истина Твоя мне даст защиту».

Господь, ты упование моё,
Прибежище души, тот дом, где стены
И ангелы, хранящие жильё,
Благоговением наполнят вены.

Тому, кто для себя познал Христа,
Не страшен зверь, огонь, осколки стали.
А если, вдруг, суровый час настал,
Он даст мне силу, утолив печали.

Не убоюсь ни ночью, и ни днём,
Ни пули, ни стрелы, и ни забвенья.
Падёт всё зло, ведь с Богом мы вдвоём,
И я храню Его благословенье.

Будни трАссера

Стёр до мозолей кровавых
Кожу истоптанных ног.
Я не из воинов бравых -
Челнок.

Груз доставляю на точку:
Воду, питАшку, бэ-кА.
Выйду опять в одиночку.
Пока!

С группой раз выдалось вместе
Раненого отнести.
Не донесли, сука - «двести».
Прости.

Из рюкзака изголовье.
Вечером ноет спина.
Не прибавляет здоровье
Война.

ТрАссеры, как самураи,
Цель растворяя в пути,
Всем челнокам пожелаю
Дойти.

Километры разлук

Разлука отмеряет километры,
На расстояния помножив дни.
Февральской стужей задувают ветры,
Но не погасят пламени они
В сердцах и душах. Кутаясь в одежды,
Девчонки наши ждут с войны ребят.
Пускай февраль подарит им надежды,
А дни в разлуке чувства укрепят.

Виноградная микстура

Февральские ветры задуют опасно,
Завьюжатся снегом. И хочется чтоб
Вдвоём на диване эстетствовать красным
Таманским вином каберне-красностоп.

Ты ножки согреешь укутавшись пледом,
А душу согреет пускай виноград.
На соснах хвоя покрывается снегом.
Уютная нега для тех, кто не рад

Ни мерзкой погоде, ни серому небу,
Ни стылому ветру (да чтоб он пропал).
На блюдце оливки с кусочками хлеба,
В руке виноградной микстуры бокал.

Сухое, по венам проложит маршруты,
И лёгкий туман заклубит в голове.
Мы так благодарны за эти минуты
Тому, кто смешал красностоп с каберне.

После штурма

Глаза болят.
Разодранные берцы,
Не на парад.
КровоточИт лицо.
Но каждый рад,
И чаще бьется сердце.
Горящий взгляд
У выживших бойцов.

Адреналин.

Дрожат немного руки,
И рвется кашель
Копотью нутра.
Мой магазин
Пустой. И гаснут звуки.
Я скинув шлем,
Засну здесь до утра.

Гудит спина,
Мечтая об оттяжке,
Где баня, сон,
Над штабом реет флаг.
Там чистота
Постиранной рубашки,
Да сытный стол.
Не потревожит враг.

На утро залп.
Прилетов канонада,
Да суета
В эфире, через мат
Вставай, сержант!
Не хочется, а надо.
Кругом война,
И ты на ней - солдат.

Порванное сердце

Мам, прости, я уже не приеду
В новый год, да на майских весной.
И не жди в воскресенье к обеду.
Мы не встретимся больше с тобой.
Ты стоишь у Смородины-речки,
Я застыл на другом берегу.
В церкви воском расплачутся свечки,
И следы заметёт на снегу.

Я ушёл, мам, в далёкие дали,
Запорошенным полем, пешком.
Пусть Героя звезду и медали
Вам с отцом передаст военком.
На него не держите обиду,
Он ведь тоже потрепан в бою.
Что суровый - то больше для виду,
Вашу боль примет он, как свою.

Я гранату накрыл добровольно,
Жизнь отдавши за други своя.
Не волнуйся, мам, было не больно,
Но теперь, получается, я
Остаюсь навсегда с молодыми.
А бойцы, избежав сто смертей,
По домам возвратятся живыми,
В честь меня назовут сыновей.

Ты, родная, живи очень долго.
Понимаю, мам, я виноват.
Но прошу материнского долга,
Помолись за российских солдат.
Этим самым священным из таинств
Сердце рваное будешь лечить.

Мне пора, мам, уже рассветает.
Не грусти и не плачь. Надо жить!

Кувалда W

Бронежилет, разгрузка, бЕрцы,
В накат идут штурмовики -
Шахтеры, кузнецы, путейцы,
Строители, вахтовики.

От Бога крепкая физуха,
Характер русский твёрд как сталь.
Несокрушима сила духа,
И стержнем волевым мораль.

Меч НемезИды вечно занят,
Но нам сегодня повезло -
Возмездием кувалда станет,
Кувалда покарает зло.

За преданных, за угнетенных
Мы справедливо отомстим.
И тем, кто был с душою тёмной,
Всем по заслугам воздадим.

Кувалдой бей врагов по роже,
Не бойся, если их не счесть,
Ведь больше жизни нам дороже
«Отвага, Родина и Честь»!

Меч НемезИды вечно занят,
Но нам сегодня повезло -
Возмездием кувалда станет,
Кувалда покарает зло.

Врагу стань трудною мишенью,
Воюй на сколько хватит сил.
Как завещал нам «Дядя Женя»,
И как «Девятый» нас учил.

Да, на войне не мало боли,
Но флаг девизом реет вновь.
Ведёт к победе сила воли,
«Отвага, Родина и Кровь»!

Меч НемезИды вечно занят,
Но нам сегодня повезло -
Возмездием кувалда станет,
Кувалда покарает зло.

Боевые коты

Необвешенные амуницией,
Но со смертью бывая «на ты»,
Поселились у нас на позициях
В блиндажах боевые коты.

У развалин - окоп в палисаднике,
В нём обедали из сухпайка.
Сытно в этом мышином рассаднике,
Шерсть немытую греет рука.

Сердце ёкает, сжавшись под бронником,
Ностальгией по дому, где ждут.
Ведь про кошек написано в хрониках:
«Образ дома. Семейный уют».

Я мечту сформулировал штатскую,
Под обстрелами, помня о том,
Что, познавшему долю солдатскую,
Боевому коту нужен дом.

Поседевших, израненных мальчиков
Дома встретит родная семья.
Замурлычат, свернувшись калачиком,
И забудут, как рвалась земля.

Отогреются нежными ласками,
А в ответ, раздадут доброты.
Пусть вернутся, сняв брони с касками,
По домам «боевые коты».

У могилы неизвестного солдата

В эмоциях берусь за карандаш.
Запечатлеть истории момент:
Потрёпанный в сраженьях воин наш
Букет цветов кладёт на монумент.

Войной укрыто между двух миров
Героя имя, будто он ничей.
Потомки с уважением, без слов,
Склоняются без пафосных речей.

Тому из нас, кто знает боль утрат,
И кто познал величие побед,
Безвестный александровский солдат -
Родной и близкий безымянный дед.

Рождественские свечи

Со свечками в руках стоят в сочельник
Буддист Доржо и мусульманин Мухаммад
У Ярослава покрывает тельник
На бронзовой цепочке коловрат.
Серпом и молотом чернеют патчи
Нацболов питерских - Толяна и Петра.
К молитве, перед боевой задачей,
Собралась разношёрстная «махра».

Святой отец во след пошлёт знамение.
И, усомнившись в том, что Бога нет
Перекрестится атеист Евгений,
Иконку спрятав под бронежилет.

Не верь, что кто-то в бой идёт без страха.
В геройских лозунгах есть фальшь пустых речей.
Ношу у сердца крестик под рубахой,
А в сердце -пламя тех рождественских свечей.

Между декабрём и январём

Мы в прошлом, и по нам декабрь плачет.
У вас: гирлянды, ёлочка, январь,

Шампанское, салаты и карпаччо.
У нас - чай, сигареты и фонарь.

По небу брызги - фосфором салюты,
Здесь каждый третий - бородатый дед.
И декабря последние минуты
Торопятся, спешат друг другу в след.

Возможно, кто-то скажет с умной миной:
«Нас разделяют часовые пояса».
Под бой курантов я считаю взрывы,
И слушаю в эфире голоса.

Хочу расслышать, сквозь помехи РЭБа,
Прижав плотнее ГэБэШа «Гранит»,
Как кто-то мирного желает неба,
Добавив, что Господь всех сохранит.

Всех сбережет, и отведёт ненастье.
На стыке декабря и января
Нам чай заменит таинство причастия,
Табак, как ладан в свете фонаря.

Летящие сюда из ниоткуда
Снаряды разрывают чернозём.
А мы храним надежду, веру в чудо,
В миг между январём и декабрём.

С днём чекиста, Володя!

Когда-то вместе мы учили языки,
На ринге бились, мяч бросали метко.
Совсем мальчишки - просто сопляки,
Мечтавшие о службе в контрразведке.

Зачитывались книгами, когда
Страну пинали, понуждая сдаться.
Но мы несли с тобою, сквозь года,
Желание служить, с врагами драться.

Судьба нарезала нам разный полигон.
Работали в условиях спартанских.
По три звезды упали на погон:
Тебе – «конторских», ну а мне –
гражданских.

По-разному бывало, иногда
Терпеть случалось боль, обиды, беды.
«Счастливая счастливейших» звезда
Садальсууд дарила нам победы.

Достаток дома есть, и есть семья.
Так незаметно подрастают детки,
А мы седеем - юности друзья,
Мечтавшие о службе в контрразведке.

Декабрьские МОНки

Чуть снегом припорошены поля.
Изрезана траншеями посадка.
От солнца нагревается броня,
Стволы и башня, и боеукладка.

Раскисшей колеёю чернозём.
Его не склеить новогодней стужей.
На «бэ-тэ-эре» в тыл бойцов везём -
Кто раненый, кто тяжело контужен.

Работа сделана, окончен бой.
Взвод закрепился, дали «украм» жару.
Вокруг позиций стерегут покой
«Тэ-эМ-ки»* наши с «МОНками»** на пАру
.
Никто не знает, сколько нужно дней
Петлять по этой жиденькой дорожке,
Где по обочинам пятьсот смертей
Хранит в себе коробочка на ножке.

Проснулся - счастье. К вечеру живой -
Уже есть повод веселиться смело.
Но ночью так захочется домой,
Что в горле ком, и ноет где-то слева.

Я вспомню о заснеженных краях,
Сибирского мороза воздух звонкий.
А здесь:
Нагретые от солнца, на полях
«К противнику» расставленные МОНки.

___

** Тэ-эМ-ки – противотанковые мины серии ТМ (62, 72).*
*** МОНки – противопехотные осколочные мины направленного поражения МОН-50. Количество поражающих элементов – 485-540 шт. Для правильной ориентации в пространстве при установке, на одну из плоскостей корпуса заводом-изготовителем нанесена надпись «к противнику».*

Туманное молоко

Утонув в туманном молоке,
Третьи сутки в блиндаже скучая,
Операторы на передке
Согреваются горячим чаем.

Не дымит, расстрелянный в борта,
Сдетонировавший новый «Брэдли».
И не лупит батальонная артА,
По позициям не стелит петли.

На посту очкарик с СВД
Мокнет, приложившись к сигарете.
Никотин туманом в голове
Растекается мечтой о лете.

«Мавик» запускать - нет дураков.
Потеряешь, потому и не летает.
Группа из семи штурмовиков
В жиденькой посадке засыпает.

Счастье - над окопом тишина.
Сон подарит радостные встречи
Тем, кого безжалостно война
Третий год разлукою калечит.

Лягу головой на рюкзаке,
Выплюнув дежурное проклятье.
И засну в туманном молоке,
Чтобы утонуть в твоих объятьях.

Память Рода

Косте «Юристу» Головину
(1-й МСБ 4 ОМСБР "Призрак")

Судьба дала внезапный поворот.
Пиджак сменил на камуфляж и бронник.
И клацая, дослав патрон в патронник,
На Кременную двигается взвод.

Влюблён в одну девятой мира ширь,
Не променяю старые перчатки:
Кавказ и Крым, Калининград, Камчатка,
Донбасс, Урал, Поволжье, и Сибирь.

Когда настал в стране суровый час,
И в мужиках очнулась память Рода.
В огне металлом плавится порода -
Война разбудит то, что спАло в нас.

Умри, но, сука, выполни приказ,
Свой крепкий дух, показывая делом.
Ах, это так по-русски: под обстрелом
Читать стихи в окопе, без прикрас.

И так по-русски, выходить на бой
В крови, оскалив яростно улыбку.
В знак уважения, а может по ошибке,
Костлявая промчится стороной.

Но время скачет - не воротишь вспять.
Душа и тело сплошняком в заплатках.
Сквер «Ветеранов». Там походкой шаткой,
С детьми я отправляюсь погулять.
И где «Магнитки Первая палатка»,
И ЗаводскОго стелящая гладь.

В разведку боем

Который месяц на позициях стоим.
Случайных выстрелов наевшись под завязку.
«До ветра» бегаем, надев броню и каску.
В подвале спим, покой доверив часовым.

И вот, как в старом фильме, вижу я,
Читают буднично приказ, не перед строем
Сегодня нужно провести разведку боем.
Есть, значит, шансы, стать героем у меня.

Чтоб не погиб весь полк, в надежде на авось,
Должны с боями взводом провести разведку.
Со звоном вверх подбросив медную монетку,
Ловлю «орла», чтоб всё удачно обошлось

«Кто добровольцы - выходите!» Шаг вперёд.
Навстречу делаю без трепета, без мУки.
Но лишь предательски дрожат в волнении руки,
Прекрасно зная, что в разведке боем ждёт .

Песчинкой крохотной на свете мы живем.,
В потоке времени, как метеор сгорая.,
В конце пути открыв душе ворота рая,
За(к)роем тело на два метра в чернозём.

Однако, врёшь - не проведёшь, ещё не факт!
Не зря ж «орла» поймал в подброшенной
монете.
Я верю в то, что поживу на этом свете,
И марш победный подпою оркестру в такт.

Стихи для бойца

Зачем бойцу стихи про кровь и смерти?
Он видит это всё через прицел.
Он день живёт военной круговертью,
Да радуется, что остался цел.
Бойцу нужны стихи не про разрывы,
Не про прилёты, и не про врагов.
Он хочет про весенние разливы,
И запах свежескошенных лугов.

Про день морозный, золотую осень,
Про свой родной, далёкий, дивный край.
Любимую, что никогда не бросит.
Про дом, где был всегда уютный рай.

Про детский смех - счастливое мгновенье -
Вы рифмами поведайте бойцу.
Пусть станет для души благословением,
Растёкшимся улыбкой по лицу.

Пускай под бронником трепещет сердце
От строчек тех, и влага на глазах.
Заставит взгляд перевести на берцы
Мечта о возвращении назад.

А те стихи, что болью тянут жилы,
Ему понадобятся позже, а пока,
Прочти солдату строчки, где все живы,
Где речка, солнце, ветер, облака.

Самокат

По разбитому поселку,
Легче танка вО сто крат,
Мчу в родную лесополку,
Оседлав свой самокат.

Чудо транспорт из Китая
Подогнал мне волонтёр.
И проблем вообще не знаю
Я с доставкой с этих пор.

Не «Урал» и не «буханка»,
Не «шишига», не УАЗ.
Батарейка вместо бака,
Зарядил - дави на газ.
Мне ни званья, ни медали
Не нужны. Одна тоска,
Чтобы в армии создали
Самокатные войска!
Видел каждый, кто воюет,
Сколько груза прёт солдат.
Самокат же мчит как пуля,
У бойцов он нарасхват.
Я заряды к миномёту
СамокАчу по прямой.
Нет препятствий патриоту,
Победим – вернусь домой!

Не «Урал» и не «буханка»,
Не «шишига», не УАЗ.
Батарейка вместо бака,
Зарядил - дави на газ.
Мне ни званья, ни медали
Не нужны. Одна тоска,
Чтобы в армии создали
Самокатные войска!

Внешние пилоты

Летаем мы без перегрузки,
И кислородных масок нет.
В подсумках старенькой разгрузки
Аккумуляторов комплект.

От пульта кровоточат пальцы,
Ви-ар очки натёрли нос.
Жужжат небесные скитальцы,
Неся врагу смертельный сброс.

Давай работы, а не хлеба,
Привыкшим жить без тишины!
Но по ночам нам снится небо
Без РЭБов, "птичек". Без войны

Воспоминания о чёрном тюльпане

Я пёс войны. Простой сержант запаса.
Пройдут года, но не забуду, нет,
Как минами распахивало мясо,
Как от термита выгорал скелет.

Сопровождать «тюльпан» - петля на шею.
Там саван безымянного стрелка
Чернее ночи, на мешках белеют
Заглавные три буквы: «дэ-эн-ка».

Ростов. Рефрижератор. Боль в костяшках.
Братишки возвращаются домой
Запаянные в цинковых рубашках.
А я с «двухсотыми» на борт. Живой.

Аэродром. Заправщик на «Урале».
Вторые сутки сон рукой снялО.
Намок рукав, пропитанный слезами.
Махну стакан, чтоб потушить нутро.

И бортовой, разлив по стопкам водку,
На мой вопрос - какой же в этом толк?
Сказал: «Земля им пухом, – сняв пилотку. –
Погибшим отдаём последний долг».

Сибирь встречала хмурою погодой.
Природа плакала, рыдала мать.
Хочу забыть, но пусть проходят годы,
Не дай нам Бог, всё это забывать.

-«термит» (термитная смесь) – порошкообразная смесь алюминия или магния с окси-дами различных металлов, имеет температуру горения 2300—2700 °С. В боевых условиях используется в качестве зажигательных составов.
-«дэ-эн-ка» – (ДНК) дезоксирибонуклеиновая кислота. Аббревиатура на таре с останками для опознания с помощью лабораторного генетического теста.
-«тюльпан» - армейский транспортный само- лёт, перевозящий «двухсотых» -
тела погибшего личного состава.

Контуженная осень, лучшие в аду.

Внезапно приходит беда.
Со свистом врывается гром.
Волнами разрывов стена,
Грохочет и хлещет огнём.

А если вдруг дрогнет рукой
Наводчик на той стороне,
Останусь на век молодой,
Засохшим листком на траве.

Команда: «Ни шагу назад!»
Видать суждено на роду,
Что если отправимся в ад,
То лучшими будем в аду.

Наш взвод миномётом зажат,
Осколки летят из окОн.
Пришла сто двадцатая, брат -
Контуженной осени стон.

Пульсирует кровь по вискам.
Бетонная крошка, как град
По шлему стучит: бам-бам-бам!
И смерть принимает парад.

Команда: «Ни шагу назад!»
Видать суждено на роду,
Что если отправимся в ад,
То лучшими будем в аду.

Воронка

В ворОнке умирают пацаны,
Как будто в сон их повела усталость.
Колян и Лёха - Родины сыны,
Страны мобилизованная малость.

Война им сушит души и тела,
Разрезав на куски тела и души.
А дома мир тусовок и бабла,
Там про войну никто не хочет слушать.

Среди кальянов, смузи и крипты,
Тик-тока, и «успешного успеха»,
Нет места для дымящей черноты,
Той, что клубит подорванная «бэха»*.

Нет места гулу полковой арты,
Нет грохоту прилётов и ответок.
Здесь в кабаках устали от войны,
Здесь возмущаются ценой креветок:

«Ах, если б не война – здесь был бы рай.
Хотя на БАли отдых круче рая…»
В ворОнке Алексей и Николай,
Исполнив долг, навечно засыпают.

Я на крыльце у дома закурю,
Вогнав в себя стакан с холодным виски
За пацанов, оставшихся в строю,
За тех, чьи имена на обелисках.

**«бэха» - боевая машина пехоты (БМП)*

Военфельдшер Витя

С днём медика поздравить заходите
В санчасть. Средь медицинского всего,
Стихи читает военфельдшер Витя,
Что написал Серёга про него.

Про то, как он ведёт свою "буханку".
Вывозит раненых товарищей своих,
Подставив борт бандеровскому танку,
Спасает всех оставшихся в живых.

Два года на войне - тут не до шуток,
Не до поэзии. Но он, простой солдат,
В тот самый трудный жизни промежуток
Поддержку чувствует своих ребят.

Аптечки регулярно шлют из тыла,
И багги строится - останутся штрихи. А
грусть-печаль с тоскою опостылой
Разгонят классные Серёгины стихи

Плен.

Тусклый свет просочился в подвале,
Дрогнут веки, трясу головой.
Помню раненых нас добивали.
Живой.

Липким страхом и чёрными снами,
С ощущением ватных колен,
Будто всё происходит не с нами.
Плен.

Взгляд пустой у сержанта в тельняшке.
И дрожит огоньками в руках,
Заклубившись от жадной затяжки,
Страх.

На стене сорок блеклых засечек,
Души павших отправились в рай.
Я за них ставлю мысленно свечки.
Прощай.

Загнивает и тянет по ранам
Мысль - скорей провалиться бы в сон.
Сырость в каплях текущего крана.
Стон.

Безысходность скребёт несвободой.
Неизвестность - терзающий миг.
Станет тихого подвига одой
Крик.

Лязг засова и свет, как из рая.
Конвоир, за спиной военврач.
Всё, сержант, нас на хлопців меняют.
Не плачь.

Михалыч едет на войну

Михалыч едет на войну,
Срок разменял на ствол и берцы.
Оставив дом, детей, жену,
Идёт на фронт с холодным сердцем.

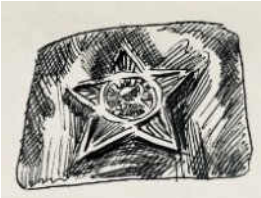
Кому по жизни колея,
С кого-то спрашивают строго.
Вот у Михалыча своя,
Совсем негладкая дорога.

Привычен старый автомат,
И знает, как мотать портянки.
Суровый пёс войны, солдат.
Он может год прожить в землянке.

Без генеральских ништяков.
У тех - счета, машины, дачи,
И китель в цацках - шесть рядов,
А у Михалыча задача:

Скостить свой срок, не пасть в бою.
Где от усилий рвутся жилы,
Он присказку твердит свою:
«Знать, не помрём - так будем живы!»

Держись, Михалыч, не робей.
Пускай не новый ты Мессия,
Вернись на Родину скорей,
Тебя с Победой ждёт Россия.



Догорает в кювете буханка

Догорает в кювете «буханка»,
Освещая округу огнём.
Он убитый лежит на баранке,
Подпоясан отцовским ремнём.

«Зажигалки» - серьезное дело,
Не оставили шанса они
Ни УАЗу, ни мертвому телу,
Что осталось в кабине внутри.

Лишь под утро добралась разведка,
Марш-бросок совершив на рывок.
Под сгоревшим сиденьем «таблетки»
Раскопали латуни кусок.

На душе стало горько и тяжко.
В сердце врезалась чёрная тень
Закопчённой оплавленной пряжки,
Что когда-то венчала ремень.

Романтики войны

Не каждому дано в подлунном мире
Душой познать романтику войны.
Услышав друга позывной в эфире,
Лететь на бой, хоть шансы не равны.

Земля АвдОса, СлАвянска и ПЕсок
Впитала кровь бойцов из «Сомали».
Ты жизнь, войной отмеренный отрезок,
Потратил на защиту той земли.

Родные терриконы и свобода,
За что воюешь знал наверняка.
Комбат неполные четыре года,
А слава пролетит через века.

Я верю, что архангелы из рая
Возьмут тебя в защиту райских стен,
Куда бойцов погибших зачисляет
Твой друг комбат по имени Арсен.

Шебекинский пацан

жарким июльским днём
на голове панама
двор оглушён хлопком
боже как больно мама

"бабы яги" заряд
воздуха режет грани
"я же теперь солдат
"триста" осколком ранен"

ты нас прости пацан
боль прожигает детство
кровь из твоих ран
взрослым сжимает сердце

маленький наш герой
в мире чтоб жить ребятам
завтра пойдут в бой
взрослые дяди солдаты

Волонтёрский конвой

За «коптер», за носочки,
Домашнее тепло.
И за письмо от дочки,
Что до меня дошло.

Конвой с гуманитаркой
Собравших по рублю,
В твоём лице, Сестрёнка,
Я всех благодарю.
От дома километры
Пусть разделяют нас,
Но ты попутным ветром
Примчалась на Донбасс.

Летят по трассе фуры,
Крутые виражи.
Бойцы и волонтёры -
России рубежи.

Надёжные опоры,
Колёса, такелаж.
Одеты волонтёры
В солдатский камуфляж.

Победой грезим скорой,
Пусть Бог всех сохранит,
А подвиг волонтёров
Впечатают в гранит.

Пополнение

Михалыч принимает пополнение.
Четыре рыжих, беленький один:
Беляш, Фокс, Персик (цвет, а не варенье),
Степан. И Фил – единственный блондин.

Барахтаются, падают неловко.
Ума не приложу, когда, и где
Их мамка, полковая мышеловка,
В окопах нагуляла по войне.

Она не убегала под обстрелом,
Не «пятисотилась» под артогнём.
На удивление осталась целой.
По-женски, часто думая о том,

Как в дикую и страшную годину,
Где смертью страх все пропитал кругом,
В кошачьих снах ей грезится картина,
Что у котят хозяин есть и дом.

И двор, широкий сад, кругом ромашки.
Михалыч, тот что ротный старшина,
Беляш и Филя, Персик, Фокс, Степашка.
Хозяйкою - красавица жена.

А дом, как говорится, пОлна чаша.
Там солнце наливает всем тепла.
К Михалычу спешащая Наташа,
Девятый месяц жизнь в себе несла.

Ракета навсегда перечеркнула,
Мир разделив на «после» и на «до».
Но вот пищат в коробке из-под стула,
Сигнализируя ему о том,

Что есть, кому теперь дарить заботу,
Кормить-поить, укутывать теплом.
Он с автоматом ходит на работу,
Чтоб у котят и кошки был свой дом.

Ступени

Волнением пульсирует висок.
Здесь на граните дед записан мой.
Он под Донецком в сорок третьем лёг,
Я ноги потерял под Кременной.

УАЗ летел между воронок и канав,
Братишка вывозил нас под огнём.
Мне нефопам два тюбика вогнав,
Твердил, что «будем живы - не помрём!»

В госпиталях, сменяла боль туман.
Там скорбно кровь лилась рекой на пол.
У Бога на меня особый план,
Жаль, только не смогу играть в футбол.

Протезы. Ковыляю, старый пёс.
Ступень - препятствие гранитных пут,
Вдруг, подхватив, к огню меня понёс
Седой пацан с медалью «За бахмут».

«Братишка, не спеши. Несёшь не в ЗАГС!» -
Шучу. Он улыбается в ответ.
И будто держит на руках сейчас,
Меня не знавший, за Донбасс погибший дед.

В накат

Для многих станет этот день последним.
«Ну, с Богом, брат» - благословил комбат
Струною нервы режут край передний.
В накат идёт «залётчиков» отряд.

Там в лисьих норах затаились черти,
Арта даёт нам небольшой аванс.
Здесь страх позора, выше страха смерти,
А шанс погибнуть — это просто шанс.

Траншейный бой - вершина безрассудства
На патче: «нет ума - штурмуй дома».
Бойцам атака обостряет чувства,
Ведь с ними смерть является сама

Я на рефлексах весь, я на измене.
Адреналин в висках и пот рекой.
Вдруг мина, взрыв, осколками по вене.
Жгут, обезбол, повязка. Снова в бой!

- Братан, я красный!
- Прикрываю, принял!
- Контроль! - метнул гранату впереди.
Мой ангел, в мыслях повторяю Имя,
А вслух кричу: «По флангу заходи!»

Ну вот и всё. Развеет дым по ветру.
Затянет вечер тучами закат.
С молитвой добиваю сигарету
За тех, кто навсегда ушёл в накат.

Сегодня раздали медали

Сегодня раздали медали.
Приехал полковник из штаба.
«Эх, лучше бы отпуск нам дали, -

я буркнул. - Вот это награда!»

Сегодня раздали медали.
Построились, встали красиво.
На видео всё записали
Ребята с канала «Россия».

Сегодня раздали медали,
Но две в штаб обратно вернули.
Двоих мы вчера потеряли -
Погибли от снайперской пули.

Я занял их место на «фишке».
Гляжу в украинские дали,
И плачу по нашим мальчишкам,
Всем, кто не дожил до медалей.

Покойтесь же с миром, парнишки.
Сегодня раздали медали.

И пускай у горла будет спазм.
Пусть поймут, что значит крови море,
Страх, страдания, людское горе,
Смерть случайная - судьбы сарказм,
Шанс не победить в дурацком споре.

Расскажите правду ребятне,
И не бойтесь, что они заплачут.
Брови хмуря, зубы стиснув, значит
Не оставят Родину в беде.
Расскажите детям о войне.

Попутчик из Юрги

- Ну что, отстрелялся?
- Ага, зацепило. -
Сказал, размещая в углу костыли.
И взглядом купе пробегая, тоскливо
На полку пристроил пожитки свои.

- Ну будем знакомы! - ладонь протянул он.
Рука вся в мозолях от тех костылей.
Представился. Сердце немного кольнуло.
- О, значится тёзка - я тоже Андрей.

- Прикинь, просидели в говне трое суток.
Ни дать и ни взять - боевые бомжи!
Зайти-то зашли, а обратно, вот - дудки,
Башку не поднять, «эф-пи-ви» всё кружит.

Неделю назад ещё бегал по полю,
И взводом командовал под Кременной.
Но БэПэЛэА по ноге врезал болью,
Осколками в кость. Слава Богу - живой.

Очнулся в России, пять дней перевязок.
А дальше езжай в свою часть, на Урал.
И грустно продолжил, без баек и сказок,
Что было на фронте, мне всё рассказал.

Стучали колеса, летели минуты.
Мы с ним говорили всю ночь напролет
Про связь, и про РЭБ, «альпин квеста» маршруты,
Про тех, кто нас ждёт там, а кто и не ждёт.

И в этой войне кое-что понимая,
В ответ ему просто кивал головой.
Вдруг пауза в речи повисла немая,
Боец замолчал, взгляд холодный, пустой.

Я взгляд этот мертвый запомню навеки.

Сон артиллериста

Во сне кричу, сжимая кулаки,
Жену пугаю и скриплю зубами.
Опять на правом берегу реки
Спасти пытаюсь транспорт с пацанами.

«Прицел пятьсот, левее шесть и два!
Заряд второй, и беглым по двенадцать!»
В ответ, на правом слышится едва:
«Мы живы… держим… помогайте, братцы!»

Кричу расчётам: «Триста тридцать три!»,
И матеря снабжение из штаба,
Прошу: «Бэ-Ка доставьте до зари,
Хотя бы пО два ящика снарядов!..»

Рассвет прогонит мой ночной кошмар,
Проснусь в тиши молчащего эфира.
Контузией в ушах пищит комар,
Здесь не блиндаж, здесь мирная квартира.

- Опять за лентой было горячо,
Прости, тебе поднадоел порядком…
Она обнимет, ляжет на плечо,
И со щеки смахнёт слезу украдкой.

Серая зона в Работино

Помню полк семидесятый -
Это было так давно.
Свист летящих «сто двадцатых»,
Бой за дом в РоботинО.

Танк стрелял прямой наводкой,
Стены рушились на раз.
Осторожною походкой
Пробирался в дом спецназ.

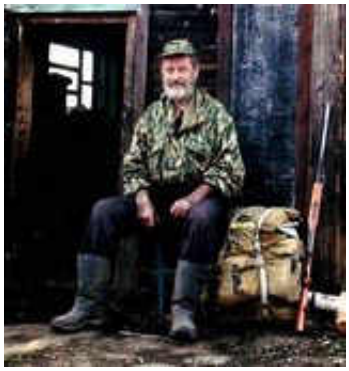
Ночью сон пришёл солдатам,
В тишине совиный крик.
В лунном отблеске, ребятам
Показался смерти лик.

Труп лежал раскинув руки,
Знать, укрыться не успел.
«Стрелкотни» затихли звуки.
Разглядел его в прицел:

Без шевронов бедолага.
Наш? А может и не наш?
Как бездомная дворняга
Спит, зарывшись в камуфляж

Зябко ночью - стынет тело.
Чей погиб вчера боец -
Никому здесь нету дела.
- Пофигизм?
- Война…
- Писееец.

Александр Михайлович Мурашов



Профессор Дальневосточной народной академии наук, действительный член Приамурского географического общества с 21.02.1995 г. Александр Михайлович Мурашов родился 15 октября 1945 г. в г. Вяземском Хабаровского края. Системное образование (физик, математик) завершил в 1975 г. на заочном отделении физико-математического факультета Хабаровского пединститута. 11 ноября 2005 года А. М. Мурашов был избран академиком ДВ НАН. До 2009 года он выполнял обязанности одного из вице-президентов ДВНАН, являлся членом Административного совета и членом Президиума Ученого совета ДВ НАН.

За время членства в ДВ НАН с 16.11.1992 г. А. М. Мурашовым опубликовано более 200 научных и публицистических материалов по разным отраслям знания, в том числе несколько книг и брошюр.

Профессор А. М. Мурашов участник многих международных (в том числе "Второй международной научной конференции по проблемам старообрядчества", г. Владивосток, 2000г.), региональных и межрегиональных научно-практических конференций, в сборниках материалов которых опубликованы его работы.

Научные интересы профессора А.М. Мурашова разнообразны и охватывают многие аспекты современного естествознания, истории и краеведенья, социологии, экономики, политики.

Александр Михайлович Мурашов один из авторов нашего журнала «Казаки за Камнем». Его очерки об опасных и безоружных одиночных экспедициях по родному краю поражают наблюдательностью и утончённому восприятию родной природы.

Бандеровцам

Напал бандеровский вандал
На землю русскую он снова,
И древний Киев застонал –
Предательства не знал такого.
Зверей фашиствующих лик
Царит на выжженных полянах
Он никого здесь не щадит,
Ни женщин, ни детей, ни ветеранов.
Пришли Россию покорить
И русских уничтожить славу.
Недолго вам осталось жить,
Мы отстоим свою державу.
Пробилось полчище зверей,
Нависла смерть над нашим Курском,
Но вынул шашку Кочубей
И впереди пошёл: «За русских!»

Горит Полтава, Красный Яр -
В огне предатели России.
Здесь мечется предатель Карл,
Висит Петлюра на осине.

Надежда Ивановна Бокова

НАДЕЖДА ИВАНОВНА БОКОВА

Родилась 03.04.1960 в Хабаровском крае. Образование высшее – инженер-экономист. Много лет работала по специальности. В 2011 стала победителем краевого конкурса любительских рассказов «Мы – дальневосточники». В 2016 трудоустроилась корреспондентом районной газеты «Рабочее слово» (р. п. Чегдомын Хабаровского края).

В 2019 окончила курсы переподготовки и повышения квалификации по специальности «Журналистика» (г. Москва). Сотрудничала с хабаровскими газетами: «Боевое Братство Приамурья», «Дальневосточный ветеран». Художественные рассказы начала писать в 2020 году. Они опубликованы в сборниках серии «Библиотека дальневосточного казачества» (г. Хабаровск), в журналах (в том числе российском литературном - «Дальний Восток», «Казаки за Камнем» и пр.).

В 2023 вышла её авторская книга «Огонь не имеет конца» о коренных малочисленных народах Севера Верхнебуреинского района Хабаровского края.

Есть награды Правительства Хабаровского края, Федеральной службы государственной статистики, Амурского отделения Союза писателей России (г. Благовещенск-на-Амуре), звание «Ветеран труда».

Пенсионер муниципальной службы. В настоящее время проживает в р. п. Чегдомын Хабаровского края. Работает над изданием новой книги. Замужем, есть взрослые дети и внуки.

Да здравствует советско-корейская дружба!

На корейском языке этот лозунг звучит примерно так: "Чосон-сорон мансе!" ("Мансе!" - по-нашему "Ура!"). Население маленького посёлка-леспромхоза, расположенного у места слияния двух притоков Тырмы (Яурина и Эхилкана), состоит из ста русских жителей и тысячи корейских работников мужского пола. Сама Тырма впадает в Бурею, а та, в свою очередь - в Амур. Где находилась эта производственная единица? При железной дороге Восточного участка Байкало-Амурской магистрали. С одной стороны - краевая столица, с другой – районная. В обе стороны примерно одинаковое количество часов езды в тряском вагоне.

- Почему же трясёт? - спросите вы.

Дизель-тепловоз тащит состав по коротким двадцатипятиметровым рельсам, на частых стыках вагоны подпрыгивают и раскачиваются. Самая большая скорость поезда здесь – шестьдесят километров в час. Доехав до узловой станции Известковая, тепловоз меняется на электровоз и длина рельсов до Хабаровска уже восемьсот метров. Стыков меньше - езда становится более комфортной и скорость в два раза больше. Этот путь называют "бархатным". Бархатным я бы назвала и время событий, о которых мне предстоит рассказать.

ШЕСТЬДЕСЯТ ПРОЦЕНТОВ - РУССКИМ, СОРОК – КОРЕЙЦАМ

Русско-корейский леспромхоз работал исправно, как японские часы «Сейко».

Руководителей и работников в совместном предприятии два комплекта: «сорон-сарам» (русские) и «чосон-сарам» (корейцы) из Северной Кореи. «Сарам» - по-корейски "человек". Одни дублируют других: доверяй, но проверяй.

Корейцы заготавливали лес - валили его на делянах, вывозили на нижний склад. Здесь в сутки загружали и отправляли потребителям по тридцать полувагонов, платформ продукции: пиловочника, стройлеса, балансов (из них можно сделать пиломатериалы, из вершинника - рудстойку, технологическую щепу).

За год объём отгрузки леса составлял порядка 300 тысяч кубометров древесины. Если учесть, что в крупном лесозаготовительном объединении десять таких леспромхозов, то можете представить себе объёмы древесины в целом по лесозаготовительному объединению "Ургаллес": в день, месяц, за год? Нетрудно подсчитать. Цифры впечатляют, не так ли? Делились объёмы таким образом: шестьдесят процентов - русским, сорок - корейцам. Те брали весь ассортимент производимой продукции хвойных и лиственных пород деревьев, выбирая таким образом, свою долю.

Вагоны шли на станцию Гродеково Приморского края, до границы с КНДР, далее - на корейский город Туманган. На русские нужды отгружали пиловочник по многим адресам страны, даже в Нагорный Карабах, рудстойку - на шахты Сибири, балансы - на Амурский целлюлозно-картонный комбинат, где делают картон и бумагу. В 50-ти градусный мороз наши женщины-браковщики, в основном, молодые, до тридцати лет, одетые в собольи шапки и спецодежду (состоящую из валенок, куртки на вате и ватных штанов), стояли на вагонах и точковали лес, замеряя диаметр каждого бревна специальными металлическими линейками, отмечая тоже специальным способом в блокнотах или тетрадях количество брёвен.

Временами они стояли неподвижно, как пингвины, чтобы не растерять тепло. В браковщики идут те, у кого нет никакого специального образования. Женщины с высшим образованием и специальным средним работают в конторе леспромхоза. Но таких всего три.

По кубатурнику браковщики считали объёмы отгружаемого леса в каждом вагоне и вели непримиримую борьбу с корейскими браковщиками, которые старались занизить по бумагам объём лесоматериалов, отправляемых в КНДР. Спорили чуть ли не до драки, потом мирились, вместе пили чай, что корейским руководством не приветствовалось. Однажды самой рьяной спорщице досталось пачкой леса, перемещаемой краном, по голове. Случайно или намеренно? Опять же спасла, смягчила удар соболья шапка. И хотя она была застрахована, не стала обращаться ни в больницу, ни к страховому агенту. Ну, поболит немного голова, да перестанет. Да и больницы у русских нет, только фельдшерско-акушерский пункт.

Корейским рабочим нравились русские женщины, они удивительным образом вычисляли среди них беременную. Ещё никто ни сном, ни духом, может, и сама дама ещё не ведает о наступившей беременности, а корейцы уже сообщали: «Мадам маленький бросай», что значит - будет рожать, беременная. Корейцы не отставали от русских модниц – кое-кто из них воротники своих телогреек на вате обшивали соболем. Миланские модники позавидовали бы такому «дизайну»!

Ещё надо было видеть их ватные мокасины на резиновом ходу! Русские называют их "чуни". Такое впечатление, что резину для них брали от использованных автомобильных покрышек. Чуньки тёплые и непромокаемые. Русские мужчины покупали или выменивали их у корейцев для зимней подлёдной рыбалки.

Наевшись красного перца, острого томатного соуса «ке-чужан», многие из корейцев ходили зимой без шапок, чем убивали наповал сердобольных русских женщин. На морозном воздухе, таком густом, что кажется - можно помешать его ложкой, от их голов валил пар. Хотя на складе шапок у них полно, да и спецовку им, очевидно, выдают. Русские покупают у них шапки тёплые, лохматые - из собачьего меха. Зимой на рыбалку – самое то!

Да, морозы стояли здесь крепкие, и устанавливались они уже с середины ноября. Всякая обувь, кроме валенок, не спасала от холодов. Дефицитные в районном центре кожаные югославские сапоги лежали в местном "ургаллесовском" магазине невостребованными. Не выдерживал даже металл, становился хрупким.

Однажды по этой причине на нижнем складе рухнул козловой кран и крановщик-кореец погиб. Умерших привозили из тайги, с верхнего склада, где идёт заготовка древесины. Накапливали трупы некоторое время в своём морге, потом заказывали вагон и целую партию «груза 200» отправляли на родину. Горе тем семьям, где погиб кормилец.

Корейский переводчик регулярно приносил в контору русского леспромхоза красивые цветные журналы, где можно было видеть фотографии счастливых благополучных корейцев, сидящих перед телевизорами. Телевизор подразумевался, как символ семейного достатка.

НОВОЕ СЛОВО «БАРТЕР»

Шкурки соболя в посёлке - устойчивая валюта, такая же, как водка и сгущённое молоко. За популярную у корейцев швейную машинку «Подолье», выписанную русскими из Посылторга, можно было достать у них три шкурки соболя. Вполне хватало на женскую шапку. А машинки корейцы отправляли домой своим жёнам - для них это ценная вещь. Жён они называли на французский манер - "мадам", русских женщин - тоже (хоть корейцы мадамой назовут, а то русские всё - женщина, да женщина, иногда девушкой покличут - по половому признаку). Ту же машинку можно обменять у корейцев на импортные часы «Сейко», «Ситизен»,«Ориент» (на "Омаксе" написано "Швейцария"), а за две-три банки сгущёнки приобрести на их складе, дефицитное в наших магазинах, большое махровое полотенце, посуду. Вот такой существовал нелегальный бартер с корейцами.

Забегая вперёд, скажем, что в «лихих 90-х» годах прошлого столетия к этому новому слову все быстро привыкли. Деньги тогда обесценивались, часто менялись, а бартер легализовали. Одежду, обувь, предметы быта покупали по талонам, которые тянули, как жребий - кому и что достанется. В маленьком посёлке появились товары не только из соседних Японии, Китая, но и Швеции, Финляндии (куртки, пальто), Франции (духи, колбаса-солями). Бизнесмены, продав вагоны леса за кордон, взамен везли японские, бывшие в употреблении машины, новую импортную бытовую технику. Мне наконец-то удалось купить цветной японский телевизор "Сони". Наш цветной не хотелось покупать, они слишком быстро ломались. Но подружка Наталья всё же купила, чтобы смотреть в цвете фигурное катание.

Народ бросился в торговлю: кто по-крупному, а кто и «челноками» с клетчатыми сумками. Так зарождалось малое и среднее предпринимательство.

Крупным бизнесом занялись те, кто стоял у руля власти, и в помощь воротилам была придумана приватизация государственного имущества. "Прихватизация", как стали её называть. Но вернёмся назад, то бишь к корейцам.

МАЛЕНЬКАЯ КОРЕЯ

Корейское население проживало своим посёлком отдельно от русского, вдалеке от ж.д. станции, на сопке: с общежитиями, столовой, клубом, магазином, складами, больницей, электростанцией, пилорамой, милицией и "кутузкой". Работали корейцы, не покладая рук. Дисциплина у них железная. Их посёлок из таких же двухквартирных деревянных домов - коттеджей, как и в русском посёлке, так и называли - «Корея» (смотаться за самогоном в Корею на мотоцикле - плёвое дело, его отпускали желающим днём и ночью). Особо значимые помещения: клуб, музей Вождя Ким-Ир-Сена штукатурились снаружи бетоном против пожаров.

Проезжая по Корее, можно было видеть, как на крышах, заборах из штакетника сушилась ботва редиса, репы, свёклы, которую зимой они добавляли в супы.

Музей Ким Ир Сена - особая гордость корейцев. Такие музеи были в каждом леспромхозе. Территория вокруг него выглядела, как Корея из журналов: замощена деревянными кругляшками, по периметру установлены красивые фонари. Вокруг - постриженные ели, весной - цветущий розовыми звёздочками рододендрон даурский, летом – голубые ирисы, жёлтые и красные дикорастущие лилии - саранки. Для Кореи эти растения тоже типичны, она же граничит с нашим Приморьем. И была во всём этом какая-то непривычная ухожен-

ность, чистота, для маленького посёлка - экзотика. Наши молодые мамочки любили прогуляться здесь с колясками и малышами, но опасались приближаться близко к музею.

Обязательно выбегал, очевидно, сторож и начинал что-то кричать злым голосом. Лучше уйти подобру-поздорову.

Корейцы приглашали наших специалистов в храм Вождя. Все разувались на первом этаже и в белых носках двигались дальше. Экскурсоводы рассказывали о жизни Ким Ир Сена, показывали экспонаты, дарили на память книги о его родине - деревне Мангэндэ (одна, с золотистой закладкой, до сих пор лежит в моём шкафу, как память о том времени). В фойе второго этажа располагался огромный фикус, трёх-, четырёхметровые ветви которого поддерживались проволокой, закреплённой на потолке. Таких гигантов мы не видели! Замечательное дерево, необычное для наших мест. На его фоне принято было фотографироваться.

В каждом леспромхозе у корейцев имелись свои поля и подсобные хозяйства - «поп-чундэ». В них: теплицы, коровники и свинарники, курятники. У «капитанов» на столе всегда свежие огурцы, помидоры, редис, яйцо, молоко и мясо (говорили, что рабочих в лесу кормят, в основном, рисом и рыбой-минтаем).

Русских руководителей корейцы приглашали на званые обеды и ужины в честь праздников, соответственно чинам. Директор приглашал директора, заместитель директора – русского "зама" и так далее. Субординация строго соблюдалась. У "капитанов" была прислуга или ординарцы. На этих пирушках было много мяса, риса, "куксы" (лапши), "кимчи" (острой капусты), салата из лобы (дайкона), водки «Пхеньян-сул» (Столичной), «Инсам-сул», крупных рассыпчатых яблок. Порой аппетитные на вид свиные рёбрышки были сладкими, что для наших мужичков непривычно, а для корейцев нормально - сладко, значит, вкусно! Русские уже привыкли к острым корейским блюдам. Соевый соус тоже впервые попробовали у них. Русские пельменями идут с ним очень даже неплохо!

Корейцы громко чавкали при еде. По их понятиям, кто громче чавкает - у того еда вкусней! Вот и старались они друг перед другом. Русские мамочки, делая замечания своим деткам, так и говорили: "Ну что ты чавкаешь, как корейцы?!". А куриные яйца у них считаются самой полезной едой, в любом виде. Жаренные, нарезанные соломкой, они добавляются в бульон, подаются к мясу и несолёному рису (он у них вместо хлеба).

Ещё «чосон-сарамы» обожали наше сгущённое молоко:

- Ооо, «чосымнида», - говорили они, причмокивая. - Холосо! («напымнида» - по-корейски "плохо").

С трудом они выговаривали наши буквы "р" и "ш", как и японцы. К вкусному ячменному пиву они подавали сушёного минтая, замороженные плиты которого приходили корейцам с родины целыми вагонами. Его было столько, что корейцы раздавали минтая русским бесплатно или меняли на что-либо. Наши «агрономы», не считая эту рыбу за еду, выморозив тушки за зиму до состояния трухи, сажали с ним картофель, и урожай с таким удобрением получался замечательным.

Уезжая в отпуск, местные жители доставали у корейцев на подарки родственникам экзотические виды водки: со змеёй, женьшенем. С небольшой змейкой - в стеклянных бутылках, с женьшенем - в керамических, с барельефом этого, продляющего жизнь, растения. Они в женьшень крепко верят.

ЗА ЗОЛОТЫМИ ЗУБАМИ

В корейской больничке всем желающим русским гражданам зубной врач делал золотые коронки из обручальных колец и прочих ювелирных изделий. За золотыми зубами к корейцам приезжали не только из краевого центра, но и других городов Союза (как и на лечение, иглоукалывание в районный центр к очень популярному корейскому доктору Киму). Работа зубных техников-протезистов с золотом в нашей стране запрещалась законом, но корейцы не боялись, а русские помалкивали. При тебе (мол, без обмана) при помощи газовой горелки расплавит умелец колечко, и засверкает оно золотой слезой на асбесте в обгоревшей консервной банке. Зальёт в слепок, отполирует, примерит. Руки врача пахнут приторным корейским одеколоном. Тошнит от этого запаха, но терпят модницы - красота требует жертв.

Тут же, в кресле, своему рабочему врач собрался рвать зуб без анестезии. Новокаин ещё на него тратить! Воткнул иголки в дёсны, челюсти, за ухо. Мычит бедный «ёжик», но кричать стесняется при русских девчонках. Видно, не очень-то действует такое обезболивание.

Местные русские тоже обращались за экстренной медицинской помощью к корейцам. Спасибо, те не отказывали: удалят зуб, но уже с уколом, зашьют колотую рану. Ехать-то в райцентр далеко, где-то надо останавливаться. В так называемую, "кустовую" больницу, с ночёвкой, тоже ехать не хотелось. Ночевать в поселковой гостинице дорогого стоит. Находилась она на втором этаже деревянного дома, построенного ещё пленными японцами. Иначе, как ночлежкой, её и не назовёшь. Из удобств - только электрический чайник. На кухне умывальник «Мойдодыр» и туалет на улице, из дыры которого растёт сталагмит из фекалий и дует ветер, как из аэродинамической трубы.

Захочешь ночью в туалет – буди соседку или терпи до утра. На улице трескучий мороз, выходить не хотелось. Поэтому местные жители по больницам старались не ездить.

ВОРОВСТВА В ПОСЁЛКЕ ПОЧТИ НЕТ

Воровства в посёлке почти нет, если не считать исчезновения спортивных костюмов, забытых на ночь на верёвках во дворе. Они на первом месте по популярности у корейцев. Но не пойман – не вор! Спереть их могли и местные алкоголики, обменять на корейскую самогонку. Пропадали и собаки. Все знают, что корейцы ловили их на петли. Они традиционно едят собачье мясо «ке-коги» («ке» - собака, «коги» - мясо, «муль-коги» - рыба, «муль» - вода). Привяжут на приманку сучонку, кобели сбегаются к ней со всей округи. А тут уж петли на них расставлены. У многих жителей пропадали собаки. Но при всей любви к собачьему мясу, самое страшное, презрительное ругательство у них, как говорили сами корейцы - «ке-сики» - сукин сын или щенок. Местные собаки за версту узнавали корейцев - по запаху или внешнему облику? Покрывали их неистовым лаем. Но ещё была замечательна по поеданию собачьего мяса семья русской продавщицы из железнодорожного магазина. Её муж страдал, якобы, болезнью лёгких, и они держали одновременно пять-шесть небольших собак с кличками на букву «Б». Все русские знали, что они едят своих собак.

Съев очередного Бимку или Бобку, супруги садились в мотоцикл и начинали кататься, искать собаку. Сначала по Корее, потом нарезали круги на «Урале» по русскому посёлку, спрашивая всех подряд:

- Вы нашего Бимку не видели? Нет? Наверное, корейцы съели.

Румяный супруг, ещё вчера обгладывавший косточки собачки, поддакивал жене.

Артисты!

ТОНЬМУ, КУПИ МНЕ ХОЛОДИЛЬНИК!

Летом, в редкие выходные дни, корейцы группами гуляли по посёлку. Любовались белоголовыми русскими детьми, гладили их по головам своими прокопчёнными руками. Удивлялись, что наши малолетки такие крупные, говорили с акцентом по–русски:

- Красивый, у нас такой - пяти лет, у вас - тэри.

Скучали они по своим детям, оставленным дома. Старались ущипнуть за щёчку ребёнка, на что молодые мамочки возмущались:

- Не трогайте детей грязными руками!

Также худощавые корейские рабочие часами сидели на корточках под русским магазином в надежде купить нужный им товар. Непременно разжигали костерок, в любую погоду. Глядели на огонь – наверное, чистили кровь. Шучу. Студент – Толян, будущий переводчик с восточных языков, из университета приморской столицы, имел здесь прекрасную практику. Он подолгу сидел с ними под магазином, упражнялся в корейском. А они - молодцы, любознательный народ, в свою очередь записывали в блокноты русские слова. Могли немного говорить по-русски, отдельными фразами. Местным продавцам была дана особая установка-запрет на определённые товары, которые нельзя продавать иностранцам (в основном, бытовую технику). Поэтому рабочие просили русских граждан купить им какие-либо вещи и деньги у них всегда были. Но продавцы, не смотря на запрет, под покровом упавшей тем-

ноты, сбывали «капитанам» запрещённый товар, немало грея на нём руки. Корейские машины только успевали откатывать от магазина. Особым спросом у корейцев пользовалась бытовая техника:

- Анёкха-симикха, тоньму (здравствуй, товарищ), купи мне холодильник! - просили рабочие, доставая пачки денег.

Не брезговали они техникой, бывшей в употреблении. Купив новую вещь, легко можно было избавиться от старого холодильника или телевизора, продав их корейским товарищам. Их мастера всё подправят, отремонтируют. Главное, чтобы технический паспорт был на изделие.

Покупали и старые диваны, шкафы.

ОБЩЕНИЕ С КОРЕЙЦАМИ

Если случалось с корейцами общаться, то первым делом они спрашивали про твою семью: "Мама, папа еси? Дочь, сын еси?", а мы у них спрашивали по-корейски: "Амани, абади исо? Таль, адель исо?". "Исо" - краткое слово от "исымнида" ("есть", в смысле "иметь"), "опсо" краткое - от "опсымнида" - ("нет"). Спустя какое-то время после работы с корейцами я ехала в санаторий "Кульдур", и мы проговорили с попутчиком-корейцем несколько часов, пока он не вышел на своей станции Зимовьё. Конечно, благодаря тому что он знал больше русских слов, чем я корейских. Но корейский переводчик не раз говорил, что у меня хорошее произношение. Ещё он удивлялся моей зрительной памяти. В картотеке инспектора ВЭС (внешне-экономических сношений), так называлась моя должность совместителя, была тысяча анкет на каждого корейца, с фотографиями.

- Как Вы их всех запоминаете? - удивлялся он, когда я запрашивала документы на какого-либо тракториста или водителя лесовоза. - Они даже для меня все - на одно лицо.

- Ну, не знаю. Перебираешь эти анкеты туда-сюда, вот и запоминаешь их по профессиям и на лицо. Вот этот Хан – водитель лесовоза, а Лим – тракторист. Не все одинаковые. Есть симпатичные, даже красивые.

Отдел виз и регистрации РОВД сообщал нам количество въехавших граждан КНДР, а они каждый раз пытались уменьшить их число, приносили не все паспорта. Иногда пытались задобрить. В незакрывающемся тамбуре нашего дома появлялись ящик вкусных крупных яблок или несколько бутылок корейского пива, тоже вкусного. И что удивительно, приносили, когда нас не было дома.

Спрашивала у переводчика, зачем принесли? Он никогда не признавался, мол, не ведаю. Приходилось брать, не выкидывать же. Но настаивала на своём:

- Несите ещё паспорта! Мне точно известно, что въехало пятьдесят человек!

И доносили ещё документы. Я отправляла один экземпляр заполненных анкет с фото в ОВИР. Примерно раз в месяц наезжали в леспромхоз офицеры КГБ, ненавязчиво общались с местным населением, выспрашивая о тех, кто более тесно дружит с корейцами. Проникновенно, как гипнотизёры, заглядывали в глаза. Их специально учат такой манере общения? Если даже ничего не знаешь - всё равно, что-нибудь, да скажешь. Поговаривали, что иностранцы торгуют наркотиками, якобы, наркомания в районе и началась с корейцев, с их появления здесь. Мне это достоверно неизвестно.

СЛУЧАЙ В ИЮНЕ

Вот был случай в июне - на тракторе с кузовом корейцы возили камни на ремонт моста через речку Яурин. Эти чисто-белые валуны, похожие на сахар-рафинад или гранит, огромными кучами были навалены там-сям по лесу, явно неместного происхождения. Кто заготавливал этот стройматериал, и как он оказался на сопке, для каких целей? Известно, что заключённые ремонтировали «железку» в сталинские времена. Лагерей с врагами народа вдоль железной дороги тогда было не мало. Как рассказывал один старожил, зоны располагались через каждые двадцать-двадцать пять километров (Алексей Синюшкин рассказывал, как шёл зимой пешком из станции Известковой в Чегдомын вдоль железной дороги и останавливался погреться, отдохнуть в зонах). Например, в райцентре есть место, которое так и

называется - "Пятая зона". Постепенно зарастая мхом, эти камни уже вписались в здешний ландшафт с лиственницами, осинками да рябинками. Около них большими семьями, сначала незаметными под листьями, растут такие же белые сырые грузди. Тут же в лесу можно наткнуться на удивительные керамические трубы, небольшого диаметра, сантиметров десять, по которым до сих пор бежит вода из родников. Кто строил этот водопровод?

Одним словом, разобрали корейцы очередной завал из камней, а там труп. Стояла июньская жара, но с опознанием проблем не было. Мертвец хорошо сохранился во мху, под кучей камней. И паспорт при нём - молодой парень с пропиской райцентра. Понаехала милиция, следователь. Василий, русский кореец из районной прокуратуры, длинный, в очках, показывал фото женщинам, но никто парня не припомнил. На фотке – редкий красавец, похоже, брюнет. Может, приезжал тот поездом в восемь вечера и уезжал в двенадцать, по темноте? Похоже, зарезали его ещё зимой, когда рано темнеет, и все сидят в это время по домам, не гуляют. Как-то сразу решили, что в его смерти повинны корейцы - при погибшем нашли «куклу». Якобы, бумагу вместо денег хотел подсунуть корейцам. До этой страшного случая местные грибники находили в лесу маленькие весы с гирьками и шприцы, но только теперь до них дошло, что это могло быть связано с торговлей наркотиками. Прямо на свежем воздухе, недалеко от дороги, на наспех сколоченном столе, специалист делал вскрытие трупа наркокурьера. Молодые женщины, направляясь после работы за детьми в детский сад, видели сквозь кусты белые ноги, да коричневые плавки покойника. Возмущались: «Нельзя было в помещении это сделать?» Потом приехала водовозка, поплескала водой, вот и вся дезинфекция. Позже один мужчина вспомнил, что видел двух парней из райцентра.

Одного из них он знал по институту и спросил его:

- Вы чего сюда приехали?

- Да на работу хотим устроиться, браковщиками в леспромхоз.

Так и не трудоустроились. Как же! Будут они работать! Ездили они, очевидно, по своим, тёмным делам. Вторым приезжим был тот самый, будущий покойник.

- А чего же ты раньше не сказал, что видел его здесь?

- Меня никто не спрашивал!

Позднее, работая в предприятии по выпуску винно-водочных изделий (престижной организации), сопоставив фамилии и факты, я поняла, что одна из сотрудниц – мать убитого парня. Бабушка с дедом воспитывали внука, сына того самого курьера. Жена его гуляла где-то за границей, в качестве хостес, вроде бы, в Южной Корее.

Сама не слышала, но сотрудницы рассказывали, как эта бабушка хвасталась, что делала многим женщинам подпольные аборты какими-то дикими способами со спицами. Вот, как говорится, и получила «по делам своим», собственного сына потеряла. Боженька всё видит. Одним словом, какая-то криминальная семья, без моральных устоев и принципов.

МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СОГЛАШЕНИЕ НЕ ПОДПИСАЛИ

«Зелёные» на всех общественных собраниях уже давно выступали за вывод корейских лесозаготовителей из района. Мол, за тридцать с лишним лет они вырубили и вывезли весь лес, тем самым нарушили экологию, изменили климат района - стали дуть ветры. Выловили ценного соболя и других пушных зверей; поели всех изюбров; перегородив горные речки, выбрали из них хариуса, тайменя и ленка. Однажды, в подтверждение слов защитников природы, замёрзшую тушу красавца-оленя с ветвистыми рогами и петлёй на шее из металлического тросика привезли лесники в посёлок. Ездили в лес на отводы делян, да наткнулись на него раньше корейцев. Местные жители сбежались посмотреть изюбра. Большой самец, размером с домашнюю корову. Да, в далёкой тайге корейцы чувствовали себя свободно.

Говорили, при надобности откупались от проверяющих чиновников. Они заранее знали, что к ним приедут работники лесхоза или лесничества, готовились. По слухам, даже мыли по ручьям золото, места-то наши золотоносные. Но фактов про золото простые смертные не знали и не видели. Такие дела, если и были, то держались в секрете.

Как бы там ни было, очередное Межправительственное соглашение о совместной заготовке леса уже было подготовлено, согласованы кандидатуры для его подписания со всех сторон и заинтересованных структур, лесозаготовительного объединения "Ургаллес". Но в наступившем хаосе (смена советской власти и правительства, недавний путч - неудавшийся правительственный переворот, приватизация госимущества и прочие катаклизмы) всем стало не до него. Как можно было планировать что-то на перспективу? Страна стояла на распутье.

Беспорядок был во всём - рвались все связи, наработанные десятилетиями, в том числе - международные. Закрывались и уходили по дешёвке, с молотка, гигантские промышленные и прочие предприятия, банковские учреждения всесоюзного значения. И в девяносто первом, корейцы первым покинули Эхилканский леспромхоз под номером десять, о котором шла речь.

А что же русские лесозаготовители?

Они разом лишились работы. В основном, местные жители - молодые специалисты, приехавшие на работу по распределению, направлениям. Одни окончили лесотехникум, другие – лесные специальности хабаровского «политена». У многих уже сложились семьи, родились дети, которых надо кормить. Встала проблема занятости. Среди молодёжи ощущалась некая растерянность, неуверенность в завтрашнем дне. Что дальше будет? Куда ехать в поисках работы? Как быть с жильём? В их правильной молодой жизни пока ещё не случалось ничего такого, катастрофического. Но некоторые кадры, отсидевшие сроки в местах не столь отдалённых, выбравшие постоянным местом проживания этот маленький посёлок, повеселели - свобода, мать её! Радовались наступившему безвластью. Накрылись Советы!

ПРИХОД «ДАЛЬСПЕЦСТРОЯ»

Не успели корейцы уйти, как в Богом забытый угол, нагрянула крупная военная организация из ФСУ «Дальспецстрой», осуществлявшего строительство по всему Дальнему Восто -току, получившего добро заготавливать здесь лес для своих нужд. В музее корейского Вождя военные сделали свой штаб и контору для гражданских служащих. Уходя, корейцы устроили в здании прорыв системы отопления, это зимой-то! Очевидно, не хотели, чтобы осквернялось помещение, где долгое время хранились их коммунистические святыни. Но заместителю начальника управления, полковнику со съедобной фамилией, ответственному за быт, удалось предотвратить «диверсию». Вскоре от корейского огромного фикуса остались одни воспоминания - дерево быстро засохло после их ухода. Скорей всего, за ним не ухаживали, как надо. Не осталось следа и от начищенного до блеска паркета, полированной лестницы на второй этаж, вытоптанных кирзовыми сапогами солдат. Так военная организация вдохнула жизнь в упавших духом местных жителей, дала им работу, развернулась в растерянном посёлке (забегая вперёд скажу, что через несколько лет военный штаб сгорел со всеми документами, по кадрам тоже, и работникам, уходившим на пенсию, приходилось доказывать свой стаж работы в Управлении строительства No 101, искать свидетелей). Появились офицеры, женатые и свободные, гражданские кадры - «перекати-поле», которым было всё равно, где работать. В спокойном на любовном фронте леспромхозе стали вспыхивать жаркие романы, адюльтеры. Мужья переполошились: стали ревновать, контролировать своих жён, встречать их с работы.

Перефразируя нашего, порядком забытого Вождя, скажем: «Жить стало лучше - жизнь стала веселей». Но это будет уже совсем другая история, без корейцев.

КАК ЮРАСИК ЗА ВИНОМ СЪЕЗДИЛ

Юра проснулся рано, ещё затемно. Еле дождался рассвета. После вчерашней попойки «трубы горели», просили живительной влаги. Во рту было сухо, горько.

- А запах - то, запах – как кошки нагадили, - скривил физиономию он.

Стал вспоминать своих вчерашних собутыльников, с кем выпивал.

- Хорошим словом и вспомнить некого, алкаши проклятые! – бормотал Юра. – Один подлеченный туберкулёзник, второй – бывший сиделец.

У Юры высшее образование и должность неплохая – начальник нижнего склада в леспромхозе, и с обязанностями он справляется. Но распить пузырь мог с кем попало, кочегаром, банщиком. В этом деле у него демократия.

- Есть такой грешок у меня, люблю выпить, - признался он сам себе.

Жена с дочкой уехали, бросили главу семейства. Надоели Тане его пьянки, она поняла, что его не исправить. Болезный встал, подобрал разбросанную одежду, кое-как оделся. В квартире уже холодно.

- Сегодня выходной. Не мешало бы печь протопить, но это потом. Сейчас главное - раздобыть «лекарство» для поправки здоровья.

Слегка умылся под умывальником холодной водой, почистил зубы пастой «Семейной». Хотя семьи давно уже нет, по привычке покупал именно эту пасту в большом тюбике. На - долго хватает. Мимоходом бросил взгляд в зеркало.

- Ну и рожа! Смотреть противно!

Дождался десяти часов, теперь можно идти в магазин.

- Открыты, наверное, уже оба: ургаллесовский и железнодорожный, - опять пробормотал Юра. Когда он оставался один, начинал разговаривать вслух с самим собой.

Пошёл вниз, в железнодорожный - этот ближе, около путей. Осенний туман ещё не рассеялся, но ещё издалека Юрец заметил белую бумажку на двери лавки. Подошёл ближе, прочёл: «Уехала в Тырму за товаром».

- Ну, ни хрена! Сюрприз! Хорошо, пойду к Валюхе, в леспромхозовский.

Идти в горку тяжеловато, вот он уже и запыхался. Осталось подняться по тропинке от конторы леспромхоза к магазину. И опять увидел Юра объявление на его двери, со злостью прочёл: «Магазин закрыт на ревизию».

— Вот невезуха, - выругался он, добавив нецензурный оборот. – Что делать?

Немного подумав, решил:

- Надо ехать в Зимовьё.

Юра потащился на станцию, оттуда на «вывозном» - небольшом маневровом тепловозе или рабочем поезде можно доехать до соседнего посёлка. Здесь ему повезло. Он сел в «Спутник», на котором ехали в ту же сторону знакомые ребята - путейцы. Поговорил с ними и че-рез двадцать минут уже был на соседней станции. Тут же, недалеко от путей, стоит такой же железнодорожный магазинчик, как и в их посёлке. Водки не было, и Юрасик взял шесть бутылок креплёного вина в тяжёлых тёмно-зелёных бутылках. Сложил их аккуратно в серую тряпичную сумку – побирушку с надписью «Скорпионс» и портретами музыкантов. Пошёл на станцию, позвякивая стеклом. По времени скоро здесь должно быть скрещение двух пассажирских поездов.

— Вот в общем вагоне и доеду до дома, - радовался Юраша удачной поездке.

Дежурная по станции, Ира Масленникова, давно знакома ему. Ещё разрешалось заходить в их дежурку, можно поговорить, покурить там. Разговорились они с Ирой, но она-то своё дело исполняла, работала.

Поезд из районного центра прибыл первым. Пока стоял у станции, ждал второго. По его прибытии дежурная дала отмашку первому, и тот тронулся, застучал колёсами на стыках, набирая скорость. А Юра-то, Юра так увлёкся темой беседы, что не заметил, как дежурная открыла «зелёный» и его, хабаровскому, поезду. Что на него нашло? Он словно забыл, зачем он здесь на станции. Опомнился, встрепенулся.

- Ну что же ты, Ира? Забыла про меня?

Бросился из дежурки вниз по лесенке, гремя бутылками, переживая, как бы их не разбить.

Поезд уже набирал скорость. Юрасик включил дыхалку, когда-то он был спортсменом. Догнал состав, ухватился за поручень вагона, повис и почувствовал, что ногам-то упереться не во что: - «Подножку уже убрали,» - решил он, убирая ноги подальше от колёс.

Стал дёргать ручку, тамбур обычно не закрывали, но она не поддавалась. И вот тут Юра понял, что тамбур не рабочий, дверь закрыта на ключ. Не за тот вагон он зацепился.

- «Что же делать? Прыгать страшно. Да и вина жалко, бутылки непременно разобьются. Ехать всего тридцать километров. Но на дворе не май, октябрь, а одет я легко, в одной фланелевой рубашке».

Второй раз за день ему пришлось принимать важное решение.

- «Ехать!» – решил Юра.

Он кое-как передвинул сумку с бутылками ближе к локтю, засунул обе руки за поручень, обнимая его. Пошевелил ногами, стараясь упереться ими надёжней в далёкую ступеньку подножки под вагоном. Замер в неудобной позе, в виде буквы «С». Поезд набрал скорость, мчался по блестящим рельсам. Солнце уже съело туман, и день обещал быть погожим, тёплым. Тепловоз дымил сгорающим дизтопливом. Иногда он сбавлял ход, согласно предупреждениям - в опасных местах и на поворотах. Но Юре от этого легче не было, лучше бы поезд шёл быстрей.

Он напряг мышцы рук - вспомнил, как когда-то занимался греческой борьбой. Противника тогда надо было прижать своей массой, сделать «туше». Сейчас бывший спортсмен, можно сказать, висел на поручне за счёт рук.

- Как мешок с чем-то, - матерился Юра от досады, охватившей его.

А поезд всё шёл и шёл, гремя всеми пАрами колёс. Грохот стоял устрашающий. Долгие двадцать минут всё не заканчивались.

- Главное, не разжать рук и не свалиться под поезд или на эти белые камни насыпи, по - хожие на гранит, - опасался Юра. – Разобьёшься к чёрту! И никакого вина не надо будет.

Его верхние конечности окоченели от холода, а ног под вагоном он вообще не чувствовал. Они замерзли на ветру, на скорости, и затекли.

- Когда же закончатся эти двадцать минут? – уныло думал он.

Но вот перед глазами замелькали знакомые места. Белые стволы берёз, как школьные счётные палочки, бежали ему навстречу, пестрели на земле красные и жёлтые опавшие листья, но Юре было не до здешних красот.

Наконец-то и родная станция, Эхилкан. Стоянка поезда здесь всего две минуты, пасса - жиры еле успевают заскочить в свой вагон или в первый попавшийся, дверь которого открыта. Перрона нет, подножка высоко от земли. В соседний вагон провожающие подсаживают своих родных, запихивают чемоданы.

- Надо торопиться.

Юрасик с трудом опустил одну ногу на насыпь, вторую. Потихоньку вытащил из-за поручня пустую руку, перехватил сумку, освободил вторую. Заглянул в побирушку – бутылочки, все шесть, целенькие.

- Фууу, - выдохнул он осторожно.

На деревянных ногах с негнущимися коленками, шкандыбая, как робот, или частично парализованный больной, обошёл сзади состав, который уже тронулся. Доплёлся до дома. Сел за стол с вытертой клеёнкой, выставил на него с таким трудом добытых «гусей». Тело била дрожь. С трудом открыл одну бутылку, налил вина в гранёный стакан, полнёхонький, до краёв. Но пить совсем не хотелось.

- Вот это я съездил за вином! Не приведи Господь! Так и пить бросишь!

Посидел, отдышался, успокаивая дрожь в руках. Через силу выпил вино. Налил ещё стакан, опять выпил. Ему нужно было снять стресс...

КАРПАТЫ, БУДЬ ОНИ НЕ ЛАДНЫ

Аграфена с трудом передвигала ноги в самодельных мягких ичигах по буковому лесу. Ичиги – её обувь почти на все сезоны года. В них мягко, тепло. Под кружевной тенью деревьев палящее солнце не слишком зло печёт, но дневная жара всё же порядком её разморила. Пить хочется. Она уже не раз вытирала горячее вспотевшее лицо уголками белого головного платочка.

Ситцевая кофточка в мелкий розовый цветочек на спине тоже намокла от пота. Вроде, нестарая ещё, а подустала. Оно и понятно - то вверх тащишься, то чуть не кубарем вниз катишься. Вверх даже легче взбираться, чем вниз спускаться. На прогулку позвал её сын Александр. Пойдём, мол, мать, погуляем, горы Карпаты тебе покажу, деревья-буки. Чудным показалось его предложение - у них дома гулять просто так в сопки не ходят, но всё же согласилась. «А чего же не сходить? Когда я ещё увижу эти Карпаты, да буки? Какие такие буки? – гадала она. - У нас на Амуре буки не растут.

Отродясь, не видела, не слышала. Всё больше ёлки, да берёзы. Ну, лиственки ишшо. Но эти буки – тоже завидные деревья, ничего плохого не скажешь. Ровнёхоньки все, высоконьки. Стволы такие гладкие, серые. Ветки растут высоко от земли, не дотянешься. В карпатском лесу - ни мошки, ни комаров!

Ни одна тварь на тебя не сядет, не испьёт твоей кровушки. У нас же только сунься в тайгу – облепят, паразиты проклятые, с ног до головы. И комары, и мошка. Мошка, так та и в нос залезет, и в рот, если ненароком разинешь. Без вонючей жирной мази против них нечего и соваться в лес. Оводы здесь есть, да, если выйдешь на речку. Где же их нет? А речки быстрые, холодные. Вода прямо ледяная - с гор, поди, бежит. И всё равно местный люд купается в них: и дети, и взрослые. У нас в Амуре летом вода тёплая, одно удовольствие искупаться. Только забыла я, когда в Амуре последний раз купалась».

Аграфена телепалась за сыном и всё вокруг подмечала. «Чисто как под деревьями-то! Никакого, как у нас, бурелома, через который не пролезешь, не пройдёшь. Ни веточки, ни прутика. С дровами-то здесь худо, вот и ходят бабки, детишки в лес за хворостом. Несут вязанки сухих веток на спине.

Непривычная для наших глаз картина. У нас как? Выпишешь в казне лесу, сам свалишь деревья, привезёшь хлысты, распилишь на чурки, сам же и расколешь их. Топи печку, сколь хочешь!

С мужем Иннокентием и самой младшей дочкой, Капой, ей четырнадцать лет, они впервые приехали в гости к сыну в Прикарпатье.

Дочек-то у них в семье шесть: Маруся, Нина, Нюся, Ида, Надя, Капа и три сына: Александр, Николай и Леонид. Старшего сына, Сашку, как забрали в начале войны в армию, так они его и не видели больше. Прошёл он с боями через всю войну проклятую, сколько горя она принесла. Из низовий Амура дошёл сын до Европы, до Берлина. Как говорит он сам - до Берлина, с ударением на «е». Повстречалась ему на долгом пути женщина, вроде, как полька, Гала. Небольшая, темноволосая. Увлекла молодого неопытного парня в свои сети. Женился на ней Сашка. Потом узнал, что есть у неё взрослая дочь, которую она прятала у родственников на хуторе. Ему на дочке надо было жениться!

- Ровня по возрасту тебе она, - донесли парню добрые соседи.

Но назад не переиграешь. Двое деток у них с Галой уже народились: сынок Юрочка, да дочка Любушка. Вот теперь приехали повидаться с сыном после долгой разлуки, да внучат посмотреть. Никогда раньше не выезжали так далеко. Через всю страну протащились поездом. Ехали долго, две недели, следуя указаниям сына из его письма. Доехали до Москвы, потом до Киева. Там пересели на поезд, следующий до Ивано-Франковска. Соседи по вагону заходили и выходили, а мы всё ехали и ехали. Поезд останавливался на станциях, больших и маленьких. Выходили из вагона размяться, что-то покупали из еды: хлеб, варёную картошку, вареники, кислое молоко, квас, пирожки с капустой. Домашние харчи закончились ещё до Байкала. В дорогу брали вяленой амурской рыбы, хлеба, чаю, да сахара. На Байкале-море была долгая остановка. Там опять запаслись рыбой, местной копчёной - омулем.

Вкусная рыбка, ничего плохого не скажешь. В меру солёная, жирненькая.

Доехали до областного города, а можно было выйти раньше. Возвращались назад, автобусом».

В это первое своё путешествие Груня прочувствовала, как велика их родная страна. «Это сколько же дней мы всё едем и едем? Конца и края нет», – думала она, иногда впадая между остановками в чуткий сон.

За окном автобуса простирались красные поля маков. «Красота! У нас так саранки цветут: жёлтые и красные. А стожки сена какие у них смешные! Узеньки, да высоконьки стоят себе по ровным солнечным долинам. После мелкого дождичка в небе нарисовалась яркая радуга. Хороший знак! Хотя ещё живы в памяти рассказы о зверствах здешних бандеровцев во время войны. Да и после войны ещё шастали по лесам недобитые бандиты.

В автобусе местный мужик сразу определил, что мы издалека, спросил откуда.

Огорошил вопросом на чистом, русском языке:

- А не боитесь сюда ехать? У нас ведь под каждой ёлкой - бандеровец с топором.

- Нет, не боимся, - просто ответила Груня. – К сыну едем.

Хотя, чёрт его знает, кто у них тут под ёлками? А ёлки здесь знатные, не хуже, чем у них дома. Из ущелий, что рядом с дорогой, только их макушки торчат. О плохом думать не хотелось. Сын-то не боится здесь жить. А мужик, что интересовался, обыкновенный, с усами, в пиджаке и кирзовых сапогах, в кепке. Ничем не отличается от других, только лицо уж сильно загорелое. Видно, много бывает на солнце.

Без приключений добрались до маленького городка, где проживает сын. На украинском языке он называется «Рогатын».

Обжился здесь сын, привык. Возвращаться домой не собирается. А помощь сыновей не помешала бы сейчас. Перед войной заготовил Иннокентий лесу на дом. Хотел новый поставить. Всю жизнь они прожили в маленьком домишке - в одну комнату, с земляным полом. Тут тебе и кухня, и спальня. Все дети в нём выросли. И как только помещались все одиннадцать человек: сами, да выжившие дети?

Когда началась война с германцами, старших парней призвали в армию. Младший, Лёнька, тогда ещё маленьким был. Колька на востоке связистом служил, наградили его медалью «За победу над Японией». Где-то шлындает он, золото моет на приисках местных. На одном месте не сидится ему. Оставил жену, дочку маленькую и мотается. Стройлес так и лежит уже лет десять в ограде, преет. Короеды его точат. А муж, Кеша-то, один не справит дом, старым стал. На пятнадцать лет он старше меня. Мне было семнадцать, когда вышла замуж за него. В сельсовете год прибавили, восемнадцать записали в метрику. Да ещё ноги у него болят. Ревматизма, что ли? Дома-то он их всё керосином натирает, чтобы не болели.

Он всё керосином лечит. Горло заболит – керосином полощет. Кашлять начнёт, как на рыбалке застудится - так тоже грудь, спину керосином натираю ему. Чужих людей просить строить дом он не хочет. Платить же им надо, а нечем. Какие деньги у бывших колхозников? Как ни жаль, а пойдёт этот лес на дрова.

Гала, невестка, сильно не гостеприимная. Выдаёт нам с утра продукты: муку, пшено, сало, мол, готовьте еду себе сами, отдельно. Как нагонит самогону, так гонит на базар – идите продавайте! Поймала нас на днях милиция. Пришлось Сашке взятку давать, выручать родню. А то засудить могли. Посадили бы на старости лет в каталажку и Капку тоже, девчонку-подростка. За самогон нынче строго. Уехали бы давно домой, да денег на обратный путь нет. Припёрлись. Думали, что Сашка для родителей уж найдёт денег-то на билет. Да и звал же сам, приезжайте, мол. А тут вишь, как оказалось, как гостей тут принимают! Сашка, похоже, здесь не хозяин, его слово тут последнее. Пришёл на всё готовое, вот и помалкивает. Как работник в большом хозяйстве. Тут тебе «двадцать видна курка, двадцать видна вутка»! И прочее добро, корова».

С наступлением вечера на прогретые солнцем горные тропинки выползли крупные тёмно-синие слизни длиной с ладошку. Вот страх-то! У нас такой гадости нет! Вот как улитка, только без домика. Хотя Аграфена и улитку видела только у детей в букваре. Она обходила их, стараясь не наступить на шевелящих усиками скользких существ. Чего здесь только не водится!

- Сань, смотри, змея! – вдруг испуганно вскрикнула Груня.

- Где ты видишь?

- Да вон, на валуне пригрелась!

- Нет, мать, не змея это. Ящерица безногая.

- Саня, полдня, поди, слоняемся по лесу, - недовольно сказала Груня сыну, отбросив долгие мысли. – Ты, наверное, убить меня хочешь? Да никак не решишься? Зачем привёл в лес? В эти Карпаты, будь они не ладны. Ни грибов тут нет, ни ягод. Что мы всё ходим, да ходим? Сколько можно гулять?

Сын, на голове шапка светлых кудрей – в отца, искоса глянул на мать синими глазами, промолчал. И как-то быстренько-быстренько вывел её из лесу.

Дома Гала встретила их молчанием. Ни слова не сказала, не спросила: где шлялись столько времени?

«Эта прогулка была с её ведома или с её указки», - решила Аграфена. - Убить, может, и не убил бы родной сын, а вот завести куда-нибудь, да бросить, пожалуй, мог. А потом ищи-свищи: «Ой, потерялась где-то наша бабушка!». Может, напугать решили, чтобы мы быстрей домой запросились?».

В тот же вечер сын объявил:

- Отец-мать, купил вам назавтра билеты домой!

- А Капке купил?

- Нет, Капке не купил, - со злостью заявила Гала. - Капка здесь останется. Будет отрабатывать деньги, что на ваши билеты потрачены.

Ох, ты, Господи, Боже мой! Не стали спорить с ней родители, требовать денег на Капку. Убрались подобру-поздорову. А Капка ещё с год батрачила на этих поляков.

24 мая 2025

Владимир Владимирович ШКАЛИКОВ

(1943–2021)

Родился 29 января 1943 года на станции Крыловская Краснодарского края. Скончался 9 марта 2021 года в Томске.

Писатель.

Родился зимой 1942–43 года в зоне боевых действий на Кубани, дошкольно остался сиротой. Объехал весь Советский Союз, изучая родной социум методом включённого наблюдения: без отрыва от производства получил два десятка различных специальностей, три высших образования, освоил всерьёз десяток видов спорта и таким образом получил возможность грамотно удивляться, беря интервью, и убедительно описывать действия и ощущения своих персонажей как в прессе, так и в художественной литературе.

Автор реалистических, фантастических и сказочных сочинений для взрослых и детей, лауреат Всесоюзной премии ЦК ВЛКСМ за художественно-документальную книгу о фронтовиках «Цена победы» (1981), лауреат литературного конкурса «Книжный Томск» за роман «Гений самосуда» (2011). Член Союза журналистов СССР и Союза писателей России.

Работал переплётчиком в Томской областной библиотеке им. А. С. Пушкина, вёл в интернете клуб рецензентов «Гамбургский счёт».

ТАЁЖНЫЕ ВИДЫ

Россказни старого лесника

Падающая звезда.

Хорошо ли много знать? Скажешь, глупый вопрос. А я скажу − спорный. Потому что не всегда приятно знать изнанку красивого. Или, наоборот, то, что непривлекательно на вид, может вызвать уважение своей обратной стороной. Вот тебе пример. Из моей северной жизни.

Только что скрылось солнце, и над таёжным горизонтом застыла красота высшей пробы − смесь золота и лазури, не испорченная ни одной грязной чёрточкой. Не хватает только маленького чуда, как сказал бы мой друг, старый живописец.

А вот и чудо. По-дурацки выражаясь, «в метре над горизонтом» из ничего вдруг проявляется крупная яркая точка − не с луну, но много ярче самой заметной ночной звезды. И явно не звезда, потому что заметно для глаза сразу начинает двигаться наискосок вниз. Или вдаль − разве разберёшь... Будто пушинка хочет осесть на острую вершину какой-нибудь ёлки или на кедровую папаху. Законченная, сказочная, васнецовская красота. А новорождённому светилу этого мало, оно начинает медленно расползаться на три, нет, на четыре, нет, на пять звёздочек поменьше, а ещё через десяток секунд всё чудо бесследно гаснет в яркой пустоте.

Но никакое это не чудо. В наших краях многие знают, что как раз над теми заболоченными местами разваливаются в атмосфере отработавшие свой срок спутники, и их обломки падают в тайгу. И люди, которые воспользовались жёлтыми остатками космического топлива, потом занемогли...

Пора возвращаться домой. Опускаю глаза и обнаруживаю, что всё это время на меня тоже пялились − два круглых радужных глаза. Свернулась на большой клюквенной кочке грозная випера, прекрасная болотная гадюка почти метровой длины, в зелёных и чёрных геометрических узорах, отчёркнутых белыми штрихами − ни дать ни взять родственница той «пёстрой ленты», с которой подрался великий сыщик Холмс. Я, может быть, тоже кажусь ей украшением заката. Но я большой и, стало быть, представляю угрозу. И эту крупную ягоду она мне нипочём не уступит, хоть сама её и не ест. Просто из принципа: моя территория и всё тут.

Я не трону её клюкву. У меня уже полна корзинка. Я спокойно удаляюсь и тихо горжусь тем, что нет у меня с собой и никогда не будет жёлтого ракетного топлива, которое я мог бы нечаянно уронить на её беззащитную голову.

Оля перечитала первый «вид» и расстроилась. Первый блин – комом, это точно по поговорке. Никто не поверит, что девчонка четырнадцати лет может писать таким слогом. Хоть и сказано в начале, что это «россказни старого лесника», но неужто могла внучка так дословно запомнить взрослую речь?

А если переделать «под себя», получится, что у деда − детская речь. Тоже недоверие.

А чьё недоверие? Оля даже рассердилась. Для кого пишу? Для почтеннейшей публики? Так у неё и без меня хватает − любого чтива. Не надо нам для публики. Сказано − для деда, значит − для деда. И вместо деда. А что его словами, так я не виновата, что у меня такая свежая память.

В общем, решила: пусть будет, как запомнилось. И писать теперь подряд, что вспомнится. Графоманить так графоманить.

Надо только вот ещё что добавить от себя. Не всю жизнь дед работал лесником. И не всю жизнь прожил в своей деревне. И рассказывал не только о тайге. Настоящий, в общем, дед. И мыслит в масштабах планеты. И словечко у него есть интересное, даже целых три: «Нарядная у нас планетка». Из них название получится получше, чем «Россказни» или «Виды». Ну, дед, поехали!

Нарядная планетка.

ТРОЙНАЯ РАДУГА

Один знаменитый писатель − капитан дальнего плавания − назвал свою книгу − «Кто смотрит на облака». Эти слова он взял из стихотворения другого знаменитого писателя. Оба в красоте знали толк. Но чтобы этот толк познать, надо обязательно вырваться из города. В море, в поле, в горы, в лес...

В открытой местности поневоле смотришь на небо. И ловишь ветер. Становишься к нему спиной, и тогда вон то облачко слева – признак скорой плохой погоды.

Но вот уже облака всей массой мчатся на север – обычное дело для нашего материка, особенно летом. Облака клочковатые, низкие, быстрые, грязноватые − словом, «рвань», как говорят в авиации. Но вот ведь чудо: выше этой «рвани» движется солидная стая белых, более мощных облаков, притом вовсе не в том же направлении, а как раз поперёк, на восток. Сквозь редкие просветы в этой стае можно уловить голубизну, в которой неподвижно парят, будто оконная кисея, высоко-перистые облака − такое поэтическое название дали им метеорологи. И уж совсем непонятно, почему мой флюгер на месте за минуту успевает посмотреть аж на три стороны света.

Спросишь, где же тройная радуга?

Вслед за чудесами прибыла солидная грозовая туча-«самовар», с тяжёлой чёрной подошвой и мощной «наковальней» на трёхкилометровой высоте. Из подошвы, естественно, хлестали молнии и ливень, а когда чудовище показало свой чёрный тыл, то на его фоне и встала яркая семицветная дуга − от Пионерного до Катыльги. А прямо под ней, без малейшего просвета – другая, побледнее, будто вторым движением кисти положенная. А сразу под ними − третья. Она была ещё бледнее и в землю уже не упиралась. Краски не хватило.

Но всё равно: нарядная у нас планетка. Особенно после дождя.

ПУСТАЯ БУТЫЛКА

О том, как опасна бывает пустая стеклянная бутылка, я слышал давно и − не верил. Вроде бы всё по законам физики, но больно уж много требуется совпадений, чтобы и солнце правильно светило, и под бутылкой оказался достаточно воспламеняемый материал, чтобы луч, который под ней сфокусируется, вызвал воспламенение, как спичка вспыхивает под увеличительным стеклом или начинает тлеть бумага.

Но вот однажды сподобил случай: я не только увидел это явление в натуре, но и испытал его на себе, притом зимой.

В полукилометре от моей избушки, за леском, был проложен промысловый нефтепровод. У магистрального труба толстая, больше метра, а эта − всего 20-сантиметровая, но и в ней давление изрядное. И когда эта «трубочка» в слабом месте лопнула от мороза, напротив моей избушки за леском по болоту растеклось озерцо нефти, размером с футбольное поле.

В сильные морозы погода всегда солнечная и имеет странное название − антициклон. По земле утрами стелется туман, над фонарями ночью стоят столбы света, а днём по бокам от солнца висят ещё два, поменьше. В то утро я выглянул в окно, порадовался было погоде, но тут же ощутил, что туман подозрительно пахнет бензином, соляркой, мазутом и всеми прочими горючими материалами, из которых состоит нефть. Я поспешил на улицу и обнаружил, что это не морозный туман, а белый дым, всё гуще наползающий от пожарища за леском. Над самим же пожарищем стоял столб чёрного дыма и отчётливо слышался треск горящей древесины.

Я бросился к телефону и связался с пожарными. Они ответили: «Видим, выезжаем». А я встал на лыжи и поспешил к пожару, чтобы оценить опасность для моей избушки.

Уже в сотне метров стало так душно, что пришлось дышать через шарф. Снег был усыпан длинными сгоревшими хвоинами кедра и короткими − от ёлок и пихт. Все кусты пачкали одежду сажей. В полусотне метров снег меня уже не держал, да и подходить ближе стало невозможно. Всё «футбольное поле» жарко полыхало, огонь полз по неубранным стволам

деревьев, сваленных при прокладке нефтепровода и дороги, а когда добирался до ещё живого хвойного дерева, то бросался вверх, к солнцу, и это напоминало старт космического корабля, только вызывало не гордость, а стыд и беспомощную досаду. Даже пожарные ничего не могли тут поделать. Они смотрели с дороги и с кем-то связывались по радио. Их коренастые фигуры отражались в болотной воде, по которой метался торжествующий огонь...

К пожарищу были доставлены бульдозеры, со строительства дорог были сняты самосвалы, и за несколько дней поистине адского труда огонь был засыпан песком. Но ещё долго он тлел в глубине торфяника, выползал из песка на торчащие обгорелые стволы, и тогда вонючий туман снова окутывал мою избушку, и я звонил пожарным. Они приезжали, принимали меры и благодарили меня за бдительность − так, для поддержания энтузиазма, ведь дым и так виден был за много километров. Я спросил у них о причине пожара. Они ответили, что нашли бутылку, которую кто-то на ходу выбросил из машины в лес, а она вот так удачно упала на сгнившую берёзу, под которой уже испарялась разлившаяся нефть. А береста возьми и загорись. Береста ведь абсолютно не гниёт. Впрочем, из машины могли выбросить просто непотушенный окурок…

ОГОРОД НА ПОЛЯНЕ

В лесу человек постоянно не живёт: есть опасность озвереть. Но инстинкты в нас не только звериные.

Случилось мне побывать летом в одном вахтовом посёлке. Это такое место, куда рабочих привозят на две недели, а потом на этот же срок увозят домой, в город, отдыхать. Вахтовики прокладывают дороги, добывают нефть и газ, валят лес, какой можно – много чего делают и изрядно за день устают, потому что трудятся по 12 часов и без выходных.

А у меня вот выдался целый свободный день перед вылетом, и я отправился побродить по ближайшим лесам, благо раздобыть сапоги и мазь от комаров труда не составляло.

Сразу за посёлком был лес горелый. Ветер качал жуткие чёрные стволы, и корни погибших сосен, как когтистые пальцы чудовищ, высовывались из-под горелого мха и со всхлипом прятались обратно в болотистую почву.

Я с трудом преодолел полосу пожарища и оказался на просеке, где следы бульдозеров и кошмарные завалы искалеченных стволов были памятником героической борьбы людей с огнём, ими же упущенным. На голой развороченной земле уже росли строчки − грибы-первопроходцы, любители свежего грунта. Местами проклюнулись хвощи, ростки кипрея и тонкие веточки с парой листочков — это принялись семена берёз и осин, первых обитателей пожарищ. Хвойные придут позже всех, но лет через двести-триста эта земля будет принадлежать только им...

За узкой полосой уцелевших деревьев виднелись мачты высоковольтной линии, а за ними плотно стояла матёрая тайга. Туда я и стремился − по грибы, по ягоды или просто сфотографировать какую-нибудь лесную диковинку: завязанную в узел берёзу, зелёную гадюку, охраняющую брусничник и мечтающую поделиться мудростью посредством прямого контакта; а то и просто паутинку − чудо неинженерного творчества.

Опушка вдавалась в лес живописной поляной, и я решил, что найду там зверобой и душицу для чая. Но находка превзошла ожидания. Тропинка вдруг стала ветвиться, деля поляну на прямоугольники, и я понял, что нахожусь на самом настоящем огороде. Сразу бросались в глаза шарики цветущего лука и чеснока. Ровными рядами зеленела морковная ботва, изрядно засорённая хозяевами − местными непобедимыми растениями. Вовсю цвела белым и сиреневым вполне ухоженная картошка, плотно и враждебно окружённая осотом, кипреем и дикой малиной, которая, впрочем, на всех грядках нахально лезла вверх даже из натоптанных тропинок. Изрядная плантация клубники, крупной, красной, вполне домашней, росла на гольной глине так плотно, что засорения не боялась, из неё торчали только полезные для неё петли чеснока да несколько особо живучих осотин. Особняком высились заросли нелюбимого городскими огородниками топинамбура: с виду подсолнечник, только с мелкими жёлтыми цветами, ростом он под три метра, а съедобная часть – грушевидные клубни,

вкусом что-то среднее между репой, морковкой и ананасом, а урожайностью − поболее картошки, шибко полезный для диабетчиков, радикулитчиков, да и просто вкусный... Был тут и скромный золотой корень рядом с мощными кустами аралии, любисток торчал до небес, и сильно пахло кориандром. Огородник собрал самые неприхотливые из домашних растений, которые и без человека не пропадут, а вот человеку без них – того, туго.

Грабить огород я, понятно, не стал, но немного клубники и крыжовника поел, потому что после лесной жимолости во рту было горько. Вернувшись в посёлок, попытался осторожно выяснить, кто же здесь такой хозяйственный. Может быть, есть в вахтовом посёлке уже и постоянные жители? Оказалось, нет. Такие же, как все, двухнедельники. Она – повариха, он − водитель самосвала. И работают, как все. Только встают пораньше других да ложатся попозже. В общем, любят это дело. И никто их не обижает, потому что, как сказал один повар, «таких людей – наперечёт» − ну, то есть, мало. А другой, механик, высказался пошире:

− Кто-то грабит землю, кто-то её гробит, а кто-то вежливо вживается: замещает одни растения другими и честно борется с непримиримыми хозяевами − дикими травами, кустами, деревьями. Если наша планета действительно имеет разум и страдает от человеческого разгула, то всё же есть среди нас такие, на кого ей можно ещё надеяться.

КТО СТАВИТ ПЕТЛИ?

В мае прошлого года навестил меня старинный друг, который так же, как я, живёт в лесной избушке, видимся редко, хоть и совсем недалеко добираться − сорок минут вертолётом. Можно, конечно, и на лыжах, но опасно; ни дорог, ни жилья, только медведи да росомахи. Волки, кстати (или некстати?), тоже стали появляться.

Чаюем, радуемся беседе, но вдруг он спрашивает: «Чем это ты озабочен?». Я не удивился: на то и друзья, чтоб замечать друг у друга заботы. Пришлось пожаловаться, что не столько забота, сколько досада. Прошёлся недавно по лесу и наткнулся на мёртвого зайца. Кругом уже всё стаяло, а он лежит, бедняга, на снежном пятачке в неестественной позе. Присмотрелся − блестит тонкая стальная проволока. Кто-то поставил на его тропе петлю, да и не пришёл больше. Погиб зверёк мучительной смертью, лучше бы достался лисе или волку, росомахе-то его не догнать. Вот и скорблю: какие это люди тут шляются, что даже петли к весне не снимают.

Друг, конечно, согласился, что это хуже свинства. Хоть бы с голоду охотились, а то ведь из баловства, азарт у них, видишь ли. И ведь зарабатывают неплохо − на нефти, на газе, на лесозаготовках, на строительстве. Это у них древний охотничий инстинкт, который остался от диких предков. Я, говорит, у себя месяц назад ещё похуже видел. И рассказал:

− Пошёл в лес по последнему снегу, лыжи почти до земли проваливаются, но и без них ещё нельзя. Время не охотничье, зверьё уже линяет, взял только нож. Наткнулся на едва сохранившуюся чью-то лыжню, пошёл по ней. Скоро увидел пригнутую тонкую осинку, а на ней, как на новогодней ёлке, украшения − связки еловых шишек и кисточки красных ягод – калина и рябина. Ловушка такая. Для белки. Она увидит угощение, пойдёт по стволу, а тут петелька, а с той стороны − другая, а посередине − третья. Хоть в одну да попадёт. Достал я нож, пообрубил петли, пооборвал с осинки украшения, разогнул её, пошёл дальше... За полчаса снял сорок петель, освободил двенадцать осинок и берёзок. И одну белку. Только её освобождать было не нужно, от неё мало что осталось. Один хвост сохранился, художнику на кисточку. Но я не художник, хотя того охотничка, если бы встретил, я бы разрисовал от души...

Жаль, что в нашей северной тайге человека встретить трудно. Да такого лучше и не встречать. О таких кто-то хорошо сказал: «Чем больше узнаю людей, тем лучше отношусь к зверюшкам».

ЦЕЛЕБНЫЙ КАРМАШЕК

В тайге поневоле часто приходится что-то делать ножом − хоть на рыбалке, хоть на грибной охоте, а то и просто на прогулке. Бывает, и порежешься. Поэтому пакетик с бинтом

и пузырьком йода у меня всегда лежал в кармане. Однажды забыл его дома и − как на заказ − крепко полоснул острым лезвием по пальцу. Тут же что-то попало в глаз, и пускать платок на перевязку тоже стало невозможно. Как всякий, кто попадает в затруднение, я машинально огляделся одним глазом: где бы найти выручку? Блеснула на гладкой коже пихты золотая капелька смолы. Не испробовать ли её? Потрогал. Нет, затвердела. Но вытекла она из вот этого горизонтального вздутия на коре, которых множество. Не заменит ли свежая смола медицинский клей БФ-6, хотя бы слегка? Срезал один кармашек, полный смолы, накрыл им порез и примотал ниткой, завалявшейся в кармане. Боль сразу утихла, и ещё два часа я бродил по лесу. А когда дома развязал нитку, под пихтовым кармашком обнаружился только розовый шрамик... С тех пор вместо йода и бинта ношу по лесу в кармане только нитку. Ну и стараюсь не резаться.

НА «ЖИВЦА»

Известно, что кошка непредсказуемо умна. Но чтобы настолько… Несколько лет я жил в лесном домишке, и одно из них выдалось просто скандальным в смысле бурундуков. Мало того, что они съели на моём огороде весь зелёный горох, так даже просто выйти из дома было невозможно, чтоб тебя не освистали: полосатых хулиганов было полно в поленнице, построенной в десяти метрах напротив крыльца. Оттуда разбойники делали набеги на мои сени и вместе с синицами растаскивали всё, что недостаточно хорошо лежало.

Меня, конечно, этот мелкий разбой только забавлял, но мой чёрный любимец по имени Дивуар быстро додумался, как извлекать из грызуньей агрессивности личную выгоду, а заодно и поддержать немного экологическое равновесие вокруг дома.

Первого бурундука он честно караулил у поленницы, но не съедал, а оставлял свеженького на полпути между домом и поленницей, а сам садился на крыльце и делал вид, будто наблюдает за синицами. Кто-либо из друзей или родственников покойного сначала звал его обратно в поленницу, потом − с множеством манёвров и предосторожностей − приближался и начинал расталкивать бедного «живца». Вот тут Дивуар и бросался. Удирающая дичь имела шанс (фору???) в пять метров, кот − несколько больше, так что всё было честно.

Такие соревнования продолжались, пока Дивуар не замаривал червячка, после чего он пытался угостить и меня – за то, что не вмешивался.

ЮМОР И ОПЫТ

Я не верил, что у птиц есть чувство юмора, пока мне не подарили щенка. Мы жили с ним в заболоченной местности, а вокруг стояла поздняя весна. Весь лес кудахтал, свистал, чирикал, ухал – в общем, пел на все птичьи голоса, а с неба неслось даже лошадиное ржанье: это слабоголосые кулички, войдя в вертикальное пике, вибрировали крылышками − такой уж у них способ начинать создание семьи. Мой полугодовалый щенок по имени Босяк (за то, что вытаптывал грядки с луком) возмущённо вслушивался в этот небесный лошадизм и время от времени осуждающе лаял вверх, потому что был родом из соседней деревни и толк в лошадях понимал с младых когтей. Кулички, со своей стороны, тоже обращали внимание на домашнего зверя, и их пикирования вскоре начали обретать некоторую систему. Ржанье раздавалось всё ниже, всё ближе, а когда семьи были созданы, птички перешли к развлечениям − иначе я это назвать не могу.

Пара бесшабашных куличков заманивала Босяка к широченной канаве, заполненной болотными водами, и − приземлялась на бережок. Наивное собачье дитя с восторгом бросалось на них, но юмористы перелетали на другую сторону канавы и начинали оттуда пищать своими слабыми, но задорными голосками. Не желая мокнуть, Босяк обегал канаву и снова атаковал, уверенный, что теперь-то добыча не уйдёт. Но добыча без усилий перепархивала на старое место − всего три метра, и охотнику приходилось начинать всё сначала. Уже в первый день он мобилизовал весь генетический охотничий опыт: и стремительную погоню, и скрадывание, и дальний обход, и высокие прыжки, когда дичь взлетала перед самым носом, и, наконец, свирепый лай птицам вслед, чтобы или рухнули наземь от ужаса или уж

совсем улетели. Обе стороны были неутомимы, и длились шуточки, пока шутники не удалились высиживать яйца.

На следующую весну Босяк уже не обращал на шутки куличков ни малейшего внимания, а я до сих пор гадаю: это он опыта набрался или потерял чувство юмора? Всё-таки хищникам юмор присущ меньше, чем тем, на кого они охотятся. Странный закон Природы, но с Ней не поспоришь.

КОРОТКАЯ ДРУЖБА

Избушка моя стояла посреди изрядной поляны. Она была сложена из бруса и проконопачена паклей. Вот эту паклю и наладились выщипывать кедровки, птицы крупные, сильные и хозяйственные. Поэтому я относился к ним бесцеремонно, гонял свистом. Одна из них как-то попалась. Залетела в сарайчик и распялилась на оконном стекле, как бабочка на булавке. Я вошёл и просто взял её со стекла, даже не ворохнулась. Видно, не могла взять в толк, почему воздух стал вдруг твёрдым. Я вынес гостью на волю и для начала разглядел. Вблизи любая живая тварь красива, особенно летающая. У этой серой птицы оказалось множество разноцветных перьев, разве что красного не было. И шикарный большой клюв, которым она запросто колет орехи. Этим клювом она взяла меня вежливо за палец и сдавила, как плоскогубцами, впору было запищать. Но я стерпел и тоже вежливо разжал руку. Почуяв понимание, птичка отпустила мой палец и отлетела на ближайшее дерево. Потом перепорхнула поближе к избушке. И уморительно поворачивала голову, будто сомневалась: каким глазом лучше разглядывать это чудо природы, столь великодушно отпустившее столь вкусную добычу.

Чтобы усилить хорошее о себе впечатление, я вынес и положил на пенёк перед избушкой хлеб, конфету, кашу и насыпал орешков. Всё, кроме конфеты, было унесено в лес. Правда, наблюдать мне было позволено только через окно.

Тут я решил испытать эту орешницу на жадность и вынес ей мышь. (Жить в лесу — это обязательно страдать от мышей, и я глушил их простой хлопушкой, которую смастерил из двух плах и подпорки.) Сам не поверил, когда мышь была унесена в лес. Вот обжора!

Так мы и дружили всё лето, пока мне не подарили Дивуара. Он ещё легко умещался на моей ладони, но проявил такую свирепость, что в доме мгновенно исчезли мыши, и пришлось ему ходить за ними во двор и на огород. Там он распугал всё живое, включая и кедровок. А потом дошла очередь и до собак, которые иногда забегали из дальнего посёлка. Ближе десяти метров хороший кот не подпускает к своему жилищу никого, кроме двуногих без перьев.

НАУКООБРАЗНЫЕ

Не путать с паукообразными. Те просто живут себе, едят друг дружку, но в природе своё место соблюдают. А среди людей немало таких, кто не выносит работать вместе со всеми и что-то дельное производить. Это можно было бы назвать талантом, если бы без вреда. Ведь больше сил тратят на притворство, чем тратили бы на честные и полезные дела.

Так я недавно подумал, слушая по радио выступление одного такого наукообразного. Должность у него немалая, но дай ему пилу, он дерево в нужную сторону не завалит. А говорил как раз об этом. Говорил, что ещё несколько лет, и лес у него в районе ПЕРЕЗРЕЕТ, так что валить его в больших количествах просто необходимо, а то ведь у населения совсем нет другой работы. И объяснял: «Природа ведь сама валит лес. ВЕТРОВАЛЬНО-БУРЕЛОМНЫЕ ЛЕСОСЕКИ...». Я подумал: «Красивое название, научное». И вспомнил пару других, выдуманных для объяснения уже не природной деятельности: АНТРОПОГЕННЫЙ ФАКТОР, ТЕХНОГЕННОЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРИРОДУ. И тут же вспомнил, что за ними стоит. Точнее – стояло.

Мы мчались по бетонным плитам уже несколько километров, а дым не кончался, потому что вдоль дороги шла канава, наполненная водой с нефтью, нефть горела, а от неё горел лес. «Техногенный фактор». Я с самолёта видел множество лесных пожаров вокруг таёжных сёл — это разрослись непотушенные костры. «Антропогенный фактор». Мы, антропы, прорубили просеку под высоковольтную линию или нефтепровод, а тысячи сваленных

деревьев растолкали бульдозерами к живому лесу, потому что вывезти не могли, и они гниют, заражая здоровые деревья грибком. А так называемые «ветровально-буреломные лесосеки» − их многие видели с самолёта − тянутся на сотню-другую метров, это для природы терпимо.

Назвать бы всё это своим именем − ПАРАЗИТИЗМ, БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ, − да употребить изворотливый наш ум не на выдумывание названий безобразиям, а на сохранение того, в чём Природа нас поселила. Ведь зачем-то поселила? И уж наверно не затем, чтоб мы выполняли простую роль безмозглого гнилостного грибка.

ГРУСТНАЯ ТАЙНА

Я сказал Босяку: «Надоел твой тявк. Иди вон в лес и поохоться. Наст крепкий, не провалишься». Он тявкнул на меня, но послушался и ускакал. Что возьмёшь, ему чуть больше года.

Кончался март, уже что-то выклёвывали из подтаявшей дороги бойкие сороки, уже свистела в ближнем лесу только что прибывшая стая каких-то мелких пичуг – наверно, синиц. Босяку не скучно. Вон и моя знакомая кедровка промчалась над домом — это пёс её спугнул.

Но вот он явился и приволок огромную, чуть короче себя, серую птицу. Одно крыло уже развернул красивым пёстрым веером с нежнейшей пуховой оторочкой, другое плотно прижато к телу. Бросил добычу к моим ногам: вот, мол, будь любезен не ворчать.

Я поднял бедолагу за мощное маховое перо. Красавицей была сова. Красива даже сейчас, хоть и прошёлся пёс зубами. Красивая и лёгкая, очень лёгкая, как все хищные птицы: для скорости, но и от постоянного голода. Трудна ведь в природе жизнь хищника. Он − крайнее звено в так называемой пищевой цепи. Улетели осенью мелкие птички, ушли под снег мелкие грызуны, выбили охотники зайцев и белок − погибать сове.

Я осмотрел её и попробовал представить, как погибла. Морозов в эту зиму больших не было, значит, скорее всего, не замёрзла, а попала под неметкую дробинку из какого-нибудь мимоезжего ружья. Сидела на сушине, была видна с дороги, пальнул кто-нибудь из досужих проезжающих, а она сумела улететь, и замёрзла медленно, мучительно и покорно, как умирают все дикие подранки. И лежала, аккуратно сложив могучие лапы, сжатые в кулаки, прижав прекрасные бесшумные крылья и вытянув шею, будто ныряя в другую жизнь.

Можно было из любопытства поворошить пуховую шубу, поискать место, куда вошла дробина, но я не стал. Вернул Босяку его лёгкую добычу: пусть хоть конец у совы будет природным. Впрочем, она могла умереть просто от старости. Очень уж была большая.

КАК СМОТРЕТЬ

Я летел в сентябре над тайгой.

Тот, кому такое посчастливилось, сразу, конечно, всё представит и поймёт.

С высоты вертолёта – это метров триста-четыреста − самый лучший обзор. Не зря говорят − высота птичьего полёта: птицы хорошо понимают, с какой высоты их владения самые красивые. Они, правда, смотрят на лес потребительски − так считает наука. У птицы, дескать, нет эстетического чувства и так далее. Но вон она, пара коршунов, которые кувыркаются в струях верхового ветра всего в полусотне метров от моего иллюминатора. Какое такое в этом потребительство? Просто удовольствие − оттого, что они вместе оттого, что солнышко не только светит, но ещё и греет («бабье лето» же!) оттого, что внизу столько красок, что больше за год и не увидишь (птицы получше нас различают цвета), да просто от радости полёта, от свободы. А ещё оттого, что вон та шумная большая машина, перевозящая по небу опасных людей, сама по себе не опасна, если на неё не нападать.

Покувыркались и − я успел увидеть − распластали крылья и пошли по широкой дуге, явно любуясь видом, а не высматривая добычу. Потом они сядут на вершину сухого дерева и ещё полюбуются своими владениями. А потом уж, конечно, на кого-нибудь бросятся: голод − не тётка.

Я сошёл с вертолёта, приехал в свою лесную избушку и − увидел на высоченной сушине − в тех же пятидесяти метрах − тех же двух коршунов. Или других, какая разница. Они не бросались на добычу, а продолжали своё созерцание − я бы иначе это не назвал. Внизу − было видно − сновали бурундуки, порхали мелкие птахи, даже заяц, ещё не начавший линять, мне померещился. А хищники сидели и, вероятно, о чём-то беседовали. Была ли их беседа потребительской (по науке): кого съели, кого съедим? Или они обсуждали разницу двух красот – лесного простора с высоты полёта и вот этой рябинки, пестрее и затейливее всех деревьев изузоренной сентябрём? И спорили, может быть: действительно ли прекрасное лучше разглядывать издали, как учит наука эстетика.

Мне было не до их свободного созерцания. Мне следовало поскорее оживить запущенную избушку, чтобы ночью не замёрзнуть. И я пошёл заготавливать сушняк для печки.

После первого же удара топором коршуны сорвались с верхушки сухого кедра и занялись высшим пилотажем. Вот они о чём беседовали…

НЕВЕЛИКА РАЗНИЦА

Там, где мы жили, зайцы почему-то перевелись. То ли истребили их, то ли нефтью потравили, то ли мор какой. Одна лисичка вокруг мышковала, а заячьих следов не видели уже три года.

И вот наш сменщик Андреич предложил развести кроликов. Он так любил дичину, что я и за исчезновение зайцев на него грешил.

Мы с женой согласились и привезли из Томска кролика и двух крольчих. Андреич тем временем построил сарай-крольчатник и первую клетку. Он говорил, что хорошо знаком с этим делом, а мы почитали литературу, и работа началась. Я заготавливал сено, на общем огороде росли для кроликов разные корнеплоды, которые мы по очереди поливали, Андреич мастерил новые клетки.

Работали мы вахтовым методом. В пересменках Андреич строил планы: как славно мы обеспечимся мясом. Вместо «мяса» он говорил «дичь».

Но он был старый человек. В его вахту почему-то умирали крольчата и вяли овощи, забитые сорняками. Такое хозяйство в тайге требует немалых трудов, потому что дикий лес агрессивен: неохотно отдаёт землю под огород и быстро засевает её так называемыми сорняками. Это ведь для нас они сорняки, а для тайги – исконные хозяева.

Одним словом, весной Андреич уверял, что к зиме нам некуда будет девать «дичь», а к первому снегу у нас было с десяток кроликов, которые прогрызали тонкие рейки клеток, прыгали по крольчатнику и норовили сделать подкоп на волю.

В ноябрьскую пересменку Андреич объявил нам, что переводит «дичь» на «напольное» содержание, и неожиданно для нас на два месяца улетел в отпуск. Когда мы прибыли на очередную вахту, содержание у кроликов было уже вполне таёжным. Они устроили подкоп, в лесу на них пытался охотиться наш бестолковый пёс Босяк, они разоряли наш огород и спасались от Босяка в крольчатнике.

К весне мы совсем перестали верить заявлениям Андреича, что кролик − домашнее животное. Эти зверушки оказались самой настоящей, без кавычек, дичью, легко дурачили Босяка и лису и загрызли насмерть не только все молодые осинки вокруг, но и всю смородину на нашем огороде. Исчезли кролики так же внезапно и бесследно, как зайцы.

МОРЕ ПОД НОГАМИ

Считается, что человек ко всему может привыкнуть. Я слышал, что даже у солдат под обстрелом постепенно притуплялось чувство опасности, и они переставали «кланяться» пулям и оборачиваться на выстрелы.

Нечто подобное происходит и в лесу, особенно на таёжном болоте…

Светило солнышко, ветерок был лёгкий и тёплый, клюква уродилась, комары уже не донимали, как в июле − в общем, образцовое «бабье лето». Даже ни одного медвежьего следа в этот день не попалось.

Я мягко шагал по рыжему болоту. Оно тянулось в три стороны до горизонта, только сзади темнел сосняк, из которого я вышел час назад. В корзинке было уже на треть крупных ягод. Я брал только крупные. Они редко разбросаны по зелёным «окошкам» между кочками. За каждой присядь, но зато добыча выглядит солидно. Да и корзинка наполняется крупным скорее.

Я чувствовал себя хозяином всего этого безбрежья и представлял, что раньше здесь было море, да вот за тысячи лет заросло прочным ковром. Ковёр прогибается под сапогами, но не прорвётся, если не прыгать на одном месте, а идти всё дальше, держась поближе к кочкам. И вся эта клюква, вся перезрелая голубика, вся жёлтая морошка – моя. Могу сорвать любую, съесть (хотя уже набил оскому) или положить в корзину. Могу сесть на кочку, съесть бутерброд, запить чаем из термоса, и тогда снова захочется бросить в рот ягодку. Ну, и так далее.

Нет на болоте ничего опаснее благодушного настроения.

Я заметил впереди сверкающее водяное окно, не затянутое моховым ковром, и слегка уклонился с курса. Поперёк моего пути заструился к «окну» узенький ручеёк. Я − хозяин тайги и болот − решил его перепрыгнуть и мягко оттолкнулся от «ковра». Через секунду моя корзинка лежала на боку, на другой стороне ручейка, сам я висел по грудь в ручье, опираясь растопыренными пальцами на воздушно податливый пушистый мох, мой рюкзак оставался у меня за спиной, лежал пока ещё на мху, но уже начал намокать и мог утащить меня на дно. А где это дно, спросить можно было только у собственной памяти. И она сообщила, что Васюганские болота считаются самыми глубокими в мире: до дна – восемнадцать метров.

Я служил на флоте водолазом, для меня нырнуть на 18 метров было нормальной работой. Но ведь не с рюкзаком и не в болотных сапогах, а с аквалангом и в ластах. Впрочем, об этом я не думал, повиснув между берегами ручья. Я вообще не думал. Я настолько не думал, что даже не испугался. Я выпростал левую руку из-под лямки рюкзака и положил её рядом с правой. Немедленно за этим я выдернул и правую – пусть рюкзак тонет без меня, хоть и жалко термоса с чаем. Я не позволил себе барахтаться, а на одних руках, расставляя их пошире, начал нежно выползать на тот берег, где валялась корзина: он почему-то показался мне прочнее. Намокли рукава до плеч и энцефалитка до горла. Намок в нагрудном кармане блокнот. Было жалко топить сапоги, тем более что снять их было, кажется, невозможно. Было очень интересно, долго ли будет этот моховой «берег» подминаться под меня и уходить в воду. Было жалко разбросанной у корзинки крупной клюквы. Было жалко топить рюкзак…

Не могу вспомнить точно, как удалось задрать одну ногу настолько, что она стала плоскостью опоры. Но после этого я вылез на «ковёр», дотянулся до рюкзака, собрал кое-как рассыпанную клюкву, отполз ещё немного и осторожно поднялся на дрожащие ноги.

«Ковёр» держал.

Чтобы мокрому не замёрзнуть и не дать болоту высосать моё тепло, пришлось от кочки к кочке, энергично, но осторожно, плавной дугой уходить с болота, собирая по пути крупные ягоды, обходя блескучие места и не делая резких движений. Полкорзинки всё же набрал. Чай выпил в лесу, на ходу. Испугался я уже дома.

Оля записала этот рассказик, удивилась, перечитала ещё раз и снова удивилась. Когда тонула прошлым летом, всё было точно так же! И в памяти ВСЁ ЭТО БЫЛО, а ведь не вспомнилось, не погнало подальше от ручейка…

«Вот и верь, когда говорят, что ты умная, − подумала она честно. − Дурёха дурёхой! И памяти никакой… Впрочем, надо ещё разобраться, о какой памяти речь. Есть память «быстрая», которая работает сразу, а есть «глубокая», до неё ещё надо докапываться, без спешки. А на болоте была спешка…»

Ну, если уж до конца честно, то глубокая память тут была не виновата. Выходя на болото, надо было вспомнить всё, что о нём знаешь, так-то… Это ей и дед говорил, да тоже слишком глубоко запрятала.

В общем, память надо постоянно ворошить, чтобы не слёживалась. Кто не ныряет в память, тому нырять в болото.

ПАНИКА

Когда я был водолазом, даже ещё раньше, когда только учился плавать, мне говорили: «Самое страшное для плывущего − паника. Гарантия, что утонешь. Не спеши, не суетись, определи, где берег, а где дно…». Ну и тому подобное, очень полезно. И я вовсе не думал тогда, что вспомню водолазную науку − в сухой дремучей тайге.

Впрочем, тайга вовсе не выглядела в тот прекрасный день такой уж дремучей. Я гулял на самом её краешке, по широкой просеке, которая шла параллельно дороге. По дороге ходили мощные грузовики. Светило полуденное солнце. В общем, заблудиться было невозможно.

В просеке стояли высоченные мачты высоковольтной линии, тихо гудели провода, а между мачтами чего только не росло. У толстых пней − россыпи брусники. Среди свален-ных трассовиками и давно гниющих вековых стволов − малина, смородина, кислица. А под ногами − подосиновики − хоть коси. Я и косил. Хоть и выбрасывал два гриба из трёх: очень уж черви любят этот гриб. Вот из-за червей я и решил немного углубиться в лес: там должны быть моховики, а они − почище.

Через полчаса, когда наполнились и корзина, и рюкзак, и даже капюшон моей куртки, я поднял голову и огляделся.

Во все стороны лес был абсолютно одинаковый, а небо затянули тучи. Такие перемены погоды на севере не редкость, и я не растерялся. Хоть и не было с собой компаса. В северном полушарии ветры почти всегда дуют с юго-запада. Впрочем, почти… Значит, по облакам ориентироваться не стоит. Тем более, что я не запомнил, точно ли на север шла просека. Да и вошёл я в лес не по широкой этой просеке, а по узкому геодезическому профилю, метров шести в ширину. Он шёл почти поперёк просеки. Опять почти. С самолёта видно таких профилей множество, и пересекают они территорию в самых разных направлениях. И среди них не только геодезические… Да и чего об этом думать, когда достаточно прислушаться, и по звуку моторов станет ясно, где моя дорога.

Я прислушался. В воздухе стоял только птичий свист да комариный зуд. Почему нет машин? Неужели так далеко ушёл? Я присел на валежину и несколько минут послушал. Ничего нового.

Да нет, не мог я далеко зайти. Должны быть видны высоковольтные провода. Там и просека, а за ней – моё шоссе. Вон, на часах полдень: все водители просто уехали обедать. Я внимательно вгляделся по очереди во все просветы между деревьями. Проводов не наблюдалось.

Ну и ничего страшного. Сейчас поставлю свою тяжёлую корзину вот на этот высокий пень и, не теряя её из виду, сделаю по лесу круг. Либо найду тот профилёк, по которому вошёл, либо ещё что-нибудь разгляжу. Я сделал круг и ничего интересного не разглядел. Зато потерял свою корзину.

Ладно, ничего страшного. Грибов полно, а корзину я сам скрутил из бересты, она старая, не жалко. Я решил повторить это упражнение и двинулся по кругу снова, теперь ориентируясь на рюкзак. Он был красный и висел выше моего роста на сломанном дереве.

Когда стало ясно, что и рюкзак не найти, я утешился тем, что рюкзак тоже старый, а главное − тяжёлый. Теперь, налегке, всё становилось проще. Только вот продукты остались на дне рюкзака. Если заблужусь, похудею. Вытряхнул моховики из капюшона и пошёл совсем пустой.

Я бродил так больше часа. Уже всем пора было отобедать и начать ездить по шоссе, но ни одна моя остановка не приносила ниоткуда ни звука, кроме усиливающегося воя ветра. Начинало смеркаться.

Я назвал это воспоминание − «Паника». Но если бы кто-то посмотрел на меня тогда со стороны, он увидел бы спокойно шагающего путника, имеющего совсем не такой вид, какой изображают артисты, «заблудившиеся» в кино. Паника состояла в том, что я начал бояться остановки. Казалось, вот остановлюсь – и упаду, и совсем потеряю ориентировку. Хотя ориентировки с каждым шагом становилось всё меньше. А каждый следующий шаг делался тяжелее. И коренья кедров будто сами высовывались из мха, чтобы я спотыкался. А все сучья павших ёлок целились пробить сапог.

Надо было остановиться и посидеть, подумать. С большим усилием я заставил себя остановить выбор на первом попавшемся полугнилом стволе и сесть.

Ещё полчаса − и станет совсем темно. Даже если меня тут не съедят, ночь будет плохая: холодная и мокрая. Хорошо хоть, что нож и спички при себе.

Тут я и услышал мощный гул мотора. Далеко, километрах в двух. Но за полчаса по сухому лесу это было вполне преодолимое расстояние. Я со сдержанной радостью ломился сквозь тайгу, внимательно обходя завалы, чтобы не повредить в них ногу — вот это почти верный конец.

Мотор гудел на одном месте. Время от времени его перекрывал истошный металлический визг, будто в сибирскую тайгу забрёл слон и заблудился. Мне так и хотелось откликнуться таким же воплем, потому что я уже понял, куда зовут меня эти звуки.

Я вышел не к шоссе, а к буровой вышке. Под визг затаскиваемых в станок железных труб мне сообщили чумазые люди, что вот по этой разбитой дороге до шоссе «всего шесть километров».

Как я потом искал (и нашёл!) корзину и рюкзак − особая история. Это было уже на следующий год, случайно. Я шёл на лыжах. На лыжах даже без компаса не заблудишься.

МЕНЬШИЕ БРАТЬЯ

Моя внучка − вся в меня. Ей было три года, когда впервые увидела коров. Она подхватила с земли клок соломы и бросилась в гущу стада с криком: «Кушайте, маленькие!». Потом босиком по сухой пашне гонялась за шипящими гусями, чтобы их погладить, и важные грозные птицы разбегались в панике, как только что коровы. Теперь она, правда, взрослая.

А я, кажется, до сих пор отношусь к любому зверью так же, как она в три года.

Весна. Иду по просеке, глядя под ноги, и только метрах в двадцати замечаю лося. Он так громаден, что до уха мне не дотянуться. Тоже проглядел человека и на миг слегка присел. Весной этот зверь опасен: у него гон, он перед медведем не отступит. И меня он может убить одним ударом переднего копыта. Но я об этом не успеваю подумать. В восторге от встречи восклицаю невольно: «Уй ты, моя лапонька!». Гигант фыркает и без особой спешки бросается наутёк.

Начало лета. Вокруг моей избушки рассаживаются на столбах и сушинах самые настоящие морские чайки. Я их знаю, это мартыны. Надо же: от океанского устья Оби пролететь две тысячи миль над ледоходом и ещё сотню километров над тайгой, чтобы рядом с посёлком нефтяников навестить меня, бывшего матроса. Выхожу во двор, и одна чайка, что летала перед моим окном, начинает кружить передо мной. Я знаю, что в чаек вселяются души погибших моряков, я спрашиваю: «Ты − Илья Дребезов? Или Володя Чинчарадзе? Или ты за мной прилетела?». Она делает свои круги всё шире, всё выше и вдруг исчезает, будто растворяется в ярком небе.

Сентябрь. По заросшей молодым осинником просеке внезапно выхожу на пустое пространство, посреди которого – высокий, с меня ростом, пень. На нём – среди яркого дня – огромная серая птица с ушами. Я такого большого филина видел только раз, прошлой зимой, когда мой напарник хотел в него выстрелить, а я не разрешил и прогнал мишень. Конечно: «Уй ты, моя лапонька!». Филин бесшумной косой тенью соскальзывает к земле и на бреющем улетает в чащу. Узнал он меня?

Декабрь. Утро до света. Выглядываю в окно на истерический лай Босяка. На птичек он тявкает, с людьми строго беседует, а вот так, с ужасом в голосе, пытается запугать того, кто для него опасен. В луче прожектора вижу, как стелется по снегу крупная тварь побольше Босяка, с телом медведя и головой собаки. Неужто росомаха? Она же с голодухи ест собак! И, главное, абсолютно не знает страха. Босяк прижался к стене, бьётся в моё окно – он явно не хочет быть съеденным. У меня есть карабин, я имею право защищать себя и домочадцев. Босяк это знает, а росомаха – нет. Она садится на снег и что-то каркает Босяку. Тот отвечает. Тогда она встаёт и уходит, не проваливаясь на широких медвежьих лапах. Не голодна…

Опять весна. Глухая ночь. Плотная, непроглядная облачность. А из неё слышны крики гусиной стаи. Наверно, казарки. Летели на Север и припозднились. Кружатся в багровой горячей мгле над газовым факелом нашего нефтепромысла и совещаются, не присесть ли на ночь у нефтяной вышки, вон и водоём. Крикнуть бы им, что водоём этот – «амбар», заполненный подземной зловонной водой, насыщенной сероводородом и покрытой слоем нефти в палец толщиной. И гуси будто слышат мои мысли: крики почтенного совещания начинают смещаться…

Я часто думаю: если уничтожим себя и всех животных какой-нибудь катастрофой этакого «антропогенного» характера, планетка без живности всё равно не останется – насекомые старше нас на два миллиарда лет, им все катаклизмы − тьфу. Но ведь скучища настанет! Разве что… скучать будет некому.

НАСТОЯЩЕЕ ГОРЕ

Обычно вороны грабили нашего Босяка остроумным и простым способом. Одна начинала его дразнить, когда он ел, а другая сидела в сторонке на невысоком дереве. Босяк сначала отлаивался от шумно пикирующей нахалки, и тогда она опускалась в нескольких метрах и, покрякивая, начинала бочком приближаться. На расстоянии двух прыжков выдержка изменяла Босяку, он бросался в атаку. Ворона немного отлетала низом и снова приземлялась. Босяк преследовал и забывал о собственной миске с кашей. Как раз в это время вторая ворона спускалась с деревца и обедала. Потом они с подружкой менялись ролями.

Но настал день, когда прилетела всего одна ворона. Я как раз наполнил миску, Босяк бегал где-то, и она, сделав всего один круг, осторожно опустилась недалеко от еды. Сильно хромая, стала к ней приближаться. У миски огляделась, клюнула несколько раз, и тут налетел Босяк. Бедолаге пришлось отталкиваться всего одной лапой, и она едва успела взлететь.

Так длилось месяц. Вторая ворона не появилась. А у этой лапа не проходила. Мне даже казалось, что хромает она всё сильнее. Увести Босяка далеко от миски не удавалось. Кормиться на какой-нибудь свалке возле столовой ей, конечно, не позволяли родичи: все стайные существа бьют своих больных и отбирают у них пищу. Ворона худела на глазах.

Я пытался подкормить инвалидку, бросал ей куски на крышу. Но крыша была покатая, с одной лапой на ней не удержишься. Птица пыталась хватать куски на лету. Но часто промахивалась, и еда падала в пасть бдительному Босяку.

Верно говорят, что беда не приходит одна. Может быть, кто-то выстрелил по двум неразлучным птицам. Одну убил, другой перешиб лапу. Или четверолапый хищник подстерёг сразу двоих. Что бы там ни было, а для птицы потерять сразу и друга, и здоровье − большая беда. Исчезла несчастная ворона так же, как исчезают все в её мире – внезапно и без следа.

ГЛУБОКИЙ КОНТАКТ

Это была моя первая встреча с гадюкой, когда она заметила меня раньше.

Вокруг широкого, как стол, кедрового пня выросла густая плантация брусники. Ягод было полно, я спешил собрать их до начала дождя и больше прислушивался к порывам внезапного ветра, чем к звукам из кустов. А оттуда текло прерывистое, нервное шипение. Когда я осознал, что оно означает, руки ещё суетились в пушистых зарослях. Левая ощутила укол, и я извлёк её на свет с двумя лишними «брусничинами» на пальце – контакт состоялся.

Я стряхнул кровь с пальца, а правая рука сама лапнула на поясе нож. Чёрная лесная гадюка заструилась прочь по щелястой поверхности пня, и моё мстительное лезвие ударило дважды.

Я выдавливал, как учили, отравленную кровь из онемевшего пальца, а сам смотрел в глаза отрубленной змеиной голове. Удивительные круглые глаза уставились на меня без той лютой злобы, какая бывает у собак, людей и прочих теплокровных хищников. В змеиных глазах я видел только мудрость и удивление. И сам удивился: откуда у пресмыкающегося эти качества? И зачем ей вокруг зрачка столько радужных колечек: целых четырнадцать, и каждое − своего цвета?

Кровь перестала выдавливаться, а горячая боль пошла вверх по руке. Мне становилось не до змеи. Я надрезал палец, повыдавливал ещё, потом замазал ранку пихтовой смолой, обмотал руку платком и двинулся из леса. Хотелось спать, ноги плохо слушались.

Но я шёл и, чтобы не заснуть, думал о змее. Вероятно, вместе с ядом она влила в меня какое-то высшее, природное знание. Я думал, что посредством укуса мудрый змеиный народ пытается сообщить нам, менее мудрым, что надо жить всем в согласии, не брать лишнего, не ломать встречного и не убивать зря. Мне казалось, я понял, откуда произошло выражение − «мудрость змеи».

Она содержится в змеином яде!

Хлынул дождь, и это придало мне бодрости.

Через два дня, когда отравление отпустило, я ни о чём таком уже не думал.

ПРИМЕТА

Лучше всего работается в лесной избушке зимой, когда не надо заботиться об огороде. Сиди и рукодельничай.

Как-то декабрьским утром я почистил снег во дворе, попил чаю и собрался работать. Извлёк из ящика бересту, выкройки для туесов и раскрыл свою коробочку с резцами. И отдёрнул руку. На моих инструментах расположился чёрный травяной паучок. Не из тех, что плетут сети и ждут в засаде, а крепенький и быстрый охотник, который бегает летом в траве и берёт добычу в честной погоне.

Но в такие мгновения мало кто успевает подумать об этих тонкостях. При встрече с кусачим членистоногим человек чаще всего действует машинально. Эти твари появились на Земле (если верить науке) намного раньше нас и чувствуют себя истинными хозяевами, а человек испытывает к ним высокомерное отвращение пополам со страхом, поэтому сначала бьёт, потом задаёт вопросы.

Я занёс руку, ожидая, что враг убежит. Он не стал спасаться, и моя рука ударила. Потом я спросил: «Почему ты не побежал?». Комочек хитина не ответил, конечно.

Ровно через месяц ответ нашёлся в неожиданно подвернувшейся книге. (Меня нужные книги часто находят сами.) Я прочёл, что знающие люди носят с собой таких паучков в коробочке или в ореховой скорлупе, подвесив на шею. Само присутствие этого «врага» приносит удачу в делах. Бывает, его даже съедают, чтобы вылечиться от мигрени или у всех выиграть в карты. Не написали только, чем же его, беднягу, в заточении кормят.

Выходило, что мой паучок сам как-то захотел стать талисманом, а я вот − не знал…

Осталось надеяться, что те паучки, которых я спасал из воды или обходил на тропах, замолвят за меня на своём языке слово перед невинно убиенным собратом. Ведь всё равно мне полагалось его съесть.

СТРАШНОВАТЫЙ СУВЕНИР

«Я жил тогда в лесной избушке». Эти слова читать − одно удовольствие. Да и писать приятно. Вот как я замечательно жил! Делал, что хотел, никто не мешал и так далее.

Но никакое удовольствие не даётся даром. Я в той избушке жил не просто так. В окно, которое выходило на восток, я поглядывал всё время, даже ночами. Там, за колючей проволокой, стояли четыре железных хранилища. А на гвоздике за дверью у меня висел заряженный карабин. А в северное окно я видел шлагбаум. Несколько раз в день к нему подъезжала

специальная машина, я поднимал шлагбаум и впускал машину за колючую проволоку. Я охранял взрывчатку, которую используют для добычи нефти. Что это такое, рассказывать долго. А речь сейчас не о взрывчатке. Она лежит себе и совсем не опасна, пока не сработает детонатор, и чтобы он сработал, надо ещё весьма умело постараться.

Речь пойдёт о трансформаторе, который стоял в сотне метров от моей избушки за шлагбаумом. От него зависела вся энергетика моего склада: и огромные мощные прожектора, и отопление избушки, и свет в ней, и кухонная плита. От специальной электролинии к трансформатору спускались три толстых провода, а держались они на больших красивых изоляторах, похожих на молоденькие ёлочки. Если бы в линию ударила молния, изоляторы спасли бы трансформатор от ужасного разряда в миллион ампер. Это было весьма важно, потому что убить человека может ток всего в одну десятую ампера, а сто метров для электричества − не расстояние.

Я электричества не боялся. Бояться стоит лишь того, чего не понимаешь.

Была середина лета, жара неимоверная. Я варил кашу и старался держаться подальше от раскалённой электроплитки. Подходил на секунду помешать и тут же удалялся к северному окну, чтобы полюбоваться гигантской тучей, которая летела прямо на меня и обещала освежить воздух и наполнить мои вёдра под самодельными желобами. Из мрака высовывались жала молний, грохотало, но меня это не беспокоило: все заземления были на своих местах и постоянно проверялись нашим электриком (а ну как молнией − в мою взрывчатку?!).

Вот стало темно, по окну стегнул ветер, засвистело в форточке. Я включил свет, чтобы ещё раз заглянуть в кастрюлю, и сделал шаг к окну.

ОНО застало меня как раз на середине комнаты. Что-то мелькнуло рядом с правым плечом и взмыло под потолок. Тут же сверкнуло всё вокруг и ударило так, что воздух сильно содрогнулся, а я на миг присел. И из этого положения хорошо разглядел фейерверк, который поднялся над трансформатором. Если учесть, что до него было сто метров, высота огненного фонтана составляла метра три.

И тут же мне пришлось отскочить от окна, потому что из толстого электрического кабеля, проложенного под потолком, на меня густо полетели крупные искры. Свет погас, но темнее не стало: это бурно загорелась проводка.

Не будь меня рядом, сухая избушка сгорела бы в десять минут. Но я снял с вешалки рабочую куртку и задавил ею пламя. Пришлось для этого встать на табуретку да отмахнуться от капель расплавленного алюминия.

На всё событие ушло секунд пять. Осталось немного белого дыма с противным запахом.

Моя каша как раз дозрела, даже не успела пригореть.

Телефонная связь уцелела. Я пообедал и позвонил электрику. Он приехал после грозы, надел на все свои конечности резину, и мы пошли к трансформатору.

− Смотри, − сказал он, открыв шкаф предохранителей, − какая силища!

Мощная алюминиевая шина толщиной с карандаш на входе просто отгорела, а на выходе так интересно оплавилась, что конец её стал похож на красивый блестящий бутон белой розы, готовый сию минуту раскрыться и явить миру лепестки.

Я попросил электрика откусить это чудо так, чтобы остался хвостик. Мы наладили проводку, и он уехал. А я взял тонкое сверло, прокрутил в хвостике металлического бутона отверстие, продел нитку и несколько дней носил амулет на шее. Показывал знакомым, и рассказывал о шаровой молнии, которая родилась в моей кухне, пролетела у моего плеча, вошла в проводку, достигла по ней трансформатора и создала свой автопортрет − не на память, а чтоб не заносился перед стихиями.

Долго носить бутон на груди я не смог. С самого начала чувствовал себя мишенью для следующего разряда. Перед очередной грозой я его снял. Висит теперь дома. На гвоздике.

Дед рассказывал Оле про этот «бутон», когда она спросила о нём впервые. Ей тогда было пять лет. В шутку сказал: «Это молния», потом рассказал. Предложил подержать в руке, но Оля не решилась. Маленькая была, побоялась. Теперь она была втрое старше, но – так и не

прикоснулась к алюминиевой капле. Даже после встречи с Виром??? остался какой-то страх. И как это дед решается утверждать, что электричество − понятное явление?..

БОЛЬШИЕ ГЛАЗА СТРАХА

Между нашей сторожкой и посёлком лежала заболоченная долина ручья, метров сто в ширину. За полчаса мы лесом доходили до посёлка, если надо было закупить продукты или попариться в бане. А наши водители, чтобы привезти на склад воду во флягах или получить то, что мы охраняли, должны были проехать вкруговую пять километров.

Мы все работали вахтовым методом, то есть по 12 часов в день. И хотя люди уставали изрядно, бывали всё же и часы досуга. В один из таких зимних часов один из водителей навестил нас пешком. Шёл он, как и ездил, по шоссе, затратил на это весь свой час, а когда прибыл к нам, уже темнело.

– Волки вдоль дороги ходят, − сказал он за чаем. − Я только что видел следы четырёх матёрых, отпечатки − с ладонь, прыжки − аж по два с половиной метра. Не боитесь?

И посмотрел при этом на мою жену. Мы с ней уже несколько лет работали в паре.

Моя напарница сделала круглые глаза и призналась, что по ночам вообще не выходит из дома: за каждым деревом, мол, мерещится по хищнику.

– Вот и я боюсь теперь обратно идти, − признался шофёр.

Я взял карабин и проводил его до посёлка через болото. Потом вернулся и застал жену в веселье.

– Больше никто к нам пешком не придёт, − говорила она сквозь смех. − Можешь спокойно резать свою бересту! Аж два с половиной метра прыжки!..

Я посмеялся вместе с ней. Волк, который приходил весной к нашему шлагбауму, во все лопатки удрал, едва я вышел из сторожки. То же сделала прошлой зимой и росомаха. Потому что, во-первых, слишком шумно и хорошо нынче вооружён человек, чтобы звери этого не знали, во-вторых, в лесу полно мышей, а в-третьих, не так уж голодно нынче живём, чтобы зверь не прокормился на наших свалках.

Что же касается звериных прыжков, то наш горожанин-шофёр очень бы удивился, увидев, как заяц, когда спешит, оставляет меж двумя касаниями запросто по шесть метров.

Почему мы не сказали этого гостю? Человек так устроен, что не поверит, если сам не увидит. И никто пусть мне не верит, пока не увидит. Только стрелять при этом не стоит. Зверь прекрасен, пока жив.

СЛЕДЫ

Однажды наш начальник смены напросился со мной за клюквой. Сказал интересно: «Покажи мне места моей молодости». Я спросил: «Что сие означает?». Он ответил: «Двадцать лет назад я работал на этих площадях в качестве молодого геолога. То есть, красиво выражаясь, открывал здешнюю нефть. По карте хоть что тебе найду, а на местности уже могу заблудиться: несколько изменились места за двадцать-то лет».

Мы шли сначала по заросшей просеке, которую я хорошо уже изучил, и он узнал искорёженный ржавый остов жилого вагончика: «Это у сейсморазведчиков взорвался зарядный ящик. Что стало с их жилищем, сам видишь, а о судьбе взрывника, который ошибся, можешь догадаться».

Свернули в молодой, двадцатилетний лес. Метров через двести вошли в матёрую тайгу. Тут пришлось обойти пустую железную клеть, в которой вертолётчики перевозят на подвеске разные грубые грузы. Михалыч узнал и её: «Размотался конец троса, на котором её несли, и захлестнул вертолёту хвостовой винт. Они уже шли на посадку. Не долетели до нас триста метров. Отцепили подвеску, она и рванула… Где-то здесь и обломки должны лежать». Мы прошли ещё сотню шагов и постояли у обломков «МИ-четвёртого». «Кто-нибудь уцелел?» − спросил я. «Они упали со ста пятидесяти метров», − ответил Михалыч. Высвободил из мха и багульника небольшой обломок дюраля − белый изнутри, зелёный снаружи − и сунул в рюкзак − на память. И показал рукой направление: «Идём туда».

Через триста метров я мог убедиться, что он не так уж и забыл места своей юности. Ещё одна пустошь, заросшая молодым осинником и березником, хранила следы буровых работ. Валялись помятые обсадные трубы, ржавело зубастое буровое долото, догнивал жердяной мосток через искусственный водоём, затянутый ряской и украшенный коричневыми головками рогоза. На короткой гриве искусственного происхождения желтели маслята и моховики. В стороне, среди тонких стволов, массивно темнел бетонный постамент, на который впору было водружать памятник. Мы подошли. «Заглушенная скважина, − объяснил Михалыч. − К ней ещё вернутся, будут разбуривать». Постамент был накрыт толстой железной плитой, на которую с помощью электросварки навечно нанесли номер и информацию о том, кто и когда произвёл здесь работы. Шутник с электродом добавил к официальному тексту, и кое-что нецензурное от себя. Михалыч прочёл и усмехнулся: «С нами разные люди работали. − И вздохнул: − Без тебя я бы это место не нашёл».

Но теперь он уверенно отыскал среди деревьев старую колею и уверенно двинулся по ней туда, где нас ждала клюква.

Через пару километров тайга распахнулась обширным болотом. Колея, по которой мы пришли, двадцать лет неезженая, двойной ровной вмятиной уходила сквозь мхи и кочки к горизонту.

– Вот, − сказал Михалыч. — Вот тебе иллюстрация к известному предупреждению: «След, оставленный вездеходом на болоте, не заживает пятьдесят лет».

– Значит, ещё тридцать лет осталось?

– Через тридцать лет придём, проверим, − он мрачно усмехнулся. − Если доживём.

Шкаликов, Владимир Владимирович. Девчонка с котенком: таежная сказка / Владимир Шкаликов. — [Томск, 2011]. — 51 с. — Орфография и пунктуация автора сохранены. https://elib.tomsk.ru/purl/1-1159/

Валерий Михайлович СЕРДЮК

(1945–2015)

Валерий Михайлович Сердюк родился 23 декабря 1945 года в Томске. Школьные годы провёл на севере области – в Колпашеве и Парабели. В 1962 году поступил на историко-филологический факультет Томского государственного университета, вошёл в актив литобъединения ТГУ. В ноябре 1964 года с третьего курса был призван в армию. Служил на Дальнем Востоке.

Вернувшись в Томск, пошёл работать – сначала в университетскую многотиражку (с октября 1967-го), а год спустя был принят в редакцию областной газеты «Молодой ленинец» сначала корреспондентом, а затем ответственным секретарём.

В 1974 году окончил филологический факультет Томского государственного университета (заочно).

С 1975 года работал заместителем ответственного секретаря областной газеты «Красное знамя». С 1983 года – сотрудник Томского отделения Западно-Сибирского изда-

тельства, с января 1986 года – Томского областного книжного издательства. С декабря 2000 года – редактор профсоюзной газеты «Действие».

Автор поэтического сборника «Город детства» (Москва, 1983, изд-во «Современник»), книжки стихов для детей «Лесной аэродром» (Томск, 1991), книги избранного «В обе стороны жизни» (Томск, 2008).

Из наиболее значимых для себя публикаций отмечал стихи в новосибирских сборниках «День поэзии» (1964) и «Свет в окнах» (1975), московских альманахах «Поэзия», «Родники», а также в первом и третьем выпусках томского альманаха «Каменный мост».

Член Союза журналистов России. В апреле 2005 года был принят в Союз российских писателей.

Скончался в Томске в 2015 году.

* * *

Это чувство открыто и чисто
от рождения входит в сердца.
Потому и зовётся –
Отчизна,
что судьбою была для отца.
Всё бывало – и радость, и горе,
но учила любить и прощать.
Потому-то и нежно, и гордо
произносится:
Родина-мать.
Жизнь – в начале. Ещё до итога
далеко. С каждым годом во мне
ощущенье сыновнего долга
всё острее живёт,
всё больней...

* * *

Доживу до скончания века,
и в две тысячи первом году
по годам своим, будто по вехам,
в путь обратный тихонько пойду.
Повторится всё то, что и было,
даже то, что давно позабыл.
Вот уже ты меня разлюбила.
Вот уже я тебя полюбил.
Вот уже я курить научился.
Вот на дерево первое влез...
Посмотрите: я только родился!
Посмотрите: совсем я исчез!
Меня будто и не было вовсе,
но заметите, коль не слепы,
от себя то поодаль, то возле
в обе стороны жизни следы.
Не был я ни в чести, ни в опале,
но я видел, как издалека
прилетели и в след мой запали
семена незабудки-цветка.
Доживу до скончания века,
если это судьбой суждено.
Только их не раздуло бы ветром.
Только бы проросло хоть одно...
23 декабря 1965 г.

* * *

Свет с темнотой не породнится,
у каждого своя пора.
А день сегодняшний – граница
меж завтра и вчера.
И в нём, как будто в сплаве прочном
(нельзя разъять!),
смешались будущее с прошлым,
мечта и явь.
Не следуй слепо и покорно
определившейся судьбе –
спорь с нею! Только верность корню,
истоку – сохрани в себе.
И различай среди явлений
и голосов,
где эхо прошлых поколений,
где будущего зов.

ДВЕНАДЦАТЬ ПАЛОЧЕК

Посреди двора поставлен
кирпич на ребро,
на него – доска наклонно
(это всё нехитро),
а затем – двенадцать палочек
на краешек доски...
Вот взлетят они веером,
И мы – взапуски!
Были толкотня и гомон –
станет тишь, пустота:
разбежимся все,
попрячемся
в укромные места.
Соберёт водящий палочки,
уложит на доске,
посреди двора пустого
оглядится в тоске.
Вот он ходит кругами,
от сараев к окну...
Двенадцать палочек
лежат на кону.
Мы следим из укрытий –
такая игра.
Вот ещё отошёл он...
Не успеет, ура!
Я срываюсь

и пулей
из-за бочки лечу
к тем двенадцати палочкам,
к тому кирпичу,
ударяю с разбега –
и взлетевшие вверх
заискрились на солнце...
Салют, фейерверк!
Так теперь не играют.
Далеки, как мечта,
стали палочки эти,
поп-гоняло,
лапта.
Эти игры забыты,
но всё чаще,
во сне,
словно вестники детства,
являются мне.
Словно вестники детства,
прекрасной поры...
А уже и не вспомню
всех правил игры.
Но прикрою глаза,
и – салют, фейерверк! –
двенадцать палочек
взлетают вверх...

ЛЁН

Льну дружно мы били поклоны.
Учитель гулял по меже.
И вот
по пологому склону
вразброд
разбежались суслоны...
Нам нечего делать уже.
Учитель, пока мы потели,
грибов подсобрал – полпортфеля.
– Ну что, ребятня, отдыхайте, –
такой отдаёт он приказ. –
Как нам обещал председатель,
машина придёт через час.
Усталыми и полусонными
легко нам лежать под суслонами.
Осеннее небо сквозное
белёсо – как будто льняное.
И – шорох в ушах. Потому что
коробочки льна – погремушки! –
под ветром шуршат, не стихая...
Прислушайся, сообрази:
как славно, что осень сухая –
картошку копать не в грязи.

ДОМОВОЙ

Как со вечера пороша,
со полуночи метель...
(Русская песня).
На восходе ночи,
на исходе дня
домовой захочет
греться у огня.
Поскребётся в двери,
постучит в окно...
Я в него не верю,
но не всё ль равно?
Холод – он не тётка,
не пирог в печи.
Вон оно метёт как
за окном в ночи!
Враг ему я, друг ли –
незачем решать,
просто нужно угли
в печке помешать.
...Пламя то стихает,
то опять гудит.
Он сидит, вздыхает,
на огонь глядит.
Отогревшись, вскочит,
сгинет, семеня,
на исходе ночи,
на восходе дня.

* * *

Скажите мне, который час
и время года?
Необъяснимые сейчас
стоят погоды.
Остыло лето, но зато
зима раскисла.
И страшно докопаться до
причин и смысла.
И кто докажет, что беда
не в человеке?
В какие дни или года
и в кои веки?..

СТИХИ О ШАРОВОЙ МОЛНИИ

Раскаты и вспышки – игра грозовая.
И воздух вечерний, бодрящий озоном.
Как пьяное солнце, плывёт шаровая
над мокрым асфальтом, над грязным
газоном.
Завидев её, человек или кустик
равно цепенеют, следят обалдело...
Плывёт шаровая – энергии сгусток,
потерянной кем-то без пользы, без дела.
(Природа людей воспитала на вере:
ничто в ней бесследно не может теряться.
Вот наши, ничтожные вроде, потери
достигли критической концентрации.)
То влево, то вправо, а то вдруг зависнет:
ещё погулять или враз разрядиться?..
Обуглится ветка. Осыплются листья.
Но доброе что-то уже не родится.

* * *

Зверь, бегущий на ловца,
верь: ещё не всё пропало!
Бабка надвое сказала,
И у палки два конца.
Пусть охотник не спешит
Со своим победным кличем.
Кто ловец и кто добыча –
Это жизнь ещё решит!

* * *

Человек, не машина,
а живу колеся.
Знаю – в чём-то ошибка,
а исправить нельзя.
Не гадаю, а что там
Впереди. И когда,
за каким поворотом
повстречает беда?
И нисколько не страшно,
что когда-то умру:
на миру жизнь прекрасна,
смерть красна на миру.
Ни о чём не жалею,
дождь ли,
ветер в лицо...
Так крутись веселее,
жизнь моя – колесо!

* * *

Днём и ночью в известные сроки
видеть мог расступившийся лес
поездов торопливые строки,
что бегут по линеечкам рельс.
И, наверное, видя такое,
не однажды пытался прочесть
скрытый за промелькнувшей строкою
или в ней заключённый подтекст.
Каково ж быть обманутым лесу
если вдруг, ни с того, ни с сего,
порожняк прогрохочет по рельсам
и впустую разбудит его?

* * *

Не бойтесь печали наигранной,
мелкой, недолгой печали:
обычно она приходит, когда
радость ещё впереди,
а беда – побеждённая –
уже за плечами.
Не бойтесь печали наигранной.
Бойтесь наигранной радости:
это загримированная беда.

* * *

Володе Крюкову
Завораживают стрекозьи
пляски над цветами кувшинок.
Стали мне безразличны козни
врагов и завистников лживых.
Не тревожат, не жгут испытания
худой или доброй славой, –
убаюкивает стрекотание
кузнечиков в душных травах.

* * *

Душа ясна, как чистая страница.
Но стоит только пристальней вглядеться
и вслушаться – на ней, как на экране,
врачуя и одновременно раня,
возникнут краски, голоса и лица,
забытые любовь, друзья и детство...
Да мало ли что может проявиться!
И никуда от этого не деться,
не отмолчаться и не отсидеться,
строкой поспешною не откупиться.
И, может быть, не стоит повторяться
о том, что ничего не повторится, –
душа ясна, как чистая страница:
в ней набело судьба и жизнь творятся.

* * *

Осень отшумела, отпылала,
зарядили тусклые дожди...
Если горя позади немало,
Значит, больше счастья впереди.
Значит, будет снег слепяще-белый
и шагов твоих морозный хруст, –
потому что осень отшумела
и под снегом затаилась грусть.
Ну скажи теперь, чего нам ради
помнить, что беда ещё жива?
Ведь когда снега сползут в овраги –
новая проклюнется трава,
новая листва оденет рощи,
новый свет прорежется в ночи...
Всё воспринимать светлей и проще
заново меня ты научи!
Стынет ночь в ветвях заиндевелых...
Как теперь согреться ноябрю?
Выпал снег. И «Осень отшумела,
отпылала», – тихо повторю...

* * *

Туман плывёт над спящею рекою,
баюкая ленивую волну.
Рассвет неслышно подойдёт к окну,
не нарушая этого покоя.
И кажется – за мирной тишиной
так далеки тревога и забота,
но каждый день, как Светлая Суббота
перед Отечественною войной.

СОН

Который год,
который год,
уже который год
тебе, отец,
всё снится взвод,
твой пулемётный взвод.
Тебе семнадцать лет всего –
пацан, сынок, птенец...

А тут от взвода твоего
отстал один боец.
Пора уже кончать привал
и далее идти,
но нет солдата...
Он отстал,
замешкался в пути.
А завтра – бой.
Твой первый бой.
...Усталые бойцы,
они стоят перед тобой,
любой –
тебе в отцы.
А тот солдат весёлым был,
имел такой талант,
он ус крутил
и говорил:
– Мой младший лейтенант,
твоя заботливость смешна,
мы знаем, что почём...
Ты командир.
Идёт война.
И возраст ни при чём.
Что ж,
на войне как на войне.
И ты себе сказал:
«Начало есть.
Ведь если не
найдём,
под трибунал
пойдёшь...
Но если опоздать
на огневой рубеж,
то не кому-то отвечать,
не взводу,
а тебе ж...».
И ты, подняв глаза на взвод,
сейчас проговоришь:
– Нале-во!
Правое – вперёд!..
Который год,
который год
ты давний сон хранишь.
Тобою этот мир спасён,
в нём тихо,
нет войны.
Но почему
твой старый сон
в мои
стучится
сны?

НАШ ВЗВОД ПОЁТ «БОРОДИНО»

Наш взвод поёт «Бородино»,
шагая строем на ученья.
Произнесённые давно,
слова особое значенье
приобретают в этот раз:
сдвигая даты все и сроки,
встают истории уроки –
Бородино и Сталинград.
Наверно, долго будут помнить
о горькой участи врагов
в бою на Бородинском поле,
в бою у волжских берегов.
Плохая им досталась доля!
Познали русские штыки
Наполеона и Адольфа
«непобедимые» полки.
И если снова враг ударит
по стороне моей родной –
скажи-ка, дядя, ведь недаром
наш взвод поёт «Бородино»?

* * *

Я живу, расту – как дерево:
незаметные извне,
годовые кольца памяти
навиваются во мне.
Длится жизнь. Её события
протекают чередой, –
что-то радостью отложится,
что-то болью и бедой.
Все извивы прихотливые
в переменчивой судьбе
годовые кольца памяти,
отразив, хранят в себе.
Взгляд пытливый и внимательный
прочитает из колец
не страницы жизни дерева,
но и то, чем жил весь лес.
Как в воде круги расходятся...
Их в себе не заглуши –
эти кольца,
кольца памяти
взбудораженной души.

АВГУСТ

Как горячи на закате
зелёные запахи трав!..
Ветер, в себя их вобрав,
смутной прохладой окатит.

Лёгкий туман у околиц.
И явственно слышится мне,
как тесно картошке в земле
и как наливается колос.

ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД

Погоди, пароход, погуди,
не спеши отойти от пристани.
Ведь тебя обманули с присказкой –
сказки нет никакой впереди.

Отойдёшь – и на каждом шагу,
разгоняя туманы белёсые,

будешь, глупый, слепыми колёсами
спотыкаться в ночи о шугу.

Погоди, пароход, погоди,
не спеши, пароход, попрощаемся.
Мы не скоро теперь повстречаемся –
погуди, пароход, погуди…

* * *

А меня уносят лыжи
через шелест снежных струй,
и позёмка жадно лижет
лыжный след – подобье струн.
И выводят эти струны
незатейливый мотив.
И остаться грустным трудно,
песню снега подхватив.
И расстаться трудно с нею –
больно песня весела!..
Ходят ветры-снеговеи
вдоль околицы села.

БАКЕН

Леониду Горяеву

Только снег и звёзды. И собаки.
Да на берегу пустой реки
одинокий, весь продрогший бакен
лета ждёт, морозам вопреки.

Он глядит в насмешливые звёзды,
зимними метелями продут.
Знает он, что рано или поздно
над рекой зажжёт свою звезду.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ПЕРЕУЛОК

Переливчато и гулко
из-за каждого угла
в этом узком переулке
говорят колокола.
Никогда не позабуду
эти утра, сны без снов,
а над ними – перегуды,
перезвон колоколов.
Не пойду тропой окольной
по Калинову мосту, –
в переулок Колокольный
колокольчиком врасту,
чтоб точёные тычинки
в светлой чашечке цветка
запевали, будто льдинки
в ломких струях родника,
чтоб не грустный колокольный,
а весёлый и раздольный
колокольчиковый звон
слушал синий небосклон!

ПОДАРОК

Не в утешенье, не в обиду,
а просто так – от простоты
был в день рожденья инвалиду
подарен новенький костыль.

Мы пели песни, пили пиво
и кое-что ещё… А дед
коню дарёному учтиво
старался в зубы не глядеть.

Когда ушли, старик заплакал,
не обвиняя никого.
Костыль сиял фабричным лаком
и скалил зубы на него…

* * *

Вот я шагнул через порог,
шагнул –
и не споткнулся.
Но на скрещении дорог
зачем-то оглянулся.
Мой дом,
печали не тая,
смотрел тепло и строго.
И мама грустная моя
стояла у порога.
А я весёлым уходил.
Я счастлив был.
Да что там!
Ведь всё, что было, –
позади,
уже за поворотом.
И не собьют метели с ног,
плечо не тянет ноша.
Я прошагаю сто дорог,
а может быть, и больше.
Я прошагаю сто дорог…
И приведут дороги
туда, где дом,
где тот порог
и мама
на пороге.

* * *

Не новый человек в лесу,
шагаю не по компасу.
Любому кланяюсь кусту,
как старому знакомцу.

Я здесь от всех дождей укрыт,
от всех печалей спрятан.
Меня завидев, белый гриб
приподнимает шляпу.

Поэтесса, журналист Светлана Аркадьевна Борзунова родилась 20 ноября 1951 года в сибирском городе Томске.

Поэтесса, журналист Светлана Аркадьевна Борзунова родилась 20 ноября 1951 года в сибирском городе Томске. До девяти лет воспитывалась в семье бабушки по материнской линии в городе Бийске, на Алтае. К чтению пристрастилась с детства. Любовь к литературе прививала бабушка. Поэтесса вспоминала: "В семье было принято читать вслух. До сих пор помню чувство сладкого ужаса, охватившего меня, когда читали "Страшную месть" Гоголя. Бабушка читала мне то, что было интересно ей самой: романы Гюго, Мельникова-Печёрского, "Угрюм-реку". Любимой книгой были сказы Бажова – мне постоянно напоминали: это про дедушкину родину".

Наталья Гутникова

Светлана рано стала самостоятельной. В 1969 году окончила томскую спецшколу с преподаванием предметов на немецком языке и поступила в Томский государственный университет на филологический факультет. После учёбы в университете Светлана Аркадьевна работала диктором на радио, журналистом, была членом литературного объединения «Томь».

Стихи юная поэтесса начала сочинять рано, когда училась во втором классе. "Я была убеждена, что пришла в мир с таким предназначением — писать", - говорила она. Печататься Светлана начала на втором курсе филологического факультета Томского университета. Её стихи публиковались в журналах "Смена", "Литературная учёба", "Сибирские огни", в альманахе "Истоки", а также печаталась в коллективных сборниках, издаваемых в Москве, Новосибирске и Томске: "Первые строки", "Испытание Севером", "Над Томью серебряный город", "Багульник".

В 1978 году С. Борзунова стала членом Союза журналистов. В 1984 году участвовала в VIII Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве. В 1986 году вместе с мужем писателем Николаем Курочкиным переехала жить в Благовещенск. Сотрудничала с газетой "Амурский комсомолец", работала в пресс-центре Областного совета профсоюзов, была заместителем главного редактора газеты "Амурская правда", последние годы трудилась в амурском приложении к газете "Комсомольская правда".

В 1994 году С. Борзунова была принята в члены Союза писателей России. Светлана Аркадьевна - автор пяти поэтических сборников: "Нелётная погода" (1987 г.), "Яблоки райского сада" (1991 г.), "Пока ещё люблю" (1997 г.), "Времена года" (2000 г.), "Ты – моя судьба" (2001 г.).

Её стихи печатались в коллективных поэтических сборниках, в альманахах "Приамурье" (1994, 2000, 2001, 2005, 2012 гг.) и «Амур» (2007 г.).

В 1997 году был издан совместный буклет с художником Николаем Савченко "Там, где Зея с Амуром сплелись меж собой…". В нём удивительным образом соединились поэзия и живопись.

С. А. Борзунова - лауреат Амурской премии в области литературы и искусства за книгу стихотворений «Пока ещё люблю» (1997 г.). В поэтический сборник вошли избранные стихи конца 1990-х годов и песни, музыку к которым написал Сергей Зражевский.

В лирических произведениях автора разворачивается жизнь, суть которой составляют любовь, взаимоотношения мужчины и женщины. "Любовь в поэтическом мире Светланы Аркадьевны редко предстаёт счастливой, скорее она "горькая" и "трудная", "невостребованная" и "запоздалая". Но всегда это всплеск чувств и накал переживаний, "ожог", который подобен безумию", - отмечает исследователь творчества поэтессы Т. Смыковская.

* * *

Никогда ничего не будет.
Старый друг обо мне забудет.
И возлюбленный открестится.
Вот тогда я и стану птицей.
Ни гнезда, ни дупла,
Только небо. И в нём растаю.

С. А. Борзунова скончалась 1 декабря 2006 года. Похоронена в Благовещенске.

20 ноября 2019 года, в день рождения поэтессы, на фасаде дома, где она жила, установлена мемориальная доска.

По кромке правды, по границе лжи
влачу свой груз ненужных оправданий,
угадывая чьих-то ожиданий
красивые до фальши миражи.
Я разучилась быть сама собой.
Какая роль заказана на завтра?
Хозяйки? - Я бегу готовить завтрак.
Ах, я ошиблась, - дамы деловой? -
Где мой портфель?..
На что уходит жизнь?
Я - зеркало с размытым отраженьем,
живу во власти чуждых наваждений,
чужих идей и помыслов чужих.
А где же я? Ведь так сойти с ума
вполне всерьез немудрено, не так ли?
Кто режиссер жестокого спектакля?
Не может быть - неужто я сама?..

***

Был дом. И я была душою дома.
Все окна выходили на зарю.
Несчастным это чувство не знакомо;
мой мир прекрасен, я его творю.
От счастья просыпаясь на рассвете,
теплом и светом наполнялся кров.
Здесь пели птицы, подрастали дети,
и эти миром правила любовь.
Как получилось? Будто и не с нами.
Я не умею объяснить себе,
как женщина с холодными глазами
прошла шутя по дому и судьбе.
Я понимаю - вовсе не нарочно:
в борьбе такой все средства хороши.
Дом устоял. Он был построен прочно.
Но только в доме нет теперь души.

***

Давай с тобой сыграем эту боль.
С тобой жена, со мною муж и дети.
На сцене к молодящейся Джульетте
спешит Ромео, исполняя роль.

Ну что поделать, пьеса не нова.
И далеко не молоды актеры.
Но удержи нечестные укоры,
ведь вечны, вечно молоды слова.

И потому звучать им вновь и вновь
отчаянно, взволнованно и чисто.
Мы все - лишь неумелые статисты в
спектакле под названием «Любовь».

И почему-то нужно для него
собрать все силы, волю и характер,
чтоб сдержанно раскланяться в антракте.
И разойтись. И больше ничего.

Простите, профессор, вы помните этот момент?
Конечно, досадно, что сразу не задался очерк.
В обилии фактов запутался корреспондент.
Вы мне помогали. Мы с Вами сидели до ночи.
Я к вам приходила на кафедру или в музей,
в музей петрографии, в царство бездушного камня.
Мы очень старались, мы честно играли в друзей,
особо следя, чтобы вдруг не коснуться руками.

Мы можем гордиться, ведь нам удалось преуспеть,
судьбу обмануть удалось с удивительным тактом.
И очерк удался. Не полностью, эдак на треть.
Как все в нашей жизни на треть удается, не так ли?

***

Мне, как всегда, терпения не хватит...
И утоляя смертную тоску,
Сошью поспешно свадебное платье
и с нелюбимым из дому сбегу.
Подружки ахнут, и заплачет мама,
соседка посоветует - к врачу,
А я, прощаясь, повторю упрямо,
что о тебе и думать не хочу.
Седой травой затянет пепелище,
снегами поле выстелит к зиме,
когда меня ты наконец отыщешь
чужой женой за тридевять земель.
Я твой звонок по памяти узнаю,
забыв о муже, к двери побегу.
И распахну. И ахну, обмирая.
А дальше - и представить не могу.

***

Лошадки бегут красиво.
Такое царит веселье!
В субботу катаю сына
на праздничной карусели.
По кругу бегут, по кругу -
беспечно и бесшабашно.
А сын мне вцепился в руку :
ему еще это страшно.
Соседка, усевшись ловко,
нас ловит довольным взглядом.
Приехали. Остановка.
Пора уходить из сада.
Шагаем. Поднялся ветер.
А следом и дождь закапал.
У дома нас молча встретит
всегда недовольный папа.
А дальше - тоска и мука.
Измучившись от раздоров,
по кругу бегу, по кругу.
И праздник еще не скоро.

***

Я из другого круга ада.
Тебя случайно повстречала.
За эту тонкую ограду
мне проникать не подобало.
Мне по одной брести дороге,
тебе терпеть иную муку.
Нас обрекли глухие боги
на неизбежную разлуку.
А мы грехов своих не помним,
за что наказаны - не знаем.
Напрасно тянется на помощь
к другой душе душа родная.
Все решено бесповоротно:
ни искупленья, ни пощады.
И наша встреча мимолетна:
я - из другого круга ада.

***

Любовь не проходит,
Но вечной любви не бывает.
Душа устает,
и не нужно её укорять.
Давай помолчим.
Я уеду последним трамваем,
пока ещё больно,
пока ещё есть что терять.
И годы спустя
эту книгу с трамвайным билетом,
что вместо закладки,
открою на той же строке.
Любовь не проходит.
С годами становится светом,
дорожкою лунной
на быстротекущей реке.

***

Не время и не место для любви...
(Зато всегда для ненависти время.)
Но ты поверь, осмелься, позови
и, отклик слыша, выдели меж всеми.
Услышь за митинговой толчеёй,
в автобусной непроходимой давке,
в толпе, остервеневшей у прилавка,
услышь, поверь в тишайший голос мой.
А следом мир - измученный и злой -
на голос вечных истин обернётся.
Любовью человечество спасется,
а вместе с ним, возможно, мы с тобой.

***

Умирает старая душа.
В ней, как будто в треснувшем кувшине,
невозможно веру удержать
в то, что боль пройдет и горе минет.
Чёрен мир. Печален человек.
Смысла нет. Все цели равноценны.
Но летит, летит белейший снег,
пеленая боль во всей вселенной,
обнимая мир за пядью пядь,
раненую землю укрывая.
И душа рождается опять -
молодая, робкая, живая.

Николай Владимирович Курочкин

КАЗАК НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КУРОЧКИН-КРЕВЕ из рода КАРТАВЦЕВЫХ (по матери).

Род казаков Картавцевых существует с 1620 года. Изначально они были приписаны к Енисейскому казачьему войску Минусинского отдела станицы Даурской.

Родоначальник, Никита Картавцев, воевал под Албазином в 1686-89 гг. с манчжурами. За боевые подвиги – спас жизнь атаману Пашкову – присвоено пожизненное звание урядника и выделен земельный надел более 100 десятин (103 га). Отобран в годы Советской власти. На этой земле выросли потомки, все, как один, воевавшие с врагами России. В Семилетнюю войну урядник Сила Картавцев участвовал в первом взятии русскими войсками Берлина (1760 г.) Поручик Захар Картавцев участвовал в русско-французской войне 1805-06 гг. и во взятии Парижа в 1814 гг. Награждён медалью: «За взятие Парижа».

В 1829 г. подпоручик Филипп Картавцев - прадед - вёл разведывательную деятельность в Турции. Награжден орденом Св. Анны 1У степени, который носил на темляке шашки.

Прадед, Михаил Картавцев, вместе с семьей в революционные годы перебрался на Дальний Восток, в места, где воевал его прапрадед Никита Картавцев. Здесь тогда только начало возрождаться Амурское казачье войско, и он принимал в этом непосредственное участие. Дед, Никифор Картавцев, был приписан к тому же войску, служил лоцманом на пограничной реке Амур.

Николай Владимирович Курочкин-Креве (Картавцев) – последний мужчина в роду. Воевал и выполнял спецзадания Министерства обороны при Втором управлении Генштаба ГРУ в Чили, Перу, Мозамбике, Китае, Португалии, Таджикистане. Имел боевое осколочное ранение, инвалид 1 группы. Имел ряд правительственных наград дружественных государств.

Биография

Курочкин Николай Владимирович родился 23 мая.1946 года в г. Благовещенске Амурской области, там же окончил среднюю школу. Отец, Владимир Васильевич Краваткин (Креве), капитан СМЕРШ ГРУ, погиб на Филиппинах в 1955 году. Мать, Мая Никифоровна Картавцева, в годы Великой Отечественной войны — радистка разведывательно-диверсионной группы, телеграфист, работавшая также на линии переговоров «Сталин-Рузвельт», умерла в 1966 году. После смерти матери Николай воспитывал и учил сводную сестру (Курочкин — фамилия отчима).

После окончания Иркутского института народного хозяйства работал в системе «Сургутгазстроя», «Мегионгазстроя» и «Томскгазстроя» до 1978 года. За это время неоднократно бывал в длительных загранкомандировках, выполняя задания Родины за рубежом.

С 1990 по 2010 год жил и работал в Новосибирске. Обладая широчайшим диапазоном интересов (история, философия, психология, социология, геополитика и др.), кроме романов и повестей писал аналитические и публицистические статьи. Работая ведущим аналитиком Центра межнациональных и межрегиональных экономических проблем, вёл еженедельный геополитический обзор на радио «Слово».

В 2010 году ввиду ухудшения состояния здоровья и инвалидности после контузии, переезжает на Кубань, на хутор Чекон города-курорта Анапа. Здесь вместе с супругой и соавтором Еленой Станиславовной Олейник пишет новый автобиографический приключенческий роман «Авантюрист», отрывок из которого — «Мой неповторимый Самоа» был опубликован в сборнике «Писатели Кубани — XXI

век» к 70-летию Краснодарской Краевой писательской организации, а полностью первая часть романа была издана в «Библиотеке Дальневосточного казачества». Будучи прикован к постели, работал над продолжением романа до последнего часа своей жизни, из которой ушёл 7 октября 2018 года.

Литературная деятельность

Писать начал в 30 лет, и первая же книга «Жизнь спустя» была особо отмечена столичной критикой. Официально числился среди так называемых «лидеров поколения тридцатилетних». В 1983 году награжден дипломом и получил звание Лауреата Всесоюзного литературного конкурса им. М. Горького, награду принимал из рук классика русской литературы Леонида Леонова.

Был участников Всесоюзных литературных семинаров в Москве, Ислочи (Белоруссия), Пицунде (Абхазия), молодых писателей-фантастов в Дубултах (Латвия), писательских конференций в Тюмени и Москве, Ш съезда писателей Сибири в Новосибирске.

В 1984 году в московском издательстве «Молодая гвардия» вышел роман «Смерть экзистенциалиста», сразу же ставший бестселлером. Писатель пробовал свои силы в разных жанрах: в издательствах Москвы, Владивостока, Хабаровска, Новосибирска печатаются романы, повести и рассказы — «Соседей не выбирают»-фантастика, «Федька Зуёк - пират Её Величества» — историческая проза, «Бизнес-тур», «Киллер для честного бизнеса» — детективы.

Московское издательство «ВЕЧЕ» предложило открыть серию «Джентльмены удачи» приключенчески-историческими романами Н. Н. Курочкина (Креве) — «Пират Её Величества» и «Морские псы Её Величества», которые вышли в 2011 и 2012 годах.

Научно-фантастические рассказы писателя рассеяны по более чем 17 коллективным сборникам — от Санкт-Петербурга до Владивостока. Повестью «Юрис цивилис» открывался юбилейный сборник издательства «Художественная литература» — «Поколение» в 1987 году. Чаще всего встречается на сайтах любителей фантастики рассказ «Иллюзии Майи». Писатель работал и для детей. Была подготовлена к печати повесть «Тайный союз рыжих», но, несмотря на положительный отзыв патриарха сибирской детской литературы и фантастики Михаила Михеева, по идеологическим соображениям набор был приостановлен; писались также сказки и рассказы — «Самая зажиточная в мире сорока» и др.

Н. В. Курочкин (Креве) состоял в дружеской творческой переписке с такими известными писателями, как Сергей Снегов, Виктор Колупаев, Геннадий Прашкевич, участвовал в выступлениях перед читателями с Александром Казанцевым, Сергеем Заплавным, Александром Рубаном, Владимиром Шкаликовым и мн.др.

Николай Курочкин-Креве

Пират Её Величества

Глава 1

ГОСУДАРЕВЫ ПСЫ

1

Худородный боярский сын Онисим Крекшин доходов со своей подзолистой, к тому же каменистой, пашни на берегу Финского залива имел немного. Но жил на широкую ногу, притом на немецкий лад, не по-русски. Одевался сам и всех домашних, даже челядь свою, одевал в заграничные дорогие ткани, и ел, даже в будние дни, кушанья заморские. И так навык к нерусской еде, что и огороды развел с травами-овощами, у каких и названий-то русских нет. И травы эти делали его кухню богатой и тонкой. Люди добрые пареную репу едят и хвалят, а у реченого Онисима «салат из пареной репы с кервелем и пореем» — одно блюдо, «салат из пареной репы с кориандром и фенхелем» — второе блюдо, «пареная репа, запечённая с артишоками в белом соусе» — третье блюдо, «та же пареная репа в галанском соусе с омарами» — четвёртое блюдо, и всего одна пареная репа давала с разными приправами да с соусами дюжину блюд разного вкуса!

А мог реченый Онисим такую жизнь себе позволить потому лишь, что ещё деду его великий государь Всея Руси Иоанн Васильевич Третий, дед нынешнего царя, тоже Иоанна и тоже Васильевича, за посольские и иные государству полезные службы пожаловал привилегии: право торговли на своих судах с портами Ганзейскими, и с Аглицкими, и со Свейскими, и с Норвецкими (что ныне под датским королем), и с Ливонией…

А когда в Швеции новый король Густав Первый Вася укрепился и с датчанами воевать начал, отцу Онисима Крекшина, Никифору, случилось какую-то, не в обиду Руси, услугу и королю Васе оказать. И за ту услугу король Вася выдал всему роду Крекшиных охранную грамоту — навечно чтобы им невозбранно было торговать по всему морю Варяжскому, и морю Студеному, и морю Немецкому с проливами Датскими. И ни в мир, ни в войну (пусть бы даже, чего не приведи Господь, Швеция с Русью воевать стали) чтобы никакой обиды от свейского и союзных ему флотов не иметь отнюдь…

А как государь нонешний, Иоанн Васильевич Четвёртый, прозвищем Грозный, град Нарву у ливонцев отвоевал и порт велел дьяку Ивану Выродкову там выстроить — так Крекшины торг свой перенесли с устья Невы на Нарву. И завели на отвоеванной землице той верфь, причалы и склады-магазины.

Потом Онисим сговорился с земскими старостами погоста Анкудинова, что в Поморий — и с царева согласия, взявши на себя все тягло оного погоста, перевёл его на свои земли, под Нарву. Вольные, черносошные поморские людишки того погоста и допрежь бегали на лодьях да на кочах в Нидарос норвейский, и в Гуль — город аглицкий, и даже в графства Галанского порт Зандам. А уж из Нарвы, откуль в заграницы путь удобнее и короче, стали добираться и до славного вольного града Гамбурха, и даже иногда до французского Гавра…

Причём осели эти поморы не в самой Нарве, где хватало, даже и на целое село, брошенных домов: и горожане были, и рыцари, предпочитавшие все свое побросать и в бега уйти, чтобы только под русскими не жить. Нет, поморы срубили себе деревеньку верстах в десяти от градских стен, на голой пустой земле, среди ижорских поселений. Им, вишь ли, привычно было с чудью белоглазой дружбы водить. А ижорские рыбаки все фарватеры в здешних мелководьях знали — и друзьям-новоселам показали. И даже костры на мысах жгли. Чужие не разумеют: ну костер, да и костер на берегу горит. Должно быть, мальчишки рыбачат или крестьяне в ночное лошадей выгнали, да и жгут… А свои, кто в море плывет и язык огня понимает, видели и куда держать, и каких мест избегать, и даже каков ветер на берегу…

И зажили на этой скудной земле, где репа, редька, горох да капуста так-сяк растут, а рожь и ячмень удаются не каждый год — то сам-два соберешь, а то так и посевное зерно не возворотишь, всё вымокнет, — зажили тут северные молчуны ладно и сытно.

2

Воеводы царевы уже пол-Лифляндии покорили — но Ревель держался. А с ним от русских заперт был свободный выход из Нарвы в большое море. Впрочем, ни датским, ни любекским, ни иным многим купцам это не мешало. А уж людям Крекшина, имеющим охранную грамоту короля Васи, — и подавно. Торговля шла непрерывно — от самого ледохода да самого ледостава. Посуду и оружье, вина и ткани — к нам. Даже к государеву столу порой корицу, да перец, да раков морских — лангустов — доставлял Крекшин. А от нас в зарубежье — меха и воск, лён и пеньку, и холсты, и кожи, и мёд… Сам толстопузый Крекшин после тридцати лет в море не ходил, рыхл стал. Но верные люди его держали глаз за корабельщиками, дабы не утаивали выручку, в каждом рейсе.

Хорошо жил Крекшин. Только нагрянула такая беда: начал царь Иоанн с крамолой боярской бороться и от лютой, насмерть, борьбы той озверел. А от озверенья государева всему народу стало жить страшно, как в грозу: застигнет в поле и, повинен ли, грешен ли в чём, или вовсе невинен, всё едино. Молись православный, не молись — вдарит гром и до смерти убьёт!

Стал царь ходить войною на собственных вельмож и на знатные города российские: сначала на княжат Ярославских ополчился, потом — на Ростовских. А потом на господина Великий Новгород, и…

На десятый год после взятия Нарвы русскими полками наступило, наконец, для торговых людей времечко золотое. Государев печатник Иван Висковатов в Можайске с новым шведским королем Эриком Васей мир заключил!

Шведы отвели флот от Нарвы и пропускать русских гостей стали совсем свободно. Правда, от свободы доступа в порт цены на ввозимые товары упали — зато оборот вырос. Год

прожили нарвские жители в довольстве, и в мире, и в надежде на совсем уже развеселую жизнь. Но тут… Короля Эрика Васю сверг финляндский герцог Юхан, севший сам на престол, приняв имя: Иоанн Третий Вася. И снова блокада, и снова война…

3

Осенью 7076 года от сотворения мира (как в ту пору на Руси считали; это от Рождества Христова лето 1568) возвращалась из дальнего заморского плавания одна из лучших лодей Онисима Крекшина — трёхмачтовый «Св. Савватей».

Мореходы сгрудились двумя кучками: на носу, на крыше поварни, и на корме. Первые — чтобы по команде кормчего Михея большой парус перекидывать быстро — фарватер здесь узок и времени на маневр дает мало, зазевался на полминуты — вынесет враз на мелководье! Последние — чтобы рулем и бизанью править, и тоже быстренько. Парус, промокший по нижней шкаторине от брызг, тяжёл, надобно всем впрягаться, кто ни есть на борту: кок не кок, до одного всем.

Кормчий усиленно вглядывался во мрак. Ночь, на счастье, была пасмурная, а луна, смутно желтеющая сквозь облако, — в малой четверти. Авось, шведы и не заметят? Мудрый старик-кормчий не ведал, признают ли люди нового свейского короля Ивана Третьего Васи тарханную грамоту короля Густава или не признают? А рисковать ценным грузом он не хотел. Идя впусте, не побоялся бы и шведов. Но с таким грузом…

Тут и вина ренские в бочках, и сукна тонкие фландрские и аглицкие цветные, и посуда лужёная немецкая, и кубки цветного стекла венецейские… Новый-то король ихний не по закону престол унаследовал, а оружьем его взял, — о том кормчий слыхал от верных людей в немецкой земле. Так что, не ровен час, могут и не признать грамоту. А могут издали, не слушая слов, влепить в борт из пушки… Лучше не связываться.

Тут кормчий оторвался от своих мыслей. Пора уж было показаться костерку по правому борту, на Курголовском мысу. А вместо того показалось великое зарево, и сильно уж справа. И великоват огонь, и глубоко в бухте, как бы не на мысу, а на берегу разведён… Уж не снесло ли лодью? Вроде все течения здесь за десяток навигаций изучил, а вот поди ж ты… Если что иное, а не снос — то, что же?

А это что за звук? Как бы весла плещут — но как бы и не они. Черед звуков как раз гребной, а сами звуки глуховаты…

4

К левому борту, с мористой, чухонской стороны, подвалил малый челночок. Гребец привстал и швырнул на крутой борт лодьи шнурок-легость с гирькой на конце. Гирька зацепилась за фальшборт, её подняли и вытянули за шнурок канатец-фалинь с навязанными через локоть узлами. По фалиню гребец взобрался на борт, перехватываясь от узла к узлу.

— Федька, это ты, что ли? — спросил, не веря себе, кормчий. Вовсе не этого мальца ожидал он, а его дядю-лоцмана.

— Я, дядя Михей, — странным дребезжащим голосом ответил паренек.

— А дядя твой, Симеон Гаврилыч, где?

— Не будет его боле! — маловразумительно ответил малец и неожиданно торопливо молвил: — Крестный, дай пищаль.

— Да ты что? Белены объелся, малой?

— Да давай же поскорее! — сказал паренек таким страшным голосом, что кормчий только качнул сивой головой и приказал принести зуйку, что он просит. Принесли. Федька снарядил оружие и… И выпалил через борт — прямо в середину днища того самого челнока, на котором приплыл. Потом малец скинул за борт легость с гирькой, которую сам же только что сюда и закинул, и перекрестился:

— Ну, вот и всё. Умре раб божий Фёодор. Утоп я, крестный. Пошёл сети дорогие, норвецкие, снимать, чтобы буря не разметала, — да и утоп. И сети потерял, и челн, и себя. Царствие мне небесное!

— Окстись, парень! Что ты несешь-то?

— Не понял ещё? Мёртвый я, крестный. Мёртвый. И я, и ты тоже, и Марфа Васильевна твоя, и детки все, и внучек…

— Ребята, вяжите его! Обезумел парень!

— Погоди с этим, крёстный. Я ж никуда не сбегу. И в огни те вглядись лучше. Разве ж то костер?

— Да я уж гляжу, что не костер. Но тогда что же? Может быть, пожар лесной?

— Нет. То село наше догорает.

— Ахти! Неужели пожар?

— Если б так. То поджог, а не пожар.

— Всё село в поджоге? Это кто же такой злодей?

— Злодей кто, спрашиваешь? А царь наш. Иван Васильевич, прозвищем Грозный.

— Но-но, парень! — испуганно вскрикнул кормчий. — Ты, я вижу, вконец заворовался!

— Ну, коли и не сам царь, то верные псы его.

— Что ж никто и не тушит? Спасать село надобно!

— Уже не к чему.

— Как, то есть так?

— А так, что ни одной живой души там нет. Три дня, как никого, кроме меня не осталось. Ты бы, крёстный, приказал паруса покуда свернуть. Я по порядку все обскажу, тогда и порешите, как быть. Может статься, что и приставать не захотите…

— Как то есть «не приставать»? Мы же с товаром…

— Товар теперь ваш.

— Ох, парень, не нравиться мне то, что ты говоришь.

— А мне, думаешь, нравится?

Кормчий оглядел Федьку-зуйка внимательнее и охнул. Весь в мусоре, в волосах сено, да это бы ещё пустяки. Но морда побитая, в синяках, на голове рассечина до крови. А виски у парня седые! Это при том, что ему четырнадцать едва минуло, и в роду у него седели поздно, уже облысевши…

— Ребята, паруса долой и якорь за борт!

Глубины в губе были — не более пяти сажен, грунт на дне всюду — глина с валунами, так что становиться на якорь можно было в любом месте, дно держало надежно.

5

— Неделю назад прискакали в Нарву опричники. Многих казнили, ещё больше замучили, запытали. Домов множество пожгли и почти всё разграбили, кроме бедных самых. И даже самого государевого окольничего, воеводу Нарвского, как ворога связали и в полон увели. Напали и победили.

— Да неужто ж и Лыкова-воеводу? Михаилу Михайловича? Он же самим царем поставлен.

— И его. Меня-то намедни батюшка в город послал — денег дал и наказал купить на торжище октан навигацкий: лодья Ивана Лопарева в досмотр попала к данцигским мореходам. А те товар в море повыкидывали, а навигацкий прибор весь поотбирали. Вот поэтому я и цел остался.

В городе зашёл в корчму «У Рихарда» пообедать — а то на монастырском подворье, в странноприимном дому, где я остановился (пришлось заночевать, потому что октан не хлеб, его на торгу не каждый день увидишь, и делается это не в одночасье), был день строгого поста, одной капустой вареной кормили. Сижу, ем, вдруг слышу — пьяная речь за соседним столом и вроде как батюшку нашего, Онисима Никифоровича, через слово на второе поминают. Ну, я шапку на лоб надвинул, словно чудин, и сижу, щи хлебаю — да так, чтобы ложка о миску не скребла, слушать не мешала — и ушки на макушку! И такое услышал, такое!

Приказчик гостя Петры Лодыгина дружку своему рассказывал, что хозяин его от опричного нашествия бо-ольшую прибыль чает иметь. Дескать, сговорился он с двумя другими торговыми людьми и на кормильца нашего «слово и дело» объявил. Будто бы боярский сын Онисим Никифоров Крекшин в литовскую измену переметнулся со всеми своими людишками.

И будто он, под видом заморского торга, от князя Володимера Андреевича Старицкого, который ноне в главных изменниках и злодеях состоит, записки разные через кормчих, доверенных своих, пересылает из Руси и в вольный город Данциг, и в Мемель, а оттуда — изменнику и вору князю Андрею Михайловичу Курбскому! И так же — от князя Курбского в Россию.

— Вот же злодей!

— И то ещё не всё. Сговорился он также показать, будто товары за рубеж и из-за рубежа мы ввозим негодящие, и вся наша торговля — только для отвода глаз. А все доходы наши и Онисима Никифоровича — и не от торговли вовсе, а от воровства нашего: якобы плата за соглядайство, плаченная врагами царя российского! Так и это ещё не все! Ещё один донос на епископский двор отправили: будто батюшка-кормилец наш — еретик и молится не на святых угодников образа, а на поганые парусины, из немецких земель вывезенные.

— Ахти! И что же?

— А то, что не стал я дослушивать долее, побег на монастырское подворье, отвязал лошадёнку свою и поскакал в село наше во весь дух. Мало, что коня не загнал! Известил старосту и боярина нашего. Сразу начали собираться. Известно же, что от опричного суда ни правому, ни виноватому нет другого спасенья, кроме утёка. Порешили утечь в своям в Выборг-град. Да немного времени не хватило: нагрянули эти…

Главный у них — сам ростом с колокольню, кафтан весь златом расшит, яко пасхальная риза у попа, — а по колено, стало быть, с чужого плеча достался. Наверное, с убитого содрал или с замученного. У седел у каждого — метла, а с другой стороны — голова собачья отрубленная.

— Тьфу ты, Господи! А эта пакость зачем же?

— Крамолу, значит, выметать, как метлой, и врагов государевых загрызать, яко псы, будут. И шли они с облавой. Кто из наших к ижорцам в их деревеньку спасаться побег — первыми на опричников и наткнулись. Их — в кнуты, девок всех снасильничали. А сборы наши недоконченные нам в доказ вины поставили: мол, точно изменники! Боярина нашего сразу под стражу, а людишек — на дыбу по очереди, чтобы доносы подтвердили. Ну, послабже кто, не выдержали…

— И что ж сказывали?

— А много ли с дыбы скажешь? — огрызнулся зуёк. — Кивнет на вопрос или там крякнет: «Да!» — и все. Да им и не надобно было много. Это так только, для потехи. Одни с бабами и девками забавлялись, другие — с клещами да дыбой. Смотря по тому, чья к чему душа лежит. А больше всего средь них охотников чужие сундуки потрошить да свои тороки нашим добром набивать оказалось…

— А что, много ли наших-то до смерти поубивали?

— А всех до одного.

Сгрудившиеся вокруг кормчего и зуйка поморы замерли. Пошевельнуться боялись. А зуёк деревянным голосом, точно не о родных, близких и соседях сказывал — как неживая кукла, «автомат» по-заграничному, продолжил:

— Как допросы кончили да с женщинами натешились, всех в срубах заперли и подпалили. Так и сгорели все. Боярина нашего на воротах вздернули, а рядом — жену его, Олену Ильинишну на её же косе. А наших всех пожгли.

— Неужто ж и деток?

— Тех, кого прежде того не истребили. Всех. Только Карпа-приказчика в Москву увезли, чтобы ещё пытать насчёт подробностей нашей якобы измены. Только не довезут, я думаю.

— Что так?

— Да он еле жив после дознания огненного и палочного.

— А ты сам-то как жив?

— А я в толмачи попал. В гостях у нашего кормильца Онисима Никифоровича, царствие ему небесное, был иноземец. Как бы фряжин, именем Жиован Брачан. Про него в купецком навете ни слова сказано не было, — а ломать его опричники поперву опасались, потому как у него цельный сундук был бумаг с государьскими печатями разных держав. Он нашего

языка якобы не разумел — а они все, по московскому обычаю, не бельмеса в немцех. Ну, а я помаленьку ж немецкий понимаю, на меня и показали. Ну, послушал я — точно, по-немецки говорит, только не совсем так выговаривает, как ганзейцы. Я собрался переводить с умом да с оглядкой — не то, что он скажет, а то, что надобно сказать. Но он умнее меня оказался вдесятеро. Зело хитер был сей фряжин — впрочем, он и не фряжин вовсе, а словен. Императорский подданный, а по вере реформатор-лютор. Дружбы с нашим боярином водил не измены ради, а ради союза с Русьским государством супротив турок, ляхов и иных врагов общих земли нашей и ихней. Дескать, на южных ляшских украинах и в царьстве венгерском, что ноне под турком, ноне довольно много-де люторов. Да и словен тоже…

А когда не поверили ему опричники и на дыбу потащили, он мне вскричал, что дела те все важные, но токмо для прикрытия — а наиважнейшее его дело в том заключается, что везет он через Русь из-за края тайные бумаги к Аглицкого королевства печатнику Вилиму Сесилу, и где они схоронены, обсказал. Я про те бумаги опричникам говорить вовсе не стал, а наврал, что-де фрязин пощады просит и многими карами государевыми за обиду свою грозит. Они только посмеялись — и для меня огонь развели.

Но тут Павлушка, оружничий боярина нашего, содеял, что заранее решил: забрался в пороховой погреб под домом Онисима Никифоровича — и взорвался. Из подсальных оконец ка-ак пыхнуло, земля дрогнула, полы во многих палатах провалились. Все попадали — а я как дунул, и убег! Ижорцы меня спрятали. Они мне сказывали, что в Нарве деется, они и ларец с тайными бумагами фряжина из потаенного места добыли…

— Неуж с тобою они?

— Ларец тяжелёнек, мешал бы удирать, ежели что. А бумаги я сохранил. На мне они. Ну, а теперь главное, крёстный. Боярин наш, как узнал про сговор купецкий, опечалился и сказал, чтобы деревня вся собиралась в свеи отплыть. А отец мой и другие лоцмана чтобы вышли в море, перехватить вашу лодью и поворотить её в Выборг же, к берегу не причаливая.

Но поелику и боярина удавили и из погоста никто, кроме меня, не утек, только приказчика в оковах увезли домучивать в Москву, то взамен отца казненного я вот вас встретил и передаю вам последнюю волю всех наших мертвых: живите! А для того надобно немедля поворачивать и на чужбину уходить!

— Куда ж на чужбину-то? В свейской земле сейчас новый король, не в пример прежнему, к русским лют. Ежели и примет без урона — так ведь против Руси служить заставит. А это нам никак не возможно. То же в Данциге или в Риге…

— Не-ет, уходить надобно подалее, в такую страну заморскую, какая из-за своей отдалённости с Россией воевать не может. В Англию, к примеру, — сказал кто-то из команды.

А старейший на борту, дед Митроха, шлепнув себя по плеши, сказал так:

— И думать не о чем. У нас же бумаги фряжиновы, что Федя-зуёк уберег. Они заместо пропуска в Аглицкую страну всем нам послужит…

— И то…

— То, да не про то! — возразил кормчий Михей. — Те бумаги ведь до самых тайных дел аглицких касаемы. А уж мы-то знаем, что с тайными делами только свяжись — ввек уж потом едва ли развяжешься. И во всех странах они действуют одинаково: допросы, пытки, тайные человекоубийства, темницы… Им, может, только и нужно будет вызнать, ведомо ли нам то, о чём в тех бумагах писано, — а половину народа изведут, сгубят, покуда отстанут. Уж лучше причалить да опричникам сдаться: тоже замучают, так хоть свои, русские. Их хоть по матери послать можно — поймут…

До свету рядились старшие в лодье. А и то: трудно ведь решать, зная, что твоё решение потом уж никакими силами не исправить. И что если уж прощаться с Родиной, то — навек…

И всё же — иного-то выхода у них, сирот, ведь не было, иной выход означал мученическую смерть непонятно за что. С тяжёлым сердцем Михей приказал поднять якоря и повертать на Запад…

6

Поначалу беглецам редкостно повезло. Из прежде ливонской, а ноне шведской гавани Падисе шла боевая галера. Остановила лодью. Всё на ней порешили: тут-то нам и конец пришёл. Убежать нет возможности: утренний бриз как раз (это уж было не первого дня бегства, а следующего утро) уже спал, штиль стал почти полный и паруса пообвисли. А на галере, с её мощными веслами и более чем сотней гребцов, что есть ветер, что нет — без разницы. Или даже нет: в штиль ей лучше, потому как в спокойной воде каждый гребок полный, а в волнение неровно: один полный, второй воздух черпает и ходу не дает. Ладно. Легли в дрейф, одели припасённые ещё на тот рейс чистые рубахи, чтобы смерть, коли придется, встретить в чистом.

Но капитан галеры оказался мятежником, ненавистником нынешнего, ляхам преданного, короля Юхана Третьего. А тарханную грамоту короля Густава Васи он признал не токмо что законно действующей, но едва ли и не святой. И целовал королевскую подпись на грамоте, и спросил, не требуется ли чего из припасов, и беглецы осмелели и взяли у шведа две бухты смолёного каната на перетяжку такелажа и два же бочонка воды пресной. Да от себя капитан подарил им мушкет с сошками и картузом пороха да водки ячменной бочоночек. А боле им шведы и не попадались.

Ну, а датчане беглецов за союзников почли, пропустили через свои узкости беспошлинно и без задержки. Даже не заинтересовались, чего ради эти люди русского царя везут в Англию аглицкие товары.

Но уж как вышли в беспокойное из беспокойных Немецкое море — везение кончилось.

Жестокая буря настигла «Св. Савватея» уже в проливе Скагеррак — пришлось укрыться на норвецком берегу, в маленьком портишке Рундаль. Власти там мирные, можно даже сказать — равнодушные к войне, которую их король ведёт, и вообще к политике. Но жадные: втрое взяли за отстой и вчетверо — за потребные припасы. А потом — шторм за штормом! Если и выпадет денёк без бури — так только один, а не два-три подряд, волнение успокоиться не успевает, всё зыбь да зыбь, и с ветром, и без. Проломило правую скулу лодьи, пришлось заводить пластырь из бычьей кожи. Носовая мачта свалилась, по-иноземному фок-мачта, за минуту до того, как кормчий собрался отдавать уж приказ, чтоб её срубали. Да за борт троих смыло…

А потом захватили лодью некие отчаянные моряки на суденышке вдвое короче «Св. Савватея» и под неслыханным флагом в шесть продольных полос одинаковой ширины: сверху рыжая, потом голубая, потом белая и снова: рыжая, голубая, белая. Взяли они лодью на крюк, попрыгали в неё и вопят: «Оранье бовен!» И тут же флаг свой подняли. Командир у них был зело страховидный: глаз правый, вытекши, пальцев на обеих руках пять, от углов губ шрамы до ушей — кто-то ему, должно быть, пасть порвал, губы бритые, а на шее белокурая борода с сильной проседью. А на шляпе у него медная бляха с невиданным и никому понаслышке хотя бы не известным гербом: нищенская сума да две руки в перчатках пожимающиеся.

И первый вопрос их был не — «Чьи, откуда и куда?» — и даже не «Что везете?», а — «Какого вероисповедания?»

Кормчий ответил. Вождь захватчиков изумился:

— Праф-фоо-слафф-ни. Католики или не католики?

Кормчий Михей аж за борт в крайнем гневе плюнул: мол, не знаю, кто ты сам есть, капитан, но душой кривить не стану: мы — греческой древней веры христианской, а орденцам-ливонцам, да полякам и ихнему папе — первые ненавистники. Вот так, и делай с нами что хошь!

Теперь пошли нормальные расспросы: чьи, куда, зачем. Услышав, что перед ними московиты, направляющиеся в Англию по не названному ими делу, вождь захватчиков пощипал нижнюю губу и заорал:

— Э-эй, кто там трюмы потрошит? Отставить! Это же наши союзники!

Но хоть и союзники, а всё же кой-что потаскали из трюмов, вождя не слушая. Вернее, слушая с опозданием. Кто что тащил, тот то и утащил; кто ещё не выбрал, что себе на память

о встрече прихватить, копошился в трюме, покуда не выбрал. Кто уж принёс добычу к себе, назад вдругорядь не пошёл. Ну да ладно, отпустили с миром — и то хорошо.

Такова была самая первая встреча Федьки-зуйка с «морскими гезами» — восставшими против испанского владычества, подданными Нидерландов, избравшими себе в правители герцога Оранского. Протестанты по религии, гезы дрались со всем католическим миром — с Испанией и Португалией, с Польшей и папством. Так что получалось, дерущаяся который год с Орденом и Литвой, неразрывно связанной с Польшей, Московия была союзницей протестанцов. Хотя из государств, где протестантизм уже победил, регулярные дружественные отношения имелись разве что только с Данией да отчасти с Англией…

7

А вскоре лодью взяли на крюк англичане и привели в устье реки Колн, которое они сами именуют «Блэкуотерз» — «Чёрные воды». Река та действительно какую-то чёрную муть несёт и оттого её воды впрямь как чернила. Там село на мель аглицкое судно. Плоскодонный же «Св. Савватей» проскочил. Пришлось англичанина стаскивать с мели. Стащили — спасибо, прилив как раз начинался. А он, вместо «спасиба» за помощь, объявляет лодью и все, что на ней, от посуды в трюме до компаса на мостике, своей добычей! «Призом»! А?

Но когда, потея от страха, что все тайные бумаги к дьяку Вилиму Сесилу гроша ломаного не стоят и тогда весь его экипаж сгноят в каторжных рудниках на юго-западе Аглицкого королевства, кормчий Михей объявил, что имеет слово и дело до этого самого Сесила, — все вмиг переменилось!

Беглецам и еды, и пива вволю, и караул от обидчиков к сходням приставили…

И ничья они не добыча, а почётные гости вольного и древнего града Колчестера и всех привилегированных и славных Пяти Портов Её Величества королевы Елизаветы!

А кормчего и Федьку-зуйка с его бумагами в карете с конвоем повезли в стольный город Лондон к самому лорду Сесилу или как его там…

8

И зуёк Федюшка, родившийся на палубе невдалеке от норвецкого порта Бергена, и старик Михей, и все беглецы со «Св. Савватея» бывали, и даже не по одному разу, в Англии. Но вот от побережья вдаль никогда допрежь не забирался из них никто ни в Англии, ни в более привычных Германии или Дании. Поэтому сейчас, из окна кареты, смотрели с любопытством и неотрывно, примечая малейшие с Русью различия и донимая приставленного стражника расспросами…

Расспросами на языке не вполне английском. Скорее, это - был портовый жаргон восточного побережья Англии, здорово отличающийся от говора южно-английского побережья, откуда происходил стражник-сассексец. К тому же московиты ввертывали в разговор слова и нижненемецкого, и свейского, и норвейского, а то даже эстонского или финского языков, если не вспоминалось нужного аглицкого… Но стражник попался им, на их счастье, говорливый и сообразительный, так что разговор шёл бодро. Московиты слушали и дивились.

Оказалось, к примеру, что здоровенные, высокие каменные избы с малыми оконцами под самой стрехой, чуть не на каждой версте попадающиеся посредь луговин, — не людские домы, а… овины! Точнее если сказать — то шерстомойни, шерстечесальни и прядильни. А бурого цвета мокрые кучи возле каждого дома — вовсе не навоз, а «торф» — замена дровам, добываемое со дна болот земляное топливо на зиму. Из него же и теплые сараи можно строить.

— И строить из него, и топить им печи. Всё из одного! Чудно. «А есть его нельзя?» — спросил Фёдор.

Стражник сказал:

— Есть нельзя, но как удобрение он хорош, особливо на подзолах и с известью вообще на любых кислых почвах. К тому же торф — наилучшая подстилка для скота, все впитает.

Фёдор с уважением поглядел на невзрачные мокрые кучи. Затем московиты обратили внимание на то, что людей почти и не видать, — хоть трава зелёная, сочная, коси её и суши! Но косарей на лугах не видно было, одни овцы. Потом обогнали, тоже от побережья движу-

щиеся, возы вонючей бурой травы — и стражник объяснил, что нет, московитам не померещился запах моря среди суши. Это не от залива какого, это от тех возов. Потому что не трава — это вовсе, а водоросли. Зачем? А для удобрения полей.

И уж вовсе удивились русские, узнав, что обыкновенный розовый клевер не сам растет, а сажен нарочно. И не только на корм скоту, но и ради удобрения почвы. А канавы нарыты в лугах не для водопоя, а для осушения: вода стекает с луговин в эти канавы, а по ним, соответственно приданному нарочно для того уклону — в реки. Так сырые луга превращают в сухие, а бесплодные болотины — в сырые луга. Для выпаса овец пригодные.

— Не, у нас не так. У нас только попробуй известь альбо ту же водоросль в землю закопать, даже тайно — подсмотрят, донесут — и объявят тебя еретиком и слугой дьяволовым. Особливо ежели что уродится лучше, чем у соседей. Навоз само собою, его от века вносят и у нас. А то, чего от веку не делалось, — то всё от лукавого! И сколько родится на такой удобренной земле? Что-о?! Сам-пять самое малое, а то и сам-шесть, и в самые урожайные годы — до сам-девять? Неужто? Ле-е-епота-а! — прямо-таки запел в восхищении кормчий. И тут же осадил себя: — Да, нам это никак не погодится. В России за такой урожай убьют, яко колдуна, и осиновый кол в могилу загонят!

Михей был крестьянский сын, пошедший в моряки смолоду. Он всё примерял на свой опыт. Федька же был потомственный моряк, и удобрения, урожаи, уход за скотом его никак не задевали. Вот то, что избы сплошь каменные, и крыши чаще черепитчатые, нежели соломенные (а если соломенные, то аккуратные — не похоже, что после недорода их на корм скоту раздергали, а поправить так руки и не дошли), и окна часто — даже в деревнях — со стекольями… И ни единого дома не видать, чтоб топили по-чёрному, надо всеми домами — трубы торчат…

— Ну, хорошие, хорошие тут урожаи. Вернее, неплохие. И дома тут хорошие. Аккуратные. А вот небо какое-то невеселое. «За крыши цепляется», —строптиво сказал зуёк. — И одежда у тутошних людей сплошь немецкая, неподобная. Куцая какая-то…

— А то ты сам не хвалил немецкие кафтаны дома, яко удобные! — с усмешкой напомнил кормчий. Но Федьку уже было не удержать. Он и сам недоумевал, чего это его вдруг понесло хвастать тем, над чем сам же дома всегда издевался.

Он вертел головою, красный от стыда за свои нелепые слова — более от стыда не за сказанное, а за то, что ещё скажется сейчас, — и всё же выпалил:

— Так одно дело — дома, и другое дело — здесь. Вот и дым от ихнего земляного топлива противный идёт, едкий, — он старательно покашлял, — от него за полверсты в горле першит. Потому у них и трубы, что эдакий дым не перенести — не то, что наш, русский, от березовых дров.

— Давай-давай, малец. Это хорошо, что ты за обычаи своего народа заступаешься. Хуже, если бы тебе сразу всё наше показалось лучше своего, — неожиданно поддержал его стражник. Но тут же добавил: — Хотя, по-моему, из того, что я от вас за дорогу услышал, менять наше на ваше решительно не стоит.

— А, надо полагать, найдутся среди наших и такие, кто рады будут завтра же забыть, что они русские люди, — горько сказал кормчий. — Ох, найдутся. И как запретишь, коли мы сюда насовсем приплыли, и вживаться в здешнее житье-бытье все равно нужно…

И замолчал надолго…

На постоялом дворе в городке Челмсфорде заночевали, сменили лошадей — и ввечеру въехали в стольный город Лондон.

9

Лорд Сесил оказался уже не тайных дел одних вершителем, а всей вообще политики Аглицкого королевства. Дородный, видный мужчина с умными добрыми глазами и озабоченным выражением большого плоского лица, украшенного окладистой светлой бородой, он принял русских почти сразу: пришли в приёмную, доложили своё дело секретарю лорда-казначея (так именовался ныне мистер Сесил, как сказали нашим беглецам), мужчине на вид лет тридцати пяти — сорока, одетому в тёмное, с волчьим каким-то лицом и жалобными гла-

зами, тот сразу зашёл к лорду-казначею, обсказал, в чём и чье дело, и тут же воротился с сообщением, что лорд-казначей примет их сегодня же, сразу после обеда, в три часа дня. Не опаздывать! Если, мол, опоздаете — приём просто отменяется, а просить повторно можно не ранее как через месяц в то же число…

Погуляли, к каждому прилично одетому прохожему приставая с просьбой время сказать по часам. И пришли назад за час до назначенного времени.

Итак, лорд Сесил прочитал бумаги из ларца, которые россияне так и не развернули во все дни, что лежали эти бумаги у Фёдора-зуйка, очень бегло, снова сложил, позвонил в колокольчик, и когда секретарь вошёл, сказал непонятно:

— Последние новости от нашего резидента на Островах Пряностей. Передайте их сэру Фрэнсису Уолсингему и заодно сообщите, что мистер Джиован Брачан, наш курьер, погиб в России при доставке сих бумаг. Доставил же их в Англию вот этот сердитый молодой человек. — как вас звать-то, юноша? Ага, стало быть, Тэдди Зуйокк?

Секретарь вставил, что у московитов фамилии, как правило, заканчиваются на «офф». Мистер Сесил добродушно поправил запись в своей памятной книжке. Потом приказал выдать русским награду за нежданную уже, но важную весть и спросил, для государыни его нет ли какой тайной бумаги от царя Ивана Васильевича. Кормчий удивился: нешто станет великий государь передавать государственные письма с простым лодейным кормчим, не с посланником, и тем достоинство ронять — и русское, и царское? Но виду почти не подал, что удивлен, а ответил кратко, что нет, мол, таковых писем не имеем. Мистер Сесил, похоже, тем заметно огорчился.

Он спросил, какие у московитов планы. Услышав, что, ежели только будет на то его воля и позволение, они остались бы все навек в Англии, сказал, что храбрые и опытные моряки здесь в цене всегда. Так что, если кто хочет — может поступить в королевский военный флот, а кто того не желает — волен служить по найму. Ни в том, ни в другом никому из них препон чиниться не будет никаких. И даже напротив…

Воротясь в Колчестер, кормчий собрал людей и объявил, о чём и как шла речь в Лондоне. Трое сразу решились идти в военный флот, а остальные надумали такое: держаться кучно и искать, к кому бы на службу так поступить, чтобы всем скопом остаться. Но оказалось, что сплошь русскую команду не хотел иметь ни один хозяин. Пришлось им разлучаться…

Глава 2
ЛИВОНСКИЕ ДЕЛА

1

Не Петр Великий первым додумался, что России для нормального государственного существования необходимы флот, порты и западные учители. Ему посчастливилось успешно завершить то, что начинали за два века до него. Очень много на Руси зарождалось без Петра и до Петра: первый театр завёл любовник царевны Софьи (как мы по не вполне точным учебникам учили — противник преобразований, ярый реакционер, а на самом деле западник до мозга костей и реформатор) князь Василий Васильевич Голицын, и «аптекарские огороды» на Яузе-реке до него завели, и полки «иноземного строя» — драгунские и рейтарские — до него появились. Но мы помним удачливого завершителя преобразований, а зачинатель кто ж? О том забыли. Такова уж неблагодарная память людская…

Так кто был зачинателем прорубания «окна в Европу»? Возможно, началось с воцарения новой династии Романовых?

Да нет, если бы так и было — едва ли стал возможен Лжедимитрий Первый, открыто проводивший насквозь прозападную политику. Так кто? Иван Грозный, который даже в опричники принимал охотно немцев и врачей-англичан выписывал? Он-то да, в этом ряду, но не первый. Вспомним, что кремлевский собор доныне высится, творение ученика Леонардо да Винчи — флорентинца, мессира Аристотеля Фиораванти, а Иван Васильевич его уже выстроенным застал!

Да, зачинателем прорубания «окна в Европу» с полным основанием можно назвать Ивана Третьего, мужа Софьи Палеолог, зятя императора Византии. Но позвольте, скажете вы, при нём-то Русь и начиналась: он принял у отца Великое княжество Московское — крупнейшее и сильнейшее, но всё ж таки одно из нескольких русских княжеств — а сыну оставил государство Российское! При нём и гордый Господин Великий Новгород навсегда утратил независимость, и с татарским игом было окончательно покончено…

Ну да, так и есть. И он же начал войны за Прибалтику, за вернейший и прямой путь на запад.

В 1480 году пало татарское иго, а в 1492 — «смиритель бурь, разумный самодержец», как справедливо назвал его великий наш поэт Александр Пушкин, основал крепость Ивангород на границе с владениями крестоносцев и близ побережья Финского залива. Но войны с западными соседями привели к возвращению от Литвы под русскую руку обширных территорий на юго-западе; на северо-западе же особенных успехов не было.

А без выхода к морю Русь оставалась закупоренным, предоставленным самому себе, обществом, лишённым возможности сравнивать себя с другими и не усугублять собственные ошибки. Малолюдное пространство меж льдами Студеного моря и степями Дикого поля населено тюркоязычными кочевниками, подчиненными своим монархам — «ханам» лишь в то время и в той мере, какая потребна для защиты от сильных соседей и набегов на соседей послабее.

На востоке — бескрайние таёжные пустыни, неведомо где и чем заканчивающиеся. А на Западе — католический мир, в себе разобщённый, непрестанно воюющий сам с собой не на жизнь, а на смерть. Но на окраинах своих, там, где соседствуют с ним иные, некатолические страны и народы, этот мир сжимался, как живое существо, до которого дотронулись, и вспоминал, что он в некотором смысле един. Просыпался древний дух крестовых походов, солидарность. И эта, нехарактерная уже для сердца католического мира, сплоченность хранила границы его от прободения…

2

Русь оставалась вне круга европейских стран — как расплющивающий нос о жгучее, ледяное стекло бедный мальчуган, любующийся новогодним праздником, куда его не позвали. Там, за стеклом, яркий свет, там тепло и уютно. Там нарядная елка и разряженные сверстники, в костюмах и масках. Им страшно весело! Им раздают подарки! Ни за что, ни про что — таинственные пакетики с вкусными вещами: там дорогие конфеты, там — зимой лютой! — разноцветные заморские фрукты, шоколад, печенье, орехи… А тут стужа, ветер прожигает одежонку, темно, страшно и кто-то воет (скорее всего, ветер, но может статься, что и волки! Стра-а-ашно!). Ты один, тебе грустно-грустно, слёзы на щеках застывают бугорками… И невозможно, даже если узнаешь о том точно, поверить, что вовсе там не столь прекрасно и весело, как кажется при взгляде в продышанный глазок, со стороны. Там интриги, мучительная, съедающая человека зависть и мучительная ревность. А грошовые подарки в пестром кульке из скверной оберточной бумаги только кажутся сокровищами. Ценно в них не содержимое, а его нежданность. Но увы! Человек так уж устроен, и ничего с этим не поделать, что те, кто «вне праздника», склонны преувеличивать его достоинства и привлекательность, ну а те, кто «внутри праздника», напротив, преуменьшают его истинную цену. Какой-то умный австриец сказал уже в нашем, двадцатом веке: «Заключенные ищут выхода, исключенные ищут входа».

Так устроены люди. И эта общечеловеческая особенность и толкала русичей прорубать окна на Запад: и впрямую — войной с западными соседями, и в обход — неоднократными попытками установить сколько-нибудь регулярное сообщение с Европой по Студеному морю, вокруг Скандинавского полуострова. Но это устремление встречало ожесточенное сопротивление. Почему?

Да потому, во-первых, что, заполучи Россия достаточно просторное и, главное, постоянно распахнутое окно в Европу, исчез бы постоянный источник баснословных прибылей для сотен купцов, составивших немалые состояния на торговле с Россией.

Да потому, во-вторых, что никто толком в Европе не знал ни расстояний евразийских, ни соседей Руси на востоке. Поэтому существовала опасность (или на Западе необоснованно предполагали, что существует такая опасность. Неважно, была ли она на деле. Важно, что боялись, и это определяло политику), что Русь установит прямую связь с восточными и юго-восточными соседями и заберёт в свои руки торговлю с Востоком: с Китаем, с Индией, с островами Пряностей.

— Ну, заберет, — скажете вы, — ну и что?

А вот что. Переместятся главные пути мировой торговли. А они только-только установились после большого смещения их на рубеже пятнадцатого-шестнадцатого веков, после открытия Америки, морского пути в Индию, после падения Константинополя — и связанных с этим смещением торговых путей упадком итальянских торговых городов и северогерманской Ганзейской лиги, возвышением Испании и Англии… Мир пойдёт иным путём, вот что. Русь станет сверхдержавой, на манер сегодняшней Испании. И станет за счёт иных стран, их могущества и богатства!

Так что костью в горле стояла перспектива выхода России к европейским морям и святейшему престолу, который только начал осваиваться с мыслью, что первую партию в мировой торговле стала играть не схизматическая Византия, а наикатолическая Испания, и могущественнейшей в мире недружной семье Габсбургов, и «татарским» ханствам, которым в мире российского великодержавия попросту не оставалось места на карте, и нарождающемуся польско-литовскому единству…

Ведь не подлежало сомнению, что, выйдя к морям, Россия не сможет оставаться прежней, ей придется перестроиться, чтобы вписаться в семью европейских народов. А тогда — о, тогда прощайте, привилегии английской Московской компании на российском рынке!

Да ещё Реформация, потрясающая святейший престол с 1517 года. Только в канцеляриях папской курии утихло многолетнее (несколько нечестивое, поскольку речь шла о крушении христианской державы под ударами мусульман) ликование в связи с окончательной гибелью Второй Византийской империи — строго говоря, уже не той тысячелетней без малого твердыни православия, что веками коснела в схизме и идейная борьба с которой оказалась католицизму с его мощными схоластическими школами не по зубам. Ту, Первую империю, сокрушили крестоносцы Четвёртого крестового похода в 1204 году. Эта кровавая репетиция пригодилась буквально через несколько лет в крестовых походах против «катаров» — еретиков процветающей тогда Южной Франции. Помните из школьной истории: папский легат твердил крестоносцам, немалое число которых уже испробовало вкус христианской кровушки при сокрушении Первой Византийской империи: «Убивайте-убивайте, Господь на том свете отличит своих от чужих!» А эта, догрызенная, наконец, турками в 1453 году, реставрированная династией Палеологов, составленная из разнокалиберных кусочков, не граничащих один с другим, ещё два века агонизировала. Схизматики живучи более, нежели пресловутые кошки. И высокомерны запредельно. Эта самая Россия ещё только нарождалась, когда тамошний монах, псковский инок Филофей, заявил с наглостью сверхъестественной: «Москва — третий Рим, и четвёртому не быти!»

Тут имелось в виду, что первый Рим — императорский — рухнул за язычество, второй Рим — Константинополь, пал за «нечестие свое». Так каковы же будут надменные речи московитов, если они оседлают мировые торговые пути? Их высокомерие тогда во много раз превзойдет испанское!

В свете вышеизложенного понятно, почему принудить Европу принять Московию в свой круг можно было разве что подавляющим военным превосходством. А для создания подавляющей военной силы на западных границах нужен был полный мир на восточных границах России.

3

Так что возникающие вновь и вновь едва ли не каждое царствование войны Московии с западными странами, и прежде всего с ближайшими соседями — Ливонским орденом, Польшей и Литвой, не были случайными. И отнюдь не случайно то, что и Иван Грозный — влас-

титель болезненно подозрительный, жестокий и коварный, видимо даже душевнобольной, но при этом одновременно умный, образованный, дальновидный и расчётливый, — начал свою войну за «окно в Европу». Единственную из множества допетровских войн за достижение этой цели, получившую собственное имя, — Ливонскую.

Формальным поводом был отказ Ордена уплатить ежегодный взнос за владение Дерптом (по-русски Юрьев, по-эстонски Тарту) по договору ещё с дедом Грозного.

И, едва начавши эту войну, Россия из государства на краю света стала важным элементом европейской политики!

Ибо выход к Балтике для Московии закрывали католические Польша, Литва и Ливонский орден. Поэтому тот, кто начинал с ними войну, сковывал часть ресурсов католического мира — ресурсов, которые крайне нужны были для борьбы с Реформацией. А значит, он выступал на стороне стран, Реформацию поддерживающих: Англии, Нидерландов, северогерманских княжеств, Дании.

Впрочем, действительность всегда сложнее схем, и протестантская Швеция оказалась среди членов католического лагеря. Ибо по географическому положению своему могла рассчитывать исключительно на расширения за счёт протестантских соседей да России. При этом гугенотам, с которыми у шведов не было никаких территориальных споров, они рьяно помогали.

Так геополитика сделала Дрейка союзником России. И навряд ли что тут изменилось бы, окажись он почему-либо врагом Ивана Грозного — скажем, из-за безумной жестокости русского царя, ведь Дрейк не терпел излишней жестокости, мучительство ради мучений истязуемого было, по его мнению, доказательством преступности палача, неправедности суда и богопротивности властей, такое допускающих. И даже будь Дрейк «русофобом», даже и тогда…

Был только один способ для английского моряка тех лет, чтобы не содействовать России: это уйти от дел. Но с темпераментом Фрэнсиса Дрейка такое и вообразить нельзя!

Но знал ли он сам об этой незримой связи своей с кровавым самодержцем отдаленнейшей страны?

4

Да, знал. Нет, не сам он, глядя на политическую карту мира, до этого додумался. Ибо в его время карта мира могла ещё дать пищу уму скорее писателя, чем политика. На иных картах Россия ещё, по застарелой привычке, именовалась «Дальней Татарией» или даже «Скифией».

У Фрэнсиса был вовсе не теоретизирующий склад ума. Не будем приписывать ему то, чего не было. Ему объяснил это могущественный тезка — первый государственный секретарь, основатель и бессменный руководитель первой в мире кадровой спецслужбы почти современного образца — прославленной «Сикрет интеллидженс сервис», сэр Фрэнсис Уолсингем.

Сэр Фрэнсис — неулыбчивый густоволосый мужчина с продолговатым лицом и горящими глазами фанатика — подробно объяснил молодому капитану место России на мировой «шахматной доске». А поводом к этому разговору явилось зачисление в экипаж, комплектуемый Дрейком для некоего сверхтайного рейса, русского юнги — уже известного нам Федьки-зуйка.

Рейс был не просто тайный, а сверхтайный. Поэтому сэр Фрэнсис Уолсингем как в силу своей высокой должности, так и в силу личных наклонностей, знал о нём пока что поболее самого Дрейка. Сэр Фрэнсис, случалось, упускал иногда из виду вещи общеизвестные. Такие, скажем, как: какой длины дублеты нынче в моде, или какой ширины воротники, или от кого забеременела мисс Фрогмортон, фрейлина Её Величества. Но чтобы было, или появилось, или ожидалось в Английском королевстве нечто тайное, политическое, о чём бы он не пронюхал, да при том ещё заблаговременно — это уж фантастика! Уж тайные дела в его стране (и часть тайных дел — большая или меньшая, смотря о какой стране речь пойдет, — в иных странах) до него касательство имели! Да при этом многие из таких дел — ещё задолго до своего зарождения!

Соответственно, и сверхтайный маршрут Дрейка был в его нешумных канцеляриях продуман, расчислен и нанесен на карту, свернутую и вложенную в особую красно-зелёную полосатую папку. И по поводу содержимого этой папки, а вернее сказать — по поводу предстоящего превращения чернил, коими написано и начерчено в этой папке немало уже, — состоялось уже четыре беседы первого государственного секретаря с молодым капитаном, ничего особо выдающегося не совершившим, но, по мнению Уолсингема, из молодых, да ранних, самым многообещающим в своём поколении. И в последней сэр Фрэнсис обронил как бы мимоходом:

— Да, кстати, Фрэнк: я слышал, что вы заинтересовались Московией и московитами?

— Уже слышали? Гм! Не означает ли это, часом, того, что уже и неприятель знает все мои новости до пустяков?

— Успокойтесь, друг мой. Не означает. Это я проверяю дважды в неделю сам. И вообще неприятелю совершенно точно известно, и заплатил он за эту информацию целую кучу дукатов, что вы намереваетесь скопировать последний маршрут нашего общего друга Джона Хоукинза, но по возможности избежать его ошибок…

Тут тезки благодушно рассмеялись. Они понимали друг друга самое большее с полуслова, а чаще без слов: ибо принадлежали оба к одной партии. К той, что позднейшие исследователи назвали, всесторонне изучив ситуацию, точно так же, как они называли сами себя: «партия войны». Правда, занимали в партии тёзки далеко не равное положение: Уолсингем был одним из её вождей и вдохновителей — вождём, занимавшим среди сторонников её наиболее высокое служебное положение, а Дрейк был пока не более, чем перспективным молодым офицером. Пока ещё всего лишь одним из сотен…

Дрейк сказал хитровато:

— По совести говоря, было бы только справедливо, если б какая-то часть испанского золота, уплаченного за «достовернейшую» информацию о моих планах, — скажем, четвертая часть — отошла бы мне. Я бы тогда смог увереннее готовиться к экспедиции, а то приходится экономить на каждой мельчайшей мелочи. А для этого приходится влезать в эти дурацкие мелочи по уши, отвлекаясь от той подготовки, которую я никому передоверить не могу, — вы знаете, о чем я говорю.

— Хо-хо, Фрэнк, вы хотите получать деньги за достоверную информацию о своих намерениях? Бога ради! Я ничего не имею против этого. Только учтите: главная особенность оплачиваемой кассой моего ведомства информации о ваших действиях и намерениях — вовсе не степень её расхождения с истиной, а…

— А что?

— Ага, интересно? Так вот, ценность её определяется двумя пунктами: а) степенью доверия к ней противника и б) широтой её распространения в неприятельском лагере.

— М-мда, с этим посложнее…

— Да нет, если разобраться, вовсе не в сложности дело. Для ума вашего калибра это не сложность. Любой разумный купчина справился бы (и справляются, скажу я вам!). Но это отнимает такую массу времени и денег… Вам пришлось бы отставить все ваши нынешние занятия…

— Ну, уж это — нет! Это меня бы не устроило!

— Ещё бы! Полагаю, что и Англию бы тоже. Главный секрет моего ведомства, Фрэнк, в том, что любой среднеобразованный и (весьма желательно, но не обязательно) хоть на волос выше среднего уровня ума человек с нашей работой запросто бы справился. Надо только посвятить этому всего себя.

— Ну, тогда я в вашу фирму не перехожу.

— И не зову. С вас куда больше проку там, где вы сейчас находитесь. Но вернемся к вашему русскому юнге Тэду. Это вы его так назвали для удобства, а крещен он как?

— Представьте себе, это его подлинное имя! По-моему, я изменил в нём одну букву, для удобства.

— Одну всего? Удивительно! Обычно у этих русских имена такие, что ни выговорить, ни записать на слух, ни прочитать вслух европейцу невозможно! Хуже, чем у турок!

— Что ж, выходит, мне редкостно повезло.

— Судя по тому, что говорят оборванцы в тавернах, вам во многом редкостно везет. Это главное, чем вы известны после возвращения из Вест-Индии.

— Ну, слухи — это только на одну ступенечку повыше бабьей болтовни, — отмахнулся польщенный Дрейк.

— Будем надеяться, что этот Тэд станет удачным приобретением и в остальных отношениях.

— Ну, «приобретением» — сказано не вполне точно, сэр. Он не невольник, и я его не покупал. Такой же наемник по контракту, как и остальные в моей команде. Но насчёт того, что он принесет нам удачу, — что ж, тому есть знамения.

— Дай Бог!

И два Фрэнсиса перешли к делу.

5

Уже более десяти лет Московия вела войну на западе — и пока, увы, ни одна из целей войны не была достигнута полностью и прочно.

А начиналась эта война при благоприятнейших предзнаменованиях, удачно и даже весело! Малой кровью и быстро брались крепости. Без боя сдавались торговые порты. Неприятель бежал на всех направлениях, точно заманивал русское войско в глубь своей территории. Потом… Потом как кто сглазил и российское войско, и его воевод, и тамошнюю местность, и даже самого царя Ивана Васильевича…

Вражьи крепости — точно кто в них гарнизоны иным, железным, племенем заменил, перестали сдаваться и стойко сидели в осаде месяц за месяцем, сковав половину, а затем и большую часть царского войска.

Новые и новые наборы «даточных людей» уходили в глубь Ливонии и застревали в её сырых, пасмурных низинах, как нож в тесте. Земли там малородящие, хлеб для войска приходилось слать из России. И из того доходила до полков третья часть, редко когда половина. Потому что ливонцы побросали свои подзолистые пашни с хлебом по колено, где пожегши на корню серые хлеба, а где скотом потравивши, и ушли в дубравы. Сидя в дубравах, они на русские рати не нападали, а подкарауливали обозы с хлебом из России. Разграбивши их и выпрягши лошадей на мясо, снова хоронились в своих дубравах.

Помещики-немцы со своей челядью сидели в замках. Холопы их, ливонцы, сидели в своих лесных берлогах — и готовы были сидеть там ещё хоть и десяток лет. На барщину ходить не надо и корму вдосталь. Кто кониной брезгует — тот волен дичь стрелять в господских лесах любую, какой в мирное время мало кому и попробовать довелось. Ведь лесники, самые ненавидимые из челядинцев, первыми посбегали в замки, за каменные стены. И простонародью ведь оружие роздали — для войны. Так что свободно можно было в баронских, графских и даже архиепископских лесах браконьерничать сколь душе угодно. Кабан — бей кабана, глухарь — бей глухаря, ни тебе штрафов, ни плетей. От перепёлки в поле до форели в ручье — всё твое! В торфяных хижинах молились о том, чтобы подольше длилась эта нестрашная война. Эстляндским и лифляндским крестьянам эта война была не в тягость, а в радость.

6

В самом низу социальной лестницы крестьяне Ливонии извлекали свою пользу из войны, а в самом верху этой лестницы гроссмейстер Ливонского ордена герр Кеттлер тоже постарался извлечь кой-какую выгоду из разорившей его владения (а как-никак, ровно одна треть всех земель в Ливонии была — орденские земли!) войны. И, взвесив все «за» и «против», он в один прекрасный день объявил Ливонию герцогством, а себя — протестантом и владетельным герцогом!

Легат — представитель Святейшего престола — вздумал опротестовать его действия. В ответ герцог Готфрид Первый посадил его высокопреподобие в подземелье, на хлеб и воду. Ну, там ещё всякие овощи на вонючем холопском травяном масле — как его, конопляном,

что ли? Человек привык к разнообразной мясной пище, деликатесной рыбе, а тут эти травы, будто он — впавший в безумие библейский царь Навуходоносор! Фу!

В беседе с глазу на глаз герцог объяснил легату, что он заблуждается: ущерб Святейшему престолу, нанесенный отпадением от католичества Ордена, созданного усилиями и жертвами всего католического мира для борьбы со схизматиками, а также для обращения в христианство язычников, вызвано отнюдь не его, гроссмейстера, злой волей, а божиим попущением. И как вы думаете, за что? А вот за его, недостойного папского посланца, личные тяжкие грехи.

Ну, тут уж его высокопреподобие возразить не мог. Ибо не по навету говорил о сём предмете герр Кеттлер, а по наиточнейшему знанию: вместе обжирались жирными угрями, ароматной форелью, сочными окороками, нежными фазанами и много-много чем ещё. И пили вровень, хотя грубых водок его высокопреподобие мог без облегчения блевотиной побольше осилить — зато герр гроссмейстер был сильнее по части тонких вин, ликеров и сладких наливок. Легат же, если по-мужски, откровенно, всему предпочитал грубую, терпкую можжевеловку да утеху лесорубов — двойную перцовочку.

А теперь он давнего собутыльника заточил и церковью не предусмотренный постоянный пост ему учинил. По великим праздникам разрешил вдоволь давать (но бдительно при этом следить, чтоб на завтра не припрятывал, ест пусть, покуда не осовеет, а уж потом ни-ни) ливерной колбасы и скучной тощей салаки. А пить в такие дни одну бадью пива на весь день. Ну не мучитель ли, подобный цезарю Домициану или Нерону, а?

Следующий из смертных грехов, в коих невозвратно погряз его высокопреподобие, — сластолюбие. Каждую ночь господину легату согревала постель лифляндская крестьянка не старше восемнадцати лет. А тут дни тянутся пустые без застолья, а уж ночи вообще хоть удавись! В такие ночи с ужасом вспоминаешь, что тебе уже пятьдесят лет и что за крах орденского государства, кое вверено было твоему надзору, погонят со службы навсегда, и хорошо ещё, ежели деревенский приход дадут в каком-нибудь жалком захолустье. А что приход? Одно — что он уж давно перезабыл всю литургию, занятый важными делами, высокой политикой да к тому же пьяный непробудно все последние года. А другое — он привык, понимаете, привык! — к другому уровню доходов, к другому уровню почета… Ну, вот женщины. На что он может рассчитывать в захолустном приходе, если трезво рассудить? А? (И ведь ещё большой вопрос, дадут ли ему хотя бы самый поганый приход! А то и в каталажку, в штрафной картузианский монастырь лет на пять молчанки заточат!) Так вот, всё, на что он в лучшем случае может рассчитывать, — это горластая, сварливая, костистая баба, вдовица лет сорока. Он в сумраке своего подземелья увидел эту старую каргу как наяву: черная, точно не мылась от роду, всклокоченные редкие волосы, каркающий голос, тощая безотрадно, во всех местах, где у женщин Бог повелел быть мягкому и упругому, у неё под шершавою кожей сочленения, твердые, как железные доспехи…

Чур меня, чур!

Наутро пришёл герольд от господина герцога — известить арестанта о том, что если доклад Риму будет составлен в угодном господину герцогу духе, режим будет смягчен следующим образом: перевод из подземной в надземную камеру башни, сокращение поста до четырёх дней в неделю, одна крестьянка в неделю. Но легат угрюмо сказал:

— Пускай его светлость погодит со льготами. Мне нужно всё хорошенечко обдумать. Три… Нет, шесть дней на раздумье прошу! — и, не слушая возражений, улегся на свой жалкий, к тому же отсыревший, соломой набитый тюфяк недавно ещё упитанной и поросячье-розовой, а ныне морщинистой и седо-щетинистой мордой к стенке.

Он лежал все шесть дней, вставая только за нуждой, и ел лёжа, только от стены отвернувшись. Потом встал, кряхтя, размялся, помахав руками и поприседав, и заколотил в дверь. Когда тюремщик явился на шум, легат прежним своим тоном — тоном человека, не знающего возражений и не ожидающего их услышать от кого бы то ни было, — скомандовал:

— Немедленно сообщите его герцогскому высочеству, что я готов совместно с ним приступить к написанию отчёта об имевших место в последние годы событиях. Пусть его высочество выберет время, когда ему… Когда Им будет благоугодно этим заняться.

Тюремщик не сразу и понял, кому «им» будет благоугодно. А господин легат не отпускал грубияна до тех пор, пока тот наизусть не выучил текст послания.

Отчёт они написали за два дня, потом два дня легат пил беспробудно, так что доставленная по приказу герцога очередная лифляндочка вышла такою же нетронутой, как и вошла. А потом в замковой церкви его высокопреподобие отрекся от католичества, сложил с себя сан и… И присягнул на верность своему господину, став первым бароном, чей титул не от рождения владельцу достался, а пожалован герцогом за заслуги. Барон фон Лихенвальд унд цу Вассерштайн — звучит? То-то! Главное в жизни — правильно, на трезвую голову рассчитать все плюсы и минусы своего положения. В сущности, он, сын умбрийского кабатчика, никогда не ощущал себя именно итальянцем. Он был вне национальности, над национальностями. Был сыном Вселенской церкви. А стал второразрядным немцем. Зато из опального дипломата, обречённого на убогое доживание где-то в европейском захолустье, он стал владельцем трёх деревушек и семи хуторов (правда, одна деревушка и пять хуторов заняты московитами, но и в оставшихся достаточно крестьяночек на его век).

Одно беспокоило новоявленного феодала: как бы русские не победили — отберут же все владения, по миру пойдешь! — или Польша не победила бы. А то, не дай Бог, в обозах победителей придёт инквизиция, тогда ему, отступнику, да ещё расстриге, костра не избежать. Длилась бы эта война вечно!

А в отчёте они написали, что переход в лютерову ересь со стороны герра гроссмейстера был вынужденным шагом. И вынужден шаг сей был единственно тем, что русское наступление могло привести к переходу всей территории Ордена к московитам, что чревато не только усилением схизматического Московского государства сверх допустимого, но и ослаблением верной Святейшему престолу Польши. А так — ставшая протестантским герцогством Ливония продолжает войну на стороне католических стран, да ещё и сможет теперь влиять в выгодном для Святейшего престола духе на лютеранские Данию, Швецию и Мекленбург с Померанией.

Когда герр герцог до конца разобрал, что же написал в отчёте своём барон Лишайникового леса и Мокрой башни, он сей же момент назначил герра барона своим вице-канцлером. В каковом качестве сей барон и встречался, уже в восьмидесятых годах шестнадцатого века, с Федькой-зуйком. Но это будет рассказано в надлежащее время, ещё не скоро. А покуда мы простимся надолго с герром бароном…

Александр Ревович Рубан

Алекса́ндр Ре́вович Ру́бан (23 июля 1955, Томск — 30 сентября 2015, Томск) — томский писатель и поэт.

Учился в Томске, в 1972 году окончил среднюю школу.

В 1977 году окончил электрофизический факультет Томского политехнического института по специальности "физика твёрдого тела".

Работал инженером в «закрытом» НИИ; журналистом в многотиражной, районной и областной газетах; стрелком-охранником склада взрывчатых веществ; отделочником на стройке; шорником; полиграфистом-дизайнером и ответсекретарём в городской газете; верстальщиком в местном книжном издательстве.

В разное время жил в северных районах Томской области, в Стрежевом, в последние годы жил в Томске.

За повесть «Сон войны» А. Рубан отмечен призом фестиваля «Белое пятно» (1994). Бессменный руководитель томской детско-юношеской литературной студии «Штудия», издавал одноимённую молодёжную газету.

Автор многих книг, большинство из которых изданы в Томске. Последние — сборник фантастических повестей и рассказов «Весна в Гипербореях» и книга четверостиший «Четыре четырки» были изданы в 2015 году.

Участник XI Всесоюзного фестиваля молодых поэтов республик СССР (1980).

Участник семинара молодых фантастов Сибири и Дальнего Востока (Новосибирск, июнь 1987).

Член ВТО, участвовал в семинарах в Днепропетровске и Ялте. Участник Дубултинского семинара молодых фантастов и приключенцев (1989), секция Г. Прашкевича.

Участник «Волгакона-91».

Произведения

Чистая правда о том, чего не было. Фант. повести. — Томск, 1990.
Случилось не всё, что могло бы случиться… Стихи. — Томск, 1995.
Сон войны. Сборник повестей. — М., АСТ; — СПб, Terra Fantastica, 1995.
Витающий в облаках. Повесть. — Томск, 1998; — Новосибирск, 2006.
Каникулы Творца. Повесть. — Томск, 1998.
Рубайки. Стихи. — Томск, 1998.
Не зла моя судьба. Стихи. — Томск, 1999.
Все имена богини. Несовременная сказка // «Сибирские Афины» (ж-л). — Томск, 1999; // «День и ночь». — Красноярск, 2000; // Техника — молодёжи. — Москва, 2004.
Мироздание по мне. Стихи. — Томск, 2004.
А. Ануфриева, А. Рубан. На небе и возле. Стихи. — Томск, 2004.
Тараканы Господни. Рассказ // «Сибирские Афины» (ж-л). — Томск, 2007. (В марте 2009 года этот рассказ был пиратски опубликован в украинском альманахе «Реальность фантастики»).
Глумы. Стихи. — Томск, 2007.
В пещере гнома… (Серия «Сто стихотворений»). — Томск, 2009.
Ядотерапия. Пятьдесят стихотворений (Серия «Сто стихотворений»). — Томск, 2010.
Пыль под ветром (Сны инженера Тенина). В сборнике «Рыцари». — Томск, 2011.

А проза — вот тут: http://proza.ru/avtor/demodok

***

Дом - ополченец

(отрывок из обрывка)

Усть-Ушайск уютно разместился в глубине России. Почти все войны, в которых страна принимала участие, громыхали вдали от него. Лишь обе гражданские и первая космическая оставили на лице города приметные шрамы, худо-бедно зарубцевавшиеся. Зато на каждую из отдалённых войн усть-ушайская архитектура отзывалась мощными и странными аккордами.

Как все старые города Сибири, Усть-Ушайск начинался в XVI веке с деревянной крепости-острога. Поставленный казаками на высоком мысу у слияния рек Оби и Ушая, острог за триста лет отчасти сгорел, отчасти сгнил, отчасти был раскатан на брёвна и употреблён для сооружения бараков. Бараки, простояв лет тридцать, тоже сгорели, сгнили или были снесены. Первый архитектурный аккорд не застыл на века, а заглох и пропал. От войны, породившей город, ничего не осталось, кроме памятного камня, установленного триста лет спустя. И, хотя

войну за присоединение Сибири российские историки даже не считают войной, а всё равно обидно: город без первого здания - что человек без пупка...

Зато каменный мост, возведённый в центре города пленными шведами, уцелел. Правда, и сам он, и ростральные колонны при въезде на него неоднократно реставрировались, и уже невозможно с достоверностью назвать время постройки. То ли после Полтавской битвы, то ли в ходе миротворческих операций в Балтии. Во всяком случае, не раньше и не позже - где-то между первым императором и третьим президентом... Но тот факт, что строили мост именно военнопленные шведы, известен каждому усть-ушайцу.

Католический костёл был заложен ссыльными поляками после победы над Бонапартом, а мечеть в Усть-Ушайске появилась во второй половине XIX века, после кавказских войн.

В нарочито размашистом, разухабисто-русском фасаде Кибернетического колледжа (с фальшивой колоннадой в стиле сталинского ампира) отчётливо просматриваются элементы немецкой казарменной готики.

После четвёртого из пяти окончательных присоединений Чечни в Лагерном саду и на Обрубе повырастали сакли с огородиками на крышах. Тогда же на долгое время вошли в моду бронежилеты и очки ночного видения - но это не имеет отношения к архитектуре, это интересно само по себе.

Спустя ещё полстолетия башню телецентра случайно задел гигатонный гравициклон, и она скрутилась в некое подобие выбленочного узла. Противник, честно выполняя условия перемирия, развязал и выпрямил башню - но не до конца, поскольку перемирие оказалось коротким. С тех пор в Усть-Ушайске стоит самая кривая башня на всю Евразию, а когда упадёт Пизанская, эта будет единственной.

Наиболее же примечательной в военно-историческом смысле оказалась судьба "Дома Науки". Он предназначался для народного университета, деньги на его строительство собирали из благотворительных пожертвований, строили долго и трудно - а использовали по назначению меньше двух лет, да и то не сразу. Едва возведённый накануне первой мировой войны, "Дом Науки" был отдан под казарму сибирского ополчения. Потом его поочерёдно занимали: тыловой госпиталь; различные штабы и комиссариаты; продсклад; ОСОАВИАХИМ; цеха кабельного завода, эвакуированного из Ленинграда в начале второй мировой войны; образцово-показательный штаб Гражданской Обороны; администрация и Дом Культуры всё того же кабельного, обосновавшегося в Усть-Ушайске; ОАО "Менталитет", ТОО "Имидж" и ЗАО "Крыша"; кукольный театр; духовная семинария; казино; учебно-тренировочный центр Православной Лиги; снова казарма, госпиталь, штабы - и наконец "грави-точка" Соединённых Фронтов Земли... Народный университет, для которого предназначался "Дом Науки", функционировал в нём либо незадолго до, либо сразу после ОСОАВИАХИМа в течение полутора лет. Теперь там деканат факультета внеземных архитектур Строительной Академии, архивный отдел Музея звёздной фортификации и авторская студия Влада Силанина "Воздушный Замок". Старый солдат наконец-то ушёл в отставку. Продолжая, правда, хранить (в закрытой части музейного архива) кое-какие военные тайны...

Кстати, гравициклон, завязавший в узел телебашню, предназначен был Дому Науки. Вернее, "точке", которая в нём дислоцировалась. Но телебашня, очень кстати оказавшаяся на пути заряда, отклонила его траекторию, и Дом уцелел. Вместо него был вывернут наизнанку летний танцевальный павильон на берегу Белого озера. К счастью, в это время года в нём не танцевали.

Павильон альдебаранцы полностью восстановили за время перемирия - в точном соответствии с его ещё довоенным проектом и не экономя на материалах, как это делал наш подрядчик... А вот если бы они попали, куда целились, то восстанавливать бы не стали, потому что военный объект есть военный объект. "Но Дом Науки" - старый и, следовательно, удачливый солдат. Претерпев крушение надежд, инфляцию идеалов и удары судьбы, это почтенное здание внешне осталось таким же, каким возникло накануне первой мировой. Говорят, солдаты не болеют, потому что им некогда. Быть может, и "Дом Науки" смотрит бодрячком по этой же причине - потому, что его никогда не холили чрезмерно и не ремонтировали

капитально. Правда, наукой в нём уже давно не пахнет (что такое деканат? - разновидность канцелярии!), а запахи ружейной смазки и нестиранных портянок не удаётся изгнать никакими дезодорантами.

***

Каникулы Творца. Рыцарская сказка

Моей дочери Веронике

Шёл Господь пытать людей в любови...
С. Есенин

По издавна заведенной привычке шеф-демиург Аристарх Новожилов намерен был отправиться на отдых в один из заповедников Объекта (Теночтитлан, Кремль, Шамбала, Критский Лабиринт, Мекка...) и уже раскладывал на рабочем столе зодиакальный пасьянс, дабы определить: куда и в когда именно. Но старый друг и соратник Савва Ф. Бычин, приволокший последние бумаги на подпись, буквально схватил его за руку, настоятельно рекомендуя тупики так называемой «дурной бесконечности», созданной воображением смертных.

— Ни о чём не надо думать! — восторженно орал он, полагая это главным козырем своей рекламной аргументации. — Приключения тела — без тени риска и при полном отсутствии душевных усилий! Не нравится Тебе беллетристика — дуй в видеоряд. Презираешь эти модные штучки — Ты с Тобой, есть старые добрые комиксы. Есть, наконец, песни средневековых бардов — они тоже в достаточной степени вариативны. Главное — забраться в тупик, на обочину мысли, подальше от вечных тем и проклятых вопросов, а куда конкретно сворачивать — не имеет никакого значения!

И Аристарх, измотанный свершениями и неудачами последнего года Перестройки, сдался. Просто не было сил спорить. Да и незачем. Действительно: какая разница, где отдыхать? Он растолкал созвездия на места и впервые изменил своему обыкновению.

***

Свернув наудачу с магистральной тропы бродячих сюжетов, Аристарх оказался в мире средневековых рыцарских сказок и вскоре набрёл на место, показавшееся ему сущим раем для беспечного отпускника.

Здесь было всё.

Были солнечные опушки дубрав, постепенно переходившие в угрюмые колючие дебри. Были живописные скалы — мечта альпиниста, — прорезанные парочкой глубоких ущелий. Был неприступный Чёрный Замок на одной из вершин, видимый отовсюду и видящий всё, безоговорочно довлеющий над окрестностями.

К окрестностям примыкали: море, с одной стороны ласково лижущее уютный песчаный пляжик, а с другой методически бьющее пенными валами в отвесный гранит; длинный, высунутый горизонтом, язык пустыни — с барханами, пересохшими или отравленными колодцами и миражами; отделённая от пустыни горелыми буреломными гривами непроходимая трясина с чахлыми деревцами и обманчиво твёрдыми кочками, рясно обсыпанными на удивление крупной клюквой; наконец, широкая излучина большой спокойной реки, текущей неизвестно откуда неизвестно куда (в море она — по крайней мере, в пределах видимости — не впадала).

Украшением окрестностей служил королевский дворец. Анемично-весёлый, пёстрый от разноцветных флагов и вымпелов на белоснежных шпилях, окружённый кудрявыми гектарами зелёных насаждений, он скромно возвышался над излучиной, с показным равнодушием обратив к Чёрному Замку тылы своих административных и хозяйственных служб. А за пределами дворцовых парков, обнесённых кованой узорной оградой, раскинулись квадраты возделанных полей, обширные пятна пастбищ да пять-семь селений с красиво покосившимися ветхими домиками и такими же заборами.

Во дворце обитал номинальный правитель — король со своей королевой и с принцессой на выданье; там же гостили заезжие рыцари и сновала челядь. Чёрный Замок, естественно,

занимал Дракон, в незапамятные времена узурпировавший реальную власть над всей округой. А в селениях проживал народец, заколдованный до неизлечимого трудолюбия и генетической безропотности, исправно кормивший обитателей дворца и Замка.

Схема! Схема, вмешиваться в которую — себе дороже...

Аристарх и не намерен был вмешиваться. Он был намерен отдыхать: есть (сладко), пить (крепко), любить (не всерьёз) и спать (без сновидений). Всё это, разумеется, можно было найти во дворце номинального правителя, и всё это он, разумеется, во дворце нашёл. В первый же вечер.

В обличии странствующего рыцаря он миновал ворота дворца (распахнутые, несмотря на поздний час), неторопливо спешился, бросил поводья и шлем подбежавшим слугам. Вокруг было пестро, душновато и томно. Жадно вдыхая запахи завершившегося (увы!) пиршества, рыцарь шагнул в озарённый догорающими свечами и факелами дворец, где был привечен и обласкан. Заезжие рыцари (их оказалось трое) мужественно жали ему руку и дружелюбно предлагали завтра же померяться силами на ристалище. Тупыми копьями, разумеется. Принцесса, слишком явно нарушая этикет, строила ему глазки, а король с королевой самолично отвели гостя в отведённые ему покои, предупредив, что завтрак будет подан рано, в десять утра. Челядь была услужлива и полезна, но неназойлива до невидимости, как то и положено челяди.

О Чёрном Замке не было сказано ни слова. Да и зачем?

Аристарх смыл с себя дорожную грязь и усталость (кажется, ему при этом кто-то помогал), переоделся в чистое (соответствующее местной причудливой моде, но, как тут же выяснилось, очень удобное) и, потирая руки, уселся за уже накрытый столик. Ужин, ввиду позднего времени, ему подали в апартаменты. При этом дворецкий — коренастый крупноголовый малый в нелепо роскошной ливрее — на минутку вынырнул из невидимости, дабы рассыпаться в извинениях: мол, все отужинали два часа назад, в трапезной пусто и неуютно, но, если гостю будет так благоугодно... Аристарх вяло покачал ладошкой, давая понять, что ему всё равно, и дворецкий пропал.

Сладко поев и крепко выпив (кубок его не пустел, а вожделенные блюда вовремя оказывались в пределах досягаемости), Аристарх зевнул и покосился на обширное ложе под балдахином, предвкушая сон без сновидений. Остальное он отложил на завтра, а сегодня решил ограничиться шлепком по крутой ягодице хорошенькой служанки, весьма уместно возникшей на миг в поле его зрения.

Не тут-то было!

Едва он — опять-таки с чьей-то помощью — разоблачился и погрузил утомлённое тело (шесть футов три дюйма, трапециевидный мускулистый торс, узкие бёдра, мужественное лицо с голубыми глазами и белокурыми локонами до плеч) во взбитую пену перин, едва были задуты (или унесены?) свечи и Аристарх смежил веки, как некая особа (одна из разоблачительниц?) нырнула к нему под одеяло. Он не успел ни возмутиться, ни обрадоваться, ни даже разглядеть гостью.

Уже потом, напрасно пялясь в темноту и отчаявшись увидеть её лицо, он стал запоминать его губами, лёгкими касаниями пальцев, осторожным дыханием навстречу её дыханию. У неё были такие пышные невесомые волосы — мягкое облако ароматов и свежести. Такие ласковые руки с длинными пальцами и маленькими ямочками на локотках. А бёдра были горячи и шелковисты до чрезвычайности, а...

А завтрак он, конечно же, проспал. Без сновидений.

Завтракать ему тоже пришлось в одиночестве — куда более полном, чем ужинать накануне вечером. Ночная гостья исчезла так же, как и появилась — невидимкой. Не оставила на память ни платочка, ни ленточки, ни малозаметного знака; ничего, кроме сосущей пустоты внутри, которую он тщился отождествить с голодом и всё глотал, проталкивал, запихивал в себя отменные яства — без особенных, впрочем, усилий. Утолив голод, но нимало не уменьшив пустоты, он стал с надеждой присматриваться к служанкам, но, обнаружив, что все они подстрижены довольно коротко и нет среди них ни одной пышноволосой, опять

разочаровался и поугрюмел. Кубок со сладким вином он решительно отодвинул, а когда ему налили полусухого, выплеснул его в подвернувшееся лицо. Поняли и больше не приставали.

Обсосав и выплюнув косточку чернослива, Аристарх откинулся в кресле, вытер губы поданной сбоку салфеткой и осведомился, почему во дворце тихо и где он может развлечься, дабы развеять печаль. (Странствующие рыцари должны быть печальны. Аристарх намерен был соблюдать правила игры — пока они были необременительны и пока это была игра).

Возникший справа дворецкий учтиво объяснил, что королевская семья и гости с утра охотятся в Живом ущелье («Значит, есть ещё и Мёртвое», — отметил про себя Аристарх) и вернутся незадолго до обеда, через... — дворецкий посмотрел на солнце сквозь высокое витражное окно, — четыре часа... — Он склонил свою крупную бульдожью голову набок, словно прислушиваясь, и уже уверенней повторил: — Да, через четыре. Это время рыцарь Аристарх может посвятить пешей прогулке по паркам Его Величества, либо же, наоборот...

— Ты знаешь моё имя? — удивился Аристарх.

Дворецкий улыбнулся и качнул бровями, что можно было понимать как угодно.

— Откуда ты знаешь моё имя? — повторил Аристарх.

Дворецкий чуть повернул голову вправо и поднял руку. Ему тут же подали начищенный до зеркального блеска Аристархов шлем, а он с поклоном передал его хозяину. На внутренней стороне шлема было выгравировано: «Аристарх Н», — почему-то кириллицей.

— Ты знаешь этот язык? — по-русски спросил Аристарх.

— Да, рыцарь... — дворецкий не осмелился назвать его имя.

— А зараз якою мовою я до тэбэ балакаю? — спросил Аристарх.

— По-человечьи, — дворецкий удивлённо вскинул брови и на всякий случай улыбнулся.

— Гм... — сказал Аристарх. — А какие ещё языки ты знаешь?

— Лисий, — охотно ответил дворецкий. — Медвежий. Кабаний. Птичьи языки: и ловчих птиц, и певчих, и лесных, и болотных, и даже отчасти морских... Языки лошадей, коров, собак. Речной язык.

— Рыбий?

— Нет, речной. Рыбы молчат, как рыбы, рыцарь... — он сделал вопросительную паузу, и Аристарх кивнул. — Рыцарь Аристарх, — с облегчением договорил дворецкий. — Язык ветра, — продолжил он перечисление. — Язык дождя. Молодой травы (она говорит корнями) и древесной листвы. Мышей церковных и мышей кухонных — это два совершенно разных языка, рыцарь Аристарх! Драконий язык... — Последние два слова дворецкий проговорил вполголоса, наклонясь почти вплотную к лицу гостя, но глядя не прямо ему в глаза, а немножко мимо.

— Всё? — спросил Аристарх, не поддаваясь на провокацию.

«А на что меня провоцируют?» — подумал он.

— Увы, — сказал дворецкий, выпрямившись. И опять это можно было понимать как угодно.

— Забавно, — проговорил Аристарх, в упор глядя на крупноголовую бестию, и дворецкий вопросительно шевельнул бровями. Это были могучие брови, и очень подвижные, в отличие от щёк — не менее могучих, складчатых, досиня выбритых, свисающих до уровня подбородка, но абсолютно неподвижных. Пухлые губы дворецкого, когда он говорил, шевелились между щеками, как у примитивно сделанной марионетки. — Забавно, — повторил Аристарх, — что человека со столь исключительными способностями король держит на должности всего лишь дворецкого. Это несправедливо.

— Его Величество справедлив, — учтиво возразил дворецкий. — Но ведь Его Величеству неизвестны мои исключительные способности.

— Ты их скрываешь?

— За многие годы службы моей у Его Величества Его Величество ни разу не соизволили поинтересоваться моими способностями. — Дворецкий проговорил эту фразу совершенно бесстрастным тоном, но глазки его, широко расставленные и глубоко запрятанные над примечательными щеками, едва не выдали его истинных чувств.

Хотя — что истинно, что ложно в мире выдумки?

Во всяком случае, Аристарху почудилось, что сквозь полуопущенные веки он уловил мгновенный просверк... смеха? Страха? Нет, пожалуй — злобы. А может, и смеха, кто его знает. Может быть, он внутренне хохочет, и даже не столько над королём, сколько над егерями, у коих мало того, что работа пыльная, так ведь ещё и языков не знают, бестолочи... А на кой мне ляд его подозревать? И в чём? Я сюда отдыхать прибыл. Славный малый, и дело знает, а что до языков — будем полагать, что у него такое хобби.

— Как тебя зовут, славный малый? — спросил Аристарх, вставая и нахлобучивая шлем.

— Дворецким, — ответил славный малый и снова удивленно шевельнул бровями.

— Не понял.

— Их Величества, Её Высочество и рыцари зовут меня Дворецким, а челядь — господином Дворецким, — подробнее объяснил тот.

— А имя у тебя есть?

— Есть. Моё имя — Дворецкий.

— Так... — Аристарх снова сел. — А как зовут короля?

— Его Величеством, — ответил Дворецкий. — Или Королём.

— Очень удобно, — серьёзно кивнул Аристарх. — А Её Величество зовут Её Величеством, или Королевой?

— Совершенно верно, рыцарь Аристарх.

— А принцессу зовут Её Высочеством, или Принцессой... — Дворецкий кивнул. — А как зовут рыцарей? С ними-то посложнее: их трое!

— Рыцарей зовут: Белый Рыцарь, Серый Рыцарь (правда, он любит, чтобы его называли Стальной Рыцарь) и Чёрный Рыцарь.

— А меня будут звать Рыцарем Аристархом? Неинтересно.

— Как пожелаете, рыцарь. Но, если мне будет позволено осведомиться...

— Осведомляйся.

— Быть может, «Н», — Дворецкий почтительно указал бровями на шлем, — означает «Непобедимый»? Весьма неплохое имя и, по всей видимости, соответствует. — Он очень вежливо поклонился, и опять Аристарху почудился двусмысленный просверк из-под бровей.

— Соответствует. — Аристарх благосклонно покивал. — Но я намерен отдыхать, а не отстаивать моё реноме перед любым забиякой, который вздумает усомниться.

Дворецкий внимал — неподвижно и без выражений на лице.

— Я не люблю доказывать очевидное, — изрёк Аристарх.

Дворецкий внимал.

«Отпустить его, что ли?» — подумал Аристарх и покосился на кубок.

— Глоток сухого? — немедленно предложил Дворецкий.

Аристарх кивнул — Дворецкий двинул бровью — чьи-то ловкие руки наполнили кубок и поднесли.

Глоток сухого оказался кстати.

— Люблю иметь дело с профессионалами, — сообщил Аристарх, возвращая кубок в те же ловкие руки, и Дворецкий учтиво наклонил голову. — Поэтому, — продолжил Аристарх, — вопрос о моём имени я обсужу с церемониймейстером. И немедленно... Доспехи! Коня! Проводника!

Суета облачения оказалась не столь уж долгой, а разговор с церемониймейстером — и того короче. Спустя полчаса Новый Рыцарь был уже в седле и принимал из рук Дворецкого свой роскошный плащ.

— И последнее, Новый Рыцарь! — озабоченно вещал снизу сухонький вёрткий церемониймейстер, которого звали почему-то не Церемониймейстер, а мсье Этикет. — Кроме имён у рыцарей должны быть псевдонимы. Не все считают это обязательным, но...

— И какие же псевдонимы у этих трёх? — осведомился Новый Рыцарь.

— Рыцарь Дня, Рыцарь Сумерек и Рыцарь Ночи! — торжественно изрёк мсье Этикет.

— Да, кажется, полный набор, — усмехнулся Аристарх, застегнув, наконец, на груди

золочёную пряжку и расправляя складки алого атласного плаща. — Полный набор... — пробормотал он, в последний раз проверяя оружие. Заряженный арбалет — на луке седла, копьё на упоре, двуручный меч легко скользит в ножнах, кинжал милосердия пристёгнут к панцирю справа. — Ну, хорошо, мсье Этикет, это мы обсудим потом! — Он тронул повод, и верный конь Багряк огненно-рыжей масти скорой рысью помчал его к воротам.

Проводник, беловолосый парень из простолюдинов с унылым длинным лицом, ждал за оградой парка. Он был в чистой холщовой рубахе и таких же штанах, он восседал на коротконогой пегой лошадке, и под правой рукой у него, в простых верёвочных петлях, привязанных к плохонькому седлу, покачивалась дубинка. Увесистая дубинка. Крепкая. По всей длине отполированная — может быть, от нечего делать, а может быть, от частого употребления.

— Люблю профессионалов! — сказал Аристарх и улыбнулся парню, забыв, что лицо его закрыто забралом. — А тебя, конечно, зовут Проводник?

— Меня зовут Долг, благородный рыцарь, — уныло сообщил проводник, приноравливая бег своей лошадки к размашистой рыси Багряка.

— Это потому, что ты всегда в долгах? — догадался Аристарх.

— Нет, благородный рыцарь. Это потому, что я — долгий. То есть длинный. — Парень чуть скособочился в седле и чиркнул босой пяткой пыль под копытами лошадки.

Некоторое время они ехали молча.

— Если вы, благородный рыцарь, желаете встретить охотников, — сказал, наконец, Долг, — то спешить некуда. Мы их на выходе из Живого ущелья подождём. Быстро ехать — дольше ждать, — пояснил он. — В само ущелье соваться не стоит, пока охота не кончится, ещё под стрелу попадём. Вам-то ничего, у вас доспехи стальные...

— Мы не поедем к Живому ущелью, — сказал Аристарх.

— Как прикажете.

Аристарх повернул к нему голову и поднял забрало. Проводник уныло смотрел вперёд.

— Мы поедем к Мёртвому ущелью, — сообщил Аристарх.

Долг равнодушно кивнул.

— Просто так поглазеть, или биться будете? — осведомился он, по-прежнему глядя перед собой.

— А есть с кем?

— Будет, — пообещал Долг.

***

Чёрный Замок не довлел над Мёртвым ущельем. Он составлял с ним одно целое. Отвесный от самого дна скальный монолит поднимался вертикальными, как занавес, складками к небу и неприметно для глаза переходил в стены и башни замка. Противоположная стена была столь же отвесной и скрупулёзно повторяла каждый изгиб монолита. Это наводило на жутковатую мысль о том, что стены ущелья могут в любой миг сомкнуться, расплющив Нового Рыцаря в тонкий жестяной блин, и как ни в чём не бывало разойтись снова. «Приключения тела» ... Угловатые глыбы, усеявшие дно, конечно, тоже будут стёрты в порошок, а на их место с грохотом обрушатся новые.

Это мрачное предположение опровергалось многочисленными предшественниками Нового Рыцаря: их некогда крепкие латы местами проржавели насквозь, но были ничуть не измяты. Предшественники даже не падали сверху — они погибали загадочной смертью здесь, зачастую не успев обнажить оружие... Новый Рыцарь выволок из ножен свой меч и удвоил бдительность. Забрала мёртвых рыцарей были надвинуты — он предусмотрительно поднял своё. Увидев, что меч одного из мертвецов основательно запутан в истлевшей бархатной тряпке, Аристарх поспешно расстегнул пряжку своего плаща и окликнул Долга. Тот неслышными скачками перепархивал с глыбы на глыбу, тогда как тяжеловооружённому Новому Рыцарю приходилось то и дело протискиваться между — и при этом поглядывать под ноги, чтобы не наступить на останки.

— Держи! — крикнул он, едва Долг, вернувшись двумя прыжками назад, остановился над ним, и, скомкав плащ, метнул его парню. — Вернёшь после битвы!

Он малость промахнулся, но проводник успел поймать плащ концом своей длинной дубинки.

— Ладно, — сказал Долг, с интересом разглядывая пряжку. — А если... — он не договорил, но Аристарх понял.

— Тогда оставишь себе.

— Спасибо, — серьёзно сказал Долг. — Золото? — спросил он.

— Позолота, — усмехнулся Аристарх. — Э! — воскликнул он, увидев, что парень оторвал пряжку от плаща. — Это ещё зачем? Я ведь пока что живой!

— Пускай тут полежит, — невозмутимо ответил Долг, нагнулся и положил пряжку на глыбу. — Я место запомнил, на обратном пути подам. Надо будет — пришью.

— Значит, обратный путь не исключён?

— Всякое может быть... — Долг пожал плечами и перепоясался скрученным в жгут плащом.

— Ты меня обнадёжил, — сказал Аристарх. — Ладно, веди дальше.

И Долг повёл рыцаря дальше, легко перескакивая с глыбы на глыбу, поигрывая дубинкой и время от времени останавливаясь, чтобы подождать закованного в железо искателя приключений (тела).

Каменных глыб на пути Аристарха становилось всё меньше, скоро их не стало совсем, и, уже беспрепятственно шагая вслед за проводником, Аристарх обратил внимание на то, что ни один из рыцарей здесь уже не лежал поперёк дороги. Все они здесь либо валялись аккуратными кучками железного лома вдоль стен, либо были прислонены к стенам. Сквозь проеденные ржавчиной дыры в доспехах белели кости.

— Вот она, — сказал наконец Долг, остановился и указал дубинкой на скальный монолит справа.

В монолите была идеально круглая чёрная дыра диаметром чуть более пяти футов. Она уходила куда-то под основание Замка, и нижний край её был на уровне груди Аристарха.

А в двух шагах от дыры был прислонён к стене последний из предшественников Нового Рыцаря. Ржавчина почти не тронула его стальных лат. Ещё не истлел, но уже выцвел когда-то зелёный бархатный плащ. Блёкло-жёлтые перья на шлеме чуть пошевеливались от сквознячка из драконьей дыры.

Аристарх не видел, опущено ли забрало рыцаря: тот был прислонён к стене лбом. И поднятые над головой руки его тоже упирались железными локтями и кулаками в стену. Можно было подумать, что он сам на мгновение принял эту странную позу — перевести дух и снова ринуться в схватку. Вполне можно было бы так подумать, если бы не его меч. Рыцарь держал его так, будто намеревался рассечь скалу, но в последний миг передумал и успел повернуть клинок плашмя. Вертикально занесённое стальное полотнище, не потерявшее грозного блеска, со скрипом покачивалось в двух пальцах от стены...

— Спит, — сказал за спиной Нового Рыцаря Долг.

— Да ну? — удивился Аристарх, но вспомнил, что ведь это же сказка, подошёл к Спящему Рыцарю, возложил руку ему на плечо и тряхнул. И едва успел уклониться, когда Спящий нанёс удар.

— Дракон спит, — уточнил Долг, едва затихло, многократно отразившись от стен ущелья, эхо железного грохота.

— Я уже понял, — сказал Аристарх, глядя на груду останков. Левая рука Спящего была неестественно вывернута назад в плечевом суставе, а правая, всё ещё сжимавшая меч, обломилась и была придавлена рухнувшим на неё панцирем. Торчали кости. Сквознячок пошевеливал блёкло-жёлтые перья на шлеме, венчавшем груду.

Новый Рыцарь вложил в ножны свой меч, присел и, расправив складки выцветшего плаща, накрыл им останки. Отошёл на два шага, снова обнажил меч и отсалютовал павшему. Пусть даже придуманный кем-то, он всё-таки был бойцом. У них так принято. И вообще. Вон, даже Багряк понимает — заржал. Да так тонко, так жалобно, что здесь слыхать, хотя до столетнего вяза перед ущельем, где они с Долгом привязали коней, почти полмили.

— Проснулся, — сообщил Долг. — Они его первыми чуют. Если решили биться...

— Тебе не хочется отойти немного подальше? — перебил его Новый Рыцарь, поспешно занимая позицию напротив дыры. — Ты меня очень обяжешь, Долг, если освободишь от необходимости думать ещё и о тебе во время схватки.

— Вот все вы так, — обиженно сказал парень, но отошёл. На три шага.

— И на том спасибо, — усмехнулся Новый Рыцарь.

Позиция была невыгодной, но честной. Пять шагов до стены впереди, пять шагов до стены позади, справа — почти неограниченный оперативный простор, слева по стойке «слишком вольно» маячит парень. Потекли минуты. Багряк, почти не переставая, ржал, а из дыры, приближаясь и нарастая, толчками стал выплёскиваться медный утробный рык.

Ущелье содрогалось множественным эхом, парень уже сидел на корточках, зажимая уши ладонями, и Новому Рыцарю тоже было немного не по себе; он почему-то с трудом сохранял равновесие. Потом он увидел, как шевельнулись останки под выцветшим бархатом, словно груда костей и железного лома пыталась встать. Обломившаяся рука начала сгибаться в локте, медленно поднимая меч, и — швырнула его на стену... Нет: ударила мечом в стену! Тоже нет: меч, волоча за собой руку, скользнул к стене и прилип плашмя, а из пустого железного рукава посыпались кости... Теперь понятно, почему они все аккуратно лежат и стоят вдоль стен. И понятно, зачем парень оторвал пряжку: боялся, что она тоже железная. И вот отчего так трудно сохранять равновесие в железных доспехах...

Он чуть не прозевал появление Дракона. Бронированная зелёная морда высунулась из дыры, повела вокруг налитыми кровью глазами, увидела рыцаря и немедленно плюнула в него огненным сгустком. Новый Рыцарь шагнул в сторону, стараясь держаться середины ущелья: только здесь, на осевой линии, можно было надеяться нанести удар. Первый и, скорее всего, последний... Дракон, не спеша, вылез весь и, непрерывно ревя на низкой оглушающей ноте, стал приближаться, поочередно занося когтистые лапы.

На широко расставленных ногах Аристарх мелкими шажками отступал вдоль ущелья, выгадывая расстояние для прыжка и манёвра. Дракон продолжал реветь, полз, низко пригибая голову, следом и время от времени прицельно плевался. Пламя с шелестящим воем ширкало то справа, то слева по шлему рыцаря, и ему пришлось опустить забрало. Мельком он увидел, что Долг уже стоит на ногах и через голову Дракона подает какие-то знаки. Ох, не мешался б ты, парень!.. Аристарх двумя руками осторожно занёс меч над головой и за спину. (Его тоже приходилось удерживать в равновесном положении между магнитными стенами, и это было непросто). «Давай-давай! Ближе!» — неслышно за рёвом Дракона орал рыцарь. Он уже видел свой манёвр. Это будет так: разбег, прыжок, стальным ботинком по лбу (а меч уже над головой) и — удар с поворотом поперёк шеи... Ни за что не получится! И не получилось бы, но вмешался Долг.

Новый Рыцарь увидел, как поднялась и опустилась дубинка (по хребту он его, что ли?), Дракон изумлённо оглянулся, открыв шею, и Аристарх прыгнул.

***

Превосходно, Савва! Просто превосходно, и я очень благодарен тебе за идею, но ты мне мешаешь. Я ещё не налюбовался. Голову я ему, разумеется, снёс: только ударом меча (и только одним ударом меча!) можно сделать такой ровный срез. Голова, надо полагать, валяется где-то поблизости, но смотровые щели в моём забрале до того неудобны... а шлем почему-то не поворачивается... Что? Башка трещит, ничего не слышу! Да, очень натуралистично, и масса отвлекающих обстоятельств. И, действительно, совсем не приходится думать — просто некогда. Ты гений, Савва, я... Не надо так орать, у меня голова болит от твоего ора. Ты дурак, Савва, откуда здесь цитрамон? Это же сказка! В ней много чего есть: рыцари, замки, драконы... одного я уже убил, а мой гид смылся куда-то — стирать штаны, наверное... короли и принцессы, прекрасные невидимки по ночам (но тебя это не касается), кажется, даже говорящие мыши и... и другие мыши, тоже говорящие. Но их я ещё не видел... Сказка! В ней всё есть. Кроме цитрамона. И шлем заело, я бы всё равно не смог его проглотить. Таблетку проглотить, а не шлем! До чего же ты всё-таки глуп, Савва, так бы и врезал...

Аристарх попытался продемонстрировать, как бы он ему врезал, и обнаружил, что не может этого сделать. Ничего не может: ни врезать, ни продемонстрировать, потому что заело не только шлем. Весь панцирь заело, и ни рукой, ни ногой... Дракон валяется обезглавленный, чёрной кровищи из него натекло по щиколотки, если не больше, а Новый Рыцарь как влип со всего маху в стену, так и висит, распятый. И останки Спящего напротив тоже прилипли к стене... Ага. Вот оно как тут. Убить Дракона — не штука, штука — выбраться из западни. То есть, думать опять же некогда, надо искать выход из магнитной ловушки. А тут ещё Савва со своей телепатемой — стряслось у него что-то на Объекте, запаниковал... Сдал Савва Ф. за последние годы, сильно сдал. С апреля 85-го ни одного спокойного отпуска у Аристарха не было, Савва его везде доставал. Хоть ищи другого заместителя...

— Савва! — протелепатировал Аристарх.

— Ну, Ты спишь, Аристарх, завидую! Давно Ты так не спал, в мезозое, кажется, последний раз. Помнишь нижний мел, когда мы...

— Помню. Я, Савва, никогда не забываю своих ошибок — не то, что некоторые. Зачем вызывал?

— Небольшая сводка, шеф.

— Я в отпуске.

— Шеф, только по самым важным пунктам! Я же не всё могу взять на себя, и потом, Ты сам говорил...

— К сожалению, ты прав. Я действительно имел глупость пообещать тебе интеллектуальную помощь. Давай — но по самым важным.

— Разумеется, шеф... Кольский прокол. Они вот-вот разменяют пятнадцатый километр!

— Ну и что?

— То есть, как? Они же могут наткнуться на...

— Не наткнутся. Вовремя корректируй отклонение от вертикали — вот и всё, что от тебя требуется.

— Схвачено, шеф! Далее: экологическая напряжёнка вплоть до возможных катастроф на следующих точках... так. Минутку... А, вот они! Кемерово, химзаводы. Томские нефте- и радиохим. Тюменские промыслы. Ямал — тундровые почвы. Газопровод...

— Стоп! Всё — по Западной Сибири?

— Да, шеф, и очень густо. Именно поэтому...

— Там всегда напряжёнка, не обращай внимания. Дальше.

— Дальше, так дальше... Ближний Восток. Они таки сворачивают экспансию и начинают вывод ограниченного контингента.

— Наконец-то!

— Хм-м?..

— Радоваться надо, Савва, а ты хмыкаешь.

— Кое-кто из наших информаторов придерживается несколько иного мнения, шеф, и, как мне представляется...

— Дело информаторов — поставлять факты, а не составлять мнения! Пусть каждый занимается своим делом, Савва. Дальше.

— Открыта высокотемпературная сверхпроводимость.

— Вот как? Рановато... Ну, да авось не догадаются, что с нею делать. Однако, шустры... Ладно, Я с ними. Дальше.

— Последнее, шеф. Только что заслан в набор «Антихрист». На русском языке.

— Не понял.

— Ну, Ницше, «Антихрист»! На русском языке, что страннее всего. Они назвали его «Антихристианин», поэтому я даже не сразу обратил внима...

— В «Посеве», что ли?

— Если бы. В «Политиздате»! И тираж — двести тысяч!

— Действительно, странно. И не вполне предсказуемо... А, впрочем, пускай, это их дело. Всё?

— По самым важным — всё.

— Ну, всё, так всё. Ты один в кабинете?

— Да, шеф.

— Тогда вот что... Ты бездельник, Савва! Ты халтурщик и бездарь! Ты имитируешь бурную деятельность, разменяваясь по мелочам! Ты подражаешь далеко не лучшим экземплярам с Объекта! Если Я вернусь и обнаружу, что ты занимаешься цензурой русскоязычных изданий, а не философской стратегией, Я вкачу тебе выговор! Я разнесу тебя при подчинённых! Я припомню тебе Моисея! Я припомню тебе Зороастра и Джугашвили! Я припомню тебе Баварский эксперимент и кодекс Хаммурапи! Я тебе всё припомню, Савва Ф.! Ты Меня понял?

— Понял, шеф. Исправлюсь. Уже исправляюсь. Может, посоветовать им издать в Москве полный текст «Несвоевременных размышлений»?

— Ничего ты не понял... А что за «Несвоевременные мысли»? Пешкова, что ли?

— Да нет, зачем же Горького... То есть, можно, конечно, и Горького, если Ты так настаиваешь. Но я имел в виду Ницше. «Несвоевременные размышления».

— А-а... Рано. И вообще, занимайся делом, Савва!

— Делом я, Аристарх, тоже займусь. Я знаю, что Ты называешь делом, и я с Тобой полностью солидарен. Но Ты же никаких указаний мне не оставил! Ты же всё в уме держишь. У Тебя раздутый штат секретарей, и ни одна из них ничего не знает. Они даже не знают, что Объект в запущенном состоянии. В ужасном! Я целых три дня убил на ревизию только северной части Восточного полушария, и у меня уже лысина дыбом, я уже просто боюсь продолжать, мне страшно подумать: а что я обнаружу в других...

— Не преувеличивай, Савва. Два дня, а не три.

— Три, Аристарх. Как Ты свят, три! Я могу расписать их по часам своей ревизии. По минутам!

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что впервые после мезозоя Ты не замечаешь, как летит время в отпуске, и что я, Твой старый друг и соратник, очень рад за Тебя, несмотря на полный бардак, который Ты мне оставил. Помнится...

— Ну, хватит, Савва! Хватит поминать Мне мезозой. Я уже миллионы раз благодарил тебя за твою помощь. Извини, за твою БЕСКОРЫСТНУЮ помощь!.. И столько же раз Я говорил тебе, что вполне можно было обойтись без той чудовищной резни, которую ты учинил.

— Без радикального хирургического вмешательства, шеф, нам пришлось бы снова терять миллионы лет на...

— Ты слишком буквально понимаешь эти слова, Савва: «хирургическое вмешательство». А у Меня до сих пор перед глазами твои скотомогильники... Ладно. Это бесконечный спор. И бессмысленный: мезозой прошёл и никогда не повторится. Динозавров нет и уже не будет. Ни мирно отсохшие, ни радикально обрубленные ветви эволюции не оживут. К счастью... У тебя есть ко Мне ещё что-нибудь?

— Больше ничего, Аристарх. Разве что вот...

— Ну?

— Да вот, глянуть бы на неё хоть краешком глаза, а?

— На кого?

— На ту, с которой время летит так незаметно!

— Ты пошляк, Савва Ф. Пока.

— Приятного отдыха, шеф! Хе-хе-с...

***

Три дня и три ночи Новый Рыцарь, скованный посмертными чарами чудовища, провисел в Мёртвом ущелье под Чёрным Замком, в каких-то полутора футах от каменистого дна, залитого драконьей кровью, неописуемо страдая от голода, жажды и скуки. Правда, первые сутки он, как выяснилось, провисел в беспамятстве, будучи крепко ушиблен затылком о сте-

ну. Единственным его развлечением к исходу второго дня было — любоваться собственной работой, проделанной быстро, точно и не без изящества. Но утром третьего дня зрелище обезглавленной драконьей туши уже не доставляло рыцарю ни радости, ни удовольствия.

Мало того, что мастерски отсечённую голову он так и не смог увидеть, как ни корячился внутри своего стального карцера. Мало того, что старый мудрый ворон, усевшись на виду у победителя, долго смотрел на него, склоняя голову то вправо, то влево, а потом, досадливо каркнув, покинул ущелье и, судя по крикам, увёл за собой всю стаю. (Драконьего мяса сей трупоед даже не отпробовал и соплеменикам не предложил, провидя летальный исход пиршества). Самым неприятным было то, что драконья кровь к полудню третьего дня начала разлагаться, затопляя ущелье непереносимым смрадом.

Только ночью — это была уже третья ночь, — в темноте и прохладе рыцарь смог, наконец, перевести дух и попробовал дышать носом.

Наверное, хватит, подумал он, царапнув сухим языком потрескавшиеся губы. Уж очень однообразно. До утра ещё потерплю, а утром, если снова ничего не произойдёт, придётся умереть и покинуть эту негостеприимную сказку...

Во сне (на этот раз ему приснился сон) он, как в первую ночь наяву, обнимал прекрасную Невидимку, и зарывался лицом в её душистые волосы, и гладил её горячие бёдра, шелковистые до чрезвычайности, и долго не хотел просыпаться, когда его довольно-таки бесцеремонно отделили от стены и уронили на дно ущелья.

— Наконец-то! — сказал Аристарх, открывая глаза и видя над собой угрюмые башни Замка на фоне голубой и весёлой полоски неба. Он попытался поднять ослабевшую руку и не смог.

— Эй! — позвал он. — Кто бы ты ни был! Не будешь ли ты так добр снять с меня всё это железо? И глоток хоть чего-нибудь... — Просьбу эту он обратил в пространство над собой, ещё никого не видя, но справедливо полагая, что кто-то же есть рядом.

— Молодой человек! — услышал он чей-то напряженный голос и, с трудом повернув голову, понял, что голос доносится из драконьей дыры. — Молодой человек, вы уже очнулись?

— Да, — сказал Аристарх и только теперь обнаружил, что не говорит, а едва шепчет. — Да! — крикнул он, собрав все свои человеческие силы.

— Имейте в виду: я вас плохо слышу! — сказала дыра всё с тем же болезненным напряжением в голосе. — Фляга с вином должна быть где-то рядом с вами. Напейтесь и немедленно снимайте с себя всё железное. И, пожалуйста, побыстрее: я тут долго не выдержу!

Флягу Аристарх, наконец, нашёл: она лежала под самой стеной, — но дотянуться до неё он смог не сразу. Вино оказалось горьким и, пожалуй, чрезмерно крепким. Оно обожгло гортань, зато придало сил. И всё же, разоблачался он невыносимо долго, под нетерпеливые и всё более страдальческие понукания незнакомца, который почему-то не мог помочь ему, а вместо этого был вынужден сидеть в дыре.

Нательное бельё на рыцаре провоняло потом (увы, не только потом: всё-таки, трое суток без движения, в тесном карцере, в котором даже параши не было), и он с отвращением стал освобождаться от него. Усталости Аристарх уже не чувствовал, но вернулась боль. Он едва удержался от стона, отдирая затвердевшие от сукровицы пласты фланели, присохшие к синякам на спине и плечах. Пришлось ещё раз приложиться к фляге.

— Ну скоро ли вы там? — с совершеннейшим уже страданием в голосе спросила дыра, и Новый Рыцарь заторопился.

— Уже! — крикнул он, поспешно сдирая с себя некое подобие кальсон с нашитыми на них толстыми, тройной кожи, наколенниками. — Вылезай, добрый человек, я готов! Он подхватил флягу, ещё раз глотнул, отпихнул к стене валявшиеся рядом стальные поножи и быстро огляделся. Его роскошного алого плаща нигде не усматривалось (Аристарх, впрочем, тут же вспомнил, что сам завещал его Долгу), и, немного поколебавшись, он шагнул к останкам Спящего Рыцаря. Прости, коллега, но мне твой плащ нужнее, чем тебе! Он выдернул

линялый бархат из-под упавшего на него меча — и вовремя: вдоль ущелья пронёсся множественный лязг, и всё железное снова намертво влипло в стены.

Задрапировавшись, Аристарх присел на корточки напротив дыры, прислонился спиной и затылком к стене и стал терпеливо ждать своего спасителя, то и дело прикладываясь к фляге и веселея с каждым глотком. Чудодейственного напитка оставалось глотка на три, не больше, когда он решил наконец, что каникулы его начались великолепно, а перспективы наверняка радужны. В первое же утро убил Дракона, через три дня спасся сам, теперь остается лишь выяснить, где и как отыскать Невидимку и так ли уж обязательно жениться на Принцессе...

Спаситель появился вполне неожиданно. Это был небольшого росточка старик (он мог бы идти в драконьей дыре, не пригибаясь), босой, в таком же, как у Аристарха, линялом бархатном плаще с чужого рыцарского плеча, длиннобородый и совершенно седой. Его мучила одышка и крючила сильная боль — по-видимому, сердечный приступ. Согнувшись, прижимая обе ладони к груди, он доковылял до края дыры и остановился, не то не желая, не то не решаясь спрыгнуть. Помощь Аристарха, подбежавшего было и протянувшего ему руки, старик слабым жестом отверг и с таким же жестом пресёк его благодарственные излияния.

— Пустое, молодой человек, пустое! — проговорил он, едва ворочая языком, и с кряхтеньем уселся, свесив в ущелье сухонькие, в варикозных узлах и прожилках, икры. Боль постепенно отпускала его, он удивлённо покачивал головой, разглядывая Аристарха, и улыбка не то сочувствия, не то упрёка обозначилась морщинками в уголках его пронзительных глаз.

— Сколько злобы! — воскликнул он неожиданно ясным голосом. — Вы не представляете себе, молодой человек, сколько злобы таится даже в добрейших из нас! Впрочем, вам это ещё предстоит узнать, и очень скоро...

— Я это уже знаю, — скромно сказал Аристарх.

— Даже так? — удивился старик. — Что ж, тогда я тем более восхищён вашей... — Он пожевал губами, подыскивая слово. — Вашей решительностью, — закончил он, отвёл глаза и хмыкнул. Видимо слово было, всё-таки, не совсем то.

— Моей самонадеянностью, — уточнил Аристарх. — Ты это хотел сказать?

— Ведь не сказал же! — с улыбкой, но испуганно возразил старик.

— Ну и зря, — успокоил его Аристарх. — Я действительно самонадеян... Прости, я почти не оставил тебе вина.

— И не надо было ничего оставлять, допейте сами! — быстро сказал старик. — Допейте, допейте. Оно не пьянит, оно лишь веселит и лечит... Вот так, и правильно, а флягу давайте сюда, она мне ещё пригодится.

— Спасибо тебе, добрый человек, — сказал Аристарх, возвращая пустую флягу. — И давай поскорее уйдём отсюда. Вонь ужасная! — он кивнул на драконью тушу.

— Да-да, я сейчас уйду. — Старик засуетился, торопливо привязывая флягу к поясу. — Сейчас... А к вони вы быстро привыкнете, уверяю вас. К тому же, воняет лишь здесь, в ущелье, а там, наверху, в вашем Замке, воздух удивительно чист — почти как у меня в берлоге. Не хватает лишь запаха трав, лиственной прели, смолы. Запахов жизни... И сердце поначалу будет болеть...

— Как ты сказал? В моём Замке? — переспросил Аристарх. — Почему это — в моём? С каких это пор он мой?

— А чей же? — удивился старик. — Ведь вы — Рыцарь Зари?

— Нет, — сказал Аристарх. — Я — Новый Рыцарь.

— Ну да, ну правильно! Новый Рыцарь, он же Рыцарь Зари, победитель Дракона. Значит, это всё-таки вы.

— Ну и что же? — возмутился Рыцарь Зари, он же Новый Рыцарь. — Почему это победитель Дракона должен обязательно...

— Не продолжайте! — воскликнул старик, вскинув сухие ладошки и уже без улыбки сочувственно глядя на Аристарха. — Не продолжайте, я всё понял.

— Что ты понял, старик?

— Всё! Или почти всё. Вы убили Дракона, но вы не намерены занимать Чёрный Замок. Так?

— Конечно. — Новый Рыцарь высокомерно улыбнулся и дёрнул плечом. — С какой стати?

— «Конечно»... — Старик горестно покивал и сцепил пальцы рук на животе. — Тогда я вам расскажу, что будет дальше. Слушайте. Вас попытаются силой водворить в Чёрный Замок — дабы было кого бояться, кем пугать и наказывать. Попытаются, но, конечно, не смогут, ибо вы сильны, отважны и благородны, у вас большое доброе сердце, и вы искренне и чисто ненавидите зло в любых его проявлениях. И вы, конечно, попытаетесь поднять до высот своей чистой ненависти самых отчаянных и несчастных. С их помощью вы сровняете Чёрный Замок с землёй и забросаете Мёртвое ущелье обломками ненавистных вам стен... Может быть, вы даже успеете умереть, не обнаружив зла в своём большом добром сердце, и оно ни разу не заболит, не сожмётся от страха и жалости к тем, кого вы насильно освободили. И вполне вероятно, что вы ещё долго, очень долго будете оставаться светлой легендой, непревзойдённым образцом доброты и человечности...

— Кончай, старик! — поморщился Аристарх. — Я тоже всё понял, или почти всё. Ты, конечно же, местный провидец, вещун, или как тебя там... Я видел много таких, как ты, старик, и я давно знаю цену вашим пророчествам. Особенно тем из них, что были изречены и услышаны.

— Я, собственно, и не надеялся, что вы поверите мне... — смиренно сказал вещун.

— Почему же, я верю, — усмехнулся Аристарх. — Ты говоришь правду — мне ли не знать это. Но правда о будущем никогда не сбывается, старик! Сбывается ложь. Пророки становятся мучениками, а мученики — пророками. Ты не боишься стать пророком в НАЧАЛЕ сказки?

— Нет, не боюсь, — грустно сказал старик. — Сказка уже закончилась, потому что Дракон убит. А новая не начнётся, пока Замок Дракона пуст.

— Ну, это мы ещё посмотрим! — заявил Аристарх. — В конце концов, это одна из моих профессий: нарушать жанровые каноны и находить изъяны в утопиях. Давай поищем вместе — это небезынтересно... И, может быть, ты скажешь мне, наконец, как тебя звать?

— Вы не просто добрый человек, — изумлённо констатировал всё ещё безымянный вещун. — Вы — безответственно добрый человек. Вдумайтесь: активное, но безответственное добро! Что может быть страшнее безответственной активности?

— Например, ответственная пассивность, — предложил Аристарх, — она же пассивная ответственность.

— Очень спорное утверждение! — немедленно возразил старик. — Меня зовут Средоточием Мудрости, — спохватился он.

— Спорное, зато привлекательное! — в тон ему ответствовал Аристарх. — А нет ли у тебя имени покороче?

— Ну, тогда зовите Отшельником. Меня здесь многие так... Бойтесь!

— Кого, тебя? — удивился было Аристарх, но увидел, что старик смотрит вверх, и тоже задрал голову.

Что-то большое и чёрное — как вороново крыло, но гораздо больше — махнуло и скрылось за краем синей полоски неба, напротив Замка, а потом Аристарх инстинктивно присел и закрылся рукой, увидев стремительно падающую прямо на него блестящую точку. В дюжине футов от его головы копьё резко вильнуло в сторону, с коротким лязгом ударилось о скалу, обдав Аристарха фонтанчиком щебня и каменной пыли, и осталось там, над самой дырой... Большое рыцарское копьё с перекалённым до голубого блеска жалом и с чёрным тяжёлым древком, слегка надломившимся от удара.

— Ну вот, — удовлетворённо сказал Аристарх, промаргивая запорошенные глаза. — А ты говоришь, сказка кончилась. Она только начинается!

***

Аристарх услышал тревожное ржание и присел, вглядываясь.

Из-за этой луны ничего не видать! Слишком щедро рассыпаны искры холодного света на листве, на траве, на зернистых боках валунов, на капризных изломах знакомых неправиль-

ных линий... Он уже видел это гигантское «V», образованное как бы двумя молниями, ударившими в одну точку, — только не было раньше размытого тёплого пятна у основания буквы. Пятно шевелилось, дышало, тянулось вверх и опять приседало — жило. Оно было не отражением отражённого света, оно было само — свет... Оно было — костёр у входа в ущелье! Выходит, Новый Рыцарь просто завершил круг, обогнув скалу Чёрного Замка по часовой стрелке. И вот же он, старый вяз. Тот самый. Это из-под него заржали кони.

Неужели Багряк?

Нет, Багряка, конечно, не было под вязом, и коротконогой лошадки Долга, разумеется, тоже не было. Это были чужие кони, но хозяев троих из них — белого, сивого и вороного — Аристарх вычислил сразу. Они были заботливо укрыты белой, серой и чёрной попонами, белые, серые и черные ленты были вплетены в их гривы, соответствующих цветов перья покачивались над их благородно крутыми шеями. Кому принадлежали другие два, вряд ли имело значение. Ясно, что не рыцарям. Не бойцам.

Один из коней — каурый, приземистый, широкоспинный, стоявший особь от остальных, под широким и мягким (для непрофессионала) седлом, — был ближе всех к Аристарху. Он непрестанно всхрапывал и время от времени жалобно ржал. Неужто учуял коготь?..

Оказалось, однако, что коготь тут ни при чём.

Аристарх успокоил каурого конька, пошептав ему в ухо, извлёк из пасти забытые растяпой-хозяином удила. Каурка благодарно потёрся головой о линялый плащ и нагнулся к траве.

Задержавшись ещё немного в тени вяза и понаблюдав за костром, Аристарх убедился, что тревога, как это ни странно, не поднялась. Тогда он подобрал плащ и бесшумно скользнул через открытое лунному свету пространство к заросли у самого входа в ущелье. Рыцарская засада была теперь перед ним как на ладони. Стратеги. Даже не интересно.

Если они и ждали нападения, то лишь со стороны ущелья: туда были направлены все три арбалета, лежавшие под правой рукой у каждого из рыцарей, и там же торчала в расщелине меж двух каменных глыб голова часового. Пятого участника засады нигде не было видно, зато в часовом Аристарх с изумлением узнал своего недавнего проводника. А ведь, казалось бы, такой симпатичный паренёк... Ладно, разберёмся.

Для начала надо выманить одного из них и показать ему коготь. Просто показать и посмотреть, что будет дальше. Аристарх сунул руку под плащ, нашарил висевший у него на груди драконий коготь и сжал его в кулаке. Пальцы легли удобно и плотно, как на рукоять ножа... Нет, так, пожалуй, нельзя. Надо будет снять его с шеи и держать левой рукой за тесёмку. Напоказ, как мышку за хвостик. Давая понять, что в любой момент могу ухватить правой — и... Но ни в коем случае не хватать и не применять.

«Режет стальные панцири, как бумагу», — говорил Отшельник, вручая его Аристарху. Гм. Что-то ни одного разрезанного панциря в ущелье не попадалось. А выбираться из подвалов Чёрного Замка и проверять было уже недосуг. Да и опасно было уже высовываться из дыры: сверху на драконью тушу стали сбрасывать камни... Вот булыжники драконий коготь крошит в пыль, это Аристарх знает. Допустим, что и панцири тоже. Сказка же ведь.

Зато следующее предупреждение Отшельника даже и сказочной логикой объяснить было трудно: «Ни в коем случае не применяйте в рукопашной. Достаточно просто показать...» — «И что будет?» — спросил Новый Рыцарь. Но тут старика опять схватило, да так, что на этот раз он потерял сознание. Очнулся он только в лесу, по ту сторону скалы. Хорошо, что потайной выход в Живое ущелье был уже близок и рыцарь не потерял направление, волоча спутника хитрыми лазами и лестницами подвалов. Он волок его, обливаясь потом холодной безадресной ярости, до боли в сердце сдерживаясь, чтобы не выместить эту ярость и эту боль на беспомощном старике... Очнувшись, Отшельник, однако, никаких объяснений относительно неприменения когтя не дал, зато высказал ещё одно, совсем уже невыносимо загадочное соображение: «Клык был бы надёжнее во всех отношениях, но вы же сами видели...»

Он выговаривал эту загадку по слову и даже по букве, прижимая ладони к левой стороне груди, а Новый Рыцарь уже едва сдерживался. Ему нужна была ясность! Полная ясность —

до дна, до сути, до дважды два! Как же драться, и с кем же драться, и за что же драться, если нет полной ясности?!

А этот старик, этот сухой стручок, этот вещун-самоучка с безобразно-розовой бородой и с обрыдлой извиняющейся улыбкой пускает свои интеллигентские слюни и заплетающимся языком... Тут Аристарх увидел свой занесённый над стариком кулак с зажатым в нём когтем Дракона и, еле успев перехватить преступную руку своею же левой рукой, бросился бежать прочь от Отшельника, дабы найти для своей ярости другие, не столь позорные адреса. Вот это дерево, например, с красной, будто сочащейся кровью корой. Локтем его. И вот это. Плечом. И вот этот оранжевый камень, разлёгшийся на тропе. Когтем! Не врал старик: в крошки камень... А-а-а!.. А вот ногой не надо было, не обуты же ноги. В кровь, ну надо же... Спасибо тебе, коряга. Остыл. И плащ порвал. И заблудился. Зато небо уже опять голубое, а не буро-малиновое: остыл. Нельзя этот коготь держать в руке: мало ли что попадётся под разъярённую руку. Или — кто... А вот мы сейчас от плаща тесёмочку... трудно рвётся, хороший бархат, хоть и старый... и коготь — на шею.

А клыки — да, клыки Аристарх видел. То есть, видел он корни клыков, потому что самих клыков уже не было. Ни клыков, ни ушей, ни огнедышащей железы. Чистая прозекторская работа, профессиональная. И ведь это при том, что инструменты были наверняка медные, в самом лучшем случае — бронзовые... Кто-то основательно выпотрошил голову поверженного чудища не стальными скальпелем и ножовкой в первые же сутки после боя, пока Рыцарь Зари, победитель Дракона, без памяти висел на скале, примагниченный к стене ущелья.

Ну, ладно. Значит, клык был бы во всех отношениях надёжнее, а коготь менее надёжен, и поэтому его достаточно просто показать. Где логика? Хотя бы сказочная? Нет логики, и спросить не у кого. Придётся экспериментировать.

Для эксперимента он выбрал пятого участника засады, которого наконец-то обнаружил: тот неподвижно сидел по эту сторону костра, изредка подбрасывая сучья. Когда он повернулся за очередной охапкой, Аристарх разглядел его щекастую физиономию и понял, что рыцари устроились в засаде со всеми удобствами: пятым был не кто иной, как дворецкий по имени Дворецкий.

Сидели рыцари, видать, уже давно. Скучали. Задрёмывали. Белый время от времени икал, Серый поглядывал на него с неудовольствием, но сочувственно, а Чёрный, когда Белый икнул особенно гулко, сказал вполголоса: «Выпил бы ты вина, что ли. Икаешь, как простолюдин». — «Пить надо меньше», — не то возразил, не то упрекнул Серый. «Твоя правда», — непонятно с кем из них согласился Белый и снова икнул.

«Папаша меня в таких случаях по спине хлопал», — поразмыслив, сообщил Чёрный. «Помогало?» — сдавленным голосом осведомился Белый. «Когда как. Попробуем?» — и Чёрный занёс одетую в железо длань над железным же панцирем Белого. Они засмеялись вполголоса, отчего Белый разыкался ещё сильнее.

— Дворецкий, вина! — властным недовольным голосом потребовал Серый.

Дворецкий с достоинством поднялся и не спеша двинулся к заросли, в которой прятался Аристарх. Контровой свет костра чётко обрисовывал силуэт Дворецкого, а прямой лунный выявлял и серебрил детали его лица и одежды. Одет он был в походный вариант своей нелепо роскошной ливреи: чуть поменьше кружевных бантов, золотых позументов и пряжек, чуть потусклее цвета. Лицом же, и особенно щеками, присыпанными спереди лунной пудрой, он был похож на заважничавшее привидение в красном пляшущем ореоле.

В полутора шагах от Аристарха Дворецкий присел, совершенно скрывшись в тени кустов, и зашарил рукой по траве. Ухватить его за ворот, рвануть на себя, зажать рот рукой и — дёру! Новый Рыцарь осторожно раздвинул ветки и встретил немигающий взгляд Дворецкого. Тот сидел на корточках, левой рукой держа за горло объёмистую серебряную бутыль, а указательный палец правой прижимая к губам.

— Узнал меня, шельма? — шёпотом спросил Аристарх.

— Конечно, Новый Рыцарь, — шёпотом же ответствовал Дворецкий. — Я давно знаю, что вы здесь, да не было повода...

— Знаешь? — удивился Аристарх. — Ах, да. Язык ветра.

— Ветер, кони, листва... — Дворецкий улыбнулся. — Ночные птицы дважды кричали. Вы, наверное, не обратили внимания, а они кричали про вас... Это очень удачно, что вы появились не со стороны ущелья, — деловито продолжил он. — Теперь у них, — он кивнул на костёр, — не будет ни повода, ни оправдания для выстрела.

— Ты хочешь сказать, что я должен скрываться? — возмутился Новый Рыцарь.

— Ни в коем случае! Но и подкрадываться тоже не следует. Вам надлежит появиться открыто, как приличествует благородному рыцарю, и громко назвать себя.

Аристарх посмотрел на него внимательно.

— Кажется, тебе можно верить. Пошли. Появимся открыто, и ты громко назовёшь меня.

— О, позвольте мне уйти одному, Рыцарь Зари! — шёпотом взмолился Дворецкий. — Вы уже всё равно в безопасности, поскольку я вас предупредил, а мне...

— А ты будешь в безопасности только рядом со мной, — закончил Аристарх. — И по той же самой причине. Особенно, если мы появимся вместе. Пошли.

И они пошли. И Дворецкий ещё издалека громогласно представил Рыцаря Зари, победителя Дракона его (рыцаря) до зубов вооружённым коллегам, а коллеги, как могли, изобразили бурную радость по поводу славной победы и чудесного избавления Нового Рыцаря от неминуемой, как они полагали, смерти, до сих пор постигавшей всех, кто осмеливался выйти на поединок с Драконом в (смешно сказать!) железных доспехах и с оружием, выкованным пусть из самой лучшей, но стали. Золото и только золото могло быть гарантией если не победы, то, по крайней мере, спасения от чар чудовища. Неужели Новый Рыцарь не знал этого? Может быть, он подстерёг Дракона в подвалах Замка? Рыцарям доводилось слышать, что там, в подвалах, чары теряют силу, но они не очень-то верили этим слухам: мало ли о чём шепчется чернь...

— Нет, не в подвалах, — сказал Аристарх, усаживаясь поближе к костру, но не распахивая до времени плащ на груди. — Вы же видели: Дракон лежит посреди ущелья, напротив своей дыры... Ведь это ты, — он глянул на Чёрного Рыцаря, — бросил в него своё копьё?

— Я! — ответствовал тот, глядя в лицо Аристарха подозрительно честными глазами.

— Если бы наконечник твоего копья был золотой, ты бы не промахнулся, — сообщил Аристарх. — Ты бы раскроил мне голову.

В образовавшейся тишине стало слышно, как шевелятся перья на шлемах рыцарей. Чёрный Рыцарь переводил изумлённый взгляд с Аристарха на Серого и обратно, Серый, прищурясь, смотрел на Дворецкого, совершенно вдвинувшего свою бульдожью голову в плечи, а Белый, мелкими глотками тянувший вино из кубка, опять поперхнулся и заикал.

— Я же вас предупр... — проговорил он между двумя иками.

— Ты устал и голоден, Рыцарь Зари, — перебил Серый, забрал кубок, долил из бутыли и протянул Аристарху. — Выпей пока вина, это доброе вино, а Дворецкий сейчас принесёт мяса. — Он глянул на Дворецкого, и тот поспешно побежал выполнять повеление. — Поешь, — продолжал Серый, — наденешь его доспехи, — он с лязгом опустил руку на плечо Чёрного, и Чёрный стал с готовностью расстёгивать плащ. — Кажется, вы с ним почти одного роста?.. И мы вчетвером вернёмся во дворец Его Величества, отныне полновластного сюзерена этих мест. Если, конечно, ты не захочешь присоединиться к толпам бунтующей черни, чтобы стать ИХ королём. Ты победил Дракона, Рыцарь Зари, и ты волен теперь выбирать.

— Я всегда был волен выбирать, — заносчиво сказал Аристарх, принимая из рук Дворецкого холодную баранью лопатку. — И всегда буду.

— Это сразу видно, — согласился Серый, а Белый одобрительно икнул. Никак не проходила его икотка.

— А что до моего копья, дружище, — заговорил Чёрный, развязывая кожаные тесёмки панциря, — так откуда же мне было...

— Ты уж его извини, Новый Рыцарь, — опять перебил Серый. — Ведь он бросал копьё не в тебя, а в какого-то нищеброда, подбиравшегося к когтям Дракона. Тебя мы полагали мёртвым, а когти должны оставаться там.

— Превосходно, ребята! — Аристарх бросил в огонь обглоданную кость и залпом допил вино. — Я принимаю ваши извинения. И версия ваша мне тоже нравится. Логичная версия... Не надо снимать всё, приятель, — обратился он к Чёрному Рыцарю, — достаточно кирасы и плаща... Кстати, о версиях. «Что делает во-он там мой проводник?» —он протянул руку, указав на часового у входа в ущелье.

— Он был твоим проводником? — удивился Серый. — Вершок!

Долг, словно только и ждал оклика, выбрался из расщелины и засеменил на странно укоротившихся ножках к костру.

— Да ведь это не Долг! — сказал Аристарх.

— Их легко перепутать, если видишь только голову, — усмехнулся Серый. — Да будет тебе известно, что Долг верховодит бунтующей чернью. Об этом нам донёс его благоразумный брат, сохранивший верность Королю... Сними штаны и отдай их рыцарю! — приказал Серый благоразумному брату Долга. — И разряди арбалеты — мы возвращаемся.

«Пора!» — подумал Аристарх, едва арбалеты были разряжены. Есть такое вооружение: сеть и трезубец. Линялая бархатная тряпка заменит сеть, а без трезубца можно обойтись.

— Надень мой плащ! — великодушно предложил он подошедшему Вершку, встал, скинул с себя плащ Спящего и протянул его парню. Рука вспомнила, как его надо держать, а язык сам по себе отбарабанивал отвлекающие фразы:

— Правда, тот, что достался твоему брату, был поновее и пороскошнее, но и этот пока неплох...

— Спас... с-с... Ас!.. — произнёс Вершок и застыл с недопротянутой за плащом рукой.

— Да ты ещё и заика, благоразумный Вершок! — насмешливо проговаривал Аристарх, следя боковым зрением за реакцией остальных. — Никогда не видел голого рыцаря? Так давай скорее штаны, я оденусь…

Реакция остальных была любопытной.

С грохотом упала на землю кираса Чёрного Рыцаря, а сам он присел и зашарил руками по траве. С лязгом вскочил на ноги Белый, наконец-то переставший икать. Почти бесшумно отпрыгнул на шаг назад не потерявший самообладания Серый. Все пять пар остановившихся глаз (в том числе — коротышки-Вершка и присевшего в страхе Дворецкого) были прикованы к груди Аристарха. К Драконьему когтю, висевшему на его голой, в ещё свежих синяках и ссадинах, груди.

В следующее мгновение со звоном выпорхнули из ножен все три меча, и Аристарх сделал первое боевое движение сетью, успев подумать: а не опрометчиво ли он поступает, полагаясь на прочность этой старой линялой бархатной тряпки?

***

За неделю после возвращения Нового Рыцаря во дворец не произошло ничего существенного. Не изменился, по-видимому, даже распорядок жизни Короля и его присных, если не считать отмены под благовидным предлогом воскресных охот. Зато ежевечерне закатывались балы, которые Аристарх, как правило, игнорировал, предпочитая им общество кувшина с добрым старым вином и двух-трёх фолиантов с волшебными сказками из Королевской библиотеки. Дважды устраивались турниры. На первом из них победитель Дракона был зрителем, а во втором (когда были готовы его новые доспехи) принял участие. С лёгкостью он свалил на землю Белого и Серого рыцарей, а самолюбие Чёрного потешил, позволив ему трижды безрезультатно преломить тупое копьё о свой новый панцирь и лишь на четвёртый раз оглушив неизящным, но точным ударом щита по шлему.

Принцесса во время турнира вела себя непосредственно: подпрыгивала, свешивалась за барьер королевской ложи, дабы разглядеть вооружение рыцарей и продемонстрировать им хотя бы верхнюю часть своего туалета, и наградила Рыцаря Зари не только воздушным

поцелуем, но и собственноручно (как утверждала посланная ею фрейлина) вышитым платочком, предварительно и как бы украдкой приложившись к нему смеющимися губками.

Той же ночью платочек бесследно исчез из спальни Нового Рыцаря.

Вот и все события, если не считать таковыми: возобновившихся ночных свиданий с Невидимкой; намёков на полкоролевства, неоднократно и настоятельно произнесённых Его Величеством; и, наконец, начатых в непосредственной близости от дворца строительных работ: спешно возводилась безобразная по архитектурному решению, но прочная по замыслу крепостная стена. Специально для этого строительства Королём была учреждена должность Придворного Фортификатора, и принят был на эту должность некий дальний родственник Дворецкого — по протекции последнего, разумеется.

Настоящие события если и происходили, то где-то за пределами королевского дворца, а может быть, и за пределами королевства. Там сказка шла себе своим чередом, предуготовляя Рыцарю Зари новые приключения (тела). Пока же Аристарх развлекался беседами с Придворным Звездочётом (он же Чародей, он же Алхимик, он же просто Мудрец), единственным во дворце представителем научной интеллигенции.

Алхимическая лаборатория располагалась в высоких сводчатых подвалах одного из хозяйственных корпусов, который вскоре должен был оказаться за пределами крепостной стены. Там, в этих подвалах, чаще всего и происходили их неторопливые, окрашенные своеобразным юмором беседы, по нескольку раз прерываемые появлением посыльного из оружейных мастерских.

Дело в том, что одной из обязанностей Придворного Чародея было присутствовать при окончательной стадии выплавки булатной стали и при закалке каждого нового клинка. Потребность же в новых клинках неимоверно возросла, ибо армия бунтовщиков, предводительствуемая Долгом, судя по непрерывно поступающим сведениям лазутчиков, тоже активно вооружалась, используя в качестве арсенала Мёртвое ущелье. Одного за другим Долг загонял в драконью дыру своих ближайших сподвижников. И, пока армия Долга по цепочке передавала наружу отлипшие от стен мечи и доспехи, сподвижник либо умирал от сердечного приступа, либо становился непреклонным бойцом с твердокаменными убеждениями и сердцем, закалённым в огне классовой ненависти...

Мудрец, заслышав шаги посыльного, извинялся, извлекал из потайной ниши под вытяжным шкафом длинный, змеиной кожи, мешочек с чёрным колдовским порошком (обыкновенным углём, который он выжигал необыкновенным способом из причудливых исходных компонентов) и торопливо удалялся, загадав на прощанье очередную астрологическую головоломку. Например: «Каких деяний надлежит избегать особам королевской крови, если на исходе весны нижний рог молодого Месяца коснётся такой-то звезды в созвездии Льва?»

Оказывалось, что молодой Месяц может коснуться этой звезды лишь своим верхним рогом, и не на исходе весны, а ранней осенью или в конце лета; что происходит это не менее пятнадцати раз за столетие; и что никакой роли в определении судеб такие пустяки не играют, в силу их очевидной регулярности и предсказуемости. «Гадать по Луне, благородный рыцарь, это всё равно что гадать по башенным часам: можно предсказать начало обеда или окончание утренней церемонии одевания, но не более того. Совсем другое дело — эпициклы Сатурна или, скажем, Юпитера...»

Как ни странно, сии замысловатые загадки, простроенные по образцу «висит на гвозде и стреляет», доставляли удовольствие обоим. По разным причинам. Звездочёту нравилось демонстрировать свою осведомлённость на доступных уму благородного рыцаря примерах, Аристарх же находил небезынтересными параллели между причудливой учёностью сказочного Мудреца и не менее причудливыми путями человеческого познания.

Кратковременные отлучки Придворного Чародея к оружейникам позволили Аристарху более тесно ознакомиться с его алхимическим оборудованием и реактивами. Дважды он пытался самостоятельно воспроизвести опыты (а точнее будет, пожалуй, сказать: фокусы) Мудреца, но оба раза потерпел поражение, ибо руководствовался химическими, а не алхимическими законами. В третий раз его внимание привлекла колода магических карт, на которой,

увы, даже простенький пасьянс не сошёлся. Что поделаешь — сказка... Зато волшебный кубок оказался действительно волшебным и, по-видимому, никаких ограничений не имел. В умелых руках, разумеется. От вина же, сотворённого Аристархом, отчётливо попахивало серой и фосфором. Но пить его было можно, что он и проделал, не рискуя превращать вино обратно в воду и спешно заметая следы своего любопытства.

Более же всего заинтересовала рыцаря огнедышащая железА Дракона, препарированного, как выяснилось, самим Чародеем в первое же утро после славной победы. Клыки он, оказывается, отдал оружейникам на предмет изготовления из них наконечников для стрел, уши украшали стену пиршественного зала дворца, ибо ни на что иное не были пригодны, а железУ Мудрец оставил себе, дабы приспособить её к своему золотоплавильному горну. Вот уже годы и годы он искал надёжный способ изготовления оружейного золота, которое, обладая упругостью и твёрдостью булата, не прилипало бы намертво к стенам ущелья при появлении Дракона. Конечно, теперь, после славной победы, эти его поиски уже не имели ни смысла, ни цели, но нелегко было так вот сразу, не добившись хоть какого-нибудь результата, бросить работу, вместившую в себя целую жизнь...

Но и драконья огнедышащая железа ни на йоту не приблизила Мудреца к успешному завершению поисков, и Аристарх сразу понял, почему. Прикосновение к любому металлу почти мгновенно гасило огненные сгустки, оказавшиеся не чем иным, как сгустками холодной плазмы... Как могли проникнуть сюда, в средневековую рыцарскую сказку, эти сверхустойчивые модели шаровых молний, предназначаемых в своё время для освещения жилых пещер австралопитеков? Одно из двух: либо это НЕ средневековая сказка, либо (что почти невероятно) не все соплеменники старого Ы вымерли в результате опрометчивых Саввиных экспериментов по созданию стабильно счастливого социума...

Не поминай имя Саввино всуе: он лёгок на помине! Не успел Аристарх наиграться с железОй, глядя, как разнокалиберные солнышки то с шипением втягиваются в медные треноги реторт, то нетерпеливо приплясывают на вогнутом дне керамического тигля, то легко и беззвучно гаснут, коснувшись серебряных ножен драконьего когтя, — как это его занятие было прервано панической телепатемой Саввы.

Опять ЧП имело место в северной части Восточного полушария — на самом, по мнению Саввы, неблагополучном участке Объекта. Увы, шеф, снова Москва, на сей раз научная. Нет, к официальной науке это никакого отношения не имеет, официальная наука как раз хохочет, плюётся через левое плечо или скептически пожимает обоими, по-прежнему полагая Второе Начало термодинамики священным и непорочным. Но уже недалеко то время, когда пятеро сумасбродов, обосновавшихся в 1-м Голутвинском переулке, где они соорудили в подвале свою установку из списанного электрооборудования... И Савва, торопясь и путаясь, изложил самоновейшую теорию вакуума, дерзко и не вовремя измышленную подвальными сумасбродами. Они, видите ли, настолько приблизились к пониманию действительного механизма внутрисолнечной энергетики, что это чревато скорыми и катастрофическими последствиями не только для цивилизации Объекта, но и для Солнечной системы как таковой. Хочешь ли Ты увидеть двойную звезду на месте Системы, шеф? Ну, так Ты её скоро увидишь, если не позволишь мне принять самые безотлага...

— Когда ты, наконец, перестанешь паниковать? — рявкнул Аристарх. — Когда ты, наконец, уразумеешь, что открытия появляются не раньше, чем в них возникает нужда? Во-первых, эту твою самоновейшую теорию официальная наука сочтёт — уже сочла! — очередной ересью, и еретики вскоре будут публично высечены своими благоверными и остепенёнными собратьями. А во-вторых, и в-главных, Я уже и сам не помню ни сути, ни деталей внутрисолнечной энергетики. Но Я отлично помню, что упомянутый механизм заведомо и много сложнее любых спекуляций, доступных для двоичной логики. Грубо говоря, сей механизм настолько сложен, что ИМ он никогда не понадобится... И учти, Савва: у нас с тобой нет запасного человечества! Не вздумай проделывать с ними то же, что ты проделал с племенем Ургха. Никаких подкорковых вмешательств! Никакого манипулирования чувством самодостаточности! Если Я вернусь и обнаружу, что ты опять пытался внед-

рить единомыслие, Я тебя разжалую! Я тебя сошлю, заточу и сгною! Ты у Меня будешь рядовым необученным информатором на Объекте! Ты Меня понял, Савва Ф.?

Но Саввин испуг был настолько велик, что этот надёжный, апробированный поколениями сатрапов, полководцев, директоров и прочих властителей метод пресечения паники не возымел обычного действия. Савва согласен был стать рядовым информатором на Объекте. Савва согласен был стать даже барабашкой где-нибудь на окраине Томска — но лишь после того, как шеф-демиург выслушает его до конца. Всего лишь два соображения. Вот они.

Первое. Сумасброды сумели получить экспериментальное подтверждение своей ереси: двухсотсвечовые лампы в их подвале горят полным накалом, забирая из сети лишь десять процентов необходимой мощности. Остальные 90 процентов генерирует вакуум. Нет, официального акта составить пока не удалось: помешали своевременно и тонко сработанные случайности. Но еретики настойчивы, и акт будет. Через месяц, через пять месяцев, через пять лет, но будет. Вспомни небесные камни, шеф: тогдашняя Французская Академия была не в пример ортодоксальнее. Вспомни формулы Циолковского и Цандера: они тоже не слишком долго пролежали под сукном — и как Тебе пришлось потом подсуетиться на обратной стороне Луны? Вспомни, наконец, письмо Эйнштейна к Рузвельту...

И второе. Теоретические построения еретиков из Первого Голутвинского чреваты преждевременным крахом Принципа Исключённого Третьего. Работая в рамках примитивной двоичной логики, они сумели вплотную подойти к отрицанию дуализма материи и пространства! Маленький шажок, одно-единственное, лежащее на поверхности допущение — и они безоглядно выпрыгнут за пределы «да» — «нет» ... Вот Тебе и философская стратегия, шеф, которой Ты от меня так добивался!

— Хорошо. Приготовь конспект к Моему возвращению.

— Значит, шеф-демиург согласен, что это действительно серьёзно?

— Нет, не согласен! — отрезал Аристарх. — просто Мне любопытно. «Могу ли Я создать камень, который не смогу поднять?» Видимо, это один из таких же парадоксов, и его легко разрешить в плоско-свёрнутой логике, замыкающей «всё» на «ничто»... Но ты всё-таки приготовь конспект: Мне любопытно, и Я полюбопытствую. И занимайся, наконец, делом.

Делом Савва тоже займётся, ему известно, что Аристарх называет делом...

— Вот и займись. Всё!

Ещё одно солнышко, прежде чем рассыпаться искрами и погаснуть, полыхнуло на острие когтя, осветив на миг согбенную фигуру у двери. Аристарх вздохнул, выдавил из железы молнию посолиднее и подул на неё, отгоняя под своды подвала. Гость непроизвольно закрылся от света ладонью. Очень старый рыцарский плащ ниспадал с его плеч почти до самого пола.

— И давно ты здесь? — спросил Аристарх.

— Я не решался прервать ваши размышления, Рыцарь Зари, — уклончиво ответил Отшельник, щурясь от яркого света.

— Значит, давно. Остаётся надеяться, что я размышлял не вслух. — Аристарх отвернулся, сунул драконью железу на место и снова посмотрел на старика. — Как твоё сердце?

— Благодарю вас, рыцарь. Болит, и с каждым днём всё сильнее. А как ваше?

— Перестало, когда я выбрался из подвалов.

— И вынесли меня, — напомнил Отшельник.

— И вынес тебя, — согласился Аристарх. — Это тоже имеет какое-то значение?

— Для меня — да. Я пришёл поблагодарить вас.

— Пустое, старик, пустое, — усмехнулся Аристарх. — Ведь я же чуть не убил тебя потом.

— Я видел, чего вам стоило не сделать этого, — с улыбкой же отвечал Отшельник. — И, помнится, тогда же подумал, что не ошибся, отдав коготь вам.

— Тогда. А теперь?

— А теперь я не знаю, что думать.

— И пришёл, чтобы забрать его у меня? На!

К его удивлению, старик взял коготь. Вынул его из ножен, вернул ножны рыцарю, подошёл к свободному от столов и полок участку стены, с неловким размахом вонзил в неё коготь как можно выше и, ухватившись двумя руками, с натугой протянул сверху вниз. Посыпались каменные крошки и пыль, в стене осталась глубокая борозда.

— Теперь попробуйте вы, — предложил Отшельник.

Аристарх попробовал. Дважды. Озадаченно хмыкнул, потрогал пальцами борозду, оставленную стариком, и в третий раз, теперь уже изо всех человеческих сил, саданул когтем по стене. С тем же нулевым результатом.

— Ну, и что это должно означать? — спросил он, вложив коготь обратно в ножны.

— Не знаю, — сказал Отшельник.

— Но ты ошибся, или нет?

— Не знаю, — повторил старик.

— Не знаешь, или боишься отвечать?

— Мне нечего бояться, — возразил Отшельник. — Но и сказать мне тоже нечего.

— Не темни, старик. Пришёл рассказать, так рассказывай. Ведь ты же догадывался об этом, — Аристарх кивнул на стену. — Садись, — он подвинул ему высокий табурет Звездочёта, а сам уселся в гостевое кресло напротив, — и рассказывай.

***

Драконы бывают разные.

Для читателей сказок — а сказки читают все, и шеф-демиург Аристарх Новожилов тоже читал сказки, — этот вывод интуитивно ясен и не подлежит сомнению. Сколько сказок — столько Драконов, и все разные. А для читателя не только внимательного, но и склонного к анализу, не составит труда проклассифицировать Драконов по множеству признаков. В результате получится более-менее полное описание явления, которое лишь на первый взгляд кажется неохватным.

Так, Драконов можно различать: по среде обитания (морские, пустынные, лесные, горные, пещерные, болотные, а в последнее время появились многочисленные особи, обитающие на поверхности неисследованных планет, в межзвёздном пространстве и даже в солнечных протуберанцах);

по способу передвижения (двух— или более-ногие, крылатые, пресмыкающиеся, снабжённые плавниками и ластами, импульсно-реактивные);

по количеству голов (одно-дву— и так далее, а также безголовые или с функционально-переменным числом голов);

по типу вооружения (мечеклыкие, копьехвостые, огнедышащие, ядовитозубые, каменновзорые и даже оснащённые лазерами с ядерной накачкой).

Вполне поддаются классификации и такие признаки, как: умение регенерировать отсечённые части тела; степень разумности; размеры, прочность и цвет чешуи; форма подчинённости силам зла; боеспособность в экстремальных условиях...

Те, кому лень или некогда заниматься классификацией самостоятельно, могут обратиться к замечательной книжке замечательного английского писателя Джона Бойнтона Пристли «31 июня», где популярно изложены основы прикладной науки Драконографии. Очень полезная книжка. Между прочим, в одноимённом фильме, снятом, как водится, «по мотивам», основы Драконографии не излагаются. Видимо, авторы фильма, в отличие от английского писателя, намерены были создать художественное, а не научно-популярное произведение. Что ж, это их право, и тем хуже для тех, кому Драконография интересна или по роду деятельности нужна. Таки придётся им порыться в библиотеке и отыскать книжку Пристли, ибо здесь тоже не место для изложения основ этой науки.

Хотя бы потому не место, что в несвязной речи Отшельника ни слова не прозвучало о Драконографии. Отшельник не имел о ней никакого понятия. Более того: он изрядно удивился бы, если бы ему предложили проклассифицировать свойства Драконов. Для него это было бы всё равно что классифицировать гримасы одного и того же лица. Он счёл бы такое занятие вполне бессмысленным при всей его кажущейся увлекательности. Ибо Отшельник полагал

Дракона просто-напросто единственным — и Звездочёт, вернувшийся к тому времени из оружейных мастерских, по-видимому, разделял эту точку зрения.

Но Отшельник был убеждён ещё и в бессмертии чудовища, и вот здесь Придворный Мудрец стал решительно возражать Средоточию Мудрости. Он обозвал его мистиком и суеверным софистом. Он призвал в свидетели Рыцаря Зари, победителя Дракона. Он продемонстрировал в качестве доказательства смерти чудовища огнедышащую железу, извлечённую из золотоплавильного горна, а также драконий коготь, висевший в серебряных ножнах на поясе Нового Рыцаря. Он предложил провести Отшельника в пиршественный зал дворца, чтобы тот полюбовался отрезанными ушами чудовища. Он был язвителен, запальчив и непримирим, и причина его раздражительности была, в общем, ясна. Дело всей жизни Алхимика — изготовление оружейного золота для победоносной схватки с Драконом — оказывалось, если принять гипотезу Отшельника, затеей не только дорогостоящей и уже не нужной, но изначально бессмысленной.

Отшельник сочувственно выслушал гневную отповедь Придворного Чародея и смиренно ответил, что если бы он, Отшельник, действительно был суеверным софистом, то ему ничего бы не стоило опровергнуть уважаемого коллегу его же, уважаемого коллеги, доводами. Ведь огнедышащая железА Дракона по-прежнему действует, а коготь всё так же успешно разрушает каменную кладку стен, в чём уважаемый коллега может убедиться, взглянув на вот эту вот борозду. И клыки Дракона не зря же превращены в наконечники стрел: они опять готовы убивать и будут убивать. Но не это Отшельник считает доказательством бессмертия Дракона. В конце концов, от стрелков зависит, кого будут убивать клыки: всех подряд, или только преступников и диких зверей. В конце концов, применения разрушительной силы когтя можно ограничить каменоломнями и возвести прекрасные дворцы на месте хижин; а драконий огонь уже теперь освещает мирные занятия Мудреца... И всё-таки, Дракон бессмертен. Он жив. Доказательства? Их у Отшельника, можно сказать, совсем нет. Просто: сердце болит. И если раньше оно болело только в подвалах Чёрного Замка, куда Отшельник забирался, пытаясь спасти очередного бедолагу (не обижайтесь, рыцарь!), то теперь его сердце болит всегда. Болит, не переставая... Вот и всё его доказательство, если уважаемый коллега согласится считать это доказательством. Других у Отшельника, увы, нет.

Аристарх слушал молча, не вмешиваясь в дискуссию учёных мужей. Какая-то она была ненастоящая, эта дискуссия: чересчур напоказ горячился Придворный Мудрец, и чересчур напоказ был смиренен и кроток Отшельник. Они, похоже, вовсе не надеялись переубедить друг друга. Они даже не стремились внушить свои убеждения рыцарю. Они лишь доводили до его сведения каждый свою позицию и немедленно прекратили спор, когда Рыцарь Зари встал, нарочито громко зевнул и молча направился к выходу из подвала. Чародей пробормотал ему в спину учтивые слова прощания я и вскарабкался на свой табурет, а Отшельник, подобрав полы плаща, заспешил следом.

...Ночь снаружи была хороша и тревожна, как передышка в любви; как затянувшийся миг между лаской и лаской. Миг, продлеваемый напропалую, вопреки неосознанным страхам за хрупкий покой. Только в сказках и в детстве бывают такие ночи — не миги, а целые ночи! — они либо выдуманы, либо очень давно. Когда ветер вдруг переменится, отгонит прочь зловонное дыхание Нефтехима, и небо над городом окажется удивительно звёздным, а воздух неощутимым, — тогда наступает такая ночь, что невозможно не убежать из дому. И надо на цыпочках выскользнуть из квартиры, неслышной походкой ниндзя взлететь на пятый этаж, просочиться на крышу сквозь тёмный и пыльный, знакомый на ощупь чердак — и навзничь улечься на мятую ржавую жесть. И смотреть на звёзды. Нефтехим по-прежнему рядом, он живёт и дышит в семи кварталах от дома, но дышит в сторону, и его как будто бы нет. Надо лишь не поворачивать голову, чтобы не видеть огни на трубах и корпусах. А случайно увидев, надо лишь притвориться, что это тоже звёзды.

Аристарх тряхнул головой и огляделся. Это были не звёзды — это были костры мятежников на скале Чёрного Замка. Дракон, если верить Отшельнику, был по-прежнему жив и дышал где-то рядом. Просто ветер ненадолго переменился...

И всё-таки, ночь была хороша и тревожна. Как миг. В ней, кроме звёзд и костров на далёкой скале, было много других огней. И суеты. И звуков.

Из озарённого свечами и факелами дворца доносились беспечная музыка и заздравные выкрики рыцарей. На кухне суетилась, гремя кастрюлями, поварня, то и дело хлопала дверью, выпуская на вольный воздух аппетитные запахи. В оружейных мастерских напротив жарко горели горны, раздавался весёлый звон и сыпались искры с точильных кругов. А совсем рядом, у недостроенной крепостной стены, посапывал часовой, привычно стоя в обнимку со своей алебардой, и отсветы горна тускло горели на его медной шапке. Десятая ночь после славной победы. Ещё дважды по столько — и...

— Значит, сердце у вас не болит, Рыцарь Зари?

— Ты ещё здесь, старик? Нет, не болит.

— А коготь... Вы пытались применить его раньше, до этого вечера?

— Обошёлся без. — Аристарх внимательно посмотрел на Отшельника, но увидел лишь смутно очерченный контур плаща. — Я так и не понял, зачем ты приходил. Что тревожит тебя, Средоточие Мудрости? Смерть Дракона, или его бессмертие? Но если Дракон бессмертен, то он был бессмертен всегда, и привычное положение дел — не причина для беспокойства. А если его можно убить, я убью его столько раз, сколько успею. У меня ещё достаточно времени, старик.

— Если Дракон не убьёт вас, — сказал Отшельник.

— Если Дракон не убьёт меня, — согласился Новый Рыцарь. «И конец тогда моим каникулам», — подумал Аристарх, а вслух сказал: — Поэтому лучше я убью Дракона.

— А кроме Дракона вы никого не убили? — возобновил свой непонятный допрос Отшельник.

— Нет, — терпеливо сказал Аристарх. Здесь — нет.

— И не убьёте. — На этот раз лишь тень вопроса прозвучала в словах старика.

Аристарх не ответил.

— Спасибо, рыцарь, — сказал, помолчав, Отшельник. — Это всё, что я хотел узнать... Прощайте!

— Прощай, если не шутишь. Нужна будет помощь, — Аристарх улыбнулся, — зови. Ведь я твой должник.

— Он даже не любопытен... — пробормотал Отшельник. — Прощайте! — повторил он, словно спохватившись. — Доброго вам веселья, Рыцарь Зари, победитель Дракона!

И было добрым веселье Нового Рыцаря в десятую ночь после славной победы. Только с ним танцевала Принцесса. Только ему удалось погасить, а не опрокинуть свечу первым выстрелом из арбалета. Его остроты были самыми удачными, никого не оскорбляли и веселили всех. И пятую перемену вин только Рыцарь Зари сумел оценить по достоинству, хоть и пил перед этим наравне со своими коллегами. А за час до рассвета, отказавшись от помощи слуг, он поднялся в апартаменты, где его Невидимка снова ждала его — и вознаградила незнамо за что, и ускользнула опять вместе с первым лучом, не показав лица и не вымолвив слова.

Рыцарю снились: призывное ржанье коней, погоня и жаркая схватка под яростным солнцем. Противник был равен ему и смеялся, парируя каждый удар. Смех его был заразителен и неприятен. Щекотало в носу и зудела от пота спина. Новый Рыцарь спешил — поскорее закончить и скинуть доспехи, а потом ухитрился избавиться от кирасы, почесал себе спину и размахнулся как следует... Противник лежал на песке и смотрел на него неживыми глазами. Новому Рыцарю было уже всё равно, он устал от жары, а противник и мёртвый смеялся, — и тогда он ударил лежавшего, чтобы пресечь этот смех. Улыбка скатилась с лица супостата, подпрыгнула несколько раз, завертелась волчком, как монета, стала падать, звеня и вращаясь (орел или решка?), и рыцарь проснулся…

***

...в страшной жаре, от грохота, звона и треска — и, ещё не проснувшись как следует, подумал, что вот лишь одну ночь из семи провёл он в бездумном веселье, как то подобает благородному рыцарю, да и та ночь — последняя... Королевский дворец пылал, подожжён-

ный с четырёх сторон. Звонко лопались от жары цветные стёкла в высоком витражном окне, с грохотом рушились балки, шипело драгоценное вино на покоробленном и обуглившемся драгоценном паркете.

Облачась во что попалось под руку, нахлобучив шлем и застегивая на бегу пояс с мечом и драконьим когтем, Новый Рыцарь протаранил плечом дверь и сейчас же захлопнул её за собой, успев увидеть, как полыхнул и стал рушиться на обширное ложе шёлковый балдахин. Во внутренние закоулки дворца огонь ещё не проник — полыхало снаружи, но дыму и здесь было порядочно. Уже на четвёртом прыжке пришлось присесть, чтобы заглотить порцию кислорода и оглядеться. Опочивальня Принцессы была заперта, и лишь высадив дверь ударом меча, Рыцарь заметил ключ, торчавший снаружи... Пламя с радостным воем дохнуло в лицо от распахнутого окна.

Скатываясь по дымящимся ступеням с галереи в пиршественный зал, на полшага опережая смерть, он всё ещё видел, как вспучивается перед его глазами паркет, с натугой и скрипом поднимает дубовую спинку пустого принцессова ложа... Кажется, пустого. Будем надеяться, что пустого. Незачем думать, что оно могло быть не пустым, что ничтожной доли мгновения не хватило Рыцарю Зари, чтобы погибнуть вместе с Её Высочеством... или — нескольких мгновений не хватило ему, чтобы выхватить девочку из горящего ложа: на его глазах оно провалилось вниз, в кулисы тронного зала, а сам он едва устоял на краю изрыгающего искры и дым провала.

Отчётливо сквозь рёв пламени потрескивали каменные стены дворца и беззвучно обваливались куски галереи, но лестница, по которой сбегал Рыцарь, была, к счастью, цела. Лишь на последних ступенях он поскользнулся и зацепил ногой лежавшего ничком человека. И сразу подумал, что это первый человек, которого он видит после пробуждения, если не считать, конечно... Но принцессово ложе было пустым. Ясно, пустым. Принцесса ему даже не померещилась. А этот человек, первый и, похоже, единственный в горящем дворце, был мёртвым. Аристарх перевернул его на спину, убрал с лица слипшиеся от крови волосы. Это был Придворный Фортификатор, дальний родственник Дворецкого, появившийся в сказке лишь для того, чтобы быть убитым. Кровь натекла у него из горла, из глубокой треугольной раны под кадыком. В груди, вбитый по самую крестовину, торчал кинжал милосердия. Старый, с пятнами ржавчины на простой железной рукояти. И подсунут был под крестовину обрывок пергамента с корявыми, наспех, буквами: «Смерть поддраконникам!»

Где-то снаружи отчаянно ржали кони.

От дыма слезились глаза и щекотало в носу, струйки пота текли из-под шлема, неудобные длинные волосы липли к плечам.

Особенно сильный протяжный каменный треск наверху заставил рыцаря поднять голову. Сквозь слои дыма, проткнутые косыми лучами из окон, ничего нельзя было разглядеть, но Аристарх понял, что если не поторопится, то каникулы его закончатся преждевременно, да ещё и придётся мучительно поумирать. Это было совсем ни к чему.

Высокие, обитые надраенной медью, двустворчатые двери, ведущие из пиршественного зала на крыльцо, были заперты. Он разбежался и ударился в них всем телом. Треснуло, ахнуло, взвизгнуло, правая створка сорвалась с петель и упала плашмя на мраморные ступени. Рыцарь по инерции съехал с неё, как с горки, докатился, теряя шлем и путаясь в ножнах, до земли и в следующую секунду стоял с обнажённым мечом наготове.

Парадный двор был пуст. То есть, безлюден.

Метались и жалобно ржали на привязи чьи-то кони, но белого, сивого и вороного среди них не было. Багряк, увидев хозяина, рванул повод зубами, освободился, подбежал и встал рядом, косясь на пожар и вздрагивая всей кожей. Новый Рыцарь обнял его левой рукой за шею, похлопал ладонью по холке.

Сзади обрушилась кровля дворца. Аристарх не оглянулся.

Багряк пронзительно ржанул, высвободился из объятия и присел на передние ноги, подставляя спину. Рыцарь Зари с удивлением обнаружил, что конь его осёдлан и что к седлу

приторочены доспехи. Старые доспехи Нового Рыцаря, оставленные им в Мёртвом ущелье. «Ладно, это потом...» — подумал он и сказал Багряку:

— Потом, — и вложил меч в ножны. — Сначала осмотримся.

Багряк послушно поднялся.

Ведя его в поводу, Новый Рыцарь обошёл догорающий дворец. На хозяйственном дворе пылали ещё две постройки, в том числе кухня. И нигде ни души. Лишь электрический свет драконьего огня пробивался из полуподвального окна Алхимика.

У крепостной стены Аристарх обнаружил ещё одного человека. Это был давешний часовой. Он по-прежнему спал в обнимку со своей алебардой — теперь уже вечным сном. Листок пергамента с надписью «Смерть поддраконникам!» был наколот на острое навершие его шапки.

И были следы на песке — мимо трупа, к воротам из парка. Много следов. Тяжёлые сапоги королевской охраны. Острые каблучки фрейлин. Чьи-то большие босые разбитые ступни. И маленький полузатоптанный след детской ноги. Или девичьей.

Новый Рыцарь закрылся правой ладонью от высокого уже солнца и посмотрел на восток, где возвышалась скала Чёрного Замка. Белые столбики дыма подпирали там чистое небо, но не это было самое интересное. Над дорогой, перед последним её видимым отсюда поворотом (к Мёртвому ущелью) клубилась пыль, и, вглядевшись, он различил три блестящие точки. Пыль вздымалась за ними. Всадники достигли поворота, но не свернули, а поскакали дальше, к Живому ущелью. Или ещё дальше, к пустыне, прочь из охваченного огнём и враждой королевства.

— Догоним? — спросил Аристарх, и Багряк заржал радостно и призывно, с готовностью подгибая передние ноги. — Нет, не догоним, — сказал Аристарх. — Разве что налегке. — И стал решительно отвязывать притороченные к седлу доспехи. Под ними обнаружился аккуратно свёрнутый алый атласный плащ. Золочёная пряжка была на месте, прочно пришитая крупными мужскими стежками.

Он был в седле и застёгивал на груди пряжку плаща, когда хлопнула позади дверь и отчаянный голос Алхимика прохрипел: — Подождите!

Аристарх оглянулся.

Пятясь, Мудрец выволакивал что-то длинное и тяжёлое из своего подвала, и, когда выволок, Новый Рыцарь увидел, что это был громадный двуручный меч — тускло-жёлтый, с зеленоватыми извилистыми разводами.

— Это ещё не окончательное решение, хрипел Чародей, с натугой волоча меч по песку и спотыкаясь о разбросанные доспехи. — Это ещё далеко не булат, но обычную сталь он уже разрубит. Мне бы ещё недельку, но кто же мог знать... Возьмите, рыцарь, я не смогу поднять его!

Аристарх, улыбнувшись, нагнулся, подхватил меч и вознёс его над головой.

— Красивая штучка! — сказал он, любуясь бликами солнца на золотом двуостром полотнище. — И стоит, наверное, бешеных денег, а?

— Отдайте! — сердито сказал Мудрец. — Отдайте немедленно! Я-то думал, что вы собираетесь...

— А я-то думал, что ты полагаешь Дракона мёртвым, — перебил его Аристарх, вынул из ножен свой меч и бросил его на дорогу, а золотой вложил в ножны. — Не кипятись, Чародей, я пошутил. Я верну тебе этот меч, когда кончу дело. Или передам с кем-нибудь.

— Мне он не нужен, — смущённо проговорил Мудрец.

— Он никому не нужен, — возразил Аристарх. — Я взял его, чтобы доказать это. Прощай, Звездочёт. Нагадай мне удачу на звёздах!

***

Он догнал их в пустыне и зарубил двоих. Он их окликнул: «Остановитесь!» — а они развернули коней и молча напали. Их было трое, они были в стальных доспехах и при стальных мечах против его золотого, они напали одновременно и неожиданно, и двоих он зарубил. Он хотел их обезоружить, в крайнем случае убить Серого, но ему не дали времени выбрать — и

Чёрного, как самого сильного противника, пришлось зарубить, а Белый был до того неловок, что сам налетел грудью на золотой клинок. Два скакуна, потеряв седоков, налегке унеслись обратно, даже не повздыхав над трупами хозяев. Это противоречило общепринятым представлениям о рыцарских конях, но не насторожило его. Ему было некогда: третий заставил-таки его повозиться.

Они притомили коней, ноги которых по самые бабки вязли в горячем песке, и, чтобы не подвергать исход боя случайностям, они спешились. Сивый ускакал вслед за белым и вороным, а Багряк терпеливо ждал в отдалении, роняя пену с боков.

Они кружились друг напротив друга, разбрасывая песок и вспарывая воздух мечами. Серый оказался отменным бойцом и хотел убить, а Новому Рыцарю надо было лишь обезоружить его, образумить и, может быть, найти в нём союзника. Двух потенциальных союзников он уже потерял и не мог позволить себе потерять третьего.

— Остановись! — просил он, парируя очередной удар. — Я не прошу тебя сдаваться: остановись и хотя бы выслушай!

— Дьявол! — тонким от напряжения и ненависти голосом выкрикнул Серый. — В огне не горишь?.. — спросил он, задыхаясь. — Сдохни!

Аристарх поднырнул под удар, отбросив оружие и вытянув руки вперёд, а когда меч просвистел над ним, увлекая за собой Серого, он ухватил его за ногу и дёрнул.

— Уймись, — проговорил он, сидя верхом на груди Серого и вжимая его запястья в песок. Серый подёргался, понял, что руки ему не освободить, и лягнул Аристарха железным коленом в спину.

— Дурак, ваше благородие. — сказал Аристарх. — Мне же больно.

— Величество!.. — надломившимся голосом поправил Серый и всхлипнул.

***

Королеву и старшего офицера стражи они похоронили в пустыне, в двадцати шагах от места схватки. Её Величество улыбалась, когда Король пригоршнями сыпал горячий песок на окровавленную белую кирасу. Он так и не решился опустить её веки и всё пытался улыбнуться в ответ её мёртвой улыбке.

Рыцарь Зари не мешал ему, хотя, наверное, надо было спешить. Солнце уже багровело, склоняясь к закату. На обратном пути оно будет бить им в глаза, но это не так уж страшно. Главное — успеть к Мёртвому ущелью до восхода луны... Он уже завершил свою часть работы: возложил на пологий песчаный холмик разрубленный чёрный шлем с чёрными перьями и вогнал глубоко в песок тяжёлый двуручный меч Чёрного рыцаря. Офицер королевской стражи должен быть счастлив: он до конца выполнил свой долг, он погиб, защищая своих повелителей, и был удостоен чести быть погребённым рядом с Её Величеством. Правда, хоронил его его же убийца и убийца его Королевы — но сие от офицера уже не зависело и не должно было его огорчать.

А Её Величество улыбалась, и можно было подумать, что она тоже счастлива.

Новый Рыцарь стоял в почтительном отдалении, зяб, угрюмо кутался в свой алый атласный плащ и смотрел, как улыбается мёртвая Королева. Холмик песка на её груди медленно рос, песок накрывал её подбородок, губы (теперь она улыбалась только глазами), струился и путался в её пышных распущенных волосах...

— Помогите мне, — тусклым голосом произнёс Король, когда улыбки не стало, и поднялся с колен.

Аристарх помог.

— Куда теперь? — спросил Король, последний раз поправив белые перья шлема на холмике, чуть более высоком, чем над офицером стражи.

— Мстить, Ваше Величество, — сказал Аристарх. — Вы позволите мне сесть на круп Багряка за вашей спиной? Так мы доберёмся быстрее, чем если я буду идти пешком.

— Я ваш пленник, — сказал Король. — Приказывайте.

— Полноте, Ваше Величество, — возразил рыцарь. — Это я ваш должник, и долг мой, увы, неоплатен. — Он подозвал Багряка, придержал его, пока Король забирался в седло, и сам уселся сзади на круп. — Трогайте, Ваше Величество, — сказал он.

До края пустыни было миль пять, до заката оставалось чуть более получаса, луна взойдёт часа через два после полуночи. Времени было достаточно.

— Трон я Вам верну, — говорил Аристарх, держась за заднюю луку седла и покачиваясь в такт мягкой рыси Багряка. — Принцессу, надеюсь, тоже. Если она жива... Она жива?

— Да, — сказал, помолчав, Король. — Она жива и в безопасности. ОН захватил камеристку. Они поменялись платьями.

— Дальше, Ваше Величество, — попросил Аристарх.

— Рыцарей ОН отпустил, — продолжал Король. — Как иностранцев. По пути в Замок они отбили меня и Королеву. А Принцессу обещали вывезти морем. Говорю это вам лишь потому, что уверен: уже вывезли. Они не обещали мне вернуть трон, поскольку это невозможно.

— Это возможно, — сказал Аристарх. — Значит, рыцари заняты, и рассчитывать на них не следует... А кто такой ОН?

— Дракон, естественно. Которого вы, якобы, убили.

— Я убил его. И убью ещё раз на Ваших глазах.

— Не бессмертен же он! А если...

— В каком-то смысле бессмертен, но это детали.

— Значит, вы убили друг друга! Вы оба бессмертны, и вы ухитрились убить друг друга, и вообще, всё, что со мной происходит — бред, сновидение, фата-моргана...

— Успокойтесь, Ваше Величество. Если это и бред, то это не Ваш бред. Это бред разума, не способного выйти за пределы «орёл или решка». Лучше расскажите мне: как получилось, что я чуть не сгорел во дворце? Это ЕГО работа, или...

— Или, — сказал Король. — Я же не знал, что вы бессмертны.

Аристарх промолчал.

— Вы бессмертны? — спросил Король и обернулся в седле.

— Нет, — сказал Аристарх, глядя ему в глаза. — Рыцарь Зари, покорный слуга Вашего Величества, смертен.

Король отвернулся.

— Как он выглядел? — спросил Аристарх. — Я имею в виду Дракона.

— Как выглядит Дракон? — Король, наверное, пожал плечами (звякнули пластины панциря). — Жутко выглядел. А мы были безоружны и... пьяны. Когда мы протрезвели, было поздно.

— Но хоть что-нибудь Вы запомнили из его внешности? Например: унылая длинная морда... отполированная дубинка в лапах... прямые светлые волосы... Нет?

— Дубинка? Может быть... Нет, не помню.

— А что ему было нужно? Сжечь дворец и казнить Вас?

— Насколько я понял, он не собирался жечь дворец. Сначала не собирался. Насколько я понял, он требовал ваши останки, которые мы, якобы, похитили, чтобы надругаться над ними. «Останки рыцаря, сразившего Дракона», — он говорил о себе в третьем лице, насколько я понял.

— Его было так трудно понять?

— Я не знаю драконьего языка. И никогда не знал.

— Но его знает Ваш Дворецкий.

— Да. Он и переводил. Только он уже не дворецкий, поскольку дворца уже нет.

— Будет. Вы построите новый, ещё лучше старого.

— Чтобы этот предатель не потерял место?

— Вы построите новый дворец и найдёте нового дворецкого. Как давно Вы обнаружили, что он знает драконий язык?

— Сегодня утром, когда он стал переводить... Почему я вам верю?

— Потому что мне всё равно и незачем лгать.

— Вы солгали, сказав, что вы смертны!

— Рыцарь Зари не солгал. Он смертен.

— Вы тоже говорите о себе в третьем лице...

— Не напрягайтесь, Ваше Величество. Просто верьте. Если невозможно понять, надо верить.

— Но ведь это абсурд!

— Вот именно потому. Где вера, там надежда. А во многих знаниях многие печали... Итак, Вы мне верите.

Король промолчал. Может быть, он кивнул, но солнце уже село, и Аристарх не видел этого.

— Я могу сбросить вас с коня и убить, — сказал, наконец, Король.

— Можете, — согласился Аристарх. — Если сделаете это, возьмите мой золотой меч и сразитесь с Драконом сами. Вы хороший боец, у Вас должно получиться. Только сначала избавьтесь от железных доспехов, они могут Вам помешать... Драконий коготь тоже возьмите — он у меня справа, в серебряных ножнах. А меч потом вернёте Алхимику.

— Я пошутил, — сказал Король. — Неудачно пошутил, — добавил он, подумав.

— Ладно, — сказал Аристарх. — Будем считать это неудачной шуткой.

Пустыня, видимо, кончилась: копыта Багряка весело застучали по твёрдой дороге, бег стал заметно ровнее. Впереди справа, на чёрном с искрами бархате неба обозначился глубокий провал с тёплыми, не похожими на звёзды пятнышками света наверху. Скала Чёрного Замка.

Король натянул повод, и Багряк остановился. Он вздрагивал, нервно переступал с ноги на ногу, и Аристарх успокаивающе похлопал его по крупу.

— Не здесь, Ваше Величество. Дальше.

— В Живом ущелье есть потайной выход из Замка, — сообщил Король. — Я случайно обнаружил его во время охоты.

— Знаю, — сказал Аристарх. — Вы сможете найти его в такой темноте?

— Пожалуй, нет. — Король помолчал. — В двадцати шагах отсюда — дорога, по которой мы подвозили дань. Но мост, наверное, поднят.

— Даже наверняка.

— Значит, в Мёртвое?

— Да. Остановимся у вяза, потом пешком.

Они поехали дальше.

— А чем он брал дань? — спросил Аристарх.

— Людьми, — не сразу ответил Король.

Аристарх вздохнул.

— Это были преступники, — сказал Король. — Неужели вы могли...

— Конечно нет, Ваше Величество. Я не допускаю мысли о том, что Вы могли быть несправедливы.

— К тому же, он не требовал регулярной дани.

— Но вы старались...

— Не представляю, — возвысил голос Король, — как мы будем избавляться от преступников, когда убьём Дракона! Если убьём, — поправился он.

— Точно так же, как раньше. Дракон бессмертен, Ваше Величество.

— Но ведь мы едем его убивать?

— Да.

— Бессмертного Дракона?

— Да.

— Или я настолько глуп, — раздраженно произнёс Король, — что не понимаю простых вещей, или...

— Или, — сказал Аристарх. — Только глупцы полагают эти вещи простыми... Мы не проехали поворот?

— Вот он.

Под вязом они спешились, и Аристарх привязал Багряка. Король ждал рядом. Он был спокоен и собран, он уже не был пленником. Он снова был королём и готов был сразиться за своё право повелевать.

— Вот ещё что, Ваше Величество, — начал Аристарх.

— Доспехи я не сниму, — твёрдо сказал Король.

— Это как Вам будет угодно, — согласился Аристарх. — Вы не один, и я выручу Вас, если Дракон вылезет в ущелье, а в подвалах чары не действуют. То есть, действуют, но уже совершенно другие. Именно о них я и хотел Вам сказать. Когда мы с Вами проберёмся... Когда и, если, — поправился он, — мы с Вами проберёмся в подвалы Чёрного Замка... — Аристарх замялся.

— Ну? — нетерпеливо сказал Король.

— Вы помните Вашу неудачную шутку? Так вот, в подвалах Вам уже не на шутку захочется убить меня. А у меня есть причины не противиться Вашему желанию, если Вы не сумеете его подавить. Но имейте в виду: сделав это, Вы останетесь один.

— Спасибо, — сказал Король. — Я учту это. Постараюсь учесть.

— У Вас должно получиться, — ободряюще сказал Аристарх. — Всё-таки, Вы — сказочный Король. Добрый и справедливый.

***

Как выглядит Дракон?

Если хотите, я вам расскажу, как он выглядит. Запоминайте: может быть, он вам встретится.

У него зелёная бронированная морда и бешеные, на выкате, яблоки глаз. Унылое длинное лицо и прямые светлые волосы до плеч. Толстые прокуренные усы. Чёрная чёлка на лоб. Завитой белый парик и простая суконная треуголка с трёхцветной кокардой. Пенсне. Может быть, треснувшее пенсне и тёмная бородка клинышком. Чёрные очки под козырьком генеральской фуражки.

Его видели в Париже в 1793-м. В Берлине в 1932-м. В Москве пятью годами позже. На стадионе в Сантьяго в 1973-м. В той же Москве его арестовали в 1991-м, а спустя два года он сам производил аресты и штурмовал различные здания. Его расстреливали в Пном-Пене, бомбили в Багдаде и в Грозном, блокировали в Хорватии. Он может появляться в нескольких местах одновременно, и везде, где он появляется, ему приносят дань.

Преступниками.

Ну конечно же, преступниками.

Это его самая характерная отличительная черта: ему всегда приносят дань преступниками, ибо он вечно гневен, гнев его справедлив и заразителен...

Вот теперь вы сможете легко узнать Дракона, если он вам встретится.

Только найдётся ли у вас золотой меч, и не помешают ли вам стальные доспехи? А если найдётся и не помешают — уверены ли вы, что убьёте Дракона (именно и только Дракона)? И что, кончив дело, вернёте золотой меч Алхимику?

Уверены? В добрый путь.

Я нагадаю вам удачу на звёздах.

***

Утром шеф-Демиург Аристарх Новожилов сидел за своим рабочим столом и раскладывал зодиакальный пасьянс. Девять созвездий уже ушли в «тень», и вот-вот должна была закрыться Дева, когда с ворохом неподписанных бумаг влетел Савва Ф. Бычин.

— Ты, как всегда, вовремя, шеф! — начал он ещё с порога. — Уж эти мне демократические выборы в тоталитарных странах!

— Я в отпуске, Савва, — поморщился Аристарх. — Я недоиспользовал двадцать дней, и я намерен их доиспользовать. Так что, разбирайся сам. Или не разбирайся. Но тоже сам.

— Нарвался на неприятности, шеф?

— Можно сказать и так. Меня убили.

— Гм, действительно... Бластером?

— Когтем.

— Ага... Смерть, надеюсь, была мгновенной?

— Почти, — сказал Аристарх. — Рука у него твёрдая. «Лама савахфани» кричать не пришлось.

— И куда Ты теперь?

— Как обычно, — Аристарх кивнул на созвездия. — В тупиках воображения изволь развлекаться сам, а мне хватит.

— Ну, не угодил, Аристарх, ну, прости! Каюсь!.. — Аристарх усмехнулся прощающе, и Савва повеселел. — А это у Тебя что? — спросил он, тыча пальцем в созвездие Стрельца (на нём или на Тельце должен был сойтись пасьянс).

— Кремль, шестнадцатый век, — ответил Аристарх. Закрыл, наконец, созвездие Девы и убрал его в «тень». — А это — Критский Лабиринт, — предупредил он очередной вопрос Саввы и ткнул колодой в Тельца. — Пятнадцатый век до нашей эры.

— До ихней эры, — поправил Савва.

— Нашей, — не согласился Аристарх.

Савва пристально посмотрел на него.

— Неужели так плохо, шеф? — сочувственно осведомился он. — По-моему, Ты мог отлично развеяться. У Тебя же там была... ну, помнишь, мы говорили?.. Я, конечно, пошляк, извини, Аристарх, но...

— Да, ты пошляк, Савва, — согласился шеф-демиург, делая вид, что задумался над пасьянсом. А он и вправду мог сойтись хоть так, хоть эдак — и, кажется, придётся выбирать... Опять выбирать. Орёл или решка...

— Она мне снилась, когда я умирал, — зачем-то сообщил он, тасуя колоду созвездий. — Она была невыразимо нежна во сне. Почти как наяву. Вот только волосы у неё были в песке, и на губах был песок.

Стихи

У старой полыни особенный запах.
В нём — лето. Не это, которому рад,
а то, что дожди схоронили, оплакав,
и не возвратили. И не возвратят.

Узрев на пути неживые соцветья
на ломких стеблях с благовонной трухой,
пройди стороной. Не задень. Не заметь их.
Беги аромата полыни сухой.

К цветущим полянам! К поющим рассветам!
Но прочь от стеблей, чей пахучий излом
отравит веселие нового лета
пронзительной скорбью о лете былом!

Достойно ли это: жалеть и поныне,
в средине пути, о начале дорог?
...Я нюхаю веточку старой полыни,
премудрым советам своим поперёк.

***

Заприметить снежинку в метели,
заприметить и не потерять.
Невозможное — после потери —
повторять, повторять, повторять.

Не предвидится, даже не кажется
проследить хоть виток виража.
А метель всё кружится, куражится,
невозможностью заворожа.

Ведьма белая! Ну и пляши в ночи,
и накручивай вихрь на вихрь!
Мимолётные судьбы снежиночьи —
что, казалось бы, мне до них?

Просверкнула нечаянным прочерком,
и опять её вдаль понесло,
словно чьё-то, отчаянным почерком
выплеснувшееся, письмо,

не отправленное, запретное,
где надежда и боль через край:
«Заприметь, заприметь, заприметь меня!
Не теряй, не теряй, не теряй...»

***

Ты, наверное, зря
в этот дом постучалась.
Догорала заря.
Ничего не случалось.

Не от горя-беды,
а от осени только
листья были бледны,
словно лунные дольки.

Нет, не горечь утрат —
просто длинная осень.
Просто тучи с утра
бились ливнями оземь.

Просто в меру дано
сентябрей нам на долю.
Просто кто-то давно
не живёт в этом доме.

7.
Жарким летом каждый бугорок
жёлт по обе стороны дорог.
Это одуванчики взошли,
солнышки пробились из земли.
Как печаль, их головы легки,
и горчат слегка их стебельки...
Медленный, рассеянный рассвет.
Лето длится. Одуванчик сед.
И летят по лету семена —
в солнечную Лету имена.

8.
Неуютное, тревожащее, дальнее...
Кто сказал, что горизонт недостижим?
Никогда мои не кончатся шатания
по краям и по окраинам чужим.

Небо синее, какое небо синее!
А дорога — вся! — в полуденной пыли.
Там, за первым поворотом — Абиссиния,
а за следующим — снова край земли.

Через улочки кривые, через площади
я опять шагну в немереный простор,
чтобы снова очутиться в чистой рощице,
незнакомой, но обыденно-простой.

В ней, под деревцем, изогнутым причудливо,
я прилягу, и от взора моего,
по нездешнему пытливого и чуткого,
эта рощица не скроет ничего.

Всё познаю, всё пойму и всё прочувствую
и опять шагну за новый горизонт.
Улыбаться будут женщины сочувственно
и считать, что мне чертовски не везёт.

Буду слушать их и буду им поддакивать,
сам поверю небылицам про себя
и казаться буду тихим и податливым,
от уюта воровато пригубя.

А потом, дыша просторами желанными,
на какой-то из дорог остановлюсь.
Твоё имя прошептав, как заклинание,
на пороге твоей комнаты очнусь.

Ножны и клинок

(Вахтовому методу посвящается)

Давным-давно, в седую старину,
найдя весьма весомые причины,
два короля затеяли войну,
а это — дело чести для мужчины.
Король божился: «Будет враг побит
и побеждён до середины лета!» —
но баронессы плакали навзрыд,
своим баронам штопая колеты.
Один барон, задира и шутник,
надев колет и сунув ногу в стремя,
устами вдруг к устам жены приник
на очень продолжительное время.
А на прощанье, ножны ей вручая,
так пошутил: «Разлука нелегка,
но ты меня дождёшься, дорогая,
как эти ножны — своего клинка!»
«Не уходи, я так тебя люблю!» —
барону баронесса прошептала.
«Я присягал на верность королю!» —
ответил он, и войско ускакало.
Барон сражался в дальней стороне,
а баронесса плакала ночами,
и ножны пустовали на стене —
причина и метафора печали...

В июле был обычный летний бал.
Плясали гости, и шелка пестрели,
и виночерпий вина разливал,
и сладкозвучно пели менестрели.
«Когда нельзя, но хочется, то можно...»—
шепнула менестрелю баронесса.
И плоть входила в плоть,
как шпага в ножны,
по самую по чашечку эфеса.
Тем временем за морем, на войне
барон являл разумную отвагу
и после битвы думал о жене,
в чужие ножны втискивая шпагу...
Когда, навоевавшись, короли
нашли пустяшный повод помириться,
не многие бароны обрели
возможность к баронессам возвратиться.
К несчастью, уцелел и наш барон.
Осенние дороги были вязки.
Пришпоривал коня и мчался он
к нелепой и трагической развязке...

Уже безумен, стар и одинок,
барон твердил в неистовом запале:
«Не разлучайте ножны и клинок!»
Его жалели, но не понимали
и воевали.

***

Тополя расплатились
полновесной монетой
за коктейль из дождинок
в пузырящейся мгле.
Я прошёл, как сентябрь,
и меня уже нету.
Я — одна из монеток
на промёрзлой земле...
Я — в кармане зимы.
Надо мною — сугробы.
Но зима-скупердяйка
скоро сядет на мель.
Я оттаю весной —
не бесцельно, а чтобы
вы понюхали, как
пах осенний коктейль.

Вам охота тепла,
соблазнённые светом!
Весела только мгла.
Ну и пусть, ну и пусть...
Никогда, никогда
не жалейте об этом,
расплатившись поэтом
за веселье и грусть.

Тополя пили дождь
и топили в нём страхи,
золотою листвою
по асфальту звеня.
Как деревьям не жалко
их последней рубахи,
никогда, никогда
не жалейте меня!

Кривошеева (Жеревчук) Елена Николаевна

Кривошеева (Жеревчук) Елена Николаевна, родилась 13 февраля 1966 года в с. Осежено Сковородинского района Амурской области. С 1999 года проживает в г. Биробиджане ЕАО. Майор полиции в отставке. Воспитала троих сыновей. Литературная деятельность юности, публиковаться начала с 2008 года. Публиковалась в еженедельной газете "Газета на дом", в еженедельном информационно-рекламном еженедельнике "Ди Вох" – стихи, рассказы ("Юркины страдания", "Эх, чавэла", "Море, солнце и песок", "Солнышко лесное", "Тили-тили тесто", "Покатились глаза собачьи...", статьи "Последний взвод обозного завода", "Последняя высота гвардии лейтенанта Пеллера", "Две Евгении", "Судьба. От Сталиндорфа до Биробиджана", "Цена стратегии или Дело житейское", "Опера убойного отдела". В 2018 принимала участие в научно-исследовательской конференции "Аносовские чтения", в сборник работ которой вошла публикация «Метрическая книга или Власть золота». В 2019 закончен и презентован сборник "Равнение на дедов и отцов", куда вошли научно-публицистическая работа "По реке времени или История от истоков", рассказы "В минуты жизни годам на память" и "Что нам расскажут непрочитанные письма" о правоохранительных органах ЕАО и людях, служивших в них, основанные на архивных документах.

В 2022 написаны три научно-публицистические статьи о топонимах Приамурья, имена которым даны от имён участников первых амурских походов и участников событий в Декастри: есаул Доминик Забелло и поручик Карл Туловский (размещены на сайтах "Наследие ЕАО" и "Города и остроги земли Сибирской"). В период с 2022 по 2023 провела 90 авторских радиопередач о освоении Приамурья, составленных на архивных документах, исторических источниках. ***С января 2025 года по настоящее время написала около ста стихотворений, более семидесяти из которых стали песнями****. Текст одного из стихотворений "Албазин" принят на хранение в качестве экспоната музеем им. П. Флоренского (г. Сковородино Амурской обл.). Все работы размещены на личной странице портала Проза.Ру.*

Увлекается краеведением, историей страны в целом. Человек с активной жизненной позицией: в 2020 году создала на собственные средства музейную комнату в МО МВД "Ленинский", в 2022 году организовала и приняла участие в установлении памятного знака женщине-сотруднику ГАИ Копыловой М. Н. (Ленинский район ЕАО), в 2021 году организовала и приняла участие в создании фотогалерии об истории органа внутренних дел, в благоустройстве милицейского сквера и установлении в нём памятного знака в п. Амурзет (Октябрьский район ЕАО), в 2024 году приняла участие в разработке памятного знака и его установлении на месте бывшей амурской станицы Забеловой (Смидовичский район ЕАО).

Давайте петь

Эпиграфом к этой статье приведу слова войскового старшины Амурского Казачьего войска Романа Иванова, сказанные им в предисловии к книге «Краткая история Амурского казачьего войска», изданной в г. Благовещенске (Амурская область) в 1912 году:

«… Не ищи, наконец, в нашей новой истории особых славных дел и подвигов – слишком мало для того времени; но и несмотря на это, отцы наши спокойно могут умереть, ибо они с пользою послужили Царю и отечеству, сроднились с новым краем, полюбили батюшку-Амур всеми силами своей души и, невзирая на то, что он их зорил иногда до нитки – они готовы были сложить свои кости на защиту его и свою горячую любовь к нему завещали нам. Подражайте, дети, им и знайте, что сила любви этой кроется в словах безсмертнаго Карамзина: «родина мила сердцу не местными красотами, не ясным небом, не приятным климатом, а пленительными воспоминаниями, окружающими, так сказать, утро и колыбель человечества».

Вот об этом то утре нашего казачества на Амуре я, насколько сумел, решился поведать нашему юношеству»».

Многие наши современники слыхали о Албазинской крепости, как о первой крепости русских на Амуре. Распространённости информации о Албазинском сидении и подвиге русских казаков при неоднократной осаде этой крепости маньчжурами послужила икона, чтимая, как икона Албазинской Божией матери. Но на Амуре были ещё два крупных сражения казаков и маньчжур – в 1655 г. в устье р.р. Комары (Кумары, Хумархэ), левый приток Амура в верхнем течении, и в 1658 г. в устье р. Сунгари (Шингалы), правый приток Амура в среднем течении.

В своей книге Р. Иванов привёл слова народной песни о защите Комарского (Кумарского) острога, заложенного ещё Ерофеем Хабаровым, и укреплённым казачьим атаманом Онуфрием Степановым в устье р. Комары (Кумары, Хумархэ), и повествовал о сражении в устье Сунгари. По тексту песни у Романа Иванова казаки победили богдойского князя, что есть истина – острог оставлен в 1658 г., после гибели в Шингалинском (Сунгарийском) сражении казаков, предводителем которых был сын кузнеца Онуфрий Степанов.

Слова песни, приведённой Р. Ивановым, как сейчас можно сказать, аполитичны, и даже могут показаться оскорбительными. Но таково было время, и таковы были отношения на Амуре. Как говорится, из песни слов не выкинешь. Прошло почти четыре века от событий. Русский народ прочно обосновался на левом берегу Амура верхнего и среднего течения, наладил политические и торговые отношения с Китаем. Река Амур стала пограничной рекой. Назвать её «казацкой» в полном смысле этого слова, нельзя, так как от Усть-Стрелки до Хабаровска казацким стал только левый берег. Тем не менее, забыть о первых походах на р. Амур казаков XVII в. тоже нельзя. Казачество исполняло волю государя. Сколь благовидны были поступки и действия каждого отряда казаков при явном благодушии русских царей к аборигенам этих мест, выраженные в Указах, сейчас сказать сложно. Но в силу фактов, где казаки бились за амурские берега и присутствие на них в принципе, река Амур аллегорически может именоваться «рекой казацкой». Именно казаки пришли сюда первыми и в XVII, и в XIX вв. Именно стараниями казаков были устроены первые поселения русских в Приамурье и Приморье, на Камчатке и Саха-

лине, по побережью Охотского моря, но в казачьем фольклоре походы на Амур в XVII в. в современном мире не отражены.

Песни про Сунгарийское сражение XVII в. не существовало, а песня из книги Р. Иванова, вероятно, не получила распространения в силу категоричности изложенного смысла, либо в силу её не очень стихотворной формы. На этом фоне имеется контраст: песни про Степана Разина, и про бродягу, бежавшего с Сахалина, и про грозный Терек, написанные более полутора веков назад, стали классическими произведениями, хотя в них тоже затронуты непростые темы.

На сайте http://cossackssong.ru/vo-sibirskoj-vo-ukrajne-vo-duarskoj-storone/ размещена информация о том, что Н. Г. Мякушин (писатель, историк, войсковой старшина Уральского казачьего войска) в 1890 г. издавая в Санкт-Петербурге «Сборник Уральских казачьих песен», отразил в Сборнике текст песни о событиях на Амуре, указав, что в остальных казачьих войсках (в Семиреченском и Астраханском) за ранние периоды, «никаких казачьих песен, относящихся до них, не имеется».

Собранная информация стала решающей: песням про походы казаков на Амур, быть. Идея рассказать о казачьих подвигах и сражениях на реке Амуре в стихотворной форме, не принижая тогдашнего противника, а ныне дружелюбного соседа, для воскрешения памяти о казаках, «бившихся явственно», как сказано в древнем рукописном тексте, и для сохранения исторической памяти нынешними поколениями, вылилась в два стихотворения, которые предлагаю к прочтению. Одно из стихотворений создано при обработке текста древней песни из книги войскового старшины Амурского Казачьего войска Романа Иванова – «Краткая история Амурского казачьего войска», а второе, составлено из его повествования о Сунгарийском сражении в той же книге. Оба стихотворения имеют свою мелодию. Собственно, это уже песни.

Давайте петь...

Комаринский острог

На Сибирской на окраине
На Даурской стороне
Казаки острог поставили
На Амуре на реке.
Казаки острог поставили,
Как царь-батюшка велел.
Казаки острог поставили.
В устии Комар-реки.
Ты, Амур-река, река казацкая.
Ты, Амур-река, мой оберег.
Служба трудная казацкая
И забыть об этом грех.

Вкруг острогу Комаринского
Крепки стены возвели.
Да рогатки на вал ставили.
Ров глубокий провели.
И царю ясак собрали
На Амуре на реке.
С шелковыми неводами
Плавали на челноке.

Ты, Амур-река, река казацкая.
Ты, Амур-река, мой оберег.
Служба трудная казацкая
На брегах из века в век.

Умывались росой чистою
На Амуре на реке.
Пели песни голосистые,
Как истоки в роднике.
Но из-за ручья глубокого
С Шингалинского хребта
Накатила злая силушка
Полонить чтоб казака.

Ты, Амур-река, река казацкая.
Ты, Амур-река, мой оберег.
Служба трудная казацкая
Не забыть её вовек.

И кричал богдойский князец
Всем, сидящим в острогу:
«А вы сдайтесь-ка, казаки,
А не то не быть добру!»
И богдойский князь, как ворон,
На коне лихом летал
Вкруг острога Комаринского.
Сласти рая обещал.
Ты, Амур-река, река казацкая.
Ты, Амур-река, моя судьба.
Служба ратная казацкая.
Нам забыть о том нельзя.

Уговорам не поддались
Острожные казаки.
С войском злобным храбро бились
В устии Комар-реки.

Ты, Амур-река, река казацкая.
И в Амуре кровь моя.
Проливалась руда братская.
В острогу краснит земля.

Коль казак ты, то по-братски
Помяни, и не забудь,
Что Амур река казацкая.
Памяти достоин будь.

Про Онуфрия Степанова

Над Амуром стоят зори ясные.
На брегах реки покой.
Ветерок играет волной ласково.
А когда-то был здесь бой речной.

Несколько веков тому назад
По указу и веленью царскому
На Амур пошёл Онуфрий-атаман,
А с ним славные сыны боярские.
И дружину набирали из служилых
И охочих к службе казаков:
Из тобольских, верхотурских, енисейских.

Из Сургутского с Якуцким острогов.
Над Амуром стоят зори ясные.
На брегах реки покой.
Бились в устье Шингалы казаки явственно.
Нет другой истории такой.

На дощатиках казачия дружина
В устье Шингалы бой приняла.
Пенилась река шугой багряной.
В скорби небо и притихли берега.

Закипала ядрами пушкарскими
В устье Шингалы вода.
Казаки там бились явственно.
И станицам дали имена.

Над Амуром стоят зори ясные.
На брегах реки царит покой. Помним
подвиги Бекетова, Степанова.
Казаков чтят и в станице Квашниной.

Из историй-песен, слов не выкинешь.
А захочешь позабыть, так не дадут:
Древние сказанья рукописные
Об истории кричат-поют.
Говорят, китайский летописец
Рассказав о славном том сраженье,
Русским дьяволом Степанова назвал,
Проявив почёт и уваженье.

Над Амуром стоят зори ясные.
На брегах реки покой царит.
И на картах метки беспристрастные,
Где казачий след давно лежит

Пусть имена защитников не гаснут

В год Защитника Отечества и 80-летия двух Побед особенно остро воспринимается информация о забытых воинских захоронениях, независимо от статуса захоронений: братская это могила, или могила фронтовика, умершего после войны.

Мотивацией к написанию статьи послужила ситуация: в интернете встретился музыкальный видеоролик необычного характера – несколько десятков фотографий, обозначенных автором видеоролика, как заброшенные захоронения фронтовиков Великой Отечественной войны 1941–1945 гг и Второй мировой войны, умерших в послевоенном периоде. Несколькими женщинами и мужчинами самостоятельно, по велению сердца и совести, проведены работы по благоустройству почти 20 могил фронтовиков, но только их усилий мало. Слишком велик объём работ. Кроме того, среди заброшенных захоронений фронтовиков есть захоронения тех, кто ковал Победу в тылу. От себя и от имени участников мероприятий, автор видеоролика обратилась за помощью к общественности.

Ролик сопровождается песней, стихи к которой написаны жительницей г. Биробиджана (ЕАО) Еленой Кривошеевой. И смысловая подача этого видео, и слова, и фото, не могут оставить равнодушным любого, просмотревшим его. Не только перед биробиджанцами, но и перед обществом в целом представлена картина нашего отношения к воинам прошлого века. Если фото представлены в таком объёме только в одном муниципалитете, и эти фото только часть заброшенных захоронений, значит в канун года Защитника Отечества мероприятия по приведению захоронений фронтовиков в надлежащее состояние, а именно – не уничижающее личность каждого воина и его вклад в Победу мая и сентября 1945 года, либо не проводились, либо проводились без соответствующего контроля, не только в этом муниципальном органе.

Благоустройство захоронений — это не конечная цель работы группы энтузиастов.

Они подготовили таблички-меморандумы на облагороженные захоронения фронтовиков, так как фамилии фронтовиков отсутствуют на мемориале г. Биробиджана. Сам мемориал в настоящем времени претерпевает реконструкцию, в ходе которой несколько десятков фамилий исчезли вместе с пилонами. Будут ли только эти пилоны возвращены, кто занимался фиксацией фамилий на них, чтоб не утратить в последующем, общественности неизвестно.

При всей полезности работы, проведённой неравнодушными жителями областного центра Еврейской автономной области по приведению некоторой части заброшенных захоронений воинов Великой Отечественной 1941-1945 и Второй мировой войн, эта работа должна быть поддержана и развита муниципалитетом и региональной исполнительной властью. Такого рода захоронения должны иметь паспорта, имена должны быть сверены с именами, нанесёнными на пилоны мемориальных комплексов и памятных мест, Книгами памяти. В случае несоответствия информации или её отсутствия, информация должна быть внесена в Книги Памяти и на мемориалы с учётом корректировок и новых результатов поисковой работы.

База данных МО РФ «Память народа» постоянно обновляется и дополняется, работа по идентификации лиц и установлению факта принятия участия в защите нашего государства, должна проводиться во взаимодействии с государственными архивами, архивами военных комиссариатов, учреждений и ведомств, таких как ЗАГС и ФСБ. Взаимодействие с Федеральной службой безопасности особенно важно, так как Дальневосточный регион являлся местом концентрации спецпоселений для лиц, оказавшихся на оккупированной территории, либо оказавшихся в плену. Прискорбно, но факт: не все пленённые в период Великой Отечественной войны советские солдаты остались верны воинскому долгу и Родине, как и не все остарбайтеры питали чувство любви и верности России. В целях исключения опасных ошибок, во избежание дискредитации образа советского воина и нашего государства, как правопреемника СССР, работа должна вестись целенаправленно, системно, тщательно. Оптимальным будет создание специального отдела (отделения, и т.п.) при муниципалитетах для придания весомости и значимости в ходе осуществления работы по запросам или непосредственной работой с архивным документами. И конечно, общество не должно оставаться безучастным даже при полной ответственности муниципалитетов и региональных органов исполнительной власти за проведение такого рода мероприятий. В противном случае последующие за нами поколения утратят чувство искреннего патриотизма и любви к Отечеству, чувство гордости за нашу Родину в каждом её историческом периоде.

Завершение года Защитника Отечества не должно стать препятствием для муниципалитетов и органов исполнительной власти субъектов в реализации мероприятий по сохранению исторической памяти России, увековечиванию имён её славных воинов. Эта работа – часть государственной политики страны, а значит должна проводиться на постоянной основе.

В. Крюков

О забытых могилах фронтовиков

Автор Е. Кривошеева

Плащ-палатка. Дождь. Горит свеча.
На газете фляжка, чёрный хлеб.
Политрук, старлей и капитан
Вспоминают путь свой из побед.
Строили дома, Транссиб и БАМ.
«Пятисотку» до Совгавани тянули.
Строили в глуши Биробиджан,
Их свинцовые метели не согнули.

Оглянись, земляк мой, присмотрись -
Рядом лица, лица, лица, лица…
Неужели клок родной земли
Не заставит сердце биться птицей?

Плащ-палатка. Дождь. Горит свеча.
На газете фляжка, чёрный хлеб.
Воентехник, рядовой, сержант
Вспоминают путь свой из побед.
Под Москвою в сорок первом злом году
Насмерть на пути врага стояли.

Защищали дом, свою семью
И Дорогу Жизни закрывали.

Оглянись, земляк мой, погляди –
Заслужил такой покой твой дед?
Как давно салюты отгремели
В честь героев, в круглый год Побед?

Плащ-палатка. Дождь. Горит свеча.
На газете фляжка, чёрный хлеб.
Артиллерия, пехота и танкисты
Вспоминают путь свой из побед.
Брали Кенигсберг и Будапешт,
Фрицев били под Бреслау и Варшавой.
В мае шли отважно на Берлин,
В августе сражались в Фуюане.

Оглянись, земляк мой, погляди -
Нет имён солдат на обелисках
И, быть может, на планете всей
Ты сейчас солдату самый близкий.
Не сочти за труд и присмотри
За могилой, где лежит солдат.
Не родня, он ни тебе, ни мне,
Но он наш, советский, наш земляк.

Оглянись, земляк мой, присмотрись,
Может на погостах наших
Ты найдёшь фамилии родных,
Кто страну спасал и сеял пашни.

Примечания автора статьи:

1.«Пятисотка» - железная дорога от ст. Комсомольск-на-Амуре до ст. Советская Гавань, строительство которой завершено 15 июля 1945 года. Магистраль сразу вошла в эксплуатацию, началась ускоренная переброска частей Советской армии на Дальневосточный фронт. Эта дорога стала не просто инженерным успехом, она стала вкладом БАМа в Победу СССР на востоке.
2. Фуюань – укреплённый узел японской Квантунской армии в п. Фуюань (провинция Хэйлунцзян, КНР), овладевание которым было первостепенной задачей 15-й советской армии (командующий генерал-лейтенант С. К. Мамонов) 2-го Дальневоточного фронта (командующий генерал армии М. А. Пуркаев) в ходе Сунгарийской операции, как составной части Маньчжурской стратегической операции. Задача осуществлялась силами десанта Амурской флотилии (командующий контр-адмирал Н. В. Антонов) в тесном взаимодействии с армейскими частями. Выход десанта производился от с. Нижнеспасское Смидовичского района ЕАО.

Душа

Как по лезвию ножа,
Не спеша,
Без одежд, босой,
Идёт душа.
Шла душа босая, не дыша.
Шла душа по лезвию ножа.

Край небес бездонных,
Не спеша,
Зачерпнула, не дыша, моя душа.
Целый мир лежит в ладонях у неё,
В душу смотрит через хрупкое стекло.

Ты держи, душа, в ладонях, не разлей
Яркий мир из снов своих детей,
Звёздный миг из детских снов чужих,
Снов из красок у друзей и у родных.

Как по лезвию ножа,
Не спеша,
Без одежд, босой,
Идёт душа.
Шла душа босая, не дыша.
Шла душа по лезвию ножа.

Край небес бездонных,
Не спеша,
Зачерпнула, не дыша, моя душа.
Целый мир лежит в ладонях у неё,
В душу смотрит через хрупкое стекло.

Можно целый мир в ладони взять,
Чтоб в своих ладонях укрывать.
Хрупкий мир в ладонях удержать
Сможет, кто сумел его понять.

Как по лезвию ножа,
Не спеша,
Без одежд, босой,
Идёт душа.
Шла душа босая, не дыша.
Шла душа по лезвию ножа.

Край небес бездонных,
Не спеша,
Зачерпнула, не дыша, моя душа.
Целый мир лежит в ладонях у неё,
В душу смотрит через хрупкое стекло.

Отражается в ладонях свет звезды.
Мост из радуг, разноцветные сады.
В этом мире добрых красок акварель,
И поёт дождей серебряных свирель.
Как по лезвию
ножа,
Не спеша,
Без одежд, босой,
Идёт
душа...

В июльской сини

В июльской сини
По облакам
Бегут из детства
Игрушки к нам.
Бегут игрушки
Детишек наших
И мир становится светлее, ярче, краше.

В июльской сини
Дожди косые
Дожди грибные
Сквозь солнце льются
В июльской сини
Дожди косые
Дожди грибные
Души коснутся

В июльской сини
Медведь из плюша
Плывёт по небу
В салон игрушек.
Букет ромашек
Забыл он взять,
Чтобы с дождём грибным, друзьям раздать

В июльской сини
Дожди косые
Дожди грибные
Сквозь солнце льются
В июльской сини
Дожди косые
Дожди грибные
Души коснутся

В июльской сини
Малыш-ежонок
Бежит на встречу.
Там медвежонок
Костёр готовит,
Заварит чайник,
И до утра у них беседы и мечтанья.

В июльской сини
Дожди косые
Дожди грибные
Сквозь солнце льются
В июльской сини
Дожди косые
Дожди грибные
Души коснутся
В июльской сини
Из облаков
Салон игрушек
Из наших снов.
Бегут, как в детстве,
Сквозь нить дождей,
Дождей косых,
Грибных дождей.

Амурский бульвар

Зацветает Амурский бульвар.
Цвет у сакур нежней поцелуя.
Раскалённый от зноя вокзал
Освежится ветрами с Амура.

Звон трамваев, цветущий бульвар
Накрывают волной безмятежной.
Мчится юность. Амурский бульвар
Дарит нам своих красок безбрежность.

Задорно юность бежит бульваром
И не пугают её дожди.
Бесстрашно юность, сбегает с пары.
Преподаватель, ты нас не жди.

Задорно юность бежит бульваром
И мир распахнут навстречу ей.
Бульвар Амурский отдаст нам даром
Воспоминанья волшебных дней.

Мир студентов беспечен и прост.
Левый берег загаром поманит.
В парке нас закружит карусель,
А в «Снежинке» пломбир уже тает.

Жизнь студента из ярких полос.
Мы пути для себя выбираем
Из студенческой жизни, из грёз
Мы в житейское море ныряем.

Задорно юность бежит бульваром
И не пугают её дожди.
Бесстрашно юность сбегает с пары.
Преподаватель, ты нас не жди.
Задорно юность бежит бульваром
И мир распахнут навстречу ей.
Бульвар Амурский отдаст нам даром
Воспоминанья волшебных дней.

Не заметишь, как годы мелькнут.
Словно кадры из фильмов «Гиганта».
Нам оркестры уже не поют
В старом парке, и нет оркестрантов.

Но, Амурский, как прежде шумит,
Раздаёт из цветов комплименты,
И трамвай среди сакур звенит,
Как привет из кино про студентов.

Задорно юность бежит бульваром
И не пугают её дожди.
Бесстрашно юность сбегает с пары.
Преподаватель, ты нас не жди.
Задорно юность бежит бульваром
И мир распахнут навстречу ей.

Бульвар Амурский отдаст нам даром
Воспоминанья волшебных дней.

Помним?..

Плащ-палатка. Дождь. Горит свеча.
На газете фляжка, чёрный хлеб.
Политрук, старлей и капитан
Вспоминают путь своих побед.
Строили дома, Транссиб и БАМ.
Пятисотку до Совгавани тянули.
Строили в глуши Биробиджан,
Их свинцовые метели не согнули.

Оглянись, земляк мой, присмотрись -
Рядом лица, лица, лица, лица…
Неужели клок родной земли
Не заставит сердце биться птицей?
Плащ-палатка. Дождь. Горит свеча.
На газете фляжка, чёрный хлеб.
Воентехник, рядовой, сержант
Вспоминают путь своих побед.
Под Москвою в сорок первом злом году
Насмерть на пути врага стояли.
Защищали дом, свою семью
И Дорогу Жизни закрывали.

Оглянись, земляк мой, погляди –
Заслужил такой покой твой дед?
Как давно салюты отгремели
В честь героев, в круглый год Побед?

Плащ-палатка. Дождь. Горит свеча.
На газете фляжка, чёрный хлеб.
Артиллерия, пехота и танкисты
Вспоминают путь своих побед.
Брали Кенигсберг и Будапешт,
Фрицев били под Бреслау и Варшавой.
В мае шли отважно на Берлин,
В августе сражались в Фуюане.

Оглянись, земляк мой, погляди -
Нет имён солдат на обелисках
И, быть может, на планете всей
Ты сейчас солдату самый близкий.
Не сочти за труд и присмотри
За могилой, где лежит солдат.
Не родня он ни тебе, ни мне,
Но он наш, советский, и земляк.

Оглянись, земляк мой, присмотрись,
Может на погостах наших
Ты найдёшь фамилии родных,
Кто страну спасал и сеял пашни.

Казакам. За семейным столом

За семейным столом собиралась семья.
Потерялись в дороге её сыновья.
Лошадей загоняли, чтоб правду найти,
Но в потёмках летели и сбились с пути!

Сыновья сыновей подросли и коней
Запрягают в погоню за правдой своей.
А река всё течёт, а река всё бежит.
А река мою память опять ворошит.
А года всё бегут, а года всё спешат.
Жизнь - река, но она не воротится вспять

За семейным столом собиралась семья.
На глазах закипала казачья слеза.
Кто "Советы" спасал, стал кругом виноват,
И кто против "Советов", не брат стал, а враг.

С фотографий на стенах из рамок простых
Смотрят "белый" и "красный" на внуков своих.
А река всё течёт, а река всё бежит.
А река мою память опять ворошит.
А года всё бегут, а года всё спешат.
Жизнь - река, но она не воротится вспять
За семейным столом пусть присядет семья,
И вглядится в награды - в кресты, в ордена:
Один дед шёл в прорыв, что Брусиловским стал,
А другой в сорок пятом Берлин штурмовал.

Ты подумай казак, что важнее тебе,
И ответь на вопрос о Гражданской войне.
А река всё течёт, а река всё бежит,
А река мою память опять ворошит.
А года всё бегут, а года всё спешат.
Жизнь - река, но она не воротится вспять.

За семейным столом соберётся семья.
За плечами беда, на висках седина.
Зарастают могилы казачьих семей,
Пока войны в душе у казачьих детей.

Зажигайте огонь у домашних лампад,
Сохраните семью, и услышь брата брат!
А река всё течёт, а река всё бежит.
А река мою память опять ворошит.
А года всё бегут, а года всё спешат.
Жизнь-река, но она не воротится вспять.

Дождь

Дождь бежал по лужам,
По деревьям хлопал,
И согнал с дорожки
Стаю голубей.
Говорит мне дождик:
- Все твои капризы
Я исполню,
только бровью поведёшь своей.
Я исполню,
только бровью поведёшь своей.

Дождь стучал по крыше,
Крался по карнизу,
И кружился в вальсе

В свете фонарей.
Говорит мне дождик:
- Все твои капризы
Я исполню,
только бровью поведёшь своей.
Я исполню,
только бровью поведёшь своей.

Дождь стучался в окна
Мокрою ладошкой,
Рассадив под крышу
Стаю голубей.
Говорит мне дождик:
- Все твои капризы
Я исполню,
только бровью поведёшь своей.
Я исполню,
только бровью поведёшь своей.

Дождь скользил по травам
И в реке купался.
Томный сад умыл он,
Чтобы рос быстрей.
Говорит мне дождик:
- Все твои капризы
Я исполню,
только бровью поведёшь своей.
Я исполню,
только бровью поведёшь своей.

Дождь шагает чинно,
Отбивает марши.
И несёт в охапке
Мне букет из роз.
Говорит мне дождик:
- Все твои капризы
Я исполню,
только бровью чёрной поведёшь
Я исполню,
только бровью чёрной поведёшь.

Повторим историю

По тридцать залпов в двадцать два ноль- ноль
В моей столице много лет назад
Из тысячи орудий дан салют.
И мирный любовался им закат.
Как ликовала вся моя страна!
Во всех пятнадцати республиках Советов
Подняли чарки, выпив их до дна,
За Мир и нашу общую Победу!
Прогнав врага чрез Бранденбургские ворота,
Под свои ноги кинул рейха стяг
Солдат советский, прошагавший пол- Европы

.

И пот смахнув сказал солдат, грустя:
- «Освободили мы Европу от фашизма,
Но нам победы этой не простят.
На поле пряного демократизма
Ложь и вражду для нас взрастят».

Мы посчитали – беды позади,
И правильным страна шагает курсом.
Но вскоре оказалось – нет страны.
Чужая кровь в висках стучала пульсом.
Из всех щелей полезли мракобесы,
Заполонив истоки чистых душ.
Пустив в глаза из патоки завесу,
Пытались повсеместно сорвать куш!

Прогнав врага чрез Бранденбургские ворота,
И подписи поставив на рейхстаг,
Солдат советский, прошагавший пол- Европы,
Был прав, когда сказал, грустя:
- «Освободили мы Европу от фашизма,
Но нам победы этой не простят».
На поле пряного демократизма
Ложь и вражду для нас взрастят.

Ограбив без стесненья даже нищих,
Устроились с комфортом «за бугром».
Но невдомёк им, слабоумным, было,
Что вольного не сделают рабом!
Историю нам преподать решили
Как выгодно, чтоб память повредить.
И снова просчитались – не забыли!
Историю мы можем повторить!

Скажи-ка, политрук...

Горит костёр под ёлкой на опушке.
И вижу явно – руку протяни:
Чаёк из котелка парИт в солдатских кружках,
Вокруг костра – мои фронтовики.
Вот Дмитрий Иннокентьич, пограничник.
Дальневосточник. Ранен под Москвой.
И брат его Васятка – доброволец,
Схоронен в двадцать лет в земле чужой.
А это Пётр Иваныч с младшим братом,
С Серёгою, что без вести пропал –
Бомбили фрицы наши эшелоны,
И он навечно безызвестным стал.
Вот дед мой Николай, а это – Лида,
В семнадцать лет сбежавшая на фронт,
Её ровесник – Александр Антоныч,
И Анатолий, старший брат его.
А чуть поодаль, в портупее и с планшетом
По праву старшего по званию – майор,
Прихлёбывает чай из кружки Виктор,
Не пряча взгляд, хотя нелёгкий разговор.
- Скажи-ка, политрук, как так случилось,
Где ты майор НКВД так оплошал?!
Бандеровскую тварь не додавил ты,
И вот на Курск наш снова враг напал!
- Скажи-ка нам, ну как же так случилось,
Что погранец-юнец заставой встал,
Что стариков враг расстрелял в подвалах,
А кто-то убеждал, что «нет их там»!

- Ответь же, политрук, хотя бы нам,
В атаки мы ходили разве зря?!!
… Тут за спиной у них проухал филин –
Предупредил, что занимается заря.
А Виктор Ермолаич так ответил:
- Вину признАю, трудно не признать.
Но чтоб ошибки прошлого исправить,
Потомков нужно приучить – не врать!
… Привиделось. Наверное бывает.
Но вот живёт внутри, и палом жжёт,
История о многом и о многих,
Исход которой знаю наперёд.

Вариация

Горит костёр под ёлкой на опушке.
И вижу явно – руку протяни:
Чаёк из котелка парИт в солдатских кружках,
Вокруг костра – мои фронтовики.
А чуть поодаль, в портупее и с планшетом
По праву старшего по званию – майор,
Прихлёбывает чай из кружки,
Не пряча взгляд, хотя нелёгкий разговор.

История различною бывает.
А глух и нем бывает только тот,
Кто ненависть свою к стране скрывает,
И родину цинично предаёт.

- Скажи-ка, политрук, как так случилось,
Где ты майор НКВД так оплошал?!
Бандеровскую тварь не додавил ты,
И вот на Курск наш снова враг напал!
- Скажи-ка нам, ну как же так случилось,
Что погранец-юнец заставой встал,
Что стариков враг расстрелял в подвалах,
А кто-то убеждал, что «нет их там»!

История такая непростая.
Туман вокруг и лиц не различить...
Фронтовики, что у костра сидели,
Могли бы каждого чему-то научить.

… Тут за спиной у них проУхал филин –
Предупредил, что занимается заря.
- Ответь скорее, политрук, скорее!
В атаки мы ходили РАЗВЕ ЗРЯ?!! –
И политрук майор, успел ответить:
- ВинУ признАю, трудно не признать.
Но чтоб ошибки прошлого исправить,
Потомков нужно приучить – НЕ ВРАТЬ!

… Привиделось, наверное. Бывает.
Но вот живёт внутри, и палом жжёт,
История о многом и о многих,
Исход которой знаю наперёд:
Что глух и нем бывает только тот,
Кто родину цинично предаёт.

Не терзай себя, казак!..
Из служилых и стрельцов
Во страну Даурскую
Шли отряды казаков
Пармско-Верхотурские.
Русский царь издал Указ:
Чтоб казне наполниться,
Все границы укрепить,
Позабыв о вольнице!

Эх, казачья ты верста,
Долюшка ты, доля!
А судьба у казака,
Словно птица в поле.
Куда кинешь - всюду клин,
Но главой не склонится.
Выручают казака
Спас да Богородица!

Во Даурии-стране
Крепости поставили,
По морям и океанам
Корабли направили.
Северным морским путём
Ходим и доныне,
Позабыв про казаков,
Что его открыли!

Эх, казачья ты верста,
Долюшка ты, доля!
А судьба у казака,
Словно птица в поле.
Куда кинешь - всюду клин,
Но главой не склонится.
Выручают казака
Спас да Богородица!

Атаманы обещали,
Да забылось вскоре
О казачьей о судьбе,
О казачьей доле.
От Петра так повелось:
Казаков – в крестьяне.
Сколько сгинуло имён
В забытьи-бурьяне!..

Эх, казачья ты верста,
Долюшка ты, доля!
А судьба у казака,
Словно птица в поле.
Куда кинешь - всюду клин,
Но главой не склонится.
Выручают казака
Спас да Богородица!

Если ты решишь судить,
«Белый» ты иль «красный»,
Не терзай себя, казак,

Не терзай напрасно!
Бились в разные века
Не жалея жизни,
Принося и честь, и славу
Матери-Отчизне!

Хоть судьба у казака,
Словно птица в поле,
Но казачия верста -
Это твоя доля!
Сбереги и сохрани
Лучшее, что помнится,
Ведь не зря тебя хранят
Спас и Богородица

Амурские походы

Трилогия

Вступление

КорсАры Англии с французами и янки
Избороздили океан, ища поживу.
Монахи Соловецких островов
Из пушек крепостных им внятно разъяснили
Что Русский Север есть и будет Русским!
И помнят крепостные стены,
Как моря Белого проливы
Напуганным пиратам стали узки!..

Корсар рванул Камчатку испытать.
Но тут уж казаки вмешались:
Когда-то Петропавловск основав,
Отдать его совсем не собирались!
Отправив триста пятьдесят штыков
В порт Петропавловский для подкрепленья,
Лишь два орудия и сотню казаков
Оставили в Де-Кастри – бить уменьем!

А Петропавловские жители с детьми,
Плечом к плечу вставали с казаками,
С матросами Василия Завойко,
И город Петропавловск отстояли!
И флаг английский, дОбытый в бою,
Уехал в Оружейную Палату!
От неудачи застрелился Дэвид Прайс
Под пушечную русскую сонату!

Потом зимой по замерзающим морям
Завойко флот привёл на устие Амура,
Где за два месяца построена была
Для флота база: Николаевск-на-Амуре!
Не верь, что здесь тайга и глушь!
Не дай ветрам проникнуть в душу
И укрепляйся силой предков!
И в корень зри, и сердце слушай!

1

Задолго до отмены крепостного права
Для русского крестьянина в России,
Для укрепления границ дальневосточных
Всем забайкальцам это право отменили.
И забайкалец в радости служил молебны!
С души и рук свалились разом цепи:
Ведь дни его уже не раболепны,
И несвобода превратилась в пепел!

Не верь, что здесь тайга и глушь!
Не дай ветрам проникнуть в душу
И укрепляйся силой предков!
И в корень зри, и сердце слушай!

За долгое сиденье в АлбазИне,
Как в память о величии их предков,
Верстали всех потомков из служилых
В казАки конные от стариков до малолетков.
Потомков пАшенных крестьян из албазинских
Верстали в пешие полки – пехоту.
С них начиналась на Амуре,
Как и на Тихом океане, слава флота!
Не верь, что этот дальний край
Далёк от славных дней победы!

О тех походах на восток
Давно воспел прапрадед деда!

В год тыща восемьсот полста четвертый,
Лишь только лёд сошел по руслам рек,
С Усть-Стрелки, где Аргунь сроднилась Шилкой,
В поход пошло под тыщу человек!
Их древнею иконой Албазинской
Благословили в тот нелёгкий путь,
И крепостною албазинской пушкой
В их честь после молебна дан салют!

Меж тем, в далёком Чёрном море
Уже полгода шла война:
Там англичанин и француз с осмАнцем
Уже топили русские судА!..
Граф Муравьёв, впоследствии – Амурский,
Возглавил вереницу из плотов.
Флотилией той Казакевич правил,
А сухопутными войсками Корсаков.
Поход был труден, сложен и опасен -
Не знаешь, что тебя за мысом ждёт.
Плоты разрушились на перекатах… тонут
пушки…
Из ледяной воды казак их достаёт!

А в это время на Амурском устье
Ждал казаков российский флаг.
Он Невельским был установлен,
И опустить его нельзя никак!

Отправив триста пятьдесят штыков
В порт Петропавловский для подкрепленья,
Лишь 2 орудия и сотню казаков
Оставили в Де-Кастри – бить уменьем!
Цынга и тиф косили казаков,

А в лазарете фельдшер и карболка.
Но сотник Имберг простоял всю зиму,
Спасая казаков отваром хвОи ёлки.

Лишь сотня конных казаков
С пехотным батальоном
Пошли спасать Дальний Восток
И гнать француза с аглицким бароном.

Как казакам и крестьянам землю давали

1.

В 1859 году в Амурской области появились первые переселенцы из крестьян внутренних губерний Российской империи – 110 душ. Желающих переселиться за казённый счёт было гораздо больше, это был очень затратный способ переселения, и к 1862 году финансирование сошло на нет, но запрета на переселение не было, так как при поголовной военной службе казаков, их семьи не всегда могли обработать свой пай, и о крестьянах помнили, как о хлеборобах. Крестьянский люд на «авось» и «помилуй Бог» переселялся самостоятельно. Однако изобилие земли на Амуре не решало вопроса благосостояния и зажиточности ни казаков, ни крестьян в силу одних и тех же бед: разливы Амура и дождливые летние месяцы, отсутствие удобной для хлебопашества земли для всех переселяющихся.

По климатическим и почвенным условиям удобными для хлебопашества были признаны местности в тридцативерстном расстоянии от Амура, начиная от станицы Черняевой до устья р. Уркан, по левому берегу р. Зеи к устью р. Норы, далее через р. Селемджу по прямой линии к р. Бурее, к складу Ниманской золотопромышленной компании, отсюда по прямой линии к р. Амур. Площадь эта заключала в себе приблизительно 80 000 квадратных верст. Ещё один обстоятельно исследованный район в долине между реками Зеей и Буреей, вглубь территории выше р. Томь и к северу до р. Селемджи площадью примерно 22.000 квадратных верст был занят крестьянскими поселениями. Тесно было на Амуре до Дуссе-Алиня, то есть до Малого Хингана.

В 1889–90 годах было признано возможным отвести в этой местности для будущих переселенцев вполне удобной земли до 300.000 десятин и образовать отдельные поселения на 3.015 дворов, с наделом по 100 десятин на семью.

Приобретение земли в собственность в этих местах началось с 1866 г. и в течение 10 лет более 25 тыс. десятин было передано в частную собственность. Одна десятина стоила 3 рубля. Чуть более 4000 крестьян имели в пользовании 407 тыс. десятин земли. Во временном бесплатном пользовании у отдельных лиц находилось почти 9 тыс. десятин, в аренде чуть более 10 000 десятин земли. Самый крупный участок в 1006 десятин 588 саженей был приобретен дворянином Бенкендорфом, никогда не бывавшем на Дальнем Востоке, и только казаки оставались без земли.

Первый войсковой наказный атаман Приамурских казачьих войск генерал-адъютант барон Корф, ознакомившись с положением дел в войске, поручил особой комиссии под председательством начальника штаба Приамурского военного округа, рассмотреть вопрос о земельном устройстве войска. Комиссия пришла к заключению, что войску должна быть представлена в наделе прибрежная полоса Амура шириною в 25 верст, чтобы проживающим в этой полосе крестьянам было предоставлено или перечислиться в казачье сословие, или выселиться внутрь области, или остаться на настоящих местах жительства, но с платою оброчной подати в пользу войска за занимаемые ими земли по установленным тарифам.

Например, сенокосные луга близ золотых приисков и ключи для устройства водяных мельниц сдавались в аренду от 30 копеек до 1 рубля за десятину, местность с известковыми залежами давала от аренды до 50 руб. за десятину.

Одобрив предположения комиссии, генерал-адъютант барон Корф вошёл с ходатайством от 21 августа 1886 года за № 1357 в главное управление казачьих войск об отводе войску территории на вышеуказанных основаниях, но ходатайство это до 1894 года не получило разрешения.

В том же 1886 году барон Корф распорядился о командировании в Амурское войско межевой партии для отвода наделов станичным и поселковым обществам, поручил войсковому начальству выработать инструкцию для производства межевания.

2.

По рассмотрении предоставленных наказными атаманами данных, касающихся местностей, которые должны находиться в ведении и пользовании Амурского и Уссурийского казачьих войск, войсковым наказным атаманом было принято решение: временно, пока заселение края и выделение особых угодий в государственную собственность на основании ближайшего исследования не вызовут изменений, районы Амурского казачьего войска закрепить за казаками землю в следующих границах: …. по правому скату р. Улетуй до её вершины, оттуда через хребет в вершину речки Средней Илги, от вершины этой реки вниз до впадения её в р. Хору, отсюда прямой линией на соединение с реками Кихан и Кульдур, по Кульдуру по до соединения с р. Сутаром, далее по Большой Бире до горы Тихонькой, отсюда на Ин-Биру, по ней и по р. Ину до впадения Ина в р. Урми; далее на соединение реками Большой и Забеловой, по Забеловой с включением озера Забелова до впадения её в реку Амур.

Одновременно наказный атаман установил, чтобы живущее на войсковой территории инородческое население не было стесняемо в своих охотничьих и рыбных промыслах в пользовании лесом, но чтоб казаки оберегали лес от непроизводительных порубок и расхищения инородцами на общих положениях лесного хозяйства. Предложил объявить инородцам, что они проживают на казачьей земле и подлежат ведению казачьего начальства, и что им строго воспрещается принимать и исполнять какие-либо указания, исходящие якобы от китайских властей, что иногда замечалось.

На основании этой инструкции каждому станичному и поселковому обществу должны были нарезать по 30 десятин удобной земли на душу мужского пола и по 10 десятин на все население мужского пола каждого станичного округа. Кроме этих наделов каждому станичному округу полагался особый участок в запас на случай увеличения населения естественным приростом. К каждой станице, где имелась церковь необходимо было добавить по 300 десятин земли. Для надела офицеров и их семейств к каждому станичному округу полагалось 600 десятин для обер-офицерского состава, и по 1000 десятин для штаб-офицерского состава.

Беда с межеванием и наделением землей заключалась в том, что все земли, залитые водою в наводнения 1872 и 1879 гг, считались неудобными или средне-удобными, и их хоть и отводили, как говорится, от души: три десятины за одну, да вырастить урожай на этих землях было практически невозможно.

Другая беда состояла в том, первое межевание земель было проведено для Амурского конного полка, и оно не обошлось без недоразумений: участки перемежевывали после межевания, эта процедура принимала очертания математического правила – от перестановки мест слагаемых, количество земель станичных округов не увеличивалось. Например, соседний с Поярковским Иннокентьевский станичный округ готовили к перемежеванию в 1894 г., а он не имел излишка земель. Чтобы создать участки для переселенцев, предполагалось нарезать недостающие земли в Поярковском станичном округе, земли Поярковского округа значительно уменьшатся, а там есть необходимость в земельных участках для конно-плодовых табунов. Если же весь свободный участок передать из Поярковского в Иннокентьевский станичный округ на предмет усиления войска переселенцами, то на участке этом может быть поселено только 1740 душ из расчета 40 десятин на душу, что не соответствует нормам выдела земли. Значит необходимо урезать и перемежевывать земли Раддевского станичного округа, а он расположен за пределами границ дислокации Амурского конного полка, да ещё и в местности, малопригодной для земледелия. В общем, карусель с землёй была ещё та! И тем не менее, Инструкция по межеванию земель для Амурского конного полка несла хоть какие-то нормы и правила по наделению казаков землей. Однако Амурский пеший полубатальон оказался вне зоны действия этой Инструкции.

3.

В Амурском пешем полубатальоне межевание было окончено в 1885 г. до утверждения бароном Корфом инструкции для надела землею казаков Амурского конного полка, а пото-

му правила не были приняты во внимание и все земли, заливаемые водою не только во время наводнения, но и ежегодно при высокой воде в Амуре, были признаны удобными.

Вся береговая полоса от поселка Сторожевского до Головинского была занята исключительно казачьим населением, пустопорожних земель между поселками почти не было, за исключением склонов Хинганского хребта, где находились только почтовые станции. Казачьи наделы занимали все пространство вглубь от Амура на расстоянии от 20 до 25 верст. У Комиссии по межеванию возникла новая «головная боль»: с перемежеванием согласно инструкции, утвержденной для конного полка, наделы казаков Амурского пешего полубатальона могут занять ещё больше пространства вглубь территории. Ко всем прочим нехорошим моментам, вся местность ниже поселка Головинского почти до Хабаровска, низменна, болотиста, заливается водою, мало удобна для поселений; устроенные до 1872 года на этой территории поселки смыты наводнением и не возобновлялись. Комиссия понимала, что во всей береговой полосе полубатальона за наделом казаков, могут остаться только свободные земли для переселенцев по берегам реки Биджан на 80 или 100 душ, севернее посёлка Головинского по речке Большой Бире на 400-500 душ, около поселка Бабстовского на 500-600 душ, а всего на немногим более 1200 душ.

Кроме того, по рассказам казаков, севернее поселка Забелловского была большая площадь земли возможно годной для поселения, но она не была исследована и определить действительно ли эта земля удобна и сколько душ там может поселиться, данных не было.

Таким образом во всей береговой полосе Амура шириною в 25 верст, об отводе которой войску ходатайствовал Войсковой Наказный Атаман Барон Корф, за наделами казаков могло быть поселено ещё около 3 тыс. душ, но в таком случае войско не могло получить никаких запасных земель для войсковых надобностей, в том числе для коневодства. Земли на случай естественного прироста населения, составляющие войсковой запас, которые должны были поступить в распоряжение войскового начальства, не были выделены в особые участки, а нарезаны каждому поселку в общей массе земли, причитающейся ему по числу душ. В этой связи в феврале 1887 г. войсковое правление Амурского казачьего войска обращалось к Приамурскому генерал – губернатору с просьбой запретить лицам не казачьего сословия селиться на расстоянии 25 верст от границы.

Все отрицательные моменты, допущенные при межевании до утверждения инструкции, были доведены до сведения войскового наказного атамана начальником штаба округа письмом от 7 сентября 1892 года № 4672. Командующий войсками округа признал необходимым перемежевать земли Амурского полубатальона на основаниях инструкции, утверждённой для конного полка, и дал предписание наказному атаману Забайкальского казачьего войска, ведавшего вопросами межевания, но за неимением в Межевом отделении свободных землемеров, мера эта не была приведена в исполнение.

Проблема, обозначившаяся в невозможности выделить наделы казакам вглубь территории, была неразрешимой: на территории, вглубь которой могли уйти казачьи наделы, предполагалось строительство Амурской железной дороги от Хабаровска до Сретенска. Решение о наделении казаков землей в глубине территории от прибрежной полосы Амура выходило за рамки полномочий Войскового правления и Приамурского генерал-губернаторства, вопросы по распоряжению этой землей требовалось решать уже на уровне Кабинета Министров Российской империи. Но к 1895 году канцелярия Приамурского генерал-губернатора уже вела переговоры с Начальником изысканий на предмет исследования проектируемой Амурской железной дороги, с целью её заселения, принципах устройства, образовании переселенческих участков в районе Амурской железной дороги, и потому вопрос о казачьих землях поднимать было нецелесообразно.

Наверное, эти же обстоятельства послужили заселению крестьянами территории, расположенной достаточно далеко от нынешних нитей Транссиба, ведь крестьяне нужны были как хлеборобы для снижения нагрузки казаков, и вопрос наделения казаков землей отошёл на вторичный план.

Строительство железной дороги затянулось, но была построена «колесуха» и к ноябрю 1907 года Приамурское генерал-губернаторство согласовало с Управлением строительной и дорожной частями Амурской области и атаманом Михайло-Семеновской станицы вопрос о заселении Амурской колесной дороги крестьянами в пределах казачьей территории.

Дорога железная. Дорога Амурская

1.

В 1889 году Кабинет министров Российской империи утвердил строительство железной дороги от Челябинска до Иркутска, и далее через территорию Китая к Владивостоку. Забайкалье и Приамурье вписывались в доктрину строительства условно. 12 февраля 1891 года было утверждено направление Уссурийской железной дороги от Владивостока до станции Графская, первый участок которой протяженностью 408 км был построен в 1896 году, а дорога получила название - Южно-Уссурийская железная дорога. Через семь лет, в 1903 г. железнодорожное сообщение соединило Владивосток и Хабаровск, а ещё через девять лет, в 1912 г. дорога протянулась до станции Сретенск, но Приморье и Приамурье были связаны железной нитью магистрали только в 1916 г. Очень долгим оказалось строительство. Причина в следующем:

Россия арендовала Порт-Артур и порт Дальний. Министр финансов Российской империи Витте обосновал, что путь в эти порты через территорию Манчжурии короче. По согласованию с Китаем началось строительство Китайско-Восточной железной дороги. Устройство ответвления протяженностью 1025 км от Харбина позволяло выйти в Порт-Артур и порт Дальний, минуя Владивосток. Транссибирскую железнодорожную магистраль к 1901 г. с западной стороны замыкала станция Китайский разъезд (ныне это станция Карымская). Далее дорога шла через территорию Китая до станции Пограничной, а от неё по территории России до Никольск-Уссурийского, нынешнего Уссурийска.

В октябре 1901 г. смычка на участке Манчжурия-Никольск-Уссурийский была завершена и Витте уведомил об этом Николая II, который направил в ответ телеграмму следующего содержания: «Искренне благодарю Вас за радостное сообщение, поздравляю Вас с окончанием одного из крупнейших железнодорожных предприятий в мире в столь короткий срок и посреди неимоверных трудностей. Николай.». Сооружение Южно-Манчжурской линии КВЖД до Порт-Артура и Дальнего закончили в 1904 г непосредственно накануне Русско-японской войны.

С окончанием строительства КВЖД и ЮМЖД впервые было организовано пассажирское сообщение поездом из Европы во Владивосток. Четыре отлично оборудованных пассажирских поезда отправлялись из Москвы четыре раза в неделю. Двое с половиной суток в пути и поезд прибывал в Челябинск, оттуда шёл четверо суток до Иркутска, затем поезд переправляли через Байкал на пароме или пароме-ледоколе, в зависимости от времени года. На двенадцатые сутки от даты отправления из Москвы поезд прибывал на станцию Манчжурия, а ещё через пять суток пассажиры любовались портом Дальним. Вся поездка занимала 16 суток вместо 35 на океанском корабле.

Несомненно, грандиознейшее событие, не имеющее аналогов в мире, но удивив Европу и Англию с Америкой, территорию Забайкалья и Приамурья забыли. Честно сказать, такое решение министра Витте и императора Николая II обескураживает, труды и подвиги казаков и солдат в первых Амурских сплавах, участие их в Крымской войне на Дальнем Востоке, основание Николаевска-на-Амуре, трагедии при возвращении казаков и солдат из этих походов, а затем трагедии при выселении из Забайкалья для заселения Амура, выглядят напрасными.

Единственная польза от КВЖД и ЮМЖД для Российской империи в том, что до начала боевых действий в Порт-Артуре и порту Дальнем по однопутной магистрали перевезли 1 млн 300 тыс. человек, 230 тыс. лошадей, 37 тыс. повозок, 2200 орудий, а после окончания боевых действий имелась возможность эвакуировать большую часть российских войск. Увеличение в этом периоде пропускной способности Сибирской магистрали никак не отразилось на

благосостоянии населения Забайкалья и Приамурья, и не повлияло на развитие промышленности на их территориях.

2.

Изыскания местности под проектируемую Амурскую дорогу (от Хабаровска до Сретенска) начались еще в 1894 г. Сообщение Министру путей сообщения от Приамурского генерал-губернатора о рекогносцировке местности между Сретенском и Хабаровском для строительства железной дороги было направлено 8 апреля 1894 г. Местность исследовалась не только для устройства железной дороги, но и в целях создания на ней инфраструктуры: сооружений, зданий, жилых домов для работников железной дороги. Но строительство КВЖД и ЮМЖД отодвинуло строительство Амурской железной дороги, хотя, например, в апреле 1895 г. на ст. Бира (почти сразу переименована в Розенгартовку) даже были устроены временные железнодорожные склады. Да, дороги еще не было, а место для будущей станции уже было определено. В одной из дальневосточных газет конца XIX в. сообщалось, что в 1896 г. на жд станции Бира пала от сапа 1 лошадь, из заболевших ранее. В 1898 г. появилось сообщение, что на месте будущей станции Бира (нынешний Облученский район ЕАО) находятся лагеря каторжан, занимающихся вырубкой леса под будущие нити железной дороги.

Южно-Маньчжурская железная дорога была утрачена Россией после поражения в Русско-японской войне. Под угрозой утраты оказалась и другая дорога – Китайско-Восточная. По этой причине в 1907 году началось строительство железной дороги от станции Куэнга до Хабаровска протяженностью 2000 км. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

На картах стали появляться первые железнодорожные станции и разъезды: в 1910 г. - Ин, Икура, Бира, Кимкан, а между Бирой и Кимканом разъезд с интересным и только однажды встретившимся названием Тороннпан.

На карте 1912 г. по железной дороге обозначились: Волочаевка, Ольгокта, пос. Ин – станция Ин, Аур, Икура, Гирек, пос. Бира - станция Бира, Кандалик, Лондого, Биракан, Кимкан, Лагар-Аул, пос. Облучье - ст. Облучье, пос. Есауловский-разъезд Есаулов. От станции Ин к выселку Петровскому шла железнодорожная ветка.

На карте 1913 г. появилась Покровка (нынешний Приамурский, Дежнёво (так называлась нынешняя жд станция Дежнёвка), Николаевка, Никита. От разъезда Есаулова до пристани поселка Пашковский, который обозначался, как Пашковский на Амуре, шла железнодорожная ветка.

На старых картах, например 1912 г., на месте будущего разъезда Тихонького нет никаких обозначений, кроме рукописного текста - Тихонькая Сопка. К 1915 г. Бира, Ин и Тихонькая имели статус поселков городского типа.

Строительство Амурской дороги, как и всего Транссиба, и колесной дороги, велось силами каторжан. В интернете можно отыскать множество фотографий из исторических фотоальбомов, где есть изображения строителей, чиновников – устроителей Амурской дороги. Публика в среде ссыльнокаторжных рабочих была самая разнообразная по социальному происхождению, национальности, образованию. Были там и крестьяне, и казаки, и мещане. Жили в бараках при будущих станциях, тоннелях. За иными на каторгу следовали семьи. В метрических книгах начала 1900-х гг часто встречаются записи о захоронении каторжан и членов их семей на кладбищах близ тоннеля или моста, или просто с указанием версты железной дороги в местах лагерей. Выражение, что все дороги построены на костях имеет буквальное значение ещё со времён царской России. Лагеря, кстати, были устроены на всей территории Амурской области тоже с тех времен. Мне представилась возможность видеть текст приказа военного губернатора Амурской области по тюремному ведомству, которым предписывалось выдать суточные деньги за служебную поездку для осмотра лагерей каторжан в Волочаевке и Николаевске-на-Амуре.

3.

Инженерно-технический состав постройки Амурской железной дороги, он же чиновничий, был вольнонаемным. На такую работу принимались люди с образованием, часто из высших слоев общества. Например, муж сестры моей бабушки, Антон Афанасьевич Ходосевич и три его брата, потомственные дворяне Минской губернии, фамилия которых была занесена в Бархатную Книгу дворянства России задолго до всех революций, были служащими на постройке ветки, примыкающей к Транссибу от станции Невер-1 до станции Рейново в Амурской области. Но разбогатеть на строительстве Амурской железной дороги было невозможно. Например, на выдачу суточных денег за время нахождения в служебных поездках для выбора места под лагери, для освидетельствования грунта, для промежуточного обмера объема работ на ст. Ин в 1915 г., военный губернатор Амурской области по тюремной инспекции отдал приказ помощнику начальника 4-й арестантской команды Буртасовскому, спустя год - 21 сентября 1916 г.

При постройке Западной части Амурской железной дороги после длительной переписки начальника работ по постройке железной дороги с заведующим Албазинским войсковым лесничеством было принято решение об отчуждении земель, принадлежащих Амурскому казачьему войску и заготовке лесоматериалов для строительства Амурской железной дороги. Это был двойной удар Амурскому казачеству, так как основной доход войсковых капиталов составляли наличные деньги и процентные бумаги, но уровень дохода был невысок. К 1896 г. войсковой капитал увеличился на 13368 руб.47 коп. за счет дохода с войсковых лесов. До перемежевания приграничной 25-верстной полосы все леса считались казенными и только в 1894 г., с проведением по распоряжению Приамурского Генерал-Губернатора границы казачьих земель, доход с этих лесов стал поступать в войсковой капитал. Прошло чуть более 10 лет и этот вид дохода опять стал недоступен – земля, на которой рос лес, была отчуждена.

Строительство Амурской железной дороги приковывало внимание мнимых друзей Российской империи. В 1908 г. не без участия иностранцев начались волнения приисковых рабочих в связи с распространившимися слухами о якобы лучших условий для рабочих на строительстве Амурской железной дороги. Правительство Российской Империи тут же отреагировало жесткими мерами подавления этих волнений, применив репрессии (кстати, репрессия — это со времен Ивана Грозного мера карательного характера, направленная на подавление волнений и наказание граждан, нарушающих внутри государства порядок, установленный государственной властью).

В этот же период времени активизировалась деятельность американских агентов по вербовке русских рабочих на плантации и в колонии на Гавайские острова. Правительство Российской Империи вынуждено было разработать особый порядок выдворения иностранцев за границу, выработать закон об эмигрантах и запрете распространения печатной продукции. Казалось бы, всё сделано верно, но на фоне утраты Порт-Артура и порта Дальнего с большим числом жертв солдат и офицеров русской армии при явном отсутствии интереса к освоенным дальневосточным землям, Правительство Империи прекратило рассматривать ходатайства о награждениях за участие в Русско-японской войне, что повлекло новые волнения среди населения.

4.

После событий 1905-1907 года последовали новые: в 1911 г. намечалась 8-я конференция Бунда, наступало 50-летие отмены крепостного права, что подразумевало революционные выступления, а тут еще на территорию России очень оригинальным способом стали проникать шпионы – перелетали государственную границу на воздушных шарах. Циркуляры, инструкции, указания, разъяснения министра внутренних дел, Департамента полиции, Департамента окладных сборов, военного губернатора Амурской области и Приамурского генерал-губернатора, решения станичных правлений и начальников участков следовали один за другим: казакам и крестьянам запретили использовать в сельском хозяйстве труд китайцев и корейцев, не имеющих паспортов; населению было запрещено переходить в баптизм с целью уклонения от военной службы; в местах строительства Амурской железной дороги

были закрыты все питейные заведения; иностранцам запретили проживать в районе Амурской железной дороги

В связи с этими социальными событиями требовалось усилить ряды полицейских. Перед выбором не стояли: усиление за счет казаков. Главное управление Генерального штаба Российской империи и штаб Приамурского военного округа приняли решение: Главное управление казачьих войск упразднить, казаков причислить к Департаменту полиции, решить вопрос о форме одежды полицейских войск и организовать военную подготовку казаков для охраны строительства Амурской железной дороги. Так казаки, кроме охраны госграницы и заготовки дров, стали выполнять новые функции: расчищать лесосеки, предупреждать выступления революционных организаций 1-го мая, разыскивать преступников и уклонистов, выявлять и ловить шпионов, производить личные обыски, изымать оружие у арестованных и конвоировать их.

Конвоирование было делом деликатным, поэтому казаки Кумарского и Иннокентьевского станичных округов решили, что выполнять эту функцию будут только за вознаграждение. К тому же отъём земли у казаков повлёк самовольную распашку земель и сенокошений, о чём лесные объездчики регулярно составляли акты, и казаки решили таким образом компенсировать свои обиды за землю.

Правительство Российской Империи было вынуждено начать выдавать вознаграждение за имущество, занятое при строительстве железных дорог. Была даже создана оценочная комиссия по определению размеров убытков, причиненных казакам при строительстве Амурской железной дороги по перечню о передаче в ведение Министерства путей сообщения земельных участков, занятых дорогой.

Прокладка восточного участка Амурской дороги была завершена в 1915 г., открытие моста через Амур 5 октября 1916 года замкнуло непрерывность железнодорожного сообщения столицы с Владивостоком по территории России. Мост через Амур был самым большим на сети дорог Восточного полушария планеты – 2600 м.

Через пять месяцев произошла Февральская буржуазная революция. Затем последовала Октябрьская социалистическая революция. Началась Гражданская война. Прогоняя интервентов, на Амурской железной дороге красными партизанами были взорваны все мосты, дорога была разрушена почти на всём протяжении от ст. Рухлово до Покровки (нынешний п. Приамурский). Восстанавливали дорогу и тянули вторую нить Транссиба тоже каторжные, именуемые заключёнными, к которым были применены меры государственного понуждения для соблюдения государственных законов, установленных новой государственной властью.

(Статья подготовлена на основе собственных документов и с использованием ин-формации из научно-популярного издания Александра Чащина «Сретенские были»).

Сто первый километр

Ученый и краевед из ЕАО Валерий Соломонович Гуревич подарил мне копии интересных документов. Один документ датирован январем 1900, другой - февралем 1900 г., третий – июнем 1901 г.

Документы исходят от Военного Губернатора Генерального Штаба Приморской области Николая Михайловича Чичагова, канцелярия которого находилась в крепости Владивосток, и от товарища Министра Внутренних дел, сенатора из Особого Отделения департамента Духовных дел иностранных исповеданий. Направлены были в адрес Приамурского Генерал-Губернатора.

Из одного документа следует, что Читинскому мещанину Давиду Абрамовичу Циммерману отказано в приобретении в собственность недвижимости в г. Хабаровске, которую он хотел приобрести с целью санкционирования своего постоянного пребывания, как еврея, в районе стовёрстной пограничной с Китаем полосы. Из других документов следует, что Генштаб Приморской области Особого Отделения департамента Духовных дел иностранных исповеданий отказывают в причислении к мещанскому обществу г. Хабаровска Шевеля

Шмитмана (в одном из документов данные вписаны как Шанель Шнитман) отставного нижнего чина из рекрутского набора.

Оба отказа мотивированы тем, что с мая 1897 г. евреи не имеют права жительства в 100-верстной пограничной с Китаем полосе, и вообще в 100-верстной полосе на иных пограничных территориях. Что 100-верстная полоса охраняется законом от посещения евреями, и право проживания в её границах является недоступным для всех евреев, кроме водворившихся в этой полосе до 1860 г. Особо подчеркивается, что селиться в 100-верстной пограничной зоне запрещено евреям, сосланным в Сибирь, то есть, имеющим судимость, и евреям - детям отставных нижних чинов.

1.

На фоне судимости и ссылки в Сибирь запрет на поселение в 100-вёрстной приграничной полосе оправдан – человек неблагонадёжен. Так как среди лиц, ссылаемых в Сибирь, были не только уголовные элементы, но и лица, в вину которым ставились «смутные слова» и «бунты», мера предосторожности для сохранения спокойствия в государстве применялась ещё с XVII в. Например, Сибирский приказ в 1689 г. отверг предложение об отправке на нерчинскую службу и нерчинские серебряные рудники 242 «московских стрельцов и разных чинов ссыльных людей», прямо заявив о том, что «вместе ссыльных всех селить опасно». Ничего нового в этом плане не свершилось за века, та же практика и принцип расселения в пограничных районах применялись и во все времена русского Дальнего Востока. Но почему же запрет на поселение в пограничной полосе распространялся на евреев – детей отставных нижних чинов? Ответ один – пацифизм, основанный на религиозности. Не секрет, что и еврейское население, и старообрядцы, и сектанты имели убеждения, что любому насилию можно противостоять идеологией, направленной на разрешение конфликтов только мирным путём. Хорошая идеология, но она не годится в условиях войны. Очень достоверно и эмоционально о пацифистском отношении евреев даже при угрозе собственной жизни рассказано и показано в художественном фильме «Праведник», основанном на реальных событиях по спасению евреев советским правительством в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Не могу не сказать, что генерал-майор Николай Михайлович Чичагов, военный губернатор Генерального Штаба Приморья, отказавший Циммерману Давиду и Шнитману Шевелю в поселении в пограничной зоне, был основоположником профессиональной пограничной стражи Приморья и Приамурья. Он же явился основоположником разведки и контрразведки на дальневосточных окраинах Российской империи, и ему, как никому другому было важно отладить механизм защиты границы. А с пацифистами много ль защитишь? Хотя сам Чичагов тоже был сторонником урегулирования конфликтов мирным путем. Например, во время боксерских восстаний в Китае, он едва ли не единственный из военачальников избежал необоснованного кровопролития, защитил местное население г. Нингуты, организовал питание нуждающихся местных жителей, и жители Нингуты были ему благодарны безмерно. Свою благодарность они выразили сооружением памятника генералу Чичагову при его жизни, установив памятник на главной площади Нингуты, называя генерала генералом Чичи. К сожалению, от памятника сохранились только фрагменты, их можно увидеть во Владивостоке на улице Петра Великого.

Возвращаясь к событиям конца XIX – начала XX вв. чтоб разобраться в причинах отказа в поселении евреев в пределах 100-вёрстной зоны я изучила документ, полученный из Российского Государственного исторического архива.

2.

Из срочного циркуляра Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел Российской Империи от 13 августа 1912 г., составленного управляющим отделом Каллистовым с подписью временно исполняющего обязанности Начальника Главного Управления Евтифеева, адресованного губернаторам, начальникам областей и градоначальникам, следует, что на протяжении очень большого периода времени существовала

проблема, выражающаяся в неточном ведении посемейных списков, что не позволяло вести точный учет лиц, подлежащих отбыванию воинской повинности. В связи с этим невозможно было провести правильную разверстку контингента новобранцев на военную службу преимущественно еврейского и старообрядческо-сектантского населения.

В документе говорится: «Полиция, ограждая себя от ответственности за неправильную выдачу удостоверений личности, вообще старается не выдавать такие удостоверения. В результате в одних местностях, где городские управы, военные присутствия и полицейские управления излишне строго относятся к исполнению своих обязанностей, евреи при призыве часто не получают льготы, положенные им по семейному положению, на которые они вправе были рассчитывать, а в других местностях льготы щедро назначаются или без проверки семейного состава через полицию, или на основании удостоверений, незаконно выданных полицией».

Часты были случаи, когда после переписи евреев 1874–1875 гг, многие евреи были внесены в списки по голословным заявлениям родственников или на основании неверных метрик, или же были записаны мещанами обществ без указания на ревизскую сказку, паспорт или иной документ. Негативную роль играла и небрежная работа мещанских управ, не делающих своевременно отметку о состоявшемся причислении лиц в мещанские общества или выбывающих в другие общества. Путаницу усиливало отсутствие сообщений в городские управы сведений о составе семей таких лиц, возрасте и отметке об отбывании воинской повинности, мещанские старосты исправляли посемейные списки евреев на основании их заявлений без проверки.

В документе из Российского государственного исторического архива отмечается, что на протяжении ряда лет Министерством внутренних дел был предпринят ряд попыток привести все учеты к одному формату для фактического учета лиц, подлежащих военному призыву, но дело свелось к переписке старых истрепавшихся списков и в очень редких случаях списки были исправлены по существу.

По той же причине – учет населения, необходимый для отбытия воинской повинности, думаю и пытались привести отдельные народы к оседлости, без всяких предубеждений или признаков шовинизма и антисемитизма. В эту же пользу свидетельствует факт, что к 1900 г. еврейское население уже обосновалось на Амуре. Уже в 1858 году на Амуре были казаки с фамилией Блат и Губерман. А например, в г. Благовещенске маслобойный и пшенный заводы находились в собственности евреев Топаза и Гройсмана. Гройсман, кроме этого, был пароходовладельцем и организатором рыбных промыслов на Нижнем Амуре, а Топаз имел недвижимость в казачьих станицах и сдавал её в аренду. Некто Семен Львович Гордон был управляющим Благовещенского Отделения Сибирского Торгового Банка. Управляющим и владельцем аптеки при постройке Амурской железной дороги на ст. Ерофей-Павлович был Вульф-Юда-Миделевич Боцелькинд. Управляющим и владельцем аптеки при строительстве Амурской железной дороги на ст. Змеиная (ныне – г. Сковородино) был двоюродный прадед актера Геннадия Хазанова – Ефим Абрамович Хазанов, а управляющим и владельцем аптеки в округе Амурского казачьего войска в пос. Джалинда нынешнего Сковородинского района Амурской области был родной прадед Геннадия Хазанова – Моисей Абрамович Хазанов. В том же поселке родилась и бабушка актера.

Еврейских фамилий и имен очень много в Памятных книжках Амурской области, начиная с 1890 года. Кем-то из них была поддержана Февральская буржуазная революция, кем-то Октябрьская социалистическая. Но волна эмиграции за границу началась уже в марте 1917 г.

Если разобраться, по сути, нет ничего предосудительного в запретах поселения отдельной категории лиц в пограничной зоне. Во всем историческом периоде русского Дальнего Востока существовал запрет на проживание в пограничной зоне иностранцев. Вспомните, о пограничной зоне во времена Советского Союза. Она была ещё меньше, чем 100 верст и въезд в погранзону осуществлялся строго по пропускам. Из своего детства помню, что даже приезд родственников из других регионов нашей страны требовал согласования с пограничниками, а приехавшие гости должны были отметиться по месту пребывания.

3.

Учёт граждан на территории ЕАО в период после Гражданской войны тоже был с особенностями. Мера для повышения качества учета населения и выявления лиц, не связанных с производством и не занятых общественно-полезным трудом, последовала со стороны государства только в 1932 г. К нарушителям относили всех, кто не зарегистрировался в течение определенного срока на территории фактического проживания, и тех, у кого вышел срок действия паспорта. Наказание – один год лишения свободы. Иногда ситуации доходили до абсурда: пограничные гарнизоны охраняли границу, а милиция, на основании Указов и постановлений правительства, должна была проверить самих пограничников на соблюдение ими паспортного режима.

В одном из довоенных актов по проверке Ленинского района в 1939 г. проверяющими была проведена выборочная проверка и обнаружено, что «по вопросу проверки паспортного режима в погранотряде, начальник отряда не разрешил проверять у их иждивенцев паспорта, сказав, что сам даст распоряжение, чтобы прописались». Той же проверкой «был обнаружен гражданин, проживающий в с. Амурзет, не имеющий штампа № 3. Из Сталинского района он переехал в Ленинский район, его прописали, а штамп так и не поставили, и последний живёт хоть бы что!». Штамп № 3 – это отметка, что гражданин является жителем Дальневосточного края. По итогам выборочной проверки начальнику РОМ Мосину объявлен выговор, все начальники предупреждены, что «если ещё раз будет обнаружена аналогичная ситуация, то будут приняты самые жёсткие меры воздействия», и предложено в течение месяца провести проверку паспортно-пограничного режима во всём районе, задействовав на это мероприятие весь личный состав РОМ, а также, общественность. Самым нелепым в этой ситуации был момент, что гражданин «без штампа» был родным братом сотрудника милиции Наума Травинского.

Проблема с пропиской военнослужащих была особенной. Милицию не ставили в известность о передислокации восковых частей, а прописке в домовой книге части подлежал каждый военнослужащий и члены его семьи. В 1939 г., после Хасанских событий на территорию Ленинского района прибыло более полутора сотен военнослужащих, несколько десятков из них в письмах выслали свои пропуска женам, и те прибыли к супругам. Об отсутствии прописки военнослужащих и членов их семей милиции стало известно, как только сотрудников допустили наконец-то на территорию воинской части.

- В их числе лучшие военные командиры Грузии, - убеждал начальника Ленинского РОМ Мосина Ф.А. командир этой части – депутат Верховного Совета СССР, - и нельзя доводить дело до суда!

Жены командиров от милиции не скрывались, приветливо улыбались на вопросы милиционеров, но совершенно не говорили на русском языке. Начальник Ленинского РОМ Мосин Ф. А. написал отчаянную докладную записку руководителю Управления РКМ – "…с горем пополам допросили, но не знаю, что делать! Жду Ваших указаний."

Отчаяние Фомы Артемьевича Мосина объяснимо - на территорию погранзоны Хабаровского края запрещалось возвращаться всем выселяемым и выселенным ранее семьям репрессированных, для въезда требовалось особое разрешение, кроме того в 1939 г. действовал запрет на прописку и проживание в погранзоне граждан, прибывающих неорганизованным порядком из Западной Украины и Западной Белоруссии, только-только вошедших в состав территорий СССР.

Требования по соблюдению паспортного режима не были прихотью, их диктовали условия, и потому они были одинаковы для всех жителей области, невзирая на чины, ранги и социальное положение. Сержант милиции Мосин обращался за документами на право въезда в Биробиджан членов его семьи, выехавших из области в августе 1941 г. Один из военных прокуроров обратился с просьбой разыскать его мать и девятилетнего сына, уехавших до начала войны к родным в Ростов-на-Дону, и выдать им документы на право въезда в Биробиджан. За торопливыми чернильными строками ощущается тревога и отчаяние – к Ростову подступают фашистские войска, сам бы поехал искать, но служба не позволяет.

4.

Во всем периоде от заселения левого берега Амура наиглавнейшей задачей Дальневосточного региона была охрана границы. На территории ЕАО осуществлялась она двумя погрангарнизонами ОГПУ с одновременным участием населения и милиции. В планах оперативных мероприятий на 1941г., за несколько месяцев до начала войны, были предусмотрены мероприятия по проверке любого транспорта, «следующего по Бирофельдскому шоссе в Ленинск или из Ленинска, на коем имеются пассажиры, с целью выявления нарушителей пограничной полосы и преступников». По тем же причинам регистрации подлежали все велосипеды, которые именовались «веломашинами».

С амнистиями октября-ноября 1941 года на волю хлынули не только нарушители паспортного режима, хотя среди них тоже находились и умельцы криминальных "ремесел", и обычная криминальная шантрапа. Путь всей этой пестрой "публики" по Транссибу через Биробиджан был неминуем, и в плане оперативных мероприятий Управления РКМ до войны, и позже, переходя в новые планы из года в год, указывалось: "Для предотвращения остановок, следующих на запад освобожденных из ИТЛ воров-рецидивистов и "гастролеров" и для повседневного их изъятия прикрепить одного оперативного работника, которому увязаться с оперпунктом ж/д милиции в этой работе".

Прибывающие из мест заключения тут же попадали под надзор по месту постоянного проживания, куда их передавали, что называется, из рук в руки - контингент имел склонность к "гастролям", используя, в том числе, для бесплатного передвижения крытые вагоны грузовых составов, либо, не успев ступить на перрон, тут же совершал новое преступление. О каждом освободившемся из лагерей, тюрем, трудовых колоний, расположенных на территории области, а также при поступлении ориентировок на разыскиваемых лиц, паспортист обязан был уведомить уголовный розыск.

По полученным из других регионов ориентировкам 18 июля 1941 г. был задержан гражданин, осужденный за проживание в местностях, где введена паспортная система, 10 октября 1941 г. сотрудники милиции задержали ещё одного гражданина, имевшего документы сразу на три фамилии, осуждённому за неоднократное совершенное хищение из государственных и общественных складов, ранее уже совершившим два побега из мест заключения. Эти граждане не успели «отметиться» криминалом в области, а вот досрочно освобожденный по Указу от 24 ноября 1941 г., ранее дважды судимый житель Биробиджана, совершил квартирную кражу в Школьном переулке.

Кстати, эти факты наглядно свидетельствуют о категории репрессированных, возможно позже реабилитированных, и об отношении государства к ним. В качестве примера приведу еще факты: за нарушение пограничного режима в Ленинском районе в 1940 г. в суд направили 10 дел в отношении 10 граждан – за проживание в местностях, где введена паспортная система, лиц, не имеющих паспорта или временного удостоверения и подвергшихся уже административному взысканию за указанное нарушение. Троих из них приговорили к отбыванию наказания, а в отношении остальных ограничились тремя месяцами принудительных работ.

Начальник Сталинского РОМ Яхин направил в суд протоколы на нарушителей паспортного режима, отказавшихся платить штраф. Народный судья возвратил эти материалы с резолюцией на сопроводительном листе: «Не загромождайте суд такими делами!»

Вот, собственно история, начавшаяся с двух документов XIX в., позволяющая каждому самостоятельно выработать собственное мнение об обоснованности или необоснованности отказа проживания в стовёрстной пограничной полосе и мерах госвласти, называемых "репрессиями" в разные исторические периоды.

В минуты жизни годам на память

В архиве музея Славы УМВД России по Еврейской автономной области хранится ученическая тетрадь «в клеточку», на обложке которой старый, проверенный временем фрегат, с парусами, полными ветра. Художник Н. Брагинцев, литография или гравюра которого, ис-

пользовалась для оформления партии таких тетрадок, сумел в черно-белом изображении передать характер сюжета – здесь и нависшие тучи, и неспокойное море, и мачты, накренившиеся под напором ветра и силой парусов. И отдаляющийся берег.

На обложке тетради, в том месте, где обычно пишутся данные о предмете, ученике и школе, надпись, выведенная округлым красивым почерком – Лоенко Н. П. Записи таким почерком ведутся с первой по девятнадцатую страницу тетрадки – автобиография Лоенко Н. П. с описанием событий Великой Отечественной и Второй Мировой войн, в которых он участвовал с первого дня Великой Отечественной войны, а на последней, 24 страничке, запись:

«милиция:
20.XI-1946г. 18.01.51г. ПРО УВД ЕАО инсп. ст.инсп.
18.01.51 по март 1952г. ст.о/уп.БХСС.
03.52 по окт.53г. нач. секретариата
10.53 по янв.58г. нач. ОУР УВД ЕАО
1.01.58г по янв. 09.59г. ст. о/уп ОУР
8.09.59 по 9.05.1965г. нач. Бир. ГОМ».

Возможно, оформляя свои воспоминания, Николай Петрович не проводил никаких аналогий сюжета на обложке тетради со своей биографией, но читая его рукопись с первой заглавной буквы первого листа до точки в последней записи, ассоциация личности этого человека с сюжетом на обложке перерастает в убеждение – он, как фрегат, оторванный шквальным ветром от привычных берегов Советского Союза, скрепя мачтами, преодолевал все, что выпало судьбе, не переставая беспокоиться о судьбе страны и будущих её поколениях.

Перепечатывая воспоминания Николая Петровича без сокращений, с сохранением орфографии и пунктуации, позволила себе вставить литературное восприятие в виде отрывков из стихотворений поэтов-фронтовиков и современных поэтов только в тех местах, где сам Николай Петрович выделял абзацами акценты текста и события.

Николай Петрович Лоенко был одним из первых фронтовиков, пришедших на службу в милицию Еврейской автономной области по окончании войны. Одновременно с ним на службу поступила и его сестра Лоенко Евдокия Петровна. Судьбу и трудовой путь Евдокии Петровны не удалось установить, а в автобиографии с описание боевого пути, Николай Петрович ничего не рассказал о своей семье. Его рукописная история построена как история солдата, каких было миллионы, скупо, без пафоса, но с гордостью за выполнение им солдатского долга по защите своего государства. Он не считал участие в войнах подвигом. Для него это была работа воина, присягнувшего на верность Родине. Ратный труд. Труд на ратном поле.

…Я старею, живу в настоящем,
Я неспешно к закату иду,
Так зачем же мне снится все чаще,
Будто я в сорок первом году?...

«Лоенко Николай Петрович родился 20 февраля 1921 года в селе Отрадное, Вяземского р-на. Трудовую деятельность начал в 1938 году на Биробиджанском хлебозаводе, который в то время находился, где сейчас кондитерская фабрика. Сначала работал картотечиком, а потом счетоводом.

Будто снова я молод, как прежде,
И друзья мои ходят в живых,
И ещё не венки, а надежды,
Возлагает Отчизна на них…

В октябре 1940 г. Биробиджанским горвоенкоматом был призван в Красную армию.

Службу проходил в Хабаровске, в 181 артполку. Часть была расположена на ул. Ленина. После карантина был направлен в полковую школу, в взвод огневой подготовки. Курс подготовки командиров орудий, до начала войны, закончил.».

…Ликует утро… И ясны,
Прозрачны солнечные дали.
Сегодня первый день войны…
Хоть мы о том ещё не знали.
Но скоро мир волшебных снов
Уйдёт в туман воспоминаний.
Уже приподнят тайный кров
Над бездной горя и страданий…

«Война началась нежданно для всех нас. 22 июня 1941 года наш взвод курсантов отдыхал после караула. Примерно в 9 часов вечера старшина школы подал команду: «Подъём», но никто её не выполнил. Через минуту он повторил команду и предложил командирам взводов получить боевые патроны. После этого все быстро поднялись, оделись и заняли свои боевые места согласно боевому расчету. Мы опять заступили в караул, а полк покинул город и занял боевые порядки в р-не сопки «Два брата». Утром всех курсантов распределили по батареям. Там же в р-не «Двух братьев», каждая батарея построила себе землянки, в которых мы жили до отправки на фронт.».

…Им нельзя задержаться, остаться –
Их берет этот день навсегда.
На путях сортировочных станций
Им разлуку трубят поезда…

«15 января 1942 года артиллерийский 181 полк резерва главнокомандования был переформирован в 1137 арт. бригаду резерва главнокомандования прорыва и разрушения и отправлен на фронт. Грузились в эшелоны на II-Хабаровске. До места назначения следовали более месяца. За Уралом продвигались только ночью, т.к. днем эшелоны постоянно бомбили немецкие самолеты. Разгрузились на какой-то станции или раз*езде и сразу же вступили в бой. Наши тяжелые орудия 152мм и точные попадания в цель, подняли дух нашей «Царице полей» пехоте. На Западном фронте участвовал в боях в составе той же артбригаде, но только изменился ее номер, она стала 87 бригадой, а дивизия 6-ой. Из Хабаровска мы уехали на тракторах «НАТИ-5». В 1943 году перешли на автомобильную тягу, Американские «Студебекера». Учитывая, что наша дивизия входила в состав Главного командования, поэтому мы предавались пехоте, только на период прорыва. За время войны принимали участие в боях на Калининском и Брянском фронтах, Первом и Втором Прибалтийском, Ленинградском и III-Белорусском.».

…Солдаты плачут по ночам,
Во сне сжимая автомат.
Их водят жены по врачам,
А им все снится их комбат…

Запомнились самые тяжёлые бои на Ржевско-Вяземском направлении в 1942 в период весенней распутицы, где образовался выступ, подобие Курской дуге. Трудно было до последнего дня войны, но в памяти остались отдельные эпизоды боев под г. Невель, Великие Луки, под Духовщиной, Таураге, Телькальном , Тильзитом , Кенигсбергом , Ригой, Витебском, Оршей, Огре , Мадоной , прорыв блокады под Ленинградом.

В боях на Орловско-Курском направлении мы сосредоточились в начале июля 1943г. Огневые позиции оборудовали только ночью. Орудия и боеприпасы завозили тоже ночью, под гул наших самолетов, чтобы немецкая артиллерийская звуковая разведка не засекла переброску новых частей. До 5 августа мы вели только ночной образ жизни.

Оборонительная операция на нашем участке фронта завершилась успешно.».

…И нету ни фронта уже, ни тыла,
Стволов раскаленных не остудить!
Окопы – могилы…и вновь могилы…
Измучились вдрызг, на исходе силы,
И все-таки мужества не сломить!

«Утром 5 августа началась битва за г. Орел, под кодовым названием «Кутузов». Для прорыва обороны противника было сосредоточено 36,5 тысяч орудий и минометов разного калибра. И когда все они начали боевую стрельбу, то от дыма и пыли стало темно. Стрелять стало невозможно, т.к. не была видна точка наводки и цифры на панораме и прицеле орудия. Поэтому мы вынуждены были зажечь фонари. Благодаря находчивости и прицельной стрельбы наша батарея уничтожила все запланированные цели, разрушила траншеи противника, а когда пехота пошла в атаку, то мы ее сопровождали огневым валом до г. Орел. Эта тактика наступления за огневым валом применялась впервые.

В боях на Невельском направлении в 1942г., благодаря снайперскому артиллерийскому обстрелу немецких позиций, продвижение немцев было остановлено. Передовые части якобы основательно закрепились на выходных рубежах. Нашей батарее было приказано нанести артудар на другом участке фронта, северо-западнее г. Невель. Но мы, проехав км.20, были остановлены начальником штаба нашей 87 бригады и возвращены на старые огневые позиции, т.к. немцы при поддержке авиации и танков начали активное наступление на Невельском направлении. Все наши батареи своевременно приготовились к контрудару. Немцы не ожидали, что тяжелая артиллерия главного резерва за такое короткое время сумеет подготовиться и нанести огневой удар. При атаке немцы потеряли большое количество танков орудий и личного состава пехоты вынуждены были перейти к обороне. Наша артиллерийская дивизия была переброшена на новое направление, для прорыва обороны противника.».

…О мертвых мы поговорим потом,
Смерть на войне обычна и сурова.
И всё-таки мы воздух ловим ртом
При гибели товарищей.
Ни слова
Не говорим,
Не поднимая глаз,
В сырой земле, выкапывая яму.
Мир груб и прост.
Сердца сгорели.
В нас
Остался только пепел, да упрямо
Обветренные скулы сведены…

«За три с половиной года боев, наша часть дважды выводилась на переформирование, т.е. мы приводили в боевое состояние технику, заменяли трактора на автомашины, пополняли личный состав, т.к. особенно в 42 г. были большие потери. За всё время боев мы жили в землянках (блиндажах), месяцами не умываясь, особенно зимой, а о бане только мечтали. Продовольственном снабжением были обеспечены хорошо. Сто грамм наркомовских получали только за успешное проведённые операции».

… Когда на смерть идут – поют.
А перед этим можно плакать,
Ведь самый страшный час в бою –
Час ожидания атаки…

«На одном из Рижских направлений немцы очень хорошо укрепились, построили ряд железобетонных укреплений, которые не могли разрушить орудия малых калибров. По этой причине продвижение наших войск было остановлено. Бомбовый удар нашей авиации не принёс желаемых результатов. Тогда командование приняло решение выдвинуть на прямую наводку наше тяжёлое орудие. 152мм. Ночью мы закатили свое орудие в разрушенный сарай, хорошо его замаскировали, изучили цель и когда взошло солнце нанесли удар прямой наводкой по амбразурам Дотов и Дзотов.

Снайперской стрельбой все огневые точки были разрушены. Наша штурмовая авиация прикрыла наше отступление, и мы благополучно, не потеряв ни одного человека вернулись на свои огневые позиции, а через несколько дней г. Рига был взят. Нашей дивизии было присвоено наименование Рижской и гвардейской, она стала 6-я Гвардейская Рижская дивизия РГК. Войну на западе закончил 12 мая, 39 армия, в которую входила наша дивизия 17 мая.».

…Нельзя про такое забыть никогда.
Что может быть лучше на свете,
Чем мирное небо, в огнях города
И наши прекрасные дети?
Солдат, вспоминая свой путь до конца,
Заплачет скупыми слезами.
А павшие живы все в наших сердцах, -
Безмолвно стоят рядом с нами…

«Ещё в начале мая была получена директива Генерального штаба о передислокации армии. Планировалось подать 110 эшелонов – по 4 эшелона в сутки. Отправка первых эшелонов назначалась на 12 мая. Погрузка войск началась в срок на 7-и промежуточных железнодорожных станциях.

Переброска такого крупномасштабного количества войск велась в строгой секретности. Все эшелоны двигались через Юг. Солдатам запрещалось в письмах указывать обратные адреса. Остановка эшелонов на больших станциях не производилась.

Через месяц мы прибыли в р-н сосредоточения, это река Керумен, восточнее ст. Баян-Тумэн Монгольской народной республики, примерно 40км. от города, на окраине безводной пустыни Гоби.

Форсировать пустыню Гоби начали 24 июня 1945 года, а в Москве в этот день начался парад победы.».

… Не счесть ни смертей, ни числа атак,
Усталость пудом сковала ноги…
И, кажется, сделай ещё хоть шаг,
И замертво свалишься у дороги…

«Нам предстояло преодолеть безводную пустыню без дорог, при высокой жаре свыше 30 (градусов). Суточная норма перехода была рассчитана на 27-35км. Суточная норма воды была установлена 6 литров, тогда как самая бедная норма воды 25-30 литров на человека.

Плохо было с водой, но ещё хуже было с овощами, их не было. Солдатам грозила цинга, но тыловики где-то обнаружили большое количество дикого лука и чеснока, эпидемия была предотвращена.

В р-н «выжидания» подножье горы Толсак-Булак, прибыли вовремя. Готовность войск к наступлению была определена 1 августа 1945 года. Теперь с боями нужно было форсировать Большой Хинган – это на протяжении 300км сплошные горы, длинна и 1400км. их не обойти не объехать, а враг укрепил их дотами и дзотами.

Дорог в р-не наступления не было. Населенные пункты удалены друг от друга на десятки километров.

2 августа начали занимать боевые позиции, для броска через Большой Хинган.

Предстоял ещё один 120км переход, который мы преодолели за три ночи.».

…Уже остывает
Нагретый разрывами камень,
Уже затухает
Гремящий с утра ураган.
Последний бросок.
Из последних окопов штыками
Бойцы выбивают и гонят с вершины врага…
Как мертвые змеи, опутали сопку траншеи.
Бетонные гнезда пологий усыпали скат…
И, вытянув к небу холодные длинные шеи,
Разбитые пушки угрюмо глядят на закат…

«Наступление началось в 4 часа 30 минут 9 августа 1945 года. В 5 часов передовые части вступили в бой с японскими и манджурскими войсками, которые были разбиты за 10-12 минут. Утром 9 августа выяснилось, что начало нашего наступления оказалось неожиданным. Японское командование не успевало предпринять ответных ударов. Позже от пленных японцев стало известно, что японские генералы рассчитывали на наступление Красной армии не ранее зимы или весны 1946 года.

В первый день наступления танкисты продвинулись на 100 км., основная масса войск до 50км., а передовые отряды до 75 км. Но жара и здесь была очень высокой. В каждом полку по 30-40 человек выходили из строя от солнечного удара. Поэтому командование приняло решение, в часы самого большого солнцепека делать большой привал. Из-за этого скорость наступления снизилась до 40-50 км. Только 11 августа мы достигли реки Урген-Гол, притока реки Халхин-Гол и только здесь утолили полную потребность в воде. Впереди был укрепленный Халун-Аршанский район и перевал большого Хинганского хребта, все готовились к штурму перевала и укрепрайона.

12 августа перевал Б-Хингана был взят. Японское командование организовало фланговый удар силою до 2-х дивизий. Но хорошо сработали наши разведчики, которые своевременно оповестили о контрударе японцев. По ходу движения войск была произведена перегруппировка частей нашей армии. На японцев обрушили мощь своего огня штурмовики, дальнебойная артиллерия, после чего дружно атаковала пехота при поддержке танков. К этому времени развернулись войска двух стрелковых корпусов и танковой дивизии с применением тяжёлой артиллерии в том числе и артиллерии Резерва Главного Командования.

К исходу дня на плечах отступающего противника, наши войска ворвались в укрепрайон с Юга. В это же время стрелковая и танковая дивизия атаковала укрепленный район с Запада. Халун-Аршанский р-н был полностью взят к утру 13 августа.

18 августа войска нашей 39-й армии вышли на Манджурскую равнину и отрезали передовые части японцев от баз снабжения и органов управления. Командование Квантунской армии японцев 17 августа обратилось к маршалу Советского Союза Василевскому с предложением начать переговоры по прекращению военных действий.

Пешим ходом, мы дошли до города Мукден, это старая столица Китая. Самым неприятным испытанием в войне с Японией было то, что наша часть попала в зону чумного заражения. Бригада была поставлена за колючую проволоку. С четырёх сторон была прорыта траншея шириной 1 метр и глубиной 1,2 метра. Круглосуточная охрана не допускала никого ближе 500м. Всем солдатам и командирам было запрещено выходить за пределы траншеи. После предупредительных прививок и спустя 21 день было разрешено покинуть это неприятное убежище.

Мы солдаты, испытали чувство гордости своей причастностью к полному разгрому японской армии. Фронтовые дороги забросали меня в город русской славы Порт-Артур. Здесь предстояло укрепить военно-морскую базу. Оборона китайской земли, которая обильно полита кровью русских воинов поручалась нашей 39 армии.

Я на правах преподавателя был направлен в полковую школу младших командиров и после завершения учебы был демобилизован из г. Порт-Артур в 1946 году.».

... Никуда от прошлого не деться,
Вновь война стучится в души к нам,
Обжигает, обжигает сердце
Благодарность с болью пополам…

«В боях под г. Витебск БССР наша батарея понесла большие потери. Было повреждено моё орудие, разбит передок, уничтожен боекомплект снарядов. Погиб один расчёт орудия - 7 человек. Я получил ранение в голову, но не покинул поле боя.

За ратные труды в боях с немецкими захватчиками правительство Союза ССР наградило меня: орденом «Отечественная война» первой степени и орденом «Красной Звезды», медалями: «За Отвагу» и «За боевые заслуги» дважды; медалью «За взятие Кенингсберга», медалью «За победу над Германией», медалью «За победу над Японией» и одиннадцатью юбилейными медалями.

Перед молодежью выступаю редко. Обычно к праздникам. День Победы, празднование Красной Армии. Чаще выступаю перед школьниками. Дело в том, что у нас в городе это мероприятие очень плохо организовано. Встреча молодежи с участниками войны должна планироваться по линии Гороно и военкоматов.

Участник войны Лоенко Николай Петрович, 6 ноября 1996 года».

В одном конверте с рукописью Николая Петровича фотография, с аккуратно прикреплённым канцелярской скрепкой листочком с записью:
«1950г. Первый ряд слева Титиевская нач. паспортного стола ГОМ Лоенко Н. П. и нач. ГОВД Кельнер И. Я. – нач. отдела службы УВД.
Второй ряд: 1-Х, Дедкова Евгения детская комната, 3-Х, - машинистка, Семушкина – машинистка, - п/стол, - секретарь ГОВД,
Третий ряд Слоним опер ОБХСС, - Х, Курников Федор следователь (живет в Комсомольске) Туболушкин – дознаватель, - паспортист».

PS: прошло 28 лет от даты, указанной в рукописи Николая Петровича Лоенко. Многое изменилось за эти годы. Возрождается военно-патриотическое воспитание подростков и молодёжи. Те юноши и мальчишки, что росли в 90-е, сейчас становятся героями, как их деды и прадеды. Фраза - "Дело в том, что у нас в городе это мероприятие очень плохо организовано. Встреча молодежи с участниками войны должна планироваться по линии Гороно и военкоматов", хоть и утратила свою актуальность, но всё равно отдаётся болью в сердце: ведь было же иначе! Было! И фронтовик беспокоился о том, чтобы мы помнили и о той войне, и о тех, кто победил в ней!

Из поименованных на фото, двое – Лоенко Николай Петрович и Кельнер Исаак Яковлевич, фронтовики. Первый – участник Курской битвы, второй – участник обороны Сталинграда. Точно известно, что Туболушкин Георгий Петрович служил в ОВД с 1938г., в период Великой Отечественной и Второй Мировой войн работал участковым уполномоченным Биробиджанского городского отдела милиции, после войны - оперуполномоченный УР Биробиджанского ГОМ, затем - старший дознаватель. Каждый из запечатленных на фото, внёс свой вклад и в Победу, и в борьбу с преступностью в военные и послевоенные годы. Их уже нет в живых. Надпись на обороте фото: «В минуты жизни годам на память», сделана совершенно искренне и с надеждой, что о каждом из них будут помнить.

При обработке материала использованы архив ЦАМО РФ (сайт ОБД «Память народа»), а также стихи: В. Шефнер - «Память о сорок первом», «22 июня», Е. Груданов - «22 июня», ЮличЪ - «Солдаты помнят вкус войны», Э. Асадов - «Грохочет тринадцатый день войны», М. Дудин – «Соловьи», С. Гудзенко - «Атака», В. Снегирев – «Ветераны», А. Артемов – «Знамя», Ю. Друнина - «Неизвестный солдат».

Прим.: книга "Равнение на дедов и отцов", из которой приводится рассказ, размещена https://vk.com/id122648380?w=wall122648380_231

Что нам расскажут непрочитанные письма

Елена Кривошеева

В первый раз письма-треугольники, о которых пойдет речь, попали мне в руки пятнадцать лет назад. По инициативе Совета ветеранов органов внутренних дел ЕАО приказом начальника УВД ЕАО генерал-майором милиции Цвилием Александром Владимировичем было положено начало музею Славы УМВД России по Еврейской автономной области, и выделено помещение под музейную комнату на пятом этаже административного здания Управления, Ленина, 4.

Участие в создании музейной комнаты, отыскании и сборе первых экспонатов приняли все сотрудники Управления и территориальных ОВД. От каждого руководителя служб и подразделений Управления в горрайорганы органы ушли распорядительные документы об оказании помощи ветеранам милиции в этом важном деле.

Смоляренко Михаил Борисович и Лоенко Николай Петрович, как ветераны службы уголовного розыска, обратились к начальнику отдела уголовного розыска УВД ЕАО Хайбулову Игорю Сабировичу с просьбой организовать сбор информации по линии уголовного розыска. В адрес начальников криминальной милиции территориальных ОВД области направили указание начальника ОУР УВД ЕАО от 3 июля 2003 г. № 5/2461, подготовленное Ириной Николаевной Распопиной. Чтоб каждый прочувствовал важность мероприятий, срок исполнения – 20.07.2003 г. В целом указание распространялось на всех сотрудников подразделений криминальной милиции, и на нас, сотрудников ОУР УВД, тоже.

Честно сказать, из-за высокой служебной нагрузки появление двух настойчивых пенсионеров – Смоляренко и Лоенко - рядом с кабинетом нашего руководителя, часто были ох как не по душе! Одно дело помочь собрать экспонаты, другое, забежать на минуту в музей-ную комнату, чтоб отдать фотографии или распечатку аннотаций к ним, и провести там полдня, т.к. и Михаил Борисович, и Николай Петрович, бережно размещая на стендах фотографии, назидательно и строго начинали рассказывать о каждом изображенном на фото.

Хорошо, если фото не было групповым. Сбежать от их рассказов было невозможно, чтоб не оскорбить своим уходом неугомонных не по возрасту энтузиастов. Приходилось слушать. Наши объяснения о причинах длительного отсутствия на служебном месте руководитель слушал с меньшим почтением – музей музеем, а служба ждёт! Поэтому, унося исполненные заказы ветеранов уголовного розыска в музейную комнату, сотрудники предупреждали один другого: «Если через десять минут меня не будет в отделе, загляни в музейную комнату, скажи, что начальник вызывает». Иногда это срабатывало. Иногда Михаил Борисович Смоляренко спускался с пятого этажа на наш, четвертый, входил в кабинет начальника ОУР, и мы, видя это, чего греха таить, удовлетворенно и многозначительно подмигива-ли друг другу – попался начальник, пусть теперь сам попробует «быстренько» решить вопросы.

Сегодня, когда нет в живых многих из наших ветеранов, эти минуты и часы вспоминаются, как одни из значимых моментов жизни, вызывающих тихую скорбь и понимание безвозвратности.

Николай Петрович Лоенко был назначен на должность хранителя музея и занимался составлением рукописи о становлении органов внутренних дел на территории области. Однажды он принес к нам отдел письма-треугольники, которые более шестидесяти лет хранила семья Ивана Григорьевича Червяткина, сотрудника УРКМ НКВД ЕАО, ушедшего на фронт в 1942 г.

Николай Петрович объяснил – письма хранились бережно, как особенная семейная реликвия, чтимая в особенные дни и даты, но время берет свое, бумага обветшала, нужно очень аккуратно развернуть их и, как он сказал, «сфотографировать». Из имевшейся тогда в Управлении оргтехники, громоздкий чудо-аппарат был только у нас, в ОУР. Но у чудо-агрегата, при наличии множества функций, работала единственная – свето-копировальная. Действуя пинцетом, как саперы, мы с Николаем Петровичем осторожно разворачивали письма на листе бумаги. Так же на листе бумаги переносили их в чрево копировальной машины. Копии

требовались для составления описания к каждому письму. Прочитать их сразу не получилось. Меня ждала моя работа, а Николай Петрович спешил по своим ветеранским делам. Немного позже, Николая Петровича заберет к себе его дочь, и увезёт в Москву. Незадолго до отъезда и письма, и их копии, он надежно «закатает» в пленку – «чтоб хранились вечно».

Летом 2018 г. в музее Славы Управления я увидела письма Червяткиных, вспомнила об истории первого знакомства с ними, и обрадовалась, как старым знакомым. Оцифровывая письма, вчитывалась в каждую строчку бисера букв. Передо мной вставала бесхитростная история жизни одной из миллионов семей России военного времени, но, вместе с тем, цепляющая душу история (прим. - тексты писем приводятся с сокращениями, с сохранением орфографии и пунктуации, нечитаемые буквы обозначены точками, фрагменты – многоточием).

Самый тяжёлый период военного времени 1942-1943 годы. Война выскребает человеческий резерв на борьбу с фашистами. Из УРКМ НКВД ЕАО уже призваны на фронт более сотни сотрудников. Образовывающиеся вакансии едва успевают заполняться вновь призываемым на службу в милицию личным составом, как тут же следует призыв в действующую армию. В числе сотрудников, ушедших на фронт, трое братьев Червяткиных – Иван, Максим и Егор.

Старший из братьев, Иван Григорьевич Червяткин, 1907 г.р., служил в УРКМ с 1938 г. После призыва в РККА попал в воинскую часть 4061 литер «Е», формировавшуюся в г. Татарске Новосибирской области. Беспокоясь о судьбе двоих маленьких детей и жены, 8 сентября 1942 г. он напишет письмо своей матери – Марии Герасимовне Червяткиной. На Биробиджанский почтамт письмо поступило 17 сентября 1942 г. Текст письма почти не читается, но из его фрагментов доносится забота о семье настоящего мужчины и воина. Несмотря на тяжелейшие условия времени и расстояние, он не снимает с себя ответственности за самых близких ему людей, и спешит успеть наказать своим родным:

«… Извиняюсь …… миня армия кормит … мама я вас прошу … это чтобы вы … … жили вместе с Феней мама ещё я тебя прошу …… доставалася Фени … у ней двое моих детей …… Передавай привет……».

Жена Ивана Григорьевича Феня Червяткина, двадцатипятилетняя мать двоих малолетних детей, бьется в ежедневных заботах, но не жалуется, а делится думами со своим мужем, и пишет письма ему, самому любимому на свете мужчине:

«Добрый день Здравстуй не оце..ный друг жизни Ваничка с приветом и наилудшим пожиланием Ваша жена а также шлют по привету своему ..пи дети Витя и Валя. Ваничка я получ..а от тебя письма за которые я тебя очень благадарю что ты в суровую менуту в … ком краю а не забыл нас Ваничка из письма твоего мы узнали что ты жив здоров чему мы бес конца радыи о сибе мы живем хорошо в квартире сыты чиго самое главное….. Одна забота ночи са…. длиные Ванечка без тебя …… мы живем по старому не хуже не судте однем словом».

Письмо отправлено 2 декабря 1942 г., имеется штамп «Просмотрено военной цензурой», оттиск штемпеля по ободу которого - «СССР почтамт Биробиджан Е.А.О. 23243», в т.ч. на идиш, и оттиск штампа от 26 января 1943 г. «Полевая почта № 262 26143 Б». Но, как в известных строках «…и почтальон сойдет с ума, разыскивая нас…», места дислокации воинских соединений и их наименования менялись быстрее, чем адреса полевых почт. Иван Григорьевич не получит это письмо. Оно возвратится на Биробиджанский почтамт 23 февраля 1943 г. Понимая, что полевая почта не успевает за фронтом, Иван Червяткин 26 января 1943 г. сам напишет жене письмо, но оно задержится в пути.

18 февраля 1943 г. сестра Фени напишет Ивану:

«Добрый день. Здравствуй Ваня. С горячим приветом к тебе твоя своячинья Тася. Ваня мы беспокоимся что нет от тебя писем. Ваня пиши как самочуствие пиши письма безпакоимся я еще ни получила от тибя ни одного письма Ваня ты знаешь где ты находишся … жи-

вем по старому Ваня плохо дома но живем в тайге на дровозаготовках Ваня ходили по ряпчиков …… Ну Ваня пиши как твое дело …Феня живет пока нормально не шибко маеца …… хлеб по карточкам …… Ну пока Ванечка ждем счасливого часу увидеть тебя.» Письмо поступит в воинскую часть 20 марта 1943 г. В апреле 1943 г. это письмо, как и письмо Фени от 2 декабря 1942 г., тоже возвратится на Биробиджанский почтамт с отметкой «Адресат выбыл».

Письма Фени и Таси, возвратившиеся с пометкой «Адресат выбыл», напугают семью не напрасно.

Адресат действительно… выбыл…

Иван Григорьевич Червяткин погиб в марте 1943 г. в бою за освобождение с. Большая Бабка Харьковской области, но извещение о его гибели родным не поступило. 15 апреля 1943 г. Феня получит последнее письмо мужа, написанное им ещё 26 января 1943 г., и заплутавшее по военным дорогам. Это письмо ненадолго вселит надежду на лучшее.

Феня воспрянет духом, и начнет писать Ивану Григорьевичу письма, не дожидаясь от него ответа. Обращаясь к нему, как к живому, фактически обращалась к погибшему. Не зная об уже свершившемся собственном горе, но предчувствуя его, Феня торопилась поделиться радостью, как растут их дети, пыталась домашними заботами удержать мужа в земной жизни, и еще более говорливым ручейком потечет её речь, перекатываясь по камушкам проблем:

«Здравстуй дорогой мой муж Ваня с горячим приветом с наилудшим пожеланием жена и дети Ваня Во первых строках моего письма спешу уведомить тебя втом что мы все пока живы и здоровы чего тебе от души желаем Ваня вчера мы получили от тебя письмо которое ты писал 26 января мы его получили 15 апреля. Ваня не могу передать тебе той радости, что дождали твое письмо из письма мы узнали, что ты жив и здоров чему мы без конца рады Ваня я от тебя не получала писим около 4 месецов сильно переживала да как не переживать ведь мы дожили до такого время и ты находишся там где жизнь человека мериится не часами, а минутами За 4 месяца я столь пережила о тебе како бесоные ночи Максим хоть редко да пишет, а ты мог так скоро нас забывать написал письмо мамаши что якобы я не послала тебе посылку она теперь ворчить, а куда я бы послала если ты не что не писал Ваня я тебе желаю только добра и жаловатся на меня не надо……Ваня не обижайся на меня что я …… вед у меня нет ничиго кроме детей ……посылку я тебе пока не высылаю потому что рукавитцы тебе не нужны теперь … чего смогу пошлю Затем дети шалуют пока здоровы, а за Витю тебя даже жаль что ты его довно не видил он сильно подрос хорошо говорит расказывает где его папа расказывает стихи один тебе напомяну для ответа Бабушка шла шла шла. Пирожок нашла она села поела и опять пошла. Витя сказывает чей он и сколько ему лет и как его звать и величать тебя он очень часто вспоминает Валя ходит хорошо развивается. Затем пока досвидания буть здоров знай что тебя ждут и любят долеко как некто жена и дети.». В правом нижнем углу в конце текста сокращенная подпись и дата «17 апреля».

20 апреля 1943 г. Феня отправляет мужу почтовую карточку:

«Дорогой мой Ваня с приветом Феня, а также шлют по привету наши дети Витя Валя Во первых строках своего письма спешу уведомить тебя в том что мы в настоящее время пока живы и здоровы чего тебе от души и сердца желаю Ваня я очень о тебе переживаю потому что пишиш ты очень редко на днях получила от тебя письмо это письмо 26 января о сибе мы пока живем хорошо ожидаю лудше потому что зиму пережили в настоящее время плохо потому что нет от тебя вестей Затем будь здоров».

26 апреля 1943 г. Феня отправит ещё одну почтовую карточку:

«Дорогой Ваня мы пока живы и здоровы чего и тебе от души и сердца желаем Ваня очень биспокоюсь писим от тебя нет Живем по старому Валя в яслях Витя пока дома нет местов живем ночь на этой квартире часто скандалим в настоящее время соримся иза огорода не дают уперают на что городьба должна матери однем словом кроме детей у меня не чего нет».

Отойдя от житейских обид, Феня спохватится, что напрасно она корит дорогого её сердцу человека, и 28 апреля 1943 г. отправит ещё одно письмо:

«Добрый день! Здравстуй не оценимый друг Ваничка! С приветом жена и дети. Во первых строках моего письма спешу уведомить тебя в том, что мы все живы и здоровы чего и тебе желаем. Ваня я очень и очень переживаю что нет от тебя писим не знаю на что и падумать что случилось с тобой Ваня. Витя стал очень покасливый так за каждое дело и ловитца пишу письмо не успела отвернутц как он говорит папи письмо писать и посталил свою росьпись. Вали доходит 9 месецов. дети Ваничка растут только был бы ты жив здоров».

С пометкой «Адресат выбыл» все письма и почтовые карточки возвратятся на Биробиджанский почтамт 15 июля 1943 г. К этой дате Феню уже дважды известят о гибели её мужа.

Одно из сообщений будет от сослуживца Ивана Григорьевича - Борец Ивана Васильевича:

"Здравствуйте тов. Червяткина! Сообщаем Вам на Ваше письмо, в котором Вы спрашиваете за своего мужа Червяткина И.Г. Ваш муж Червяткин Иван Григорьевич пал смертью храбрых в борьбе с немецкими оккупантами на Украине в селе Большая Бабка. Он был верным сыном нашей социалистической Родины, бил немецких гадов до последней минуты его существования. Тов. Червяткина! Он был мне близким товарищем, за него мы отомстим подлым фрицам и будем умирать как умер ваш муж в бою. А пока все дорогая. Наш адрес полевая почта 36504 Д. Борец Иван Васильевич».

Борец Иван, отомстив за смерть боевого товарища в апрельских боях 1943 г., будет награжден медалью «За отвагу», погибнет в сентябре 1943 г.

10 июня 1943 г. Феня напишет письмо родственнику мужа:

«Здравстуй Коля с горячим приветом и с наилудшим пожеланием сноха Феня. Коля сигодня у ваших прочитала ваше письмо, в котором в просите прислать т-е привисти табаку оне живут скудно и поехать петр не сможит потому, что ему нужно нянку. ……. теперь Колинька опишу тебе немного о сибе получила о Ванюшки, что он убит и оставил мне на память сына и дочку убитый неизвесно когда ето письмо пишет полетрук ескадрона я его перепишу тебе я писала ему часто письма и одну открытку просто одрисовала на Витьку пришло мне письмо одрисовано Червяткину Виктору Ивановичу Дорогой тов.Виктор прочитал вашу открытку одрисованую по видиму отцу Чер.Ив.Григор. грусно на душе но ничего ни поделаеш нет его уже в живых В одном из боев на окопы в одном из которых и лежал с противотанковым оружьем ринулось в атаку 16 немецких танков немцы имели огромный перевес В этом бою храбро дрался Иван Григорьевич но врагу удалось добрατся к нему и он погиб под гусеницей танка. Похоронен в с. Большая Бабка старо Салтовского района Харьковской обл. 23 марта полетрук эскадрона летенант Лаптиев.

Вот и все писать мешают соринки в глазах посмотру на фото карточку был и нет его трудно мне с детями и ожидать лудшего мне нечиго и помощи ждать не откудова. Подумаю да и по неволи блестят соринки в глазах ……..Коля пиши о сибе мне хотя я оторвалась от вас пеши племяникам оне ваши.

10/июня Червяткина. Максим пишет часто.»

В письме Коле Феня Червяткина пока оплакивает только своего мужа. Впереди у семьи Червяткиных ещё два горьких известия с фронта.

Младший сын Марии Герасимовны Червяткиной, брат Ивана Григорьевича, Максим Григорьевич Червяткин, 1914 г.р., служил в УРКМ НКВД ЕАО с 1940 г., призван в РККА в 1942 г., награждён медалью "За оборону Ленинграда" (№ 06358), погиб в бою в Красносельском районе Ленинградской области в январе 1944 г. Средний сын Марии Герасимовны, ещё один брат Ивана Григорьевича, Червяткин Егор Григорьевич, 1913 г.р., служил в УРКМ НКВД ЕАО с 1941 г., призван в РККА в 1942 г., пропал без вести в апреле 1945 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Федосия Фоминична Червяткина так и останется солдатской вдовой. Смахивая «соринки в глазах», одна вырастит своих детей людьми достойными общества. Она погибнет в возрасте семидесяти пяти лет в 1992 г. при нелепых, а оттого ещё более трагичных, обстоятельствах ДТП.

Сын Федосии Фоминичны и Ивана Григорьевича Червяткиных Виктор, уйдёт из жизни в середине семидесятых годов, в возрасте, близком возрасту своего погибшего отца. На здоровье Виктора Ивановича скажутся и голодные военные годы, и несытые послевоенные.

Дочь Ивана и Фени Червяткиных Валентина Ивановна Червяткина (в замужестве Терехова) в 1985 г. установит связь с группой следопытов Большебабчанской средней школы, работавшей под руководством военрука этой школы Н. К. Шипулина. Завяжется переписка. Имя Ивана Григорьевича Червяткина отметят на братской могиле советских воинов, погибших в марте 1943 г. при освобождении села от немецких оккупантов.

Внук Ивана и Федосии Червяткиных, Иван Викторович Червяткин в ноябре 2002 г., оказавшись случайным и единственным очевидцем трагедии, с риском для собственной жизни, не раздумывая, спасёт чужого ребенка. Удостоен высокой правительственной награды «За спасение погибавших» - на сегодняшний день, от момента учреждения медали в 1994 г., приравненной к медали «За отвагу», ею награждены всего 8 500 человек. Иван Викторович многие годы отдаст службе в органах внутренних дел Еврейской автономной области.

Правнучки Ивана и Федосии Червяткиных, Екатерина Червяткина и Анна Терехова в настоящем времени с честью и достоинством носят погоны сотрудников полиции Еврейской автономной области.

Большая семья Червяткиных, сохранила письма военных лет. В 2003 г. Иван Викторович Червяткин передал их в музейную комнату Управления, предшественницу музея Славы УМВД по Еврейской автономной области. Из этих писем мы узнали о стойкой женщине Фене Червяткиной, вдове солдата Великой Отечественной войны – жене сотрудника органов внутренних дел ЕАО, прививщей своим детям и их потомкам лучшие человеческие качества души и характера, и о троих братьях Червяткиных - сотрудниках УРКМ НКВД ЕАО, ушедших в 1942 г., один за другим, в бессмертие.

Материал подготовлен с использованием обобщенной базы данных МО РФ «Память народа», архива ОК УМВД России по Еврейской автономной области, личного архива семьи Червяткиных, переданного в музей Славы УМВД России по ЕАО.

Прим.: книга "Равнение на дедов и отцов", из которой приводится рассказ, размещена https://vk.com/id122648380?w=wall122648380_231

Не лети так жизнь

Елена Кривошеева

Ну не лети так, жизнь!
Не торопись!
Умерь свой шаг,
И дай мне отдышаться!
Устав от потрясений и потерь,
Хочу весной налюбоваться!
Хочу косых
Грибных дождей,
И ярких разноцветных радуг!
И вырастить и внуков,
И детей,
И услыхать, как правнук скажет "мама"...
Ты не лети так, время!
Не лети!
Будь осторожнее
С песочными часами...
Умерь свой шаг,
Вдохни рассвет,
И не спеши задуть
На свечке пламя...

Вера Ивановна ПОПОВА

Попова (Афанасова) Вера Ивановна родилась 27 сентября 1951 года на прииске Сомнительный Нижне-Амурской области (ныне Ульчский район, Хабаровский край). Проживает в с. Богородское Ульчского района. Ветеран культуры. Ныне на заслженном отдыхе. Литературная деятельность с 1992 года - рассказы, повести, басни. Член районного литературного объединения имени первого ульчского писателя А. Л. Вальдю. Неравнодушный человек, активная общественница. Рассказы: "Я донесу!", "Случай на "Бабушке" и другие".

СЛУЧАЙ НА «БАБУШКЕ»

Мистика – это невидимая подоплёка видимых вещей.
Она существует всегда!
(Наталья Солнцева)

После стакана мистики
истина всегда будет где-то рядом.
(Игорь Марсеник)

Нееееет, я не алкоголик, хотя, не скрою, выпить люблю. Ну, а чего, живу бобылём, калымлю, подрабатываю по случаю – пенсия небольшая. Да и не стар я ещё по ощущениям, полон сил и здоровья. Друзья зовут меня Мишкой, а соседка Наталья, когда хочет повоспитывать, на полном серьёзе величает Михаилом Семёновичем. Это я так, коротко о себе.

А вот то, о чём хочу рассказать, не поддаётся никакому объяснению. Долго молчал, боялся, что за психа примут, но нет мочи больше в себе держать, расскажу. И сразу крест на грудь кладу: трезвый был, ни маковой росинки алкоголя не употреблял ни в этот день, ни два дня назад.

В конце августа дело было. Почти всё лето дожди шли, а это значит, что грибов должно быть видимо-невидимо. И Ванька, дружок мой, хвастался намедни: грибов набрал три ведра с верхом за час всего. Ну, пораспрошал я его, где оно, это чудесно-грибное место, и с утра пораньше на своей старенькой машине отправился собирать грибы. Сами знаете, что зимой грибочки с жареной картошечкой за милую душу под…молчу-молчу.

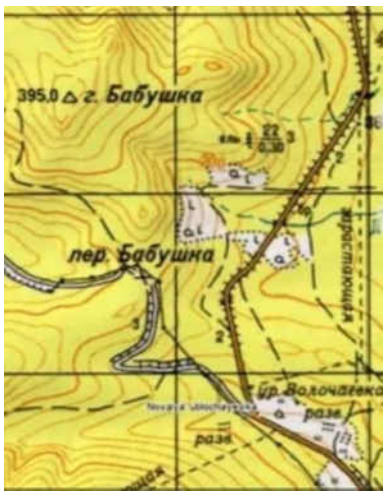
Погода с самого утра затуманилась, а значит день обещал быть солнечным и жарким. Так и получилось – пока добрался до развилки дороги Чильба-Богородское, туманная морось высохла под лучами поднявшегося солнца. Замечательно. Посуху и грибы собирать приятнее. Именно здесь, на перевале «Бабушка», как сказал Иван, грибов видимо-невидимо.

- Привет, «Бабушка»! – громко крикнул я. – Встречай грибника!

«…ааааай …икаааааа» - гулким эхом отозвалась «Бабушка».

Ну вот и поздоровались.

Именно здесь, на перевале «Бабушка», названном от имени горы БАБУШКА, что находилась неподалёку, собрал не мерянное количество грибов мой дружок Ванька.



Засосало под ложечкой – ранний подъём и спешка не позволили мне позавтракать. Ну, что ж, перекусим и за гри-боч-ка-ми! Закусочная пауза позволила оглядеть окрестности. Бог мой! Какая же красота! Кто не наблюдал осеннее межсезонье дальневосточной тайги, тот не видел смешение красок в палитре художника. Тут, решил я, идеальное место для перевоспитания приверженцев ЛГБТ. Да уж!

Закрыв дверцу машины, с небольшим турфоном за спиной шагнул я в грибной мир. А вот и первый! Ах, какой красавец, этот Белый, крепкий гриб боровик! А рядом чуть поменьше, дальше ещё один…Ого! Сколько их, беленьких! Через час турфон наполнился доверху одними белыми грибами – не соврал Иван-то. До заката солнца оставалось ещё довольно много времени. Я отнёс собранные грибы в машину и вернулся с двумя полиэтиленовыми пакетами. Чего время терять? Соседку Наталью угощу. Она хоть и ругается на меня, но женщина добрая. Я ж понимаю: кому хочется видеть в соседях пьяницу-мужика? Само собой, никому.

Всё! Неча жадничать, как говорила бабушка с маминой стороны. Пакеты полнёхоньки, пора и честь знать - домой! Перепрыгнув через невесть откуда взявшуюся канаву, направился я к дороге, где уже давно заждалась моя старенькая, но верная машина «Люська».

Иду… Иду… Иду… Что за чёрт? Пять минут прошло, десять, двадцать… Где дорога? Заплутал что ли? Да не может такого быть! Вернулся, посмотрел на небо – солнышко садится на западе. Всё верно, к дороге идти на северо-восток, там дорога, там и машина. Иду… Иду… Иду… Нет ни дороги, ни машины. Слиняли, исчезли, испарились! Тьфу ты, через пень-колоду-маковку! Нормальные слова растерял. Сев на поваленное когда-то дерево, всё покрытое мхом, задумался: что происходит? Ну, не может, просто не может такого быть, чтобы я заблудился там, где всё исхожено грибниками. Мистика, да и только!

- Что, брат, заблудился? – услышал я рядом с собой мужской голос.

- Похоже, что так. Сам удивляюсь, - поднял я голову.

Напротив стоял среднего возраста мужик. Мужик, как мужик, но вот, что странно: одёжа на нём… как бы это правильно сказать… военная, но не соответствующая пограничной, которую я ещё успел захватить во время Де-Кастринской погранзаставы. Что особенно удивило, так это галифе тёмно-синего цвета. Надо же! И погоны, петлицы василькового цвета с краповой окантовкой. Сапоги, похоже, кожаные. Может, ещё какие странности, мне совершенно неизвестные. Даааааа, гимнастёрка на нём цвета хаки с двумя карманами, закрытыми клапанами, портупея и ремень с простой пряжкой. О, как! А фуражка-то, фуражка – тулья синяя, околыш краповый со звездой военного образца. Вроде, как боец Красной Армии, но нет.

- Аааааа… вы откуда? – как-то несмело спросил я. – Кажись, жилья поблизости нет никакого. Или тоже заблудились?.. Меня вот… Михаилом зовут.

Ого! Чего это я? Хотел сказать, что приехал грибы собирать, а сообщил своё имя. Ну, ладно, подумаешь…

- А я Пётр…Сидоренко. – добавил к имени фамилию мужик. – Живу я здесь вот уже… семьдесят три года безвылазно, навечно. Застрял во времени, так сказать.

Мужик улыбнулся, испытующе глядя на меня.

- Правда?.. А на вид вам и тридцати пяти не дашь. Хорошо сохранились, однако.

Ох, друзья, не поверите, внезапно такой страшный страх просочился под мою ветровку и быстро-быстро пополз от шеи вниз до самого копчика, что даже не объяснить.

- А ты, я вижу, не из трусливых. Или всё же испугался? – усмехнулся военный Пётр Сидоренко.

- А кого бояться? – пролепетал я, - у вас и пистолета нет. Да и время мирное.

- И то верно, - согласился Пётр. – Да и не кусаемся мы.

- Мы – это кто? – всё же с некоторым страхом поинтересовался я.

- Мёртвые, кто ж ещё? Призрак я. – Честно ответил призрак Пётр Сидоренко.

И сообщил он об этом так просто, так обыденно, как будто они, эти самые мёртвые призраки, запросто гуляют среди нас. А чего? И правда, ну, призрак, ну, мертвец, а когда-то ведь человеком был. Чего бояться? Страх постепенно стал стихать, появилось любопытство – эта встреча с прошлым должна быть очень интересна.

- А вы… - начал я.

- Потом. А сейчас я тебе покажу, как правильно строить шалаш на ночь. До утра ты всё равно отсюда не выберешься. Ночи уже не просто прохладные, а холодные. Туман проберёт до косточек, простудиться можешь. Тебе оно надо?

Простуда мне была не нужна. Тем более, что три года назад я переболел ковидом. Спасибо соседке Наталье, выходила.

По понятным причинам Пётр мне только подсказывал, какие стойки, какой лапник собирать, на каком месте лучше всего ставить шалаш, какой высоты. Трудность заключалась ещё в том, что с собой у меня был обыкновенный кухонный нож, но хоть такой. Призрак оказался прав, темнело быстро, и до захода солнца мы успели устроить довольно комфортный ночлег.

- Спасибо за помощь, Пётр. И давай уже на «ты» что ли. Всё же я старше тебя.

- А давай. Я-то остановился на 34 годах.

- Расскажешь?

- Почему нет? Расскажу. Что тебя интересует конкретно?

- Нуууууу…- я задумался, - как ты сюда попал и… вообще…

- Согласен. Ночь у нас длинная, времени для рассказа хватит. С чего начать-то?

Я обратил внимание на то, что Пётр не жестикулировал, не садился, не снимал фуражку и вообще, вёл себя, как… да, как фантом, силуэт. Не мираж, нет, именно фантом. Бывает же!

- Да с этого и начни, как попал в наши края, чем занимался, кем был. Форма, я смотрю, у тебя, вроде как военная, но не совсем.

- Ты прав, Миша – ГУЛАГовская. Она была утверждена в 1943 году и мало что в ней изменилось. Если только вот погоны. Раньше были петлицы.

- Ты офицер?

- Да, лейтенант-строитель, если просто. Много ли ты знаешь о так называемом Нижне-Амурском Исправительно-Трудовом Лагере?

- О ГУЛАГе что ли?

- Ну, в общем, да, сокращённо ещё называли Нижнеамурлаг.

- Кое-что слышал, конечно. У нас здесь везде, куда не ткни, разрушенные бывшие лагеря, мальчишками по развалинам бегали, на вышки лазали.

- Так вот, сразу хочу сказать, что проект строительства в 1950-1955 железнодорожной линии Комсомольск – Победино был грандиозным. Ты только представь себе, Миша, если бы он осуществился, что было бы здесь, в этом районе в том числе!

- И что же?

- Всё перечислить?

- А чего ж, времени у нас много, перечисляй.

Ой, други, такое любопытство меня разобрало, не поверите. Мы ж «много» слышали, но почти ничего не читали, а тут живой свидетель. То есть не совсем, извините, живой, но свидетель.

- Так вот… - странно, но мне показалось, что в глазах Петра сверкнул огонёк, - железку должны были принять к 7 ноября пятьдесят третьего, у села Кизи подземная паротурбинная электро-станция должна дать электричество в декабре пятьдесят четвёртого, движение по ж/д тоннелю под Татарским проливом 7 ноября пятьдесят пятого года. Но! Самое главное: планировалось к шестидесятому году увеличить численность населения на Сахалине с шестисот тысяч до миллиона триста человек. Вдоль трассы Селихино-Мыс Лазарева должны быть построены три города: Нижняя Тамбовка, Де-Кастри и Невельск и четыре посёлка городского типа с численностью от семнадцати до двухсот пятидесяти тысяч человек…

- Да ты что? Правда? – перебил я Петра. – О таком не слышал.

- Конечно, правда. Таков был проект, и созданы четыре экспедиции. По проекту Амурской железная дорога должна была проходить от станции Селихино по правому берегу Амура до села Нижняя Осиповка…

- Нижняя Осиповка? Это что за село? Впервые слышу. Где это?

- Это где-то рядом с Циммермановкой вглубь тайги. Да, а затем повернуть на село Кади, далее по долине реки Яй, по южному берегу озера Кизи и, по морскому побережью следовать к Мысу Лазарева.

- И кто должен был всё это, тобой названное, строить?

Мой вопрос был с подвохом - я и мы все знаем, ценой чего труда и жизни выполнялся столь грандиозный Сталинский проект. Но призрак Пётр был из ТОГО времени, и «мыслил» ТЕМИ мыслями.

- Как кто? Заключённые исправительно-трудовых лагерей. В мае пятидесятого уже было организовано «Строительство № 507 и ИТЛ». Управление находилось в Де-Кастри.

- А руководил кто?

- Полковник Айрас. Он руководил паромной переправой и подъездными путями к паротурбинной электростанции у села Кизи… Эх, не пришлось мне посмотреть, чем закончилось строительство, простыл в декабре пятьдесят второго – двустороннее воспаление лёгких – не спасли врачи.

- Соболезную тебе, Петя. А много зэков-то было?

- Нуууууу, как тебе сказать… - Вначале не много, на нашем ИТЛ около двух тысяч, а к концу пятьдесят второго пятнадцать тысяч заключённых и две тысячи вольнонаёмных.

- Ты так просто об этом говоришь, Пётр. Считаешь, что использовать рабский человеческий труд в невыносимых жизненных условиях, это нормально? Это справедливо?

- Да, Михаил, это справедливо. К врагам народа так и надо относиться.

- А ты уверен, что все они были врагами?

- Конечно, уверен. Они признались в шпионаже в пользу Японии, Англии, во вредительстве на производствах.

- Ты сам-то лично видел, как люди признавались в шпионской деятельности против России?

- Нет, я не видел. Я инженер, я строитель, а не сотрудник ОГПУ.

- И всё же уверен. Тебе, Петенька, просто повезло, что на тебя никто не написал донос, а то бы ты, избитый, искалеченный, тоже подписал бы любое признание в том, чего не совершал. Неужели ты в самом деле веришь, что почти четыре миллиона советских граждан занимались контрреволюционной деятельностью?

- Просто так, Миша, ни за что не садят в тюрьму.

- Согласен. Вполне возможно, что до сорокового года такие явления были – бывшие белогвардейцы и им подобные ещё не перевелись. Но потом-то что? И ведь к высшей мере приговорены почти шестьсот пятьдесят тысяч человек до пятьдесят четвёртого года.

- Ты тоже не скидывай со счетов фашистских прихвостней, власовцев, полицаев – их тоже расстреливали после войны, и расстрельные входили в число приговорённых к высшей мере!

Мы разом замолчали. Мы понимали, какова многострадальная история нашего государства. Попробуй разберись теперь, кто прав, кто виноват. Историю делают не такие, как мы. Историю делают политики руками и жизнями народа. И даже по прошествии лет, десятилетий, веков однозначной оценки прошлому дать просто невозможно. Историю можно только принять к сведению.

- Знаешь, Миша, а ведь, согласись, проект-то был неплохой. Как был жил сейчас наш с тобой район! Какова была идея! А?

- Да, Петя. Только после смерти Сталина этот проект посчитали несостоятельным. Лагпунк-ты опустели, их передали местным леспромхозам. Строения разбирались для строительства жилья в близлежащих посёлках. Очень многие лагпункты остались вне деятельности леспромхозов из-за отдалённости. Но ещё долго стояли охранные вышки и столбы с колючей проволокой. Все они на моей мальчишеской памяти. И где-то осыпавшиеся могильные холмики. Вот как твой, например. Ты хоть помнишь, где похоронен?

- Да, помню. У лагпункта № 18.

Мы опять помолчали. На Душе было грустно и тоскливо. По крайней мере у меня. Я ведь не знаю, есть ли Душа у призраков.

- Ты ложись, Миша. – после тягостной молчаливой паузы сказал Пётр, - Тебе поспать необходимо, дорога до Де-Кастри длинная, а ты за рулём всё-таки. Как, говоришь, машину зовёшь?

- «Люська», испытанная и верная подруга.

Ну, вот. Мне опять показалось, что Пётр слегка улыбнулся. Уже лёжа на подстилке из лапника в крохотном шалашике, я подумал, что уважаю этого строителя, убеждённого в своей вере сталиниста. Идеология всё же – огромная сила.

Утром, чуть забрезжил рассвет, Пётр Сидоренко разбудил меня.

- Пойдём, друг Михаил, доведу тебя до дороги. - и пошёл впереди, не оставляя след на тяжёлой выпавшей за ночь росе.

Не прошло и десяти минут, как показалась дорога, а на ней стоявшая «Люська».

- Миша, мне далее идти нельзя. Давай простимся здесь. Помни, что был такой Пётр Сидоренко в истории Амурского ГУЛАГа.

- Скажи, Петя, а тебе не надоело рыскать призраком среди нашей тайги и болот? Может, и на покой пора? А то пугаешь грибников, как меня вот, - улыбнулся я.

- Ты первый, кто мне попался, Михаил. Сам удивляюсь. Ну, прощай. Рад был знакомству… Да, стой, погоди! Я хоть и коммунист, и в Бога не верю, но…уж коли мы встретились, значит не всё просто в жизни… Я к чему это – если можешь, закажи в церкви, как это называется-то… короче, у священника спроси, что нужно, чтобы отправить меня на суд Божий. Коли виновен в чём, понесу наказание.

- Обещаю, Петя. Обязательно выполню твою просьбу.

Я шагнул к обочине дороги, оглянулся, и только лучи яркого солнца осветили место, где только что висел в воздухе призрак Петра Сидоренко, лейтенанта-строителя «Блокпоста № 507 и ИТЛ», что находился в Ульчском районе Хабаровского края.

Два пакета грибов-боровиков отдал я соседке Наталье. Она удивилась моей неразговорчивости, пожала плечами. А я до сего времени не могу прийти в себя от столь необычной встречи на перевале «Бабушка».

Будучи в городе Хабаровске и, посетив Кафедральный Собор, что у железнодорожного вокзала, я побеседовал с батюшкой, честно рассказав ему о странной встрече с Сидоренко Петром и его просьбе. Не знаю, поверил ли он мне, но промолчал и обещал провести обряд отпевания рабу Божьему Петру. Наверняка он был когда-то крещён своими родителями – такое было время.

А вы, друзья мои, хотите верьте, хотите нет. Ей-Бо, не вру.

Декабрь 2024 год
С. Богородское.

Примечание: в рассказе использовались данные
Экспедиции на Нижний Амур «По местам бывших сталинских лагерей». Карту горы Бабушка показал Грязных В. В. А написала, ссылаясь на реальные события одного из жителей посёлка Де-Кастри, немного художественно приукрасив. Ну и Нижняя Осиповка это современный посёлок Решающий.

Я ДОНЕСУ!

ДЕТЯМ ВОЙНЫ

Большая благодарность Галине Павловне Веткан, руководителю песенно-танцевального коллектива «Гива» и Светлане Васильевне Ангиной, филологу, проживавшей в селе Булава, за консультацию в ульчском языке.

Зимой солнышко просыпается поздно, особенно на севере. Если на небе нет тучек, то на улице светло, и на сердце радостно. А вот сегодня сумерки.

Анечка подышала на заиндевевшее стекло, потёрла пальчиком – нет, небо затянуто снеговыми тёмными и тяжёлыми тучами. Бр-р-р! Холодно.

Уже много дней и ночей висит над родной страной громадная чёрная птица Кори. Она распростёрла гигантские крылья во всё небо. У неё клюв крючком и острые когти-лауча[1[1]]. Злая и прожорливая эта птица, несущая людям зло и погибель.

- Наши мэргэны[2[2]] крепкие, - сказала однажды очень сильная шаманка Чакала Уды, - мнооо-го их. Вырвут они жало из горла хищницы, отрубят крылья загребущие, и снова мирное солнце выйдет из-за сопок на долгие годы.

- И когда же это произойдёт, дада[3[3]] Чакала?

- Духи сказали: вскроется Мангу-Амур, и тогда отвалится голова у птицы Кори[4[4]]. Будем ждать, а пока должны мы работать, не покладая рук, чтобы мэргэны наши – лоча и нани – сытыми были, а значит, сильными. Голодом сытость не победить. Чтобы зло уничтожить, мнооо-оого терпения надо иметь.

Запомнила слова шаманки Чакалы маленькая Ана. Она считала себя вполне взрослой – тринадцать осеней исполнилось ей в этом году – и потому наравне со взрослыми женщинами и старшими подругами ловила рыбу в щедром озере Уды.

1[1] Лауча - сабля
2[2] Мэргэн - богатырь
3[3] Дада - бабушка
4[4] Птица Кори – злая одноногая шаманская птица, взлетающая вертикально, несущая смерть и несчастья.

- Ты уже большая, моя маленькая ам[5][5], - уезжая на заготовку дров в соседнее село, сказал ласково ама[6][6] Ане. – Помогай маме, заботься о сёстрах и братике, а я буду приезжать по возможности. Война требует от каждого из нас много сил и терпения, чтобы победить фашистов и погнать их с нашей земли.

И эти слова запомнила старшая дочь Ана на всю жизнь.

И вот она здесь, в небольшой избушке бывшего старого стойбища в нескольких километрах от крупного поселения. Декабрь второго года войны выдался снежным и суровым. Морозы сменялись буранами со слабой оттепелью. Старые избушки по самую крышу тонули в сугробах. Конечно, это было неплохо: сохранялось тепло внутри, - так говорили старшие женщины. Отправляя дочь в рыболовецкую бригаду, мать простежила две пары гару[7][7] и пошила тэту[8][8], чтобы не продували озёрные ветры, чтобы не дрожало тельце девочки от проникающего во все щёлки одежды пронизывающего зимнего холода.

Ана улыбнулась, вспомнив добрую улыбку эне[9][9], державшую на руках любимого младшего братика, тянувшего к ней худенькие ручонки.

- Нэку[10][10], я скоро приеду. Наловлю много рыбы, а эне нарежет талы[11][11]. Будем кушать. Дай, я поцелую твои щёчки.

Не знала Ана, что вся рыба на пятнадцати подводах будет вывозиться на рыбозавод для замораживания и переработки. ***Вся.*** И не дождётся талы её маленький братишка, ведь «Всё для фронта, всё для Победы».

- Ана!

Громкий голос одного из трёх бригадиров Лоди Владимира отвлёк девочку от воспоминаний.

- Тебе сегодня идти в село за хлебом и крупой. На улице морозно, но ветер слабый. Возьми у старшей женщины заплечный мешок и отправляйся прямо сейчас, чтобы до темна вернуться.

Ана постеснялась сказать, что ещё ничего не ела, - ослушаться начальника мужчину она не могла. Она видела, как женщины, трудолюбивые, терпеливые, безропотные, с самого раннего утра до следующего утра несли на своих хрупких плечах все тяготы рыболовецкого труда. Работа велась беспрерывно – невод вытаскивали через каждые два часа. А как же! – иначе прорубь покроется толстым льдом, и невод уже не вытащить, примёрзнет. Топчаны были общими, работали посменно и отдыхали посменно. Ана была самой младшей, старше её на два-три года были Даша Дявгада[12][12], Катя Уды, Дина Дяксул[13][13], Света Дявгада, Дечули Тамара, но ссылку на возраст не давали, довод один **– *надо!***

Самое страшное в подлёдном лове – ледяная вода, от которой заходились и стыли руки, скрючивало пальцы, а потом в тёплом помещении горели так, будто их варили в кипятке.

Шагая налегке по санному следу, Ана напевала песню, которую, наверное, сочинила Дина, весёлая неунывающая девушка. Она задавала тон и, падая от усталости, - иногда и в голодные обмороки, - девчухи работали с песнями, шутками, трудясь для Победы. Песня помогала, от-

---

5[5] Ам – ласковое обращение отца к ребёнку

6[6] Ама - отец

7[7] Гару – ватные чулки до щиколоток

8[8] Тэту – зимний или летний халат

9[9] Эне - мама

10[10] Нэку – ласковое обращение к младшему брату

11[11] Тала – мелко нарезанные кусочки сырой рыбы, посоленной и поперчённой с приправами

12[12] Даша Ивановна Дявгада – в 1966-70 годы была бригадиром женской рыболовецкой бригады. Делегат XXIV съезда КПСС. Награждена Орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени. За доблестный труд в годы Великой Отечественный войны была удостоена чести открыть памятник Владимиру Ильичу Ленину в селе Богородское Ульчского района.

13[13] Дина Сергеева Дяксул, работник культуры, сочинительница песен, награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.»

влекала от постоянно грызущего чувства голода, а так проклятущий голод просил кушать только во сне.

- Что, больше некого было послать за продуктами, кроме этой крохи? – ворчала грузная продавщица в магазине посёлка. – Морозище стоит, и ветер усиливается. Дойдёшь ли до захода солнца?

Она помогла Ане закинуть за плечи довольно тяжёлый мешок с буханками хлеба и несколькими килограммами пшена – скудный недельный запас на все три бригады.

- Я дойду, тётя, - уже в дверях повернулась к женщине девочка, - ты не волнуйся, я уже большая.

- Эх, - вздохнула продавщица, - чёртова война! Украла у детей детство… Большая она… Тебе бы в куклы играть, а ты работаешь наравне со взрослыми бабами. Дошла бы хоть благополучно.

Женщина записала в амбарную книгу количество отпущенного товара и глубоко задумалась – у самой сын на фронте. Где-то он теперь, на каких фронтовых дорогах…

Обратная дорога оказалась тяжёлой в полном смысле этого слова. Тяжеленный мешок тянул плечи, немели руки, а ноги заплетались в снежных наносах – позёмка мела всё сильнее и сильнее.

- Пять шагов… ещё пять – вот и путь короче… - говорила вслух Ана. А в животе урчало всё громче и громче. – Я тебя не слышу. Вот дойду до стана и покушаю…

Несколько километров до заветного стана, где её ждут подруги. Они тоже есть хотят. Вон виднеются Три Горба, а на берегу огонёк горит… Половина пути. «Терпи, Ана, иди вперёд, спорь со злым голодом, не думай о свирепом морозе». А сумерки превращаются в темень.

«Темно – не страшно, страшно, если не донесу хлеб и крупу. Дядя Владимир скажет: не оправдала».

- Я немного посижу! – обратилась сама к себе Ана. – Я посижу чуточку, а потом снова пойду. Я сильная и большая.

Села девочка на обочину в сугроб, облокотила уставшую спинку на мешок, спрятала за пазуху окоченевшие руки, закрыла глаза. А ветер поёт свою колыбельную песню, громко поёт, и вот уже стоит Ана не летнем берегу протоки родной деревеньки. Возвращаются с рыбалки отцы, братья. Весёлые, говорливые – в лодках много рыбы: сазаны, караси, амуры, ленки, горбуша. Нарежет эне тонко-тонко рыбу, развешает на вешалах, разведёт дымокур от мух, и скоро вкусная макури[14][14] будет лежать на столе, а к ней лепёшки из прошлогодней черёмухи. А тем временем подходят к берегу жители, выбирают из лодок кому какая рыба приглянулась, несут домой – кто жарит, кто уху варит, кто талу режет. А уж ежели сохатого охотник принесёт из тайги, то каждой семье кусок сохатины обеспечен. Хорошо сейчас Ане, счастливый сон берёт её в полон, но опасный – замерзает девочка и не слышит, как остановились сани у сугроба, и женский голос закричал:

- Эди, эди[15][15], человек лежит! Гэ![16][16] Смотри, живой?

- Не кричи, аси[17][17]. Вижу… Анаееее![18][18] Это ж девочка, аси!.. Дышит… однако недавно заснула… А что там за спиной?.. Мешок какой-то… тяжёлый…

- Чего копаешься, эди? Клади её в сани, поехали быстрей!

По счастливой случайности возвращавшиеся домой муж с женой, жившие на острове, нашли девчушку, отогрели, накормили картошкой, оставили до утра. Ночью Ана всё бормотала: «Нельзя тебе хлеб брать, это общее, для всех. Я должна донести. Я донесу…»

Всё до крошки, до крупинки попало на обеденный стол рыболовецкого стана. А то, что принесла продукты маленькая, но рано повзрослевшая, девочка Аничка, рискуя своей жиз-

14[14] Макури - юкола

15[15] Эди - муж

16[16] Гэ - быстро

17[17] Аси -жена

18[18] Анае – возглас удивления

нью, никого не удивило: слово ***НАДО*** было главнее слова ***ХОЧУ,*** независимо от того, маленький ты человечек или взрослый.

Лауча – сабля
Мэргэн - богатырь
Дада - бабушка
Птица Кори – злая одноногая шаманская птица, взлетающая вертикально, несущая смерть и несчастья.
Ам – ласковое обращение отца к ребёнку
Ама – отец

15 сентября 2021
С. Богородское

<u>ПОСЛЕСЛОВИЕ</u> *от автора.*

ДЕТИ ВОЙНЫ. ***Казалось бы, что в этом особенного? Но ведь это дети без детства. Это дети, работавшие в одной упряжке со взрослыми. Они понимали своим, уже совсем не детским умом, что только всем вместе, сообща можно уничтожить фашистскую гадину, раздавить, растоптать.***

Одно только слово «НАДО» заслоняло собой все другие чувства. Слово «ХОЧУ» было под строгим запретом на целые пять лет. Дети войны быстро взрослели, и всё-всё понимали…

Дядя Ваня

«Солдат скуп на слово, добр на дело»
(народная поговорка).

Наш детский дом с весёлым названием «Родничок» притулился к жилым строениям на окраине районного центра. Это был старенький, деревянный, двухэтажный особнячок, когда-то принадлежавший зажиточному кулаку, фамилия которого затерялась в далёкой, седой истории.

Как помню, ребятишек было немного, человек тридцать-сорок, от пяти до четырнадцати лет, и штат работников тоже состоял всего из четырёх воспитателей, медика, трёх ночных нянь, двух поварих и директора Петра Васильевича. Ой, нет, ещё была одна достопримечательность детского дома – старик дядя Ваня. О нём и пойдёт речь в моём рассказе.

Сколько я себя помню с послевоенного времени, дядя Ваня был всегда. Небольшого росточка, с глубокими залысинами, необычайного синего цвета добрыми глазами, он жил в небольшой пристройке тут же при детском доме. Семьи у него не было, не было даже собачки, которая могла бы скрасить его одиночество.

Сегодня пуржит. К обеду уже прочищены дорожки, а ветер всё не унимается, крепчает. К тому же повалил густой снег. Иван уже занёс в сараюшку лопату, как послышался истошный крик.

- Дядя Ваня! Дядя Ваня! Там… там Петьку ветер унёс! – кричал Стёпка.
- Куда унёс? – не понял старик.
- Да в сугроб, куда ж ещё!? Засыпало его.
- Ах ты ж… Ветер унёс… - заворчал дядя Ваня, - чего ж не унести-то: малой худющий, всё не откормится после войны… Где, показывай, Стёпа!
- Кажись, здеся.
- Здеся… - продолжал ворчать старик. – Петька!!! Слышь?! Пошевелись в сугробе, ёк-каралёк…
- Вот-вот, кажись, тута!

Оба: старый и малый стали разгребать снег руками в месте, где, как им показалось, немного просел снег. И вправду, вылезла нога Петьки в сером валенке, затем вторая. Петька, поняв, что пришла помощь, ногами-то и задрыгал. Вытащили, очистили от снега.

- А ну, быстрёхонько домой! - скомандовал дядя Ваня.

Петька со Стёпкой припустили к дому со всех ног быстрее ветра – от перенесённого страха или от радости, что так просто отделались.

А дядя Ваня обмёл голичком валенки и вошёл в уже натопленную свою хибарку. Аккуратно повесил ватник, переобулся в лёгкие ичиги и достал из шкафчика солдатскую потёртую фляжечку, в которой никогда не кончалась водка. Он не злоупотреблял алкоголем, не имел права, ведь вся его жизнь протекала среди детворы, но и отказать себе всего-то в шкалике не мог – военная привычка не отпускала.

Можно и отдохнуть. Но нет, в дверь кто-то постучал и, не дожидаясь ответа, через порог переступила повариха Стеша, немолодая уже вдовица.

- Вань, я тебе щи принесла и макароны с котлетой, тёпленькие ещё, поешь. – извлекла она из полотенца судочки. - Чё там случилось с Петькой-то? Марья ахает и охает, валерьянку пьёт.

- Да ничего особенного не случилось, побарахтался малость в снегу. Чего всполошились-то?

Стеша, опершись руками в столешницу, подперев голову кулаками, смотрела, как ест Иван. Нравился ей этот мужичок, спокойный, отзывчивый, безотказный, не пьяница. На её-то Василия ещё в сорок втором похоронка пришла. С тех пор и вдовеет. Ей вот хоть посмотреть на мужика и то в радость – Иван-то по непонятным причинам ни одной из работниц детского дома особого внимания не оказывал.

- Благодарствую за обед, Степанидушка. Вкусная у тебя стряпня. Не иначе душу ты в неё свою вкладываешь. Я такие щи только у мамани родной ел, ей-бо, не вру.

- Да чего там, - зарделась женщина, - подружки мои не хуже меня варят. Просто я лучок, укропчик зимой на зелень высеиваю да на подоконнике держу. Однако, аромат они и придают вареву моему. Ну, пойду я. А ты отдыхай - к вечеру наметёт, снова чистить придётся.

Иван лёг, закрыл глаза. Через два часа печи топить, их четыре. Пока дров принесёшь, пока растопишь… Правда, ребята постарше всегда помогают. Сами али кто подсказал, ему неведомо. И это похвально: мужчинами должны вырасти самостоятельными, ответственными. Вот и летом помогают на придетдомовском огороде, сено косят для козочек. И директор Пётр Васильевич аккурат вместе с ними, самолично пример подаёт. В хорошую семью попал Иван, тут и доживать будет, коли не изменится в его жизни ничего.

- Ну что, Стёпа, как там Петро себя чувствует? – прикрывая дверцу печи, остановил Иван пробегавшего мимо паренька.

- Фершалка его в медпункт уложила. Говорит, на всякий случай. Петька и рад: в школу ходить не надо, и кормят четыре раза - с полдником.

- Это хорошо, мож, поправится.

- Ты чё, дядя Ваня, я лежать в одного за печеньку ни за что б не согласился. Скука ведь смертная.

- Ладно, Стёпа, привет ему передай. Лишь бы не заболел.

- Передам. Я к нему завтра с утра перед школой забегу.

- Друг-товарищ, Стёпка, запомни, самое дорогое, что есть в вашей жизни. Никакая печенька друга не заменит, поверь. Уж я-то знаю…

«Как он может знать, если один живёт?» - подумал Степан, но вопрос как залетел в голову, так и вылетел - торопился паренёк в столовую на ужин.

Закрыв заслонку последней печи, Иван обошёл коридоры и комнаты, в которых уже спали дети, сдал вахту ночной няне и тяжёлой прихрамывающей походкой сам отправился на покой. Завтра рано вставать, негоже деткам по нечищенным тропинкам в школу добираться до дороги, попадёт снег в валенки, растает, намочит портяночки-то… Ох, как ноет нога! Не даёт покоя в непогодь, будь она неладна!..

А непогодь и взаправду разгулялась – мело так, что белого света видно не было. Лампочку под колпаком, что на столбе у ворот детдома висела, колыхало из стороны в сторону со всей страшной силой – она гремела, скрипела, скрежетала - жуть.

Иван проснулся очень рано, ещё пяти не было. Полежал, вспоминая сумбур своих снов. И ведь всегда с непременным постоянством в плохую погоду, будь то буран, дождь, а хуже всего – гроза, ему снилась война. Бывший солдат понимал, что сны будут повторяться до самого последнего дня его жизни, особенно тот страшный, кровавый бой у высотки под номером 404… Ах ты ж, боль в ноге уснуть не даст! Иван встал, зажёг керосинку и достал из шкафчика спирт. Налил немного в алюминиевую кружку, подумал и пить не стал, а растёр глубокий шрам лилового цвета чуть повыше колена. Иногда процедура помогала – боль постепенно угасала и давала немного отдохнуть…

А немчуру положили всех до одного… Но ведь и своих товарищей немало похоронили в единой братской могиле. Его, Ивана, подобрали санитары и доставили в полковой госпиталь. Помимо страшной раны на ноге в груди торчал большой осколок разорвавшегося снаряда. Хирурги собрали консилиум и рискнули – операция прошла успешно.

Два месяца продержали бойца на больничной койке. Выписался, поехал в отпуск домой, где ждало его страшное известие: семью вместе со всеми односельчанами живьём сожгли в местной церквушке за помощь партизанам буквально перед приходом нашей армии. Снова воевал. Победу встретил в пригороде Будапешта. Жаль, не пришлось расписаться на Рейхстаге в самом логове Гитлера, но разве это главное?

Вот так и остался Иван один на всём белом свете. Возвращаясь на родину в августе сорок пятого, сошёл на первом попавшемся полустанке, поинтересовался, где можно найти работу. Нашлась в детском доме. Ему здесь хорошо – детский смех радует, не даёт зациклиться на собственном сиротстве, да и забота как-никак не позволяет расслабиться. Вот только сны, будь они неладны, да боль в ноге на непогодь…

Начало мая теплом не радовало. Температура воздуха выше пяти градусов не поднималась. Осадков не было, и сохранялась надежда, что градусы на термометре скоро поднимутся. Иван с ребятишками вычищали придомовой сад от прошлогодней листвы и вскапывали прикорневые участки у смородины и яблонь.

- Дедушка Ваня, я устала, - подбежала шестилетняя Оленька, - можно я посижу?

- Конечно, малышка, - подавил улыбку «дедушка», которому на следующей неделе должно исполниться всего-то сорок пять. – Иди сюда, я тебе свою фуфайку постелю. И вот, смотри, какой я корешок нашёл. На кого похож?

- На кооозочку, - протянула Оля. – Это мне?

- Тебе. Играй на здоровье.

Иван погладил девчушку по голове и прикрыл глаза. В памяти всплыл образ дочурки Катеньки – она только родилась в конце 1939 года – сколько бы ей было уже сейчас? – двадцать шесть… Жене Мае было восемнадцать, и ему столько же, когда они поженились, а в ноябре сорок первого Ваня получил повестку, призывающую его на защиту Родины от немецких захватчиков…Не довелось боле встретиться…

- Дедушка Ваня, ты почему плачешь? У тебя что-то болит? – вывел его из горьких воспоминаний заботливый голос Оленьки.

- Нет-нет, доченька, это соринка в глаз попала, - поспешил ответить Иван.

- Сразу в оба? Разве так бывает?

- Конечно, бывает, правда очень редко. Ты посиди здесь, поиграй, а я ещё поработаю.

Год назад её, пятилетнюю, привёз в «Родничок» инспектор народного образования. Так уж получилось, что, кроме Ивана, в этот день не было никого из ответственных работников. Расписавшись в документах, мужчина присел на корточки перед крохой и спросил:

- На ручки пойдёшь?

- Пойду, ведь ты мой дедушка?

Что почувствовал Иван, когда его шею обвили доверчивые худенькие ручки сиротинушки, он бы не смог объяснить. Сердце защемило, ёкнуло, сдавило с такой силой, что еле отдышался. С тех самых пор не спускал он глаз с девочки, мечтая об усыновлении.

- Ваня! Вань! Слышал новость?!

В большой сарай, который готовил Иван для выделенного детскому дому коня, вбежала Степанида.

- Слышал. Сегодня его Пётр Васильевич пригонит.

- Кого пригонит? – вытаращила глаза повариха.

- Коня, кого ж. Буяном звать.

- Какой Буян?! Праздник сегодня, Ванечка!

- Для меня, Стеша, этот день каждый год праздник. Да и воскресенье сегодня, конечно, день нерабочий.

- Ты что же, радио не слушаешь, газет не читаешь? – удивилась Стеша. - Брежнев ещё 26 апреля объявил 9 мая навсегда нерабочим днём Победы. А сегодня 9 мая выпало на воскресенье. Это же вдвойне нерабочий день!! Какая радость, Ваня!

- Значит, что же, наши дети сегодня голодными останутся?

- Почему голодными? – не поняла Степанида.

- Так ведь день-то нерабочий. Кто ж им обеды-ужины готовить будет?

Женщина застыла в паузе, а потом взмахнула рукой и поднесла к глазам кончик косынки.

- Да ну тебя… дурень. Обрадовать хотела, а ты…

- Прости, Стешенька, не хотел я тебя обидеть. И правда радостная новость к моему дню рождения. – Иван приобнял Степаниду за плечи.

- Ой, Ванечка! Сегодня что ли родился? - у Стеши высохли слёзы.

- Да нет, завтра. Десятого меня мамка на свет выпустила.

- Чего ж ты молчал столько лет? Мы и не знали. Сколько ж тебе?

- Сорок пять.

- Всегоооо?.. Сорок пять?.. Это всё она, твоя борода с усами! Тебя пора женить, Ваня. Хватит уже в холостяках ходить.

- Вдовец я, Стеша. Кто ж за вдовца пойдёт?

- Я пойду! – вскрикнула женщина и, поняв, что выдала свою давнишнюю мечту, стыдливо закрыла лицо руками.

- Вот и замечательно! – улыбнулся Иван, - молодые мы с тобой ещё. Детей, понятно, поздно заводить, но вот Оленьку бы я в дочери взял. Ты как?

- Я согласная, Ваня. Моему Николашке уж двадцать один, самостоятельно живёт. А доченька будет расти в заботе, у папки с мамкой за пазухой… Ой, пошла я, деткам пирог испеку к празднику. А ты, Ваня, завтра же бороду сбрей…усы можно оставить, так и быть. Они тебя не портят.

Даааааа, бывает и позднее счастье, его только разглядеть вовремя надо. Степанида разглядела.

Утром следующего дня к воротам детского дома «Родничок» подкатила телега. На козлах восседал директор Пётр Васильевич, а по бокам расположились двое незнакомых мужчин.

- Ну, Иван, - крикнул директор, - принимай в своё хозяйство транспорт! Помещение ему готово?

- Давно готово, Пётр Васильевич. Можно распрягать?

- Нужно, Ванька, нужно. Мы тебе поможем. Да, Вася?

- А чего ж не помочь, Стёпа? Завсегда рады.

Иван резко остановился, вгляделся в лица спрыгнувших с телеги мужиков, побледнел и пошатнулся.

- Эй, эй, паря, ты чего? – всполошились приезжие.

- Ванечка, что с тобой? – подбежала и Степанида.

- Всё нормально, Стеша, это друзья мои, однополчане Вася и Стёпа. От неожиданности что-то голова закружилась. Не виделись мы с сорок пятого. Почитай двадцать лет ровнёхонько прошло.

- Ну, Ванька, и напугал же ты нас! Давай, брат, обнимемся уже что ли!

- Пётр Васильевич, - шепнула повариха директору, - день рождения у Ивана завтра. Готовить обед?

- Я и не знал, Стеша. Готовить, конечно, готовить. Сегодня праздник и завтра праздник. Соберём в столовой детвору – надеюсь, сослуживцы Ивана расскажут нам о… нет, не о войне, о Победе.

Назавтра трое друзей дружно и слаженно управлялись по хозяйству в детском доме. Дошколята ходили за ними по пятам, стараясь хоть чем-то помочь.

- Ого, Ваня, сколько у тебя детишек! – восхищался Василий. – Трудолюбивые, послушные.

- Так ведь маленькие ещё, Вася. Им папа с мамой нужны, ласка, любовь, вот и тянутся к взрослым, стараются, чтобы по головке их погладили, похвалили…

Мужчины тяжело вздохнули.

Ближе к обеду на хоздворе появилась Степанида. Женщина была нарядно одета - поверх платья красовался белоснежный фартук, на голове ажурная накрахмаленная наколка.

- Мальчики, - Василий подкрутил усы, - заканчивайте работу, умывайтесь, переодевайтесь, и в столовую на обед шагом марш!

- Так точно, товарищ Степанида, явиться в столовую – шутливо отрапортовал Степан.

- Ну, что, братья, при полном параде? – спросил посерьёзневший Василий.

- Может, не надо? – тихо возразил Иван.

- Надо! – не сговариваясь, в унисон ответили друзья.

- Ребята, - обратился к собравшимся Пётр Васильевич, - сегодня у дяди Вани, нашего родного дяди Ивана, день рождения. Да-да, всем нам он стал близким и родным… Кто-то хочет возразить?.. Замечательно. Давайте встретим его аплодисментами. Согласны?

- Согласны, согласны!

- Идут! – вбежал Мишка, посланный на «вассар», и как-то странно на всех посмотрел.

Мне уже много лет, а до сих пор в глазах живая картина: стоят плечом к плечу три друга, солдаты Великой Отечественной войны, в отглаженных гимнастёрках, с белыми подворотничками, надраенными пряжками на ремнях, в начищенных до блеска сапогах. У всех троих медали «За отвагу», «за взятие Будапешта», ордена Ленина, а у дяди Вани, нашего простого, скромного рабочего, - Золотая Звезда Героя Советского Союза… Такая стояла тишина! А потом первым встал самый старший наш детдомовец, Серёга Берёзкин, и захлопал в ладоши. Сколько живу, не могу припомнить, чтобы так громко и долго хлопали детские ладошки. А взрослые украдкой вытирали слёзы.

Наш детский дом «Родничок» продержался ещё лет пятнадцать, а потом его расформировали. Дядя Ваня и тётя Стеша перебрались в городок, чтобы их дочка Олечка могла учиться, и как сложилась их дальнейшая жизнь, мне не ведомо. Раскидала нас жизнь по городам и весям.

Вот такой получился у меня рассказ про простого, доброго и неброского дядю Ваню.

Февраль, 2024 г.

БАЛАЛАЙКА

День Победы – награда нашей памяти.
(Юрий Зверев)

Порою прежде, чем награда найдёт героя,
на нём успевают поставить крест.
(Андрей Соколов)

- Санёк, ты почему такой грустный? Случилось что? - Иван Иванович взъерошил лохматый чуб внука. – С Алёнкой поссорился али с Вовкой подрался?

- Дед, ты совсем не угадал. И не люблю я драться, сам знаешь.

- А чего гулять не идёшь? Денёк сегодня такой весёлый – майский, солнечный. Давно начало мая не радовало нас подобной погодкой.

- Не хочу никуда идти. Думаю.

- Похвально. Давай подумаем вместе. Рассказывай, что тебя так огорчило.

- Понимаешь, скоро 9 мая, День Победы…

- Светлый праздник. Мой отец живым вернулся в 1946 году. Через год родился я.

- Вот именно, дедушка. Только что вернулся – и всё. Даже ни одной медали не заслужил. Как же он воевал, если не проявил себя ничем? Мне стыдно идти с его портретом в Бессмертном полку.

Пятнадцатилетний Сашка опустил голову и поднял только тогда, когда понял, что дед Ваня молчит. Иван Иванович стоял у окна и смотрел на улицу.

- Стыдно, говоришь? А почему стыд к тебе наведался именно тогда, когда родился Бессмертный полк? Тебе пятнадцать лет, а ты никогда не интересовался своим прадедом.

- А зачем интересоваться, если в нашей семье никогда не говорили, что кто-то воевал, где-то воевал. Я и узнал о прадедушке только тогда, когда стали создаваться эти самые Бессмертные полки. Мне мама сказала.

- Ты прав, Саша. Это наша вина, вина взрослых, что вы мало знаете о том, что такое война. Наши воевавшие отцы ограждали нас, своих детей, от рассказов об ужасах, что творили немецкие фашисты на советской земле. Они хотели для нас спокойной, мирной жизни. Оказалось, зря. А мы думали, что память о героях будет жить в памяти вечно, молчали, надеясь на учебники и книги. Наши дети попали в мясорубку девяностых. Вот и причина того, почему появляются в третьем послевоенном поколении дети, считающие, что военные награды – показатель мужества и геройства, а за остальных можно стыдиться.

- Ты хочешь сказать, что я должен гордиться своим прадедом?

- Да, именно это я и хочу сказать.

- Но почему?

- Замечательный вопрос, Саша. Я тебе расскажу.

Иван Иванович встал, ушёл в свою комнату, а вернулся с каким-то объёмным свёртком. Положив его на стол, он аккуратно стал его разворачивать. Александр готов был увидеть всё, что угодно, но только не старую, потрескавшуюся местами балалайку.

- Балалайка?

- Да, внук, балалайка.

- И она как-то связана с прадедом Иваном?

- Да. Эта балалайка прошла с моим отцом всю Великую Отечественную войну.

- Так почему ты никогда об этом не рассказывал?

- Честно признаюсь: не знаю. Может быть потому, что сами ветераны не любили вспоминать войну и никогда о ней не рассказывали. Отец говорил: «День Победы был для нас как бы праздник, но в то же время не праздник. Мы собирались, вспоминали погибших товарищей и радовались, что выжили».

- Дедушка, а как же… - Саша указал на лежащую балалайку.

- Это невероятная история. – Иван Иванович сел рядом с внуком. – Ты, наверное, не знаешь, что широко отмечать День Победы стали только с 1965 года, через год после избрания Леонида Ильича Брежнева первым секретарём ЦК КПСС. А до этого года 9 мая был рабочим днём.

- Как же так, дед? Это же неправильно.

- И опять я не знаю, Саша. Слухи разные ходили: не до праздника было, ведь восстанавливали разрушенное хозяйство. Кулуарно поговаривали, что Сталин боялся всенародного авторитета маршала Жукова Константина Георгиевича, боялся за свой пост. Ну, а Хрущёв Никита Сергеевич даже вспоминать имени Сталина не желал. Наверное, потому что сильна ещё была армия ветеранов, идущих в бой с его именем. Он даже Жукова отправил в ссылку. Сейчас это всё домыслы, а тайных мыслей политиков нам не дано знать. Но мы отвлеклись… На чём я остановился-то?

- На 1965 годе.

- Ага… Моему отцу в этом году исполнилось сорок четыре года. Он был совсем молодой по годам, только голова вся седая… Ох, и отплясывал же он на вечорках до войны, сам себе аккомпанируя на балалайке. Мама говорила, что отец мог подпрыгнуть высоко, перевернуться через голову, не переставая играть… Да… В 1965 году приоткрыли холодный занавес… Ты знаешь, что это такое?

- Да, дед. Нам рассказывали.

- В Советский Союз разрешили туристические поездки из-за рубежа. 8 мая 1965 года Москве присвоили звание города-героя. Были большие празднества, на которые пригласили воинов-интернационалистов из дружественных стран. В наш городок приехало много таких из Франции. Мне не исполнилось ещё восемнадцати. Мама заставила нас с отцом принарядиться, и мы решили пойти в парк, где играл почему-то не духовой оркестр, а ансамбль народных инструментов. Заслышав музыку, папа вдруг покраснел и скорым шагом направился к летней эстрадке. Там на лавочках сидели иностранцы. Видимо, им тоже понравилось исполнение виртуозов балалаечников. Они оживлённо переговаривались, и вдруг очень громко прозвучало имя «Ванья-Баляляйка». Лицо папы уже из красного сделалось белым, а мы с мамой очень сильно испугались.

- Pierre... Est-ce vous, Pierre? (Пьер…Это ты, Пьер?) – уж совсем неожиданно для нас отец заговорил по-французски.

Сидевшие близко к тому месту, где стоял папа, толкнули впереди сидящего француза. Тот сердито оглянулся, но ему показали на отца. Видимо, это и был Пьер… Сашка, я никогда не забуду выражения лица уже не молодого мужчины.

- Oh non! Pas question! Vanya!!! «Balyalyaika»! (О, нет! Не может быть! Ванья!!! «Баляляйка»!) – заорал он, подбежал к моему отцу, вгляделся в его лицо и крепко обнял.

Нам с мамой было видно, как по его щекам текут слёзы радости.

- Je pensais que j'allais mourir et que je ne te rencontrerais pas dans ce monde, mon frère Vanya! (Я думал, что умру, и не встречусь с тобой на этом свете, брат мой Ванья!).

Пьер не замечал текущих слёз, всё хлопал отца по спине, по плечам и повторял: Vanya! Vanya!!! «Balyalyaika»!

- Ничего не понимаю… А ты, сын, понимаешь?

- Как и ты, мама, только имя отца и «балалайка». А ты знала, что папа говорит по-французски?

- Как-то он обмолвился, что в школе у него была пятёрка – и всё.

Сидящие французы встали, внимательно слушая своего товарища, а потом загалдели: «О! Ооо! Баляляйка!», стали жать папе руку и хлопать по плечам. Но отец, видимо, вспомнил о нас с мамой, подвёл к французам.

- C'est ma femme Masha et mon fils Ivan. (Это моя жена Маша и сын Иван).

- O! Ivan! Bonjour Masha!

Пьер, держа отца за руку, что-то спросил, показывая на музыкантов-балалаечников. Тот отрицательно покачал головой.

- Non, Pierre, non. Et ne persuadez pas. (Нет, Пьер, нет. И не уговаривай).

- Ensuite, nous vous invitons, Masha, Ivan le soir à six heures dans le café « Berezka ». Nous n'acceptons pas le refus. (Тогда мы приглашаем тебя, Машу, Ивана вечером к шести часам в кафе «Берёзка». Отказа не принимаем).

- Маша, - обратился к маме отец, - нас троих пригласили вечером в кафе. Ты согласна?

- Я очень даже согласна… А что же мне надеть? – заволновалась мама.

- Nous viendrons certainement. (Мы обязательно придём). – папа улыбался.

Французы обрадовались, снова загалдели, пожали папе руку, маме же поцеловали, меня похлопали по спине и удалились.

Сказать, что время до шести часов прошло в суете, не сказать ничего, Сашка. Особенно суетилась мама. Каждые пять минут она выходила к нам в новом платье и спрашивала: «Как?». Мы пожимали плечами. Для нас мама была во всех нарядах хороша. Наконец, она

выбрала платье салатового цвета с юбкой «бочонком», к которому подошли бусы из искусственного жемчуга.

- Как вы это вытерпели, дедушка? То ли дело сейчас – брюки, красивая блузка и туфельки, а то и модельные кроссовки – всё! Чего заморачиваться?

- Ты не прав, дорогой. Даже твоя Алёнка не пойдёт на званый вечер абы в чём.

- Дальше-то, что было.

- А дальше мы узнали, что Иван Соколов, то есть наш муж и отец, был участником Французского Сопротивления с 1943 по 1945 годы. Он не называл своей фамилии. Все знали его под именем Ваня и под позывным «Балалайка».

Командиром партизанской группы был советский лейтенант Георгий Пономарёв. Группа в январе 1944 года стала называться «Сталинград». Поначалу в ней было всего десять человек, в основном из числа советских военнопленных, а потом уже в неё влились представители других национальностей - поляки, итальянцы, французы.

- Ни фига себе!

- Именно, что ни фига, Саша. Мы сидели с мамой рядом с переводчицей. Её, видимо, пригласили папины друзья, чтобы мы не выглядели белыми воронами, не зная французского.

- Дед, я обязательно поищу в интернете сведения о группе советских партизан «Сталинград» и его командире Пономарёве. Но это потом. А почему у прадеда был такой необычный НИК – «Балалайка»?

- Давно жду, когда ты задашь этот вопрос. Вернувшись домой, мы не стали больше ни о чём расспрашивать папу. Уж очень он был шокирован встречей со своей военной молодостью. Только через неделю, когда он был уже спокоен, мы с мамой купили торт и за вечерним чаем задали отцу вопрос так, как его сейчас задал мне ты.

Иван Иванович сходил на кухню и принёс два стакана чая. Может, горло у него пересохло, может, вспомнил тот давешний майский вечер 1965 года.

- Рассказываю почти дословно со слов Ивана Соколова, моего отца: «*В мае 1943 года разведрота, в которой я служил, попала в немецкую засаду. Бой был неравным – я и ещё пятеро товарищей попали в плен. Вначале мы были помещены во временный лагерь, а затем отправлены в концлагерь в западную часть Германии в город Саарбрюккен на вагоно-ремонтный завод. Лагерь располагался в километре от городской черты. Многие из нас пытались бежать, но, как вы уже знаете, побег из фашистского плена был тяжёлым и опасным. Многих вылавливали, доставляли назад в лагерь и расстреливали перед строем пленных. На заводе работали вольнонаёмные французы, ведь Саарбрюккен расположен непосредственно на границе с Францией. Среди них, как я узнал уже потом, были агенты Сопротивления, которые при удобном случае помогали небольшим группам или одиночкам бежать. Так я познакомился с Пьером.*

За месяц знакомства я худо-бедно стал изъясняться на французском, тем более что в школе имел «пятёрку» по этому предмету.

Как-то в разговоре я похвастался, что был неплохим балалаечником в селе, где родился. Пьер задумался. На следующий день он спросил меня, смогу ли я играть на балалайке, не прерываясь, больше двух часов. Я тут же бахвально ответил утвердительно. А через неделю после вечерней поверки в барак заявились трое пьяных надзирателей и комендант барака. Меня поставили по стойке «смирно» и спросили, могу ли я играть на балалайке. Не усмотрев подвоха, я ответил, что умею. Они захохотали и тут же выудили откуда-то балалаечку. «Ты, Иван, - заявили они, - покажи нам, что умеешь». Взял я в руки родимую, прошёлся по струнам – никакого строя! «На ней невозможно играть, пока не настрою». «Настраивай! - тут же поступил приказ. – Пятнадцать минут тебе даю!». Пока настраивал лад, с ужасом понял, что пальцы перестали меня слушать. Как же я играть буду? Не зря затевается что-то…

«Свободу хочешь?» – вдруг спросил комендант. Я похолодел – вот оно! «А что требуется от меня?» - ушёл я от ответа. «Ты сей же час пойдёшь по дороге от лагеря до города, при этом будешь играть на «блаблалайке». Если замолчишь, получишь пулю в затылок. На этом

твоя свобода закончится, а я выиграю пари». Я мысленно выругался. «А как же вы узнаете, что я не прервусь?» - я всё ещё не мог понять сути пари. «Не переживай, следом будет идти Ганс», - снова захохотал комендант. Всё понятно: меня убьют в любом случае, прервусь я или нет. Выхода всё равно нет. Я кивнул. «А теперь пошёл вперёд, рус Иван!»

Дорога до города была хорошо освещена. Как же, немецкая педантичность! Иду, играю. Со злости пальцы слушаться стали. Под частушечные наигрыши напевать стал, а потом пошла «Цыганочка», «Во поле берёза стояла», «Я на горку шла», «Во саду ли, в огороде» и ещё что-то, уж не помню. Метров десять осталось, чтобы войти в город. Думаю: «Всё равно погибать, была не была!..» и заиграл, и стал орать частушки:

Лез к Москве фашист-мошенник
Через надолбы и рвы -
Крепкий русский подзатыльник
Получил взамен Москвы.

У московских у ворот
Удивляется народ:
Немцы ходят в наступленье
Только задом наперёд.

Скоро Гитлеру могила,
Скоро Гитлеру капут,
А советские машины
По Берлину побегут.

От Москвы и до Берлина
Дороженька узкая.
Сколько Гитлер ни воюй,
А победа — русская!!!

- Получай, сволочь фашистская! – повернулся я к Гансу, размахнувшись балалайкой.

Думал, не убью, так врежу чуток по фашистской морде. А Ганса-то нет! Лежит, бедолага, посреди дороги, ртом воздух хватает, как рыба, выброшенная на берег.

Слышу, зовёт меня кто-то: «Ванья! Ванья!». А это Пьер бежит навстречу, хватает меня за руку и тащит куда-то. Не поверите, родные, держу балалайку, а выбросить не могу – пальцы свело, прилипла родная к руке. Так с балалайкой и пошли мы с Пьером к границе. Возвращаться ему больше на завод было нельзя – это он надоумил коменданта заключить пари с надзирателями.

Побратались мы с Пьером уже в партизанском отряде маки. А позже я перешёл в группу Георгия Пономарёва. Позывной «Балалайка» мне дали во французском Сопротивлении, а сам инструмент остался со мной - спас он меня от верной гибели, не мог я его выбросить.

Закончилась война. Я с вами, родные мои. Я счастлив. Не хотел, чтобы вы знали о моём военном прошлом и, если бы не сегодняшняя встреча с побратимом Пьером, так бы и ушёл со своим прошлым туда, откуда не возвращаются…

- Я спросил тогда у папы, играл ли он когда ещё на своей балалайке. «Конечно, сын, - ответил он, - 9 мая в День Победы». Но самое интересное ожидало нашу семью, когда папу вызвали в городской военкомат через полтора года и вручили награду «Крест Бойца Добровольца Сопротивления». Я впервые видел, как отец сидел за бутылкой водки и плакал. Перед ним на столе лежала та самая балалайка. Мы с мамой ему не мешали.

- Дедушка, а почему его сразу не наградили?

- Разве ты не понял, Саша, что некого было награждать. Существовал русский партизан Ваня с прозвищем «Балалайка». Где его искать? Кто он такой на самом деле? Мой отец просто выполнял священный долг – бил фашистскую нечисть! И он этот долг выполнил! С Пьером они переписывались до последу… Ты бы пошёл погулять, внук. Солнышко уж очень ласковое сегодня. А завтра праздник великий, тебе в колонне идти.

- Нет, дед, не пойду. Дело у меня важное ещё есть…

Заглянув через некоторое время в комнату внука, Иван Иванович увидел, как Сашка откатывает на принтере чёрно-белое фото своего прадеда Ивана Соколова, чтобы вставить в рамку.

Иван Иванович молча положил перед внуком медаль Крест Бойца Добровольца Сопротивления». Бессмертный полк пополнился ещё одним бойцом.

Апрель 2022

КУСОЧЕК ХЛЕБА

«Я не могу смотреть спокойно, когда небрежны с хлебом», – написал спустя полвека после войны бывший немецкий военнопленный Фритц Дехант.

Когда-то кусочек русского хлеба спас побеждённого солдата от смерти.

Почему гуманное отношение русского человека к противнику в большинстве своём расценивается в Европе как слабость или предательство?

Не потому ли, что русская Душа по многим параметрам не равна Душе западенца? Ну, не понятно жителю Америки, Европы, Британии, как в русской Душе уживаются жестокость, жалость и сострадание, наивность, инфантильность, добросердечность, злость, терпение и необъяснимая доверчивость!!!

Странные мы, русские люди.

***

«Я не могу смотреть спокойно, когда небрежны с хлебом» … Я родился после войны, через шесть лет по её окончании, но святое отношение к хлебу воспитала в нашей семье бабушка. О ней, о бабушке, я и хочу рассказать.

***

- Петька, хошь сенсацию?

В раскрытом окне нашего старенького дома появилась лохматая голова моего дружка Кольки. Мы давно дружим, даже не припомню, когда и где подружились, но именно с тех пор неразлейвода.

- Не смеши, Колян! Какая может быть сенсация в нашем захудалом городке?

- И вовсе не в захудалом, городок, как городок, пусть даже маленький. Зато сенсация огромная. Можно сказать – Вселенская.

- Да ну!?

- Вот тебе и «да ну»! Сядь, а то упадёшь – из ГДР[19[1]] немцы приехали, целых четыре штуки. Говорят, бывшие военнопленные.

- Какая же это вселенская новость, Колька? Немцы всего пятнадцать лет как уехали на родину, к себе в Германию. Мне бабушка рассказывала. И вообще: они фашисты.

- Если в ГДР живут, значит, не фашисты.

- Не будем спорить. Воевали против нас? – воевали. Значит, фашисты. А чего они к нам-то явились? Что они здесь забыли?

- Я не знаю. Никто не знает.

- Ну и по фиг… Вечером в футбол играем?

- Играем.

- Тогда до вечера. Мне ещё воды с колонки натаскать, бабушка велела.

Часа в четыре пополудни во дворе радостно залаял Шарик. Кто-то знакомый. Но нет, это раньше времени вернулась с работы тётя Аня, жена младшего сына бабушки - Виктора.

- Где бабушка, Петька? – строго спросила она меня и села на табурет.

- Курочек пошла кормить. Что случилось, тёть Ань?

- А вот это мы сейчас узнаем.

Невестка была взволнована, теребила в руках косынку, вытирала пот со лба, вставала с табурета и снова садилась.

- О, Анька, - зашла бабушка, - чегой-то ты явилася? То неделями не дождёшься, а то тут как тут. Чего надоть?

- Вы, маманя, что такого натворили во время войны?

- О как! А ты кто, прокурор что ли? Меня и после войны в соответствующие органы не вызывали. Тебя-то кто уполномочил?

19[1] ГДР – Германская Демократическая Республика или восточная Германия.

- Никто. Я сама пришла, чтобы узнать, по какой такой причине вас, Наталью Кузьминичну Иванкину, приглашают на встречу с прибывшими в наш город немцами. И, как оказалось, бывшими военнопленными.

- И что?

- Да ничего, маманя! Или вы забыли, где и кем я работаю?

- И хотела бы забыть, да ведь не дашь! О стуле со спинкой беспокоишься…

Бабушка прошла к печи, вытащила чугунок с картошкой, поставила аккуратно в уголок ухват.

- Кушать будешь? Ты, вижу, с работы только.

- Вы что, издеваетесь что ли? Да мне кусок в горло не полезет!

- Нуууууу, куда уж нам до вас… Вот что я тебе скажу, сношенька дорогая, - бабушка резко повернулась к жене сына, - во время войны я санитаркой в госпитале работала, спину не разгибала, за ранеными и больными ухаживала, утки за ними выносила, задницы подмывала, песни колыбельные слепым да обожжённым пела, письма писала и плакала вместе с ними! Ну, а кто был тот раненый, русский ли, немец ли, мне было всё равно. Для меня каждый из них был просто человек, просто чей-то сын… Да что я тут перед тобой распинаюсь? Если и сделала что не то, так не тебе судить, а Господу Богу. А теперь ступай отседова, некогда мне, дел много.

Поставила бабушка чугунок снова в печь и забыла про невестку, будто той и не было рядом вовсе. Я же пребывал в странном ступоре. Никогда бабуля не рассказывала мне о своей жизни во время войны.

- Бабушка, - тихо спросил я, когда ушла тётя Аня, - а в госпитале правда лежали раненые немцы? Они в плену были? А почему вместе с нашими солдатами? Они же фашисты, они же наших расстреливали. Ты говорила, что два брата твои на войне погибли…

- Ооооо, сколько вопросов, Петенька! Правда, лежали и немцы. Привозили их к нам голодных, вшивых, больных… Ох, и вспоминать тяжело, а уж как тяжело реально в те годы было… Кто знает, внук, какие они были фашисты… Люди они, человеки в первую очередь… А я? Русская я, Петя. Я тогда как думала: вот приедет этот немец к себе в неметчину да расскажет маме своей, как в России к нему относились. И задумается мама его, будущая бабушка его детей, что в добре надобно воспитывать чадушек, в добросердечности…

- А ты помнишь хоть кого из них?

- Что ты, милый! Какой помнить? Руки, ноги помню, шрамы их помню да грязные тряпки, которыми были обмотаны…

Бабушка вздохнула глубоко. Я видел, как чёрная тень легла под её глазами, а вокруг рта собралась густая сеть из морщин.

- Ладно, вечерять давай. Домой пойдёшь или со мной останешься?

- С тобой. Родители знают.

- И добро.

Бабушка снова достала чугунок, выложила картошку в миску, налила по кружке молока и нарезала крупными ломтями чёрный хлеб, который никогда не покупала в магазине, пекла сама.

- Вот холера!

Я чуть не поперхнулся. Чего это вдруг бабуля отложила в сторону хлеб и отодвинула кружку с молоком.

- Ты чего, баб?

- Да Анька эта…Разбередила душу… Вспомнила я пленных немцев… Зима, привезли в госпиталь человек восемь… Кто в чём, руки в рукавах шинелок прячут, на голове пилотки. Жуть! А я в столовую бегала за хлебом для своих солдатиков. Увидели немчуры в руках моих хлеб, глаз отвести не могут – голодные… Не поверишь, Петька, я в ту ночь глаз не сомкнула. Закрою, а перед глазами они… Попросилась я у Владимира Иваныча, главного врача, в палату к пленным. Он удивился: с чего это? Говорю: нет у них никого, жалко матерей. Покачал

Иваныч головой, но согласие дал. Я им, Петька, потихоньку хлебушек носила. Свой паёк отдавала, пока они не поправились мало-мальски…

- Ну, ты даёшь, бабуля! Они же враги.

- Они враги на поле боя, внук, а на больничной кровати – божьи люди.

- И что потом?

- Отблагодарили они меня, Петя, подарком необычным. При выписке один из них протянул вырезанные из дерева бусы, красной краской покрашенные. Где они краску-то красную, интересно, взяли? Представляешь? – бусы! Такие смешные – грубо обрезанные с претензией на круглые. Ножом, однако, стругали. Смотрят на меня, глаза улыбаются. А потом каждый по очереди поцеловал меня в щёку. Ушли, а я сидела на кровати и плакала… Мож, про этот случай Анька-то намекала?.. Ай, да чего думку гадать!.. По радио спектакль транслируют. Слушать будем?

- Конечно, будем, бабушка. А бусы живы?

- Живы. Куда им деться? Память всё же… непростая память.

Утром у нашего дома остановился УАЗик. К калитке подошёл мужчина в штатском довольно внушительного вида.

- Петька, иди, спроси, что ему надо, - выглянула в окно бабушка, реагируя на сигнал клаксона.

- Здравствуйте, - обратился ко мне мужчина. – Наталья Кузьминична Иванкина дома?

- Дома.

- Я могу с ней поговорить?

- Могёте… то есть можете. Проходите, я Шарика подержу.

Мужчина прошёл в дверь, пригнувшись. А я раньше и не замечал, что у нас такой невысокий проём. Надо же! Шарик перестал лаять, завилял хвостом. Пришлось поменять ему воду в кастрюльке.

-…сегодня в девятнадцать часов, - услышал я уже окончание разговора.

- А если я не приду?

- Я думаю, что ваш отказ от общения расценится как пренебрежение к зарубежным гостям. Всё же это жители демократической Германии, нам дружественной.

Мужчина говорил спокойно, сдержанно, терпеливо. Выучка, однако.

- Я приду. С внуком приду. Это моё условие, от него не отступлюсь.

- Конечно, конечно, Наталья Кузьминична. Думаю, даже безусловно. Всего доброго, до встречи.

- И вам здоровья, - тихо вдогонку отозвалась бабушка.

- Ба, чего это он? Куда мы пойдём?

- Куда, Петька, куда… Да туда, в райком партии. Зачем-то зовут меня немцы… Ты не знаешь, куда я бусы свои затырила?

- Хи, - мне стало смешно. – Бусы зачем?

- Ничего ты не понимаешь, Петька. Бусы – это красиво. А ты ботинки кремом почисть да рубаху погладь.

- Чего это я перед фашистами наряжаться буду.

- Вот не знала, что внук мой – дурак. В нарядности царём себя чувствуешь, гордость наружу прёт. Русские мы. Понял?

Чего не понять-то… Ровно в семь часов вечера нас провели в актовый зал райкома партии. На небольшом возвышении стоял длинный стол под зелёным сукном и шесть стульев. Мы с бабушкой примостились с краю в третьем ряду установленных деревянных кресел с откидными сиденьями. Зал постепенно заполнили, видимо, приглашённые. А ещё через несколько минут за стол прошли те, ради кого бабушка надела «смешные» бусы.

- Товарищи, - обратился к присутствующим, как я потом узнал, первый секретарь РК КПСС, - сегодня мы собрались по весьма необычному случаю. Я прошу поприветствовать

гостей из Германской Демократической Республики Хайнца Кюна, Эриха Бухарда, Эрта Зигфрида, Клауса Александра Диршка.

Раздались аплодисменты, а все четверо германцев, встав, поклонились. Сев, к секретарю наклонился один из немцев и что-то сказал. Выслушав перевод, секретарь согласно кивнул. Немец вышел к присутствующим и начал говорить, прерываясь на перевод.

- Я Хайнц Кюн, бывший, как вы говорите, фашист, бывший военнопленный. Меня как-то спросил маленький племянник: «Дядя Хайнц, а что тебе больше всего запомнилось в России, война или плен?» Я подумал и ответил: «Матка. Русская матка Наташа». Племянник спросил: «Почему?» Я заплакал и сказал: «Она мне кусок хлеба дала и маленький кусочек сала». Меня поместили в палату, где лежал очень худой старик, можно сказать живой мертвец. К нему приходила жена, приносила еду. Как-то она протянула мне варёное яйцо и кусок пирога. Я стал отказываться, говорил, что её муж сильно истощён. «Бери, - говорит, - он всё равно скоро умрёт, а ты молодой, у тебя вся жизнь впереди – тебе нужно поправиться после операции. Тебя мать ждёт», и горько вздохнула. Я был потрясён такими простыми словами. Я всю ночь думал, есть ли у неё сыновья и где они. А ещё я думал, зачем мы пришли к этим добрым маткам убивать их детей. Мне было стыдно и горько. Я плакал.

- Меня зовут Эрих Бухард. Когда нас привезли в госпиталь, у меня были старые ботинки, а вместо носков намотаны носовые платки. Мимо бани шла русская матушка Наташа, утром она принесла мне носки, поношенные, но постиранные и заштопанные. Вы понимаете, что она для меня сделала?

- Меня, Эрта Зигфрида, и друга Клауса Александра Диршку доставили в этот же госпиталь вместе. Как-то в палату к нам зашла красавица Наташа, она положила на тумбочку два куска хлеба, чем-то намазанного и посыпанного белым порошком. Мы с Клаусом переглянулись. Она поняла, о чём мы подумали, но засмеявшись, откусила маленький кусочек. Мы догадались, что это можно есть. Чёрный хлеб, смазанный маслом от подсолнечника и посыпанный солью. Бог мой! Ничего вкуснее мы не ели. И до сих пор иногда мы, собираясь, готовим себе и внукам такие бутерброда. Я хочу сказать: «Не было в ту пору большего лакомства, чем хлеб, политый постным маслом и посыпанный солью. Сами голодали, дети голодали, а врагу, поверженному, благородство являли и последним делились. Это многого стоит. Мы решили, что поэтому русские непобедимы». Ты со мной согласен, Клаус?

- Я согласен со всеми моими друзьями. Матушка Наташа помнится нам совсем молоденькой девушкой, но с очень большим сердцем. Мы были все в неё влюблены, но нас было четверо, а она одна, и мы понимали, что с её стороны к нам было обыкновенное сострадание, жалость, сочувствие. Мы решили от всей нашей коллективной любви подарить ей бусы, которые вырезал Эрих.

- Ой! – вскрикнула бабушка и закрыла руками рот.

- Что нас больше всего поразило в русских людях? Это простота. В госпитале нас встречали в коридоре, что-то говорили, предлагали сигареты в картонном мундштуке… что?.. папиросы?.. Да, папиросы. И ещё эти… в чёрной скорлупке… О, да-да, семечки… Что, Хайнц? О, да, говори.

- У меня о русских сложилось такое впечатление: при первом знакомстве русский замкнут, на контакт идёт нелегко, но, стоит лишь завоевать его доверие – он к тебе с открытой душой, готов поделиться последним. Помнится, что до 1947 года местное население само сильно голодало, а с середины 1947 года положение с продовольствием постепенно стало улучшаться. Но и в самые голодные первые послевоенные годы нам удавалось достать пару картофелин, банку огурцов или помидоров, немножко лука – продукты, совершенно необходимые при нашем однообразном и бедном витаминами рационе. Но так было уже на поселении, куда нас отвезли после госпиталя, и где мы работали.

- Недавно мы с друзьями решились приехать в Россию и побывать в вашем городке, где располагался госпиталь. – сказал Эрих Бухард. - Признаёмся, что очень хочется встретиться с Матушкой Наташей и одновременно страшимся, а вдруг нет её в живых… Но что-то подсказывает мне, что нашлась наша сестричка из госпиталя Наташа.

Эрих окинул взором всех присутствующих женщин и с возгласом «ОНА» быстрой трусцой направился к нашему ряду. Подбежав к бабушке, он опустился на колени, взял морщинистую натруженную её руку и прижал к губам. Взволнованная бабуля встала и, со словами «будет, будет», другой рукой погладила пожилого мужчину по голове. Вслед за Эрихом подошли и другие немецкие гости, приговаривая: «О, Наташа! Наташа!» Зал зааплодировал. Но, когда они выстроились в линию и поочерёдно поцеловали мою бабушку в щёку, все присутствующие встали. Овации долго не смолкали. Я видел, что не только женщины, но и многие мужчины украдкой смахивали с век слёзы. А моя бабушка стояла, улыбаясь, такая величавая, гордая и… простая в своей шёлковой косынке. Я подумал, что не зря она надела на шею простые, но очень дорогие и совсем не смешные, бусы…

Вечером следующего дня бабушка принимала немецких гостей в своём хлебосольном доме, а поверх белоснежной блузки её красовались деревянные бусы, за четыре десятилетия не потерявшие цвет ярко-красной крови[20[2]].

***

«Это дух творит себе формы. Какого духа люди — такие и формы», - сказал поэт, актёр Пётр Мамонов. Как же он прав! Не в кусочке хлеба дело, а в величии русской женщины, олицетворяющей собой великую страну под названием РОССИЯ.

ОТ АВТОРА

Когда я уже дописывала рассказ, попался мне небольшой очерк Константина Кудряшова в еженедельнике АиФ за № 27 2022 года. Называется он «Русский плен – второй шанс». Кто-то может прочесть, а я хочу вкратце изложить его содержание. Я не знаю, имею ли на это право, но факты исторические, их можно найти и в интернете.

Первое: Русско-польская война 1654-1667 гг.

В июле 1659 года при Конотопской битве в плен попали пять тысяч русских солдат. «…несчастных вывели на открытое место и резали, как баранов».

Что же делали с пленными в России? Подавляющее большинство предпочло остаться в сытом русском царстве. Считается, что присягнувший на верность русскому царю в 1654 году некто Станислав Менжик, был предком знаменитого Алексашки Меньшикова.

Второе: Северная война 1700-1721 гг.

В 1706 году шведы одержали верх над русско-саксонским войском. «Пленных саксонских солдат накормили и предложили остаться в шведской армии либо отправиться по домам. А вот русских варваров из пятисот пленных тут же расстреляли или закололи. Они падали друг на друга, как овцы на бойне. Трупы лежали в три слоя. Всего же было убито четыре тысячи русских».

Судьба шведских пленных в России была совсем иной. Из 23 тысячи пленных под Полтавой и Переволочной домой вернулись около четырёх тысяч. Остальные остались в России жить и работать.

Третье: Наполеоновское вторжение 1812 г.

Генерал Филипп де Сегюр писал: «Наша войсковая колонна встретила на дороге тела недавно убитых русских. Почти у каждого из них была разбита голова, и окровавленный мозг был разбрызган тут же».

Чем ответили русские? Из 180 тысяч пленных «Великой армии» 60 тысяч пожелали остаться в России. Им даровали серьёзные льготы. Например, освобождение от всех налогов на десять лет, «дабы они обзавелись домом и хозяйством». В результате многие предпочли

20[2] Имена и фамилии бывших немецких военнопленных реальны, как реальны и интервью с ними. https://krieger-88.livejournal.com/3834.html?ysclid=l5hwk6bjvt763345186

стать мастерами и технологами на казённых и частных фабриках или открыть своё торговое дело.

Странные мы, однако, русские люди…

Июль, 2022 год

"ЗДРАВСТВУЙТЕ, ФРОЙЛЕЙН АННА"

Давным-давно, когда мне не было ещё и двадцати лет, приснился однажды сон: серая неуютная комната; за швейной машинкой сидит сорокалетняя женщина; мерный стукоток машинки усиливает и без того унылую атмосферу. На плечах женщины серый пуховый платок. Уже поздно, за окном зажглись уличные фонари. Вдруг резкий дверной звонок заставляет женщину вздрогнуть. Открыв дверь, она видит высокого, широкоплечего мужчину, элегантно одетого, среднего возраста и понимает, что это он, её любимый из военных 40-х годов.

Много лет прошло, а сон нет-нет да всплывал в моей памяти.

Надо было писать, а сюжет дальше их встречи "не шёл".

И вот время дало подсказку: статью Георгия Зотова "Охота на крысу" в газете АиФ за 2014 год в номере 29. Исторический факт покушения на Гитлера послужил мне опорой в развитии сюжетной линии.

Все имена и фамилии заговорщиков - подлинные, кроме Отто фон Брауна и полковника Краузе.

Июнь-август 2014 года.

8 МАЯ 1965 ГОДА, 22 ЧАСА 47 МИНУТ

Я сижу за старенькой печатной машинкой "Optima" с немецким шрифтом и, не глядя на клавиши, всеми десятью пальцами оттарабаниваю текст, который вчера принёс курьер. Ритмичный стукоток, как метроном гипнотизёра, укачивает, заставляет уснуть, но готовую работу я должна сдать утром 10 мая. Заказчик обещал положить сверх оплаты ещё двадцать рублей за срочность.

Бодрящая температура в квартире не позволяет расслабиться и нырнуть под одеяло. Весна в этом году выдалась довольно-таки тёплая, и исполком решил отключить подачу тепла в дома на десять дней раньше установленного срока. Днём солнышко нагоняло температуру в комнату, а к ночи становилось ощутимо прохладно. Я поплотнее затянула серую пуховую шаль на озябших плечах и заглянула в текст.

В богемных кругах я числюсь высококлассной машинисткой с совершенным знанием немецкого языка, но отнюдь с невысокой оплатой. Мой должностной оклад не превышает восьмидесяти шести рублей в месяц согласно штатному расписанию литературного объединения "Москва", в которое меня определило некое ведомство через шесть месяцев после рождения дочери. Ровно девятнадцать лет в трудовой книжке красуется одна единственная запись: «11 ноября 1945 г. - Принята машинисткой литературного объединения "Москва" в международный отдел".

Вот и доченьке через два дня исполнится двадцать, так хочется побаловать её красивым подарком: я приглядела золотое колечко с изумрудиком, о котором давно мечтала, в ювелирном магазине неподалёку, потому и согласилась на дополнительную подработку. Часы отбили двадцать три часа. Я забеспокоилась: дочь редко задерживалась допоздна, не предупредив меня заранее. Стараясь не дать волнению завладеть всеми моими мыслями, прикрыла глаза и откинулась на спинку стула.

Двадцать лет пролетело с того вымученного дня 9 мая 1945 года, названного Днём Победы советского народа в Великой Отечественной войне...

Скрип открывшейся входной двери вернул меня из воспоминаний в сегодняшнюю действительность.

- Доченька, родная моя, ты сегодня припозднилась что-то.

- Праздничный концерт завтра, я в нём участвую, ты же знаешь. Генеральная репетиция после лекций поздно началась. Хорошо, режиссёр сознательный: распустил участников, чтобы успели на последнюю электричку. Мамулечка, а ты чего до сих пор не в постели?

- У меня срочная работа, обещали хорошую доплату. Да и не усну я, тебя не дождавшись.

- Ты совсем-совсем себя не бережёшь, - заворчала дочь, застёгивая пуговки на домашнем халатике. - Ты ослепнешь, ты сгорбишься, превратишься в бабульку раньше времени из-за этого монстра! - сердито глянула дочь в сторону столика, на котором красовалась моя помощница "Optima".

- А ты превратишься в сварливую бабу, если постоянно будешь ворчать, - улыбнулась я.

- Правда, что ли?

- Правда, правда, - уже засмеялась я, глядя в округлившиеся в недоверии глаза моей роднулечки. - Кушать хочешь?

- Ой, хочу, мамочка! Я такая голодная, что съем всё, тобой приготовленное.

Я сидела напротив за кухонным столом, наблюдая, как она торопливо и с аппетитом ест, и радовалась, что вырастила её, такую замечательную, добрую и внимательную, заботливую умницу дочь.

- Спать, спать, спать... Спасибо, мамуля, ничего вкуснее твоей еды нет, - сонно ткнулась в мою щёку дочурка и строго "приказала", - и ты ложись, не испытывай моё терпение!

- Слушаюсь, мой генерал! - шутливо щёлкнула тапочками я. - Лист допечатаю и лягу. Обещаю! - предотвратила грозную речь дочери, - честно-честно.

- Смотри, проверю... - услышала в ответ из-за ширмы слабый засыпающий голос и снова села за стол.

Теперь, когда дочь уже спала в своей кровати, а моя душа успокоилась, одновременно с пальцами заработал внутренний переводчик: "Удивительно, но сперва даже исполнитель покушения 20 июля 1944 года полковник Клаус фон Штауффенберг был против смерти Гитлера. "Я не могу это сделать, ибо христианин. Господь осудит меня за убийство, - заявил он фон Трескову..."

- Господи, что это? - вырвался из моей груди вопрос. Сонливость сразу, как рукой сняло. Трясущимися руками отыскала я первый печатный лист.

Ко Дню Победы в Великой Отечественной войне.

Как повернулась бы история, если бы планы генералов вермахта по устранению Гитлера 20 июля 1944 года всё же увенчались успехом...

События двадцатилетней давности вихрем ворвались в мою дремлющую память. Какой уж тут сон...

Радио отыграло Гимн, стрелки часов перевалили за цифру двенадцать - начался день великого праздника всех республик Советского Союза - 9 мая...

20 июля 1944 года, 12 часов 42 минуты

Я, старшая машинистка, и ещё четверо подчинённые мне девушки находились в комнате машбюро, когда отголосок мощного взрыва прокатился по гулким коридорам сверхсекретной полуподземной полевой ставки фюрера "Вольфшанце", что располагалась в семи километрах от Растенбурга. Замерев от испуга, мы молча смотрели на дверь, через которую слышались крики: "Фюрер пострадал!", "Фюрер жив?", "О, майн гот!", и топот сапог по полу. Через полчаса я осмелилась выглянуть в коридор и увидела молодого Генриха фон Клейста, друга обер-лейтенанта Отто фон Брауна, которому я тайно симпатизировала. Лейтенант был чрезвычайно бледен, взгляд его блуждал, как у безумного, походка – в усмерть пьяного человека.

- Герр лейтенант, - обратилась я к нему, - что случилось?

- Случилось? Не знаю, может, случилось, а может, не случилось... а если случилось?

Да что это с ним?

- Герр лейтенант, с вами всё в порядке?

- Со мной всё в порядке... всё в порядке...

Похоже, он не видел, кому отвечает, куда идёт. Посмотрев налево-направо, я затащила его в машбюро и, налив в стакан воду, заставила выпить… Видимо, что-то, случившееся двадцать минут назад, настолько потрясло Генриха, что его зубы выбивали мелкую дрожь о край стекла. С глубоким сочувствием подала я ему носовой платок. Уже вполне осмысленно приложил он его к мокрому подбородку и, встав, молча пошёл к двери, которая отворилась перед самым его носом, а в комнату вбежал испуганный начальник канцелярии.

- Фройлейн, на сегодня рабочий день окончен, все свободны до утра.

Девушки как-то очень быстро собрались и, будто по команде, строем друг за другом вышли в коридор. Начальник, глубоко дыша, сел на стул и стал массировать виски. Воспользовавшись тем, что мы одни, я осторожно задала вопрос.

- Герр полковник, скажите же, что случилось, кто пострадал?

- Ох, фройлейн Анна, уж и не знаю... Ну, хорошо, всё равно ведь завтра все узнают... Во время совещания на фюрера было покушение, - на полтона снизил голос он. - Уже есть подозреваемые и приказ фюрера, чтобы никто нигде ни о чём не узнал.

- О, мой Бог! Он... жив?

- К счастью, да. Говорят, у него лёгкие осколочные ранения и контузия. При взрыве погибли четыре человека. Вы знаете, фройлейн Анна, что сказал фюрер, когда ему помогли подняться? - "Ох, мои новые брюки - я только вчера их надел!" Запомните, фройлейн, эти слова войдут в историю! Наш фюрер неубиваем!

Уже возле двери начальник повернулся ко мне и фанатично вскинул руку в нацистском приветствии: "Хайль Гитлер!" Я вытянулась в струнку.

21 июля 1944 года, 18 часов 00 минут

К вечеру уже все знали, что заговорщики готовили покушение на Гитлера заранее. Полковник Клаус фон Штауффенберг, которого вызвали к фюреру на доклад, пронёс в портфеле бомбу английского производства: гостям ставки требовалось сдавать оружие, но личные вещи не обыскивали. Полковник за минуту до входа активировал взрыватель - раздавил плоскогубцами ампулу, чтобы кислота разъела проволоку, высвобождающую боёк. Клаус поставил портфель с "адской машиной" рядом с Гитлером и покинул "Вольфшанце" – погибнуть при взрыве не входило в его планы. Однако участник совещания полковник Брандт, освобождая себе место, сдвинул портфель под массивный дубовый стол. Это спасло жизнь Гитлеру, но сам Брандт был убит.

Сразу после взрыва в "Волчьем логове" в Берлине, Вене и Париже были арестованы министры и генералы СС, захвачены правительственные здания. Однако, весь заговор развалился, едва стало известно, что Гитлер остался жив. Уже в половине первого ночи 21 июля генерал Фромм расстрелял полковника Клауса фон Штауффенберга вместе с другими заговорщиками во дворе военного министерства рейха, стараясь как можно быстрее убрать свидетелей.

В ставке, действительно, все сразу узнали обо всём, но хранили глубокое молчание, боясь нарушить приказ Гитлера.

22 июля 1944 года, 5 часов 00 минут

Ранним утром я отправила в Москву подготовленную "Десятком" шифрограмму: "20 июля было покушение на Адольфа Гитлера. Попытка уничтожить его не удалась. Конечной целью плана по убийству было заключение мира с союзниками на Западе и начало совместной войны против СССР".

22 июля - 1 августа 1944 года

В канцелярии было относительно спокойно, хотя всех нас поочередно в течение недели вызывали на беседу в гестапо. Мой начальник, забежав утром 23 июля в машбюро, наклонившись к моему уху, с угрозой в голосе прошептал:

- Фройлейн Анна, предупреждаю: я вам ничего не говорил, Всё ясно?

- Яволь, герр полковник! - я так громко согласилась с ним и так резко встала, вытянув руки по швам, что начальник не успел отстраниться, и мой затылок пребольно стукнул его по носу. Кто-то из девушек не сдержал смешка, а взбешённый начальник рявкнул:

- Молчать! Разболтались! Фройлейн Анна, две недели без выходных!

- Слушаюсь, герр полковник! - щёлкнула каблуками я.

2 августа 1944 года, 23 часа 45 минут

Я проснулась от тихого стука в дверь. Страх холодным туманом окутал всё моё существо: неужели провал? Накинув халат, я положила в карман браунинг и подошла к двери. Если суждено попасть в лапы гестапо, лучше сразу пулю в лоб. Стук повторился. Я приложила ухо к двери, но ничего подозрительного не услышала.

- Кто?

- Откройте, пожалуйста, фройлейн Анна. Это Отто фон Браун. Вам не надо меня опасаться.

Руки и ноги сразу стали ватными. Непослушными пальцами я с трудом отодвинула щеколду и приоткрыла дверь. Да, действительно, это был он, Отто, светловолосый и голубоглазый красавчик обер-лейтенант, по которому сохли многие мои сослуживицы. Стрелы Купидона не миновали и меня: частенько ночами я мечтала об этом стройном, подтянутом адъютанте Клауса фон Штауффенберга и понимала, что шансы мои равны нулю. Кроме того, я отдавала себе полный отчёт, что не имею никакого права даже на мечты: фон Браун был врагом моей страны.

"Господи! Но ведь Клаус расстрелян, он заговорщик", - только и успела подумать, а сама уже закрывала дверь на задвижку, впустив молодого человека внутрь комнаты. Отто стоял, держа в руках небольшой саквояж, и переступал с ноги на ногу.

- Прошу прощения, фройлейн, сознаю, что подвергаю вас смертельной опасности, но я был предельно осторожен: никто не видел меня входящим в подъезд вашего дома. Как ни странно, вы единственный человек, которому я могу довериться. Меня ищет гестапо.

На лице Отто, покрытом десятидневной щетиной, то появлялась, то исчезала виновато-просящая улыбка. Я молча взяла из его рук саквояж и пошла на кухню греть воду и варить кофе. Я ни о чём не спрашивала и ни о чём не пожалела бы, если бы на следующий день в застенки гестапо бросили и меня вместе с ним.

Укладываясь спать на полу, Отто глянул мне в глаза и произнёс:

- Анна, в том, что я обратился за помощью именно к вам, нет никакой случайности...

Насторожившись, я нащупала под подушкой спасительный браунинг. Если он знает о моей тайной деятельности, я убью его также без сожаления.

- Не знаю, чем вы привлекли моё внимание, но вы совсем не похожи на других девушек. В вас есть, как бы правильно сказать, некий стальной стержень, который не позволит вам встать на колени. Сегодня у меня не было никаких сомнений, что именно вам я могу довериться... Вы меня слышите, Анна?

Слава Богу, не пришлось стрелять...

- Спокойной ночи, господин обер-лейтенант. Мне утром рано вставать.

- Отто. Зовите меня просто Отто... пожалуйста.

- Хорошо. Спокойной ночи, Отто.

3-16 августа 1944 года

Последующие две недели я была предельно внимательна и осторожна на службе. Ни одного необдуманного слова, ни одного непродуманного шага, при этом никакого отчуждения - всё так же вежлива и предупредительна, всё так же нетороплива и услужлива. Я чувствовала в себе дрессированного зверя, послушного плётке, но готового разорвать дрессировщика, если его плётка смертельно угрожает товарищу по клетке.

Я спокойно шла домой после службы; я сдерживала себя, поднимаясь по лестнице на второй этаж; я влетала в квартиру, едва открыв дверь, ведь там ждал Отто, моя тайная и долгожданная любовь...

Странно, но "Десяток" как будто забыл обо мне. Может, не происходило ничего, что могло бы заинтересовать ставку советского государства?

17 августа 1944 года, 2 часа 00 минут

- Родная моя, мне пора уходить. Сегодня для нас создан зелёный коридор. Всё оговорено заранее. Ты помни: ни одна женщина в моей жизни не займёт твоё место. Где бы я ни был, сколько бы времени ни прошло, ты и только ты будешь жить в сердце моём. Войне скоро конец - по всему видать. Советы наступают, они уже у границ рейха. Береги себя, любовь моя, я обязательно тебя найду, а ты жди. Обещаешь?

Как губка, впитывала я в себя каждое слово, каждую интонацию человека, за две недели ставшего для меня самым родным во всей Вселенной. Слёзы застилали глаза и, чтобы не разрыдаться, я только кивала головой в знак согласия. Мой любимый не догадывался, а я знала, что встреча наша никогда не состоится...никогда.

27 августа 1944 года 23 часа 43 минуты

Сегодняшняя ночь была самой страшной, как мне казалось, в моей жизни: английские бомбардировщики сбросили бомбы на центральную часть Растенбурга. Старый город полностью уничтожен. Нам приказано перебраться в одно из помещений бункера. Поговаривают, что ставка Гитлера скоро поменяет своё местоположение. Но как же я ошибалась: самое страшное было ещё впереди.

9 мая 1965 года, 3 часа 15 минут

Лёжа в постели, я заново проживала последние десять месяцев своего пребывания на агонизирующей немецкой земле. За двадцать лет память превратилась в лохматые обрывки и почти не оставила подробностей - только отдельные даты и события.

Во второй половине сентября 1944-го я поняла, что беременна. Нет, особой радости не было, а вот страх был, страх перед "чужими" и страх перед "своими". 18 октября войска Красной Армии вступили на территорию Восточной Пруссии. В это время фюрер был на длительном лечении, и начальник канцелярии приказал в срочном порядке готовить документы к переезду. С 20 ноября 1944 года мы уже находились в лесном массиве неподалёку от Цигенберга почти в сорока километрах от Франкфурта-на-Майне в ставке "Адлерхост", в котором пробыли до 15 января 1945 года. Пятимесячную беременность скрыть уже не было никакой возможности. Начальник канцелярии попробовал было допросить меня на предмет выявления отцовства ребёнка, но утром 3 февраля американские самолёты сбросили на Берлин огромное количество бомб, и начальнику пришлось срочно заняться вывозом архива, его уничтожением. На моё беременное положение он махнул рукой.

Уже в марте 45-го всех служащих машбюро уволили, взяв письменное обещание хранить вечное молчание о штабных тайнах. Авиационные бомбёжки участились, и с начала апреля Берлин пребывал в ожидании скорого вступления советских войск в город. Было так страшно, что я до сих пор боюсь вспоминать о тех кровавых днях.

С 20 апреля, дня рождения Гитлера, американские и британские самолёты бомбили Берлин, и по слухам, доходившим до меня, части Красной армии уже 24 числа были в самом городе. Я со всеми жителями пряталась в бомбоубежище, голодала, давно не мылась, но всё это было ничем по сравнению с желанием выжить, и вот 9 мая 1945 года все громкоговорители на немецком и русском языках возвестили о полной капитуляции немецкого Главного командования, что означало: войне конец. На радостях в ночь на 10 мая у меня начались родовые схватки. Рано утром увидела свет наша с Отто дочь.

В двадцатых числах июля 1945 года я всеми правдами и неправдами добилась аудиенции у генерала Серова, представителя НКВД в Берлине. Какие унижения мне пришлось при этом пережить, я постаралась навсегда стереть из памяти. 30 июля поезд "Берлин-Москва" мчал нас с дочерью на родную землю, встречи с которой я ждала почти три года.

17 августа 1945 года, 21 час 00 минут

Я сидела, ожидая вызова, в приёмной генерала Судоплатова и думала о том, какую правду буду говорить о дочери. Наконец, адъютант открыл передо мной дверь. Ну, бойся, не бойся, а отвечать надо.

- Товарищ генерал, лейтенант Берёзкина по вашему приказанию прибыла.

- Проходите, Анна, присаживайтесь. Как устроились?

- Спасибо, товарищ генерал, комендант выделил мне однокомнатную квартиру в районе Арбата.

- Хорошо. С кем оставили дочь?

Мои опасения подтвердились: сегодня и сейчас я обязана доказать, что никоим образом Родину не предавала.

- С нею осталась соседская девочка.

Помолчав, Судоплатов строго глянул в мои глаза.

- Аня, сейчас ты мне, как на исповеди, расскажешь всю правду о рождении девочки. Надеюсь, ты отдаёшь себе отчёт, какие последствия могут быть, если я тебе не поверю?

- Я понимаю, я расскажу.

Страх за судьбу и жизнь моей крошки заставил прямо смотреть в лицо того, кто поверил мне в 43-м, направив не куда-нибудь, а в саму ставку Гитлера.

- 20 июля 1944 года в день покушения на Гитлера я совершила необычайную глупость - позволила начальнику канцелярии рассказать кое-какие подробности об участниках заговора. С того дня полковник Краузе "положил на меня глаз". Ему вдруг взбрело в голову, что он может осчастливить меня, если добьётся близости. Господин, простите, товарищ генерал, поверьте, я сопротивлялась, как могла. Мне ни в коем случае нельзя было допустить его до себя, и в то же время я не могла ответить резким отказом. Это стоило бы мне увольнения со службы, а то и отправкой в концлагерь. Флирт тоже долго длиться не мог. Всё случилось 2 августа, когда Краузе в приличной стадии опьянения ввалился ко мне домой поздним вечером... Простите, мне стыдно рассказывать, как он со мной поступил... На следующий день Краузе долго извинялся, но пригрозил лагерем, если я кому-нибудь пожалуюсь. Я не могла рисковать, так как могла провалить дело, ради которого находилась в ставке. Визиты полковника прекратились, когда я сообщила о своей беременности. Он обозвал меня "шлюхой", сказал, чтобы я выкручивалась, как могла. Об аборте не могло быть и речи: каждая женщина рейха была потенциальной машиной по производству детей согласно призыву "Долг каждой здоровой женщины - подарить фюреру ребёнка", так что мне пришлось рожать. Больше добавить к своему рассказу мне нечего. Я готова понести любое наказание.

- Какого числа родился ребёнок?

- 10 мая, в половине седьмого утра.

Закурив папиросу, Судоплатов долго молчал. А я думала о том, что уличить меня во лжи мог бы только полковник Краузе, но он был мёртв. Я видела его лежащим среди других мертвецов у входа в бомбоубежище в конце апреля после бомбёжки города авиацией союзников. Краузе был в штатском, но я узнала бы его даже голым из тысячи. Я не лгала Судоплатову в одном - почти три года начальник канцелярии проходу мне не давал, но, будучи трусом, далее грязных намёков и угроз не заходил.

- Хорошо, Анна, можете идти. Я вас вызову. В приёмной напишите подробно всё, о чём вы мне рассказали, с конкретными фамилиями, военными званиями и так далее. Подпишите пропуск в приёмной и оставьте точный адрес проживания.

- Слушаюсь, товарищ генерал.

Пять недель ждала я вызова в Управление НКГБ. Дочурке исполнилось четыре месяца, она вовсю агукала и дарила очаровательные улыбки. Машина из разведуправления пришла за мной неожиданно в первой половине дня. К моему огорчению Лары, соседской девочки, дома не оказалось, так что дочь пришлось взять с собой. Я готова была ко всему. В приёмной нахально вручив дочь в руки опешившему адъютанту, я открыла дверь в неизвестность.

- Товарищ генерал...

- Не надо формальностей. Я сразу о деле. - Судоплатов встал из-за стола. - Анна, не скрою, ваши показания проверялись. Полковник Краузе в числе военнопленных ни в Восточной зоне, ни в Западной на территории Германии не числиться. Возможно, его нет в живых. Мы нашли одну из ваших сослуживиц, которая подтвердила, что любовные притязания Краузе к вам имели место.

Услышав мой облегчённый вздох, который я не смогла погасить, он сделал вид, что не заметил его и продолжил.

- Ни одна живая душа не должна знать тайну рождения вашего ребёнка. Пусть все думают, что это плод большой фронтовой любви. Вы согласны?

- Так точно!

- На том и порешим. Теперь о вас. Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин подписал Указ о присвоении вам очередного воинского звания "капитан" и о награждении орденами Ленина и Красной Звезды. Поздравляю!

Какие чувства испытала я за последние пять минут, я не смогу рассказать никогда и никому. Я смотрела на начальника, и слёзы градом катились из моих глаз.

- Служу...Советскому...Союзу, - совсем не по-уставному всхлипнула я.

- Ну-ну, успокойтесь, Анна. Все тяготы уже позади. Я помогу вам устроиться на работу в самое ближайшее время. Денег-то, наверное, совсем нет? - Я кивнула головой. - Поскольку у вас ребёнок, а родственники все погибли, думаю, что ваши услуги нам ещё долго не понадобятся. Обязательство о неразглашении вашей причастности к разведслужбе прошу подписать.

Второй раз за год обещание молчать до конца жизни я подписала с самым лёгким чувством.

- Всего вам доброго, капитан Берёзкина Анна. Вы из тех героев, которых не должны знать в лицо. Отдыхайте. Свой отдых вы заслужили, находясь в постоянном балансе между жизнью и смертью. Растите дочь в здравии, может быть, когда-нибудь и она понадобится Родине. Такая героическая мама сумеет достойно её воспитать.

На этих словах генерала из приёмной донёсся отчаянный рёв. Выгнув брови дугой, изумлённый Судоплатов глянул на меня. Я кивнула, а генерал широко открыл дверь. Картина, представившаяся нашему взору, вызвала гомерический хохот у одного из самых грозных советских военачальников: растерянный адъютант бережно держал орущего младенца на вытянутых руках, а его китель и брюки носили следы мокрой деятельности моего ребёнка.

- Ай, да Машка! Давно так не смеялся. Ну что, Анна, вот вам и крёстный отец! Согласны?

- Конечно, согласна.

- Вот и чудненько. Пётр, это приказ, который не обсуждается. До свидания, Анна. До свидания, Маруся.

Вот так в один день я получила в награду звания и ордена, дочка - имя, а вместе мы обрели хорошего и верного друга Петра Скворцова.

9 мая 1965 года, 6 часов 05 минут

Дальнейшие двадцать лет я растила дочь Марию одна, потому что ни одному послевоенному мужчине не нужна была жена "с хвостом" да ещё фронтовым. По большому счёту замуж я не стремилась, хотя Пётр и Катюша, его жена, часто мне об этом намекали. Я не могла поставить на одну ступеньку с Отто ни одного из появляющихся претендентов. По долгу службы Пётр Скворцов однажды предложил мне руку без сердца, но облегчённо вздохнул, получив твёрдый отказ. Вскорости он женился на Катеньке, прелестной девушке, но Господь не дал ей счастья материнства, и мы с Машкой были самыми желанными гостями в их доме.

Я с грустью наблюдала, как наши доблестные воины, вернувшись на родину после жутко-кровавых пяти лет непрерывных боёв, пустились во все тяжкие: не работали, меняли жён, продолжали пить привычные фронтовые сто грамм, исчисляющиеся уже литрами, а разрушенное хозяйство поднимали всё те же бабы, рожавшие от "героев" детей, да ЗЭКи с военнопленными.

Никто не имеет право судить наших победителей, потому что не каждой нации по плечу вынести то, что вынесли наши советские солдаты и солдатки в страшные годы второй мировой войны, но и смотреть на то, как бывшие бравые, подтянутые, сильные ребята и мужики превращаются под воздействием спиртного в безвольных, слюнявых, немощных пропойц, было больно. Какое уж тут замужество?

Один раз в год в ночь на 9 мая я доставала из потайного места малахитовую шкатулку, в котором лежали военный билет, два ордена и пожелтевшая фотография мужчины в форме обер-лейтенанта военной Германии. Мария спала, а я рассказывала её отцу, чем она переболела за год, какие отметки получила в школе, кто из мальчиков нынче носит её портфель от школы до дома.

Этой ночью я впервые говорила любимому о том, что уже двадцать лет живу в неизвестности, в тоске и надежде. О том, что годы верности и памяти наложили определённый отпечаток на образе моей жизни: вне работы я неприметная серая мышка, не пользующаяся косметикой, с неизменным узлом волос на голове, в которых уже пробиваются пряди серебряных нитей.

Я не хожу в общественные места типа клубных и спортивных, в рестораны, и лишь тихие музеи и картинные галереи привлекают меня своей безлюдностью. Один раз в месяц я слушаю концерты симфонического оркестра в консерватории, и на этом вся личная жизнь заканчивается. Лишь надежда в невозможное чудо, что когда-нибудь в дверь тихо постучится ожидание, откроется дверь, и высокий голубоглазый мужчина на пороге моей квартиры скажет:"Guten Tag, meine liebe Anna", заставляла меня жить полноценной жизнью.

"Говорит Москва, столица Союза Советских Социалистических республик. Местное время шесть часов. Передаём сигналы точного времени...Доброе утро, дорогие товарищи! Начинаем утреннюю гимнастику"...

Накинув на плечи халат, я босиком направилась на кухню, чтобы поставить турку на плиту. При скромном образе жизни я не могла отказать себе в хорошем крепком кофе, к которому пристрастилась в военном Берлине. Скоро проснётся Машка, такая же любительница этого бодрящего напитка.

"... сегодняшний День Победы особенно знаменателен: двадцать лет братские народы стран Варшавского договора живут в мире и дружбе, навсегда скинув с плеч тяжёлое фашистское бремя..."

- Доброе утро, мамочка! С праздником! - Уже умывшаяся дочь звонко чмокнула меня в щёку. - Ой, уже почти восемь! Я опоздаю!..

- Не опоздаешь. Сядь и выпей кофе с бутербродами. Извини, сегодня сварить завтрак не успела.

- Мамушенька, а жа тобой шегодня дядешка Петешка опять на крашивой машинке приедет? - с набитым едой ртом спросила дочь.

- Машка, ну что за привычка говорить, когда у тебя полный рот еды!? - сердито ответила я, - прожуй, а потом спрашивай.

- Я и спрашиваю: ты не забыла про мой завтрашний юбилей?

- Так уж и юбилей...не забыла. И что ты хочешь?

- Совсем немного - когда мне было пятнадцать, ты обещала через пять лет рассказать мне: первое - куда дядя Петя возит тебя каждый год 9 мая, а в твоём кармане позвякивают какие-то железки; второе - почему каждый год в ночь на 9 мая в твоём углу до утра горит настольная лампа; третье - почему ты не говоришь мне, кто мой отец. Я помню.

- Машка!

- Ничего не Машка, а просто - Мария. Я терпеливо ждала целых пять лет.

Сегодня вечером ты мне всё расскажешь, никаких возражений с твоей стороны я не принимаю! Посмотри на меня: перед тобой уже совершенно взрослая дочь. Я приму всё, о чём ты мне поведаешь.

"Московское время девять часов. Передаём концерт Дважды Краснознамённого ордена Красной Звезды ансамбля песни и пляски имени Александрова "Песни фронтовых дорог".

- Пока, мамулечка, передай вторым родителям мои поздравления, поцелуй в щёчку. Ой, опаздываю...

Щёлкнул английский дверной замок. Машка-просто Мария умчалась в свой МГИМО, а я впервые серьёзно задумалась над тем, что я буду говорить ей об отце сегодня вечером.

9 мая 1965 года, 12 часов.

"Московское время 12 часов. Передаём важное правительственное сообщение: Указ Президиума Верховного Совета СССР "Об объявлении 9 мая нерабочим днём". Президиум Верховного Совета СССР постановляет: День 9 мая – праздник Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов – впредь считать нерабочим днём. Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. Микоян. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. Георгадзе. Москва, Кремль. 26 апреля 1964 года»

Ну, что ж, хороший Указ, правильный и своевременный. Я подошла к трюмо. Передо мной стояла стройная сорокатрёхлетняя женщина в белой блузке и строгом чёрном костюме. Оглядев себя, решила: хватить прятать награды в карман! Через минуту на груди красовались орден Ленина и орден Красной Звезды, что придало моему костюму особую торжественность.

"...18 часов 50 минут. Впервые на всех радиоканалах Советского Союза пройдёт торжественно-траурная передача "Минута молчания" как дань уважения подвигу советского народа в Великой Отечественной войне, как дань памяти погибших на фронтах и тылу..."

Немного подумав, я открыла косметичку дочери, достала губную помаду и карандаш для бровей. Когда ровно в час в дверь постучал своим особым стуком Пётр, на пороге его встретила совсем другая женщина.

- Простите, а где Аня? - спросил крёстный отец Марии Берёзкиной.

- Петька, где я могу быть? Тебя жду уже целый час, - улыбнулась я.

- Ань, наверное, зря я тебе только руку предложил когда-то. Надо бы и сердце. Вот дурак, пожалел... - с лукавой улыбкой Пётр Скворцов, самый верный и надёжный друг, галантно открыл передо мной дверцу чёрной "Волги".

- Где мне было соревноваться с твоей длиннокОсой Катюшей, - отшутилась я, - поехали уже, хочу пораньше домой вернуться: по радио "Минуту молчания" передавать будут, послушаю.

9 мая 1965 года, 19 часов 20 минут

На радиопередачу я, конечно же, опоздала - немного затянулся доклад руководителя КГБ СССР. Сегодня впервые приоткрылась завеса деятельности внешней разведки Советского Союза на территории Германии до начала и во время войны. Говорилось об огромных заслугах разведчиков и их руководителей, и, наконец, я узнала, кто готовил для меня, радистки группы, шифрограммы для Москвы. Это был немец Герман Залингер, заброшенный в Германию в январе 1944 года с помощью британской разведки. Его сведения содержали важные политические и военные сведения. Открыли имя... когда-нибудь откроют и моё...

Вслушиваясь в монотонный голос докладчика, я всё задавала и задавала себе вопрос за вопросом: "А ты, кем был ты, Отто? Почему тебя разыскивало гестапо? Кого я спасла?" Ответа не было, а дочь ждала правду.

Зайдя на кухню, я увидела, что Мария сидит за столом с книгой в руках.

- Как прошёл концерт, Маша?

- Как всегда, отлично, мам, только Ивашка споткнулся, когда... - и споткнулась сама, когда подняла на меня глаза и широко их открыла.

- Анна Берёзкина, это твой пиджак? - обратилась она ко мне почему-то по имени и шёпотом.

- Да, дочь, мой.

- И… ордена твои?

- Да, и ордена мои.

- А я... твоя дочь? - неподдельный страх прозвучал в голосе моей Маруськи.

- А вот ты, Машка, уж точно кровь от крови, плоть от плоти что ни на есть моя родная дочурка! - весело рассмеялась я и потащила её к трюмо. - Ты посмотри: нос мой, губы мои, цвет волос мой, рост и фигура - те же! Ну, и пол, конечно же!!!

- Ну да, глаза у тебя рыжие, а у меня голубые.

- Должно же быть у тебя что-то и от отца. Вот: глаза голубые.

- Так у меня был отец?

- Машка, ну что такое ты говоришь в свои двадцать лет? Не от святого же духа ты родилась!

Дочь глядела на меня, замерев: вот она, та долгожданная минута, которая откроет ей все тайны, так долго лежавшие в маминой малахитовой шкатулке, обнаруженной ею совершенно нечаянно три года назад. Я об этом догадалась потому, что орден Красной Звезды лежал поверх ордена Ленина. Конечно же, она рассмотрела и фотографию Отто, но совершенно не соотнесла содержимое тайничка со своей собственной мамой. И слава Богу: подростковый максимализм - страшная вещь.

- Маш, ты кофе сварила?

- Да, мамочка, он ещё в меру горячий.

- Налей, пожалуйста, а я пока переоденусь, уж очень устала за день.

Сев на свою кровать, я только успела снять туфли, как в дверь позвонили. Наверное, Петька с Катенькой решили в честь праздника нас навестить. Хорошо бы Катя привезла свой фирменный торт, как раз бы к кофе!

Снова надев туфли, я направилась к двери встречать желанных гостей, как вдруг до меня из прихожей донёсся показавшийся мне знакомым мужской голос.

- Hallo. Вы есть Анна?

- Hallo. Я есть Мария.

Моё сердце охнуло и стало куда-то закатываться, в глазах потемнело, а ноги подкосились. Пришлось срочно прислониться к дверному косяку. Кажется, я выпила на банкете лишний бокал шампанского, если мне слышится голос того, кого уже отчаялась слышать когда-нибудь. Нежданные сюрпризы сыплются на мою несчастную голову второй день - не выдержу!

- Машенька, к нам кто-то пришёл? - взяв себя в руки, я вышла в прихожую.

Высокий светловолосый мужчина с ярко-голубыми глазами стоял в проёме входной двери. Моя память, как слайдоскоп, за секунду успела сравнить изображения одного и того же мужчины с разницей в двадцать один год. Мой Отто нисколько не изменился, только раздался в плечах да голос стал на полтона ниже.

- Призраки и приведения не существуют, - успела сказать я и почувствовала, как пол проваливается под моими ногами.

- Мама!

- Meine liebe Anna!

Два встревоженных голоса слились в один, и темнота поглотила моё сознание. Через какое-то время до моих ушей стал доноситься спор отца с дочерью. Говорили на немецком языке.

- Вот как вы смеете лупить мою маму по щекам?

- Я сейчас вашу маму и водой оболью.

- Её нельзя водой!

- А вам известен какой-то другой способ привести её в чувство?

- Нет, не известен. Но не таким же варварским способом.

- Вообще-то я знаю ещё один способ, абсолютно не варварский, но действенный и даже сказочный. Я попробую, если вы мне разрешите.

- А поможет?

- Ещё как поможет!

- Тогда разрешаю.

Поцелуй, действительно, оказался сказочным настолько, что я тут же открыла глаза.

- Ты...- мой голос был очень слаб.

- Я, Анна! Я нашёл тебя, как обещал!

- Значит, ты не призрак, и это уже радостно. Ты вовремя пришёл, Отто, завтра нашей дочери исполняется двадцать лет.

В воздухе повисла тишина, как после разорвавшейся бомбы. Побледневший Отто сел прямо на пол у кровати.

- Моя взрослая дочь, принеси папе Отто воды, пожалуйста...

Машка, увидев резко побелевшее лицо мужчины, опрометью кинулась за водой.

- О, meine Got! - донеслось из кухни, - Meine Vater Otto! Ни у кого такого оригинального подарка на совершеннолетие не было, только у меня! Ну и денёк!

- Что говорит моя нечаянно обретённая дочь? «Ругается?» —шёпотом спросил Отто, глядя снизу мне в глаза.

- Твоя дочь говорит, что ей очень понравился нечаянно обретённый папа Отто, - улыбнулась я.

- Я очень счастлив, хоть ты и врёшь...

- Вас облить или пить будете? - спросила Машка, влетая в комнату, но сразу смолкла, увидев, что родители слились в долгом поцелуе.

- "Кричали женщины "ура" и в воздух чепчики бросали"! - дочь села на стул и стала жадно пить воду прямо из графина.

9 мая 1965 года, 21 час

- Mutter Anna, Vater Otto, начинайте рассказывать. - Дочь требовательно глядела на нас. - Предупреждаю: всё, ничего не утаивая... Ты был фашистом?

- Мария! Выбирай выражения! - я довольно-таки резко оборвала её.

- Всё в порядке, Анна. Девочка должна знать о нас пусть не всё, но многое. Я попробую... Уже не секрет, что в январе 1944 года британская разведка внедрила своих людей во многие ведомства Германии. Мы с Германом Залингером работали бок о бок, правда, я не знал, что он служит ещё и Советам. Когда заговор по покушению на Гитлера провалился, и мой непосредственный начальник Клаус фон Штауффенберг был срочно расстрелян, гестапо стало охотиться в первую очередь за близким к нему окружением. Я как его адъютант был первым в списке на арест, о чём меня предупредил Герман. А ведь я даже предположить не мог, что Клаус был одним из главарей заговорщиков. Кстати, Генрих фон Клейст тоже участвовал в заговоре. По первоначальному плану именно он должен был надеть жилет со взрывчаткой и взорвать себя рядом с "крысой" во время демонстрации нового образца формы.

- "Крыса" - это кто? - прервала рассказ я.

- "Крысой" заговорщики между собой звали фюрера. Показ почему-то отменили, и Генрих доставил бомбу в "Вольфшанце", передав ей Клаусу.

- Так вот почему Генрих был не в себе...

- Что?

- Да так, продолжай.

- Это он на первых порах прятал меня у себя, но за ним следили, а я сумел связаться с Залингером. Вот он-то и дал мне твой адрес, Анна, предупредив, чтобы моё появление у тебя не имело никаких последствий. Я нарушил его приказ: влюбился в тебя без памяти, а последствие вот оно, рядом сидит. Такого очаровательного последствия мне ещё не встречалось нигде.

- Так уж "нигде"?

- Даю слово офицера - нигде! Ты, моя любовь, и дочь - единое для меня целое, вы - одно лицо, краше которого нет во всём мире!

- Папа Отто, не отвлекайся, пожалуйста, на любовную романтику, это совсем не интересно. Я хочу услышать продолжение.

- Когда-нибудь, дочь моя, любовная романтика покажется тебе слаще самых интересных историй. Но твоё желание для меня закон. 17 августа 1944 года Герман известил меня, что в половине четвёртого утра из Лондона прибудет спецсамолёт, на котором меня и ещё нес-

колько товарищей тайно вывезут в Англию. С того самого дня я живу и работаю на родной земле.

- Как же тебя зовут по-настоящему?

- Так и зовут: Отто фон Браун. Моя мама - англичанка, а отец - немец. Я свободно владею двумя родными мне языками. Вот уже в течение пяти лет изучаю русский. Понимаю хорошо, а вот говорю плохо - нет практики.

- А почему ты так долго нас искал? Жена не разрешала?

- Мария!

- Мама, папа мне разрешил спрашивать обо всём! Правда, папа Отто?

- Да, конечно. Я не женат. Дело в том, что я искал Анну, только её одну. О тебе, моя несравненная, я даже не подозревал. Зимой 1945 года кто-то из моих коллег с трудом вспомнил, что слышал о какой-то Анне - радистке из группы Залингера, но она, кажется, была русской. Мне подсказали написать в Москву в Первое Управление КГБ. Я писал, но из года в год ответа так и не получил. Только в этом году мне позволили поехать в Россию для участия в Параде Победы на Красной Площади. Впервые за многолетнее отчуждение между нашими странами группу бывших военных, воевавших на стороне союзников, пригласили в Москву. Мне удалось правдами и неправдами попасть в эту группу. Перед отъездом я горячо молил Деву Марию, чтобы она помогла в моих поисках.

- Так тебе молитва помогла?

- Конечно. Деве Марии было угодно свести меня на банкете с бывшим сотрудником КГБ. Он заинтересовался моим рассказом, долго и подробно расспрашивал, уточнял детали. Я ничего от него не скрыл: Питер мне показался очень порядочным человеком. Выжав из меня все сведения до капли, он произнёс только одно слово "пойдём". На выходе Питер заказал машину, и уже через сорок минут мы стояли возле подъезда твоего дома. Назвав номер квартиры, он просил передать хозяйке, что традиционный торт на сегодня отменяется.

- Мама, так это же папочка Петя был! - восторженно захлопала в ладоши Маруська, - и как только он догадался?

- Как "папочка"?! Почему "папочка"?! - встревожился Отто.

- Успокойся, пожалуйста. Петрушу быть крёстным отцом назначил генерал Судоплатов, когда та соизволила обмочить его в трёхмесячном возрасте. Вот с тех пор он её воспитывает, как отец, и, надо сказать, неплохо воспитывает.

- А вот об этом, мамочка, можно было бы и не рассказывать, - надула губки почти взросла дочь.

Мы весело рассмеялись, уж очень комично выглядела её обиженная рожица.

- Ты ничего не сказал, дорогой, как долго пробудешь в Москве.

- Визу нам подписали на трёхдневный срок. Послезавтра рано утром рейс на Лондон. Кстати, моя единственная дочь, у тебя ещё живы дедушка Элоиз и бабушка Мария.

Как много совпадений преподносит нам жизнь. Мог ли предполагать генерал Судоплатов, что, назвав девчушку Машкой, он угадал имя её родной бабушки-англичанки?

- Мне пора, - глянул на часы Отто, - я обязан вернуться в отель не позже полуночи. Завтра же я приглашаю вас и Питера с женой в ресторан "Москва" к двенадцати часам. Прошу не опаздывать!

Переглянувшись с Машкой, мы шутливо щёлкнули пятками.

- Яволь, герр обер-лейтенант!

- О-о-о, Meine Got, сколько я потерял в жизни! - сгрёб нас в охапку Отто. Он улыбался, а глаза его, ярко-синие, предательски блестели. Как я его понимала!

Проводив Отто до такси и вернувшись в квартиру, мы с дочерью долго сидели на диване, тесно прижавшись друг к другу, пока она не произнесла тихо-тихо:

- Такое, как у меня, случается только в кино или во сне... Мамуля, ты ведь мне не всё рассказала. Расскажешь?

- Конечно, родная моя, то, что касается нас с твоим отцом, расскажу. Обо всём остальном ты узнаешь - и то только возможно - после моего ухода в мир иной. Ты должна понимать,

что я давала присягу о неразглашении своей деятельности в период войны. Даже то, что ты узнала сегодня, может навредить и мне, и Отто, и даже Петру, если ты вдруг решишь трещать об этом где попало. Тебе ясно?

- Да, мне ясно. А так хотелось бы рассказать...

- Довольно, Мария! Не заставляй меня жалеть о том, что ты встретилась с отцом! Марш в постель! Умыться не забудь!

- Спокойной ночи, мамочка! - привычно чмокнула меня в щёку дочь, подумала и послала воздушный поцелуй в темноту ночи. - Спокойной ночи, папочка.

10 мая 1965 года

Разбудив Маруську в восемь часов своими поцелуями и поздравлениями, я усадила её завтракать, а сама в это время пересчитала свои капиталы. До нужной мне суммы не хватало семнадцать рублей. Нужно было срочно искать помощь, и я её нашла у Катюши, пообещав вернуть послезавтра. Оговорив с нею время встречи, я позвонила редактору и попросила день без сохранения содержания, объяснив причину. Через пять минут я мчалась в ювелирный, где меня должна была ждать подруга. Выбирая колечко, мы немного поспорили, но сошлись всё же на моём выборе. Предупредив её, что будем праздновать день рождения в ресторане, я поехала домой переодеться и поторопить Марию.

Открыв дверь своим ключом, я вытаращила глаза: в прихожей стоял высокий светловолосый юноша с букетом белых роз.

- Guten Tag, Frau Anna! - в приветствии вежливо наклонил голову он.

- Guten Tag... - растерянно ответила я, - то есть, здравствуйте, а-а-а...

- Мамочка, познакомься, это Ванька, мой бывший односадник, одноклассник, а теперь настоящий одногруппник. Я хотела сказать тебе, что пригласила его на свой день рождения, но не успела, - прочирикала дочь, виновато заглядывая мне в глаза.

- Вы, Иван, проходите на кухню, там на подоконнике стоит ваза, поставьте в неё цветы, пожалуйста, а мы с Машей скоро соберёмся...Машка, ты что, опупела? "Ванька" от трёх до четырнадцати лет, а далее - Ваня, Иван! Ты подумала о том, как ты представила мне будущего зятя?!

- Ты чего, мам? Какой зять?..

- Вижу я, какой! Ты решила познакомить его с отцом, так?

- Да, но...

- Уясни и запомни: в моей крови и в крови твоего отца заложен ген одной любви, то есть - однолюбы мы, и уж коли ты... ладно, надеюсь, ты зарубила себе на носу...

- Вот чего, мам, ты меня отчитываешь, - вдруг перебила взрослая дочь, - я же понятно сказала: с садика мы неразлучны. Я тебе с трёх лет о нём все уши прожужжала. Ты вообще меня слушала все эти семнадцать лет?

- Ты мне про Ивашку рассказывала, а этот - Иван!

Дочь обалдело на меня посмотрела и вдруг заорала во всю глотку:

- Ивашка, мы готовы, можно такси заказывать!

Иван вышел из кухни, улыбаясь во весь рот и, подавая мне лёгкий плащ, прошептал на ухо:

- Простите, я всё слышал. Спасибо за поддержку. Я на Маньку не обижаюсь.

Хи! "На Маньку"! Видать, нашего поля ягодка! Ну, что ж, добро пожаловать...Ванька!

10 мая 1965 года, 12 часов

К ресторану "Москва" наше такси подошло одновременно с Петрушиным. Мужчины помогли дамам выйти из машин, и в количестве пяти человек нашу делегацию у входа встречал Отто. Он был настолько элегантен, что я с запоздалым чувством ревности подумала: а ведь не зря девушки из моей молодости по нему сохли, да и сейчас, наверное, сохнут... женщины.

К заказанному столику подставили ещё один стул: именинница представила Ивана как своего любимого друга детства. Все понятливо заулыбались, и слово взял Отто.

- Дорогие друзья, все ли поймут меня, если я буду говорить по-немецки? - Мы дружно закивали. - Спасибо. Тогда я начну. Питер, разрешите ли вы с сегодняшнего дня считать вас и вашу супругу Кэтрин членами моей семьи?

Катюша заулыбалась и захлопала в ладоши, а Петя очень серьёзно принял предложение.

- Почту за честь.

- Анна, любовь моя единственная, - повернулся ко мне Отто, - прости меня за то, что все прошедшие годы я лишил тебя своей заботы, своего внимания, своей безграничной любви, семейного счастья. Сегодня в присутствии свидетелей я преклоняю пред тобой колени и спрашиваю: ты выйдешь за меня замуж?

Отто опустился на колено и с надеждой заглянул мне в глаза. Я же настолько растерялась, совсем не ожидая такого поворота событий, что подумала только об одном: разрешат ли мне? А Отто продолжал стоять передо мной, и взглядом просил: "Да", скажи "да", любимая". Не выдержав напряжения, я кивнула и услышала, как нам аплодируют Иван с Марией и Пётр с Катей. Все двадцать лет я готова была сказать "да", но теперь, когда предложение было сделано, и я ответила согласием, возникло сомнение: а выездная ли я? На душе стало тяжко и горько.

Отто поцеловал мне руку и, поднявшись, обратился к дочери.

- Моя дорогая Мэри, сегодня я счастлив вдвойне: судьба подарила мне самых красивых женщин, за которых я готов жизнь отдать. Это не высокопарные слова, я так чувствую. Дорогая моя, поздравляю тебя с прекрасным днём, днём рождения. Мне очень жаль, что в минуту твоего появления на свет, я не держал Анну за руку, не говорил, как сильно я её люблю, не довелось почувствовать тепло твоего крошечного тельца. Но, поверь, что теперь я смогу отдать тебе всю нерастраченную любовь счастливого отца. Иван, - обратился он к юноше, - вы обещаете беречь мою кровиночку всю жизнь?

- Почту за честь, - словами Петра ответил смущённый почти что жених.

- Вы меня так растрогали, так растрогали, что боюсь разрыдаться, - приложила платок к глазам Катюша, - а поэтому я лучше сразу скажу: с днём рождения, любимая крестница! Прими от нас с Петрушей подарочек. Давайте поднимем бокалы за нашу Машеньку и за дружбу во всём мире!

Пётр торжественно протянул крёстной дочери коробочку, обтянутую бордовым бархатом, поцеловал в щёчку и пригубил вместе со всеми бокал шампанского. Я заметила, как Катерина удивлённо посмотрела на подарок и нахмурила брови. Чего это она? Недовольна что ли?

Машка сидела порозовевшая от большого количества внимания к собственной персоне, от первого посещения ресторана, от сознания свалившейся на неё взрослости. Я смотрела, как она переговаривается с Ивашкой, с Петрушей, как звонко смеётся шуткам отца и радовалась её молодому счастью.

Мы с Отто встали одновременно, не сговариваясь, держа в руках одинаковые... бархатные коробочки. Глянув на меня, он предположил:

- Я правильно понял, что мы хотим поздравить нашу дочь?

- Да. И подарить подарки. Но ты всё уже сказал, я лишь добавлю: мы едины с отцом в безграничной любви к тебе, Машка, но помни, что первичны всё-таки курочка с петушком, а яйцо - вторично. Я дважды тебе об этом повторять не буду… не будем. Я верно сказала? - повернулась я к мужчине, который, возможно, возглавит нашу семью.

- Конечно, дорогая. Мария, надеюсь, я не ошибся, выбрав размер твоего пальчика.

Я смотрела, как Отто извлекает из футлярчика золотое колечко с тонким ободком и зелёным камушком, надевает его на безымянный пальчик дочки, затем поворачивается ко мне, приглашая к дарению. Я молча протягиваю ему свой подарочек-коробочку, которую он открывает, и на свет появляется кольцо - близнец первого. Не выдав своего удивления, Отто так же торжественно надевает его Маруське на безымянный пальчик другой руки и поочерёдно целует оба пальчика.

Я гляжу на отца нашей общей дочери, вижу озорные искорки в его глазах, чувствую, как он сдерживает смех и, не удержавшись, начинаю потихоньку хихикать. Через секунду меня

поддерживают сначала Петруша, потом Ванька, и вскоре вся наша честная компания заливается заразительным смехом. Не до смеха только имениннице. Протягивая к нам свои нежные ручки, она задаёт очень даже практичный вопрос.

- И что мне прикажете с ними делать? Вы сговорились что ли?

Четыре золотых кольца с тоненьким ободком, с одинаково-изумрудными камушками украшали пальчики Маруськи. И когда она успела надеть остальные два? Теперь стало понятно недовольство Кати. Когда мы вместе выбирали колечко, она не знала, какой подарок купил Петя. По устоявшейся привычке она во всём полагалась на вкус мужа. А Ванька, видимо, вручил своё ещё дома, до моего приезда. А я-то так радовалась, что преподнесу дочке сюрприз!

- Ну что за семейка! Вот скажите, как вам в голову пришла идея подарить абсолютно одинаковые подарки? Иван!

- Понимаешь, Маня, когда мы учились в десятом классе, ты говорила, что мечтаешь о колечке с изумрудом. Я два года работал в стройотряде, чтобы к двадцатилетию твоя мечта сбылась.

- Понятно. Дядя Петя?

- Доча, твоя мама как-то в разговоре обмолвилась, что её зарплата не позволяет купить тебе колечко с изумрудом. Ну, я решил, что твои двадцать лет вполне подходят к исполнению её мечты.

- Спасибо. Папа Отто?

- Двадцать лет назад я обещал любимой Анне подарить золотое кольцо с изумрудом. Я куплю ей обручальное. Свою же мечту я воплотил в подарок тебе.

- Очень приятно. Мама?

- Всё просто: мечта Отто стала и моей давнишней мечтой. Теперь она на твоём пальчике.

- Я уже и не знала, огорчаться или радоваться, - прозвучал в наступившей тишине голос Катюши. - Машенька, придётся тебе подарить всем нам трёх дочек-внучек. Желательно одновременно... когда-нибудь. Кто-то против?

Машка замахала руками, сидевший рядом Иван залился ярким румянцем, но не протестовал. Мы с Отто улыбались, а вот Пётр, пригладив несуществующие усы, довольно пробасил:

- Я совсем не против! Давно мечтаю стать дедом!

Мои дорогие друзья! Сколько буду жить, столько буду просить у Бога здоровья и долгой жизни вам, ставшим мне и Маруське опорой, палочкой-выручалочкой, пристанищем в самые тяжёлые времена, когда за спиной шушукались соседки, долго вынюхивавшие, "чьих это кровей ребёнок у Аньки-фронтовички". У Петра желваки ходили ходуном, а Катя сушила мои слёзы полотенцем, когда в отчаянии я прибегала к ним и оставалась спать в гостиной на диване. Машка же устраивалась на широкой семейной кровати между крёстными родителями, счастливая тем, что всё внимание дарилось ей одной. Я никогда не забывала, что мой долг Кате и Петру огромен и неоплатен.

10 мая 1965 года, 19 часов 35 минут

Мы с Отто гуляли по набережной Москва-реки. Мария с Иваном отправились домой, чтобы засесть за учебники - через месяц годовая сдача экзаменов за второй курс факультета международных отношений. Петя с Катюшей тепло распрощались с Отто, честно пообещав "когда-нибудь" наведаться в родовое поместье, оставленное фон Браунам в наследство от предков. Они почему-то искренне верили, что свободный выезд за пределы границ будет возможным, а я глубоко сомневалась. Страх, заложенный Вождём в кровь людей моего поколения, побывавших за границей даже с такой миссией, как моя, невозможно было вытравить никакими надеждами - этим страхом я была хронически больна.

- Моя Анна, ты задумалась... о чём?

- Я не могу думать ни о чём, кроме твоего скорого отъезда. Было бы очень справедливо, если бы ты меня никогда не нашёл.

- Ты серьёзно так думаешь? - Отто развернул меня к себе. - Или ты пошутила?

Какие уж тут шутки?! Он не знал, а я догадывалась, что ещё очень долго, а возможно никогда, не откроются дружественные двери из капитализма в социализм. И как же мне было не грустить?

- Анна, а ты могла бы бросить всё, совершенно всё, и переехать ко мне в Англию?

- Молчи! Не задавай провокационных вопросов, Отто! Я тоже могу спросить тебя: а ты бы мог?

Любимый молчал, сознавая правоту моих слов, а я продолжала.

- Если бы у нас с тобой были иные взгляды на жизнь, разве ж мы рисковали бы своей собственной жизнью тогда, когда она висела на волоске, и могла оборваться при самом неосторожном движении? Я не смогу предать свою страну. И ты не сможешь. Слишком всё сложно.

- Анна, я никогда не терял надежду найти тебя! Я нашёл! Теперь я буду жить надеждой, что когда-нибудь государственная политика изменится, и мы будем счастливой семьёй: мы состаримся, а вокруг нас будут звучать голоса и смех детей, внуков и правнуков... Не плачь, родная моя! - Отто целовал мои, ставшие мокрыми от долго сдерживаемых слёз, щёки, губы и всё что-то еле слышно шептал по-английски, по-немецки и даже по-русски, заставляя меня улыбаться сквозь слёзы над забавным произношением. Я боялась, что поток слов иссякнет, и душе не останется ничего, кроме пустоты рядом. Опять одна со своей малахитовой шкатулкой, в которой добавится лишь несколько свежих фотографий нашей семьи...

11 мая 1965 года, 5 часов 00 минут

Голос диспетчера аэропорта "Внуково" объявил о начале регистрации на рейс "Москва-Лондон". Отто достал из внутреннего кармана пиджака паспорт с билетом и бессмысленно стал перекладывать его из руки в руку, пока не догадался отдать его на регистрацию. Все слова были сказаны, и только чувства отражались в его небесно-голубых глазах. Мы уже направились к стойке регистратора, когда звонкий голос Машки завопил так громко, что пассажиры разом повернули головы на его звук.

- Папа!

Дочь мчалась к нам, за ней бежал Иван, а следом, еле успевая, торопились Пётр и Катя.

- Я думала, мы опоздаем, ты улетишь, а я не успею сказать, что всегда знала, что ты есть. Я не знала, кто ты, какой ты, но что есть - знала. Мы не успели познакомиться поближе, но мама не полюбила бы плохого, а значит, и я люблю тебя...

Машка говорила по-русски, захлёбываясь словами, а её отец, похоже, всё понимал, согласно кивая головой, счастливо улыбаясь, и всё гладил и гладил дочь по светлым локонам. Как был несправедлив мир...

Отто, наклонившись, что-то прошептал дочери на ухо. Та согласно кивнула. Шагнув к Ивану и положив руки ему на плечи, он спросил:

- Ты не забыл о моей просьбе? - Иван мотнул чубом. - Хорошо. Значит, я спокоен. Друзья мои, Питер и Кэт, я счастлив, что снова вижу вас. Питер, дай слово, что моя семья всё так же будет находиться под твоим строгим покровительством.

- Не сомневайся, Отто, наша дружба закалена огнём и водой.

- И сделаем так, как договорились?

- Да, конечно.

Фон Браун крепко пожал Петру руку и, подойдя к Катерине, заулыбался во весь рот.

- Дорогая Кэтрин, я никогда не ел таких вкусных пирожных, как у вас, поверьте. Теперь они мне будут сниться по ночам.

Довольная похвалой Катя, зарумянившись, в ответ протянула ему коробку с тортом собственного приготовления.

- А я никогда не встречала такого галантного кавалера, как вы, Отто. Ваши комплименты тоже долго мне будут сниться.

Все дружно рассмеялись, а Отто, посмотрев на часы, с грустью в голосе обратился уже ко всем.

- Простите, друзья, как бы я не растягивал минуту расставания, бесконечно она длиться не может. Я не прощаюсь с вами, я очень надеюсь на скорую встречу. Анна, береги дочь, дороже вас у меня теперь только мои старики.

Поцеловав нас с Машкой, Отто фон Браун повернулся, забрал у регистратора билет и, не оглядываясь, быстрым шагом пошёл на посадку. Я смотрела ему вслед без всякой надежды не то, что на скорую, а вообще на встречу. Поняв моё состояние, Машка со взрослой твёрдостью в голосе сказала:

- А я верю! И ты верь, мама!

- Аня, а дочь-то совсем взрослая стала, - услышала я позади удивлённый голос Петра.

И правда, как быстро летит время...

***

Сергей Валерьевич Лушников

Лушников Сергей Валерьевич родился 7 августа 1953 года в пос. Хужир, Иркутской области на острове Ольхон. Вырос в Забайкалье. Живёт в Томске.

Образование высшее, техническое, радиоинженер. Эколог, изобретатель, исследователь, десятки изобретений в медицине, микробиологии, машиностроении, сварке, экологии. Один патент продан за рубеж.

Печататься начал в 2022 году. Написал шесть книг: «Ставка на жизнь", 2023 г., «Пятёрка по рисованию», 2022г., «Исключительная благодать», 2024 г., «Мои молодые годы», 2022 г., «Сказочные истории». 2024 г., «Императорское ружьё» 2025 год.

В Германии 2025 г. вышел сборник "Лидер 21 века. Литературное наследие", где есть шесть рассказов автора. Печатался в ряде периодических изданиях, в том числе зарубежных.

Написана пьеса "Кружка" по одноименному рассказу. Финалист конкурса "Писатель 2023 года", "Писатель 2024 года в номинации "Реальные истории". Лауреат конкурса" "Наследие" 2024".

Номинант конкурса" Большая книга" 2025 года.

За нее, родимую!

Сергей Лушников

Ярко-красные грозди калины, заливаясь смехом в объятиях лучей солнышка, заставляли прикрывать глаза. Деревцо примостилось на крутом обрыве реки и затмевало своими красками остальные травы и кустарники. Казалось, оно горело жгучей болью совестливого человека, который оступился в первый раз, и это немного мешало мне бросить спиннинг вниз, в омут.

В метрах десяти от калины возвышалась разлохмаченная двуствольная сосна, третья часть корней которой свисала над руслом реки, уродливо разорванной сеткой. «Недолго осталось жить дереву», – мелькнула мысль. Мощное течение воды подмывало берег неумолимо и беспощадно, пробивая себе новое русло. Вверху высокий берег, связанный корнями сосны, трав и кустарников, нависал над водой. Он откидывал от себя нижние куски песка с глиной, пыта-

ясь заглушить водную стихию, но та плевала на эти тщетные попытки, превращая грунт в полужидкую массу и разнося его по всему руслу.

У самого берега серебрились небольшие полоски протоки, что разрушало его, а чуть дальше образовался небольшой омут из островка с кустарниками. Размеры омута − метра два в ширину и четыре в длину − привлекли моё внимание, но попасть в ограниченную площадь, да ещё с высокого осыпающегося берега, было непростой задачей. А чутьё рыболова рисовало там сборище щук и язей.

Азарт возбуждал, мои руки быстро готовили спиннинг к броску. Изрезанный берег, двухметровая высота, шум воды и солнечные лучи – всё это отошло на задний план, блесна уже сверкнула своими хищными зубами. Первый заброс оказался неудачным, блесна не успела опуститься в глубину, как оказалась вблизи островка. Второй бросок был хорош, но никто не покусился на красивую обманку. «В русских сказках всё хорошее случается в третий раз», − усмехнулся я.

Но вдруг рука, державшая удилище, ощутила резкий удар, плетёнка дернулась, натянулась и бросилась в воду. Я едва удержал удилище, успев зафиксировать разматывание лески. Однако мощный удар на секунду вывел меня из равновесия, и, сделав пару вынужденных шагов вперед, я полетел в преисподнюю…

Плюхнулся вниз, прохладная вода взбодрила тело и накрыла с головой, но не остудила азарта рыболова − удилище я держал мертвой хваткой.

Ноги не чувствовали дна, рот хлебнул водицы и моё тело, подхваченное сильным течением, понеслось по воле могучей сибирской реки. Изловчившись, я с трудом схватил одной рукой куст ивы с островка, мимо которого чуть не пролетел, и вынырнул, хватая жадно ртом воздух, как пьяница с похмелья кружку пива. Вторая рука держала спиннинг с упертой рыбой, которая то натягивала мою плетёнку струной, то дергала её в разные стороны.

Сапоги заполнились водой и тащили меня на дно. Не отпуская удилище, где задом, где левой рукой, вскарабкался на островок. Взгляд мой искал выход на берег, но тщетно, зато заметил, как хохотнула ветками сосна, словно насмехаясь над моим предсказанием её скорой гибели. «Надо или скинуть сапоги, − мелькнула здравая мысль, − или бросить спиннинг». Но за мысль о спиннинге стало стыдно. Отпустить же «золотую рыбку», непростым образом доставшуюся мне, не простил бы себе никогда. Тем более, что впереди, покачивая лямками, безмятежно уплывал от меня навсегда рюкзак с деньгами, блеснами и другой снастью.

Я примостился, как мог, на куст, рукой держась за пару веток, и попытался носком одного сапога снять второй. Повезло, что я надел сапоги на два размера больше, но даже здесь потребовалось минут пять, чтобы скинуть сапоги. А стоили они пять тысяч, немалая сумма по тем временам. Моя добыча становилось очень дорогой!

«Золотая рыбка» стала вести себя спокойнее. Мы уже сроднились и стали похожи на супругов, проживших не один десяток лет. Иногда казалось, что она отцепилась − леска ослабевала, и это вызывало беспокойство. Я знал, что пологий берег впереди − метрах в двухстах пятидесяти, и поплыл по течению. Перевернулся на спину, подгребая одной рукой, а второй крепко сжимал удилище, живо работая ногами.

Долго ли, коротко ли, но испытания человека заканчиваются либо гибелью, либо чудесным спасением, и, если я написал, значит, остался жив. Плыли мы с рыбой в общем-то мирно, она уже почти не дергалась, видимо, смирилась. Хотя временами, как любая супруга, взрывалась без особых на то причин.

Двести пятьдесят метров вроде немного, но на половине пути мою правую ногу стало сводить судорогой и воды наглотался мама не горюй. Тело начало деревенеть, бил озноб, поэтому, выбравшись на галечный берег, я расцеловал его, как странник, давно не бывавший на родине, а потом минуту лежал неподвижно, приводя в порядок дыхание.

Удилище не дергалось, и я снова забеспокоился, стал крутить катушку и вот увидел свою щуку килограммов на восемь! Она плыла за спиннингом прямо, без движений, словно обреченная на казнь, лишь дернулась при выходе на берег, но слабо, смирившись со своей участью. Её глаза смотрели на меня печально. Я застыл, потом опустился на колени, с трудом

вынул её зубы из блесны, разорвав у рыбы верхнюю губу. С глаз щуки мне на руку упала капля воды, словно слеза. Стало не по себе, и, схватив щуку за хвост, я потащил её в реку.

Оказавшись в водной стихии, она не спешила исчезнуть. Развернулась ко мне мордой и долго смотрела в мои глаза, но человеческим голосом ничего не произнесла. Махнула плавно хвостом и исчезла в глубине вод. Нет, не рыболов я все же, а рыбак − добыча не является моей целью...

В деревню пришёл босиком и без рюкзака, но со спиннингом. Шёл быстро, почти бежал, согревая продрогшее тело. По лесной тропинке двигаться было легко, песчаная почва вперемешку с травой и листвой не колола ступни ног. Смешанный лес с многочисленными кустарниками был прекрасен. Осень разукрасила его во все цвета и оттенки от ярко-бордовых листьев черемухи, зеленых иголок сосен до тёмно-красных листьев боярышника и золотистых листьев березы. Кукушка радовала, считая мои годы не останавливаясь, где-то стучал дятел, монотонно выполняя заложенную природой работу. Иногда резко взлетали птицы из травы − лес жил своей жизнью.

Первые дома деревни вернули к реальности, я вспомнил, что денег у меня нет, и это немного охладило радость спасения, но решил попытать счастья. В первый дом я не сунулся, услышав злобный лай огромного пса, бьющегося в истерике возле забора. Во дворе соседней избушки сидел на бревне седой дед, с бородой, как и положено, и точил нож. Я открыл калитку. Он бросил на меня взгляд и продолжил своё дело. Я сел на другой конец бревна. Закончив своё занятие, дед выдавил пару слов:

— Чего надо?

— Даже не знаю с чего начать…

— Так начни с просьбы, − дед усмехнулся, − сапоги-то, видать, пробухал на рыбалке?

— Нет, с обрыва свалился, искупался немного.

Дед вынул пачку «Беломора», размял один конец папиросы, второй примял и, достав спички, закурил. Затянулся и выпустил дым в мою сторону.

— Долго выбирался? Сапоги вспорол ножом?

— С полчаса, пока до пологого берега доплыл. Сапоги на два размера были больше.

— Ездите, городские, всю речку испоганили, всюду бутылки, окурки, полиэтилен. Будь моя воля, не пускал бы вас.

— Я окурки тушу − и в карман, ничего не оставляю после себя, − попытался оправдаться.

— Бери, покури, − он протянул пачку, − мой внук и тот, непутевый, приедет с компашкой и только водку жрёт.

Я затянулся и поперхнулся дымом, кашель не давал говорить. Дед усмехнулся:

— Я первый раз на фронте закурил, также кашлял, а потом уже не мог без этой гадости.

— Воевали? На Западном фронте? − фронтовики всегда вызывали у меня уважение и интерес.

— Пришлось до Померании дойти, жаль, на Берлин не попал. Тогда рвался, а сейчас думаю: может, и повезло, что не отправили. Домой живой пришёл, только пару ранений. Ладно болтать, идём в хату, одежонку дам да стакан самогона для сугрева.

Мы зашли в домик, который прилично просел в землю. Внутри была большая кухня с печкой, столом и четырьмя табуретками. Стол покрыт цветной клеенкой. На нём стояла плетёная ваза, накрытая полотенцем, видимо, под ним хранился хлеб. У меня сразу рот наполнился обильной слюной.

Дед протянул мне ватные штаны и тёплую куртку:

— Одевайся.

А сам включил плитку, на которую водрузил кастрюлю. Из шкафчика, что висел над столом, достал бутылку с мутной жидкостью:

— Первач, градусов 60.

И налил полстакана.

Вскоре на столе появились хлеб, соленые огурцы и алюминиевая чашка щей.

Он налил себе немного и пригласил выпить:

— За неё, родимую!

Я не понял, за кого пьем, но поддержал молча. Мелькнула мысль: «Пью за щуку». Самогон обжег горло, пахнуло сивушным запахом, но я стал быстро закусывать горячими щами.

— Ещё будешь? − предложил старик.

— Нет. Если только с вами за компанию.

Вместо ответа старик задал вопрос:

— Где трудишься, наверное, торгуешь?

— Нет, начальником цеха на заводе.

— А шо, ещё остались заводы? − искренне удивился дед. − Как тебя кличут-то?

— Андрей, − я уже доедал тарелку щей, наваристых, с пленкой ярко-желтого жира и сочным мясом на костях грудинки.

— А меня Фёдор. Ты скажи мне, как же мы страну такую разрушили? Даже у нас никто не работает, артель рыбацкая и та почила в бозе.

Я хотел обойти эту щекотливую тему, но отмалчиваться было нельзя:

— Верхушка партийная и предала всех, раньше пользовалась льготами исподтишка, а теперь − они бизнесмены, олигархи с большими деньгами.

— Эх, паря, а ты ведь прав. И что делать?

На извечно русский вопрос у меня был только один ответ:

— Работать, чтобы семью кормить.

− А мы за что кровь проливали?! − дед повысил голос, в нём прозвучала дикая обида.

— За жизнь наших близких, за родину, − попытался я успокоить фронтовика.

— Выходит, я и за внука воевал, − тихо произнес старик.

— Верно, и за внука, хотя его тогда не было и в помине.

— А внук пятьдесят тысяч требует, задолжал кому-то в проклятом городе, а где их взять? Вот если бы ружье продать, так я не знаю кому, − дед как-то сник, и мне стало его жалко.

— А что за ружье? Пятьдесят не слишком ли дорого?

— А ты посмотри, говорили, расписывал какой-то Раш, не знаю, кто такой, может, русский, − дед через минуты две вернулся из спальни с трёхствольным ружьем: два гладких ствола калибром 16 и один нарезной 7,92. Его украшала инкрустация знаменитого гравера. Гравировки Раша были невероятно красивы, узоры на металле создавали неповторимые картины. Если учесть, что гравер умер в XIX веке, то цена этого оружия, в зависимости от его истории, была значительно больше. Я дважды видел такие ружья на фотографиях у знакомого коллекционера, но вживую впервые.

— Откуда оно у вас? − с волнением, перемешанным с нетерпением в голосе, спросил я.

— Давай ещё по маленькой, расскажу, если хочешь. Или чай налить?

— Давайте чай.

Мы стали пить чай. Дед молчал, уткнувшись взглядом в ружье.

«В сорок пятом, в Померании, мы брали поместье барона, в котором засели эсэсовцы, − медленно начал рассказывать фронтовик. − Замок в поместье был трёхэтажный, на верхнем этаже в одном из окон строчил пулемёт, простреливая все подходы к зданию. Артиллерия дивизии отстала на марше, а нашу роту разведчиков бросили на штурм. Но пулемёт не давал возможности подойти к забору, несколько наших полегло.

Мне приказали, как снайперу, убрать пулеметчика. На полях около поместья было несколько берез, вот там я и оборудовал ночью свою лежку. На рассвете одним выстрелом убрал пулемётчика. Наши бойцы бросились к кирпичной ограде, но пулемёт снова заработал. В прицел я увидел офицера, но попасть в грудь удалось только с третьего выстрела. За это время он успел ранить двоих наших, в том числе моего друга Василия. Когда штурм закончился, мы занесли раненого в большой зал, и сестричка стала перевязывать его рану.

Зал был похож на музей: скульптуры, на стенах много часов, шкафы резные из красного дерева, а в них красивая посуда. Василий заснул от наркоза, а я с разведчиком двинулся по замку − ещё раз проверить комнаты, которых оказалось больше двадцати. Одна дверь была заперта. Разведчик взял наизготовку автомат, а я пытался ногой выбить дверь, но она даже

не шелохнулась. И вдруг неожиданно распахнулась, за ней стояла женщина лет шестидесяти, худая, высокая, с морщинистым лицом. Она подняла руки и что-то лепетала по-немецки. Мы отпихнули её в сторону и заскочили внутрь.

Там стояла большая двуспальная деревянная кровать с высокой резной спинкой. Кровать была застелена белоснежным одеялом, в центре которого горело красное пятно. Я сдернул одеяло, под ним лежал человек в немецком кителе. Вся грудь и живот его пропитались кровью. Это был офицер, который ранил Василия и которого я подстрелил. Медсестра осмотрела раненого, перевязала и покачала головой:

— Большая потеря крови, едва ли выживет. Нужно срочно в госпиталь. Но сейчас нужно увозить своих тяжелораненых. Завтра попробуем его забрать.

Подошёл командир роты, старший лейтенант:

— Пусть сдохнет здесь, нечего его везти, сволочь, до последнего убивал наших бойцов.

Все молчали, понимали злость командира, у которого семью зверски замучили в Могилёве. Медсестра откликнулась:

— Забыли приказ? Завтра поможем.

И снова все промолчали, а командир плюнул и вышел на улицу.

Машина с нашими тяжелоранеными ушла в госпиталь, остались легкораненые и немецкий офицер.

Ночевали с тремя разведчиками на третьем этаже, рядом со спальней, где лежал фашист. Утром, часов в шесть, в дверь осторожно постучали. Я открыл дверь. На пороге стояла хозяйка замка со слезами на глазах и что-то говорила на немецком. Потом взяла меня и повела в спальню. Там стало понятно, что её муж скончался. Я стоял и смотрел на неподвижное серое лицо моего врага, а в душе висела тишина, такая же, как в спальне.

У меня не было угрызений совести, война есть война, кто кого убьёт первым, тот и останется жить. Я хотел жить, что уж говорить, как, наверное, и он, но в этом бою выиграл я. А вот смотреть на неподвижную фигуру жены было как-то неудобно, хотел уйти, но женщина начала что-то быстро говорить, потом схватила связку ключей и повела меня из дома, где мы были, в небольшой домик, там находился инструмент и столярный станок.

Она отодвинула бочку, под ней я увидел крышку от подвального люка с замочной скважиной, которую немка открыла ключом, и мы спустились вниз. Там было несметное количество бутылок вина. Она стала пихать мне бутылки и продолжала говорить. В общем, выхожу я, навьюченный под завязку, и мы идём к командиру. Старший лейтенант, увидев преподношение, воскликнул:

— Как же мы осматривали? Где взял?

— Вот, немка дала, да там ещё сотни бутылок, а может быть, больше. Она о чём-то просит, надо бы Михаила позвать, пусть переведёт.

Нашли Мишу, бывшего студента, знающего немецкий язык. Тот перевёл, что женщина просит похоронить её мужа. Командир плюнул:

— Фашиста хоронить не будем. Пусть гниет, сволочь!»

Дед, замолчал. Выпил глоток чая. Вдруг подался ко мне, вставая из-за стола:

— Ты понимаешь, когда мы зашли на территорию Германии, я не мог понять, зачем немцы пошли завоевывать нас?! Не мог – и всё. У них тогда в деревнях туалеты были в домах, водопровод, а у нас бочками развозили воду по дворам или на речку бегали с коромыслами. У них всё красиво, ограды покрашены, улицы заасфальтированы, а у нас в деревне по сей день гравийка! Зачем?!

Я молчал, мне становилось немного не по себе, об этом я уже слышал от Героя Советского Союза Вершинина.

«Так вот, – опустившись на стул и успокоившись, продолжил Фёдор, – все разведчики против просьбы немки ополчились, никто не хотел хоронить фрица. Оно и понятно, каждому фашисты принесли столько горя и беды. А я самый старший среди ребят, мне почти 30 лет и воевал я с 41-го года, с Москвы начал. Молодежь уважала меня, называла отцом Фёдором.

Неудобно мне было отказать в похоронах, не по-людски, всё же фриц уже мёртвый. Да и на бабские слезы смотреть не могу, а немка поняла общий настрой – стоит, тихо плачет, превратившись мигом в старуху, даже сгорбилась. В общем, не выдержал я:

— Ладно, сам похороню, а то смрад в доме всех одолеет.

И обращаясь к земляку − сибиряку из Иркутска, попросил:

— Пойдём, ты мне поможешь.

Воцарилось гнетущее молчание. Я взял за локоть жену офицера и двинул в спальню. Сибиряк подошёл позже. В общем, похоронил я врага, мною и убитого, в красивом семейном склепе.

А на следующий день наша рота выдвигалась в другое место. Я уже был на улице, когда жена покойного офицера выбежала ко мне с этим ружьем и всё повторяла, показывая на рисунки на оружии: «Раш, Раш. Данке, данке шон». В благодарность, выходит, подарила. И это ружьё мне долго служило верой и правдой, но уже третий год не хожу я на охоту, ни к чему мне оно».

Я сидел, не шелохнувшись, история меня впечатлила. И задал дурной вопрос:

— А фамилию фашиста помните?

— Ты что, какая фамилия?! Я сначала вообще брезговал брать ружье в руки, спиртом протирал несколько раз. Но через год пошёл на охоту и после уже не расставался с ним, волей-неволей сохранял, получается, память и о немке, и её муже, и о войне...

Рассказ закончился, я был ошеломлён, мысли, образы, переплелись замысловатыми узорами:

— Да, история! Но поступили вы правильно. Не похоронили бы, вспоминали всю жизнь с тяжёлым сердцем эту историю.

— Давай по маленькой, − предложил фронтовик. − Да поедем на реку, сети проверим, домой на уху рыбки увезешь.

И опять под тост: «За неё, родимую!»

Лодка летела вверх по течению реки, разбрасывая брызги по краям. Дед Фёдор сидел на носу, управляя нашей «птицей». Неожиданно я увидел свой островок. Поднял взгляд на берег и рассмеялся, отчетливо увидев сосну, куст калины, и помахал им рукой.

Дед удивленно отреагировал:

— Ты чего, там же никого нет?

— Там счастливое место, оттуда я свалился! − перекричал я шум мотора.

Фёдор понял шутку, усмехнувшись в усы.

Улов оказался приличным. Несколько больших язей, каждый не меньше полутора килограммов, много лещей и несколько щук.

Лодка пристала к берегу, дед достал мешок, и я стал забрасывать в него рыбу. Когда взял щуку, то остолбенел − у неё болталась разорванная губа, да и длиной она была такой же, как та, что я отпустил. Щука вела себя достаточно тихо, не моргая, смотрела на меня.

— Фёдор, а можешь мне эту щуку отдать? − слетела с моих губ просьба.

— Бери, хороший экземпляр, на котлеты пойдет, − согласился мой знакомый.

И вдруг закричал:

— Ты чего, полорукий, упустил красавицу.

Он увидел, как я бросил щуку в воду.

— Извини, Фёдор, вечером тебе расскажу. Не мог я её не отпустить, она познакомила меня с тобой. А ружье я у тебя куплю.

Через неделю я отдал две свои зарплаты за ружье, и так сложилась судьба, что на тридцать лет уехал из этих мест, но всегда помнил о старике.

И вот недавно я снова приехал в те места, очень хотелось фамилию фронтовика узнать, чтобы написать о нём, но, к большому сожалению, деревня исчезла. Хотя по номеру ружья я узнал, что сам Бисмарк наградил отца барона ружьем фирмы «Браунинг» с гравировкой Раша...

А фамилию русского человека я так и не нашёл, хотя прошёл все могилы на кладбище. Съездил на свой обрыв. Сосна исчезла, вместо неё росли три подростка − маленькие сосенки. Я погладил их мягкие иголочки, сорвал пару ягод калины и подошёл к краю обрыва...

И всплыл образ деда Фёдора, а за ним все картины того дня. Я достал бутылку водки, плеснул понемногу в два стакана и, чокнувшись с памятью, произнес:

— За неё, родимую, душу русского человека!

Склероз

Змея, ярко сверкая маленькими глазками, не отводила от него глаз, подняв голову, она следила за его движениями, синхронно с ним поворачивая голову.

Он замер, стал смотреть прямо на неё. Ноги затекали, слезами пота умывалась спина, а рептилия сверлила его взглядом, как начинающий художник известную натурщицу.

Он не боялся змей, а этой даже любовался. Чешуя серебрилась, а голова была закрыта словно чепчиком, защищающим её от солнечных лучей. Рептилия, как великая балерина, вытянулась вверх, словно струна на земляной сцене.

Так и сливались они в экстазе, пока спина не выдержала боли, и он не сделал один шаг назад.

Змея зашипела, взмыла свечой вверх, и он почувствовал мокрое прикосновение на шее.

Он резко открыл глаза и с облегчением вздохнул, увидев котёнка, недавно им подобранного на улице.

Друг ощутил поглаживание хозяина и прилёг на его грудь, мурлыча от удовольствия.

Старый диван мерно поскрипывал в такт движениям старика.

Рука Владимира Михайловича медленно скользила по всему телу котенка.

Пальцы нежно скребли шёрстку под мерную музыку удовольствия поющего дружка.

Но змея не выходила из головы: к чему этот сон?

Старик не стал мучиться над разгадкой сна и достал сонник супруги. Тот ему предрек непредвиденные события и не совсем приятные.

И они случились, Владимир Михайлович не мог найти деньги, целых пятьсот рублей. Вчера были, а сегодня исчезли.

«Старый козел! – нещадно ругал он себя. – Куда сунул? Пропади они пропадом. Хотя зря так ругаю. Может, поэтому и пропали. Но куда? Неужели змея всему виновница?»

Он обыскал все карманы, но деньги словно провалились сквозь землю.

Обессиленный, он присел на «взрослый», по понятиям молодежи, диван. Посмотрел с тоской на разбросанные вещи: куртку, брюки в клеточку, потёртые джинсы, пару рубах, и задумался: «Склероз окаянный начинается. Однако рано. Мне только 70 в прошлом году стукнуло. Или уже пора? Чёрт, мою половинку угораздило на дачу уехать! Любаша бы быстро нашла, чует денежки, словно волк зайца! Сколько раз находила! Сам виноват, оставил всего 500 рублей и живи теперь неделю. И где же эта проклятая пятисотка?!»

Владимир Михайлович снова взял в руки джинсы и начал методично обыскивать свои карманы. Там ничего не было, кроме зажигалки. Он отложил их в сторону на диван и принялся вновь перетряхивать рубахи, но денег не нашел.

"Эх, если бы имел карту, можно было бы сыну или внуку позвонить, и проблема бы исчезла, - посетовал он на себя.

Дети и внук помогали старикам, но сами просить они стеснялись. Махнув рукой, словно сообщая о своём решении закончить с поисками, он вышел на балкон.

Там на столике лежала пачка «Примы» и сигарета поодаль. Он закурил, глядя на улицу, по которой катился вниз полупустой трамвай, громыхая колесами и скрипя на поворотах. Через дорогу стоянка перед баней заполнилась машинами.

Ему тоже захотелось в баню, но цены там кусались – 80 рублей. Поэтому последнее время он ходил туда раз в месяц. Тело вдруг зачесалось где-то под лопаткой. «Чует грязь или мысли прилипли?» – подумал Владимир Михайлович.

«Интересно, всё-таки, иногда задумаешься, что же материально сон или мысль? Сколько раз, бывало, только подумаешь, а эта думка уже здесь. Эх, хоть бы пятьсот рублей так же объявились», – размечтался он, взяв пачку из-под сигарет в руки, и остолбенел – 500 рублей торчали в пачке!

«Надо же! Как я забыл, что туда сунул! Точно, склероз. Ну, смотри, мысль опять превратилась в дело. Чудеса, да и только!» – удивлялся пенсионер.

Выбросив, пустую пачку в ведро, Владимир Михайлович начал собираться в магазин. Через пять минут он был одет в джинсы, серую куртку и полосатую рубашку, которую подарила на день рождения перед самой смертью его любимая теща – Мария Петровна.

Она тоже любила его как мать, и он отвечал взаимностью, помогая во всём, даже в побелке квартир богатых людей ещё при социализме.

На улице стоял май. Деревья распускали свои листочки, радуясь солнышку и подставляя их теплу. Легкий ветерок обдувал приятно и тихо, словно опытный массажист в начале своего сеанса.

Владимир Михайлович улыбнулся и зашагал за покупками. Раньше он очень любил рынок, особенно, когда в кармане были деньги.

Любовь к нему осталась, но удовольствия от прогулок по базару стало меньше.

Улица, названная в честь академика Кузнецова, радовала глаз. Старинные деревянные купеческие свежевыкрашенные дома, чередуясь с каменными добротными домами новых купцов, воодушевляли Владимира Михайловича. Пройдет пятьдесят лет, и народ будет говорить, что купеческие дома на улице Кузнецова создают неповторимый стиль сочетания XIX-XX веков прошлого тысячелетия. «Молодцы, что красивые дома построили. Дома будут стоять, в них будут жить люди, радоваться жизни, рожать детей, учить их – так будет вечно, пока, жив человек», – размышлял Владимир Михайлович.

Он повернул на проспект Кирова. Тополиная аллея легла островком тишины посреди проспекта, но сегодня его путь лежал мимо её уютных лавочек и компаний студентов и голубей. Вот и шумный рынок, расположившийся прямо на улице и занимающий целый квартал. Пестрели весёлые киоски по обеим сторонам, предлагая людям разнообразную продукцию – только успевай, плати.

Владимир Михайлович начал с самого необходимого – табачного киоска.

Он купил пять пачек сигарет «Прима», истратив 60 рублей. «Теперь на неделю хватит, – с удовольствием отметил он. - Далее надо мясной посетить, чтобы неделю прожить», – приказал он самому себе.

Мясо было разное – от вырезки за 250 рублей за килограмм до костей по 70 рублей.

«На обед и ужин суп – надо триста граммов, умножим на пять дней, получается полтора килограмма костей», – раскинул пенсионер.

Косточки были свежие, с приличным количеством мяса – и вскоре они оказались в пакете расчётливого покупателя. «Теперь надо обеспечить себя завтраком, а для этого пойдут каши», – решил Владимир Михайлович и купил гречневую за 35 рублей и овсяную за 25 рублей. Масло сливочное к кашам стоило 32 рубля. Пачка майского чая обошлась ещё в 36 рублей. Владимир Михайлович любил чай с молоком, поэтому пришлось взять литр за 36 рублей. Оставался 171 рубль.

По идее, нужно бы растительное масло купить, чтобы пожарить свою картошку, но ему уже второй день хотелось селедки…

И он взял одну тихоокеанскую малосоленую селедку за 41 рубль. «Ладно, теперь можно и масла взять», – решил он.

Растительное масло стоило нынче дорого, пришлось выложить 60 рублей. Пакет наполнился. Оставалось ещё 70 рублей. «Однако нужно оставить на хлеб и на проезд, вдруг куда-нибудь понадобится», – рассудил Владимир Михайлович, глядя на мандарины.

Он любил их и мог съесть целый килограмм, но сегодня на них денег не хватало".

- Привет, Михайлович, - услышал он знакомый голос Ивана Ивановича, бывшего своего начальника отдела, вместе оборону страны укрепляли.

Он не успел ответить, как тот поделился новостью:

- Представляешь, ходил к психологу, права на машину продлить, а она к моей ноге больной привязалась, дескать, как будете ездить!

А я ей говорю:

- Маресьев без двух ног летал на самолёте и ничего!

А она мне смущённо:

- Я такого не знаю, я недавно в ваш город приехала.

- Ты представляешь, до чего молодежь довели!

Посудачили немного, но пора и домой идти.

Дойдя до «Живой Аптеки», он вдруг почувствовал, что приближается приступ астмы. Увидел скамейку и сел, достал свой ингалятор.

Стало легче, но Владимир Михайлович решил отдохнуть, присев на лавочку. Взгляд отметил, как преобразилась старая искривленная берёза, покрывшись, тепло-зелёными нежными листочками, она стала молодой и красивой!

«Вот бы мне так преображаться весной», - мечтательно произнес старик.

Рядом сидела парочка – молодые девушка и парень. Вдруг девушка заговорила громко и зло:

– Какая Родина?! Родина там, где условия лучше! У тебя есть шанс уехать в Англию, а ты рассуждаешь! Патриотизм придумали, чтобы дурачить людей, его придумали верха! Сами своих детей там учат, спят и видят, чтобы нахватать и слинять за бугор! А ты уши развесил!

Парень вдруг резко встал и пошёл, а девчонка вынула сигарету и затянулась, закинув ногу на ногу.

«Ноги ничего, а в голове каша», – обратил внимание Владимир Михайлович, стараясь найти слова, чтобы защитить Родину, но не находил. Они упорно не шли, он понимал, что хотел сказать. Но не мог решиться то ли из-за её тона, то ли стеснялся чужого человека, но когда девушка ушла, задумался – а что же для него Родина?

Встал и пошёл в обратную от дома сторону. Он шёл и вспоминал, и чем больше приходило воспоминаний, тем быстрее ускорял шаг:

«Родина! Сразу неосознанно приходит в голову одна картина. Я поступил в институт, а жил в Чернышевске. Поезд из Чернышевска отходил утром рано, в четыре утра. Мы с мамой были одни, а отец находился на работе. И надо же было проспать. Мы проснулись за пятнадцать минут до отхода поезда, а до станции добираться без сумок требовалось времени не меньше. Как мы собирались, не помню, но я помню тот наш бег с мамой, которая страдала астмой. Когда я смотрю в фильме Рязанова «Вокзал для двоих» сцену бега Гурченко с Басилашвили в тюрьму, то я плачу всегда, как, впрочем, и сейчас, когда думаю. Я не могу не плакать, так как вспоминаю маму, которая падала, задыхаясь в приступе, останавливалась и снова бежала, таща за собой дурацкую сумку с продуктами. Бежали через железнодорожные пути, огибая какие-то вагоны, и уже возле поезда, в котором все вагоны были закрыты, она опустилась на землю. А я продолжал метаться вдоль состава и искать открытый вагон, который, как назло, оказался в самом начале.

Я уже не видел, как мой самый любимый человек, просидев почти полчаса на земле, задыхаясь, постоянно щёлкала колпачком ингалятора, потом ещё два часа плача, плелась домой, но чувствовал, что ей плохо.

И я плакал в тамбуре. Часто ругаю себя. Можно было бы уехать позже, но прошлого не вернёшь, как и любимую маму. И стоя над её могилою, я всегда прошу прощения у самого родного человека….

А мои речки детства Куэнга, Алеур, Олов, по которым пацаном с удочкой прошёл не одну сотню километров. Забайкальское солнце слепило глаза, которые пытались неимоверными усилиями разглядеть прыгающий на перекатах реки поплавок. Вода приятно омывала ноги, которые щекотали мальки рыб; удилище, постоянно вытянутое, нагружало правую руку так, что отнималось плечо. Но всё вместе это было только прелюдией трепета – с приближающейся ко мне рыбой, казалось, что я, наконец, поймал ускользающее, мимолётное счастье.

А вокруг улыбалась черемуха, осыпая белоснежные цветочки в воду. Шелест ивовых листочков заглушали шумные потоки быстрой речки, было спокойно и безмятежно на душе, в которой потихоньку шевелились мысли, теплые и родные.

А ещё приходит на память грязная спецовка отца, брошенная на пол в больнице, и крик матери, предвещающий что-то пугающее и страшное. Отец разбился, упав вниз головой с тендера паровоза, когда разгребал замерший уголь. Помню его слова, что я остаюсь единственным мужчиной в доме и что я должен беречь мать.

Потом его больного выписали домой. Но отец поднялся – неправильно собранные руки разрабатывал, сначала сжимая грушу от клизмы и падая в обморок от каждого сжатия, а затем разрабатывал гантелями, и уже через семь месяцев работал кочегаром, перекидывая тонны угля.

Нам детям было его очень жалко, особенно, когда он заставлял работать свои руки. И он для нас, детей, был во всем примером. Мы восхищались им, его мужеством и волей!

А первый и последний удар ложкой тяти, так звали в деревне деда, когда вперед батьки полез за картошкой в дымящий чугунок. Тяте было уже за 85, а он ещё пилил с нами, внуками, дрова, когда мы так хотели сбежать на улицу, где гулял свежий ветер.

Тогда нас удивляло, что он хорошо говорил о своём хозяине-кулаке, на которого начал работать с девяти лет. Как любили тятю, и как кричали его дочери над могилой! До сих пор этот крик где-то у меня внутри.

Наверное, мне везло в жизни. Скольких людей я ещё бы мог перечислить, чьи души переселись ко мне, спасая от многих неприятностей, что бывали в моей жизни!

И что же такое Родина?.. Всё моё родное? Родные души, родная природа, родной воздух! Родина – это могилы близких, чьи души во мне будоражат свою круговерть чувств и эмоций! Я понял сейчас, что не смог бы объяснить девушке, что такое Родина, ибо для меня это слишком многое!

Это сотни гектаров очищенных нашей организацией от нефти земель, это очищенные водные объекты, где плещется весело рыба! Это десятки домов, построенных нами в городе! Это дети и внуки со своими проблемами и делами! Это тысячи людей, с которыми делаешь общее дело, доброе и праведное! Я думаю, что чувство Родины у большинства людей нашей страны такое же, и как хочется не ошибаться! Как хочется, чтобы мы помнили все своё родное, ибо прошлое наше есть ступень к будущему, более светлому и доброму!»

Владимир Михайлович очнулся от своей тирады и недоуменно смотрел на рынок, весело и шумно, даже издевательски встретивший его вновь. Он некоторое время недоуменно смотрел на людей, снующих с авоськами, потом развернулся и побрел потихоньку назад, домой.

«Точно, склероз начинается», – вздохнул Владимир Михайлович.

***

Елена Викторовна КЛИМЕНКО

Родилась в 1962 году в селе Первомайском (Пышкино-Троицком) Томской области в семье учителей. Окончила Томский приборостроительный техникум (1982), факультет психологии ТГПУ (2021). Училась на факультете прикладной математики ТГУ. Работала в Сибирском отделении РАН. С 1989 года – инженер Института развития образования РАО (в

настоящее время сотрудник НОЦ теории образования ТГПУ). В 2008 г. награждена медалью ТГПУ «За заслуги в области образования».

Публиковалась в литературных изданиях Томска, Кемерова, Новосибирска, Красноярска, Мельбурна, Парижа, Москвы, Санкт-Петербурга, Магнитогорска, Омска, Ставрополя, Самары и др. Автор семи поэтических книг: «Неуместные письма» (2000), «В подстрочнике мая» (2003), «Время вить гнездо» (2009), «Времена и города» (2015), «Круговорот стихов в природе» (2018), «Вечнозеленое время» (2019), «Осень поэту к лицу» (2023).

Участница Международного фестиваля русской поэзии и культуры «Болдинская осень в Ковент-Гардене» (Лондон, 2007). Руководитель литературной студии «Литературная среда» при Томском государственном университете (2005-2015).

Член Союза писателей России. Член редколлегии краеведческого и литературного журнала «Начало века» (Томск); Творческого совета журнала «После 12» (Кемерово).

Живёт в Томске.

***

Над Сибирью высокое небо.
Под Сибирью великая зыбь.
По периметру верстовые столбы
Судьбы.
***
Стоит стеною огород –
От бани до крылечка.
И ягодой наполнен рот –
Не вымолвить словечка.
Кузнечик партию свою
Стрекочет, не бросает.
Ему вольготней, чем в раю,
У старого сарая.
Вечерней переправы дрожь,
Река под мост укрылась…
И сизой жимолости дождь
Велик как Божья милость.
***
Село поднялось караваем
Над водами малых рек,
Протоками обнимая
Чёрствый просоленный снег.

Сыра земля поделена
Ножа броском.
Едва забрезжила весна −
Во двор бегом,
Где между луж идёт она –
Междоусобная война…

Светлячки да кашка – мелкие миры.
Многонаселенные утлые дворы.
Но всяк народ здесь кровь и плоть
И не отрезанный ломоть.

Как лоскутное одеяло
Сибирское житьё-бытьё.
Здесь лихо в «ножички» играло
Чёрно-белое детство моё.

Легенда о реке Чулым

Это имя остяцкой звезды
Над напоенным лугом,
Что под шёпот беды
Пала в пашню за плугом.
Прорастает звезда, привечают леса,
Сосны-сестры ветвями помашут.
А с последней листвой облетает слеза,
Не последняя в этой ромашке.
Это имя остяцкой звезды
Или голос стрелы, устремившейся в Лету.
И подвижно всегда зазеркалье воды,
Подчиняясь Лесному Завету.
***
Эта свежесть – точно жесть,
На которой дождь гнездится.
Неизбежность долга – есть
Дом в дожде. Он будет сниться.
Здесь под крышу жмётся ночь.
Тополь просит подаянья.
И зовут тихонько дочь
В кухню, к завтраку, к прощанью.
Сушатся грибы и листья,
Рыжий порох штор и стен,
И гощу с оглядкой лисьей,
Завернувшись в рыжий плен.
Здесь жестокая среда,
Даже если и суббота –
Нелюбим остался кто-то
Ни за что и навсегда.
Но вдали правдива весть,
Что родные только здесь.
***

Поездка на родину

Пропах автобус щучьими хвостами
И щукою река гуляет меж кустами -
Узор пятнистый пятипалый
Бугров и впадин.
Та щука мечется
Меж будущим и прошлым
Немым укором
С каждым годом горшим -
Мне не перед кем больше быть хорошею

Перебивает смог над городом
И щучий дух, и чувство молодости.
Бежит автобус битком набитый,
Везёт подарки голодный – сытому.
***
Созвездие шишек сменяет
созвездье ранеток.
А всё-таки лето, отличное бабское лето.
И сыплются с веток
плоды садовода и фарт шишкобоя.
Созвездия разные, небо одно – голубое.
***
Я кровь от крови,
Снег от снега,
Моя сибирская земля,
И узким глазом,
И лыжным бегом − твоя!
***
Краток период покоя −
Белый заснеженный сон…
Кокон сибирского кроя…
С соснами в унисон
Так бы стоять и качаться
Месяцы напролет,
Радужное свое счастье
Зря сквозь ресниц хвойный лёд.

ИРОНИЧЕСКОЕ

«Иван Бунин для вдохновения
держал в ящике письменного стола яблоки»

А у сибирского писателя для вдохновенья
Под столом кадушка солений:
Грузди, волнушки, моховики.
Отдельно – сушеные боровики;
Корзина кедровых шишек,
Туес клюквы, излишек
Брусники, иван-чай,
Морошка, медвежья лапа,
Тут же вяленый язь да с облепихой таз…
У сибирского писателя под столом
благодать…
Да ему столько и не написать!

Сентябрь

Кузнечик сложносочиненный,
Кобылка гладкая простая
Стрекочут, прыгают, летают,
Вслед лету шаг свой устремив.
И паучок проститься хочет,
Присев на светлое предплечье.
Печалиться им просто нечем.
И радости так прост мотив.
***
Город кончается полем,
Морем, горами, степью.
Чем-то звучащим моно –
Мощно, красиво, цельно.

Место прирученных молний,
Эхо железобетона,
Город бросается в поле
Словно в спасительный омут.

С места прыжком в неизвестность,
Аккордом стальных песен,
Мостом между небом и лесом,
Кому-то благой вестью.
***

Поэтам Кузбасса

Нас не встречали стадионы
И к хлебу-соли не влекли.
Плескалась речка в бликах сонных
И одуванчики цвели.

Распластана, Сибирь лежала,
И речь по ней рекой текла.
Живая, а не из металла,
Река из ветра и тепла.

И силовое поле соло
Росло и свет цветов не сяк.
Сияло солнце живослова
Во всех возможных плоскостях.
***
Синий дом, останься синим.
Ты краснеть не торопись,
У трамвайных гибких линий
Наблюдая злую жизнь.

Окон взор заброс с пригорка
В облака голубизну,
Монастырские задворки,
Голубиную возню.

Носовым платком сирени
Слёзы светлые утри.
Стоя по колени в лени,
В лопухах былых имений
И эскизности зари.

Воспари над грешным бытом,
Над трамвайной суетой
Строчкою святой молитвы,
Строек городских элитных
Ахиллесовой пятой.
***
Не город – кладбище.
Дом призраками полон.
И каждый с зеркалом играет в темноте.
И зайчик прячется в божественном зрачке.
И рамы крест гуляет в чистом поле.
И бабочка трепещет на кресте.
***
Опять война на белом свете:
Летают дроны, плетутся сети.

И деды, без вести пропавшие,
Глядят на нас из дня вчерашнего.
***
Пропавшим без вести не спится –
Идут фантомные бои.
Плывут в атаку призрачные лица,
Похожие на полыньи.

Бугрится черепом землянка.
Сосновый множится экран.
И правнуки глядят на танки,
Ползущие через бурьян.

Не похороненный неволен
Оставить пост, воздвигнуть крест.
И остаётся в чистом поле
Как знак и символ здешних мест.

И генетическая память,
И генетическая боль
Живут в потомках, держат знамя
И составляют жизни соль.
***
Суровы боги декабря –
Несут нам пост и суд.
Подарков вовсе не даря,
Скрываются в лесу.
Как далеко до Рождества
По белому пути
Идти, не поднимая глаз
От строчек ветхих книг.
Держась за слово-поводырь,
За солнца белый шар.

Пока не станет мир един,
Запретов ждёт душа.
***
Кубическое одиночество
Серое, многоэтажное.
Прожженное, эпатажное,
Пророческое, отеческое.
Запечное, заполошное,
Запаянное в пакеты
С пыльным намеком чая.
Я не скучаю по прошлому,
Но и не исключаю
Из пыльного списка дел
Этот земной удел…
Энциклопедия жизни…
(моей домовой книги),
Где в начале столько интриги,
А в конце печалька, печать.
На обороте открытки:
«Пиши ещё, не скучай».
Съедено столько соли:
кирпич к кирпичу.
Не сказано столько слов –
некому, да и незачем.
Выкристаллизован из
Солевого раствора боли
Стоит соляным столбом −
Богатырем на распутье −
Мой многоголосый дом,
Раскинув серые крылья,
Окнами в лес и небо.
Косит на рябины и кедры.
Выше подъездных ёлок
Замах его плоских крыш…
Несколько разных жизней прожито здесь…
А в результате − шиш…
Ты говоришь: «Тише,
Шишки летят, слышишь?!»
***
Прокуренные кухни
Отмыты добела.
В них болтовня затихла,
И жизнь моя светла.
А спорили когда-то
Мы в интерьерах пыльных
О лучших временах.
Они и наступили.

СЕЛО И ОКРЕСТНОСТИ

Село наше, Первомайское (до 1965 года Пышкино-Троицкое), районный центр, распахнутое всем ветрам, многим нравится, особенно проезжающим мимо: ровное, улицы широкие... Не какая-то глухомань. За околицей поля, перелески. Хотя и тайга недалеко, за полями.

Само село на горе – такой каравай, тесто, вырвавшееся из кадушки. А под горой неспешно несут свои воды, огибая село с двух сторон, мелкие речушки Беляй и Куендат. Так и назывался район села на въезде со стороны реки Чулыма: «*Малые реки*». Заводи речушки Куендат, заросли аира (пупырчатые «крокодильчики»). Боялись пиявок, но бродили, доставая из прозрачной воды водоросли, из которых я пыталась делать самодельную бумагу. Ещё на Куендате рыбачила с удочкой, на червя ловились чебаки, ерши.

Садовая смородина не могла сравниться с лесной. Поэтому за душистым сибирским виноградом ходили «под гору» в примыкавший к берегам Чулыма смородишник. Там нас встречали покрытые улитками дремучие кусты в человеческий рост, настоящие джунгли, бурелом

− чёрт ногу сломит, матёрые лесные комары. Там же собирали черёмуху. Крутили её потом на мясорубке, засыпали сахаром – получалась начинка для рулетов-пирогов.

Дальше, по течению Чулыма, ближе к железнодорожному мосту находился поселок Борисова гора. Чулым – река серьезная, однажды чуть не утонув, плавать я так не научилась. Мама сама плавать не умела и меня научить не могла.

В моём детстве, в 70-е годы XX века, всюду ходили пешком. Например, пару километров на Беляй, где был хороший магазин речников. Или за семь километров в Торбеево, в сельпо за сгущённым какао, ситцем и прочими сокровищами. Я ходила быстро, любила это дело.

Редко когда на обратном пути из леса или с огорода кто-то подвозил нас до деревни. Свой транспорт − велосипед – появился только вместе с отчимом, когда мне было уже четырнадцать лет. Тогда я и научилась ездить на велосипеде. Мама учила меня на школьном дворе. Потом с другими подростками гоняли на великах толпой по деревне.

На краю села стоял колхозный курятник. Страдая от едкого запаха куриного помета, рылись в горках мелкого ракушечника, привозимого для улучшения куриного пищеварения. Там можно было найти почти целые раковинки и мечтать о морях-океанах.

В поселок Беляй можно было идти «по верху» над рекой Беляй или «по низу» – вдоль реки Чулым, весной. Ноздреватый снег, яркое солнце.

На высоком крутом обрыве реки Беляй зияли разрушенные землянки. В детстве как-то не задумывалась, кто жил в этих землянках на краю деревни. Хотя одна землянка даже вошла в моё детское стихотворение о котёнке, который бегает там-сям. Землянка у меня в стихотворении рифмовалась с полянкой. Но само слово «землянка» было прочно связано с войной, с партизанами.

О военных годах мама 1936 года рождения рассказывала мало, только что голодали, ели лебеду, хотя дед Гриша – мамин отец, по семейной легенде работал в пекарне. А ещё он учил новобранцев на курсах где-то под Новосибирском Дед Гриша был из семьи раскулаченных и сосланных из Красноярского края (из Сибири в Сибирь). Его отец, Фрол Евстафьевич Громов, умер в трудармии. Реабилитированы в 90-е.

В моём детстве дед Гриша был женат второй раз, снова на Шуре (Александре), держал овец и корову. Продавал нам, своим внукам, молоко. Ещё в его огороде мы сажали капусту. У других его внучек (от дочери Татьяны) была своя корова. А мы молоко покупали. Кроме деда - в магазине, куда ходили с бидончиком, или с банкой трёхлитровой к учительнице Римме Давыдовне, живущей на соседней улице, рядом с «мясным» магазином… «Здравствуйте-Спасибо-До свиданья». Только это я, воспитанная, но забитая девочка, могла выдавить из себя при встрече.

Сельское кладбище – его ласково называли «могилки» − на краю леса нас не пугало. Бывали там часто, навещали родственников. Мимо него по трассе ходили на небольшой лесной огород, «поля», где сажали картошку; и за грибами. Напротив кладбища находилась бензоколонка, где работала наша родственница тётя Зоя Маметьева, жена дяди Гани, мать сыновей-двойняшек Сашки-Сережки и кудрявой дочери Натальи.

Заслышав стрекочущий вертолет санавиации, пока он разворачивался над селом, бежали на стадион, где вертолёт приземлялся и забирал в город тяжелобольных или привозил врачей. Ещё время от времени над селом пролетали *зелёные* пожарные вертолеты – тушить горящую тайгу.

Рядом со стадионом, в березовой роще, располагалась открытая деревянная эстрада-танцплощадка. Как оказалось, на месте бывшего кладбища. Не обсуждалось, кстати, почему там такая бугристая земля.

Как-то сидели вечером на стадионе, слушали концерт. И вдруг над нами по тёмному небу проплыл «ковер-самолёт» НЛО – гигантский скат, взмахивая плавниками. Подружка Маришка скосила на меня круглые глаза: «Ты видела?!» − «Угу». Мистика.

Через реку Чулым перебирались летом на пароме, зимой – по «зимнику», бревнам, вмороженным в лёд. Распутица сулила приключения − не добраться в город (из города). Как-то, уже в студенчестве, опоздав на последний автобус (и поезд) до родного села, заночевали с

подругой в Асино (семь километров до Первомайки) в крайней избе. Хозяйка-старушка, как выяснилось утром, всю ночь не спала, положив топор под кроватью – боялась нас, и мы тоже не спали – боялись старушку.

БАБА ШУРА

В казённый «восьмиквартирник» мы переехали после смерти бабушки. Мамина мама, баба Шура (Александра Андреевна Громова, в девичестве Куочакова), сибирячка, прожила недолго. Помню смутно, как бабушка сидела на пороге избушки и расчёсывала свои длинные тёмные волосы.

По версии дедовой раскулаченной родни, баба Шура была красавица и гуляла от деда. Я бы её красавицей не назвала: скуластое лицо, прищуренные глаза. К тому же дед Гриша после развода женился снова, а бабушка так и осталась одна. Но застолья она любила и отлично пела. Сохранилась чёрно-белая фотография застолья: бабушкин оранжевый абажур, зависший над праздничным столом. Освещённая еда (винегрет, картошка с капустой) − в центре, поющие лица в тени, вокруг. В общем, едоки картофеля на сибирский лад.

Вся «исашная» родня по бабушкиной линии любила петь и готовилась к этому действу, как к обряду. Поев-выпив и перекурив, рассаживались поудобнее вокруг стола, подбирались-настраивались и запевали сразу на несколько голосов. За бабушкины «коронки» после её смерти не брались, но всегда вспоминали: «Это Шурина песня». Так я долгие годы не слышала «*Сронила колечко со правой руки. Заныло сердечко о милом дружке…».*

Когда после песенных застолий мы с мамой и сестрой возвращались домой, снег под валенками скрипел особенно празднично, загадочно светили звезды, сказочно синели сугробы. Избы уютно подмигивали оранжевыми окошками из-под заснеженных крыш набекрень. Во мне долго звучал слаженный хор мужских и женских голосов, я чувствовала себя частью большой семьи и одиночество на какое-то время отступало.

Бабушка умерла, едва выйдя на пенсию. Этот солнечный майский день врезался в мою память. Мне было девять лет. Мы жили в крохотной бабушкиной избушке, состоящей из комнаты и кухни. Моя пятилетняя сестренка спала. Мама что-то готовила на кухне. Я там же, у печки, стирала в железном тазу свои оранжевые носочки.

Бабушка, лежавшая в комнате после онкологической операции, бредила во сне: «Юбки, юбки-то что разбросали…». Шумно и тяжело дышала. И однажды вдохнув, не выдохнула. Мама тотчас послала меня за бабушкиными подругами, работавшими поблизости на стройке. Прибежав туда, я ничего не могла сказать от душивших меня слёз, но женщины и так всё поняли…

КВАРТИРА

Итак, мы с мамой и сестрой примерно в 1971 году поселились в квартире в центре села. Квартира наша в бюджетном «восьмиквартирнике» на первом этаже была угловая, двухкомнатная, распахнутая окнами на две стороны. Кухонное окно смотрело на дорогу в проулок. Два других – в общий огород, где каждой семье полагалась узкая полоска грядок (огурцы, лук, морковь). Из маленькой прихожей коридор вёл направо на кухню. Из коридора − вход в большую комнату (зал), а из неё в маленькую комнату (спальню-детскую).

Обстановка − спартанская, мебель стандартная. В зале у окна стол обычный (не письменный) рабочий (мама за ним проверяла тетради, готовилась к занятиям); по периметру комнаты: шкаф книжный, диван, шифоньер. Позднее в угол встала журнальная тумба с телевизором. В спальне: высокая кровать с металлическими спинками, диван, вместо стола у окна тумбочка, за которой мы делали уроки; рядом бабушкин сундук с вышитыми полотенцами, навязанными впрок носками-варежками и облигациями, наклеенными на крышку. В детстве я наивно грезила, что в этом сундуке копится моё приданное.

Над диваном висела копия «Пионов» П. Кончаловского. Над кроватью – очень реалистично вытканный коврик с Красной шапочкой и Серым волком…

На кухне у окна круглый стол, слева холодильник, сервант. В полу посередине кухни крышка входа в подполье. Великое дело в деревне. В подполе хранились овощи и другие припасы нашей семьи и соседей со второго этажа, из квартиры над нами. Там жила учительница английского Валентина Афанасьевна с мужем и двумя сыновьями.

В квартире везде лежали самотканые дорожки – «половики». Печка своими тёплыми боками объединяла жилое пространство. В зал выходила духовка, где можно было сушить валенки, и дремал кот.

В грозу молнии сверкали во всех окнах, и спрятаться от их зловещего блеска и треска грома можно было только в коридоре. Помню шаровую молнию, шнырявшую по спальне и исчезнувшую так же внезапно, как и появилась. В грозу разрешалось спать на полу детской, где было не так страшно.

Шифоньер был светлый, округлый, вместительный. В одежном отделе можно было запросто играть в прятки, а в ящиках рыться в поисках маминых сокровищ – между постельным и нижним бельем там были припрятаны документы в пупырчатом ридикюле цвета бордо, рядом мешочек с шоколадными конфетами (убывающими якобы незаметно для мамы), а также брошюра о гигиене женского организма (источник запретных знаний).

Радиола, цвета соломы, прочно стояла на бабушкином сундуке. Радиола – это такой ящик деревянный, анфас заткан золотистыми нитями, сверху – проигрыватель для грампластинок, снизу − радио.

Радиола не только с удовольствием рокотала голосом Марка Бернса «Тёмную ночь» и «Витьку с Моховой», но и перебрасывала радиомосты. Покрутив ручку настройки, с небольшим скрипом передвигаешь рычажок по зелёным строчкам чисел и букв. И сквозь писк и треск помех прорываются слова на разных языках… Чудеса, да и только!

От бабушкиной иконы при переезде исчез оклад. Сама икона – на картонке написанная Богоматерь с младенцем − обнаружилась годы спустя. Бабушкина этажерка, что стояла в «красном углу» её домика под иконой, тоже исчезла при переезде.

Тогда же потерялась мандолина. Википедия сообщает, что на мандолине играют медиатором, пальцами, а также птичьим пером! Как жаль, что мама умерла, и я не могу спросить её, пробовала ли она в заснеженном северном селе Подгорное, куда её отправили работать по окончанию педучилища, играть на мандолине птичьим пером – утиным, гусиным или сорочьим… Сохранился медиатор – рыжий пластмассовый лепесток и фотография, на которой весёлая мама позирует с мандолиной в компании молодых подгорненских учителей.

***

Александр Сергеевич Таразанов

Александр Сергеевич Таразанов родился в 1954 году в Томске. Служил в армии. Окончил Томский коммунально-строительный техникум. Работал электриком, кочегаром и т. д.

Первая публикация прозы состоялась в интернет-журнале «Наша улица» Юрия Кувалдина в 2015 году. Постоянный автор журнала «Начало века». Выпустил два сборника рассказов «Ангел Наташа» и (детский) «Кирины истории».

Лауреат международного литературного фестиваля «Балтийский гамаюн» в 2020 году. Живёт в Томске.

МИШКА И МАШКА

Зима в сибирской глуши. Лагерь Ш-879, затерявшийся в Приангарье. Прошла вечерняя перекличка, и вся толпа зэков змейкой расползлась по баракам. Дверь четвёртого барака открылась, и с клубами пара предстал лейтенант Дцахиев, стройный молодой красавчик. И баритоном с акцентом прокричал:

– Хрулёв, на выход! К начальнику!

Мишка Хрулёв, худощавый шатен, молодой человек лет двадцати семи, встал и пошёл. «И зачем этому толстому борову я понадобился на ночь глядя?» – соображая, шагал он по территории, всё ближе приближался к домику, где находился начальник лагеря капитан Миронов. Подошёл и постучался. Без робости открыл дверь, вошёл, и с порога вымолвил:

– Гражданин начальник, заключённый номер одна тысяча семьдесят шестой прибыл по вашему приказанию, – снял с головы шапку, стал ждать, что скажет ему краснощёкий толстяк с короткими ногами, капитан Миронов.

– Вот что, Хрулёв, сходишь в соседнюю деревню и отремонтируешь леспромхозовский генератор-дизель до утра. Чем быстрей, тем лучше, – и капитан замолчал.

– Разрешите идти? – Хрулёв повернулся к выходу, ничего не услышав в свой адрес, вышел. Следом за ним вышел лейтенант Дцахиев, обогнав его, припустил до самого выхода из зоны. Там, на выходе, должен он отдать пропуск на Хрулёва, чтобы того выпустили за ворота.

Уже час как шёл Мишка Хрулёв по просёлочной наезженной дороге, которая вела к реке. Пока шёл, вспоминал как о себе, так и о своих родных. Отец его, Николай Степанович Хрулёв, когда-то окончил железнодорожный институт, и его как хорошего специалиста и российского поданного послали на обслуживание К. В. Ж. Д. в Харбин. В этом городе и родился Мишка. Две его сестры успели благополучно выскочить замуж и жили обе в Подмосковье. Старшая, Варвара, высокая и худющая шатенка, работала учительницей. Муж её, Сергей Петрович, работал в райкоме партии. У них уже выросли две дочки, Лиля и Лена, они сильно походили на мать. Средняя сестра, Татьяна, крупная, высокая дама, жила с мужем, Евгением Филипповичем, который работал инженером на секретном заводе, там же работала она бухгалтером. Детей они не имели. Была ещё и младшая сестра, Ариша, которая заболела и умерла в младенчестве. Мать его Нина Сергеевна никогда не работала. Состояла домохозяйкой, хотя у них имелась прислуга. На выходные дни мать её отпускала, та уходила по своим делам, зато они всей семьёй отправлялись обедать в ресторан. Как помнит Мишка, для него это был большой праздник. Особенно когда ему покупали пирожное, в котором был особенный вкус. Так они и жили в Харбине.

Мишка подходил к реке. Смутно видно, как близлежащие деревья и кусты стояли в инее. Зима нынешняя суровая. Из черноты небесной выплыл молодой месяц, немного осветил землю. Блёстки серебра заблестели вокруг. Тишина обманчива. Мишка остановился и замер. Ему показалось, что вдалеке кто-то говорит. Он двинулся дальше.

Перешёл почти всю реку. Уже когда подходил к берегу, увидел: кто-то на нём копошился, говорил и плакал.

– Эх, язви тебя! Ну чего… встала? Давай, пошла, кому говорю! – услышал Мишка, когда перед ним встали сани с небольшим стогом сена, возле которых крутилась молодуха крепкого телосложения в старом полушубке и укутанная в платок. Она держала вожжи и тянула на себя, лошадь стояла на месте, как вкопанная, и не двигалась ни взад, ни вперёд. Преградой перед ней являлся крутой дорожный взгорок, уходящий в таёжную глушь прибрежья.

– Так дело не пойдёт, – проговорил Мишка.

– Ой, напугал! – И молодуха к нему обернулась.

– Такую, как ты, напугаешь! – скривил губы Мишка.

– Слушай, помоги! А я тебя отвезу, мне ехать в Сухой Лог, – с надеждой глянула она на Мишку.

– И мне туда же, – и он взял вожжи. – А теперь уши заткни, я тебя прошу.

Он такой выдал мат и так стеганул лошадку, что та пулей вылетела на вершину взгорка. Молодуха даже рот открыла.

– Ну ты даёшь! – восхитилась она Мишкиным поступком. – Раз ты идёшь в нашу деревню, залезай, я подвезу.

Мишке ничего не оставалось, как сесть рядом с ней, и сани тронулись в путь.

Пока ехали, молодуха всё о себе рассказала. Вдова, один ребёнок. Сегодня у председателя колхоза взяла лошадку, чтоб привезти сена. Ездила на остров, и собрала что могла. До замужества жила в глухой деревушке. Пятым ребёнком была в семье. В шестнадцать с половиною лет вышла замуж. До войны успела родить. В первый год войны потеряла мужа. В общем, всё как у людей. Мишка не вытерпел и перебил свою спутницу:

– А зовут-то как тебя? – И он искоса глянул на неё.

Молодуха не сразу ответила. Она сидела, правила лошадкой.

– Почему, не знаю, но в деревне меня зовут Машкой Ангаркой, мы потомственные ангарцы с верховья Ангары, остальные пришлые, – неохотно ответила она.

– Гм, если тебя зовут Машкой, то меня в лагере называют Мишкой Профессором, – неодобрительно проговорил он. – Кстати, я еду к вам ремонтировать дизельный генератор, что там и как, я не знаю, – на этом он замолчал.

Мишку с Машкой розвальни вывезли в чистое место. Вдалеке замаячили деревенские дома, в некоторых из них в окнах видны отблески от горящих свечек или лучин.

– Ну вот мы и приехали! – вздохнула Машка. И тихо въехали в сонную деревню, где даже не слышно было лая собак. Над ней висела пустая тишина. Они проехали по главной улице в самый конец, оставляя за собой след полозьев.

– Тпру!.. – Сани остановились у неказистого дома, Мишка соскочил, подошёл к двери и постучался. Ему никто не ответил.

– Марк Петрович, наверно, с Кузьмой на задах деревни, где стоит дизель-генератор, – решительно сказала Машка. – Окромя Кузьмы никто в деревне в дизеле не разбирается, – продолжила она. – Видимо, на этот раз что-то серьёзное в нём, раз тебя вызвали, – и она замолчала. – Знаешь что, поехали, тебя же ждут.

Машка снова подсел рядом с ней, и сани тронулись вперёд. Выехали за околицу, буквально в нескольких десятках метров чернел сарай с открытыми воротами, где возле агрегата копались два мужика. Два факела горели с двух сторон, освещали внутренность сарая.

– А вот и я! – И Мишка предстал перед мужиками. Они подняли головы и посмотрели на него. Тем временем Машка развернула сани, и сани тронулись в обратный путь.

– Марк Петрович, так это тот самый, который нас всегда выручал. Я его сразу узнал. – На обросшем лице Кузьмы появилась улыбка. – Да, вы не знаете, он, как профессор, в нём запросто разберётся.

– Так ты говоришь, что он, как профессор, разбирается? – ухмылка появилась на лице у Марка Петровича. – Подойди и посмотри, в чём причина. – И он отошёл в сторону.

Мишка, не раздумывая подошёл и стал осматривать весь генератор, ощупывать его своим взглядом. Взяв факел, произвёл тщательный осмотр электропроводки. На концах увидел окисление наконечников. Попавшимся ему под руку гвоздём соскоблил этот налёт как мог. После чего тумблером включил, генератор завёлся, но, проработав несколько минут, заглох.

– Короче, Марк Петрович, мне от него нужна электросхема, и ещё понадобится несколько дней, чтоб с ним разобраться. Я потом объясню, и поясню Кузьме, – и Мишка внимательно посмотрел на Марка Петровича, а потом на Кузьму.

Марк Петрович сразу понял ситуацию, в какой оказался он как заведующий леспромхозом.

– Мне нужно с твоим начальством переговорить насчёт тебя, – неохотно ответил он. – Сколько тебе ещё сидеть? – Марк Петрович посмотрел на Мишку.

– Три месяца осталось чалиться.

– Вот я тебя на три месяца и заберу. А перед тем, как отсюда уйдёшь, ещё и откормлю, вижу, какой ты худой. А сейчас пойдёшь к Машке на постой, я тебя к ней отведу, – и он уверенно вышел из сарая, следом за ним пошёл Мишка.

Они прошли почти половину деревни, Марк Петрович остановился возле небольшого аккуратного дома. Подошёл, постучался, занавеска на окошке колыхнулась. Скрипнула дверь, и они вошли в дом. Прошли сени и очутились в тёплой, натопленной комнате. Их встретила хозяйка.

– Слушай меня, Коноплёва, – официально обратился к ней Марк Петрович. – Я привёл к тебе постояльца, пускай у тебя поживёт. Дело, я тебе скажу, очень серьёзное, отнесись и ты серьёзно, я прошу, – и он вышел.

Мишка остался.

– Ой, не знаю, куда тебя положить, если только на печь, – и она легонько его подтолкнула к печке. Мишка не выдержал и съязвил:

– А может, рядом с собой положишь и согреешь? – и заулыбался во весь рот.

– Ух ты, размечтался. Там, на печке, есть подушка, старенькое одеяло, и полушубок лежит. На него ложись. Если думаешь, я одинокая, так можно и понаглеть? Мне нужна любовь, а не то, что вы, мужики, хотите от меня. – И она ушла, легла на койку, где спал её пятилетний сынишка. Тем временем Мишка расстелил себе постель, разделся, лёг, и сразу заснул.

Утром Мишка сонный растянулся и открыл глаза. Во мраке избы стояла тишина. Аккуратно слез с печки и подошёл к окну. Оно выглядела обледенелым, Мишка протёр от льдинок стеклину, через неё увидел, как рассветает январское утро в Сухом Логу. Заскрипела пружинистая кровать, Мишка оглянулся. На него пристально глядел сероглазый мальчуган лет пяти, он сидел на кровати, свесив босые ноги.

– Дядя, а ты кто?

– Дядя Миша.

– А я Серёнька. Мамка пошла в контору растапливать печку, а меня оставила дома.

Он только успел о себе сказать Мишке, как в сенках кто-то затопал, открылась дверь, и вошёл Марк Петрович, даже не отряхнул с валенок снег.

– Ох и упёртый капитан, кое-как его уговорил, оказывается, ты расконвоированный, остаёшься у нас до конца своего срока. Позавтракай, я жду тебя на месте, – и вышел. Только сейчас Мишка обратил внимание на стол, чайник и ломоть хлеба, оставленные посредине столешницы. Он подошёл, сел на лавку. Взял ломоть и стал его откусывать, понемногу жуя, проглатывая маленькие куски. Закончив, взял чайник и через носик запил. Тем временем мальчуган оделся, заправил койку. Мишка начал собираться, надел замызганную телогрейку, натянул на голову старую шапку. Подошёл к сапогам, намотал портянки и сунул поочерёдно в каждый сапог. У двери оглянулся и подмигнул мальчугану. Вышел. Пока шёл, вспомнил, когда его брали в Омске. (Сослали до ареста туда на пять лет.) Работал он там, на местной фабрике электриком. Жил у пожилой хозяйки, она ему на глазах чекистов сунула мешочек табака в карман. Он не курящий был и стал отказываться. Мудрая хозяйка ему сказала, что пригодится…

Три часа Мишка возился с генератором. Наконец включил тумблер, и он заработал. Отработал несколько минут, отключился. Мишка снова полез в нутро генератора. Он внимательно осматривал каждый провод, особенно концы и их соединения. Кузьма хоть и крутился рядом, но попусту не затевал лишних разговоров. Уже начало смеркаться.

– На сегодня всё. Баста. – Мишка, вытерев чистой тряпкой руки, запачканные в масле, отошёл, глянул на генератор. Он и Кузьма вышли из сарая, закрыли дверь на засов. – Завтра понадобится электросхема к нему, скажи Марку Петровичу, – проговорил Мишка, шагая по тропинке.

Мишка вошёл в избу. Встал у двери и любовался Машкой. Синеглазая, высокая, статная брюнетка, лебедь-красавица из сказки. Только передвигалась она как-то странно, как бы

ковыляла, но, несмотря на свой недостаток, выглядела для здешних мест просто ангарской красавицей. Она обернулась:

– Ой! Ты опять меня напугал.

Мишка промолчал. Разделся, прошёл, сел к столу. На улице стемнело.

Мишка сидел и ждал. Уложив сына спать и что-то успев ему сказать, она подошла к столу, зажгла лучину. Отошла к печи и принесла ломоть хлеба и три картошки в мундирах, положила их на стол. Снова отошла и принесла стакан самогона с капустным листом.

– Только не торопись. Самогон шибко сильный. Выпьешь, отогреешься с мороза, – и она ему улыбнулась, села напротив.

Мишка залпом выпил и крякнул. Захрустел капустным листом. В голову сильно ударило, но понемногу в теле почувствовал блаженство. Мишка сходу съел две картофелины и ломоть хлеба. Одну картофелину решил оставить, встал, и уже было направился к печке. Ноги не слушались, Мишка чуть-чуть не упал. Машка подскочила и придержала его, крепко обняла, повела к печке. Помогла залезть наверх. Лёжа на печке, почувствовал тёплое дыхание: рядом с ним легла Машка. Мишка провалился и уже ничего не помнил. Уснул быстро.

Утром Мишка открыл глаза, Машка лежала с ним рядом и крепко его обнимала, она открыла глаза и сладко поцеловала его в губы.

– Мама! – донёсся голос Серёжи. Она молча слезла с печки и прошла к нему. Что-то ему шепнула, поцеловала в лоб. Легла рядом. Наступила тишина.

Мишка снова закрыл глаза. Уснул. Через какое-то время открыл глаза, в избе светлее стало. И никого не было дома. Мишка слез с печи и начал одеваться. Открылась дверь, и появилась улыбающаяся Машка.

– Ну и как спалось со мной?

– А ты думаешь, я помню? Самогон всю память отбил.

– Подожди, я рассола капустного дам.

– Так давай, чего болтать.

Машка прошла к печке, оттуда принесла полную крынку рассола, подала Мишке. Он взял и несколько глотков выпил, вернул крынку Машке. Она унесла её назад, подошла и улыбнулась ему.

– Вечером готовься. Буду любить. – И помогла ему одеться. Они вышли из дома, но пошли в разные стороны. «И чего она во мне нашла? Красавцем я себя никогда не считал. В Харбине внучка белого генерала на меня, помню, пялилась, но это было давно. Сама белотелая, голубоглазая и пухленькая. Светловолосая, грудастенькая. Голубая кровь, белая кость. Наверное, замуж выскочила, такие, как она, в девках долго не сидят. Помню, на пересылке одна девчушка-комсомолка меня просила сделать из неё женщину. Сделал. Гнусно получилось, но получилось, сам стал мужиком», – шёл и думал Мишка.

Снова полдня провозился с электросхемой. Нужен специальный прибор. А где его взять? Срочно нужно съездить в район, на подстанцию. Там наверняка дадут. Мысли переплетались в голове. Хотя можно из простой батарейки для фонарика сделать подобное приспособление. Мишка обратился к Кузьме:

– У вас есть бытовой фонарик?

– Фонарь есть только у Марка Петровича в конторе.

– Вот завтра я схожу к нему и посмотрю, что за фонарик.

– Сходи. Обязательно сходи, если надо.

– Ладно, пошли домой.

Закрыв дверь сарая, они пошли по тропинке. Пока шли, не обмолвились ни единым словом. Возле Машкиного дома попрощались.

Раннее утро. Мишка лежал, не хотелось вставать, тишина как-то нагнетала личные воспоминания. Он вспомнил, как ехал в гости к тёте Лизе. В Иркутске на вокзале подошли трое с суровыми лицами и предъявили ему свои удостоверения. Он сразу всё понял и пошёл с ними.

Потом ему предъявили, что он шпион и работает на японцев. Когда его брали, выглядел франтом. Кожаный длинный плащ, фетровая шляпа и белый шарфик – чем не иностранный агент. Короче, десятку себе обеспечил за наряд. И, лёжа сейчас об этом вспоминал, и горько смеялся сам над собой. Десятый год пошёл, как тянет лямку. Мысль перебилась, нужно вставать и идти делать агрегат.

Неделя прошла, как Мишка находился в Сухом Логе. С дизелем пока не разобрался. Несколько раз разбирал электросхему, внимательно осматривал изоляцию проводки. Повреждений там не находил. Сегодня Марк Петрович обещал привезти из района прибор, которым наверняка можно проверить замерами все технические характеристики дизеля-генератора. Кузьма, как страж, постоянно находился с ним рядом.

После обеда Марк Петрович действительно привёз долгожданный прибор. Мишка замерял и записывал, после чего подсчитывал. По результатам всё сходилось к одному, что всё в норме. Оставалось замерить провода на цельность. На проводе, которым был соединён датчик прибора контроля, Мишка нашёл излом, от которого, видимо, и капризничал в режиме работы сам агрегат. Наконец Мишка включил тумблер, и дизель-генератор затарахтел, проработав ровно час. После чего Мишка его отключил. Подошёл Марк Петрович.

– Вижу, что получилось у тебя.

– Если сильно захотеть, получится, мне всегда так говорил отец.

– Умный он у тебя.

– Да, инженером был на железной дороге.

– А почему был?

– Да он у меня староватый и больной.

– Понятно.

– Может, поэтому и заставил меня выучиться на электромеханика. Я техникум закончил.

– Ну, ты себя оправдал. На сегодня всё. Кузьме завтра объяснишь, что почём.

Марк Петрович ушёл. Кузьма с Мишкой собрали инструменты и прибор, разложили по местам. Закрыли сарай и двинулись по домам.

Было первое марта 1952 года. Последний день пребывания Мишки в Сухом Логу. Они с Машкой сидят за столом.

– Может, останешься? – И она с мольбой в глазах глянула на него.

– Нет, не могу, отец при смерти. Мне письмо передали из лагеря. Может, потом вернусь, не хочу тебе врать, – и отвернулся, наступило молчание.

Встал, вышел не прощаясь. Закинув за плечи вещевой мешок с провиантом, Мишка двинулся по улице. Вышел на дорогу. «Баба она вроде порядочная. Только какая-то замкнутая, порой с ней трудно разговаривать», – думал он, быстро шагая к лагерю, чтоб забрать справку об освобождении.

Мишка благополучно дошёл до лагеря. Получив справку, пошёл назад к реке. Шёл долго, увязая по выпавшему снегу. Дошёл до реки. Перешёл. Уже на взгорке вспомнил.

«Здесь всё и началось у меня с Машкой», – с грустью подумал он и решительно шагнул налево. «Если бы не отцовская болезнь, может, по-другому повернулось бы у нас», – вновь подумал Мишка, но прибавил ходу. Уже темень настала, хоть глаз выколи, успеть бы до районного центра дойти. Он снова торопливо зашагал в темноту…

***

Осенним погожим днём на лавочке возле дома сидела пожилая супружеская пара.

– Скажи, до каких пор Машка будет сюда ходить? Я тебя спрашиваю?

– Одинокая женщина, ей хочется поговорить.

– С кем?

– К примеру, хотя бы со мной.

– Кроме «да», я ничего путного от неё не слыхала, а ты перед ней, как на трибуне, выступаешь! Ладно, я пошла перебирать овощи в кладовке.

Клава, охая, встала и, не торопясь, тихо ступая, пошла в дом.

Тайна – она всегда существовала у двоих из этой троицы.

Мишку, когда он поехал навестить отца, на вокзале арестовали, снова отправили в лагерь на пять лет. Умер Сталин. Отпустили по амнистии. Поехал искать Машку, не нашёл. Встретил знакомого, они когда-то вместе чалились, тот уговорил остаться в посёлке Зайцево, где проживал. Мишка остался. Встретил Клаву и с ней стал жить.

А что касается самой Машки, она уже несколько лет жила в самом конце того же посёлка, в котором прижился Мишка.

Как-то раз Мишка встретился с ней, она прослезилась и всё о себе ему рассказала.

После его ухода, она долго одна жила, лет двенадцать назад один охотник за неё посватался, но как-то ушёл в тайгу и не вернулся. Мужики-охотники ей потом рассказали: нашли ствол с ремнём от его ружья. С тех пор она одна так и живёт. Сын вырос, в город уехал. Там и семьёй обзавёлся. Несколько лет назад переехала в Зайцево, так как закрыли леспромхоз в их родной деревне Сухой Лог.

Мишка не хотел ничего говорить жене о своём прошлом, да и о её жизни не любопытствовал, ни к чему, как он считал. Зачем Клаве знать, рассуждал он, если взял её с девчонкой, значит, так и надо. Клава женщина ответственная, но ревнивая. Правда, она родила ему Колю, в честь своего отца назвал. А вот с Машкой другая история. Она тоже родила, но девку. Светой назвала, с его отчеством. Красавицей выросла – в мать. Только закончила десятилетку, сманил её приезжий вертолётчик и увёз с концами.

Может, Мишка так долго бы сидел, вспоминая, но потянуло прохладой. Он съёжился, встал и прихрамывая пошёл в дом.

Октябрь оголил деревья. Листва под ногами шуршит напоследок. Сегодняшний день неприятный, но только для Мишки. Вчера похоронили Машку. Даже на могилке он ничего не сказал ей на прощанье. Он сидел возле её домика и молчал. Вышла из дома шустрая, невысокого роста, соседская тётка Капитолина с лучезарной улыбкой.

– Так вот, Миша, у неё, оказывается, в погребе штук пятьдесят банок варенья и соленья. Что с ними делать, ума не приложу.

– Не заморачивайся, тётка Капитолина, выкинь.

– Как это выкинь? Маша ждала дочку. Сергей погиб в Афганистане, ты, поди, не знал. Он каждый год к ней приезжал со своими друзьями, они отдыхали и помогали. Она мне о вашей любви перед смертью всё рассказала.

– А что, это имеет значение? – он ухмыльнулся.

– А ты не ухмыляйся. Любовь дело-то серьёзное, – и на её лице пропала улыбка, появился строгий вид.

– Так, я понял, больше мне ничего не говори.

– Нет, скажу. Дочь должна приехать, прислала телеграмму.

– Приму как положено. Не сомневайся.

Тётка Капитолина недовольно покачала головой и пошла в дом. Мишка остался один со своими мыслями: снова Клава выкинет какой-нибудь фокус. Зрелая женщина… чего ревновать меня к кому-то. Пойду расскажу ей всё, пока не поздно. Рассуждая, он встал и заковылял в сторону своего дома.

Он уже подходил к дому. И издали увидел, как у дома стояли две женщины и о чём-то разговаривали, поглядывая в его сторону. Когда Мишка подошёл, то увидел, как ему показалось, перед ним стояла живая и молодая Машка. От такой неожиданности он перекрестился, но услышал от этой женщины:

– Здравствуй, папа! Я Светлана, дочь твоя. – И она не сдержалась, бросилась на шею, заплакала. Он обнял её, стал гладить по голове.

– Да… Я твой отец. – И скупые слёзы выступили на Мишкином лице.

Вот такая состоялась странная встреча у него с дочкой. Клава стояла рядом и молчала, не встревала в эту встречу между отцом и дочерью.

Декабрьский день. Сегодня как-то особенно крепчает мороз на Мишкиных похоронах. Вокруг пустой могилы с забитым гробом стоит большая толпа народу. Вышел краснощёкий мужик в полушубке, без головного убора, и стал говорить о Мишке.

– Михаил Николаевич жил и работал с нами, вечная ему память. Пусть земля ему станет пухом…

Наступила тишина. Опустили гроб в могилу. Послышался глухой стук, замёрзшие комья глины стали стукаться о крышку. Забросали могилу полностью и поставили крест. Народ стал расходиться. Только две женщины остались стоять. Там, где на памятнике фигурировала фамилия Коноплёвой Марии Серафимовны, угрюмо стояла женщина среднего возраста, а пожилая, вся в слезах – возле свежей могилы с крестом. У каждой на душе было своё, женское, тяжёлое.

Небо прояснилось. Появилось солнце. Погода улыбнулась на прощание над погостом.

Ирина Александровна. КИСЕЛЁВА (теперь Сердюк)

О себе

Родилась и выросла в Красноярском крае, на реке Ангаре. В нашем посёлке базировалась крупная геологоразведочная экспедиция и работало много выпускников томских вузов. Выпускники-геологи привозили с собой жён – учителей, врачей… Так что общая атмосфера жизни была совершенно особенная – благодаря высокому проценту людей образованных. И школа была сильная потому же. Училась я успешно, особенно по русскому-литературе и по математике. По поводу будущей профессии долго голову не ломала: в учителя не хотела категорически, в журналистику тоже – не мой характер нужен; геологию запретили родители. Так что в Томск я ехала целенаправленно – в ТПИ, на модную и перспективную, как тогда казалось, специальность «прикладная математика», куда и поступила без проблем, набрав с превышением очень солидный проходной балл несмотря на малое число пятёрок в аттестате и обогнав многих городских отличников. Это я к вопросу о качестве образования и, соответственно, о тяге к творческому самовыражению. А геология… Геология и геологи остались со мной на всю жизнь. Не только друзьями, песнями и воспоминаниями, нет! Окончив институт, я работала программистом именно в этой отрасли: сначала в «Томскнефтегазгеологии», потом в СКБ СПО НПО «Нефтегеофизика». О как! Так что день геолога считаю своим праздником и отмечаю всегда.

Однако я забегаю вперёд. В самый первый день в Томске, придя заселяться в общежитие, увидела кучу рюкзаков – и, конечно же, мимо не прошла. Познакомилась, расспросила, и, поступив учиться, поступила и в факультетский клуб горного туризма – душа томилась в городе и требовала романтики. Первый серьёзный поход был по Горному Алтаю, с того, собственно, стихи и начались (ещё в школе пробовала я писать прозу, но со временем поняла, что это – не моё). Занималась в литературных объединениях, печаталась – в «Молодом ленинце», конечно же, в родных «За кадрах»; позже были публикации и в журнале «Сибирс-

кие огни», и в альманахе «Огни Кузбасса» (в Кемерово мы были гостями на областном семинаре молодых литераторов, были хорошо приняты, выступали даже на телевидении – удивительный контраст с любимым Томском, где как-то очень со скрипом пробивали себе дорогу молодые – кто чем…). Была и в столице, тоже на семинаре, уже всесоюзном, удостоилась маленькой публикации в альманахе «по итогам», и – всё… Творческих людей в Томске всегда было много, денег мало, а собственного издательства и вовсе не было. В новосибирское же члены СП и те своей очереди годами ждали, где уж нам уж…

Отчасти, может быть, из-за этого всего поэтический пыл как-то приугас, да и жизнь стала подкидывать проблему за проблемой: родились дети-погодки, а тут – перестройка, безработица… Лучше не вспоминать, каково пришлось тогда. Однако пережили. Нашлось применение отличной школьной подготовке по русскому: десять лет проработала в газете корректором, при этом на меня была возложена практически и редакторская, то есть стилистическая правка материалов. И тяжёлая же это работа, скажу я вам! Молодые выпускники ТГУ(!) настолько безграмотны – просто диву даёшься: в моей школе больше тройки по русскому они бы не имели, честное слово! Это к вопросу о профильном и непрофильном образовании и о профессионализме, да и просто об отношении к своему делу. Верстал же нашу газету тоже политехник (и тоже поэт) Александр Рубан. А ещё он верстал разные книжки, в том числе поэтические. Он мне и помог в этом деле. Впрочем, сначала друзья-походники стали меня на эту тему теребить: доколе, дескать, твои стихи будут только на листочках жить? Потом прошёл юбилей города, разные мероприятия, и я с изумлением убедилась, что стихи мои многие помнят, несмотря на двадцатилетнее моё отсутствие в «тусовке». И опять же поступали вопросы – почему до сих пор нет книжки… Вот я и призадумалась. И стоило начать шевелиться – дело сдвинулось: объявили подписку, собрали деньги, за это время мы с Рубаном подготовили рукопись, через давнего приятеля (опять же!) нашла художницу – и очень скоро я уже держала книжку в руках. Не скрою, была мысль: поздно, мол… Но так уж сложилось. Вот и вся автобиография. Остальное – в стихах.

Ваша И.

ПРИВЕТ ПОДРУГЕ

Прабабушка моя, Ирина Дорофеевна, выдана была за вдовца с шестью детьми. Отгуляв свадьбу, – как положено, осенью, – мужик, забрав старших парнишек, отбыл на заработки – вывоз леса. Оставив шестнадцатилетнюю молодуху в недостроенном (без полов и окон) доме. Двум девкам-подросткам «в церковь не в чем было выйти» – платьев не было, только рубахи. Молодая хозяйка не растерялась – продала пару лошадей, которых держали на смену, наняла плотников, пошила девкам платья...

С маленькими, понятное дело, проблем вообще не было.

Приехал хозяин к Рождеству – всё понял.

Дальше всё было, как у всех – пахота, дети, зимой – ремесло. Народила прабабушка много. Не все, конечно, выжили, но всё равно имён не хватало. Мою бабушку, родившуюся 6 мая, должны были крестить Александрой, но ведь в семье были уже два мальчика и две девочки с этим именем…

Крёстная хотела Зинаидой, а батюшка упёрся – «не положено». Ну тут и крёстная упёрлась: «Лёд пройдёт – увезу в Каменку, там окрещу».

Батюшке, понятное дело, заработок терять не хотелось. Но ледоход на Ангаре задержался, и они договорились. Бабуля к этому времени уже немножечко подросла, и сразу проявила характер – когда окунули в купель, уцепила попа за бороду, чем он был чрезвычайно недоволен. Этот бабушкин характер виден на фотографии, где она со старшими сёстрами стоит, как самая главная. Мне кажется, что там казачий след какой-то – две паненки, две чалдонки, а она особенная.

* * *

Пою. Улыбаюсь.
Часы тороплю.
Я просто ЖИВАЯ.
Я снова люблю.

* * *

Не теряйся, прошу бога ради!
Столько было тяжёлых потерь!
Я по жизни бежала не глядя –
Мало сил остаётся теперь.

И зима уже не за горами,
Всё короче становятся дни,
Всё прохладнее небо над нами…
Отогрел –
Так и не обмани!

* * *

…А я тебя видела добрым.
А ты – оказалось – жесток.
Наверно, то был уж последний
Цветка моего лепесток.
Исчез, унесённый порывом
Осеннего ветра, во тьме,
Желание лишь вполовину
Исполнить успев…
Или нет?

* * *

Всем назло у нас получится
Рядом медленно стареть:
Погулять вдвоём по улице,
Телевизор посмотреть,
Ожидать по воскресениям
Внуков в гости – на пирог…
И принять всё как спасение,
Не искать иных дорог.
И доверить другу чуткому
Сны нелепые свои,
И поверить, что не в шутку он
Говорит мне о любви,
И уткнуться утром ласковым
В благодарное плечо…
Молодёжь!
В такую сказку вам
Не поверить нипочём.

ПОДАРОК

Подари мне вечер зимний
С тихим снегом на весу,
Вдалеке напев старинный,
Тропку тайную в лесу,
Домик малый в два окошка,
Чтобы в нём, храня уют,
Пела печка, пела кошка:
«Тут счастливые живут».

* * *

Какие песни пел, маня!
Да прочь бежала:
Ведь свет свечи при свете дня
Нелеп и жалок.
Бессилен, как унылый дождь,
Стучащий в крышу…
Я вспоминаю:
Ты зовёшь,
А я не слышу.
Себя не слышала тогда.
Такое дело…
Но вот прошли уже года.
Я поседела.
Одна.
Всё реже в мою дверь
Друзья стучатся.
А ты?
Как ты живёшь теперь?
Надеюсь, счастлив.

* * *

Бабье лето по городу кружит –
В синем платье, в горжеточке лисьей,
А душа и скорбит, и недужит,
Не пьянея от запаха листьев.
Терпко пахнет вино молодое,
Сигарета тихонечко тлеет…
За столом нас могло быть и двое,
Да, пожалуй, одной веселее:
Ни вздыхать безнадёжно-влюблённо,
Ни молить, ни скандалить не надо,
Ни ловить, трепеща оскорблённо,
Унизительно беглые взгляды.
Не вернёшься уже.
Скоро полночь.
За окном и безлунно, и ясно.
Не скажу тебе больше: «А помнишь?» –
И берёза кивает согласно.

* * *

Я не спорю с тобой.
Ни о чём.
Не хочу.
Я хочу быть податливой,
Ласковой, робкой.
Что бы ты ни сказал –
лучше я промолчу
и на кухню пойду
деловитой походкой.
Притворюсь, что пора
пену с супа снимать,
или что-нибудь вроде того…
Ну, неважно.
Важно только одно
до конца понимать:
нам поссориться –
вот что действительно страшно.
Ни о чём и ни с кем
я не спорю теперь –
споры, ссоры
рифмуются ведь не случайно.

Я такой не была никогда,
уж поверь.
А какою была –
пусть останется тайной.
* * *
Миллионы дождей
Между мной и тобой прошумели.
Ты неведомо где.
…Еле видимо, слышимо еле
Проступаешь в ночи,
Незнакомой рубашкой белея…
Если хочешь – молчи,
Всё равно ощутимо теплее
Мой становится сон,
Угадавший твоё приближенье
По дыханию мне в унисон,
По твоим угловатым движеньям…
Нет, присядь! Прикоснись!
Упрекни за былые романы,
Но слегка: все они
Безнадёжно бледны и туманны…
Дай поглажу вихор!
Ты был рядом со мною все годы.
Наш безмолвный ночной разговор
Будет – ясно же – не о погоде.
Что случилось с тобой?
Может быть, ты теперь мне расскажешь?
Неужели любовь –
Обязательно горечь и тяжесть?
Неужели нельзя?..
Впрочем, я говорила, ты знаешь.
…Ты отводишь глаза.
И –
теперь навсегда –
исчезаешь.
* * *
…Приникаю к тебе.
Привыкаю
К полудетским капризам твоим.
Каждым нервом в тебя проникаю.
Ты забудешь, что был нелюбим
И что был не однажды обманут…
Всё плохое я прочь отгоню.
Тени прошлого – в прошлое канут.
Улыбнись наступившему дню!
Мы обнимемся скоро.
Сегодня.
Или завтра – пускай, не беда:
Эта осень – весёлая сводня –
Нас сосватала уж навсегда.
Сколько нам этой жизни осталось?
Даль туманна, да ноша легка!
Приникаю к тебе.
Стосковалась
По заботливым сильным рукам.
* * *
Приснился сон.
Такой красивый!
Слушай:
Как будто нам с тобой по двадцать лет.
Мы, за руки держась, бежим по лужам.
Пусть хлещет ливень – нам и горя нет!
Я – в сарафане, ты – в рубашке белой,
Смешной, лохматый… Я – ещё с косой…
Пусть наша юность порознь пролетела, –
Жизнь одарила светлой полосой.
Мы молоды опять: глядим на звёзды,
Любуемся закатом на Томи…
Любить, как видно, никогда не поздно,
Лишь надо душу чистой сохранить.
Когда ты рядом, дорогой, – надёжный,
верный, –
Не тяготят прошедшие года!
Вторая молодость ничуть не хуже первой.
Она ещё счастливей иногда.
* * *
Как странно день начать
без твоего привета!
Но я не плачу, нет.
Я знаю: он придёт.
Сперва на телефон –
подобием рассвета,
А позже – стуком в дверь.
И вот душа – на взлёт.
Протянешь руки мне,
мои – губами встретишь…
А может, поворчишь,
как своенравный пёс.
Ворчи, ворчи… Ужо
потом за всё ответишь.
Ответишь молча мне
на каверзный вопрос.
* * *
Милый город!
Очнись от беспечного сна,
И послушай меня, светлоокий:
Мне сегодня лицо опахнула весна
Тёплым ветром от крыльев широких.
Всё ещё предстоит: ещё тронется лёд,
Разродятся набухшие почки…
А потом, словно сон, лето вмиг промелькнёт –
Жарких дней золотые цепочки.
…Словно только вчера гром весенний затих,
А глядишь – сеногнои запели.
Скоро в тёплой тиши переулков твоих
Закипят золотые метели.
И – проси не проси – всему время своё,
Поредеют кудлатые кроны,
Урожай соберём,
У костра попоём
Мы в кругу самых добрых знакомых.
И прольётся гусиный встревоженный крик
На луга, на холмы, на дороги…
Вот и всё.

И настал тот торжественный миг –
Вот и снова зима на пороге.
* * *
Где вы другой найдёте город
С такой счастливою судьбой:
Четвёртый век – и вечно молод –
Цветёт над Томью голубой.
Наукой славен он издревле,
Наследник царственных Афин.
И бродят сказки и поверья
По узким улочкам глухим.
Учёный муж и вольнодумец –
Седые помнит времена.
В камнях дворцов и в щебне улиц
Хранит великих имена.
…Громады университетов
И вкось летящий вечный снег,
Сквозные просини проспектов
И тишина библиотек…
Музей? Да нет – речист и крепок,
Он мыслит, строит и поёт,
И в нём, заложена от века,
Неуспокоенность живёт.
Не первой мною он воспет,
И не последней – точно знаю.
Но в наших душах чистый свет,
Зажжённый им,
Благословляю.
* * *
Ничего про нас ещё не зная,
Взглядывая пасмурно в глаза,
Молодая, ветреная, злая
Наплывала с запада гроза.
Сдержанно, томительно кружила,
Подходя и отступая вновь.
Что-то жутковато ворожила,
Полдень оборачивая в ночь.
Наконец – накрыла, ослепила,
Подтолкнув друг к другу – не дыши!
Приголубила – или сгубила? –
Две такие разные души…
* * *
Тяжко платье облегло
дорогое…
Муж-то ласков, да сама
холодна.
Что же спел ты в этот вечер такое,
Прознобившее до самого дна?
Что-то в голосе твоём
полусказкой
Полусбывшейся
на сердце легло,
Неосознанной,
угаданной лаской
Прозвенело –
как звезда
о стекло.
Мы старинному послушны напеву.
Проводи –
я эту сказку люблю
Белокурую свою королеву
К седовласому её королю.
Тихо кончился –
весёлый ли? –
вечер,
Тихо начался –
счастливый ли? –
год.
Ах, король!
Сюжет печален и вечен.
Ничего уже Изольда не ждёт.
* * *
По зеркалу проспекта –
К беспамятству шаги.
А в небе – ни просвета,
И впереди – ни зги.
То дождь в лицо, то ветер,
То снег – как толокно…
А где-то – знаю – светит
Знакомое окно.
Потерянно и нервно
Бреду, себя кляня:
Там ждут кого-то, верно.
Теперь уж – не меня…
…Пришла.
В проулке этом
И ветер поутих.
И тёплый коврик света
Лежит у ног моих.
Войти?
Чего бы проще?
Но страсти притуши:
Огнём хоть целой рощи
Там не согреть души.
Хоть смейся, хоть заплачь, а
Наказана она –
За то, что (не собачья!)
Не до смерти верна.
Живу ведь. Не скучаю
Конкретно по нему.
Войти?
Спросить бы чаю…
Да поздно.
Ни к чему.
* * *
Я знаю, что я пропала.
Назад меня не зови.
Звезда голубая пала –
И полно петь о любви.

Как будто согласно пели,
И жили почти в раю,
Да, видно, павлиньих перьев
Не нашивать соловью.

И ты не кляни, бледнея,
Отчаянную меня:
Мне, может, стократ больнее –
Черно в душе от огня.

Черно в небесах, озонно…
Бог знает, куда лечу –
Ведь крылья – не по сезону
И плащик – не по плечу.
* * *
Одинокость мою унесу
И зарою в прозрачном лесу
Возле корня, струящего сок
По стволу, что упрям и высок.
Дёрн колючий приглажу рукой:
Словно не было – горькой такой.
Пусть она, когда тронется лёд,
Одинокою любкой* взойдёт.

**Любка, ночная фиалка – одна из немногих орхидей наших лесов. Никогда не образует зарослей, встречается только поодиночке*.
* * *
Последняя истаяла звезда
В пределах досягаемости взора.
О, сколько было высказано вздора!
О, как легко проститься навсегда!
…Пока ещё не больно – горячо,
А боль подступит завтра.
Или позже.
Все аргументы спутает, низложит,
Исполосует душу, как бичом.
Она ещё отравит, истомит
В грядущие неласковые зимы…
Пока ещё постигнуть предстоит,
Как друг без друга нам невыносимо.
* * *

31 мая

Ветви голые горестно вскинули
К небу серому тополя.
Ах, весна!
Поманила и сгинула.
Обнажённые стынут поля.
Где-то ливни бушуют над городом,
Где-то даришь кому-то цветы –
Загорелый, с распахнутым воротом,
Молодой, лёгкий на ногу – ты.
Иль бредёшь одинокой дорогою –
Вспоминая? тоскуя? любя?
...Ветер волосы холодно трогает.
Постарела я тут без тебя.
Снова ночь моей болью проколота,
До рассвета промаюсь без сна...
В мире холодно,
холодно,
холодно,
И никак не наступит весна.

* * *
Губами – к виску
И к ресницам солёным
На долю мгновенья –
И взором зелёным,
Калёным, как сталь,
Полоснуть по виску,
Чтоб знал: всё, что «после» –
Дорога к концу.
Какое жестокое, жуткое знанье –
Страданья,
На миг ощущая страданье,
И непоправимость,
И невозвратимость…
Скажи мне,
зачем эта горькая милость –
Поверить, осмыслить,
что довеку врозь
С тем, что с ветвями,
корнями срослось
Так поздно понять,
Что была-то судьбою
Кто дал тебе право
решать за обоих
теперь никогда
никогда никогда…
какое на выдохе горькое «да»
как эхо –
лавинам, обвалам, бомбёжкам –
одно:
невозможность
озябшей ладошкой
слезу утереть
и заплакать самой
от непредставимости
доли иной.
Было – немыслимо,
Стало – реально:
Встречи короткие
Официальны,
Взгляды – колючи,
Издёвки – смешны
Мы
Больше
Друг другу
теперь не нужны?
Одуматься – просто.
Покаяться – поздно.
Отплакали вёсны
Осыпались звёзды.
Время излечит
Разлука остудит
Кто-то, быть может,
Здраво рассудит:

Долг не вернула,
Дурой была:

Принца кудрявого
Не родила.

ПЕРЕД ВОСХОЖДЕНИЕМ

…Всё стало невесомым и не главным,
Прочь отошла мирская суета,
И только – ввысь взлетающая плавно
Волнующая линия хребта,
Заря вполнеба над пустынным миром
И холод, прикоснувшийся к щекам,
И – путь, что ляжет сдвоенным пунктиром
По этим пламенеющим снегам.
* * *
…Был тяжек он, и сладостен, тот день:
Ведь позади горела от заката
Вершина, нами взятая.
Светилась,
Как пирамида тёмного стекла
С фонариком внутри.
Спускался вечер,
И далеко внизу темнела кромка
Зубчатого хребта.
Там – жизнь, там – люди…
Туда мы шли, проваливаясь в снег,
Устало поправляя рюкзаки.
Стемнело скоро,
И крохотным, но вечным маяком
Возникла там блистательная Сотис,
И что-то нам такое намерцала,
Что вечно не забыть мне этой ночи –
Молчанья старых пихт, скрипенья снега,
И нашего молчанья на привалах,
Естественного, лёгкого молчанья
Усталых тел, усталых губ и глаз,
Усталых нервов…
Иней на ресницах
Дробил весь мир на тысячи осколков,
Мешая снег и звёзды…
Мы дошли.
Каким блаженством было окунуться
В тепло, в уют продымленной избы,
И тут же, у порога, опуститься
На свой рюкзак,
И слышать отдалённо,
Как бы сквозь сон,
Чужие песни, смех,
Расспросы…
Что-то даже отвечать…
И, словно чудотворную икону,
Принять в свои
Из незнакомых рук
Четвёртую
Дымящуюся кружку.

Александр Александрович Толкачёв

Александр Александрович Толкачев родился Томске 26 апреля 1949 года. После окончания средней школы два года работал на заводе ГПЗ-5 художником-оформителем, после службы в армии учился на актёрском факультете Томского музыкального училища и одновременно был принят актёром в труппу Томского драмтеатра. Двадцать лет служил в разных театрах страны актёром. Член Союза театральных деятелей.

Окончил заочно филологический факультет ТГУ. Один из тех, кто первым возрождал казачество в Томской области.

С 2015-го редактирует историко-информационный краеведческий иллюстрированный журнал «Казаки за Камнем». На сцене театра «Скоморох» поставлена пьеса «Ни одного неграмотного!» о П. И. Макушине.

Написаны и изданы следующие книги:

1. Двухтомник прозы «Пасынки Родины»,
2. Двухтомник «Пьесы»,
3. «Верить и ждать».
4. В серии «Библиотека Дальневосточного казачества» вышли рассказы, повести и пьесы в

нескольких сборниках.

5. Издавался в журнале «Казаки» г. Москва, «Казаки за Камнем» г. Томск и др..

6. Печатался в нескольких выпусках книг «Время выбрало нас» (о советских солдатах на войне в Афганистане), г. Томск.

Написано более 40 пьес.

В настоящее время всё ещё редактор журнала «Казаки за Камнем», пенсионер.

Афганец

Очерк из книги «Дорога к дому через войну, готовящейся к печати. Рисунки автора.

Игорь Васильевич Осипов родился в городе Отрадный, Куйбышевской области, но учиться в школе начал в городе Тобольск Тюменской области, потому что его отец был нефтяник и не сидел на одном месте, постоянно меняя прописку в паспорте. А вместе с ним меняла прописку и вся семья. Так во второй класс Игорь пошёл уже в школу №5 в городе Томске, что находится рядом с Воскресенской церковью. Двухэтажное кирпичное здание школы 1911 года постройки на улице Октябрьская, в начале 20 века в нём располагалось Третье мужское высшее начальное училище.

Их квартира находилась в районе телецентра, в доме, где раньше обитал рыбный магазин "Океан". До школы было недалеко и ходил он туда и обратно пешком, узнавая и влюбляясь в старинный сибирский город.

В школьные годы любил гонять с друзьями летом футбол, а зимой шайбу на стадионе. Состоял он тогда в заводской команде "Старт" при заводе «Сибкабель». В школе занимался ещё и лёгкой атлетикой. Спортивный был мальчишка. Время тогда такое было, на все увлечения его хватало с лихвой.

Кроме учёбы и спорта успевал Игорь играть в ВИА на ударной установке. Их школьный ансамбль оказался не из слабых и его часто приглашали в другие школы играть на танцах. 24-я и 3-я школа-интернат были их постоянными клиентами. На разных городских и областных конкурсах ансамбль входил в тройку лучших, но первое место всегда, почему-то, доставалось Дому пионеров.

Когда подошло время готовиться к армии, Игорь совершил три прыжка от ДОСААФ на аэродроме в с. Головино. К самолётам он на нефтяных северах привык с детства. Даже из Тобольска с семьёй и домашними вещами летели самолётом.

Из-за переезда в Томск мать сменила профессию, последним местом её работы стал Химфармзавод.

В семье была ещё младшая сестра, но она умерла уже во взрослом возрасте.

До армии Игорь успел поступить в Томский техникум общепита, откуда и ушёл в армию.

В Афганистане рядовой Игорь Осипов служил с 1984 по 1985 годы. Призвался в Томске 10 октября 1983 года, демобилизовался 18 октября 1985 года.

В Афганистане Игорь Васильевич награждён медалью "За боевые заслуги", впоследствии награждён многими юбилейными медалями Советского Союза и России.

Ранен.

Учебка

- «В Фергане, куда привезли группу томского призыва, определили в артполк, в третью доблестную зенитную батарею.

Распорядок рабочего дня в учебке был жёстким.

В 5 часов утра комбат мог поднять батарею по тревоге и организовать пробежку до летнего лагеря, где мы часами катали туда-сюда нашу зенитку ЗУ-23, словно играя в игру «К бою!.. Отбой!».

Обратно в Фергану могли идти пешком по полной выкладке 12 километров в любую погоду.

Несмотря на тяжёлые условия обучения, в Афганистане мы всё же оценили свою закалку, полученную в Фергане, с очень хорошей стороны».

Плюсы и минусы службы "за ленточкой"

- «Конечно, в Афганистане не всё было с плюсом. Была и наркота и водка, были и мелкие нарушения дисциплины.

Водку приносили с собой наши патрули. Брали её в легальных магазинах за солдатские чеки. Но этот поток был просто ничтожен. Командиры умели с ним бороться, как и с нарушителями воинской дисциплины.

Наш городок в Афганистане был огорожен от всякой напасти внешним рядом обычной колючей проволоки, второй ряд - внутренний - был из проволоки "паутинки". И уже в самом конце моей службы был поставлен надёжный бетонный забор. Пройти такие заграждения было трудно без спецподготовки.

Заметил такую особенность. В Фергане мы ходили в самоволку в магазин за конфетами и горячими узбекскими лепёшками прямо из тандыра. Сам выход за пределы учебки тщательно готовился целой группой отважных «салажат», но в магазин геройски шёл только один под внимательным наблюдением всей группировки жаждущих сладенького и горяченького, готовых в любой момент подать герою сигнал опасности. Магазин-то был за забором части, в нескольких метрах от казармы. И попасть в него можно было только перелезая через забор. Сладкое, почему-то, больше всего хотелось в первое время службы. Просили родителей высылать конфеты, печенье, которые потом делили всем взводом поровну. Раскладывали кучки и всё, что присылали, делили поштучно всем, не взирая на то, чей ты, откуда или какой национальности.

А вот в Афгане пытались больше достать уже что-нибудь запретное. И часто в одиночку, что грозило подчас большими неприятностями искателю приключений.

Первый бой или "войнушка"

- В августе 1984 года наш расчёт ДШК и 1-ая батарея управления капитана Силуянова ушла ранним утром на "зелёнку" с десантом. Десант шёл на "зелёнку", а мы должны были подняться на "горку" повыше для круговой поддержки пехоты.

Нам общиной помогли забраться на «горку», и мы на ней в тревожном ожидании простояли до утра. Под утро снялись и ушли на броню. Столкновения не состоялось, душманы были предупреждены и исчезли в горах с появлением наших вертолётов. Стоянка духов была пуста.

На следующей "войнушке" на «горке» наш расчёт простоял недели полторы. Немного даже постреляли... Всего таких "войнушек" у меня было не больше трёх, остальные выдвижения из гарнизона связаны с конвоем колонн с боеприпасами, продовольствием и личным составом.

Ранение

Во время одного из сопровождений колонны в соседний гарнизон, "Урал" Игоря, в кузове которого стояла зенитная установка ЗУ-23, подорвался на мине.

Вероятно "Урал" сошёл с колеи или же итальянская мина с нажимным взрывателем сработала на заданное ей сапёрами духов определённое число нажимов. Такую мину солдаты называли "надувной" или "резиновой". Каждое нажатие на мину накачивало в неё воздух и последний качок воздуха давил на взрыватель. Так случилось, что мина сработала под средним (вторым) колесом машины, Игорь находился в конце кузова.

Когда произошёл взрыв, машину развернуло на месте...

Хорошо, что обошлось без "двухсотых", были только "трёхсотые". Игорь получил ранение в ногу и лёгкую контузию.

Зенитчиков с ЗУ-23 брали на операции для облегчения передвижения в горах, а ДШК и треногу (детали установки) всё равно тащили на себе трое зенитчиков. Однако десантура и здесь была недовольна - отстают зенитчики.

Игорь провёл в дивизионном госпитале полтора месяца. на какое-то время стал прихрамывать и его перевели в РМО (рота материального обеспечения).

Служба в Афганистане продолжалась. Но только теперь он не охранял колонны, а развозил с ребятами по тем же точкам продукты, воду, боеприпасы уже как пехота. Иногда под охраной своих бывших друзей зенитчиков.

- Наш полк считался боевым. «Войнушки» с его участием случались постоянно, «двухсотых» и «трёхсотых» избежать было невозможно. За время службы погиб и наш томич Палкин из 5-ой роты. Как, и где - не знаю, не помню. Мы были с ним только мельком знакомы и служили в разных ротах».

Дембиль

- «Демобилизовали нас как-то случайно, можно сказать, даже экстренно. Обычно деды ждут несколько недель, мучаются, томятся перед встречей с родными, с Родиной, время для них тянется медленно, а тут... Быстро собрали всех дембелей в кучу в Кабуле, посадили в самолёт «Ту-134» и вот он, Ташкент - Советский Союз.

Хотел вначале съездить к родственникам в Самарканд, потом всё же решил рвануть домой.

На гражданке жизнь шла уже другая. Нужно было встраиваться в неё с малыми потерями.»

Решил окончить техникум общепита, из которого его забрали в армию, осмотреться, что происходит в стране и с профессией «технолога приготовления пищи» начать гражданскую жизнь в новом нарождающемся государстве…

Осмотрелся, и поехал в столицу поступать в медицинское училище, учиться на массажиста. Поступил и шесть лет работал по специальности далеко от столицы и родного города.

При очередном возвращении в Томск, целый год проработал в Афганском центре массажистом, помогая однополчанам в лечении различных заболеваний, полученных на войне.

Ещё по возвращении из армии в Томск, сразу нашёл военно-патриотические клубы. Познакомился с такими же афганцами, вернувшимися домой – Владимиром Казимировичем Кравченко, Андреем Викторовичем Сологубом, Сорока Александром Васильевичем, Шаминым Николаем Васильевичем и другими ребятами.

Не забыл и небо. На аэродроме в Головино совершил 12 прыжков с парашютом, на 13-м "тормознул". Каждый парашютист сам укладывает свой парашют и тем самым за его правильную укладку отвечает своей жизнью. А тут случилось так, что какой-то курсант собирал парашют, но очень торопился куда-то, бросил не закончив укладку, и ушёл. Игорь, не проверив толком парашют, что было грубейшим нарушением правил подготовки к прыжку, пошёл с ним к самолёту.

Хорошо, что инструктор, отвечающий за прыжки, проверил укладку и отстранил Игоря от полёта.

Вот после этого Игорь решил, что пора проститься с небом. Ему был дан сигнал об этом свыше.

Вторично в столицу приехал снова из Томска, где работал с ребятами из театра Больших кукол, который они организовали сами и были довольно хорошо известны в родном сибирском городе, особенно среди малышей, постоянно участвуя в утренних детских передачах на томском телевидении и праздничных представлениях.

Время было трудное, безденежное. Мозги работали только на одно: где заработать?

- «Так случилось, что в поисках лучшей доли пришлось трудиться в столице даже с двойниками Ленина и Сталина на Манежной площади. Мы с женой, фотографом, смогли получить официальный легальный бизнес на Красной площади и даже стали хорошо зарабатывать до поры и времени. Но это особая история.»

Бизнес

В настоящее время Игорь Васильевич называет себя предпринимателем, но с большими оговорками.

Во-первых, он только сейчас начинает свой бизнес. Во-вторых, долгов больше, чем прибылей. Вдвоём с женой они едва сводят концы с концами в финансовых ведомостях. Правда, как бы то ни было, небольшой павильончик с импортной парфюмерией семья содержит. Парфюмерия не из Польши или Одессы с Малой Арнаутской, а из Турции, Франции и Швейцарии. Товар от настоящих хозяев марки товара.

Так случилось, наверное, потому что в далёкой молодости Игорь погулял по миру достаточно. После Афганистана окончил Московское медицинское училище №14, стал классным массажистом и его сразу взяли массажистом в дочернюю фирму Газпрома на Кипре, где он проработал целых шесть лет. Естественно, за эти годы он побывал во многих странах Запада, завёл интересные знакомства, кое-что повидал и узнал.

Когда начались события на майданах на Украине, отношение к русским стало ухудшаться, да и от работы мастер стал уставать. Считается, что крайний срок службы массажиста без ущерба своему собственному здоровью - шесть лет. Потом могут появиться профессиональные болезни...

С друзьями и сослуживцами Игорь Васильевич встречается в Афганском центре на праздничных встречах афганцев и на общегородских митингах. Со многими ребятами перезванивается, старается не терять связь.

В настоящее время Игорь Васильевич женат, сын помогает в бизнесе, у него двое внуков: мальчик и девочка.

Обида

- А всё началось с того самого ушлого северянина. Помните, был фильм «Архангельский мужик»? - спросил Пётр Аксёнов, оглядывая собравшихся за столом гостей. - Напомни, про что это? - Витька Карпухин, круглый, лоснящийся от самодовольства мужик, с маленьким

носом-пуговкой на лице и большим ярким галстуком на широкой груди, подозрительно уставился на Петра Аксёнова голубенькими глазками.

- Да того мужичка давно уже раскулачили, давно в Нарыме гниёт. Точно! «У нас это быстро делается!» — громко и зло сказал Пётр Фёдорович, человек громадного роста, с бельмом на правом глазу и громовым командирским голосом. Ещё одна внешняя особенность его заключалась в том, что был он всегда слегка пьян и потому вечно имел оранжевый цвет лица. - Таких кулаков надо всех в кулаке держать. Вот так!

И, несмотря на жену, дёргающую его за рукав, показал, как бы он это сделал. А кулак у двухметрового Петра Фёдоровича был огромный.

- Дурак ты, тёзка! - незлобно проворчал Пётр Аксёнов. - Таких мужиков выращивать нужно как элитную пшеницу. Законом охранять!

- Да фильм-то про что? - занервничал Витька Карпухин, любивший всегда быть в центре внимания и в курсе всех событий, происходящих здесь ли, рядом, или же хоть в самом московском Белом Доме. Фильм он не видел, и это выводило его из себя: что-то интересно-скандальное прошло мимо, а он не имеет об этом понятия.

- А про то, - загрохотал голосом Пётр Фёдорович, - как кулаки верх над нами берут! Это что же такое получается? Они в колхозе работать не хотят, хотят на своей ферме вкалывать.

А мы им помогать должны, законом охранять? Может, их в Красную книгу вписать прикажешь?

- Да не кричи ты, не кричи! Глухих нет! - попыталась успокоить мужа жена, знавшая привычку Петра Фёдоровича орать по любому поводу и в любой обстановке, как на строевом плацу.

- А ты подумай, почему он на колхозной ферме ишачить не хочет? Почему на хутор рвётся? - неожиданно завёлся и Пётр Аксёнов.

- Да потому, что денег ему в колхозе, видите ли, мало платят! А на своей ферме - заметь: на своей! - он по тысяче рублей в месяц выколачивает, кулак! Типичный кулак-мироед!

- Нет, ты постой! Он что ворует эти деньги? - разозлился Аксёнов.

- Нет! - рявкнул Петр Фёдорович. - Но лучше бы он воровал, это было бы мне понятнее: несознательный элемент. А тут ведь другое... Ты знаешь, чем пахнет?.. На колхозной ферме ему работать не нравится, он свою строит! Ишь, фермер нашёлся, капиталист! Да за такие дела...

- А что в этом плохого? - Всё плохое. Неизвестно до чего мы так докатимся. Позиции сдаём, позиции... Никакого коммунизма такие не сделают, всё по своим участкам растащат. А ему, этому кулаку, шею-то уже свернули. И другим свернут, дай срок. Мне верные люди точно сказали... И правильно! Понимаешь, - обратился Пётр Фёдорович за помощью к обиженному невниманием Витьке Карпухину, - директор совхоза ему говорит: не стройся там! А он: хочу и строюсь! Где порядок? Порядок где, спрашиваю? Распустились без хозяина!

Пьяные глаза Петра Фёдоровича налились кровью.

- Так разве лучше, если пятьсот коров тысяча колхозников выращивает? Он же один с семьёй шестьдесят бычков держит. Один!

- Держал. Запомни это: держал! А к ним и работника ещё впридачу! Да, работника! Чистейшей воды капитализм в стране развели... Ты вот на меня посмотри, покумекай, как я свою жизнь прожил. Ведь на мне всю историю страны можно изучать, как на экспонате. - Пётр Фёдорович большим языком облизал пересохшие губы. - До войны колоски в поле собирал, с голода пух. Потом война. После двадцати лет армии пришёл майором домой, а жить негде. Но я не ныл! Построился. Сам построился, никто не помогал. Хоть деньги нищенские получал, а хату слепил не хуже других. И детей вырастил. Я горбом деньги зарабатывал, кровью, пролитой за родину, а о таких тыщах и слышать не слыхивал. Это у меня сейчас военная пенсия 200 рублей, заработок приличный. А тогда?.. А он, понимаешь, дай ему!.. И сразу всё дай: деньги, технику, жизнь красивую. Волю... Я бы ему дал, кулаку, волю!

- Какой же он кулак? - попытался ещё раз пробиться к сознанию Петра Фёдоровича Аксёнов.

- А такой!.. Ферму имеет на шестьдесят бычков? Имеет. Работника держит? Держит. Власти не признаёт? Не признаёт. Сам себе голова. Вот он и есть форменный кулак. Деньгу лопатой гребёт!

- Ну и что? Он же своим трудом всё зарабатывает. И работник у него не работник вовсе, а компаньон, в доле с ним поровну. Это же понимать нужно... Тебя послушать, Пётр Фёдорович, так к коммунизму быстрее всего с нищенской сумой прийти можно. С ней все равны. Все беспортошные!

- Да что ты так за него вступился? Брат он тебе, сват?.. Мы таких живоглотов на фронте... быстро в расход пускали. Нечего воздух портить, понимаешь!

- Да, на фронте... - подхватил знакомую тему Витька Карпухин. - На фронте мы бы такого... Вот, помню, случай был…

***

Дальше Яков Алексеевич слушать не стал, тихонько поднялся и вышел из-за праздничного стола. Ухода его никто не заметил, потому что был Яков Алексеевич всегда тих, неприметен во всём, и никогда и ничем не привлекал к себе постороннего внимания. Споры не любил, в склоки не ввязывался, и жизнь его текла на глазах людей ровно, ничем не примечательно. Вот, пожалуй, только одеждой выделялся он среди сверстников, умением держаться с достоинством в самых невероятных ситуациях. Одевался он, можно сказать, даже модно, со вкусом, не присущим подавляющему большинству людей его поколения. Солидность, достоинство же его были обманчивы, так как многие принимали за них его холодную молчаливость, сдержанность при посторонних и начальстве и присущее ему некое созерцательное отношение к жизни, отчуждающее Якова Алексеевича от мелочности бытия. На вид ему можно было дать и пятьдесят, и шестьдесят лет, всё зависело от того, какое сегодня было настроение у этого странного человека: если весёлое, то выглядел он моложе, если чем-то был расстроен, то как бы сжимался, усыхал всем телом, становясь старше своих шестидесяти пяти. Сюда, на день рождения Петра Аксёнова, пригласил его и жену Якова Алексеевича Анну сам именинник, старинный, послевоенный друг их семьи, единственный человек, к которому тянулся Яков Алексеевич всю жизнь, с которым был откровенным до конца...

Как-то так вышло, что, встретившись в сорок восьмом с Петрухой в санатории, где оба отлёживались, залечивая фронтовые раны и контузии, они потом не расставались все эти годы. Сорок лет - срок немалый, за это время они сроднились друг с другом, сдружились семьями, как не дружат и родные братья. С годами, правда, стали встречаться реже, но на именины, на Новый год, 7 ноября, Первое мая и, чего уж скрывать, на Пасху, Родительский день поочерёдно собирались друг у друга регулярно. В Бога они не верили, но была какая-то притягательная сила в том, чтобы собраться именно в Родительский день и вспомнить своих безвременно ушедших родителей, помянуть добрым словом всех усопших друзей, родных...

Была в этом потребность души, потребность в воспоминаниях, потребность в возвращении в прошлое... Обычно в такие дни никого из посторонних друзья не приглашали к себе. Им было хорошо в их маленькой компании, дающей им нечто большее, чем могло бы дать любое многолюдное собрание... Но всё же иногда Пётр любил собирать шумные застолья в свои именины, приглашая всех без разбора. Вот и сегодня собралась пёстрая компания, к которой никак не лежала душа Якова Алексеевича.

Больше всех из собравшихся Яков Алексеевич не любил Витьку Карпухина, болтуна и пьяницу, дожившего до седых волос, но так и оставшегося для всех Витькой. Витька считал себя великим художником, которого не признал мир, хотя сам не нарисовал ни одной путной картины и работал где-то цеховым художником-оформителем почти сорок послевоенных лет. Он нигде и никогда не учился, более того, считал, что многие таланты загубили свою самобытность «учёной схоластикой», выхолащивающей истинное вдохновение.

В его сумасбродной голове постоянно вертелись какие-то «гениальные» замыслы, прожекты, так и оставшиеся только замыслами, не покидающими черепной коробки их создателя. Все в округе считали его немного чокнутым, а уж когда под пьяную руку Витькин зять саданул его пару раз бутылкой по темечку, что-то совсем сдвинулось в его шальной голо-

вушке, и если он теперь пускался в рассуждения, то умному человеку лучше было его не слушать, тем более, что все разговоры, если они не касались искусства, Витька переводил на свои фронтовые эпизоды, в которых рисовал себя неимоверным героем. А Яков Алексеевич доподлинно знал, что всю войну просидел рядовой Карпухин В. Н. в штабе фронта на ВЧ. И единственный его боевой эпизод заключался в том, что он в составе группы сапёров случайно участвовал в подрыве одной фермы моста через Дунай. Моста, уже взорванного немцами, моста, мешающего нашим войскам наладить судоходство по реке.

И вот уже в который раз Витька сейчас, наверное, рассказывает утомлённым от бесконечного пересказа этой истории слушателям, как летели через его голову многотонные железяки, как страшно завывали они, как жутко было слышать взрыв многокилограммового заряда... Его пошлый цветной галстук наверняка сбился набок и вылез на пиджак, но Витька этого, как всегда, не замечает, и отчаянно жестикулирует руками, браво мотая седым чубчиком... Ещё, правда, он разнообразит свои фронтовые «подвиги» рассказом о женщине старшине, которая во время налёта авиации немцев прыгнула в окоп к Витьке, села ему на шею, повторяя: «Потерпи, браток, потерпи! Скоро налёт кончится», - и при этом от страха писала на рядового Карпухина на протяжении всей бомбёжки. После налёта, как уверял всех Витька, шея у него с неделю в одну сторону не поворачивалась, и от гимнастёрки мочой пованивало так, что штабные офицеры его к себе ближе чем на три метра не подпускали.

Но, слава Богу, он эту историю рассказывал уже не за столом и не при женщинах. Собственно, этими военными приключениями и заканчивалась вся боевая биография Витьки Карпухина, но иногда он демонстративно поглаживал колодку орденов и медалей на груди и многозначительно говорил, что не всё может рассказать о себе, так как и до сего дня многое держат в секрете про ту войну.

«Интересно, - думал всегда Яков Алексеевич, слушая Витькин трёп, - что ещё нельзя знать про ту бойню?.. Эх, люди, люди! Если бы вы все знали настоящую правду о той войне!..»

А на колодках у Витьки действительно было много всего, особенно медалей юбилейных. И это-то больше всего задевало Якова Алексеевича.

***

Как же так случилось, что он, прошедший войну с 10 ноября 1941 года и по... по тот роковой день 20 ноября 1944, когда военная судьба и вся его дальнейшая жизнь пошла под откос, он, который ещё во время войны носил на офицерской гимнастёрке восемь боевых орденов и медалей, не имел сейчас ни одной награды? Как? Об этом он никогда и никому не рассказывал. Разве что только жене, да Петру Аксёнову...

И зачем только Пётр пригласил этого Карпухина!

Стало зябко. Яков Алексеевич снял пальто, легкомысленно накинутое на плечи, надел его как полагается и даже застегнул на все пуговицы. Свежий ветерок с далёких гор шевелил волосы непокрытой головы, раскачивал тёмные ветки деревьев с комочками жухлых коричневых яблок, оставшихся с осени, за что Яков Алексеевич мысленно обругал Петра: зря добро пропадает. Ветерок нёс свежесть и прохладу с ледников, и Якову Алексеевичу приятно было стоять на крыльце дома Петра, смотреть на этот зимний сад, на горы, наполовину скрытые облаками, на сумеречное серое небо...

Заныло сердце. Яков Алексеевич достал валидол, пососал его, прислонился к дверному косяку, и снова вернулся мыслями в квартиру к Аксёнову. Отсюда было видно в окно всех, но не слышно, о чём же шёл разговор. Однако, зная собравшихся не первый год, можно было догадаться, что они там так жарко обсуждают...

«А ведь и правда дурак Пётр Фёдорович, - подумал Яков Алексеевич. - Какой, к чёрту, кулак этот «архангельский мужик»! Работник. Хороший работник! Такой, каких в тридцатых годах было уйма. И вот за то, что они, поверив в советскую власть, работали, не покладая рук и в колхозах, и у себя в хозяйстве, за то, что хотели жить и работать лучше, их вот такие Фёдоровичи в кулак зажимали. В кулак... Эх, жизнь!.. До каких пор у нас будут рубить сук, на котором сами сидят, до каких пор людей мучить?» ...

Яков Алексеевич вспомнил отца, вспомнил, как они ходили с ним по голому колхозному полю и, боясь, что будут застигнуты на нём каким-нибудь ярым законником, собирали колоски, оставшиеся на стерне, чтобы не умереть с голода, рисковали свободой, чтобы сохранить жизни ещё трёх девок, сестёр Якова, и матери...

А ведь всё было не так когда-то. Всё не так!..

Деревня Якова Алексеевича была вовсе не деревней, а старинной сибирской казачьей станицей, но об этом её жители старались не поминать всуе. Казачество было вне закона. Лишь мальчишки поздними вечерами вполголоса, а то и совсем шёпотом передавали друг другу старинные предания, услышанные от стариков, делившихся с внуками историей своих родов втайне от их отцов и матерей. Как-то Яков не выдержал и спросил отца об их родове, на что отец с горечью сказал:

- Хочешь жить, сынок, помалкивай, кто были твои деды. Времена нынче не те. Понял?

Конечно же, Яков всё понял, жизнь тогда заставляла понимать даже детей, что происходит в стране Советов, и о том, что он казачьего роду племени Яков помалкивал и в школе, и в армии, да и потом всю жизнь старался об этом не думать.

Хозяйство было у отца не малое, и жили они зажиточно по тем временам. Ну, как зажиточно? Была лошадь у отца, две коровы, земля, которую получил после революции от советской власти, новый дом - гордость семьи, сила у отца была. Молодой и здоровый мужик, он не боялся работы и тащил на себе крестьянский воз не просто так, абы-кабы, а для лучшей жизни, за которую дрался в партизанской армии Щетинкина и получил не одну рану... А вышло всё совсем не так, как мечтал отец, как виделось самому Якову... В начале тридцатых отца Якова Алексеевича приписали сначала к середнякам, а потом... А потом отец почувствовал, что лучше сматывать удочки самому, пока не увезли, взявши под белы рученьки, в Нарым или куда ещё подальше. Бросив в деревне всё, обосновался он с семьёй в небольшом городке с красивым названием Камень-на-Оби. Купил старый дом с крытым двором, устроился работать возчиком на промбазу... Но и сюда добрались, дотянулись завистливые люди...

Бежали ночью назад в деревню, бросив всё, что купил отец на новом месте: дом с крытым двором, скотину, мебель...

В деревне отца не принял его родной отец, дедушка Якова Алексеевича, боялся, что и его с сыном вместе заберут под одну гребёнку. Их же родной дом был полуразрушен, в нём были выбиты стёкла, снят пол. Вот-вот должны были прийти рабочие с соседнего маслозавода, чтобы разобрать дом на нужды предприятия. Даже ночевать семье было негде... И заболел отец в одночасье. С горя заболел. Утром они ещё с Яковом колоски собирали в поле на стерне, а вечером уже лежал отец пластом, и от дикой боли в животе не мог даже кричать. Вечером же отвезли его в больницу, сделали операцию. А утром он уже умер, не прожив и двух дней на родине в деревне. Какие-то комки в животе у него образовались... Может, нервные спазмы?

Мать, когда узнала об этом, взяла топор, пошла в свой дом и стала ждать рабочих с маслозавода. Те пришли, увидели совершенно дикую по виду бабу с топором, повернулись и молча ушли. Тогда пошла она к директору школы, который был районным депутатом, и тот написал письмо в райисполком, по которому вернули дом вдове и семье «бывшего красного партизана». Дед помог вставить окна, настелить полы... А было-то отцу всего тридцать восемь годочков отроду, мальчишка по нынешним временам. Ему бы жить да жить! Работать до хруста в костях, до ломоты в пояснице, детей подымать!.. А они его... Фёдоровичи...

Слезинка набежала в уголок глаза, защипала и глаз, и душу... Что-то в последнее время слезлив стал Яков Алексеевич, раньше был крепче, выносливее. Моложе был, наверное...

***

В армию Якова призвали ещё перед войной, во время событий на Халхин-Голе. В армию пошёл с охотой, как и большинство тогда, потому что это было почётно, это было выгодно деревенскому парню: профессию мог получить хорошую в армии. У Якова к тому времени семилетка была за плечами. Поэтому сразу же после прохождения курса молодого бойца отправили его на учёбу в школу сержантов, после которой служил он на самом горячем и

славном месте до войны - на Дальнем Востоке. На военные события с японцами он уже не успел, прибыл к месту службы к шапочному разбору, но всё равно просидел почти полтора года в укрепрайоне в условиях далеко не мирных. Сидели они глубоко зарытые в земляных норах, которые, как говорили отцы-командиры, были построены здесь со времён царя Гороха. Днём на поверхность не высовывались, чтобы не демаскировать занятые позиции. Война была буквально ещё вчера и, возможно, могла быть сегодня, сейчас, поэтому законы на территории укрепрайона были суровые. Ослушника ждало наказание, о котором знал каждый, давая подписку, что при появлении днём в расположении укрепрайона автоматически получал срок...

Там жилось сносно вообще-то. Можно было книжки читать в свободное от занятий время, не особенно мучили муштрой... Текла обычная мирная солдатская жизнь, к которой можно было легко приспособиться...

Через специально оборудованные щели офицеры присматривали в бинокли за противником на той стороне границы. Там внешне всё было спокойно. Но тишина на границе обманчива, и это тоже знали все. Многие видели в районе КВЖД неубранные белые кости и черепа, оставшиеся после 29 года. И никакие тарбаганы, бегающие, словно домашние кролики, по самой границе, никакие крестьяне, мирно обрабатывающие землю на той стороне, не могли усыпить острое чувство тревоги, чувство опасности, исходящее с той стороны. Да и позиции, на которых располагалось подразделение Якова, находились даже чуть впереди застав пограничников. Так что... приходилось ухо держать востро и днём, и ночью!

В горе-крепости были надёжно упрятаны наши самолёты, готовые в считанные минуты совершить боевой вылет для отражения воздушного нападения противника, повсюду под землёй хоронились невидимые днём пушки, войска... Лишь ночью укрепрайон оживал. Выкатывались на исходные позиции орудия, окопы и доты заполнялись бойцами, начиналось время обучения личного состава военному мастерству. Учились на совесть. Подразделение Якова готовилось отразить любое нападение противника. Укрепрайон был готов сделать это. Страна могла ответить на любую «провокацию» японцев. Японцев, но, как оказалось, не немцев.

***

...Осенью 1941 года приняли из кандидатов в члены партии. Потом, почти сразу после этого радостного для Якова события, их дивизию перебросили на запад. Ставка очень надеялась на хорошо обученные и вооружённые сибирские дивизии... Седьмого ноября 1941 года, едва успев выгрузиться из эшелона, дивизия Якова участвовала в Куйбышеве на параде войск, отправляющихся на фронт.

Яков хорошо запомнил присутствующих на параде: генерал Кошевой, некий генерал Лозовский, которого потом куда-то запрятал Сталин за выступления в печати о том, что, отступая, мы занимаем более выгодные позиции; Ворошилов, Калинин, и ещё какие-то генералы, имена которых выветрились за эти годы из памяти... Но зрительно он представлял себе и сейчас всё, что там происходило, довольно точно. Помнил все мельчайшие подробности того дня, накануне первого в его жизни настоящего боя: лица, настроение, детали одежды...

На городском ипподроме с трёх сторон поставили автомашины ЗИС-3, застелили их открытые кузова коврами, и на эту импровизированную трибуну бойцы подсадили по очереди всех выступающих перед войсками и всех принимающих праздничный парад.

Случайно Яков оказался совсем рядом с машинами, и даже слышал, что негромко говорили между собой собравшиеся там. Ворошилов, помнится, всё твердил, что сибиряки спасут Ленинград, что регулярная армия сейчас плоха, в ней нет настоящих боевых командиров. А Калинин, стоя за ним, говорил, что зато двадцать лет мы готовились к войне под мудрым руководством первого советского офицера и гениального маршала Клима Ворошилова. На это Ворошилов скороговоркой твердил, что всё исправит, всё оправдает...

Якова неприятно поразила нервозность и будничность перебранки легендарных народных вождей, словно речь шла у них о мелких недоделках при ремонте квартиры, а не о судьбах

миллионов, которые уже вступили в войну с фашизмом, подготовленные не так, как нужно было...

Не привык ещё тогда Яков Алексеевич смотреть на начальство без пламенного восторга в глазах, без слепого обожания в сердце, без подобострастного трепета в коленках...

После войны прошло уже сорок с лишним лет, а Яков Алексеевич так никогда и нигде не читал об этом параде войск в Куйбышеве. А чем он хуже московского? И там, и здесь люди после парада сразу шли в бой. И там, и здесь на трибунах были члены правительства. Нет, конечно, Яков Алексеевич понимал всё политическое значение парада именно в столице Родины, в Москве, но... Парад в Куйбышеве был его парадом седьмого ноября 1941 года, как и он сам был частичкой этого парада на краю пропасти, которую готовила стране фашистская Германия. Этот праздничный парад 1941 был частичкой его личной военной жизни, в которой было не так-то много радостей.

***

Вначале дивизию Якова хотели бросить на защиту Калинина, но, когда эшелоны были ещё на пути к фронту, Калинин уже заняли немецкие танки, и через Тихвин дивизию бросили к Ленинграду. 10 ноября она приняла свой первый бой в Тихвинской операции, который не прекращался до первых чисел декабря. Дни это были страшные...

Ставка приказала любой ценой вернуть взятый 5-8 ноября 1941 года Тихвин, вернуть перерезанную немцами железную дорогу на Ленинград, чтобы спасти город от полной блокады. Поэтому столько и положили там ребят. Войска шли с марша и в бой, с марша и в бой!..

Кому рассказать, что пришлось увидеть и испытать - никто не поверит. Даже Синявинская операция, в которой позднее участвовал Яков, показалась ему менее ужасной. Да и как это рассказать, как передать? Память о войне - она живёт в неуловимых запахах, не всегда приятных ощущениях, привычке хвататься за оружие в опасных ситуациях... И в снах. И это, пожалуй, самое страшное воспоминание человеческого сознания о войне. Сон бывает неразборчив, бессюжетен, запоминается только одними мощными энергетическими толчками страха и ужаса, сконцентрированными в несколько минут или даже секунд мучительного прорыва не контролируемого сознания в прошлое. Человек будто вновь на мгновения переносится в ад, из которого вырвался чудом много лет назад... Разве кому-то так просто это передашь, кому-то перескажешь? Нет, чтобы понять войну, её нужно на собственной шкуре испытать. На собственной... Собственная шкура... Грубое словосочетание, но оно наиболее верно отражает то состояние человеческого «я», которое появляется в момент наивысшей опасности за свою жизнь.

Первые три-четыре месяца боёв Яков опасался за свою жизнь, за свою драгоценную шкуру, хотя никто из товарищей не мог упрекнуть его в трусости, в неисполнении элементарного служебного долга, и всё же... Ему было страшно умереть, он боялся этого момента, и каждый раз во время атаки самолётов, танков или пехоты противника на мгновение робел в предчувствии близкой развязки... А потом в нём произошёл качественный сдвиг, перелом внутри души, и от глубинного страха за свою жизнь ничего не осталось. Как-то само собой получилось так, что он понял: выжить не удастся в этой мясорубке. Столько смертей рядом, что трястись за свою бесценную лично для тебя одного жизнь, отравляя страхом возможного конца последние часы и минуты этой жизни - просто глупо и смешно. Убьют. Конечно, убьют. Не сегодня, так завтра. Эта мысль так глубоко засела в голову, что он уже не думал о жизни вообще, да и о смерти тоже. Жил секундой. Хотя минутное, поверхностное чувство страха за свою жизнь сохранялось всегда. И порой это было единственное чувство, длившееся бесконечно долгие часы и даже дни.

Ну какой герой после семисот-восьмисот самолёто-вылетов противника захочет жить? Нет, после этого жить не хотелось... Перед глазами мелькали беспрерывной чередой силуэты «Хейнкелей-111», «Дернэ-217 и 215», «Ю-87» и «Ю-88», «Мессершмитты-ягуар» и «Мессершмитты», «Мессершмитты»... И снова «Хейнкели», и снова «Мессершмитты»... Люди теряли контроль над собой, сходили с ума, седели на глазах...

Как-то, во время одного из наиболее ожесточённых налётов, командир одного из огневых взводов не выдержал и закричал во всю глотку куда-то по направлению тыла:

- Меньше бы до войны «домов советов» строили, больше зениток делали, танков, самолётов!

К вечеру его уже не было на батарее. Основание: выражал публично недоверие правительству...

А сколько было таких... «выражавших» и дерущихся! И как дерущихся! И всё это в аду. В самом настоящем аду. Когда сидели в глухой обороне, то укрывались за трупами «солдафонов», так называли на фронте молодых и ещё необстрелянных бойцов, бегавших от каждого снаряда и потому гибнущих в первые же дни пребывания на передовой буквально сотнями... Хоронили только друзей. Остальных расклёвывали вороны на виду у ещё живых бойцов.

А что было делать? Самим закопаться в землю некуда. Копни на полштыка лопатки - и потечёт болотная водичка... А немцы вели огонь, не жалея снарядов и патронов. Вот и выкладывали зимой вокруг себя небольшими штабельками трупы и спасались за ними от пуль и от ветра. Сегодня я укроюсь за кем-то, а завтра, может быть, мною будут прикрываться, и обиды в том от меня, убитого, живым не будет.

Однако опаснее авиабомб, пуль и снарядов было физическое истощение. Случалось так, что у обеих сторон настолько сдавали силы, что не было никакого желания воевать друг с другом. Хотелось хоть минутной передышки, минутного мира. Например, на пушку в батарее полагалось по два снаряда в сутки. А таскать эти снаряды на батарею приходилось за семь-восемь километров. Снаряды немаленькие. Яков служил в зенитном полку, на вооружении которого были 76-милимметровые пушки. Кроме того, имелись и крупнокалиберные пулемёты, счетверённые «максимы» ...

Сам Яков был поначалу командиром ПУАЗО-3, прибора управления артиллерийско-зенитным огнём, который применялся для определения упреждённых координат цели и выработки баллистических данных для орудий, прибора сложного и достаточно громоздкого. Яков не имел прямого отношения к «пушкарям», но и ему приходилось носить эти чёртовы снаряды за тридевять земель вместе с «огневиками». Силы были настолько истощены у всех, что через каждые сто метров пути люди падали едва ли не без сознания. И вот, бывало так, что идёт на исходные «пантера», нагло подходит буквально метров на 300 к позициям батареи и останавливается на виду у всех. Все заклёпки на её броне через бинокуляры видны. Кажется, только руку протяни - и достанешь их пальцами... Крутит «пантера» носом-пушкой из стороны в сторону, а не стреляет. И наши молчат, хотя с трёхсот метров могли бы влепить ей по самую головку... А почему молчат? Лень потом идти за снарядами? Нет, не лень. Это слово слишком мирное, слишком не блокадное. Для определения того физического состояния, которое было у обороняющихся, обессиленных до предела. Просто люди точно знали, что вот сегодня они могли и умереть в дороге от слабости, сегодня у них был пик усталости, сегодня, сейчас... И командиры это понимали. А «пантера» постоит-постоит, покрутит пушкой, и тихо себе уйдёт восвояси. Значит, и у них, наверное, та же картина была. Конечно, их усталость не шла ни в какое сравнение с нашей, граничащей с дистрофией и атрофией всех мышц, но не могли же из «пантеры» не видеть наши орудийные расчёты с трёхсот метров, а вот всё же и они не стреляли... Страшное это дело - война. Страшное для всех.

И голод в войсках был страшный. До войны пришлось Якову Алексеевичу поголодать вдосталь, недаром в последний день жизни отца, да и потом тоже, крадучись собирал по полю колоски; но то, что довелось ему пережить под Ленинградом... Такое может присниться только в кошмарном сне! И больше всего ребята страдали даже не физически, а морально: блокада, вынужденное сидение в болоте, неубранные трупы товарищей, неудачи на фронте, слухи о предательских вылазках в тылу...

***

Когда сгорели Бадаевские склады, болтали, что их взорвали предатели из штаба 4-й армии, которой предписывалось их охрана. За что якобы Ворошилов лично расстрелял весь штаб 4-

й. Может, немцы сами специально эти слухи распространяли, чтобы деморализовать блокадников? Кто их знает, откуда эти слухи ползли и отравляли сознание окопников, но когда бойцы ели землю вокруг тех складов, то невольно вспоминали недобрым словом и штаб 4-й, и всё наше ненадёжное высшее начальство...

Сколько в начале войны среди них предателей оказалось, сколько к стенке поставили, сколько разжаловали... И всё это громко, во всеуслышанье объявлялось и печаталось. Где уж простому окопнику разобраться во всех тонкостях интриг и хитросплетений внутренней и внешней политики, если сам он каждую минуту ждал пулю в лоб, если жрать хотел так, что готов был есть всё, что попадалось съедобное на глаза. Яков и сам ел землю Бадаевских складов. Найдёт спёкшийся комок земли, поймёт: это был когда-то сахар или ещё какой-то съедобный продукт; бросит его в котелок с кипятком, размешает, подождёт, когда всё это отстоится, и пьёт... Хвойным настоем запивает.

Неоднократно бывал Яков и в самом осаждённом городе. И то, что представало перед ним, поражало сердце, казалось, навсегда уже зачерствевшее и огрубевшее за войну. Помнится, на каком-то мосту возчик-старик не смог справиться в гололедицу с санями-розвальнями, и они стукнулись о перила. Вёз он спирт в ведёрных стеклянных банках, одна банка грохнулась... Целое ведро спирта вылилось на снег. И народ на мосту тут же стал собирать мокрую жижу и есть, кто-то набивал ею шапку, кто-то котелок, чайник...

Возчик стоял парализованный случившимся и, наверное, мысленно прощался с жизнью. За такое «разгильдяйство» ставили к стенке без разговоров. Однажды одного повара шлёпнули только за то, что нашли у него на кухне 25 граммов утаённого сливочного масла... А на том мосту через час люди весь снег до асфальта съели...

Иногда вместе со всеми заходил Яков в замороженные ленинградские квартиры. Жуткие блокадные квартиры. В каждой из них покойники. В каждой лежали мёртвые старики и дети, старики и дети... Как-то зашли в квартиру известного композитора или дирижёра, фамилию уже и не вспомнить - какого, он сидит за роялем, на рояле перед ним пара замёрзших картофелин, а рядом с роялем, на кроватке, умерший ребёнок. И вот этот умирающий старик предлагает бойцам эти самые мёрзлые картошки, что для него самого означало верную смерть. Но он угощает ими бойцов, предлагая, по сути, в подарок им свою жизнь... Они оставили тогда старику по куску хлеба. Всё, что сами могли дать. И ушли. Музыкант плакал, когда бойцы уходили.

Замполит полка, который водил бойцов к старику, тоже плакал. «Посмотрели бы, вы, говорит, какой это был красивый, сильный и гордый человек до войны!»

До войны... Многие ли до войны мёрзлую картошку из-под снега выкапывали и едой считали? А на передовой ели такую картошечку да похваливали, если удавалось ещё её найти.

Однажды разведчики нашли за линией фронта, недалеко от передовой, в сожжённой немцами деревне погреб с картошкой. Два раза туда ходили, как за языком, охотники из полка, пока на третий раз не накрыли их немцы в нейтралке вместе с картошкой в вещмешках. Голодали в Ленинграде и на фронте все. И гражданские, и военные. И ели в Ленинграде всё, даже столярный клей.

Как-то достали «огневики» несколько плиток этого клея, врач узнал и строго-настрого запретил есть клей, уверяя, что бойцы от него погибнут. Но русский человек так устроен - чем больше запрет, тем больше ему хочется его нарушить. Посмеялись над врачом и сварили клей. Густой, запашистый... Попробовал его и Яков, но только две-три ложки. С врачом они были земляками, и как-то сдружились на фронте, поэтому Яков послушался совета друга, не стал много есть клея. А ребята дорвались... После клея в животе наступало давно забытое ощущение сытости, будто поел настоящего мяса. Должно быть, как понял Яков позднее, клей закупоривал внутри что-то, склеивал... Через неделю все, кто ел клей, умерли мучительной смертью. И у Якова через три дня начались дикие боли в животе, но всё обошлось, слава Богу...

***

Многое было всякого на фронте. Было и такое, о чём не каждый расскажет другому по доброй воле. После приказа о мародёрстве, по которому расстреливали на месте преступления без суда и следствия, был с Яковом такой случай. Ночью сбросили с Большой земли на передний край с «ПО-2» сухари и патроны. И то, и другое было в большой цене. В сутки на человека выделялось по пять патронов, и их берегли до последней возможности. Стреляли только в крайнем случае, наверняка стреляли. А сухари... За сухари платили самым дорогим - жизнью...

Юрка Шевелёв, дружок Якова ещё с Дальнего Востока, говорит:

- Давай пойдём и возьмём мешок с сухарями!

Эх, Юрка, Юрка!.. Чёрт отпетый, сколько раз с ним из таких перелётов выходили, что и не придумаешь нарочно... Но самому лезть в пасть смерти!.. И всё же пошёл с Юркой Яков. Пошёл. Трусил, но шёл. Что-то весёлое и яростное было в груди, будто вызов кому бросал, а кому? Молодость это была, молодость и голод. Встали они тогда на лыжи, и метров через 400 от позиций нашли первый мешок с сухарями, нашли и сразу спрятали. Как всегда бывает в таких случаях, пожадничали, стали искать ещё. И, правда, им везло, нашли ещё один мешок, но уже с патронами, потом ещё нашли...

Только поставили мешок с сухарями «на попа», появились из леска «смершевцы». Они всегда после выброски собирали мешки сами. Первым вышел полковник, увидел их - сразу руку за пазуху, вытаскивает пистолет - и к ним. А они, головы горячие, забубённые, тоже схватились за пистолеты. Они у них на груди всегда лежали, под полушубками, чтобы смазка не мёрзла на морозе. До сих пор Яков Алексеевич удивляется, почему их полковник сразу не пристрелил? Дело-то не шуточное, на месте преступления захватил. Может, пожалел их полковник, а может, растерялся, потому что Юрка сразу крикнул ему:

- Товарищ полковник, мы же сухари не тронули, вот патроны собираем. - А у самого в руке пистолет...

Как бы то ни было, но полковник сказал:

- Вижу.

И первым спрятал оружие.

Яков облегчённо вздохнул, но тут ещё два бойца из «смерша» подкатили на лыжах... Всё, подумал, вот сейчас они нас... Но полковник только спросил фамилии, номер части записал, и велел им мотать поскорее на батарею. Что они и сделали с превеликим удовольствием. А вечером всё же вернулись за тем проклятым мешком с сухарями... Вернулись! Забрали мешок, но куда его девать? Где прятать? В часть принесёшь - кто-нибудь всё равно проболтается, и - всё! Трибунал и «вышка», расстрел то есть. Но делать нечего, если уж затеяли такую карусель, то и доводить её нужно до конца. Взяли по 4 сухаря на брата, да Яков ещё прихватил себе лишнюю пайку. Была у него насчёт «лишних» сухарей своя думка...

Тот злополучный мешок зарыли в снегу недалеко от позиции, чтобы часто не ходить в лес, не вызывать лишних разговоров и подозрений. За частые отлучки тоже могло влететь по первое число: зачем ходишь, не листовки ли вражеские собираешь и читаешь?..

Ночью, в землянке, втихаря от всех сожрали сухари, смачивая липкой слюной. А как иначе? Ведь не откроешься, не угостишь ворованным... Ели. и в душе плевались на себя. А заполночь, засунув распухшие и отёкшие от голода ноги в мокрые валенки, пошёл Яков к командиру батареи. Принёс ему те самые «лишние» сухари и положил на командирскую лежанку. Тут же выложил всё как есть про «подарок», утаив только, что с ним был Юрка. Яков ни на что не надеялся, ни о чём не просил, просто ему нужно было снять камень с души. Так раньше ходили преступники после совершения преступления на исповедь к попу. Вот и Яков пришёл к комбату за отпущением... Нет, не за отпущением, а на покаяние. На покаяние пришёл Яков, хоть и уверял себя, что шёл отблагодарить комбата за всё хорошее, что тот успел для него сделать за месяцы войны в болотах. И правда, комбат жалел и его, и Юрку, но не потому, что был лично к ним расположен лучше, чем к кому-нибудь другому в батарее: они оставались единственными довоенными специалистами не только в его подчинении, но

и в полку. Все младшие командиры были уже выбиты, а их места заняты выдвиженцами из рядовых. Нет, комбат не стал читать ему нотации, не арестовал. Он сказал:

- Спасибо за заботу, а теперь иди. Но если мне донесут об этих сухарях, я сам тебя шлёпну. Лично.

Яков ушёл повеселевший, но в душе у него было всё же неспокойно, муторно было на душе. Мешок с сухарями они с Юркой доели только к весне. Доели. Может, потому и выжили? Может. Всё может быть в этом мире. Опухшие от голода, но живые, они с радостью встретили появление первой травки, с ещё большей радостью доели последний сухарь из того проклятого мешка, и радовались этому событию необычайно, будто кто им взял, да и выдал вдруг по буханке довоенного хлеба. Радовались, что не нужно больше прятаться, хитрить, обжуливать своих друзей. Ведь ели ребята на передовой всё. Сухарей-то давали солдатам по 15 граммов на человека. Воду пили... Пили воду разную. Во время боёв всякое бывало... Однажды по болоту кровь на полпальца по воде текла. Человечья кровь... А пить хочется... Жара... И вот отшвырнёт кровь солдатик рукой, зачерпнёт котелком из чистого места и пьёт. И куда брезгливость девалась, куда исчезало всё человеческое? И Яков так же пил эту воду так же, как все, наверное, думал, что если выживет, по-другому и жить не сможет... По-другому... Как же это жить по-другому, когда на твоих глазах дивизию выбивали за два часа боя? Всего два часа - и десять тысяч молодых здоровых парней и мужчин заливали своей горячей кровью вонючие стоячие болота...

Разве думал Яков, что выживет в такой бойне, что будет стоять вот здесь, в саду, после сорока лет мирной жизни, и вспоминать войну, то военное время, о котором старался даже не думать? Почему-то сейчас каждый прожитый им день на войне, каждое мимолётное воспоминание о прошлом отдавались нестерпимой болью в сердце, а тогда жизнь больше напоминала игру в кошки-мышки со смертью. Игру со своими правилами, со своими маленькими радостями и большими печалями...

***

Под Чудовом, на реке Волхове, уже будучи младшим лейтенантом, дежурил Яков как-то на батарее. Только-только первый кубик на петличку нацепил, первый взвод получил, первые офицерские команды отдал, и встретился неожиданно почти на позициях батареи с родным дядей, которого не видел со дня призыва в армию. Чем не радость, чем не подарок судьбы? Жаль вот только встреча вышла не радостная...

А дело было так. Стояли зенитчики метрах в пятистах от немецких танков, прикрывали переправу. И день стояли, и два стояли, обжились даже, привыкли к своему месту жительства. Местность хорошо изучили. Это, собственно, первое, что делает зенитчик, прибывая на новые позиции, - изучает ориентиры, зарывается в землю, маскирует пушки, приборы... Короче, стоял Яков в окопчике, посматривал изредка на немецкую сторону, на небо, но больше скучал, тяготясь кажущимся бездельем. И вдруг видит: едет какой-то бородатый боец на повозке, демаскирует наш передний край. Ну, выложил ему Яков всё, что по этому поводу думает о такой разине, которая распускает по ветру бороду не там, где надо! И выложил весело, с огоньком, отвёл душу, что называется. Попутно указал, куда ехать этой разине. Бородач молча повернул лошадей туда, куда ему указали, но раза два-три обернулся на Якова, и потом негромко так окликнул:

- Яша!

Узнал дядя племянника, а вот Яков не признал его и с двух шагов. Раньше, до войны, был дядя молодой и красивый мужчина, бривший по два раза на день, в начальстве ходил, и потому форсил немного, одеколоном себя брызгал. В большом городе жил, в нефтеснабжении работал, а здесь почему-то возницей оказался. Раньше красавцем считался во цвете лет, а тут стоял перед молоденьким младшим лейтенантом сгорбленный и полуседой старик в грязной красноармейской одежде, возивший на передовую продукты, обратно - раненых. И так он делал три-четыре раза в день, и зимой, и летом, и в дождь, и в снег, и при бомбёжке, и при артналётах...

Пригласил его Яков к себе в землянку, срочно подменившись по такому случаю с другим офицером, взял у старшины свою порцию водки на пять дней вперёд - целую поллитровку, выпили они с дядей, поговорили... Расчувствовался дядя. И то ли оттого, что так неожиданно встретил в этом аду родного и близкого человека, которому можно было сказать всё без опаски, что на душе накипело, а может, оттого, что слишком крутая перемена произошла в его личной судьбе, судьбе преуспевающего и всегда ухоженного начальника районного масштаба. А он ещё не успел пережить это в достаточной мере, переварить в глубине души сию метаморфозу, только размяк дядя душой, потерялся, ослаб...

- Не верю, - говорит, - Яша, что выживем мы в этом пекле. Не победим здесь, не выстоим.

Досталось, видно, ему изрядно за месяцы на фронте. Воевать - не с портфелем по району разъезжать. И захотелось Якову привести его в порядок, относительный, конечно; приободрить, встряхнуть, заставить на время забыть про всё и вновь почувствовать себя человеком, личностью. Показалось Якову, что если дядя приведёт себя в норму хотя бы внешне, то пройдёт в нём хандра, исчезнет похоронный настрой, дух какой-никакой вольётся свежий. Пригласил его вечерком зайти к нему в землянку ещё на часок. Побриться, помыться... Соснуть хотя бы на полчасика в нормальной обстановке. (Тогда офицерская землянка считалась почти роскошью.) Устал, ведь, поди...

- Устал, - отвечает дядя, - но не смогу прийти. Надо ночью коней караулить. Если их без присмотра оставить, пехота сожрёт в одночасье. А за коней в штрафбат пойду.

Пришлось Якову врать, что ему будет даже приятно ночь провести в ночном, вроде как в детстве побывает. Уговорил Яков дядю. Уговорил. Ночью Яков всё с тем же неугомонным Юркой Шевелёвым, ещё не убитым, ещё живым тогда, пас дядиных коней под проливным дождём, а дядя мирно спал в его землянке, побрившись и помывшись тёплой водой, которую Яков нагрел ему заранее в большом ведре. Утром, когда Яков вернулся с лошадьми, дядя выглядел совсем почти довоенным дядей, но только в армейской грязной форме и с признаками крайнего истощения на лице. Посидели они ещё немного с ним, поговорили. Дядя пожалел промокшего в ночном Якова, потом встал и молча пошёл, не прощаясь, к лошадям. Будто чувствовал мужик, что больше они с ним не увидятся на этом свете. Вышел, сутулясь, из землянки, сел в возок, а сам плачет. И плачет не по-мужски как-то, а как баба воет по покойнику. Но тихо воет. Душу всю переворачивает. Погнал коней, а сам платком носовым Якову машет и плачет, плачет...

Погиб он через несколько дней в Красной Поляне. И даже домой не успел написать, что виделся с племянником на фронте. Но это Яков уже после войны узнал. Дома. От тётки. Последние слова его, запомнившиеся Якову, были:

- Жалко расставаться с детьми...

Их у него трое было. Чувствовал, видно, свою скорую смерть человек.

***

«Странно, - думал Яков Алексеевич, ёжась от холодного ветра. - Вот все говорят, что на войне слёз не было у солдат, а я столько их видел, столько!.. И у трусов, и у героев.

Казалось, кремень мужик - вся грудь в орденах, на ремни режь - не застонет! А вот допечёт его какая-нибудь малость - и ревёт белугой герой. И стыдится своих непрошеных слёз, а поделать с собой ничего не может. Не всё, видать, война в людях выжигала, не всё. Иначе как же мы после войны-то... выжили?».

Открылась дверь, и на пороге показалась Анна.

- Ты чего здесь делаешь? - спросила с тревогой.

- Воздухом дышу, - улыбнулся Яков Алексеевич. - Ты не беспокойся, я скоро приду.

- Не замёрзни! - сказала Анна, подозрительно присматриваясь к мужу. - Ты сама иди в дом, прохватит ветерком ненароком.

- Ну, смотри! - сказала Анна, подала ему шапку и ушла в дом, тихонько прикрыв за собой дверь. Яков Алексеевич улыбнулся и надел шапку. Он любил жену, любил за то, что она понимала его во всём. Не жалела, а именно понимала. Настоящая плотская любовь как-то ушла в прошлое, и остались от неё только глубокое уважение друг к другу и нежность. Нежность,

которой почему-то не было в молодости. Да и откуда ей было взяться, нежности? Это сейчас, когда стало что-то оттаивать в сердце, когда рассасывается в груди тяжёлый комок воспоминаний, приходят настоящие человеческие чувства, вытравленные и уничтоженные войной. А тогда, в молодости, они казались инородным телом, неестественным проявлением и даже слабостью, граничащей с трусостью. Вот ведь был случай, когда всё тот же бесшабашный Юрка Шевелёв, кореш до гроба едва не подвёл его, Якова, под пулю из-за того, что на мгновение расслабился, дал волю чувствам, и страшно стало ему на миг быть убитым именно сегодня, сейчас. И пришлось в тот раз Якову одному брать в плен немецкого аса, самолёт которого сбила их батарея на крутом развороте при бомбёжке наших позиций. Упал самолёт в нейтралке, почти у наших окопов. И зенитчики тут как тут: кто первый возьмёт хвостовое оперение, материальное подтверждение о сбитом самолёте, на того его и запишут. Народу к самолёту кинулось тьма, экипажу деваться некуда: один лётчик сразу же себе пулю в лоб пустил, другой куда-то пропал и его не нашли, а третий стал отстреливаться. Вот на него-то и пошёл тогда Яков в одиночку. И взял. А Юрка не пошёл, вернее, пошёл, но как-то странно вёл себя: отставал от Якова, ниже обычного пригибался к земле, чуть позже, чем нужно, стрелял... Когда Яков вёл того молодчика, Юрка стоял, опустив голову, и не глядел в их сторону. А почему всё это произошло? Да потому, что весна была, девчонка в санроте появилась красивая, и был Юрка впервые в жизни влюблён, влюблён первой и последней своей любовью. Странное дело, но у Якова на фронте не было увлечений и даже позывов к ним. Как-то прошла юность незаметно, обделила его в этом своим теплом... А может, и к лучшему? Может, потому и обделила, чтобы жил он на фронте ни о ком не жалея особо, не боясь никого обидеть своей смертью, с которой не однажды встречался с глазу на глаз. Жили-то с ней, можно сказать, в обнимку...

Как-то раз немцы зарыли свои танки в землю и палили из них по нашей пехоте смертным боем. Странно, но почему-то именно зенитчикам приказали выкурить этих тварей из их нор. Наверное потому, что ничего более грозного ближе не нашли. Пушечные расчёты были хорошо обучены, слажены, и сразу же, после первых пяти выстрелов, примолкли немцы, поняли, что спуску им не дадут. Ну и показалось пушкарям на радостях, что прихлопнули первым же налётом те танки, расслабились зенитчики раньше времени. Яков уже взводным был, командовал теми пушками из неглубокого, но широкого окопчика, прикрытого сверху палаткой.

После первой серии выстрелов собрались к нему командиры расчётов, посыльный, связисты. Сидели, мыслями делились по поводу тех танков. И что дёрнуло Якова подняться и посмотреть на немецкие позиции из бинокля? И простоял-то совсем немного, а вот, видно, засекли его из тех танков, засекли, и точно, снайперски, влепили снаряд в окопчик. Но только не было уже там Якова, позвал его к своей пушке Юрка Шевелёв. И позвал-то так, за пустяком, а вот, оказывается, жизнь ему этим спас. А тех ребят, что в окопчике под палаткой сидели, всех положили одним снарядом. И хоронить некого было. Восемь человек...

Винил ли себя Яков за их смерть? Может, и винил, но разве разберёшь, кто виноват, а кто - нет в своей и чужой гибели? А вот помнить их помнил. Даже частенько разговаривал с ними, как с живыми. Да они и были для него живыми, потому что жили в нём самом, в его памяти, в его сердце. Вот и Юрка Шевелёв... Сколько всего с ним пройдено было, сколько пережито! Разве можно забыть его, разве можно выкинуть из жизни и памяти его образ? Может, не совсем героический для кого-то, но человеческий, родной... Якову Алексеевичу повезло, он выжил, вернулся домой, вот Юрка остался там. Там... Слово-то какое неопределённое, не конкретное, но по-другому о Юрке и не скажешь.

Уже весной 1944 года, когда до победы оставалось меньше года и наши войска шли в наступление по всем фронтам, окапывались батарейцы на опушке хвойного леса, зарывали в вековую глину полковую технику, делали себе щели и индивидуальные окопчики. Вот и Юрка вырыл себе окопчик в полный рост, лёг на бруствер, раскинул сильные руки по земле и говорит, щурясь на солнышко:

- Вот здесь меня, братцы, и схороните. Место больно красивое, ласковое.

Ругнул его Яков матом и пошёл проверять работу у других ребят. Недалеко и в тот раз отошёл, метров двадцать, не больше, полыхнуло за спиной шальным снарядом - и сгорело молодое Юркино тело от точного попадания в окоп, так что и хоронить нечего было. Окопчик тот потом зарыли, холмик надгробный сделали, будто здесь и правда кто похоронен. А вот поди ж ты, всё чудится Якову Алексеевичу, что живой Юрка Шевелёв. До сих пор живой. Не убит, не разорван в клочки, потому что не хоронил его, не закрыл ему мёртвых глаз. И к матери его поэтому же не съездил ни разу. Не рассказал старушке, как её сын погиб. Трусил. Не объяснишь старой, почему не ты оказался в том окопе...

А действительно, ведь мог сейчас и он, Юрка, стоять вот так где-нибудь на своей родной земле и вспоминать его, Якова, сгинувшего где-то там, на далёкой уже войне, и не оставившего после себя ни петлички, ни лычки... Всё дело случая. А может, судьба?

***

Дважды за войну Яков тонул, а всё потому, что не научился в детстве плавать в мелководной речушке, да и мать боялась, что утонет её единственный парнишка, и не пускала его купаться даже в саму лютую жару, когда и старухи сидели в обмелевших омутках, прикрывши голову листьями лопуха. Не знала, не ведала, старая, какой бедой обернётся её забота о мальчонке Яшке для солдата Якова. Дважды вытаскивали его ребята на свой берег едва живым. На третьей и последней своей переправе, на реке Волхове, у деревни Змеёвки, когда немцы попёрли неожиданно и нагло, воспользовавшись удобной для них ситуацией, связанной со сменой частей на фронте. Долго бегал Яков по берегу, и долго искал, на чём же сможет преодолеть столь неожиданную для него, не плавающего, преграду. Ребята снова звали его на смерть, но он уже так боялся воды, что готов был принять смерть здесь, на берегу, который вот-вот займёт противник, чем ещё раз отважиться идти в воду вместе со всеми. И он бы погиб в тот раз непременно, если бы каким-то чудом не нашёл вдруг кем-то надутый баллон полуторки. И хотя немцы уже вовсю поливали берег и реку из пулемётов, он всё же переплыл Волхов. Переплыл сам, но на том берегу его и других переплывших, немцы стали закидывать минами из маленьких миномётов. Однако для Якова это уже не была опасность, связанная со смертельным риском. Он понял, что выжил и на этот раз, что и на этот раз обманул смерть.

Как только немцы стали забрасывать берег минами, он, как бывалый фронтовик, быстро зарылся в песок, переждал, когда они прекратили своё бесполезное занятие, и незаметно ушёл вместе со всеми к своим.

***

«Да-а... - думал Яков Алексеевич, всматриваясь в темнеющие горы. - А на Волхове-то нас тогда предали. Предали». Их дивизии в то лето порядком досталось от немцев. Навалились они вдвое, втрое превосходящими силами, оголили полки, можно сказать, до крайности, вот и решилось командование отправить дивизию сибиряков на переформирование. На смену им пришла совершенно новенькая часть, сформированная из уроженцев освобождённых перед войной западных областей. Шли они красиво, как на параде шли, заглядеться можно было на них...

Дивизия Якова отходила во второй эшелон обороны обескровленная, но выполнившая свою задачу, твёрдо веря, что за спиной у неё будут героически драться пришедшие на смену свежие полки...

Утром на берегу Волхова, недалеко от переправы, где задержались на ночлег зенитчики, услышал Яков сквозь сон гул немецких танков. Вскочил, прислушался: точно, немцы! Растормошил командира батареи, тот, выслушав его и послушав гул с запада, послал Якова витиевато так далеко... А через две минуты дозорные доложили, что впереди немцы, вернее, на только что оставленных позициях. Времени на организованный отход уже не было, едва успели взорвать орудия (всё равно без снарядов стояли), и дай Бог ноги!.. Немцы танками людей давили. Не стреляли, сволочи, поначалу, а просто давили... Уверены были в своей силе.

Чёрт побери, как это так получается, что у нас нигде не пишут, не говорят, что не только из-за временного превосходства противника в технике и в солдатах сдавали мы города и сёла,

а и из-за элементарного подлого предательства тоже. Предательства тех, кого считали кровными братьями. Ведь было же и оно, было! Немцы, наверное, хорошо знали состав пришедших на смену сибирякам частей, поэтому набросали вечерком новичкам с самолёта листовки по всему фронту, как они обычно это делали, а утром принимали перебежчиков целыми пачками... А может, и не так всё это было, но только «солдатский телефон» мгновенно разнёс именно эту весть. И не дай Бог, если бы каким-то чудом вдруг оказался рядом с Яковом в тот момент хоть кто-либо из той проклятой дивизии... Да и сейчас бы Яков Алексеевич припомнил ему ту переправу, тех ребят, что остались под танковыми гусеницами...

***

Яков Алексеевич не любил смотреть военные фильмы, ему становилось плохо, не читал военные книги и статьи, потому что не любил с фронта бодрячковые газетные россказни, в которых «все до единого и как один»... Разве стоял бы немец уже в августе сорок первого под Вязьмой, если бы «все, да до единого»?.. Он искренне ненавидел войну и всё, что с ней было связано, потому что... Всякое было на фронте с Яковым Алексеевичем, но настоящая беда стряслась с ним уже после взятия Риги.

***

13-15 октября 1944 года, после ликвидации немецкой группировки, прижатой к морю, 3-й Прибалтийский фронт упразднили, а всё его управление вместе с фронтовыми частями вывели в резерв Ставки Верховного Главнокомандующего. Полк зенитчиков отвели в небольшой городишко с необычным для русского человека названием Цессис.

Настроение в войсках было ликующее. Вспоминая то время, Яков Алексеевич до сих пор ощущает атмосферу наэлектризованного победой воздуха. Все точно с ума сошли. Да и было от чего: отквитались с немцами за блокаду! Кроме того, у Якова и личная радость была: за Рижскую операцию представили Якова к ордену Красного Знамени. И был он на седьмом небе от счастья! Всё смешалось... И то, что немцев долбанули так, что пух только по ветру полетел, и то, что к такому ордену представили, и то, что на отдых вышли...

Отдых! Три года боёв, три года под смертью ходил, а тут... Свобода! Гуляй - не хочу! Нет, если быть правдивым, было во время блокады у Якова однажды нечто вроде отпуска. Это когда его и всё того же Юрку Шевелёва отправили на «откармливание» в Тихвин. Изредка такое делалось командованием для особо истощённых бойцов и командиров. С откармливанием дело было так.

Приехал как-то на позиции комдив, спрашивает: - Ну, как вы тут, герои-зенитчики?

А Якову только-только «Красную звёздочку» вручили, и был он поэтому необычайно возбуждён, смел даже. Как-никак первый орден! Взял, да и бухнул комдиву, что они, герои, на батарее едва ноги таскают с голодухи. На том вроде всё и закончилось. Но только дня через три-четыре вручили им с Юркой по билету на Большую землю. Вылет тогда разрешали лишь детям да особо ценным специалистам. Вот и их, окопников, по ходатайству комдива зачислили в разряд ценных и даже бесценных, выдали им по четыре ржавых селёдки на дорогу и отправили на аэродром. Селёдки такие, что только кости торчали вместо брюха, но съедены они были в один присест. Так как порешили друзья между собой, что завтра утром будут уже в Тихвине отъедаться на больших хлебах, поэтому не к чему им экономить погнившую блокадную жратву здесь, в кольце обороны, понапрасну теряя силы. Даже сухарика себе не оставили, рванули на аэродром на попутках с лёгким тыловым ветерком в голове, который довольно быстро улетучился, когда они узнали, что вылететь смогут только дня через три-четыре. Вот здесь-то они и затосковали. Да и было от чего.

Ну, допустим, с голода умереть им не дадут, но четыре дня ждать самолёт!..

Аэродром был секретный, охранялся, естественно, усиленно, и порядки на нём были жёстокие. Внешне он напоминал огромный пустырь, на конце которого стояли два-три неказистых домика, не вызывающих подозрения даже у самого подозрительного человека. По пустырю, или же лётному полю, ходить запрещалось под угрозой расстрела на месте без предупреждения. Об этом специально извещало объявление, но выбора у зенитчиков не было, и как только прилетел «ЛИ-2» (а может, и «ТС-84», Яков Алексеевич уже и не помнит

марку транспортного самолёта), рванули они с Юркой сразу к нему на всех парах, какие только ещё могли развести в своих котлах... Почему-то по ним не стреляли. Может, такого нахальства никогда на аэродроме не бывало раньше, а может, проворонили их часовые? Одним словом, очутились они в очереди к трапу самолёта впереди какого-то худого-прехудого военного в замызганной и до того промасленной шинели, что и знаков различия на ней видно не было. Сразу чувствовалось - сильно голодал мужик в блокаде. Свой, значит. Встали они нагло перед ним в очередь - молчит, ничего не говорит, только глазами хитро зыркает и молчит. Так и стоят, будто они всегда тут торчали...

Посадка проходила быстро, без формальностей и лишних проверок. Уже в самолёте Яков с Юркой на всякий случай расселись по разным углам. Яков пристроился почему-то рядом с доходягой, решив, что, если тот промолчал на поле, значит, и здесь не выдаст при случае. Вышла проводница, сержант, пересчитала всех пассажиров по головам, и, хотя пассажиров было явно больше положенных 25 или 27 человек, ушла к пилотам. И, что самое интересное, ведь не ошибся Яков в своём соседе. Когда сержант считала всех, то тощий взял, да и закрыл от неё вроде бы не нарочно Якова своей длинной рукой, болтающейся в широком рукаве шинели. Закрыл так ловко, что со стороны и трудно было догадаться, что он закрывал «зайца», а не лицо ладонью. Яков мысленно сказал этому доходяге «спасибо» и сразу о нём забыл, так как самолёт побежал по неровному полю, и Яков понял, что он сейчас в первый раз полетит. В полёте он всё пытался понять, что же с ним происходит «в воздухе», но так ничего и не осознал. Он даже не мог точно сказать, где он: в воздухе или же на земле. Окон в салоне не было. Да и сам салон напоминал больше нижнюю палубу корабля, на котором однажды Яков плавал по Оби, чем внутренности тех внешне красивых и жестоких машин, которые он привык расстреливать в воздухе на всех высотах и в любое время года и суток. Хорошо ещё, что не встретились в полёте с немецкими истребителями, а то неизвестно, что сталось бы с бравыми зенитчиками под облаками... Но об этом Яков Алексеевич подумал только сейчас. Когда привезли их на Большую землю, то сразу дали по 150 граммов свежего настоящего хлеба, и ещё чего-то жидкого. Поначалу много не кормили, боялись заворотов кишок, которые случались с блокадниками. Особенно часто, говорят, это было с первыми партиями вывезенных из Ленинграда. Но всё равно дня через три-четыре друзья так окрепли, что уже и к санитаркам стали подкатывать, шуры-муры заводить, глазки строить... И было с чего: в Тихвине уже по 900 граммов хлеба давали на человека. Хлеба настоящего, не блокадного!

И вот однажды, когда они так мило вдвоём «заливали баки» молоденькой санитарочке, видят - идёт им навстречу тот самый «доходяга» ... в генерал-майорской форме. Они, естественно, ему честь отдали, и стоят, глаза выпучив, дураки дураками. А он их тоже узнал, и к себе подзывает. Подошли. Спрашивает:

- Ну, как отдыхаете, хлопцы, хорошо?

Конечно же, хорошо, какой разговор!

- Ну, отдыхайте... Скоро назад нужно будет возвращаться. И пошёл себе дальше.

Вот человек был! Другой на его-то месте осадил бы молодых нахалов ещё там, на лётном поле, и назад на передовую отправил с убийственной сопроводиловкой, а этот... Сразу видно, свой мужик, фронтовик!

Так, первый раз за все четыре года службы в армии и на фронте, провёл свой отпуск Яков в тылу. Так почему же ему здесь, в Цессисе, не веселиться вместе со всеми, не гулять от души, тем более, что и повод есть: немца в море скинули и День артиллерии вовремя подоспел! Отдых! Отдых!!!

***

В День артиллерии устроили в штабе полка офицерский сабантуй, на котором присутствовали офицеры из штаба дивизии. Ну, выпили, конечно, изрядно, языки у многих развязались, слушок прошёл, что через несколько часов поедут они, как лучшие на всём фронте, да ещё в довоенном прошлом настоящие дальневосточники, на ещё не объявленную войну с Японией. Говорили об этом тихо, на ушко друг другу, но говорили, и командир полка слышал это. Слышал, но молчал, не пресекал разговоры, и Яков понял, что это от него узнали офи-

церы о новом месте дислокации. «Непорядок», - подумал он по этому случаю, но вскоре за общим столом забыл про это. Всё равно эшелоны стояли уже под парами, готовые в любой момент загрузиться живой силой и загудеть по рельсам в любую сторону нашей огромной страны. Времени отправления только никто не знал, но к концу сабантуя, когда уехали офицеры из штаба дивизии, комполка закрыл вечеринку и приказал всем быть готовыми к отправке ровно в четыре часа утра. По дороге на квартиру, где остановился Яков, капитан Генка Стахович, его сосед по квартире, со вздохом сожаления говорил о том, сколько всякого добра осталось на Рижском взморье и на складах, которые немцы даже не успели взорвать. Яков посмеивался над его крестьянской жадностью, со смехом говорил, что теперь другие этим добром попользуются всласть, а им в другую сторону топать и топать. И это-то, наверное, больше всего взвинтило Стаховича.

- А что, - говорит, - если взять сейчас, да и рвануть до Риги, набрать на дорогу всякого немецкого съестного припаса, всё равно до Японии с месяц пилить, не меньше.

Отощаем. Яков снова посмеялся над ним, а Стахович вдруг говорит:

- Трусишь? Трусишь, Яша, прогуляться сейчас туда на студебеккере?

***

Вот так и ввязался Яков в ту авантюру, а с ним ещё три офицера... До отхода эшелона оставалось часов пять, не больше, когда они двинулись в Ригу. По тому, как легко отдали им студебеккер, понял Яков, что комполка знал о их ночном рейде по бывшим тылам противника, и ничего против не имел. Верил в них, знал, что вернутся вовремя, а лишний харч солдату в дороге не будет в тягость. До Риги километров девяносто, дорога обледенела, туман... До складов добрались довольно быстро. Ночь. Движение не особенно большое, без обычных пробок и заторов, грузовик летел по шоссе почти на одной скорости - миль 30-40 в час, спидометр на километры не показывал, машина-то американская.

На складах загрузили всё, что нашли в темноте, закинули сверх всякой меры ещё и несколько отрезов бостона (Зачем? Яков и сам не знал, озорство просто!), затащили бочку спирта, всяких деликатесов заморских, пару ящиков тридцатидвухградусного шнапса, и двинулись в обратный путь... При луне море раскачивало на волнах трупы немцев, с потопленных нашими моряками судов, на берегу тут и там валялись туши расстрелянных немцами коров, которых фашисты перебили несколько тысяч перед своим уходом, а чтобы наши не смогли воспользоваться мясом, они полили их керосином и подожгли. Ветерок с моря доносил запах жжёного мяса и тления. Туман усилился, и они вскоре сбились с пути, потому что гнали машину как угорелые. Да и шофёр, чёрт бы его побрал, успел на складах выцедить целую бутылку шнапса. В Цессисе не пил, а тут будто кто его за руку тянул! Примерно через час приехали в какой-то хутор. Стали спрашивать дорогу, хозяйка отвечает по-немецки:

- Не понимаю!

А времени до отхода эшелона оставалось уже мало, и Стахович вытащил пистолет...

Смех и грех, но строптивая баба сразу же заговорила на чистом русском языке:

- Там дорога.

И рукой указала, в какой стороне. И снова гонки в темноте и тумане. Дорога ровная, машин нигде нет, рассветать стало, ну и разогнались до сорока миль по спидометру и не заметили, как на взорванный мост вылетели... Чёртова националистка, знала, наверное, куда нас посылала! Сиганули с моста красиво... Машину на три части развалили. В такой каше всё перемешалось в кучу. Шофёр и капитан Стахович, сидевший в кабине, сразу погибли, один лейтенант ранен, второй вместе с Яковом спланировал на брезенте, словно на парашюте, почти до самого берега. Короче, так кувыркнулись, что ой-ой-ой! Когда вытащили на берег тяжелораненого лейтенанта и погибших, осмотрели картину катастрофы, то увидели, что грохнулись у самой дороги, проходившей по другому берегу.

Машины шли по ней резво и весело. Спокойно катили по своим делам солдаты и офицеры, везли грузы, боеприпасы, а тут...

***

Остановил Яков какую-то машину, положил в неё раненого лейтенанта, а сам в полк с товарищем потопал. На попутке добрались в Цессис задолго до назначенного времени. Перед тем как идти на доклад к начальству, решили тяпнуть в штабе по соточке для храбрости. Старый хмель давно из головы вылетел, и хотелось хоть чем-то заглушить трезвые мысли, проснувшиеся в возбуждённом мозгу... На остатках пиршественного стола отыскали спирт, на закуску отрезали по куску масла, и только помянули погибших, как вошли «смершевцы»... Быстро у них это дело сработало, быстро...

Яков попросил разрешения позвонить командиру полка. Старший разрешил. Комполка, как только узнал всё, попросил передать трубку старшему «смерша». Через несколько минут и сам пришёл в штаб. О чём они говорили друг с другом, Яков не знал, но только всё шло к тому, чтобы замять это дело «полюбовно». Мало ли в то время было таких вот дурных случаев, когда старые, прошедшие огонь и воду солдаты и офицеры, попав в совершенно мирную жизнь, гибли сами или калечили жизни других. Война всё это была, война! Может, нагоняем всё дело и обошлось бы, но, как на грех, эту катастрофу видели член Военного Совета фронта и вновь назначенный прокурор Республики, проезжавшие по фронтовой дороге на этой стороне взорванного моста. У них на глазах и кувыркнулась машина на полном ходу. На глазах у них и консервы итальянские летели, и бочка со спиртом, и тюки с бостоном...

Одним словом, дали они распоряжение начать следствие по делу этой странной аварии. И уже утром, часов в шесть, Якова и лейтенанта арестовали незадолго до отправки эшелона. Впрочем, отправку эшелона в ту ночь откладывали дважды, да и потом уехал полк на восток лишь суток через двое. Что-то не сработало в верхних инстанциях. Зря, значит, спешили ребята в тумане, зря кувыркались, зря контузию получил Яков, зря и парни погибли...

- Глупо всё это было, глупо! - Яков Алексеевич до сих пор себе простить не может такой дурацкой безответственности, беззаботности... А всё она, хоть и не окончательная, но победа! Тыл! Все же на головах ходили. У каждого в глазах чёртики прыгали! Пьяные без вина были... Жизнь, молодость, радость завершения трудного дела - всё перемешалось в людях тугим комком бьющей через край энергии. Внутренняя сила искала выхода, вот и нашла...

Нет, Якову, старшему лейтенанту и фронтовику-блокаднику, всё простили: и самоволку, и загубленную машину, и бостон, и две смерти... Не простили только время отправки эшелона. Всё допытывались, откуда он его знал? Оказывается, это была государственная тайна, как и место будущей дислокации дивизии. Военных-то действий с Японией тогда ещё не было, к войне шла только подготовка. Молоденький лейтенантик - тот сразу «раскололся» и на командира показал, а вот Яков молчал. Не хотел подводить комполка под трибунал. Знал, что за разглашение такой тайны по головке не погладят. Да и разве мог он предать того, кому носил в блокаду сухари? Промусолили Якова три дня, потом суд был. А до суда всё же помог ему комполка, вступился за него в самых высоких сферах. Успел и на «свиданку» к нему попасть, сказал, что если будет молчать Яков, то уже через пару месяцев снова будут они вместе служить в одной части. Прошение на имя Калинина предложил написать после суда. Успокоил, одним словом.

***

Сидел Яков в рижской тюрьме, только что отбитой у немцев. Все стены её, все, до последнего миллиметра, были исписаны именами и датами расстрела. Народу в камере набралось многовато, и потому как-то не осознавалось, что сидят-то они в камерах бывших смертников, через которые прошли за последние годы тысячи и тысячи узников, ушедших отсюда, с этого порога, на казнь. Сейчас-то Яков Алексеевич это понимает, а тогда он слишком был занят своими бедами, слишком неосознанно воспринимал смерть при всей её страшной конкретности и пугающей близости. Пугающей его сейчас. Его, почти семидесятилетнего старика, прожившего жизнь, прошедшего и испытавшего в ней всё. Почему же тогда он, двадцатилетний, относился к ней по-иному? Может потому, что не знал ещё, что такое есть настоящая жизнь? Может быть. Может быть. В камере все говорили, что ему нужно обязательно написать «помиловань». Он запомнил это, но долго не мог вникнуть в смысл этого «помиловань». И только когда после суда ему дали стандартный лист бумаги, огромный, как

простыня, с надписью в верхнем углу «Просьба о помиловании», он понял, что это и есть та самая «помиловань», о которой ему столько твердили в камере.

Суд был скорый, открытый... Дали пять лет тюрьмы, чего Яков никак не ожидал. Он был уверен, что всё это так, понарошку. Он до последнего не верил в реальность происходящего. Он всегда был уверен и даже убеждён, что его могут убить, ранить… но судить!.. Этого с ним не могло произойти. Ведь он же не нарочно! Он же фронтовик! Кровь за Родину пролил!.. А кому что докажешь? Разве он один воевал? С ним в камере сидели все фронтовики, все бывшие герои. Лётчики-штурмовики пробомбили свои позиции по ошибке, артиллеристы обработали свой передний край из-за износа стволов...

***

Через несколько дней повезли их эшелоном на восток. В тюремном вагоне народу битком набито. Люди стояли, сесть было не на что. В вагоне как-то так вышло, что командование надо всеми быстро взял на себя полковник-танкист, бывший, конечно, полковник. За что он был судим - никто не знал, но чувствовалось, что мужик тёртый, бывал в переделках и похуже, поэтому к нему потянулись. Он сказал, что скоро поезд подойдёт к Казанскому вокзалу в Москве, там будет народ, а так как здесь везут много людей невинно осуждённых, то нужно требовать представителя правительства для разбора их дел на месте, в Москве. Люди воспрянули духом, так как многие действительно были уверены, что ничего страшного не сделали, «залетели» по глупости... Так думал и Яков. И вот, когда в Москве их вагон поставили недалеко от перрона Казанского вокзала, который был виден из зарешёченных окошек, стали они дружно скандировать, требуя представителя правительства. Народ стал собираться у вагона, шуметь. Собралось довольно много, несколько сотен. Тут быстро их вагончик подцепили к свердловскому поезду и дальше на восток отправили.

В Свердловске для профилактики, не разбирая правого и виноватого, выдали всем и каждому по первое число, пропустив сквозь строй охранников, вооружённых обыкновенными палками-штакетинами, так что на будущее сразу пропала у Якова охота что-то требовать и просить. Да и у других тоже, потому что ещё с неделю вытаскивали мужики у себя занозы и про гуманные советские законы думали. После «профилактики» вагон дальше погнали.

Уже в Новосибирске к ним зашёл прокурор со списком заключённых, спросил, кто тут фронтовики, всех переписал. Спросил, в чём нужда имеется... При прокуроре выдали свежий хлеб. Единственный раз за всю дорогу. Потом снова повезли.

Всё дальнейшее, что происходило с Яковом, он помнил как в тумане. Наверное, ещё давала себя знать контузия... В Канске их сгрузили на маленькой станции, пересчитали и погнали по тайге на лесоразработки. Двести пятьдесят километров прошли всего за три дня. В первую ночь ночевали в каком-то подвале, в котором хранили до этого свёклу. К утру всю оставшуюся свёклу съели. Вторую ночь ночевали в большой бане, где их кормили кашей прямо из шаек, в которых мылись заключённые...

Не раз в то время приходила Якову мысль о смерти. Нет, он не хотел умирать, но он пытался понять, почему же вышло так, что он вышел из огня живым для того, чтобы принять позор? Кому это нужно? Почему так посмеялась над ним судьба? Сколько раз щадила, и вот... Нет, здесь всё не так просто. Здесь что-то важное есть ему от судьбы, но что? Какой знак? Яков никому не говорил о своих думках, ни с кем не делился, и всё больше замыкался в себе. Он надеялся на чудо, которое спасёт его, вытащит из этой ямы. Как не раз уже бывало до этого на фронте. На фронте...

Его все считали в полку счастливчиком: если ранило, то легко, если попадал в беду, то выходил из воды сухим. Однажды под ним разорвался фугасный снаряд. Да, самый настоящий артиллерийский снаряд. Это было весной, ещё в блокаду. Как всегда, от первой зелёной травки мутилось в голове, и даже в истощённом теле чувствовался прилив сил. Хотелось чего-то необычного, ну, например, гору свернуть! И ворочали, что могли и как могли. Яков, например, тогда ещё старшина, боролся прямо на позиции со своим взводным, и нечаянно сломал ему ключицу... Взводного отправили в госпиталь, а Якова вызвали в штаб полка для объяснений. Шёл Яков в штаб вместе с офицерами, и вдруг зашелестел снаряд, они все друж-

но бросились на небольшой холмик... Под него-то и залетел фугас. Залетел и зарылся, видно, слишком глубоко ушёл в болотистую почву, потому и не смог поднять огромный для него вес. И только словно вздохнул холмик под Яковом, защищая его от смерти... А что стоило судьбе быть менее жалостливой к нему на войне? И всё, не было бы сейчас ничего, не было бы и этого позора...

***

В Тугучинском лагере у Саян, куда определили Якова, сидели большесрочники. Многие добывали лес для авиационной промышленности ещё с 1937 года. В основном это были грузины, чему Яков был удивлён до крайности. К тому времени кое-что люди уже понимали, кое-что кумекали... Да и по дороге в лагерь кое о чём пришлось подумать и услышать Якову про порядки в стране, про лагеря... Про 1937 год.

В лагере Яков обратил на себя внимание пожилого большесрочника, который оказался бывшим секретарём обкома партии где-то там, в Грузии. Этот бывший секретарь помог Якову устроиться на пилораму, с «доппайком» помогал, который заключался в пайке мяса, изредка добываемой заключёнными охотой на диких коз. Да, охотой. Лагерь-то не был похож на те, что изображают в кинокартинах или книгах. Это была огромная территория, целая система лагерей, вокруг которой невозможно было даже при всём желании поставить колючую проволоку, часовых и прочую привычную атрибутику мест заключения. Но бежать отсюда было бессмысленно. И это все понимали хорошо.

Заключённые жили в землянках, охраняемые солдатами, под охраной ходили и на работу, и с работы, но так как лагерь не имел чётко пограничной территории, то можно было и козу подловить, если, конечно, знали, где её тропа проходит, и птиц в силок заманить... Землянки были с двухъярусными деревянными нарами, постелью на которых была всё та же арестантская одежда, состоявшая и зимой, и летом из ватника и телогрейки. Свободное время проводили, кто как мог. Яков частенько играл в шахматы с бывшим академиком, который тут вместе со всеми валил лес, с директором крупного завода и, конечно, с секретарём обкома.

Яков как-то спросил у него, не удержался, за что тот сидит. Усмехнулся секретарь и сказал:

- В юности я бродил по дорогам Грузии с мальчиком Иоськой, делил с ним одну лепёшку на двоих. В зрелом возрасте работал на партийной работе с Иосифом, товарищем по партии. А посадил меня сюда вождь мирового пролетариата, в божественную биографию которого не вписывались некоторые юношеские проделки двух босоногих бродяжек.

Больше Яков у него ни о чём не спрашивал. А вообще-то просидел Яков в том лагере совсем немного. В августе вызвал его к себе в контору начальник и дал бумагу, в которой было написано, что он освобождается из-под стражи и отправляется в действующую армию в прежнем звании. Бумага о помиловании подействовала и заступничество комполка.

Ноги у Якова подкосились, и он сел прямо на пол. Начальник подождал немного, пока он придёт в себя, а потом сказал, чтобы шёл он в контору лагеря с двумя лётчиками, бывшими фронтовиками, которые тоже освобождались из-под стражи и отправлялись в действующую армию.

Едва успел попрощаться Яков со своими грузинами, академиком и директором завода, и тут же бегом-бегом вон из лагеря!

Да-а, нужно было видеть, как смотрели на них зеки, просидевшие уже с десяток лет и впервые, наверное, видевшие освобождающихся! Трудно описать чувство, охватившее и трёх бывших заключённых, рвущихся к свободе. Часа через три они были у начальника большого лагеря. Выдав документы, он приказал им в течение часа покинуть территорию вверенного ему объекта. Как же они рванули оттуда!..

На радостях за день, с трёх часов до сумерек, отмахали сдуру шестьдесят восемь километров. Опомнились только тогда, когда уже и ноги идти отказывались. У лётчиков обувь плохая была, так у них из подошв кровь капала. Кровь...

Ночевать в поле не хотелось, и Яков забрался на сосёнку, осмотрелся, увидел огонёк, подумал, что деревня, и уговорил лётчиков потерпеть ещё немного. Через полчаса доковыляли

они до огонька, но это оказался полевой стан, в котором жил старик, перепугавшийся их до смерти. Едва его успокоили, показав документы об освобождении. Он их накормил, чем мог, и спать уложил...

***

Долго не мог уснуть Яков в ту ночь. Всю свою короткую жизнь заново поэтапно перебрал, со всеми интересными подробностями её ещё раз на «ты» сошёлся, и вдруг подумал, что счастливый он человек. Ведь жив остался и из такой передряги почти без урона выкарабкался! Чудом выкарабкался! И знал, что будет чудо. Не могло его не быть, потому что везучий он, Яков. Это ли не счастье в жизни?

Ночь прошла быстро. Но утром встать смогли не сразу. Ноги ныли и гудели, будто и не отдыхали вовсе. Пришлось заставлять себя подниматься и идти дальше. За весь следующий день прошли всего четыре километра. Ох и дались же они им, эти четыре километра свободы! Хорошо, что встретили на дороге женщин, собиравших продукты по деревням в обмен на одежду и прочие довоенные безделушки. Представились им по форме, с предъявлением всех соответствующих документов, так как перепугались их бабы жутко поначалу. А потом познакомились, рассказали им ребята свои истории, и посоветовали им бабы не ходить дальше, а подождать вместе с ними полуторку, которая должна была прийти из города. Накормили...

Кажется, что никогда раньше не ел Яков такого вкусного и ароматного хлеба, слегка пропитанного постным маслом. О сливочном тогда и не поминалось в городе, ели его только спекулянты и прочие выжиги. А женщины оказались фабричными. Они работали на одной фабрике, и изредка ездили на своей машине по районам и совершали такой вот «натуральный обмен» для всех своих фабричных. Одна из женщин сразу как-то прицепилась к Якову, говорит, что напомнил он ей убитого под Москвой мужа, старшего лейтенанта. Разговорились... Пригласила она его в гости, обещала отдать вещи мужа даром, потому что в той одежде, которая была на Якове, в город показываться было нельзя.

Вряд ли она имела какие-то свои виды на Якова, потому что больше плакала, вспоминая мужа, чем говорила. Яков поблагодарил её, записал адрес, но сказал, что им нужно в первую очередь добраться до военкомата, а уж потом... Потом он обязательно зайдёт в гости. И, конечно, не в этой одежде.

Тем временем подошла машина, женщины быстро договорились с шофёром, который, увидев бывших зеков, сразу же согласился на всё. Видно, видок у лагерников был ещё тот!

***

В военкомат приехали под вечер, и военком даже слушать их не стал, сказал, чтобы встали вначале на довольствие по всем видам, а уж потом, с утра, когда они отдохнут, а военком кое-какие свои дела утрясёт, вот тогда - пожалуйста! Они не возражали. А утром объявили, что окончена война с Японией. И военком вдруг дал задний ход: мол, ничего не знаю, в предписании написано «отправить в действующую армию», а действующей армии, выходит, уже нет. Вот если бы вчера успели все дела оформить... И началась нервотрёпка! Кто они? Что делать военкому с ними дальше? Отправлять назад в лагерь или в какую-нибудь воинскую часть?

Военком струсил, не захотел принимать на себя ответственность, и отправил депешу в Москву. Формально они были уже вольные люди, освобождённые из-под стражи, и потому им разрешили гулять по городу до 18 часов. Питались ребята по военной норме, но одежда на них оставалась всё та же, зековская, поэтому в город они не ходили, а забирались часов с шести утра в лес и просиживали в нём весь день. Яков всё ещё хранил адрес женщины, и мог бы воспользоваться им, но не хотел накликать и на неё беду. Он неожиданно для себя стал суеверным и мнительным. Такого поворота событий он не ожидал.

Через несколько дней пришла депеша из Москвы: демобилизовать, и год условно каждому. Конечно, они обрадовались этому решению Москвы, но радость была с тяжёлой горчинкой. Военком отпустил их с миром в тот же день, выправив все бумаги, как того требовал закон, но денег не дал. И ехать им домой было не на что. Решили ехать на запад товарняком, на угольных платформах. Запаслись кое-какой едой и поехали. Ближе всех оказалось ехать

Якову. В Новосибирске он расстался со своими попутчиками и отправился в свою деревню пешком. Но перед этим зашёл в Новосибирске к тётке, с мужем которой встречался на фронте. Она испугалась, увидев его в такой одежде, не признала вначале... Потом отдала дядину одежду, долго плакала, пока Яков рассказывал о встрече с дядей, оставляла ночевать...

***

Когда Яков вошёл в дом, мать стирала, увидала его и упала в обморок. Он же ей ничего не писал с самого момента ареста, и она ничего не знала о его судьбе. А накануне его прихода, оказывается, было ей какое-то видение про Якова, вот она и.… обмерла, увидев его. Пожил Яков в деревне недолго. Тяжело ему было в ней. Он знал, что не сможет больше жить на родине после всего случившегося ещё там, у военкома, когда оформлял документы в этот южный город, в котором живёт сейчас. Здесь перед войной жила его сестра, ныне уже покойная, вот к ней-то и приехал с матерью насовсем. Мужа у сестры убили на фронте, детей не было, поэтому зажили они как бы одной семьёй, словно и не было между ними военных лет. Правда, вскоре напомнила о себе война тяжёлым нервным недугом, но это были уже мелочи... Мелочи! Постепенно война забывалась, уходила куда-то вдаль, лишь изредка напоминая о себе болями в старых ранах, неожиданно подскакивающим давлением, чрезмерным волнением при встречах с каким-нибудь очередным Витькой Карпухиным, кошмарными снами...

***

Совсем недавно вызвали Якова Алексеевича в военкомат для вручения ордена Отечественной войны. Сначала он не хотел идти - зачем ему этот орден, если не вернули те восемь наград за войну? Но потом всё же пошёл. Наглотался таблеток и пошёл. Орден вручал сам военком, моложавый полковник. После вручения и поздравления он пригласил Якова Алексеевича к себе в кабинет. Там, оставшись один на один, полковник заговорил с ним про его прошлое. Яков Алексеевич понял только одно, что полковник не понимает, почему он, Яков, не хлопотал после войны о возвращении орденов и партбилета... Яков и сам не знал этого. Впрочем, почему не знал? Знал! Да как объяснишь этому полковнику, не видавшему войны, что у бывшего старшего лейтенанта, прожившего на войне три года и десять дней, есть гордость. Гордость фронтовика, получившего награды за бои, за боевые операции, за сбитые самолёты и уничтоженные танки, а не за сидение в штабах и тыловых частях. Разве мог он ходить с протянутой рукой по инстанциям и просить то, что заслужил кровью? Разве он так уж виноват в том, что с ним случилось? Это жизнь взяла и посмеялась над ним... Нет, неверно это. Почему посмеялась? Она в очередной раз преподнесла ему свой подарок, неожиданный при такой-то жизни - старость. Старость, которую никогда не увидят его бывшие боевые товарищи.

Полковник сказал на прощание, что похлопочет о деле Якова Алексеевича, попробует вернуть ему то, что он должен носить по праву, просил не иметь обиды... А на кого обижаться? Яков Алексеевич уже всех простил, кого и не стоило даже прощать. И всё же обида жила в нём. Обида на жизнь, допустившую гибель отца, обида на войну, кончившуюся слишком рано. Ещё бы недельку, ещё бы два-три дня...

***

На крыльцо снова вышла Анна.

- Ну, вот что, милый, нечего тут столбом стоять, пошли-ка домой. Хозяйку я уже предупредила. - Она сунула ему в руки шарф и потащила за рукав к калитке.

Яков Алексеевич шёл, не сопротивляясь, и в душе радовался тому, что не нужно ещё раз возвращаться к столу, ещё раз видеть пьяные лица Витьки Карпухина и Петра Фёдоровича. Не нужно ещё раз вспоминать свою обиду, свою жизнь. Радовался, что рядом шла его старая, испытанная суровым временем и невзгодами подруга. Какое же всё-таки это счастье - верная жена и надёжный товарищ! Нет, грех ему сетовать на судьбу, грех! Что в жизни может сравниться со счастьем любви? Как это прекрасно - любить и быть любимым! Господи, да за одно это можно умереть не задумываясь, не то что потерять ордена и медали...

***

Они вышли на шоссе. Под ногами чавкал мокрый снег, уличные фонари светили безжизненным сиреневым светом, редкие легковые машины проносились мимо одинокой пожилой пары, осыпая её ледяными брызгами и поливая грязной водой. Льдинки звенели, падая на лёд тротуара, или булькали в лужах, вода коркой застывала на одежде. И никому в целом свете не было дела до двух стариков, одиноко бредущих куда-то.

1986 г.

Александр Александрович Марфунин

Александр Александрович Марфунин родился 18 августа 1975 года в посёлке Лесной Пушкинского района Московской области в семье служащих. После окончания школы трудовой путь начал в 1992г. на опытном заводе «Промсвязьрадио» со специальности «ученик токаря». В 1993-1995 годы служба в вооружённых силах Российской армии. Воинское звание «младший сержант». С 1995г. и по сегодняшний день проходит службу в правоохранительны органах в Москве. Специальное звание «старший сержант полиции». В 1999 г. заочно окончил Правдинский лесотехнический техникум по специальности «механик машин лесного хозяйства». Закончил три курса редакционно-издательского факультета Российского нового университета. Воспитывает сына.

Стихи пишет со школьных лет. Участвовал во Всероссийском совещании молодых писателей, организованном Ассоциацией писателей Урала и Сибири, в 2013 году в городе Каменске Уральском (семинар поэзии Александра Кердана). Участвовал во Всероссийском совещании писателей, пишущих на военную тему (руководитель - Николай Иванов), проходившем в Переделкино 20-23 октября 2015 года. Стихи опубликованы в альманахе Пушкинского литературного объединения «Русич» в 2013 г. (поэтическая подборка объёмом 12 страниц) и в 2015 г. (поэтическая подборка объёмом 14 страниц). Участник антологии «Гении. Классики. Современники», выпущенной Союзом писателей России в 2013 г.

Принимал участие в поэтических конкурсах «Стихи, воспевшие победу», «Светлый миг», «Боковские чтения».

Автор трёх книг: сборник стихов «Ваша светлость» (М., «Нонпарелъ, 2014), книга в альманахе «Верность и долг - не пустые слова», сборник стихов «Многоточие» («Ъ» Санкт-Петербург 2017).

Лауреат молодежного фестиваля искусств Артиада народов России 2014 года в номинации «Литература. Гильдия профессионалов. Взрослая лига» с формулировкой в почётном дипломе – «За проникновенное воплощение духовного мира русского офицерства».

В настоящее время находится на СВО.

Солнечный день. По аллее от пристани
Мама за ручку ведёт малыша…
Русский мальчишка с глазами лучистыми
Тянет машинку свою не спеша…

Годы идут. Уже шесть с половиною –
Сын подрастает. Ученья пора…
Русский мальчишка с душою невинною
На самокате по лужам двора…

Класс выпускной. Слёзы мамы украдкою…
Вальс… Аттестаты… Букетов сирень…

Русский мальчишка, взяв книгу с
тетрадкою,
Завтра примерит бушлат под ремень…

Смутное время… Русь, скорбью
наполнена…
Веруя, что снизойдёт благодать,
Русский мальчишка с характером Воина
Крестик нательный не мыслит снимать!

Сельское кладбище примет солдатика…
В вечном покое не будет обид…
Русский мальчишка с судьбою Романтика
Смотрит на маму, одетый в гранит…
* * *
Безвременьем раздетые до нитки,
Глотая водку или крепкий чай,
Мы платим за политиков ошибки,
Порою, не успев сказать: «Прощай…»
Под шум дождя и вой седой метели
Со словом Божьим в кознях сатаны,
Расписываем шрамами на теле
Новейшую историю Страны…
* * *
Когда Судьба опять жестоко
Швырнёт всех оземь в сотый раз –
Не стоит гневаться на Бога:
Всевышний вразумляет Вас,
Что в связке всех земных сплетений,
Где человек, порой, как зверь,
Есть взлёты с горечью падений
И Мудрость с опытом потерь…
* * *
Прикрою веки в тишине –
И мир реальный не со мною…
Я вижу сон, где на ремне
Нет автомата за спиною…
Ещё не выжжена трава,
Не снесена отцова хата,
Ещё семья моя жива,
И пёс не прячется от «ГРАДа».
Пекарню не накрыл снаряд,
Не заминировано поле,
И не разрушен детский сад,
Ещё нет госпиталя в школе…
А ротный, в прошлом – пианист,
С женой кружится в вальсе Венском…
И небосвод - безмерно чист…
И только птицы над Донецком…
* * *
Виктору Михалёву – донецкому кузнецу
Прилёт… «Ответка» … Круговерть…
Артиллерийские дуэли…
Уже которую неделю
Над городом кружится смерть…
Не покорившийся Донецк
Таит ответы на вопросы,
Как прорастают к Солнцу розы,
Неся в себе металла блеск…
…….
Корректировщик «дал промашку».
И дом жилой – мираж уже…
Продольный срез пятиэтажки.
Часы на третьем этаже…
Квартир здесь нет. Одни руины,
А на единственной стене:
Кашпо с цветами, две картины
Да занавески на окне…

Под гулкий рокот артобстрелов,
Сквозь миномётную пургу,
Не отрываясь от прицелов,
Взвод слушал мирное «ку-ку»,
Реалистичности не веря…
Среди развалин и теней
Живым отсчитывалось время –
И не было его точней…

ОПОЛЧЕНЕЦ
Ему за пятьдесят…
Уже давно немолод…
Немногословна речь…
Открытый добрый взгляд…
Потёртый камуфляж…
Подвыгоревший ворот…
Иконка…На груди –
Бинокль и автомат…
«ДЕД» слушает эфир,
Нахмурившись сурово…
В наушниках доклад,
Что «цель поражена» …
Он в прошлом – агроном
Из славного Тамбова…
Работал бы и впредь,
Когда бы не война…
Когда бы не война –
Преподавал бы в школе,
Высеивал бы хлеб,
Выращивал бы сад…
И ездил бы с семьёй
Купаться в Чёрном море,
И помогал б жене
Воспитывать внучат…
Он посещал бы храм,
Пусть и не богомолец…
И стопку б выпивал,
И пел бы под гармонь…
Но только вот сейчас,
Он – русский доброволец,
Крестясь, даёт приказ:
«За Родину – огонь!..»
* * *
Май… Посевная… Ширь полей…
И сапоги в налипшей глине...

На тонковеточной рябине
Выводит трели соловей…

Май… На природе шашлыки…
Велосипед… Футбол… Рыбалка…
Фонтаны городского парка…
Цветы… «Последние звонки» …

Май… Грозы… Дождик проливной…
Моя щека в губной помаде…
И ты в красивом лёгком платье,
Идущая по мостовой…

Май… Вслушиваясь в тишину,
Касаюсь дедовой рубахи,
Где серебрятся две «Отваги»
И орден «Славы» - за войну…
* * *
В домашнем тихом мироздании
Я, при свечении огней,
Перебираю фотографии
Минувшей юности своей…
Лихой судьбы хитросплетения
В один воссозданы сюжет
Запечатлевшие мгновения
Страны, которой больше нет…

Витают роем размышления:
Закончен ли «последний бой»,
Где пред опасностью забвения
Мы жили все одной семьёй?
И с памятью, мне душу ранящей,
Вновь наяву, а не во сне –
Стою среди своих товарищей
На пыльной латанной броне…
* * *
Когда, однажды, я вернусь с войны –
Не спрашивай меня о том, что было…
Не расскажу, но вспомню, как просила
Прийти живым из дальней стороны…

Когда услышишь стук в тиши ночной
И пригласишь зайти с порога в сенцы –
Обветренного лихом ополченца
Ты напои колодезной водой.

Когда к твоим коленям опущусь –
Не упрекай в сердцах, по-женски слёзно,
А улыбнись лукаво-несерьёзно,
И в миг исчезнет ранящая грусть!

Когда падёт вечерняя роса –
Опустят автомат мои ладони…
Пусть о родных глазах любви напомнит
Лазурь Донца да неба бирюза…

* * *
Я видел смерть. Страх. Нищету…
Но до сих пор мне непонятно
Зачем, кляня в сердцах войну,
Опять спешу туда обратно?..
Но, взяв привычно автомат,
Целуя крест, не снятый с шеи,
Вновь становлюсь в передний ряд
В разбитой взрывами траншее…

Там, вдохновляемой весной,
Живу, пишу о нашем «завтра»:
Как возвращусь к тебе домой
В начале будущего марта…
Из мира горя, бед и слёз,
Где непростительна беспечность…
Всё также не решив вопрос –
Чем так притягивает Вечность?
* * *
Россия! Я – Донбасс,
Колени не склонявший.
Не смеющий молчать
Молю душою всей:
Прими, Отчизна, нас –
Живых… И тех, кто павший…
Как привечает мать
С чужбины сыновей.

Сквозь вёрсты и года
Ненастною порою,
Чрез боль и нищету,
Лихие времена –
Прими к себе, когда
Бессчётной чередою
Шагают за черту,
В бессмертье имена…

У Жизни на краю –
Распятый, но свободный
Народ … под пеленой
Трёхполосных знамён!
Прими в свою семью
Никем не покорённый
Истерзанный войной
Имперский легион!
Мы всё перенесём
С надеждой, что дождёмся
И, слыша не во сне
Твой долгожданный глас,
Под грозовым дождём
Домой навек вернёмся
Пешком иль на броне…
Прими, Отчизна, нас!..

Николай Анатольевич КОНИНИН

Родился в 1953 году в пос. Эльдикан Усть-Майского района (Якутия). Отец – топограф-геодезист, мать – библиотекарь. Образование среднее. Служил в армии, работал каменщиком, электриком, грузчиком, формовщиком. С 1998 года жил в Томске. Книжки стихов «Давай нарисуем», «Гусиному равняясь косяку». Проза «Достойное время застоя». Его стихи и прозу представлял журнал «Начало века».

1953 – 2025 гг.

НО АККОРД МОЁ СЕРДЦЕ ЩЕМИТ

СЕДЬМАЯ СТРУНА

Ах, какой стал ты, Витя, высокий,
Видишь Землю у Бога с руки.
Такой близкий и такой далёкий,
Как вода у родимой реки.

Признавался: грудь рвут лемехами,
Горло давят слова-голыши!
– Я сказал: «Перезрел ты стихами,
Это плач позабытой души».

Шестиструнной гитарой запела
Та – седьмая струна – стон-душа.
Так звенела, кипела, летела,
Что я слушал твой плач, не дыша!

Стихи – стрелы, вручил с колчанами,
– Вить, струной-тетивой дай им власть,
Чтобы нотой высокой – цунами –
Сразу в яблочко в небе попасть!
И достигла небесного града,
Рядом облачко – белым клочком.
Покатилось из райского сада,
В руки яблочко – красным бочком!
……..
Пред глазами картинки – малинки,
А в ушах по душам разговор.
Как ошпарило: Витя, поминки,
Сбой гитары, судьбы перебор!
Жизнь такая: даёт, отнимая,
С ног сбивает потопом потерь.
В горле боль захлебнулась немая,
И как милость – захлопнулась дверь.

Верю, Бог утолил твои раны,
Но аккорд моё сердце щемит.
Коли признаны – значит и званы,
Витя, Виктор – небесный мой щит!

***

МОЙ ШУКШИН

Ты, даже если в сердце ранен,
До книжных дотянись вершин,
Там парень жил – советский Разин,
Твой брат по Родине – Шукшин.

Шагнул в Москву с Алтая прямо,
Грязь не пристанет, в сапогах!
Взвалил свой крест, и нёс упрямо,
И мама – свечкою в руках.

Стал мерой русского размера –
Калина на краю кручин.
Мужицкая жила в нём вера,
Измерил нас на свой аршин.

Бил каждый фильм, рассказ по цели:
За Родину сражался он.
Два пуда соли мы с ним съели…
Пал – сердце надорвал крестом.
От древа Пушкина – листами
На каждой встречной нам версте,
Писатели – то под крестами,
Писатели – то на кресте!

Нам Горбачёв пришёл дать волю,
Когда проснулись поутру…
Союз на доли, да по полю,
«Калиной красной» – на ветру.

Так Образ наш стал безобразен:
Печать молчанья на уста,
Что рот другой разинул Разин,
Шукшин, как «чудик», встал с креста!

Он понял: после слов «Воскресни!»
Всего сильнее доброта,
А Разин – атаман из песни,
Что нет прямей пути Христа.

Мы вместе пишем нашу повесть.
В стихах о третьих петухах.
Идёт по свету моя совесть
В его мужицких сапогах!

Татьяна Валерьевна Прокопьева

Волокитина (Прокопьева) Татьяна Валерьевна родилась 1.01.76 года в селе Старая Ювала Кожевниковского района Томской области.

После школы закончила профессионально-техническое училище №39 по профессии повар-кондитер, в том же, 1994 году поступила в Томский Областной Колледж Культуры и Искусств, который закончила в 1997 году по специальности социально-культурная деятельность и народное художественное творчество, квалификация режиссёр театрального коллектива, актёр.

В 2015 году принята в Союз Российских Писателей.

Автор поэтической книги «Новолуние» (2013 г).

Публиковалась в лит.журналах: «Сибирские Афины», «Начало века», «После 12», в сборнике Библиотека Томской поэзии и прозы, в сборнике Библиотечный дайджест МБ «Академическая», литературных изданиях Санкт-Петербурга, Каменск-уральского, Прокопьевска, Новосибирска. Участница Всесибирского семинара молодых писателей и поэтов в Томске - 2004 году, и в 2013году в городе Каменск-уральском.

Награждена дипломом лауреата поэтического конкурса им. Михаила Орлова 2004 г. Дипломом лауреата 8-го Международного фестиваля авторской песни «Свой остров» в номинации «Поэтическая площадка» за 1-ое место в творческом конкурсе «Лучшее поэтическое произведение» (Гражданская лирика) г. Новосибирск 2018 год.

***

(*Дмитрию Коршуну.)*

А станешь Душой – безликой,
приснишься мне повиликой,
камнем, летящим вниз.
Только почаще снись.

Прости мне всё это, дурочке,
но если бессмертны Души,
я буду играть на дудочке.
А ты прилетай послушать...

***

Навеяно воспоминаниями о ночной прогулке с Н. Кониниым (год 2023)

Город бессонный полон
мокрых котов и птиц.
Мы по проспекту движемся томно,
строчками вдоль страниц.

Прочь от глумливо-нарядных улиц:
сборища хищных сов.
От стрекотанья словесных ульев-
лежбищ голодных псов.

Прочь от всего, что влекло и ныло,
падало об пол лбом.
Въелось, измызгало, истомило

и обернулось - льдом.

Вот по тому и уходим, - полно!
Клёны и вязы в масть,
стелят над нами жёлтые кроны
и не дают упасть.

Мы пронесёмся с тобой над бездной
в синем, на раз, два, три...
Полночью ветряной, колкой, звёздной
под ноги не смотри...

Руку мне дай! Я с тобой всесилен.
Я не смыкаю глаз.
Что-то поёт, не смолкая Сирин...
- Спой мне хотя бы раз.

Старый философ считает звёзды,
числа и тополя.
Только поверь, никогда не поздно-
всё начинать с нуля.

Не говори- «ничего не осталось»,
некому, незачем впредь...
С крыльев запутанный сон,
усталость, сбросив,
рискни взлететь!
Небо раскатом тревожным дышит, -
трогая нервы струн,
вещей души.
А душа услышит-вещую Гамаюн.
***
Я город оставлю,
в котором, любовь не прошла без следа.
Она не прошла,
только юность моя безвозвратна.
И если ты спросишь:
«Вернусь ли когда-нибудь? Да.»
Ведь память меня возвращает назад
многократно.
Акации снова цветут опьяняя, маня.
Весеннюю сладость вдыхаю легко и
приятно.
В том городе каждая улочка помнит меня
и что-то поёт ветерок над ольхою
невнятно.
Весеннее солнце блестит на его куполах
и солнечным зайчиком прыгает по
коридорам.
Любовь не проходит. Она остаётся в
стихах
и музыке, льющейся сквозь полусферу
собора.
***

«В горшках цветочных зреет прах,
чужое имя на губах уснуть не может...»
Татьяна Котляревская.

Тихо, тихо тучи обступают
город скорби и воспоминаний.
Словно книги-улицы листаю,
переулки встреч и расставаний.
Мы живём здесь тихо и покорно
ветерок табачный выдыхая.
И звучат нам лучшие аккорды
в затуханьи лиственного мая.
Нам не вырваться уже, не выйти
из его объятий многомощных.
Из его афер, его открытий,
обещаний, телеграмм бессрочных.
Наше всё, от камня до макушки:
роддома, больницы, храмы, морги...
Теплый запах деревянной стружки,
кабаки, театры, военторги.
Ты свободен ныне от всесилья
побратима милого и всё же...
Говорю: «Прощаю» - только имя
на устах моих уснуть не может.
***
О. Л.
В той дали и тусклом свете
Ты ничей, и я ничья.
Мы играющие дети – у ручья.
Где сплетаются не руки,
Ивы-сны
Мы укрылись от разлуки,
До весны.
Где срывается безвинно
Жёлтый лист,
Мы вдыхали соловьиный пересвист,
Где фарфоровой посудой внесена,
В чёрно-белые этюды,
Тишина.
***
Я превращусь в пожухлый лист,
В объятиях озёрной влаги
Где ветер импрессионист
Круги рисует и зигзаги.

Осенний воздух свеж и чист,
Тумана мглистые покровы.
Я только гость, я жёлтый лист.
И потому, мне всё здесь ново.

Быть может завтра птичий свист
обворожит меня растаяв.
Я только лист, я жёлтый лист.
- «Смотри, как вихрь мной играет!»

И наигравшись, бросит тут,
В канаве, под корягой прелой…
Другие листья прорастут
В заветный час, весною смелой.

А может вихри унесут, туда,
В тоске вечерней смуты,
Где путники ища приюта
Костёр меж сосен разведут?
Пусть я погибну. Отпусти –
Земная твердь. Дымлюсь и тлею.
Но я ещё согреть сумею,
Однажды сбившихся с пути.
***
Приплыла Золотая рыбка
и просила: Повелевай!
Я назад её отпустила:
«Если можешь, не забывай.»

Не нужны жемчуга на блюде,
дорогой, золотой браслет...
Мне хотелось бы, верить людям
и с улыбкой встречать рассвет.

А богатство, оно не вечно,
кто б, его мне ни предлагал.
Рыбка, рыбка-прошу сердечно,
Лунной браги плесни в бокал!

Дом мой пуст и душа измята.
И тревога сдавила грудь.
Запропала радость куда-то.
Знаешь, как мне её вернуть?

Счастье глупое утонуло,
замутнилось оно песком.
Рыбка только хвостом махнула
и исчезла на дне морском.
***
Уезжал, - ты
звала,
Говорила: Возвращайся ко
мне.
А теперь?
И холодная мгла отступила,
И весна не сулила потерь.
Отряхнулась зима
И пропала,
Словно не было – хмурой, седой…
Улыбаясь, весна колдовала,
Тополиной играла листвой.
Всё умчалось, прошло безвозвратно
В круговерти изменчивых вьюг.
Мой соперник- высокий и статный,
Предложил перебраться на юг.
Он нечаянно ветку сирени
Обронил, -
Мне привиделось, сплю…?
Что, склоняясь ему на колени
Ты чуть слышно шептала: «Люблю».
Торжествуй! Предавайся измене.
Я расстаться с тобою готов.
Только жаль, этой влажной сирени
Так похожих на звёзды цветов.

Далёкой.
День начинал резвиться.
В причудливых лохмотьях
Валялася собачка
В обёртках от конфет.

А за окошком дворник
Гонял метлою хлопья,
Упавшие на лужи
Давно минувших лет.

Вы клеили реснички,
Теряли методички.
Был словно кокаинчик
Вдыхаемый табак.

А завтра электричка,
И вы уже москвичка,
Безумно необычен
Столичный кавардак.

Вы плакали, корили,
Забросив в угол пяльцы,
За злые расстоянья,
Что не преодолеть.

Мучительно дрожали
Беспомощные пальцы,
Отстукивая дроби
На выцветшем столе.

Теперь вы гувернантка,
А, может, арестантка.
Лишённая прописки
И дружеской руки,

А может быть, иначе,
Давно уж иностранка.
Неизмеримо близки.
Безмерно далеки.

Дешёвыми духами
Пропахло платье ваше,

В отеле придорожном,
Допустим, штата Мен.

Где, может быть, по-русски
Окликнут вас: «Наташа!»,
И вытолкнет за двери
Губастый полисмен.

К чему мне эти фото,
И прошлое в оглядку,
Надежда, что когда-то
Я мог бы вас спасти?

И неутешный шёпот
Апрельской лихорадки,
И неуёмный ропот
Несказанных «Прости!»

Больничное удушье,
Весенние разгулы,
И новых снов и новых
Капелей болтовня.

Вы отмщены, мой ангел.
Мне стоит лишь подумать.
И вы опять всё та же.
Любимая моя.
***
Там всю ночь играла скрипка.
Пели песни под гитару.
На лице твоём улыбка
Означала: мы не пара.
Я смотрел заворожено,
Как скользят по грифу пальцы.
На пути не завершённом
Бесприютные скитальцы
Мы не узнаны, забыты
Наши вёсны, наши зимы,
И друг другом не открыты
Невидимки, пилигримы.
Жизнь- вращение по кругу.
Но в цвету и лихолетье
Мы посвящены друг другу
И в последующих столетьях.
***
Не найду себе места.
Неужто не будет ответа...?
Уплывает далёко
надежд золотая ладья.
По чужим переулкам
ищу позапрошлое лето,
где, шатаясь как пьяная,
песня бродила моя.
Может, это весна
лепестки осыпает на лица.
Может, ветер осенний
кружится, сбивая с пути?
Я ищу тебя музыка,
ты не могла не случиться,
возвращайся назад,
тополиной пушинкой лети.
Перед нами шумит
Океан жемчугов и соцветий.
Напои меня сладко-
пьянящей печалью своей.
Я грущу о тебе,
незаметно исчезнувшем лете,
Отзвучавшем как песня
за дымкой непрожитых дней.

Луна

Май целовал, ласкал, лелеял,
листвой дразня.
И становилась зеленее
моя земля.
Взошла. Знамением явилась
Луна. Смотри!
А ты как будто бы светилась
вся изнутри.
И вот тогда, ещё не зная
туманных дней,
ты шла такая молодая
навстречу ей.
Тебе казалось, что спустилась
она с небес.
И тьма пред нею расступилась,
и замер лес.
Спускаясь в озеро, играла,
к себе звала,
и позолотой осыпала,
и уплыла.
Водой живою лес пропитан.
С тех пор она
Луны искрящимся софитом
освещена.
Огромной рыбиной небесной
была Луна,
уплывшая в тот край чудесный,
где рождена.

Бессонница, март.

Не спалось. И каждый шорох
Продолженье
Предвкушал, как спящий город
Пробужденье.

И менялись светотени

И предметы,
Оставались на границе
Мглы и света.

И хотелось затеряться
В этом мраке,
Ныли лютни, выли волки
И собаки.
За окном сплетались ветви
Дуло в спину.
И сугробы, словно горы
Кокаина
Возвышались,
Накрывая тротуары.
Сны испариной сменялись,
И не пары,
Заплутавшей в переулке,
Ни соседа.
Только лютни под созвездьем
Архимеда.
И дышали равномерно
Рты и груди.
Где-то рядом непременно
Спали люди.

ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВНА КОМАРОВА

Поэт, журналист.

Выпускница исторического факультета Томского госуниверситета.

Преподавала в Тогурской средней школе, в Лицее ТГУ, в Российско-Американском Центре ТПУ.

Работала в Томском краеведческом музее, в Секторе пропаганды книги Научной библиотеки ТГУ, в Театре Юного Зрителя, в средней общеобразовательной школе №14.

Публикации в газетах, коллективных сборниках, в альманахах «Сибирские Афины» (Томск), «Академия поэзии» (Москва), «Встречи» (Филадельфия, США).

Вошла в «Антологию сибирской поэзии» (Кемерово, 2008) и в «Библиотеку томской поэзии и прозы» (Томск, 2019, т.4), соавтор двуязычного издания «Две женщины – один мир» (Новосибирск 2015).

Автор книг «Вечные странники» (Томск, 1999), «Любовная песнь волчицы» (Томск, 2007), «Ангел в ватнике» (Кемерово, 2019).

Публикации в журналах «Сибирские огни» (Новосибирск), «Простор» (Казахстан), «После-12» (Кемерово), «Начало века» (Томск).

Живёт в Томске.

1.

Как сумрачно глядел германский гений
из глубины готических веков
на Русь кормящую, исполненную лени,
на негу нив и вольность мужиков.

Раздольем простирался lebensraum,
варили мёды – пиво, пили квас,
имели семьи – целые оравы,
и к богу Роду обращали Was ist das?

Глядел и плакал: сколько пива
сварить бы можно было с этих нив,
беседовать за ним неторопливо
о философии, о музыке, о них –
о милых фрау, матерях арийских,
которые заселят Третий Рейх.

Пирог казался вкусным,
локоть – близким, -
случился Грех!..
А прав был Бисмарк, звавший нацию
не лезть против Москвы!
При взятии Кёнигсберга, не иначе же! –

снесли Железному полголовы!

2. **Русские.**
Мы спим вповалку,
читаем запоем,
пьём до беспамятства,
любим до смерти.
Русские люди:
хотите – верьте.

Не плачем, а воем,
шагаем вразвалочку,
не стонем, не ноем,
что ноль без палочки.
Русские люди:
из князи – в грязи.

Мы хвалимся силой ли?
Ан нет – лихостью.
Иван-царевич – кто у нас?
Сам – дурак.
Могли бы просто
прожить рядом с милою.
Да как бы не так!
Русские люди:
бьёт – любит.

Мы катимся по свету
как черепашки - ниндзя.
Многое можем мы, а - низзя!
Но, если мы вылетим пулей, -
вы упадёте гильзой.
Смотрите нам прямо в глаза.
Русские люди:
Бог - любит.

3.
Вот за что люблю я Север
и холодный, и крылатый:
здесь полночные поляны
языком холодным лижут,
лижут снежные волчицы.

Здесь, на розвальнях широких
в сене, снегом припушённом,
в полости из шкур звериных
и ондатры, и лисицы,
и в бахилах меха выдры
под звенящим колокольцем
я дремала деткой малой
на лошадке, на Сиротке.

По-над Обью путь наш вился
между вешек занесённых,
по-над панцырем ледовым
богатырской мать-Оби.

А вокруг волчицы выли:
«Вон – Варьёган, вот - Весьёган!»
И луна туманным оком
колдовала долгий путь
за недельной почтой в Покур
для деревнишки Увата,
за недельной почтой, паря,
да ещё за чем-нибудь.

Мать моя в звериных шкурах
и в верхонках управляла,
верховодила кобылкой, -
это было или нет?
Песни дикие певала,
как хантыйка, в битве жизни.
Скрип полозьев подпевал ей
и подтягивал куплет.
Дик равнин печальных Север.
Пусты дольние пространства.
И леса пушные пусты,
инеем опушены.
Всякий зверь, мороз учуяв, -
убирается поглубже –
в логово бредут волчицы
да в залежья – шатуны.

Весь народ звериный чует,
что не даст тайга добычи,
что застал мороз трескучий
даже птицу на лету.
В насты вмёрзли куропатки,
звоны клюкв в болотах стихли.
Лишь один Мороз-владыка
слышен звоном за версту.

Только голос человечий
рассекает это панцырь,
человечий голос женский
да горючая слеза.
Только песне Север дикий
подчиняется пространством,
только вздрагивает шкурой
да колючкой бьёт в глаза.

Север-Север, как любила
я в санях твоих кататься!
Север дикий, как хочу я
эти саночки возить!
Дай ты мне с тобой остаться,
где б ни выпало скитаться!
Дай ты мне, могучий Север,
твоей силы не избыть.

Всё ещё дрожат осины
в тех лесах жемчужно-синих.
Всё ещё кедра роняет
шишки в шуме на ветру.
Рысь поводит чутким ухом –
чует каждою шерстинкой,
каждой кисточкою знает,

что за слово подберу,
в бисер Север соберу.

4.
В Сургуте - снег.
Сильнейший снегопад
Закрыл аэропорты и дороги.
А много – много лет тому назад
В аэродромах деревянных дрогла
Я, промерзая до лопаток, до костей
Тщедушным тельцем в утлой дошке.
И ждали с мамой объявлений и вестей,
Домой хотелось,
К печке, к кошке.
Сургут держал,
И Нижневартовск замело,
И выли волки по дороге в Вату…
И век прошёл,
И детство – унесло…
И мамы – нет…
А снег – как тот, когда-то.

5. **Гусь**.
Мне два года.
Я блондиночка,
белёсая, как лунь,
и живу в деревне Шаберды,
Удмуртия, июнь.
И мои босые лапки
по дороженьке пылят.
И гусей большое стадо
по дороженьке пылит.
Вдруг огромный белый Гусь
разогнал в деревне грусть.
Надо мною он взорлил,
затрубил – заголосил,
приземлился на макушку!
Мол, нашёл себе подружку!
Вот попала я впросак!..
Вот же глупый ты, гусак!
Папа с бабушкой спасли:
растащили, разнесли!
Это первая картинка
из двухлетья моего:
гусь поехал на блондинке,
Га –га –га и Ого –го –го!
Я, конечно, ни гу-гу,
не заплакала.
Только слёзки, у –гу –гу,
сами капали.

Ты мне память отворил.
Ты мне долю объявил:
что со Звуком подружусь!
Губы. Гули. Гусли. Гусь!..

6.
Обратясь к себе лицом
Понимаешь, что – попался!
Видишь первый Дом,
С крыльцом,
На котором ты игрался, –
И перильце. Сквозанул, -
И уже в кустах бурьяна
Затаился в караул:
Выйдет, поздно или рано, -
Мама? Или – не придёт?
Никому ты, брат, не нужен!..
…Вышла! К ужину зовёт!..
Ох, какой же вкусный ужин!..
Вот картошка. Вот – лучок.
Рассыпается картошка!..
Булки яблочный бочок.
И – мочёная морошка!
Выпьем с папой молочка,
И усы потом прилижем!
Сказку, сказку, бабушка!..
Голова всё ниже, ниже…
И – к подушке прилегла…
И Луна плывёт нал ширью.
Спит семья. Седая мгла
Заполняется Сибирью…

7. **ЦАРИЦА БОЛОТ**
В тайге горючей,
Втайне желанный
Мне повстречался Лось буланый.
В рогах он нёс Булонский лес,
Высокий посох благоуханный
И пёстрый пояс лесных принцесс.

И Лось венчал меня на царство.
Царицею болот назвал.
Делился знанием-знахарством,
Целил и раны заживлял
Зверям, и духам, и царице –
Нет-нет, да пятку уколю, -
И всякой сойке и кунице,
Бурундуку и глухарю.
Таёжный дух, Упырь болотный,
Лешак и Полевой Шишок
Через кикимор и моритвар
Пускали по тайге слушок:
Что, мол, царица – подставная,
И нету права у неё:
Её корона – травяная,
А трон – болотное гнильё.
И я не топнула ногою
(ведь Топь-страна тебе не плот!)-
Домой – с короной травяною
Да с комариною фатою,
Покусанною, но живою,
По кочкам-кучкам,
волком воя -
пришла –
царицею болот.

8.
Пережимая морозы,
переживая зиму,
в наших берлогах дышим
корочкой мандарина.
Белым и бурым медведям
хлипкие мы соседи.
Только синички нам верят
да снегири светят.

9. **Волчице.**
Твоё звериное чутьё
несёт тебя намётом ровным.
Вытаивает по сугробам
весной наивное зверьё.

Напившись крови, - дальше мчишь
и воем выстилаешь выси…
Охотник твой ещё не вышел!
Родился только что, малыш!..

Но он, охотник, - подрастёт,
а ты, волчица, станешь тише.
И треск ствола его услышишь,
а он увидит твой полёт…
Лети, волчица, мчись, кружись
и закусись с сентябрьским ветром!..
Пусть лают выросшие детки
и тоненько пищит Малыш.

10. **Мы, трое.**
Девушка в шляпке
С бумажным цветком,
В платье в горошек
С приталенным пиджачком,
На велосипеде с дамским седлом
С красною рамой – мама.

Дяденька плотный
С бритым лицом
В косоворотке и босиком,
С засученными штанами,
В пиджаке с карманАми, -
Держится молодцом:
будет отцом.

В кокон спелёнутый
Крупный младенец
С красным орущим лицом –
На подоконник скатился яйцом, -
Пал и уснул, снул.

Ах, потерялся! - дом обыскался!..
Вдруг кто –то снизу сипло ревнул:
«Й –а-а! Й –а-а!» -я.

11. **КОЧЕВНИК**
Кочевник,
кучевые облака
сулят нам холод и свинцовый снег.
Рука твоя упруга и мягка,
годится и для брани, и для нег.

Табунщик,
облака твоих табу
мне застят солнце дерзостных надежд.
И лучше я стравлю себя врагу,
чем отзовусь на твой манящий манкий жест.

Кочевье за собою увело
тебя туда,
где ласковый туман
оденет в белый пух твоих овец…
Мне скулы лука холодом свело!
Я – лук твой и стрела, твой ятаган,
слеза щеки твоей,
ордынец и слепец!..

Добудь стрелу,
пошли её поверх
бегущих стад и белых облаков…
Найдёшь меня.
Полярною звездой
я буду согревать твой век
и скрадывать на камне
лязг подков.

12. **Дикая Лошадь.**
Лёд холоден - аж горяч.
Ты – голоден и незряч.
Дикая лошадь несётся вскачь
полем диким.

Вымани из дому меня –
дай узду.
Я хорошо под тобой иду?
Шпоры – чтобы во весь опор?
Или – в штопор?

Видишь – в поле моём – пожар?
Видишь – выше – столбы Стожар?
Думаешь, - в шорах – не боль, не жар?
Думаешь – шорох?

Я же дикарка. Степная тварь.
Я же ноздрями чую: гарь!..
В грудь тугая колотится хмарь,
Душит…

Вот и шипенье угасшей змеи.
Вот и легли на бёдра мои
клейма. Вот и шипенье угасшей змеи.
Вот и легли на бёдра мои
клейма.

Лед холоден – аж горяч.
Я – в шорах. А ты – незряч.
Хоть и с тавром, но несётся вскачь

дикая лошадь
горелым полем своим
диким.

13.
Родилась в год Солнца
от звёздной пары:
папа старше мамы на двадцать лет-вёрст, –
много после того, как устали татары
красть из русских селений невест.

Но кровинка татарщинки –
в узости щелей глаз,
в трепетанье ноздрей –
проявилась в крови моей красно-пенной
пряной нотой своей.

И осталось в памяти давней, генной:
хан уруской звал
и ломал над белым моим коленом
свой калёный кинжал.

И остался в памяти давней, генной
топот узких копыт.
И заря полыхала в степи вселенной.
Пыль. Кибитки. Знобит.

Шагом – стоном,
кибиткой рунной
дальше-дальше за Русь…
И ковыльем несёт бурунным
под убрус…

14. **Акын**
Солнце сухую палит траву.
Где-то акын поёт.
И суховей разгоняет огонь.
Близко поёт акын.

Чтоб не сгорел целый народ, -
факелом стал акын.
Но, не услышав песни его, –
в пепел ушёл народ…

15. **Рождественское.**
Бедняк ты или старик, -
а, может, и это, и то,-
надвинь – от дождя – башлык,
накинь – от снега – пальто,
укутай кадык, засунь
руки в карманы брюк,
ноги - в глубины чунь
и, как сохлый урюк, -
в возрасте после Христа,
вскорости после Поста, -
иди и славь Рождество
и светлое Имя Его.

16.
Когда войдём в Пространственный огонь, -
в твоей руке – моя ладонь, -
нам будет оправданьем перед Светом
любовь, которой ровни нет.
Любовь, какую выдумать нельзя.

Когда войдешь в меня, как сноп огня,
как зёрна – в землю,
Зевс – в Данаю…
Да и не надо нам!.. И так я знаю:
ты послан небом для меня.

Ты – тот, кого ждала я много лун.
Ты сам пришёл со звёзд как вестник Бога.
Вот для кого была я недотрога,
танцующая леди. Вот – шалун,
дворовый мальчик - мой Высокий Посох.

Высокий Посох, здравствуй, это ты.
Я всё тебе скажу коротким взглядом.
И, если б я могла рождать цветы, -
я выстлала бы ими путь, которым рядом
танцуешь, а не ходишь ты.

Высокий Посох, здравствуй. Это я.
Серебряная Нить в сияньи неба.
Ты к звездам поведёшь меня.
Я дам тебе земного хлеба
и пить из полной чаши бытия.

17. **Голубятня.**
Ты так прекрасен, что сжигаешь сердце
и всё, что в сердце и вокруг:
пустые хлопоты, пустые разговоры,
пустые чувства, мысли и дела.
Я становлюсь Пустою Голубятней,
в которой только голуби ночуют,
но дверцы отперты, и дует ветер,
и голубям прохладно на ветру.

Когда-нибудь, Ромео, я умру.
И ты умрёшь. И всё, что было с нами, -
умрёт.
Как след от ветра на цветке в саду,
как след от поцелуя на губах,
как умирают сны,
и звёзды в небе,
и след кометы поутру
над голубятней…

18. **Сады Дианы.**
В запущенных садах который год
Никто не гуливал. Вселесая Диана
Забыла отсчитать: закат, восход.
И время встало там, вполтрезва иль
вполпьяна.

Не трогает уснувшие листы

Ни птица умная натруженным крылом,
Ни ангел, пролетающий на службу,
Ни конь копытом, ни поэт стилом.

Зачем-то средь тоскующих дубрав
Закат оставлен был на фазе увяданья.
На фазе выдоха и тёмного страданья,
На скору руку. Не прибрав

Тропинок и сухих оврагов
Богиня двинулась неведомо куда.
Ни шороха. Ни шёпота. Ни шага.

Зачем Богиня здесь полуприкрыла дверь?
Куда она одна теперь, без Сада?
Кто в её списке горестных потерь?
Кому тот список пополнять не надо?

19. **ДЕТСКОЕ.**
Как учили – так и стало,
дело было в лоне Речи:
правая рука – Река,
левая рука – Лес.

Ложе – лошадь,
спинка – отчим.
Кнут и пряник.
Не перечим.
Правая рука – Речь.
Левая рука – Ложь.

Так и ходим
левой – правой.
Так и машем
правой - левой.
Правая рука – Жизнь.
Левая рука – Смерть.

20.
Оренбургским белым пухом
под ноги легла старуха
русская зима.

И в посёлке глухо – глухо,
тихо – тихо, губы в ухо
шепчутся дома.

Дымовые перетяги
с севера на юг.
И ленивые дворняги сипнут,
вставши в круг.

Ладить новые полозья
вышел мальчик на крыльцо.
Бог десницей осеняет
малое моё сельцо.

21.
Листья, листья, -
да вдруг снежок.
Быстро-быстро летит возок.
Эй, купчина, слезу утри!
Пронесёмся на раз-два-три!
по Мильённой, -
да прыг в шинок,
у камина согреешь бок!
Зычный голос летит с облучка,
и рука у возницы крепка!..
Вороная кобылка летит,
да ледок по-над речкой блестит…
Да. Троллейбус. И век не тот.
Первый снег по проспекту идёт.

22. **Дачи**
Детский щебет, птичий свист.
В вист играют у соседей.
Вот придёт починщик Федя
и починит телевизор:
ругают мужичка,
что явился утром пьяный.
Кто-то тешится кальяном,
кто – играет в дурачка.

Дым кальянный, дух сенной!..
И куражится погода:
Солнце в низких тучах ходит,
глядь, зарядит проливной…

Дождь. Попрятались под крыши.
Жесть грохочет – просто жесть!
Больше ничего не слышу!..
Жисть – жесть – жисть – жесть-
Жииисть!..

23.
Ворона каркнула.
Волчица улыбнулась.
Рысь вздрогнула. И Заяц задрожал.
Все звери для тебя во мне проснулись.
А ты мне только слово и сказал!..
Вставали травы, реки и столетья
меж нами. И клинок лежал.
«Но Он пришёл!», - прокаркала Ворона.
«И – улыбнулся!» - взлаяла Волчица.
Рысь - прыгнула.
И Заяц побежал…

24.
Румяные булки заката
и розово – снежный зефир,
я вас полюбила когда-то,
приняв приглашенье на пир.

Потом будут серые гренки
чумазых российских снегов,
разбитые вусмерть коленки
и поиск счастливых подков,

и чёрствые хлебы разлуки,

и горькая водка вины,
и –дети!.. И дети, и внуки,
и терпкая соль тишины.

И вот, в завершение пира
приму я на посошок
белейший снежок зефировый
да белого света глоток.

25.
Прощай, любимая зима.
В эпоху грозных потеплений
как будет не хватать нам лени,
объявшей сизые дома,
дымов от Войлочной Заимки,
чей благотворный банный дух
разносится Ушайкой зимней
под бормотание старух.

Колокола Петра и Павла
намедни снова нас простят,
но не вернут безвинно павших
славянских хлопців и робят…

Шулдяков Владимир Александрович

Родился в 21 ноября 1963 года в деревне Розовка Омской области в учительской семье. Работал слесарем-сборщиком на агрегатном заводе им. В.В. Куйбышева. В 1988 году окончил исторический факультет Омского государственного университета. С 1994 года – кандидат исторических наук. Работал главным палеографом Государственного архива Омской области, преподавал историю в омских вузах. В 2001-2002 годах – методист учебного отдела Омского кадетского корпуса.

Сфера научных интересов – история казачества, Гражданская война в Омске и Сибири, история Омского кадетского корпуса. Опубликовал более 150 работ в научных, научно-популярных и периодических изданиях России, Казахстана и США.

В настоящее время доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры № 1 Технического обеспечения (и тактики), Омский автобронетанковый инженерный институт – филиал Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва Министерства обороны Российской Федерации. Россия, г. Омск.

УДК 355.486
ББК 63.3(2)535-68
ГРНТИ 78.09.09.19

В. А. Шулдяков

Есаул А. П. Тарыкин и его «История 3-го Сибирского казачьего полка»

Статья посвящена созданию полковой истории первоочередного полка 3-го военного отдела Сибирского казачьего войска. Показаны предыстория и процесс работы над книгой. Реконструированы биография и творческие планы автора Александра Петровича Тарыкина (1883–1916), погибшего на Германском фронте. Охарактеризовано содержание книги. Приведены примеры охранной службы казаков на госгранице.

***Ключевые слова**: А. П. Тарыкин, 3-й Сибирский казачий полк, полковая история, охрана границы.*

V. A. Shuldyakov

Esaul A. P. Tarykin and his «History of the 3-rd Siberian Cossack Regiment»

The article is devoted to the creation of the regimental history of the first-priority regiment of the 3-rd military department of the Siberian Cossack host. The background and process of working on the book are shown. The biography and creative plans of the author Alexander Petrovich Tarykin (1883–1916), who died on the German front, have been reconstructed. The contents of the book are described. Examples of the Cossack security service at the state border are given.

***Key words**: A. P. Tarykin, 3-rd Siberian Cossack Regiment, regimental history, border protection.*

В последней трети XIX в. у государственной и военной элиты Российской империи уже было твердое убеждение в большом значении военно-исторической работы в деле воспитания военнослужащих, что находило отражение и в практической деятельности. Например, генерал от инфантерии Герасим Алексеевич Колпаковский, бывший в 1882–1889 гг. Степным генерал-губернатором, командующим войсками Омского военного округа и войсковым наказным атаманом Сибирского казачьего войска, провёл целый комплекс мероприятий по «историческому воспитанию» сибирских казаков. В самом начале своего управления Степным генерал-губернатором он добился увековечивания имени атамана Ермака в названии 1-го полка Сибирского войска: в 1882 г. «в память трёхсотлетнего юбилея покорения Сибири» полк стал именоваться «Сибирским казачьим № 1-м Ермака Тимофеева полком». Г. А. Колпаковскому удалось убедить берёзовских казаков, расказаченных государством, но дороживших своими традициями, согласиться на перенос из храма г. Берёзова в Омск, в Свято-Николаевскую войсковую церковь, исторической реликвии — «Знамени Ермака». В 1887 г. Колпаковский поручил прикомандированному к штабу округа есаулу Н. Г. Путинцеву собрать из местных архивов материалы и установить точную хронологию истории сибирского казачества, причём на копирование архивных документов переписчиками были выделены деньги из войскового капитала. Результатом стала книга Путинцева «Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска…» (1891) [1, с. 250–253, 256, II, III].

В 1902 г. военный министр генерал-адъютант А. Н. Куропаткин приказал приступить к подготовке и изданию «подробных исторических трудов по каждому из казачьих войск». Эту работу координировало Главное управление казачьих войск, а в каждом войске — войсковой наказный атаман и Войсковое правление [2, с. III–IV]. В Сибирском войске над войсковой историей работали войсковой старшина, с 1903 г. полковник, Николай Григорьевич Путинцев (1860 – не ранее 1919), затем — генерал-лейтенант в отставке Георгий Ефремович Катанаев (1848–1921) [3, с. 135–140].

Особое значение придавалось написанию полковых историй. Ещё в 1879 г. в приказе № 1 по Гвардейскому корпусу наследник-цесаревич Александр Александрович, в дальнейшем император Александр III, упомянув о значении истории вообще («Она доставляет уроки для будущего»), подчеркнул важность написания именно историй полков, которые «служат одним из верных залогов нравственной силы частей войск». По его мнению, полковая история сохраняет боевые предания и традиции, прививает молодежи уважение и любовь к своей части, дает ей из подвигов предшественников-однополчан в прошлых войнах яркие примеры для подражания на будущее [цит. по кн.: 4, с. VII]. Данный приказ имел большое значение, и в дальнейшем его фрагменты или формулировки повторялись во многих официальных документах и военно-исторических текстах.

Бюрократический посыл встретил широкую заинтересованность в русском офицерском корпусе, в рядах которого оказалось много людей, любивших свои воинские части, увлекавшихся историей, с хорошим образованием и действительно талантливых. В конце XIX – начале XX вв. в Российской империи был настоящий бум военно-исторический исследований и печатных работ. Тогда в России, по подсчётам С. В. Волкова, было издано до

трёхсот книг по истории воинских частей и учреждений, военно-учебных заведений и казачьих войск, причём, как правило, писались они рядовыми офицерами [5, с. 303].

В Сибирском войске первой была написана полковая история 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка, прославившегося во время завоевания Туркестана [6; 7]. Эту работу выполнил бывший командир полка генерал от кавалерии в отставке Николай Алексеевич Симонов (1851 – не ранее 1917) [3, с. 145–148].

А в 1912 г. в г. Омске вышла из печати «История 3-го Сибирского казачьего полка», автор которой сотник А. П. Тарыкин начал её с цитаты, повторяющей мысли и формулировки Александра III и чётко объясняющей, зачем написана данная книга: «История всякой войсковой части должна содействовать поддержанию её традиций, славы и чести; она должна, приведёнными в ней примерами прошлого, воспитать в настоящих поколениях любовь и уважение к своей части и рвение к доблестным подвигам в будущих войнах» [цит. по кн.: 8, (с. 5)].

Прежде всего, необходимо остановиться на неординарной личности автора книги. Александр Петрович Тарыкин происходил из казачьих детей поселка Татарского станицы Черлаковской Омского уезда. Он родился 12 декабря 1883 г. (все даты по старому стилю) в семье предпринимателя-агрария П. А. Тарыкина, хоть и происходившего из нижних чинов, но засевавшего ежегодно до одной — двух тысяч десятин земли и считавшегося, по меркам Сибирского войска, «крупным богачом» [9, л. 25 об.; 10, с. 6; 11, л. 9 об.; 12, с. 135].

Окончив в 1904 г. 1-ю Омскую гимназию [10, с. 6], Александр Тарыкин подал прошение на Высочайшее имя о зачислении в Елизаветградское кавалерийское училище и был принят в него юнкером. По окончании училища в 1906 г. новоиспеченный хорунжий был назначен в 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк в Семиречье. Тарыкин служил младшим офицером сначала в 3-й, потом — в 6-й сотне. В 1907 г. последовал перевод из 1-го во 2-й Сибирский казачий полк, в котором Александр Петрович стал помощником начальника учебной команды, затем — младшим офицером 4-й сотни.

В мае 1909 г. молодой офицер оказался перед трудным выбором. Приближалось окончание обязательной после выпуска из военного училища службы. Благодаря помощи отца Александр Петрович смог сразу после училища жениться (на дочери отставного коллежского асессора Любови Владимировне Неймарк), и к 1909 г. у него было уже две дочери: Валерия и Галина — 1907 и 1908 годов рождения соответственно. Мотаться с малыми детьми по глухим гарнизонам Туркестана — не самое приятное занятие. И 30 мая 1909 г. Александр Тарыкин взял у командира 2-го полка «отпуск без сохранения содержания впредь до зачисления в запас по Сибирскому казачьему войску». Однако производство в чин сотника (1909) и особенно перевод в Омск — на службу в управление 2-го военного отдела войска, — поменяли его намерение. А. П. Тарыкин остался в армии.

В управлении отдела он помогал заведующему мобилизационным делопроизводством, сам вёл делопроизводство по школьному столу отдела. Затем последовал перевод в 3-й Сибирский казачий полк, но в те его сотни, которые дислоцировались в Омске: Тарыкин служит младшим офицером сначала в 6-й сотне, потом в 5-й. Наконец, в 1913 г. Александр Петрович производится «за выслугу лет» в подъесаулы и назначается на должность помощника старшего адъютанта управления атамана 2-го военного отдела Сибирского казачьего войска. К тому времени Тарыкины прочно обосновались в Омске, купили дом, в 1910 г. у них родился третий ребенок – сын Пётр [13, л. 2–5 об.], названный, наверное, в честь деда. Обстановка на службе и дома, очевидно, была такова, что позволяла офицеру в свободные минуты предаваться любимому делу — занятиям историей.

Пока не выяснено, кто выступил инициатором написания полковой истории: сам А. П. Тарыкин, новый, с 1911 г., командир 3-го Сибирского казачьего полка полковник Е. С. Сергеев (1859, Акмолинская область — не ранее 1919), войсковой старшина А. М. Бедрин или кто-то ещё. Тарыкин в тексте своей книги обошёл этот вопрос. Но, во всяком случае, войсковое и полковое начальства не препятствовали работе и даже помогало. Кстати, полковник Евпсихий Сергеевич (или, как называли его в полку, Константин

Степанович) Сергеев и сам интересовался историей, археологией, этнографией. Например, когда в 1919 г. его послали из Омска в командировку в Енисейскую губернию, он совместил служебную задачу с приятным для себя занятием. Ревизуя Енисейское казачье войско, Е. С. Сергеев проехал из г. Красноярска в г. Минусинск и обратно. И в результате, написал очерк, в котором дал археологическую и этнографическую зарисовку края [14].

В апреле 1912 г. сотник Тарыкин был командирован из Омска, из 6-й сотни, в г. Зайсан Семипалатинской области — в штаб 3-го Сибирского казачьего полка специально «для сбора материалов для истории полка». Пробыл он в Зайсане совсем недолго — 13 дней (со 2 по 14 мая) [13, л. 3 об.]. Видимо, сотник лишь просматривал и отбирал документы в архиве штаба полка и в сотнях, а копировали их другие лица, скорее всего, писаря штаба полка.

Из полковых офицеров наибольшее содействие в Зайсане оказал исследователю сотник Михаил Иванович Мархинин (1885, станица Антоньевская Бийского уезда — 1937, г. Шанхай, Китай). Наряду с письменными источниками Тарыкин использовал устные рассказы и воспоминания современников, которых перечислил в своей работе. Это были есаулы Георгий Нефёдович Пермитин (1864, Семипалатинская область — 1915, господский дом Петровщизна Виленской губернии) и Василий Епифанович Долженко (1871, Акмолинская область — 1921, Омск), подъесаул Василий Константинович Солдатов (1882, Семипалатинская область — не ранее 1920) и войсковой старшина Андрей Михайлович Бедрин (1867, Акмолинская область — не ранее 1919). Последний оказал Тарыкину «самое широкое содействие в Омске». Как признавал историк, «связь между событиями [была] установлена преимущественно» по рассказам выше перечисленных офицеров. Кроме того, помог своими советами есаул Владимир Никитич Осипов (1872, станица Антоньевская — 1954, г. Сан-Франциско, США), по указаниям которого удалось найти много исторических справок про Сибирское казачье войско. Благодаря этой помощи (и, очевидно, энтузиазму самого автора) Тарыкин написал полковую историю «в короткий семимесячный срок» [8, с. 167], хотя это самая объёмная и значимая его печатная работа.

Хоть А. П. Тарыкин и сетовал на свою «сравнительно малую подготовленность» к «такому серьёзному историческому труду» [8, (с. 5)], но на самом деле он достаточно быстро и успешно обработал и наглядно представил большой массив материалов, что видно даже по научно-справочному аппарату. Ведь в приложениях к книге у него приведены не только приказы и Высочайшие грамоты, как в работах генерала Н. А. Симонова, но и «Хронологический перечень событий из истории полка», «Памятка о войсковых знаменах», список всех командиров полка (с указанием их имен-отчеств, чинов, сроков командования) и, наконец, «Список офицеров, служивших в 3-м Сибирском казачьем полку» (1872–1912). Последний составлен по нарядам, объявлявшимся в приказах по войску, и частично по найденным в архивах послужным спискам. Он ценен тем, что в нём в алфавитном порядке указаны фамилии офицеров с именами-отчествами, чинами и годами, когда они служили в данном полку.

Первые две главы Тарыкин посвятил истории сибирского казачества, начиная с атамана Ермака. Эти две главы, как и IV-я («Военно-географический очерк района, занятого 3-м Сибирским казачьим полком»), по его собственному признанию, носят компилятивный характер и составлены «по литературным трудам о войске». А вот главы III-я и V-я, а также приложения — это «самостоятельный труд» автора, основанный на приказах по полку и войску, на архивах казачьего отделения штаба Омского военного округа, Войскового хозяйственного правления, штаба 3-го полка и его сотен [8, (с. 5)]. V-я глава «Описание путей сообщения и маршруты» имела большое практическое значение для передислокаций войск и военнослужащих, не знакомых с описываемой местностью.

III-я глава называется «Историческое исследование событий с 1872 по 1912 год» и представляет собой самую ценную и объемную часть книги [8, с. 31–167]. В ней погодно записаны все важнейшие события в жизни и службе 3-го полка: передислокации его конных сотен, расположение пикетов, выполняемые задачи, вооруженные конфликты, взаимодействие со стрелками и артиллерией, бытовые условия службы и т.д. Подробно рассмотрена

«служба постов», заключавшаяся «в охране себя и вверенных им участков часовыми, секретами и разъездами, сообразуясь с местными условиями и обстановкой», а также в сборе сведений о китайских войсках (вооружение, обучение, передвижение отрядов и транспортов) и перемещениях кочевников. Особенно важно было не допускать перекочевки урянхайцев и «китайских киргизов», т. е. тувинцев и китайско-подданных казахов, на русскую сторону. В этой главе масса интереснейших деталей, в частности, описаны все боестолкновения, есть списки убитых, раненых и награжденных казаков.

3-й конный полк был сформирован в Зайсанском посту приказом Сибирскому казачьему войску № 42 от 21 октября 1872 г. Первым полковым командиром стал полковник Алексей Васильевич Старков, командовавший полком до 1876 г. [8, с. 31, прил. № 7]. Создание полка стало следствием присоединения к России, на основании Пекинского трактата 1860 г. и Чугучакского протокола 1864 г., ранее спорных территорий: района озера Зайсан, долин Верхней Бухтармы и Бурчума, части Черного Иртыша. Новую, четко определенную государственную границу теперь надо было твердо охранять, тем более, кочевники не хотели признавать ничьей власти и нередко нападали на русские посты и отряды.

Описание боевых действий А. П. Тарыкин начал не с 1872 г., а с 1869 г., когда в районе озера Зайсан еще действовали подразделения 8-го полкового округа Сибирского казачьего войска и когда у русского командования были наибольшие проблемы на новых территориях. Китайские власти Синьцзяна плохо контролировали свои владения. И там появились так называемые «кызыл-аяки» (с казахского — «красные ноги») — шайка маньчжур и китайцев, в основном бывших солдат. Они вышли из повиновения, самовольно обосновались в местности Бурлы-тогой на реке Чёрный Иртыш и отсюда стали совершать разбойные нападения на население Северо-Западного Китая и примыкавших к нему районов России.

Кызыл-аяки подговорили соседних калмыков-торгоутов, собрали отряд в 500–600 человек и спланировали операцию по захвату скота киреевцев (рода русско-подданных казахов) и одновременному уничтожению Зайсанского пограничного поста. Они явно были настроены на схватку с русскими, так как приготовили батарею из 6 «верблюжьих пушек». Это были «орудия» (или «громадные ружья»), вделанные в деревянные ложи и возившиеся на верблюдах; каждое обслуживал расчёт из 4 человек. Заранее скрытно сосредоточившись в прибрежных зарослях реки Джемени и обманув бдительность казачьих пикетов, рано утром 30 мая 1869 г. кызыл-аяки внезапно напали на киреевцев, перекочевывавших мимо Зайсанского поста, и на их плечах попытались ворваться в сам пост. Передовые неприятельские всадники (около 60 человек) были уже в нескольких шагах от здания управления Зайсанского приставства. Сибирские казаки и стрелки 4-го линейного Западно-Сибирского батальона отбились, но в этой схватке за пост 3-я сотня 8-го полкового округа потеряла 4 казаков убитыми и 10 раненными. Когда русские перешли в наступление, кызыл-аяки открыли огонь из своих верблюжьих пушек и несколько раз пробовали собраться для контратаки. В ходе двухсотверстного преследования наши казаки и стрелки взяли все шесть орудий противника, отрядный парчовый значок, пики; весь захваченный в набеге киреевский скот (одних баранов до 11 тысяч голов) по состоянию на 2 июня 1869 г. был отбит неутомимыми казаками и в дальнейшем был возвращен владельцам [8, с. 39–44].

В последующем с таким организованным противником сибирцы в Зайсанском приставстве (затем уезде) более не сталкивались, что, однако, не делало пограничную службу безопасной. Так, в ночь на 18 октября 1878 г., преследуя «отложившихся киргиз Устькаменогорского уезда», решивших уйти в китайские пределы, разведывательная полусотня сотника Вяткина (55 человек), из состава 1-й сотни 3-го Сибирского казачьего полка, в густом тумане подверглась неожиданному нападению скопища «киргизов» численностью до 2000 всадников и была разгромлена. Полусотня потеряла, по разным данным, от 23 до 26 человек убитыми и, как минимум, 6 казаков раненными [8, с. 58–61].

Несомненно, книга А. П. Тарыкина, ставшая его первым печатным опытом, даёт богатейший материал для изучения охраны русского пограничья в Азии во второй половине XIX

– начале XX вв., прежде всего, туркестано-синьцзянского и алтайско-монгольского участков границы.

Однако Александр Петрович заявил о себе не только как исследователь и писатель. В 1912 г. по его инициативе при Войсковом хозяйственном правлении в Омске создается «Общество любителей старины Сибирского казачьего войска» (вероятно, по образцу «Терского общества любителей казачьей старины», 1909–1917); проект устава был разработан именно Тарыкиным. В 1913 г. он издает «Сборник Сибирского казачьего войска» (видимо, по примеру тех же казаков-терцев).

В том же 1913 г. А. П. Тарыкин издает популярный очерк для войсковых школ, строевых частей и населения про казачьи войска России [15], а также большой «в три краски»» настенный «Календарь Сибирского казачества на 1914 год» [16, л. 2].

В 1914 г. выходят из печати следующие его работы: «Памятная книжка сибирского казака» [17], «Песни сибирского казака. Собрание распространенных и любимых песен в Сибирском казачьем войске» и две «картины для сотен, школ, канцелярий и пр.)»: (1) «Исторические формы обмундирования Сибирского казачьего войска в XIX столетии (с 1808 по 1908 гг.)» и (2) «Войсковые наказные атаманы Сибирского казачьего войска за все время его существования» («15 портретов в художественных виньетках с историческими датами»).

Ещё две свои работы А. П. Тарыкин подготовил к печати и анонсировал: (1) «История Сибирского казачьего войска. Иллюстрированный исторический очерк образования войска, его прошлого и настоящего положения. Для школ, сотен и войскового населения» и (2) «Сепаратисты в Сибири. Быт сибирского казачества в свободную эпоху 60-х годов».

Над пятью изданиями Тарыкин ещё работал, но уже тоже анонсировал, это: (1) «Пособие для офицеров заведывающих станицами в Сибирском казачьем войске», (2) «Физико-географический очерк Сибирского казачьего войска» («Полное и подробное описание войска по новейшим исследованиям с пояснительными иллюстрациями и диаграммами»), (3) «Иллюстрированный альбом Сибирского казачьего войска» (в 4 выпусках), (4) картина «Современные деятели Сибирского казачьего войска» (25 портретов в виньетках) и (5) настольный иллюстрированный календарь «Сибирский казак» (в сто страниц).

Как видим, планы у Александра Петровича на 1914–1915 гг. были грандиозные. Хотя, за исключением «Сепаратистов в Сибири», в основном не научно-исследовательские, а историко-просветительские. Однако их реализации помешала война [3, с. 149–153].

Впрочем, для Тарыкина неприятности начались чуть раньше в связи с каким-то его проступком по службе, за который войсковой атаман отдал его под суд. 29 июля 1914 г. Омский военно-окружной суд приговорил его к четырём месяцам содержания на гауптвахте без исключения с военной службы, но с ограничением некоторых прав и служебных преимуществ. Правда, 20 августа 1914 г. приказом войскам Омского военного округа № 216 приведение данного приговора в исполнение было отложено до окончания войны [18, л. 5].

С началом мобилизации подъесаул А. П. Тарыкин был назначен в формируемый 5-й Сибирский казачий полк, 28 июля вступил в командование его 5-й сотней, а уже 9 сентября 1914 г. прибыл с полком на Германский фронт [18, л. 4 об.]. Видимо, он пытался вести на фронте дневник и писать о пережитом. Наверное, Тарыкину принадлежит очерк «Первая разведка», опубликованный в омском «Вестнике помощи призванным на войну» [19]. Однако в первый раз провоевал он не долго, не позже середины ноября 1914 г. был ранен [10, с. 6]. Вероятно, рана долго не заживала, почему Тарыкина эвакуировали с фронта глубоко в тыл: в Москву [20], а оттуда — 18 апреля 1915 г. — в Омск [21].

Поправившись после ранения, историк вернулся на фронт и продолжил командовать 5-й сотней 5-го Сибирского казачьего полка. Воевал он хорошо, так как к началу 1916 г. заслужил два боевых ордена: Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом (1914) и Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (1915) [18, л. 4 об.].

Однако 13 июля 1916 г. бомбой, сброшенной с германского аэроплана, были убиты два офицера 5-го Сибирского казачьего полка: подъесаул Александр Петрович Тарыкин и сотник Митрофан Николаевич Горбунов [22, л. 126 об.]. Случилось это «в уроч[ище] Переделы

против Огинского канала» (в Белоруссии). Точнее, А. П. Тарыкин был тяжело ранен и умер по дороге в госпиталь [23]. Но что самое поразительное — на следующий день 14 июля в 7-м Сибирском казачьем полку (той же Сибирской казачьей дивизии), также бомбой с немецкого аэроплана, был убит его младший брат прапорщик Иван Петрович Тарыкин (1892–1916) [22, л. 145].

22 июля 1916 г. Высочайшим приказом подъесаул 5-го Сибирского казачьего полка Александр Тарыкин был произведён в чин есаула (со старшинством с 20 июня 1916 г.) [24, с. 11]. Получилось, посмертно. Безусловно, это была огромная потеря для войска. На 33 году жизни погиб подававший большие надежды исследователь, талантливый популяризатор исторических знаний, много уже сделавший и полный творческих планов. Его довоенный масштабный историко-просветительский проект остался не завершенным. К огромному сожалению, пока не удается найти фотографию этого выдающегося офицера.

Что касается 3-го Сибирского казачьего полка после выхода из печати его полковой истории, то всю Первую мировую войну он оставался в Омском военном округе. Штаб полка и четыре сотни стояли в Зайсане, выделяя из своего состава конвои в города Шара-Сумэ (Китай) и Кобдо (Монголия), а также выставляя в летнее время посты на пограничные перевалы; две сотни (5-я и 6-я) дислоцировались в г. Омске. В 1916 г. полк высылал сотни в степи Акмолинской и Семипалатинской областей для подавления восстания «киргизов» (казахов), возмущенных мобилизаций их на тыловые работы. К 1917 г. 6-я сотня из Омска была переведена в г. Новониколаевск, а две сотни из Зайсана (1-я и 2-я) — в Шара-Сумэ. После Февральской революции полк просился на фронт, но так и остался в Омском военном округе, а после прихода к власти большевиков был расформирован.

Восстановленный белоказаками 3-й Сибирский казачий полк в 1918 — начале 1919 гг. воевал в составе Семиреченского отряда 2-го Степного корпуса, а в 1919 г. — на Урале и в Западной Сибири последовательно в составе Сводно-казачьего корпуса, Конной группы 2-й армии и Сибирской казачьей группы. Только 6-я сотня почти всю Гражданскую войну действовала в отрыве от своего полка. Отправленная летом 1918 г. в Урянхай (Туву), она охраняла там границу, а потом оказалась вовлечённой в вооруженную борьбу: сначала с монголо-китайскими отрядами и восставшими урянхами, затем — с вторгшейся в край красной партизанской «армией» А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина [25]. Лишь в декабре 1919 г. под Ачинском 6-я сотня воссоединилась с родным полком. 3-й Сибирский казачий полк, как и вся 1-я Сибирская казачья дивизия, в состав которой он входил, попал перед Красноярском в окружение и 6 января 1920 г. (по новому стилю) сложил оружие [26]. На этом его история завершилась.

Список источников

1. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска: со времени водворения западносибирских казаков на занимаемой ими ныне территории / Сост. есаул *Н. Г. Путинцев*. Омск: Тип. окр. штаба, 1891. [2], IV, 256, VIII с.

2. *Недбай Ю. Г.* История Сибирского казачьего войска (1725–1861): в 2-х т. Т. I (кн. 1–2). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. 428 с.

3. *Шулдяков В. А.* Дореволюционные историки Сибирского казачьего войска: материалы к биографиям // Сибирские оборонительные линии. XVIII – середина XIX веков: материалы научно-практ. конф. «Первые Омские военно-истор. чтения» (Омск, декабрь 2021 г.). Омск: ООО «Образование Информ» 2022. С. 120–174.

4. История 10-го пехотного Сибирского резервного Омского полка. 1865–1907 г. / Сост. подполковник [*М. Н.*] *Фукин*. Омск: Типогр. К. И. Демидовой, 1907. [4], X, 557 с.

5. *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 367, [1] с.

6. Очерк службы № 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка / Сост. *Н. Симонов*. М.: Типо-лит. Т-ва «И. Н. Кушнерев и Ко», 1901. [2], IV, 204, [6], IV с.

7. Краткая история № 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка / Сост. *Н. А. Симонов*. Омск: Тип. штаба Омского воен. округа, 1907. [2], 164. IV с.

8. *Тарыкин А. П.*, сотник. История 3-го Сибирского казачьего полка. Омск: Тип. штаба Омского воен. окр., 1912. [6], XVI, 229, [16] с.

9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 408. Оп. 1. Д. 798.
10. Вестник помощи призванным на войну (Омск). 1914. № 10. 18 ноября.
11. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 1154. Оп. 1. Д. 5. Ч. 1.
12. *Ходаков П. И.* Генерал-лейтенант Георгий Ефремович Катанаев // Сибирский казак: Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. 6.XII.1582–19.XII.1932 г. / Под ред. *Е. П. Березовского*. Вып. 1: Наше прошлое до Великой войны 1914 года. Харбин: Изд. Войскового представительства Сиб. каз. войска, 1934. – С. 131–136.
13. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 49940.
14. *Сергеев Е.* Поездка по реке Енисею и его притоку Абакану // Иртыш. Омск, 1919. № 41. С. 25–26.
15. *Тарыкин А. П.* Казачьи войска. Популярный очерк для казачьих школ, строевых казачьих частей и войскового населения. Омск: Тип. штаба Омского воен. округа, 1913. [8], 88 с.
16. Календарь Сибирского казачества на 1914 год / Сост. *А. П. Тарыкин*. [Омск, 1913]. — ИАОО. Ф. 2200. Оп. 2. Д. 2007. Л. 2.
17. *Тарыкин А. П.*, подъесаул. Памятная книжка сибирского казака. – Омск: Тип. штаба Омск. воен. округа, [1914]. – [2], 32 с.
18. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 3172.
19. *А. Т.* Первая разведка (Из записной книжки командира сотни) // Вестник помощи призванным на войну (Омск). 1914. № 15. 31 декабря. С. 6–7.
20. Русское слово (Москва). 1915. № 118. 24 мая (06 июня).
21. РГВИА. Бюро по учету потерь. Картотека. Карточка на выбывших [Электронный ресурс]. URL: http://gwar.mil.ru/cartoteka/yalutorovsk/690253/
22. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 63.
23. РГВИА. Бюро по учету потерь. Картотека. Карточка офицерской картотеки [Электронный ресурс]. URL: http://gwar.mil.ru/cartoteka/yalutorovsk/2278243/
24. Приказы о чинах военных 1916 года. СПб., 1916. Т. 7.
25. *Шулдяков В. А.* Последняя страница в казачьей колонизации Сибири: 6-я сотня 3-го Сибирского казачьего полка в Урянхае (1918–1919 гг.) // Осмысление и роль казачества (казаков) в присоединении Сибири и Дальнего Востока к России: Материалы Всерос. научно-практ. конф. с международ. участием. Тюмень: Изд-во «Печатник», 2023. С. 164–169.
26. *Шулдяков В. А.* Сибирская казачья группа генерал-майора В. И. Волкова // История белой Сибири: Сб. науч. ст. Кемерово, 2011. С. 265–272.

Шулдяков Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры № 1 Технического обеспечения (и тактики), Омский автобронетанковый инженерный институт – филиал Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва Министерства обороны Российской Федерации. Россия, г. Омск.

Отчётная статья православного летнего лагеря кадетов ОЮЛ Союз «Казаки Семиречья»

С верой в сердце и с честью казака кадеты Семиреченского казачьего войска приняли участие в православном лагере, который прошёл в четыре потока по три дня каждый.

Кадеты станиц Лебединовской, Молдовановской, Сокулукской, Беловодской и Кантской, добирались до лагеря на поезде. Кадеты в возрасте от 8 до 17 лет, прибыли в лагерь вместе со своими наставниками и сопровождающими. В каждом потоке принимали участие по 28 кадет.

Для юных казаков эти дни стали временем духовного укрепления, приобщения к традициям и совместного труда на благо православной веры. Каждое утро начиналось с бодрой зарядки и строевой подготовки, ведь казаки должны быть сильны телом и крепки духом.

Кадеты активно помогали в хозяйственных делах лагеря: трудились на кухне.

Оказывали помощь храму и монастырю, выполняли послушания с усердием и ответственностью.

Особым событием стала экскурсия в Иверский женский монастырь, где ребятам провели мастер-класс по звонарному искусству — каждому была дана возможность самому ударить в колокол и почувствовать величие древней традиции.

Духовная жизнь лагеря была насыщенной: ежедневно кадеты присутствовали на молебнах, а по вечерам собирались на беседы с духовником лагеря, монахом Феогностом. Его слова о вере, силе духа, братской поддержке и служении Отечеству нашли отклик в сердцах ребят.

1988

Не забыли кадеты и об отдыхе — они совершили поездку на городской пляж Балыкчи, насладившись свежим ветром и видами озера.

Лагерь стал школой веры, мужества и товарищества. Кадеты Семиреченского казачьего войска доказали, что достойны высокого звания казака: верного православию, преданного Отечеству и готового к служению во имя правды и чести!

Мужи в забвении, а мужики в забытьи

http://www.kramola.info/vesti/protivostojanie/muzhi-v-zabvenii-muzhiki-v-zabyti

Опубликовано 26 декабря, 2016

Опубликованная серия статей на сайте Ратныйтруд.РФ в рубрике дети, начиная с 18 ноября 2015 года, о воспитании маленьких мужчин, имеет своё продолжение, т.к. эта тема многогранна и на каждый день актуальна.

В предыдущей статье я рассказывал о драке своего сына – подростка в школе и о драматических последующих событиях по отношению к одноклассникам, но вопрос воспитания молодой поросли следует рассматривать глубже и глобальней, как для

всего поколения подростков, так и для страны в целом. Воспитание, а точнее формирование из мальчиков мужчин, процесс длительный и требующий передачи мужского миропонимания, реализации мужских навыков и развития физических данных мужчины. Школа не может заниматься воспитанием (и тем более формированием миропонимания) мальчиков по простой причине – коллектив учителей в школе состоит из одних женщин. Но пока не буду говорить об учителях. Начну с самого близкого человека, с мамы.

Что может дать своему сыну любящая мать (тем более мать одиночка)? Материальное обеспечение, постоянную опеку и заботу, спортивные секции, различные поездки, музеи – галереи и материнскую безграничную любовь (в лучшем случае). Кого видит мать перед собой, пытаясь приобщиться к процессу воспитания. В первую очередь неразумное дитя, нуждающееся в её опеке (причём пожизненно) и во вторую очередь – свою «кровиночку», самое дорогое для себя, дитя, вокруг которого она лелеет свои материнские надежды. Но какую часть в этих надеждах занимает безоговорочная любовь сына к другой женщине (допустим к будущей жене), или вступление в драку с группой гопников, при защите совершенно незнакомых людей, или годы зоновской жизни её сына, или приказ «паркетного» генерала о скитаниях по чеченским горам и т.д? Ведь это реальные ситуации для любого нормального мужчины. Наверняка ни одна мама своего сына к таким экстрим–вариантам готовить не сможет, и не будет. А мальчику во всём нужен живой пример. Сможет ли мама научить сына забить гвоздь с двух ударов, сходить в туалет и не забрызгать стенки унитаза, защитить слабого перед сильным, закусить изнутри губу, когда наворачиваются слёзы на глаза, научить нести ответственность за своих близких и за всё происходящее вокруг, удовлетворить своё жгучее желание просто с кем-то подраться. Нет, не сможет, потому как ей не дано исполнение и понимания этих вещей её природой. Женщина мыслит другими категориями. Естественные желания и поступки сына, для матери могут казаться более чем странными. Семнадцатилетнего сына в одиннадцать вечера нет дома, мама мечется от окна к окну, папа ложится спать и говорит маме: «Ложись, всё нормально, придёт». Это из области управляемых взаимоотношений в семье, но задайте любой маме вопрос: «Ради чего бы она могла пожертвовать жизнью своего сына?». Ответа не будет, т.к. такой вопрос в её голове не вмещается.

С школьными учителями в воспитательной деятельности ситуация усложняется. Во-первых, они находятся под ограничениями всевозможных инструкций, ведомственных бюрократических «заморочек» и изматывающим объёмом работы. Во-вторых, они ежедневно пытаются совладать с плохо управляемой, «разношерстной» массой детей (часто в переполненных классах). В-третьих, учителя — это тоже женщины и в попытках хоть как-то повлиять на удержание общей дисциплины, допускают порой не допустимые методы воздействия на детей, демонстрируя им низменные пороки во взаимоотношениях.

Поощряется наушничество, доносительство, применяются методы угроз и запугивания: милицией, комиссиями, экзаменами и т.п. Т.е. «лепятся» напуганные, исполнительные биоособи мужского пола. Поэтому учителей женщин к воспитанию мальчиков, также допускать нельзя по вышеописанным причинам (хотя информационно-общеобразовательные дисциплины, женщина, как правило, подаёт лучше, чем мужчина). При всём этом одновременно, из школьного образования вытеснены мужчины, благодаря вредоносной общеобразовательной политики государства, сюда можно добавить как уничтожение государством института семьи, так и создание через школы покорного, трусливого и исполнительного поколения биороботов.

Так откуда же тогда взяться настоящим мужчинам. За чью спину можно встать в трудные минуты, плюс видеть в нём достойного отца своим детям. А главное, где «найти» их, мужественных и стойких, способных противостоять злу, которые могли бы навести порядок в семье, в районе, в городе, в стране.

Нет смысла их искать, их надо растить и воспитывать, но при попустительстве му-

жиков, уже которое поколение мальчиков «изуродовано» ещё в детстве. Если рассматривать воспитание мальчика как мужчину и воина, то здесь необходимо делать упор на три составляющих. Физическая подготовка - это самодисциплина, сила, выносливость, реакция, умение держать удар, умение противостоять более сильному противнику в мороз, в дождь, в темноте, в замкнутом пространстве и т.п.

Психическая зрелость – это умение выдержанно вести себя в любой экстремальной ситуации, а также стратегия и тактика действий, способность быстро ориентироваться в зависимости от условий, но главное всё таки у мужчины – это ДУХ.

А вот на этой составляющей следует остановиться поподробнее, т.к. именно это качество отсутствует у подавляющего числа мужиков, что зачастую и в поединке, или в повседневной жизни является мужеопределяющим фактором. Что же есть ДУХ – это сумма наработок, знаний, опыта, предыдущих поколений, сила корневой системы Рода (т.е. за спиной все родичи, кого нельзя покрыть позором). Это - внутренний стержень самого мужчины, т.е. воля, выдержка, уверенность в своей правоте и в своих силах. Внедряют эту уверенность дед, отец, наставники. Это способность принимать быстро нужное решение (в т.ч. и за близких), нести ответственность за каждое своё слово и каждый свой поступок, умение выходить из тяжёлых ситуаций с достоинством.

Я постарался взять основное, но не лишним добавить сюда такие качества как порядочность, честность, великодушие. Мужчина формируется в критических, экстремальных условиях. Это и есть сила духа, которую необходимо прививать мальчикам с раннего детства и не за партой. Не каждый отец может привить такие качества своему сыну, тем более, не говоря о матерях. Внутренний стержень мальчика формируется под воздействием внешних факторов и если школа вносит своим «воспитанием» отрицательные коррективы, то нагрузка на отца или близкого опекуна (как чаще бывает деда) в этом случае увеличивается, но непременно к армии процесс психического перехода подростка к мужской зрелости должен быть уже завершён. Далее у молодых мужчин могут быть другие «образовательные дисциплины», такие как формирование сознания мужа, семьянина, отца, или защитника отечества, или неформального лидера чего-либо, но стержень и дух, на то время, должны уже быть сформированы. **Бойцом возможно вам не быть, но быть мужчиной ты обязан.** Если рассматривать государство как механизм воздействия, управления и подавления, то запуганными биороботами управлять легче. Поэтому та же государственная система исправительных лагерей создана не для того, что бы исправить «оступившегося» малолетку, а для того, что бы «сломать» его ещё не окрепший, не покорный ДУХ.

Дети с младенчества впитывают в себя всё как губки и стараются во всем подражать старшим. Если сын постоянно видит папу-телка и авторитетную маму, дающую полностью всё своему чаду, получится ли из него глава семейства, кормилец и отец-учитель. Уверен, что нет. Если мать может принять жёсткую позицию: «Я сказала — сделай!», это означает, что она разрушает мужское Эго сына, женское начало – ставит выше мужского. Получится ли из него муж, посвящающий себя, помимо семьи, нуждам отечества. Наверное, тоже нет. А в какой же степени его тогда можно считать мужчиной? Ударь начальника, которого ненавидишь. Загони жену в кладовку, которая «пилит». Сделай первый в жизни шаг мужа.

Очень важно, что копирование отношений в семье между матерью и отцом перенесётся в будущем детьми уже в свои семьи, т.к. других отношений они не видят и любые демонстрируемые им, для них являются нормальными и правильными. Поэтому из дочери, не видевшей отстроенных отношений между отцом и матерью, мама - одиночка вырастит жену, не умеющую подчинятся, строить лад в доме с мужчиной, т.е. потенциальную «разведёнку» с обречёнными на полусиротство детьми. Поэтому 80% разводов в стране, происходят по причине не правильных внутрисемейных взаимоотношений. Кто из матерей задумывается при каждом слове, при каждом действии о своём влиянии сегодня через сына или дочь на устройство их будущих семей,

на будущих внуков (в такой же степени это касается и отцов). Неоднократно слышал от женщин: «Мужиков-то сейчас нет, все мужики перевелись». (Мужей нет – мужиков в штанах полно.) И при всём этом, каждая женщина желает иметь достойного мужа и от него здоровых и развитых детей, не вникая в вопрос, откуда желаемый муж должен взяться, или как «сработали» в своё время родители её избранника. Но ведь по логике «удачный муж» не падает с неба, он должен кем-то создаваться на протяжении многих лет. Но молодёжь об этом не задумывается, а подсказать им просто некому. Тем более, постепенно умерла предсвадебная традиция знакомства с укладом жизни семьи жениха и семьи невесты (сватовство).

Клубок переплетённых отношений в поколениях, имеет свой отпечаток на каждом младенце. Я уже говорю здесь не только о воспитании, но и о генетической наследственности, ведь каждое дитя является физической частью матери и частью отца. Это позже у дитя превалируют более сильные генокоды, а физическое и психическое здоровье изначально переходит от отца и матери.

Отсюда выходит, что хорошие или плохие мужи (равно как и жёны), не «появляются», а создаются старшим поколением, т.е. нами здесь и сейчас в процессе воспитания наших детей и внуков. А вот плоды нашего труда будет «пожинать» следующее поколение, как «пожинаем» мы сейчас за поколение наших родителей. Тем, у кого есть претензии к поколению родителей по поводу личной жизненной неудовлетворённости, следует обратить внимание на свой каждодневный «изнурительный» труд над «шлифовкой» своих детей, готовя их к роли профессиональных жён и мужей, а также соответственно мам и пап. Причём с последующей ответственностью за жизненные ошибки своих чад в будущем. Поэтому детям с детства необходимо внушать, что половые органы им даны Богом не для количественного совокупления, а для качественного продолжения Рода. Такова мера нашей ответственности, если хотите миссия, перед будущими поколениями и перед окружающими людьми.

В свете вышеизложенного, для тех, кто хочет углубится в эту тему, предлагаю рассмотреть такой вариант понимания устройства семьи. Семья – это ни шесть, ни семь Я, это **семя**, какого ты роду-семени (племени), т.е. из какой ты родовой семьи. Семья в историческом, и в культурном наследии русского народа, да и всех славян, являлась не просто важным, а единственно важным объектом, под который выстраивались функции государства. Будь то вопросы территориальные, безопасности, жизнеобеспечения, здоровья, образования или воспитания, решение их были «заточены» под интересы семьи. Т.е. часть обязанностей при управлении Родами, были перепоручены государству. Люди же, не имеющие ни земли, ни хозяйства, ни семьи, в зону обслуживания государства не попадали. (Сейчас же при насильственном внедрении толерантности всё перевёрнуто с ног на голову, целенаправленно уничтожен институт семьи, государство утратило функции обслуживания основы и ячейки общества. Поэтому многие вынужденно покидают Родину и рвут вековые родовые связи в поисках более достойного существования.)

Уточню значение слова **муж** (мужики в основном за кружкой пива о политике говорят). **Муж** – это чин, это статус, это **возвышенное**, выше его для жены и детей только БОГ. В глубоком понимании слова **муж** - есть ИДЕЯ, он же ДУХ. Дух семьи, дух Рода. Идея – это есть стремление, творчество, созидание. Соответственно и миссия мужа служить возвышенному: идеи, отечеству (государствоустройству, но ни как ни госструктурам), народу, т.е. божественному началу. Отечество – это есть каноны, замыслы по деяниям наших отцов, традиции, наша мораль, культура, язык. Муж принадлежит отечеству и несёт перед ним ответственность за свою семью. Главный приоритет для мужчины в семье – родители, причём в равной степени что свои, что жены. Вне зависимости от отношений, детям демонстрируется почтительное уважение к старшим и всемерная помощь им. Заветы, каноны, т.е. сохранение преемственности поколений по родовой памяти мужем передаётся через своих детей внукам и правнукам.

Теперь о матери. Женщина – это материя, это ЗЕМЛЯ. Как и мать-земля женщина рожает из семени (из мужского семени). Семя, как и в земле, превращается в плод. Т.е. женщина – это **несущая жизнь**, это основное и главное её назначение. Отождествляется со словом родИны, Родина. Родина – мать. Родина – это мой дом, моя земля и всё что связано с ними, моя семья, мой Род со всеми ушедшими предками. Жена – это МАТЬ дома, дома для детей, дома для всего Рода и для всего, что связано с всеобъемлющим понятием ДОМ (дом в данном понимании не является материальным объектом). Женщина выходит за мужа, служит мужу, подЧИНена и принадлежит мужу, защищена мужем, но как МАТЬ и как хранитель дома, главный приоритет для неё – дети. Женщина – продолжатель Рода мужа, она главная в доме и ей служат дети. Она несёт ответственность за детей перед мужем. Дети несут ответственность перед матерью. Детям же должно служить государство, которое несёт ответственность за их будущее.

Исходя из такого варианта миропонимания и устройства структуры семьи с культом Рода и ушедших предков, делаем вывод, что семья — это единый не делимый организм с установленными коном функциями каждого, переходящий из прошлого в будущее до бесконечности. Т.е. **в семье заключается связь времён и поколений,** естественное сохранение традиций и культуры. Исследователь русской истории и русского языка Виталий Сундаков предлагает эту версию взять на вооружение лишь тем, кто считает себя сопричастным к русской морали, традиции и культуре (остальные же могут по прежнему устраивать бытие своей семьи в материальной, безродовой плоскости с ублажением личных сиюминутных потребностей). Другие варианты устройства внутрисемейных отношений приводят к тому, что мы видим, как разводятся в ЗАГСах (до 80%) недавно созданных семей. Из вышеизложенного итог: данную статью часть читателей не смогут принять к осмыслению, другая часть будет в ней искать абзацы для критики и лишь незначительная часть возьмёт её на вооружение с целью подготовки молодняка в семьях для создания новых союзов молодожёнов и корректировки воспитательных процессов при общении с детьми. Так вот, та незначительная часть, которая способна всё понять и заниматься сохранением генофонда нации, на данный момент наиболее важна и значима. Нравственно и физически разлагающаяся нация может преобразоваться, пока существует источник сохранения генетического типа, пока есть люди, которые знают, как из источника делать «ручейки» и «речки». Т.е. будущее нации создаётся не телевизионными словоблудами, а находится реально в руках не заметных людей готовых каждодневно вкладывать свой труд в развитие нового поколения детей, во имя будущего России.

Павел Хуторянин. Rubin.Pavel@yandex.ru

Современное казачество России

КАКИМ ВИДИТСЯ АТАМАН В СОЮЗЕ КАЗАКОВ, ИСХОДЯ ИЗ ТРАДИЦИЙ, ДУХОВНОСТИ И КАЗАЧЬЕГО БРАТСТВА

Размышляя о складывающихся взаимоотношениях в Сибирском казачьем войске, в канун православного праздника «Преображение Господне», который напоминает нам о мудрости предков, необходимости милосердия, силе веры, при благоденствии, терпеливом внимании и бесценной заботой друг о друге, помогающим преодолевать проблемы на нашем жизненном пути с крепкой надеждой и спокойствием в душе и духовным очищением, я задумался о том, каким же на мой взгляд, должен быть по жизни современный атаман казачьей общины, сформированной на основе традиционных принципов, духовности и казачьего братства с учётом норм федерального законодательства.

Исходя из чего считаю, что атаман у потомственных казаков, а не реестровых назначенцев, безапелляционно подконтрольных властным структурам (хотя и среди них есть толковые люди) – это, в первую очередь брат, который всегда поймёт суть дела и, если потребуется придет на помощь, подставив своё плечо, а в определённых случаях справедливо и поправит. Всегда подскажет, всегда поможет и разъяснит, как все есть на самом деле. Как и к чему нужно стремиться, указав общую перспективу и направление деятельности. И всё это в первую очередь по известному воинскому принципу – делай как я.

При этом, свой авторитет и уважение, он должен заслужить! А для этого, набраться опыта и пройти совместные испытания, показав свои способности, уметь слушать и слышать чаяния, соблюдая казачьи принципы, традиции и православную веру, заложенные нашими прародителями, помня, что он один из равных, которому община доверила вести её дела, и не более. Как отметил великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов: «Уважения заслуживают те люди, которые независимо от ситуации, времени и места, остаются такими же, какие они есть на самом деле.»

Приказная форма уместна только в экстремальной ситуации и, в ходе непосредственной воинской службы, да и то не всегда. Атаман не должен играть в солдатики, быть цербером, насаждающим солдафонские порядки. Для казаков, – это неприемлемо. Оно не служит объединению в казачьем братстве. Какими бы насущными и необходимыми не казались бы атаману его действия, он не вправе забывать, во имя чего эти действия нужны, думать о последствиях, иначе они не будут поняты и приняты в казачьей среде, да и результат будет отрицательным. Важен не процесс, а итог, а он, вязнет у таких атаманов, которые ставят себя выше казаков и общаются только через команды, которые зачастую не подкреплены нормативной базой и общим мнением в казачьей среде. Приказами и директивами авторитет и уважение в казачьей среде не заработаешь.

Занимаясь по жизни, руководящей служебной деятельность, и довольно высокого ранга, могу отметить, что, часто доброе и уважительное слово, высказанная просьба делают больше, чем безапелляционный приказ и директива, особенно, если она надумана атаманом или его окружением и не состыкована с действующим законодательством и уставами общины. Неся свой крест, атаман не должен врать, утаивать свои огрехи, уметь признавать свои ошибки и даже осуждать себя за это, как нам указывает Святое Евангелие и преподобные Варсонофий Великий и Иоанн пророк: «Кто осуждает себя, того не осудит Бог», при этом лично приносить казакам извинения за свои огрехи, и быть готовым положить жизнь за други своя!.

В своей деятельности он должен стремиться к тому, чтобы быть у казаков первым после Бога, Пресвятой Богородицы и всех Святых, стремиться быть прежде всего духовным примером для остальных казаков. Эта планка высокая, но без стремления к ней атаманство – пустой звук. И если этого, по различным причинам не происходит, то – это не атаман, а чиновник, ставящий свои личные интересы выше обще-казачьих и рано или поздно казаки перестанут доверять такому деятелю, данный Богом пост. Так было с незапамятных лет, поэтому уверен, что так следует поступать и в современной действительности.

Вот таким, на мой взгляд, должен быть настоящий, а не числящийся на должности атаман – казачий БАТЬКО! За таким можно пойти хоть в огонь, хоть в воду и сделать неимоверно много благодеяний, которые были бы примером для окружающих, а если потребуется и душу положить. Только в таких условиях может сохраняться, а для молодёжи воспитываться, крепкий казачий дух общинника, способного постоять за други своя. Поэтому считаю, что изложенный мною подход, послужил 35 лет назад основой создания на добровольных началах Союза казаков и его общин на местах, объединивших вольных, духовно крепких людей, способных постоять за себя и своё Отечество.

Не будь этих скреп, казачий союз давно бы ушёл с исторической сцены. А я этого не хотел бы и вместе с казаками мы делаем всё возможное для реального продолжения

развития общин Союза казаков России на Ямале и Сибири. И это, вот уже более 35 лет. Возможно, мои мысли категоричны, но они основаны на размышлениях о братских взаимоотношениях в казачьих общинах, в которых православные принципы, контакты с духовными отцами, являются основой жизнеустройства. А их соблюдение в казачьей среде – обязательно от простого казака до руководителей различного уровня в нашем сообществе и атаманов. Этими принципами руководствовались наши прародители и, убеждён, что они должны составлять основу в казачьих общинах и в настоящее время. На этом выстраиваются взаимоотношения в Региональной общественной организации «Обско-Полярная казачья линия» Сибирского казачьего войска Союза казаков России на территории Ямало-Ненецкого автономного округа все эти годы с момента её учреждения в начале 90-х годов прошлого века.

С пожеланием добра и благополучия всем нам,

атаман, родовой казак в восьмом поколении В. И. Степанченко

19.08.2025 года

Пресс-служба ОПКЛ

Томский казак Александр Иванович Колобанов, композитор-песенник, стал в мае 2025 года Лауреатом II Всероссийского фестиваля-конкурса «Малая Родина – Великие песни». Поздравляем Александра Ивановича с заслуженной наградой!

К 80-ю окончания 2-й мировой войны

Нам надо перестать врать себе, что СССР, борясь с фашизмом, освобождал Европу

https://ruskline.ru/opp/2025/05/14/nam_nado_perestat_vrat_sebe_chto_sssr_boryas_s_fashizmom_osvobozhdal_evropu

Европу невозможно было освободить от фашизма, потому что каждая европейская страна никогда от фашизма не страдала, а была соучастником Германии...

История – это та школа, которую придётся посещать, даже если этого делать не хочется. Уроки, которые в этой школе озвучивают, требуется аккуратно конспектировать, прилежно зубрить, а ошибки лучше не повторять. Хотя… всего этого можно и не делать, если вас не интересует результат. Для нас, живущих уже в XXI веке, главным уроком Великой Отечественной войны является не тот статус-кво, который сложился в мае 1945-го, а те последствия, к которым он привёл сегодня.

Европа скоро поднимет дикий визг о необходимости перемирия на Украине

В своём скромном исследовании я не буду говорить про безусловные достижения, принесённые нам Великой Победой, среди которых главным является право на жизнь. Поговорим сегодня о тех ошибках, которые были допущены после окончания войны, и с единственной целью – не повторять таковые в будущем.

Главной и фундаментальной ошибкой русской цивилизации, как ни странно, является продолжение её главной добродетели, а именно – всепрощение. «Кто старое помянет, тому глаз вон», – провозгласил Советский Союз немедленно после того, как замолкли пушки.

И начал прощать. Широко и масштабно.

Репарации, востребованные с Германии, составили менее 1% от того ущерба, который Германия нанесла экономике СССР. Остальные соглядатаи 3-го Рейха, среди которых особенно пикантно смотрелась в качестве «победителя» Франция, чья дивизия «Шарлемань» штурмовала в 41-м Бородино, а в 1945-м – защищала Берлин, вообще отделались лёгким испугом.

Активное и всестороннее прощение оформили себе разнокалиберные «небратья», жизнерадостно поучаствовавшие в геноциде народов СССР, и прежде всего русского населения, а после войны списавшие свою русофобию на «отдельные эксцессы отдельных неуравновешенных личностей». Всевозможные и разнообразные эсэсовцы, «отмучавшись» под игом «русской оккупации», в результате которой тотально лапотное и нищее титульно-небратское население обрело собственное образование, науку, производство, оказались в XXI веке такими «пострадавшими», при одном виде которых русские, оказывается, должны каяться и платить, платить и каяться…

Таким же пострадавшим оказалось ВСЁ население Европы, смертельно оскорблённое существованием России вообще и каждого русского в частности. Оскорблённое настолько, что ни о каком праздновании Победы над нацизмом речь просто не может идти. Его нигде не празднуют и даже не отмечают. И из всего вышеперечисленного стоит один раз уже сделать выводы: Нам всем надо перестать врать самими себе, что СССР, БОРЯСЬ с ФАШИЗМОМ, освобождал Европу, ибо в этой формулировке верно только то, что выделено заглавными буквами. Европу невозможно было ОСВОБОДИТЬ от ФАШИЗМА, потому что Европа в целом и каждый европейский народ по отдельности никогда от фашизма НЕ СТРАДАЛИ. ФАШИЗМОМ ЕВРОПЕЙЦЫ НАСЛАЖДАЛИСЬ.

Британия и США – не исключение. Они создали Гитлера ровно также, как вчера создали Аль-Каеду, а сегодня создали ИГИЛ… И воевали они с ним также, как воюют сегодня с «басмачами» в Сирии, разбомбив за 4 года «упорных сражений» два джихадистских трактора и четыре туалета типа «сортир»…

Даже в «стране-победительнице фашизма» Франции воевавших в рядах нацистов было на порядок больше, чем в Сопротивлении. А что касается остального «цивилизованного еврочеловечества», то там Гитлеру аплодировали даже во сне, а нарукоплескавшись, ВСЕГДА записывались в убийцы русских радостно и с песнями. И этим они сейчас нисколько не смущаются и уж тем более не думают каяться.

Не было, оказывается, никакого геноцида русских, белорусов, украинцев (не путать с украми) во время 2-й мировой. Вообще не было. Не верите – почитайте публицистику «наших западных партнёров», полистайте учебники истории «цивилизованного мира».

Вам откроется чудный мир, где главным и единственным преступлением нацистов был исключительно и только геноцид еврейского населения, известного как Холокост. Холокост замечательно освещён, описан, задокументирован и всесторонне изучен. Немецкие школьники, политики и простые бюргеры чётко знают, что должны круглосуточно испытывать чувство вины перед еврейским населением. Несогласных ждёт уголовное преследование и участь изгоев. На века вечные немцам вбивают в головы, что убивать евреев нехорошо.

Совсем другая песня с русскими.

Про их истребление в годы Второй Мировой не говорят вообще. Никто и нигде. Задайте всемогущему Гуглю провокационный вопрос: «GENOCIDE against Russians» – получите массу интересной информации:

1) Про голодомор
2) Про массовые убийства коммунистического режима
3) Про миллионы, убитые лично Сталиным
4) Почему СССР не смог договориться с Гитлером

А вот про массовые убийства европейцами граждан СССР ничего найти не получится.

Не найдёте вы подпадающим под определение «геноцид» смерть каждого 4-го жителя Белоруссии, тысячи уничтоженных деревень и сёл, миллионы сожжённых заживо, расстрелянных, повешенных, заморенных голодом. ВСЕ жертвы 2-й мировой, по мнению «наших западных партнёров», это жертвы коммунистического режима и лично Сталина. Ничего не напоминает? Да-да, именно – донецкие сепаратисты, которые сами себя взрывают и расстреливают. Те же слова, тот же почерк. Один сценарист, один режиссёр.

Ну да Бог с ними, с «нашими западными партнёрами». Российские (и советские) исторические источники тоже почему-то круглосуточно жалеют нацистов, пряча за общими словами совершенно конкретные страны и этносы, приложившие руку к уменьшению числа славян на этом свете. А вот это совсем зря. Потому что авторы геноцида – не просто нацисты и совсем не только немцы.

А было бы весьма познавательно и показательно закрепить за каждой жутко обиженной на русских нацией, список их личных подвигов на территории, временно оккупированной Рейхом. Очень бы правильно и органично смотрелось в учебниках, фильмах, справочниках и прочей исторической литературе число мирных жителей СССР, уничтоженных итальянцами, венграми, румынами, испанцами, французами, бельгийцами, голландцами, норвежцами, латышами, литовцами, эстонцами и прочими, так ныне озабоченными «русской агрессией» и «русской угрозой».

И правильно было бы назвать этот мартиролог безвинных жертв «наших западных партнёров» так, как он и должен называться – геноцид, с распределением по каждому из цивилизаторских этносов его собственного вклада в «просвещение варваров» и избавление их от такого бремени, как физическое существование.

Фанатам латышских эсэсовцев, которые так рьяно считают ущерб от «советской оккупации», можно было бы напомнить, что только в течение одной карательной операции «Winterzauber» в одном только Освейском районе ими было сожжено 183 деревни, расстреляны и сожжены 11 383 чел. (из них 2118 детей в возрасте до 12 лет), 14 175 жителей были вывезены на работы — взрослые в Германию, дети в Саласпилсский концлагерь…

Напомнить и так ненавязчиво спросить: «А возместить не желаете?» А заодно поинтересоваться, что было бы, если бы хотя бы 1% содеянного ими (и их немецкими хозяевами) про-

изошло не на территории СССР, а на территории США? Простые американцы, после ознакомления с такими насквозь документальными картинами, как «Иди и смотри!» почему-то заявляют, что нации, чьи представители были бы замешаны в таких образцах «цивилизованности», сегодня просто перестали существовать…

Но ещё раз повторяю, в первую очередь такой скрупулёзный подсчёт и такое детальное описание деяний европейцев требуется именно подрастающему поколению в самой России, чтобы они чётко понимали, с кем имеют дело и что можно ждать от «наших западных партнёров» – начиная с «братушек» и небратьев и заканчивая знойными озорными испано-итальянцами, которые неплохо так поозорничали на пути к Волге. Вот тут, например, очень небольшой отчёт об этих «проказах»

Соответственно, и приём международных делегаций правильно было бы начинать с минуты молчания у соответствующих памятников – для посланцев испанской короны – у памятника жертвам геноцида от рук испанских захватчиков, для мадьяр – у памятника жертвам геноцида от рук венгерских захватчиков, для хронически обиженных прибалтов – у памятника жертвам геноцида от рук эстонских, латышских, литовских нацистов – и так далее по списку ЕС. И как только какая-нибудь сволочь заикнётся про «зверства советских войск» и «ужасы советской оккупации», сразу его туда – к персональному памятнику деяний его собственной нации с тем же вопросом – «как за геноцид русских (белорусов, украинцев…) отвечать собираетесь?»

Больше и громче всех сегодня орут про русскую природную агрессивность те, кто очень деятельно и разнообразно пытался (и продолжает пытаться) уменьшить количество русских на этой планете. Убийцы сегодня обвиняют в агрессивности тех, кого они пытались убить, но у них не вышло. Очаровательно, не правда ли? Нет, то, что это делает коллективный Запад, это нормально, он всегда воспринимал Россию, как корм, а население России, как досадную помеху на пути к этому корму. Плохо то, что мы про это говорим преступно мало…

«Без ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ природных богатств России системные проблемы Запада сегодня не решить!», – буквально хором скандируют сегодня «наши западные партнеры»… И не только сегодня… Сегодня они просто не подозревают, как похожи они на своих предшественников, объявивших своим священным долгом борьбу за Lebensraum (либенсраум), приведшую их в СССР, где под Москвой и на Волге на них «напал коварный Сталин»…

Они же про этот геноцид даже не знают и в упор своих "подвигов" не видят. Но это полбеды. Главное, что про этот геноцид начали забывать мы сами, пряча его под жёстокость самой войны и как-то смущаясь, что именно геноцид и был целью этой войны. А молодому поколению про это даже и узнать негде. Молодёжь не знает и не догадывается, что если только на секунду дать слабину, Запад будет готов повторить всё, что уже проделывали их предки на 1/6 части суши. они даже уже демонстрируют, как это будет выглядеть – на примере Одессы и Донбасса. Геноцид русских? Нет, не знаем…

Если оставить дипломатам дипломатово, мы, обычные люди, на самом-то деле понимаем, что эти «потерпевшие европейцы» в 1941-м абсолютно сознательно и с всемерным энтузиазмом выбрали в той войне не нашу сторону. И в грядущей – не дай Господь – с энтузиазмом повторят свой «подвиг». Впрочем, почему же в будущем времени? Они уже его настойчиво повторяют!

«Они жутко боятся нашего Дня Победы»

Неистовые укры от имени и по поручению «наших западных партнеров», на их деньги и с непосредственным участием их специалистов, расстреливают, жгут, гноят в тюрьмах мирных жителей Новороссии и Малороссии, спешно доделывая то, что не успели доделать заплечных дел мастера 3-го Рейха.

Террористы с самыми замысловатыми арабскими названиями (в том числе и гнуснопрославленная ИГИЛ), которых содержат и которым оказывают информационную, разведывательную и военную поддержку ЦРУ и Моссад, Пентагон и НАТО, взрывают, режут, пре-

вращают в беженцев своих соседей, говорящих на русском языке и тех, кто посмел им симпатизировать.

ВСЕ «республики» Средней Азии уже от души поучаствовали и продолжают участвовать в геноциде русского населения и уничтожении русской культуры. А вот поди ж ты (Россия - щедрая душа) до сих пор получают многомилионные подкормки из Российского бюджета (Привет Киргизии).

Что делать?

1. Ничего не требовать и не просить от «наших западных партнеров». В том числе уважения нашего праздника нашей Победы. Потому что это не наша и их Победа. Это – НАША победа над ними. Над всеми. И над теми, кто с оружием в руках нападал, кто науськивал и тихо грел руки на военном пожаре. Они ВСЕ – проигравшая сторона, потому их и корёжит, болезных. Просто необходимо дополнить учебники истории реальной ролью наших «партнёров» по антигитлеровской коалиции в победе нацизма в Европе, в его распространении по всему миру. Потому что сейчас они делают то же самое. ИГИЛ – детище ЦРУ и МОССАД – это реинкарнация коллективного Гитлера. Мы должны оставить нашим детям маркёры, пользуясь которыми, они смогут определить, откуда это зло берётся и кто является главным бенифициаром его активности.

2. Не забывать. Не забывать – это серьёзная работа, требующая и времени и средств. В рамках этой работы я прошу присылать ко мне в комментариях или личным сообщениям любые ссылки на документальные материалы геноцида русского населения с указанием конкретных потерь и авторов этого действа. Мы всё-таки сделаем карту в виде открытого ресурса, на который каждый сможет добавить собственную информацию и собственное расследование. Эта карта – не для того, чтобы над нею рыдать, а чтобы помнить, где географически затаилась самая большая угроза, чтобы её вовремя локализовать и не выпускать из виду.

3. Не кормить русофобов. Это вообще уникальное явление в мире, когда кормящиеся из российского бюджета «партнёры» не стесняются своей русофобии и даже ею бравируют. В Латвии, например, только в одном представительстве российской компании – в Лукойле, можно спокойно общаться на русском. В дочерних компаниях Газрома или Роснефти лучше этого не делать, чтобы не нарваться на нарочитое непонимание, а то и на жалобу в инспекцию госязыка (есть такая профессиональная русофобская государственная организация). Поэтому, параллельно с созданием карты русского геноцида, было бы неплохо создать и постоянно обновлять карту очагов русофобии за счёт населения России. Причём мы ничуть не покушаемся на право любого человека быть русофобом. Ради Бога, но только не за наш счёт.

4. Быть готовым. Ибо они обязательно полезут. У них просто нет другого выхода. Точнее у них очень скудный выбор между «Дранг нах Остен» и гражданской войной на собственной территории. И уже даже самым конченым оптимистам стало ясно, что они выбрали первое. Они всегда выбирают первое. Это их нормальное естественное состояние.

Осталось только определить, где, как и за счёт чего будет реализована новая попытка нового блиц-крига.

И всё это – не позирование и не рефлексирование.

Всё это – элементарные гражданские меры по обеспечению собственной безопасности и безопасности своих детей.

«Наши западные партнеры» и их многочисленные слуги из числа «небратьев» так часто обещали нас убить, что мы им, наконец, поверили.

Уроки истории надо учить, чтобы они не превращались в трагедии.

Альфред Крумин,
политический обозреватель и сопредседатель
Антифашистского фронта Латвии.

Сатира и юмор

Политический карнавал «Маски-шоу»

Два лица из одного яйца

Рис. А. Толкачёва

Фразы из Интернета

- Некоторые думают, что они поднялись, а они просто всплыли.

***

- Чем умнее человек, тем честнее он вас обманет.

***

Грузинская пословица:

Перья, случайно прилипшие к заднице, никого ещё не сделали орлом.

***

На вас посмотришь – сразу станет легче… Уже не стыдно за себя.

***

Умные женщины направляют мужчину, глупые управляют им, дуры – командуют.

***

- Пожилой мужчина из Вашингтона перевёл мошенникам из Украины 61 миллиард долларов.

***

Зеленский на прогулке с Трампом:
- Дяденька Трамп, мы идём в НАТО?
Трамп:
- Нет, Вовочка, в детдом, задолбал ты уже всех.

***

Странное время

Опять пустые разговоры,
С концами не свести концы,
Нас учат честной жизни воры
И благородству - подлецы.

Не согласен - критикуй,
критикуешь - предлагай,
предлагаешь – делай,
делаешь – отвечай.

8 мая празднуют проигравшие, 9 мая празднуют Победители!

РОССИЯ
МАТУШКА

«Мы русские!
С нами Бог»!
А. Суворов